



ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2020

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание



Могилев
Могилевский институт МВД
2020

ISBN 978-985-7155-59-0 (on-line)
ISBN 978-985-7155-58-3 (CD)

- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (on-line), 2020
- © Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD), 2020

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное сетевое текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. — Режим доступа: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/4287. — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-7155-59-0.

В сборник вошли научные статьи, представленные на III Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (14–15 мая 2020 года), организованную кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные вопросы развития теоретического юридического знания, особенности современной методологии познания правовых явлений, различные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры личности и общества, исторические аспекты правовой культуры белорусского общества.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Язык публикаций — русский, белорусский, английский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: rio@institutemvd.by
<http://www.institutemvd.by>

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2020

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (CD),
2020

[Перейти к сведениям об издании 2 3](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Загл. с экрана.

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор), заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Борисенко, проректор по научной работе Могилевского института МВД, кандидат исторических наук, доцент;

Л. Ф. Лазутина, профессор кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат экономических наук, доцент;

А. Э. Борщевская, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук (Украина)

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Рецензенты:

заведующий кафедрой административного и хозяйственного права
Запорожского национального университета (Украина)
доктор юридических наук, профессор *В. К. Колпаков*;
начальник научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент *Д. Б. Данилов*;
заведующий кафедрой юридических дисциплин
ЧУО «БИП — Институт правоведения» (Беларусь)
кандидат юридических наук, доцент *Ж. В. Третьякова*

Сведения о программном обеспечении:

современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Н. А. Наумович*
Корректоры *Т. Ю. Лухтанова, Н. А. Родионова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 14.05.2020.
Объем 8,5 Мб. Заказ № 5.

[Перейти к титульному экрану](#)

[Перейти к сведениям об издании 1 2](#)

[Перейти к статьям](#)

[Перейти к титульному экрану](#)

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 347.44

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СМАРТ-КОНТРАКТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. А. Амельченя

доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности,
кандидат юридических наук, доцент,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

e-mail: aua_post@tut.by

Аннотация. В статье приведены некоторые особенности смарт-контракта в условиях действия правового эксперимента по его применению.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, договорные обязательства.

Annotation. The article is based on researching some issues of smart-contract within legal experiment of its implementation.

Keywords: smart-contract, blockchain, contract obligations.

По мере развития информационных технологий правовые конструкции меняются, поскольку преобразуются регулируемые общественные отношения.

Тем не менее возникает вопрос о том, действительно ли информатизация или цифровизация преобразует общественные отношения. При глубоком осмыслении можно прийти к выводу о том, что сущность отношений остается тем не менее неизменной, изменяются формы их существования или осуществления.

Гражданско-правовая сфера, в отличие от публичных сфер, всегда отличалась гибкостью, разнообразием отношений, развитием, появлением новых их видов. Это обусловлено действием основных начал гражданского законодательства (статья 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), диспозитивностью при регулировании гражданских отношений, проявлением «мягкого» права.

Именно в ней создаются условия для появления новых форм, видов отношений.

На каком-то этапе такие новые элементы гражданских отношений требуют правового регулирования. В частности, это и произошло с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифро-

вой экономики» (далее — Декрет № 8). Им на условиях правового эксперимента «для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь» (пункт 5 Декрета № 8).

В Декрете № 8 закреплена правовая возможность для резидентов Парка высоких технологий осуществлять совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта. При этом лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное (подпункт 5.3 пункта 5 Декрета № 8).

На первый взгляд, норма понятна и однозначна: указанные субъекты совершают сделку, исполняют ее посредством технологии смарт-контракта; действует презумпция согласования и понимания сути всех условий такой сделки, выраженной программным кодом. Но при более детальном рассмотрении возникает ряд вопросов: с какого момента сделка считается совершенной; считается ли письменная форма сделки соблюденной при ее совершении посредством смарт-контракта; следует ли ставить вопрос о недействительности сделки и по каким основаниям, если она совершена посредством смарт-контракта; может ли идти речь о договоре как сделке; как идентифицировать сторон сделки; какой момент будет определять необходимость исполнения смарт-контракта; какие субъекты и (или) технологии будут задействованы при совершении и (или) исполнении сделки; как сторонам согласовать и понять суть сделки, если им непонятен программный код в отсутствие специальных знаний (языка программирования). Эти и иные вопросы требуют своего осмысления и поиска ответов в первую очередь для того, чтобы сделать однозначный вывод о том, требуется ли имплементация соответствующих норм в гражданское законодательство Республики Беларусь или нет.

Более того, сфера применения технологии смарт-контракта уже расширена за счет ее использования Национальным банком Республики Беларусь и участниками межбанковской системы идентификации в отношениях между собой и (или) с иными юридическими и физическими лицами. Право использовать смарт-контракты появилось при совершении и (или) исполнении сделок, иных юридически значимых действий при осуществлении банковских, других финансовых операций и иной деятельности (подпункт 1.13 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях»). Так же, как и в Декрете № 8, закреплена презумпция осведомленности об условиях сделки, выраженных программным кодом, пока не доказано иное.

Российские исследователи отмечают, что «умные» контракты демонстрируют новый этап в развитии автоматизации договорных отношений: они могут не только заключаться без участия человека, но и исполняться без участия человека. При этом исполнение договора в данном случае предполагает автоматизированную передачу определенного актива» [1].

В действующем законодательстве, которое применяется в условиях правового эксперимента в соответствии с Декретом № 8, смарт-контракт определяется как программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий (пункт 9 приложения 1 к Декрету № 8).

В свою очередь, блокчейн или реестр блоков транзакций как правовая категория в Декрете № 8 определен как выстроенная на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях (пункт 8 приложения 1 к Декрету № 8).

Действительно, особенность смарт-контракта состоит в том, что он «может функционировать только в определенной среде — блокчейне или другой распределенной информационной системе» [2].

Это, в свою очередь, не позволяет идентифицировать сторон — лиц, подписавших смарт-контракт. «Смарт-контракт гарантирует, что субъект А. подписал программный протокол с субъектом В. Однако, в отличие от ЭЦП, в случае блокчейн-подписи достоверно идентифицировать субъекта нельзя. Причина — отсутствие сертификата открытого ключа, благодаря которому можно идентифицировать сторону и определить ее полномочия.

Тем не менее иные действия (почтовая переписка, бумажные документы, конклюдентные действия) способны снизить вероятность ненадлежащего субъектного состава» [3]. В то же время этот вопрос может быть решен через нормы Декрета № 8, который «предусмотрел, что, если предложение заключить договор поступило в виде кода, простая письменная форма сделки, в том числе внешнеэкономической, считается соблюденной» [4].

Это обусловлено действием нормы в части 4 пункта 21 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12. Так, простая письменная форма сделки, в том числе внешнеэкономической, совершаемой с участием резидента Парка высоких технологий, считается соблюденной, если предложение заключить договор, в том числе в виде программного кода, электронного или иного сообще-

ния, сделанного с использованием электронной или иной связи, информационных систем или информационных сетей, принято в соответствии с пунктом 3 статьи 408 ГК или иным способом, установленным актами законодательства или предложением заключить договор, независимо от наличия в таком предложении подписи, в том числе электронной цифровой подписи, если обстоятельства заключения договора позволяют определить, что оно исходит от стороны по договору.

Условия среды, в которой существует смарт-контракт, предполагают его механизм следующим: «программный код, который содержит данные об условиях сделки, загружается в информационную среду, а затем он самостоятельно отслеживает действия сторон и принимает решения по исполнению договора» [2].

Соответственно, он создается на блокчейн-платформе (одной из известных является Ethereum), представляя собой «алгоритм, который срабатывает по системе «IF — THEN — ELSE» («если... — то... — иначе...»). Иными словами, если (IF) мы поставили необходимый товар, начинает выполняться следующее предусмотренное сторонами условие (THEN). Например, поставщику перечисляется оплата. В противном случае (ELSE) происходит альтернативное событие. Например, товар не поставили — деньги возвращаются покупателю» [4].

Таким образом, по своему правовому содержанию норма Декрета № 8 о смарт-контракте позволила использовать данную конструкцию в отношениях между резидентами Парка высоких технологий, также при совершении и (или) исполнении сделок, иных юридически значимых действий при осуществлении банковских, других финансовых операций и иной деятельности. Но при последующем расширении сферы применения смарт-контрактов, очевидно, необходима специальная регламентация гражданско-правовых аспектов действительности сделки, корректировка норм о форме сделки, о моменте исполнения смарт-контракта и иных.

1. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Сташко В. Э. Декрет № 8: смарт-контракт, заверения, безотзывные доверенности [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Воробей А. В. Смарт-право. Заключаем договор с применением блокчейн-технологий [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Макаев Н. В. Смарт-контракты в Беларуси, или Что? Где? Когда? [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.91

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. С. Андриенко

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,

Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)

e-mail: airene_2014@ukr.net

***Аннотация.** В научной статье исследована сущность исполнительного производства как завершающей стадии гражданского процесса, осуществлен анализ концептуальных подходов к его пониманию и места исполнительного производства в системе процессуальных отраслей права.*

***Ключевые слова:** принудительное исполнение судебных решений, исполнительное производство, стадия гражданского процесса, гражданское судопроизводство.*

***Annotation.** In the scientific article essence of executive production is investigated as to the finishing stage of civil procedure, the analysis of the conceptual going near his understanding and place of executive production is carried out in the system of the judicial fields of law.*

***Keywords:** a force execution of court decisions, executive production, stage of civil procedure, civil rule-making.*

Исполнительное производство является одним из самых действенных механизмов защиты прав, свобод, интересов человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства. Однако недостаточная разботанность целого ряда проблемных спорных моментов, возникающих в практике использования законодательства об исполнительном производстве, зачастую приводит к незащищенности прав собственника и других заинтересованных лиц и дорого обходится как отдельным участникам гражданского оборота, так и государству в целом, а потому требует значительного обновления.

Современный этап перестройки исполнительного производства в условиях, когда правовая наука все больше влияет на общественные отношения, требует соответствующего основательного правового анализа. В то же время невозможно анализировать соответствующую процедуру совершения юридически значимых функций без определения этой процедуры в правовой системе Украины [1].

В научной литературе вопрос природы исполнительного производства и его места в системе правовых средств защиты стал предметом многих научных исследований специалистов различных отраслей права. В работах А. Д. Битяк, М. А. Гурвича, П. П. Заворотько, В. К. Колпакова, И. Б. Морозовой, Н. Г. Салищева, В. И. Тертишниковой, Н. М. Тищенко, М. К. Треушниковой,

С. Я. Фурсы, В. М. Шерстюк, В. К. Шкарупы, М. И. Штефана, С. В. Щербак, В. В. Яркова и др. представлены результаты исследований различных аспектов исполнительного производства. В то же время процессы реформирования деятельности Государственной исполнительной службы обуславливают актуальность указанных вопросов.

Целью данного исследования является анализ концептуальных подходов к пониманию сущности исполнительного производства и определения его места в системе процессуальных отраслей права.

Напомним, что традиционно наука гражданского процессуального права исполнительное производство определяла как заключительную стадию гражданского (арбитражного) процесса. Именно этой точки зрения придерживались большинство ученых советского периода. Весомым аргументом послужило то, что нормы, регулирующие деятельность суда и судебных исполнителей по исполнению судебных решений и других правоприменительных актов, содержатся в гражданском процессуальном кодексе. А именно, кодексы УССР 1924 г. и 1929 г. содержали отдельные части под названием «исполнения судебных решений и определений».

Такой подход стал аксиомой в гражданском процессуальном праве и долгое время не подвергался сомнению. Характерная особенность советского гражданского судопроизводства заключалась в том, что оно должно не только обеспечивать правовое и быстрое рассмотрение гражданских дел, но и на всех стадиях гражданского процесса создавать условия, необходимые для исполнения судебных решений для достижения полного возобновления нарушенного права [2, с. 3].

Современные исследователи этого вопроса (В. В. Комаров и В. В. Баранкова) доказывают, что связь исполнительного производства с предыдущими стадиями судебного процесса определяется единством целей, закрепленных законом для всего судопроизводства в целом, и заключается в защите прав и охраняемых законом интересов. Процесс защиты права после вынесения решения и вступления его в законную силу продолжается в форме исполнительного производства, составляет заключительную стадию гражданского процесса [3].

Как заключительную и обязательную стадию гражданского процесса исполнительное производство определяет С. М. Пелевин [4]. Автор доказывает, что стадия исполнения является следствием рассмотрения и разрешения гражданского дела; защита субъективных гражданских и законных интересов находит в ней свое реальное воплощение; эта стадия не переходит ни в какую другую стадию гражданского судопроизводства.

Соглашаясь с такой позицией, определение исполнительного производства в составе гражданского процесса не вызывает никаких возражений. Однако еще в советское время появились альтернативные подходы к принадлежности исполнительного производства.

Так, М. К. Юрков пришел к выводу, что совокупность норм, регулирующих отношения по исполнению решений юрисдикционных органов, представляет собой отдельное правовое образование — исполнительное право, которое имеет специфический предмет правового регулирования, собственные принципы, особый метод правового регулирования, а также общие положения [5]. По мнению ученого, исполнительное производство — это комплексная отрасль права, к предмету которой входят как процессуальные, так и материально-правовые отношения, неоднородные по своему содержанию и отраслевой принадлежности. На этой основе обосновывалась идея о выделении исполнительного права в самостоятельную отрасль права.

В. М. Шерстюк предлагает рассматривать исполнительное производство как самостоятельную отрасль права исходя из неоднородности правоотношений, возникающих при исполнении решений различных юрисдикционных органов и правоотношений гражданского процесса [6].

Аналогичной позиции придерживаются и ряд ученых процессуалистов Украины. Например, Ю. Белоусов считает, что исполнительное производство должно быть отделено от любой другой отрасли права, в частности, от гражданского процессуального права, и занять самостоятельное место в системе права и получить название гражданского исполнительного права [7].

В. И. Тertiшников также отмечает, что нормы права, регулирующие исполнительное производство, не относятся ни к гражданскому процессуальному, ни к административно-процессуальному праву, а представляют собой новую отрасль права — гражданское исполнительное право, поскольку имеют свой предмет правового регулирования (отношения по организации и порядку деятельности органов государственной исполнительной службы) и метод правового регулирования. Схожесть методов гражданского процессуального и административного права, но в области других правоотношений он в основном сводится к власти и подчинению, особым юридическим фактам и санкциям гражданско-процессуального и административного характера [8].

В то же время ряд ученых являются сторонниками признания административно-процессуальной природы исполнительных правоотношений. С. Я. Фурса и С. В. Щербак, исходя из положений действующего законодательства, пришли к выводу о том, что исполнительное производство должно войти в структуру административного процесса. На их взгляд, в системе административного процессуального права исполнительное производство будет занимать место одного из

видов производства наряду с такими, как производство по делам об административных правонарушениях, дисциплинарное производство и др. В качестве аргумента определяются следующие основания: принадлежность Государственной исполнительной службы к структуре Министерства юстиции Украины; наличие у государственного исполнителя правового статуса государственного служащего; определение правоотношений в связи с проведением исполнительных действий к административно-процессуальным; наличие административной ответственности в исполнительном производстве и т. д. [1].

Видится, что ни один из альтернативных подходов к определению природы исполнительного производства не является оправданным. Поддерживая точку зрения ученых [9], правосудие следует понимать в широком измерении как деятельность суда по рассмотрению спора и исполнения судебного решения. Исходя из этого, вряд ли можно рассматривать как независимый предмет правового регулирования общественные отношения, которые складываются в процессе исполнительного производства. Эти отношения имеют производно-вспомогательный характер и в полной мере отражают основную модель гражданских процессуальных отношений. Разница заключается лишь в том, что в данном случае речь лишь идет о заключительной стадии гражданского процесса, в которой реализуется судебное решение и в которой исполнитель функционирует под контролем суда.

1. Фурса С. Я., Щербак С. В. Виконавче провадження в Україні : навч. посіб. К. : Атіка, 2002. С. 25–34. [Вернуться к статье](#)
2. Загорюк П. П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения. М., 1974. 360 с. [Вернуться к статье](#)
3. Виконавче провадження / В. В. Комаров [та ін.]. Право, 2014. 704 с. [Вернуться к статье](#)
4. Мусин М. А. Гражданський процес / под ред. М. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 1998. 370 с. [Вернуться к статье](#)
5. Юков М. К. Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР: науч. труды Свердловск. юрид. ин-та, Свердловск, 1975, Вып. 40. С. 91–97. [Вернуться к статье](#)
6. Шерстюк В. М. Основные проблемы системы гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. С. 66–78. [Вернуться к статье](#)
7. Білоусов Ю. Цивільне виконавче право як самостійна галузь права // Газета «Закон і Бізнес». 3–9 лютого 2001 р. С. 3. [Вернуться к статье](#)
8. Тертышников В. И. Гражданский процесс: конспект лекций. Харьков, 2002. С. 197. [Вернуться к статье](#)
9. Талан С. Виконавче провадження в структурі цивілістичного процесу // Вісник академії правових наук України. 2009. № 2. С. 100. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.32/347.44

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

О. А. Бакиновская

начальник отдела исследований в области
гражданского, экологического и социального права,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь
e-mail: bakinov187@mail.ru

***Аннотация.** В статье с теоретико-правовых позиций рассматриваются вопросы классификации договоров в сфере осуществления инвестиций. При этом затрагивается значение классификации в юриспруденции с точки зрения методологии систематизации научных знаний. За основу классификации взяты поименованные в действующем законодательстве договорные конструкции инвестиционного характера.*

***Ключевые слова:** договор, инвестиции, договоры в сфере осуществления инвестиций.*

***Annotation.** The article describes the classification of contracts in the field of investment from the legal perspective. At the same time, the importance of classification in jurisprudence from the point of view of the methodology of systematization of scientific knowledge is affected. The classification is based on investment-type contractual constructions named in the current legislation.*

***Keywords:** contract, investment, investment agreements.*

В настоящее время продолжает сохранять свою актуальность проблематика привлечения инвестиций в экономику Республики Беларусь, несмотря на предпринятые положительные меры по формированию благоприятного инвестиционного климата. Планомерная работа по созданию наиболее привлекательных условий для осуществления инвестиций должна быть направлена в том числе на создание эффективного правового поля, обеспечивающего максимально выгодные по сравнению с другими юрисдикциями законодательные рамки инвестиционной деятельности.

Одним из инструментов, опосредующим инвестиционный процесс, являются договоры в сфере осуществления инвестиций. С теоретико-доктринальных позиций представляет интерес проблематика их классификации по различным основаниям, попытка которой и будет предпринята в настоящей статье. Значение классификации для развития теоретического юридического знания заключается в том, что с ее помощью мы упорядочиваем существующий нормативный материал, подходы исследователей, правоприменительную практику и тем самым приводим разрозненный правовой массив в определенной сфере в стройную логически обоснованную систему, позволяющую определить

степень достаточности правовых конструкций в исследуемой области общественных отношений.

Нами разделяется высказанная в юридической литературе точка зрения, что «методологическая ценность классификации состоит в том, что она одновременно позволяет подвести итог достигнутого знания и выступить очередным импульсом дальнейшего исследования» [1]. При этом, по справедливому замечанию Е. В. Чуманова, «классификация в законодательстве при внешней беспристрастности может использоваться для целенаправленного регулирования правового поведения с учетом тех или иных социальных интересов. При ее умелом использовании содержание отдельных правовых норм, в целом нормативно-правовых актов становится понятным или, напротив, недоступно сложным, абсолютно точным либо безгранично неопределенным» [2].

Традиционно классификацию договоров производят по дихотомичному принципу, который предполагает деление понятий на две группы, из которых одну характеризует наличие основания (критерия) классификации, а другую — его отсутствие [3]. Вместе с тем полагаем допустимыми и иные принципы классификации, в том числе с учетом подходов действующего законодательства.

Статья 17 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее — Закон об инвестициях) устанавливает, что инвестор имеет право на заключение договора (договоров) с Республикой Беларусь, связанного (связанных) с осуществлением инвестиций, в порядке и на условиях, установленных законодательством Республики Беларусь. При этом такой критерий, как «связанность с осуществлением» инвестиций, в инвестиционном и в ином законодательстве не раскрывается. Разновидностью договоров, связанных с осуществлением инвестиций, является инвестиционный договор с Республикой Беларусь. Данный вывод следует из системного толкования ч. 1 и ч. 2 ст. 17 Закона об инвестициях.

Анализируя специфику ч. 1 ст. 17 Закона об инвестициях, профессор Я. И. Функ отмечает, что «скорее всего речь идет о каких-то иных договорах, которые имеют правовую природу, отличную от природы гражданско-правовых договоров и сходную с природой инвестиционного договора. Иными словами, наряду с инвестиционным договором, который, безусловно, относится к разряду тех договоров, о которых говорит ч. 1 ст. 17 Закона об инвестициях к договорам, которые имеют право заключить с Республикой Беларусь инвесторы, относятся и иные договоры, «сходные по природе с инвестиционным договором» [4]. И далее профессор Я. И. Функ указывает на «резервный» характер вышеназванной нормы.

Другой белорусский автор, Т. И. Манцевич, отмечает, что «статья 17 Закона определяет право на заключение с Республикой Беларусь договора при реализации инвестиционного проекта. В настоящий момент (по сост. на 26.02.2014 г. — О. Б.) с Республикой Беларусь инвесторы имеют право при соблюдении установленных требований законодательства заключить два вида договоров: инвестиционный и концессионный» [5]. Таким образом, Т. И. Манцевич не предполагает резервного характера данной нормы, а исходит из наличия законодательно обеспеченной возможности заключения определенных соглашений инвестиционной направленности с Республикой Беларусь. В этой связи возникает вопрос — сфера действия ч. 1 ст. 17 Закона об инвестициях покрывает только поименованные в законодательстве договоры, связанные с осуществлением инвестиций, или включает в том числе непоименованные.

На момент подготовки настоящего материала мы склоняемся ко второму варианту, поскольку речь идет о праве инвестора на заключение, но не содержится упоминания об обязанности со стороны Республики Беларусь в обязательном порядке заключить такое соглашение. Ограничив сферу действия ч. 1 ст. 17 Закона об инвестициях только поименованными соглашениями, мы бы тем самым необоснованно ограничили бы принцип свободы договора.

Наличие в Законе об инвестициях упоминания только о вышеобозначенных конструкциях не означает, что к числу договоров в сфере осуществления инвестиций относятся такого рода соглашения исключительно с Республикой Беларусь.

Исходя из широкого понимания категории «договоры в сфере осуществления инвестиций», полагаем, что по меньшей мере к таковым могут быть отнесены соглашение о государственно-частном партнерстве, концессионный договор.

В данном случае, подвергнув классификации упоминаемые в Законе об инвестициях договорные конструкции, мы видим, что объединяющим их общим признаком является то, что одной из сторон такого договора всегда выступает Республика Беларусь.

Вместе с тем очевидно, что договорные конструкции в сфере осуществления инвестиций гораздо шире по своему спектру, чем упоминаемые в ч. 1 ст. 17 Закона об инвестициях. Поэтому предлагаем в качестве одного из оснований классификации взять способы осуществления инвестиций, предусмотренные ст. 4 Закона об инвестициях. Так, на территории Республики Беларусь инвестиции осуществляются следующими способами:

созданием коммерческой организации;

приобретением, созданием, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества, за исключением случаев приобретения или строи-

тельства гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства жилых домов, жилых помещений для проживания этих граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства и (или) членов их семей;

приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности;

приобретением акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации;

на основе концессии;

иными способами, кроме запрещенных законодательными актами Республики Беларусь.

Применительно к данным способам можно выделить соответствующие договорные конструкции, которые, безусловно, можно отнести к договорам в сфере осуществления инвестиций.

Например, договоры в сфере создания коммерческой организации, имеющие инвестиционную направленность, — это учредительный договор (например, при учреждении хозяйственного товарищества), договор о создании хозяйственного общества, акционерные соглашения.

Так, согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее — Закон о хозобществах) решение об учреждении хозяйственного общества может приниматься учредителями путем заключения договора о создании хозяйственного общества. В данном договоре должны быть определены порядок осуществления учредителями совместной деятельности по созданию хозяйственного общества, их права и обязанности по созданию хозяйственного общества, в том числе порядок подготовки проекта устава хозяйственного общества и т. д.

В свою очередь в акционерном соглашении согласно ст. 90-1 Закона о хозобществах определяется порядок осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) особенности осуществления прав на акции. При этом сторонами данного соглашения являются акционеры, которые обязуются осуществлять определенным образом права, удостоверенные акциями, и (или) права на акции и (или) воздерживаться от осуществления указанных прав.

К договорам, опосредующим приобретение, создание, в том числе путем строительства, объектов недвижимого имущества, можно отнести договор купли-продажи недвижимого имущества, договор долевого строительства коммерческой недвижимости, договор строительного подряда. Вместе с тем обозначенные нами договоры однозначно имеют гражданско-правовой характер и в свою очередь обладают характеристиками, присущими традиционному гражданско-правовому договору.

К договорам, связанным с приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности, можно отнести договор уступки исключительного права, лицензионный договор и договор о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности.

Приобретение акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации, опосредуется договорами купли-продажи акций, долей, паев в имуществе коммерческой организации.

В качестве самостоятельного способа осуществления инвестиций в Законе об инвестициях выделяется концессия, которая опосредуется заключением концессионного договора.

Поскольку в Законе об инвестициях закреплён открытый перечень способов осуществления инвестиций, мы полагаем, что к договорам в сфере их осуществления могут быть отнесены соответствующие конструкции, которые в той или иной степени сопровождают данный процесс, в том числе, например, договор о совместной деятельности.

Подводя итог предпринятой нами выше попытки классификации, исходя из подходов, закреплённых в Законе об инвестициях, можно предложить следующее. Договоры в сфере осуществления инвестиций могут быть подразделены на:

1) в зависимости от субъектного состава:

- заключаемые между инвесторами и заключаемые инвестором (инвесторами) с Республикой Беларусь;

2) в зависимости от способов осуществления инвестиций;

3) в зависимости от содержания:

- непосредственно связанные с осуществлением инвестиций, т. е. обеспечивающие процесс инвестирования;

- сопутствующие осуществлению инвестиций, т. е. сопровождающие данный процесс.

Общим объединяющим признаком указанных выше договорных конструкций является то, что их исполнение оказывает влияние на состояние капитала, позиционируемого как инвестиция, в том числе происходят изменения в статусе инвестора.

1. Шмалый О. В. Классификация правовых средств обеспечения прав заказчика по договору строительного подряда [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Чуманов Е. В. Классификация в российском законодательстве [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 199 с. // URL: <http://www.lib.ru/net/diss/cont/103005.html> (дата обращения: 07.03.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Рогова Ю. В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Функ Я. И. Об иных (по сравнению с инвестиционным договором) договорах между инвесторами и Республикой Беларусь [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Манцевич Т. И. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «Об инвестициях» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

О ТЕРМИНАХ И ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. В. Баранашник

доцент кафедры гражданского права и процесса,
магистр права,
ЧУО «БИП — Институт правоведения» (Беларусь)
e-mail: alek-baranashnik@yandex.ru

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются основные аспекты, затрагивающие закрепление терминов и их определений, используемых в актах законодательства.*

***Ключевые слова:** законодательство, наниматель, работник, термины, терминология.*

***Annotation.** The main aspects affecting the consolidation of terms and their definitions used in legislative acts are discussed in this article.*

***Keywords:** legislation, employer, employee, terms, terminology.*

В науке термин и терминология являются ключевыми понятиями, поскольку обеспечивают ясность и понимание выражаемой мысли. Однако, несмотря на важнейшее их место в системе знаний, в том числе и научных, а также достаточно большое количество исследований, проведенных по этой проблематике, до настоящего момента нет единого подхода к целому ряду вопросов, связанных с терминами и терминологией, именуемых терминоведением. Так, в частности, не сложилось общепризнанного определения термина, ведутся, кроме того, дискуссии о его грамматической выраженности, не решен вопрос о месте терминологии в составе языка [1, с. 42]. В то же время в литературе сформулировано немало определений понятия «термин». Например, А. В. Суперанская объясняет существование разнообразных трактовок термина прежде всего тем фактом, что «...у представителей разных дисциплин оно связывается со своими особыми понятиями и представлениями, имеет неравный объем содержания и определяется по-своему» [2, с. 11].

В то же время во всех логических определениях термина, о чем указывает В. М. Лейчик, на первое место выдвигается его связь с понятием [3, с. 89]. Тем не менее, к примеру, А. А. Реформатский отмечает следующее: «Термины — это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [1, с. 42]. В свою очередь, по мнению Я. А. Климовицкого, «термин — это слово (или словосочетание), языковой знак которого соотнесен (связан) с соответствующим понятием в системе понятий данной области науки и техники» [4, с. 303]. Интерес также представляет и точка зрения, высказанная О. С. Ахмановой, которая делает акцент на том, что «термин — это слово или

словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [5, с. 374].

Следовательно, основываясь на сказанном, можно сделать вывод, что способность термина к обозначению определенного понятия необходимо считать его важнейшим признаком.

Связывающим с термином звеном выступает терминология. Так же как и по поводу термина, в отношении терминологии существуют многочисленные споры, касающиеся определения ее места в составе языка. Например, Д. С. Лотте, Л. А. Капанидзе, Н. З. Котелова, А. В. Косов, выводя терминологию из состава русского языка, приходят к выводу об искусственности термина как специальной единицы и рассматривают терминологию как систему искусственно созданных знаков [6, с. 136]. Вместе с тем, Н. П. Кузькин, А. И. Моисеев, Р. А. Будагов, Р. Ю. Кобрин признают терминологию составной частью лексики литературного языка, эти авторы по сути отказываются от ограничения термина какими-либо формальными требованиями, подчеркивая необходимость изучения реальных процессов функционирования терминологии [2, с. 58]. Кроме того, нельзя не согласиться и с позицией В. П. Даниленко. Данный автор отмечает, что «терминология расценивается как подсистема общелитературного языка, то есть терминология находится в пределах общелитературного языка, но на правах самостоятельного “сектора”. Такое “административно-территориальное” положение терминологии обуславливает, с одной стороны, обязательность для нее общих тенденций развития общелитературного языка. С другой стороны, известную свободу, самостоятельность в развитии терминологии и даже возможность влияния ее на развитие общелитературного языка» [7, с. 172].

Несмотря на то, что сказанное носит общетеоретический характер по отношению к терминам и терминологии, следует вместе с тем отметить, что термины и их определения играют определяющую роль в процессе формирования понятийного аппарата современных актов законодательства. Так, в большинстве законов, кодексов, принимаемых в Республике Беларусь, а также декретов и указов Президента Республики Беларусь содержатся основные термины и их определения, используемые в этих нормативных правовых актах. Причем все они получили закрепление в специальных статьях либо пунктах, где отражено определение каждому из применяемых терминов. Также государственные органы и должностные лица, осуществляющие подготовку этих актов, как правило, ссылаются на то, что иные термины и их определения закрепляются в соответствующих главах, статьях, пунктах акта законодательства, в котором они сформулированы. Предписания о терминах и их определениях получили закрепле-

ние, к примеру, в Законе Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-З, Положении о порядке получения, учета, регистрации, использования иностранной безвозмездной помощи, контроля за ее получением и целевым использованием, а также регистрации гуманитарных программ, утвержденном Декретом Президента Республики Беларусь от 31 августа 2015 г. № 5 «Об иностранной безвозмездной помощи», Положении о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 14 апреля 2014 г. № 165) «О страховой деятельности» и других законодательных актах. Кроме того, термины и их определения формулируются и в актах законодательства так называемой подзаконной направленности, примером здесь могут служить Типовые правила биржевой торговли на товарных биржах, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 1039 «О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь “О товарных биржах”».

Как показывает практика, наличие в актах законодательства терминов и их определений, составляющих терминологический понятийный аппарат, позволяет различным субъектам правоотношений полнее разрешать возникающие вопросы в сфере правового регулирования тех или иных общественных отношений. В свою очередь следует иметь в виду, что терминологии нормативного правового акта посвящена ст. 30 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [8], где указано, что определения терминов должны быть понятными и однозначными, излагаться лаконично, исключать возможность их различного толкования. Для обозначения одного и того же понятия используется один и тот же термин, а разные понятия обозначаются различными терминами. Также здесь определено, что терминология нормативного правового акта должна соответствовать терминологии, используемой в Конституции Республики Беларусь и нормативных правовых актах большей юридической силы по отношению к этому акту. Законодатель в указанной статье названного Закона установил кроме всего прочего, что в случае, если термины и их определения отсутствуют в нормативных правовых актах большей юридической силы по отношению к проекту нормативного правового акта, при его подготовке необходимо учитывать термины и их определения, используемые в иных нормативных правовых актах, в том числе одной с подготавливаемым проектом нормативного правового акта сферы правового регулирования или отрасли законодательства, а также в международных договорах и иных международно-правовых актах. В этих целях при подготовке про-

ектов нормативных правовых актов используются юридические словари государственных информационно-правовых ресурсов, распространяемых (предоставляемых) Национальным центром правовой информации, иные информационно-правовые ресурсы.

Таким образом, Закон «О нормативных правовых актах» закрепляет наряду с другими и правила о применении терминологии при разработке соответствующих актов законодательства различной юридической силы.

Поскольку трудовые и связанные с ними отношения играют достаточно важную роль как для лиц, являющихся, согласно Трудовому кодексу Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 296-З (далее — ТК) [9], нанимателями, так и для граждан — наемных работников, вполне обоснованным является включение в ТК, начиная с его первого редакционного изложения, основных терминов и их определений, получивших закрепление в ст. 1 ТК. И здесь как пример применения таких терминов и их совершенствования может служить Закон Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов» (далее — Закон № 219-З) [10], вступивший в полном объеме в силу с 28 января 2020 г. Данным нормативным правовым актом внесено значительное количество изменений и дополнений в ТК, затрагивающих в том числе и понятийный аппарат, применяемый в этом кодексе. Во-первых, законодатель Законом № 219-З изложил основные термины и их определения, применяемые в настоящем кодексе в алфавитном порядке, что позволяет значительно быстрее найти тот или иной термин и определение, которое ему дано. Во-вторых, с учетом положений ЕКСД и ЕТКС более конкретно сформулированы определения терминов «должность служащего» и «профессия рабочего». Также совершенно по-иному в новой редакции ч. 1 ст. 1 ТК, а это абзац четвертый, сформулировано определение термину «квалификация». Под ним здесь понимается признание освоенных знаний, умений и полученного опыта, необходимых для осуществления трудовой деятельности, подтвержденное установленными законодательством видами документов. В-третьих, из ТК, согласно Закону № 219-З, исключен в то же время термин «специальность», что, как считают ученые-юристы и экспертное сообщество, является существенным недостатком, на который обращалось внимание на стадии разработки указанного законопроекта [11]. В-четвертых, так как Законом № 219-З в ТК включена гл. 181 «Особенности регулирования труда работников, с которыми заключаются контракты» (ст. 2611–2615), то соответственно в абз. 5 новой редакции ч. 1 ст. 1 указанного Кодекса сформулировано определение контракта как срочного трудового договора, заключаемого в письменной форме на определенный в нем срок для выполнения работы и содержащего особенности регулирования трудовых отношений между нанимателем и работником. Также следует отметить, что в ст. 1 ТК включены и другие

как новые, так и получившие корректировку, но ранее действовавшие термины и их определения.

Следовательно, на примере ТК Республики Беларусь можно отметить, что при внесении изменений и дополнений в нормативные правовые акты обращается внимание и на совершенствование тех терминов и их определений, которые в них используются.

1. Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Вестн. Воронеж. ин-та ГПС МЧС России. 2013. № 1. С. 42–45.

[Вернуться к статье](#)

2. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М. : Либроком, 2012. 248 с. [Вернуться к статье](#)

3. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, метод, структура. 3-е изд., перераб. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с. [Вернуться к статье](#)

4. Лаврищев А. И. Многозначность понятий «термин» и «терминология» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2. С. 302–304. [Вернуться к статье](#)

5. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1986. 448 с. [Вернуться к статье](#)

6. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие. М. : Академия, 2008. 304 с. [Вернуться к статье](#)

7. Волгина М. Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста // Перспективные науки и образование. 2013. № 6. С. 170–175. [Вернуться к статье](#)

8. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З : принят Палатой представителей 27 июня 2018 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

9. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. № 219-З // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

10. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2019 г., № 219-З : принят Палатой представителей 26 июня 2019 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[Вернуться к статье](#)

11. Очередная реформа Трудового кодекса: чего ожидать работникам и нанимателям [Электронный ресурс] // Экономическая газета 12.07.2019. 2019. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/ocherednaya-reforma-trudovogo-kodeksa> (дата обращения: 17.02.2020).

[Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

**ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ
ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА
В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ЗАЩИТЕ
ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ
ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

С. В. Бердинских

заместитель Кировского городского прокурора
Ленинградской области,
Прокуратура Ленинградской области (Россия)
e-mail: berdinskix@mail.ru

***Аннотация.** Защита прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий является комплексным ненадзорным направлением деятельности прокуратуры Российской Федерации на современном этапе. Автором в целях повышения эффективности работы на данном направлении предложена и обоснована классификация полномочий прокурора.*

***Ключевые слова:** прокурор, полномочия прокурора, публичный интерес, особо охраняемые природные территории.*

***Annotation.** Protection of public interests by the Prosecutor in the sphere of use and protection of specially protected natural territories is a complex non-Supervisory activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation at the present stage. In order to improve the efficiency of work in this area, the author proposed and justified the classification of the Prosecutor's powers.*

***Keywords:** Prosecutor, powers of the Prosecutor, public interest, specially protected natural territories.*

Изменение социально-экономической обстановки, формирование новых правоотношений в Российской Федерации влекут и необходимость формирования новых комплексных направлений деятельности прокуратуры, способных в полной мере обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Одним из таких направлений является защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ).

Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре), процессуальным законодательством прокурору предоставлен широкий перечень полномочий по защите публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ во всех видах судопроизводства: в конститу-

ционном, уголовном, гражданском, административном, включая производство по делам об административных правонарушениях.

Для эффективных организации и осуществления данной деятельности, поиска путей ее совершенствования необходимо четкое понимание полномочий прокурора в судопроизводстве при защите публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ.

В иных работах нами было обосновано, что прокурор во всех видах судопроизводства по делам о защите публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ обладает единым правовым статусом, который заключается в том, что прокурор всегда выступает с целью обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства и с целью обеспечения принятия законного, обоснованного и мотивированного судебного постановления.

Особенности правового положения прокурора в каждом виде судопроизводства, в том числе по делам о защите публичных интересов в сфере использования и охраны ООПТ, определяются соответствующим процессуальным законодательством.

Переходя к вопросу о полномочиях прокурора необходимо отметить, что до настоящего времени сохраняется дискуссия при понимании данного термина.

Соглашаясь с позицией А. Ю. Винокурова, полагаем, что «полномочия прокурора в общем виде представляют собой совокупность прав прокурора, которые вместе с тем он, будучи ответственным должностным лицом, находящимся на службе государства, обязан реализовывать при наличии установленных законом оснований» [1, с. 274–281].

Такой подход находит отражение и в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой никто не вправе обязать прокурора принять меры прокурорского реагирования.

Авторы, руководствуясь различными критериями, неоднократно рассматривали вопросы классификации надзорных полномочий прокурора.

Вместе с тем вопросам классификации полномочий прокурора при участии в рассмотрении дел судами большого внимания не уделялось.

В этой связи в первую очередь при классификации полномочий прокурора, принимающего участие в рассмотрении дел судами, необходимо учесть позицию И. И. Головки [2, с. 337–341], предложившей классифицировать полномочия прокурора исходя из вида судопроизводства.

Таким образом, полномочия прокурора при участии в рассмотрении дел о нарушениях в сфере использования и охраны ООПТ по критерию «вид судопроизводства» имеют место в конституционном, гражданском, административ-

ном, включая производство по делам об административных правонарушениях, уголовном судопроизводстве.

Также, на наш взгляд, возможно рассмотреть полномочия прокурора при участии в рассмотрении дел о нарушениях в сфере использования и охраны ООПТ исходя из стадий судопроизводства: подготовка материалов для инициирования судопроизводства, подготовка к участию в рассмотрении дел судами, участие в рассмотрении дел судами, проверка состоявшихся судебных постановлений, обжалование состоявшихся судебных постановлений в апелляционном, кассационном порядке, в порядке надзора, на стадии исполнения судебных постановлений.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что действующее законодательство (ни Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», ни процессуальное законодательство) не содержит полномочий прокурора по получению доказательств, необходимых для подготовки материалов для инициирования судопроизводства.

В настоящее время документы запрашиваются, объяснения должностных и физических лиц получаются на основании общих положений Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», регламентирующих полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов и соблюдением прав человека и гражданина, то есть при проведении прокурорских проверок.

Вместе с тем, на практике нередки случаи, когда необходимо получить дополнительные доказательства при подготовке материалов либо даже в ходе рассмотрения их судом, то есть после завершения прокурорской проверки.

В связи с чем, на наш взгляд, для повышения эффективности работы и исключения угрозы признания доказательств недопустимыми требуется внесение дополнений в Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и закрепление в нем полномочий прокурора на получение доказательств (истребование документов, получение объяснений должностных и физических лиц) при подготовке материалов для инициирования судопроизводства и при участии в рассмотрении дел судами.

Кроме того, на наш взгляд, возможно выделить полномочия прокурора исходя из уровня органа прокуратуры: полномочия городского (районного) прокурора, полномочия прокурора субъекта Российской Федерации, специализированного прокурора, приравненного к ним, полномочия Генерального прокурора Российской Федерации.

Предложенные нами классификации полномочий прокурора при участии во всех видах судопроизводства по делам о защите публичного интереса в сфере использования и охраны ООПТ послужат основой для дальнейших теорети-

ческих разработок, совершенствования нормативно-правового регулирования и организации деятельности прокурора в рассматриваемой сфере.

1. Винокуров А. Ю. К вопросу о классификации надзорных полномочий прокурора // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 274–281. [Вернуться к статье](#)

2. Головки И. И. Формы участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве: проблемы и перспективы // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 337–341. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.746:351.773:351.774.7

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

И. В. Болокан

профессор кафедры гражданского права,
доктор юридических наук, доцент,
Запорожский национальный университет (Украина)
e-mail: innabolokani@gmail.com

***Аннотация.** Характеризуется комплексность специфического объекта гражданско-правовой охраны — здоровья и соответствующего личного неимущественного права — права на охрану здоровья. Обосновывается преобладание в нормативном регулировании гражданско-правовых норм. Акцентируется внимание на таких недостатках гражданско-правового регулирования, как абстрактность и наличие большого количества бланкетных норм, отсутствие базовых норм дефиниций.*

***Ключевые слова:** здоровье, охрана здоровья, право на охрану здоровья, гражданско-правовая охрана здоровья, медицинское законодательство.*

***Annotation.** It is characterized by the complexity of a specific object of civil protection — health, and the corresponding personal non-property right — the right to protection of health. The prevalence of civil law norms in the normative regulation is substantiated. It focuses on such shortcomings of civil law regulation as abstractness and the presence of a large number of blanket norms, the absence of basic norms of definitions.*

***Keywords:** health, health protection, the right to health protection, civil health protection, medical legislation.*

Вопросы обеспечения охраны здоровья населения страны в целом и каждого отдельного человека в частности были и будут актуальными всегда, поскольку, во-первых, нет ни одного человека, для которого эта тема не была бы близкой; во-вторых, реалии, например, Украины, несмотря на все уже проведенные реформы здравоохранения, планы дальнейшего реформирования, свидетельствуют о наличии большого количества проблем нормативного регулирования, с которыми сталкиваются субъекты, связанные с медицинской сферой в целом и таким ее сектором, как медицинское обслуживание. Прежде всего обозначим, что понятие «медицинское законодательство» является комплексным. Сфера нормативного регулирования медицины характеризуется наличием норм, относящихся к различным отраслям права, среди которых и гражданское, и административное, и уголовное, и иные. Именно эта «связанность» норм (их блоков, тематических групп), которые в законодательстве Украины в значительной степени сосредоточены в основном кодифицированном акте медицинской сферы — Основях законодательства об охране здоровья [1] (далее — Основы), но при этом не менее значительная их часть расположена и в других нормативных актах, как в кодифици-

рованных, так и в простых законах, а также в нормах большого количества подзаконных нормативно-правовых актов, и является фактором, затрудняющим восприятие соответствующих норм, поскольку «содержательное наполнение» всех этих норм часто характеризуется несогласованностью. Другим специфическим фактором, который нельзя игнорировать, характеризуя тему нормативного урегулирования отношений, связанных с охраной здоровья, является комплексность не только в правовой сфере, но и связь с другими (не правовыми) сферами, поскольку и само понятие «здоровье» является комплексным и неоднозначным для восприятия на бытовом и нормативном его уровнях.

Анализ проблем нормативного регулирования логично начать с анализа содержания базового понятия — «здоровье». Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что толкование этого понятия на бытовом уровне и нормативное изложение его содержания не совпадают. В Основах наблюдается довольно нетрадиционный подход к формулировке соответствующей дефиниции, в которой законодатель попытался учесть и «бытовой уровень» толкования понятия «здоровье», характеризующийся наличием ассоциаций у большинства людей с болезнями, реже — с физическими недостатками. Нормативное определение сформулировано таким образом, что, заканчивая формулировку понятия «здоровье» с применением «конструкции» «а не только отсутствие болезней и физических недостатков», законодатель, таким образом, и учитывает этот «бытовой» уровень его толкования. Анализ нормативного определения позволяет утверждать, что базовой в нем является идея, что здоровье — это состояние полного благополучия, где «полное» можно сравнить со «100 % из 100 %». Несмотря на детализацию, имеющую место в этом определении, речь идет именно о «наполненности» (объеме), а не о содержании, поскольку не все сферы жизни и жизнедеятельности человека, а только три, перечень которых имеет вид исчерпывающего списка (физическое, психическое и социальное благополучие), указываются законодателем.

Первые две не вызывают каких-либо возражений, поскольку никем не отрицается ни физическая (тело человека), ни духовная (ее частично отображает психика) составляющие здоровья. Некоторые сомнения может вызывать «социальная» составляющая здоровья, ведь «социум» как некое семейное, профессиональное, социальное окружение человека, на первый взгляд, не особо связан со здоровьем. Но человек, как правило, не может находиться вне социума, и от того, каким будет это окружение, как человек сможет реализоваться в этом социуме, во многом будет зависеть его психическое, а значит, и физическое состояние, сомнения в правильности выделения этой составляющей отпадают. Другое дело, ответ на вопрос, а все ли составляющие здоровья учтены законодателем, или, иными словами, являются ли эти три составляющие исчерпывающими.

В одной из наших публикаций исследовался контекст, вкладываемый законодателем при упоминании о здоровье в нормах Гражданского кодекса Украины (далее — ГК Украины), в частности было выделено несколько аспектов, среди которых: здоровье как некое неимущественное благо, причинение вреда которому влечет возможность взыскания морального вреда и предъявления требований о возмещении убытков; здоровье как один из параметров, отсутствие которого является основанием возникновения определенных прав (например, права на избрание помощника, которое закреплено в ст. 78 ГК Украины [2]); здоровье как один из параметров, учитывающийся при определении очередности удовлетворения требований кредиторов и т. д., где нами констатировался факт довольно частого упоминания о «здоровье» в нормах ГК Украины, большинство случаев которого (упоминания) связаны с характеристикой специфики конкретного потенциального правоотношения [3, с. 148].

Право на охрану здоровья имеет отдельное регулирование в ст. 283 ГК Украины как одно из личных неимущественных прав, обеспечивающих естественное существование физического лица. Наличие такого права констатируется и в Основах (например, в преамбуле). Определяя право человека на охрану здоровья, законодатель акцентирует внимание на трех его характеристиках: естественности, неотъемлемости и незыблемости. И если первые две связаны с принадлежностью конкретному субъекту, то третья является определенным «завуалированным» запретом, направленным на других субъектов. Запрет условно можно сформулировать как «никто не должен нарушать это право».

В законодательной конструкции «право на охрану здоровья» обращает внимание еще и такой элемент, как «охрана». Охрана здоровья своих граждан является одним из приоритетных направлений деятельности государства. В соответствии с положениями Основ, субъектом, который должен обеспечивать охрану здоровья, является, прежде всего, Министерство здравоохранения Украины, уже в названии которого отображены его функции. Среди иных субъектов, призванных обеспечивать охрану здоровья, в ч. 1 ст. 3 Основ перечислены органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица этих органов, учреждения здравоохранения, их должностные лица, медицинские и фармацевтические работники, общественные объединения и граждане. Обратим внимание на довольно широкий круг соответствующих субъектов, которые, исходя из нормативного определения понятия «охрана здоровья», должны осуществлять меры, целью которых является «сохранение и восстановление физиологических и психологических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности человека». Такое «разложение на составляющие» нормативного определения позволяет увидеть его несогласованность в части отдельных субъектов и возлагаемых на них функций. Отме-

тим, что в ГК Украины не содержится определений понятия «здоровье» или «право на охрану здоровья», что может рассматриваться и как недостаток (регулируется то, определение чего не дается), и как преимущество (отсутствует дублирование норм специального законодательства).

Возвращаясь к вопросу комплексности медицинской сферы, приведем еще один пример, подтверждающий ее, и отметим недостатки законодательной конструкции соответствующей нормы. В преамбуле Основ закреплена исчерпывающий перечень принципов охраны здоровья в Украине — правовые, организационные, экономические и социальные. И если с выделением правовых, экономических и социальных принципов вопросов не возникает (нормы права, финансирование, льготы и т. п.), и это одновременно демонстрирует связь разных сфер регулирования, комплексность вопросов, связанных с охраной здоровья, то целесообразность выделения организационных вызывает определенные сомнения, поскольку эти аспекты присущи любой сфере, присутствуют в любой деятельности. Они как бы включаются во все перечисленные блоки принципов. Иными словами, выделение организационных основ в указанном перечне является нелогичным, ведь они обязательно присутствуют и в правовой, и в экономической, и в социальной составляющих. Одним из направлений совершенствования нормативного регулирования может быть выделение этих блоков принципов с детализацией их конкретных составляющих (например, перечень правовых принципов с детализацией содержания каждого из них).

В связи с изложенным предметом дальнейших дискуссий может быть вопрос целесообразности или нецелесообразности конструирования норм путем исчерпывающего или, наоборот, «открытого» перечня (принципов, объектов, субъектов и т. д.). В приведенных выше примерах характеристик права на охрану здоровья (естественность, неотъемлемость, незыблемость) или перечня принципов охраны здоровья (правовые, организационные, экономические и социальные) наблюдаем исчерпывающий такой перечень. Открытый перечень, с одной стороны, позволяет расширить соответствующее толкование, но, с другой — является неконкретным, а широкое толкование оставляет возможности манипуляций и других злоупотреблений. Закрытый перечень в качестве позитива предусматривает конкретику, а в качестве негатива сужает возможности, может вызывать необходимость внесения изменений в норму в силу постоянно изменяющихся общественных отношений. Таким образом, довольно трудно определиться, построение по какой схеме является лучшим вариантом. Себя же отнесем к сторонникам «открытых» конструкций, позволяющих расширять толкование и предоставлять защиту более широкому кругу прав, способствующих реализации более широкого спектра возможностей.

Исходя из нормативного определения понятия «охрана здоровья», кроме соответствующего права, которое регулируется в ГК Украины довольно обобщенно и абстрактно, что может быть предметом отдельной публикации, с этим понятием прямо или опосредовано связан ряд других норм в ГК Украины, в частности такие личные неимущественные права, как право на медицинскую помощь (ст. 284), право на информацию о состоянии своего здоровья (ст. 285), право на тайну о состоянии здоровья (ст. 286) и др., а системный анализ их содержания и содержания норм специального законодательства также позволяет обосновывать целесообразность унификации их содержания.

Подводя итог изложенному, отметим, что, несмотря на комплексность базовых понятий «здоровье», «охрана здоровья», «право на охрану здоровья», большинство их аспектов непосредственно или опосредовано регулируются гражданско-правовыми нормами. Наиболее ярко они проявляются: при заключении договоров об оказании медицинских услуг (независимо от того, в какой форме (устной или письменной) они заключались); в вопросах возмещения вреда (как причиненного невыполнением или ненадлежащим выполнением договорных обязательств, так и возникающего из недоговорных обязательств). Прослеживается связь и с нормами ГК Украины, регулирующими подрядные договоры (например, когда речь заходит о протезировании). Анализ норм ГК Украины и специального в сфере здравоохранения законодательства позволяет выделить несколько направлений дальнейшего совершенствования нормативного регулирования вопросов, связанных с правом на охрану здоровья как личного неимущественного блага: 1) в дефинитивной составляющей законодательства (приведение в соответствие имеющихся норм-дефиниций, закрепленных в разных нормативно-правовых актах; максимальное устранение дублирующих норм; закрепление отдельных дефиниций); 2) в содержательной его части (не простое декларирование естественности, неотъемлемости и незыблемости права на охрану здоровья, а детализация каждой составляющей с закреплением конкретных гарантий его реализации); 3) в базовой составляющей законодательства (выделение норм-принципов в отдельные статьи законов, с детализацией их содержания и устранением смешивания разных сфер применения этих принципов).

1. Основи законодавства України про охорону здоров'я [Електронний ресурс] : Закон України від 19.11.1992 р. № 2801-ХІІ. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2801-12>. (дата доступу: 10.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Цивільний кодекс України : 16 січня 2003 р., № 435-ІV [Електронний ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата доступу: 10.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Болокан И. В. Здоровье как объект гражданско-правовой охраны и защиты // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. // Могилев. ин-т МВД ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2019. С. 147–152. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.422

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕНТОВ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖИМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. К. Вербицкая

доцент кафедры гражданского права и процесса,
ЧУО «БИП — Институт правоведения» (Беларусь)

e-mail: verb_irina@mail.ru

Аннотация. В научной литературе до сих пор дискуссионным остается вопрос правовой природы процентов за пользование чужими денежными средствами. Полемика, возникшая между учеными-цивилистами, затрагивает вопросы не только самостоятельности такой формы ответственности, но и ее соотношение с иными формами гражданско-правовой ответственности. Предложено авторское видение квалификации процентов.

Ключевые слова: ответственность, проценты, неустойка, убытки.

Annotation. In the scientific literature, the question of the legal nature of interest for the use of other people's money is still debatable. The controversy that has arisen between civil scientists raises questions not only about the independence of this form of responsibility, but also its relationship to other forms of civil liability. The author's vision of percent qualification is proposed.

Keywords: liability, interest, penalty, losses.

Особой формой гражданско-правовой ответственности, не менее актуальной для осуществления и реализации имущественного оборота, доктрина и законодательство Республики Беларусь выделяет проценты за пользование чужими денежными средствами.

М. И. Брагинский в данной форме ответственности видит «абсолютный прикладной характер, результатом которой служит недобросовестность должников в кризисе неплатежей» [1, с. 676–677]. Безусловно, включение данной нормы в ГК послужило защите прав и законных интересов участников гражданского оборота от возможных нарушений его прав и стало абсолютной новеллой действующего законодательства. Ранее законодательство БССР предусматривало проценты лишь за просрочку денежного обязательства. Так, ст. 222 ГК БССР в случае просрочки исполнения денежного обязательства давала кредитору право требовать уплаты должником за время просрочки 3 процента годовых, начисленных на сумму, уплата которой была просрочена. На сегодняшний момент нормы ст. 366 ГК [2], регулирующие взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, привнесли немало нового в судебную и правоприменительную практику.

Во-первых, обязанность должника уплатить названные проценты установлена во всех случаях их неправомерного удержания, уклонения от возврата, неосновательного получения или сбережения за счет контрагента.

Во-вторых, названный размер процентов определяется учетной ставкой рефинансирования Национального банка Республики Беларусь на день исполнения денежного обязательства или его соответствующей части.

В-третьих, в силу того, что проценты за пользование чужими денежными средствами по отношению к убыткам носят зачетный характер, кредитор вправе требовать от должника возмещения убытков в части, превышающей сумму процентов.

В-четвертых, период, за который начисляются проценты, заканчивается днем уплаты кредитору суммы основного долга.

Таким образом, ст. 366 ГК представляет собой абсолютный прикладной характер, цель которой защитить права и интересы участников гражданского оборота в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами принятых на себя обязательств. Для правильного применения соответствующих норм ГК необходимо обозначить правовую природу анализируемой формы гражданско-правовой ответственности, дать ей правовое обоснование.

Среди белорусских ученых исследованием и комплексным анализом данной проблемы занимались В. Ф. Чигир, Д. Д. Ландо, И. Верховодко, Т. Грунтова и др. Позиция ученых в вопросе определения природы процентов, изложенная в их работах, однозначна. По их мнению, это особая форма гражданско-правовой ответственности, при этом свою точку зрения ученые обосновывают тем фактом, что рассматриваемая норма ст. 366 ГК содержится вместе с нормами о неустойке и убытках, при этом ученые отмечают, что для прежнего законодательства (ГК 1964 г.) она не была таковой, так как представляла собой лишь статью об учете инфляции при просрочке исполнения денежного обязательства. Более того, Д. Д. Ландо [3, с. 98] обосновывает свою позицию тем, что действие анализируемых норм распространяется и на случаи ненадлежащего исполнения денежного обязательства. В этой связи более удачным, на ее взгляд, является подход украинского законодателя, трактующего данную норму как «ответственность за нарушение денежного обязательства». По утверждению автора, предложенное белорусским законодательством название ст. 366 ГК является не вполне обоснованным, так как ответственность в гражданском праве за неисполнение денежного обязательства не ограничивается только взиманием процентов за пользование чужими денежными средствами. Такое видение проблемы можно считать вполне оправданным, так как практика экономических судов показывает, что стороны данную форму ответственности требуют применить к ответчику как дополнительную меру к основному требованию о возмещении убытков, ущерба.

Обобщив существующие точки зрения и научные взгляды по вопросам ответственности за пользование чужими денежными средствами, можно выделить следующие выдвигаемые учеными-цивилистами положения.

В первую очередь, это позиция ученых, трактующая проценты за пользование чужими денежными средствами как некую компенсацию или вознаграждение за пользование капиталом. Это одна из распространенных точек зрения. Ее всегда отстаивал Л. А. Лунц, утверждая, что «проценты представляют собой периодически начисляемое на должника вознаграждение за пользование «чужим» капиталом в размере, не зависящем от результатов его использования...» [4, с. 82–83]. При этом ученый подчеркивал, что проценты за пользование чужими денежными средствами ни в коем разе не являются формой гражданско-правовой ответственности. Они причитаются кредитору независимо от наличия или отсутствия у него убытков [5, с. 63]. Данную теорию в своих работах поддерживал в дальнейшем И. Б. Новицкий, утверждавший, что «под именем процентов подразумевается в хозяйственной жизни вознаграждение, которое должник обязан уплатить кредитору за пользование капиталом. Этот эквивалент определяется поэтому в пропорциональном отношении к сумме капитала и периоду времени, в течение которого капитал находится в пользовании» [6, с. 28].

Далее мы встречаем схожую позицию у М. Г. Розенберга, отстаивавшего точку зрения, что проценты годовых как вознаграждение за пользование должником денежными средствами принадлежат кредитору. При этом ученый настаивал, что проценты не относятся к мерам ответственности [7, с. 88–89]. В данном случае мы не можем согласиться с точкой зрения ученых по одной причине, что проценты никак не могут быть вознаграждением, наградой. А именно этот квалифицирующий признак поставлен авторами во главу проблемы.

Во вторую очередь, проценты рассматривались рядом ученых как неустойка за нарушение обязательства. Аргументируя подход аналогичной правовой природы процентов и неустойки, сторонники данной позиции обосновывали ее юридико-формальными обстоятельствами, объединяющими признаками по сущности содержания названных институтов, причем обозначенные существенные признаки следовало считать квалифицирующими, подходящими к обеим формам ответственности. Во-первых, отмечалось, что и неустойка, и проценты представляют собой заранее определенный размер, известный сторонам, подлежащих оплате сумм при нарушении обязательства. Во-вторых, как неустойка, так и проценты представляют собой сумму, размер потерь, которые не требуют доказывания, так как определены законом. И в-третьих, наличие убытков предполагает возможность их взыскания как сверх процентов, так и

сверх неустойки. Активно подобную позицию поддерживают С. К. Соломин и Н. Г. Соломина, утверждающие, что «проценты за пользование чужими денежными средствами вкладываются в конструкцию неустойки и являются ее разновидностью» [8, с. 131].

Диаметральная точка зрения также присутствует в полемике данной проблемы, ряд ученых придерживаются иной точки зрения, позволяющей доказательно объявить о различиях, причем правовых, представляющих неустойку и проценты разными, самостоятельными формами ответственности. Как раз данная точка зрения «не позволяет квалифицировать годовые проценты в качестве неустойки, заключаются в дифференцированном регулировании названных правовых категорий» [1, с. 556–557]. Во-первых, это названные юридико-формальные обстоятельства, подтверждающие, что законодательством неустойка (хотя и взыскиваемая процентах), не названа процентами за пользование чужими денежными средствами. Л. А. Новоселова утверждает, что «ничто не препятствовало закону прямо определить природу применяемых при просрочке исполнения денежного обязательства санкций, обозначив их как неустойку (пеню)» [9, с. 70]. Во-вторых, законодательством допускается возможность установления законом или договором различного соотношения убытков и неустойки (исключительная, штрафная или альтернативная неустойка). Пункт же 2 ст. 365 ГК исключает возможность установления иного (кроме зачетного) соотношения между процентами и убытками.

В. В. Витрянский приводит дополнительные доводы в поддержку различий данных форм ответственности: «1) при внешней схожести (особенно по форме исчисления) с неустойкой (особенно с пеней) проценты за пользование чужими денежными средствами, в отличие от неустойки, не могут признаваться способом обеспечения исполнения обязательств; 2) особенности этих процентов, выделяющие их в самостоятельную форму гражданско-правовой ответственности, нужно искать не столько в специфике их исчисления, доказывания и применения, что имеет место в случае с убытками и неустойкой, а в специфическом предмете самого денежного обязательства» [1, с. 557].

Думается, ученый убедительно в своих доводах смог подтвердить обоснованность самостоятельной формы ответственности на практике, сочетающейся с иными формами ответственности. Затрагивая проблематику некой схожести процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки, следует подчеркнуть, что основная функция неустойки — превентивная. Она служит в первую очередь способом обеспечения исполнения обязательства, а лишь при его нарушении — формой гражданско-правовой ответственности. Смешивать и отождествлять между собой формы гражданско-правовой ответственности нельзя.

В третью очередь следует обозначить позицию ученых, толковавших проценты за пользование чужими денежными средствами как цену кредита, и как следствие — форму покрытия материальных потерь. При этом процент признается возмещением убытков. Представителем данной теории следует считать О. Н. Садикова, именно так он обосновывал выдвинутую им теорию о природе процентов за пользование чужими денежными средствами [10, с. 5–6].

И в-четвертых, это позиция ученых и исследователей, категорически не признававших проценты годовых ни убытками, ни неустойкой, но считавших их отдельной категорией, специальной (нетипичной) мерой имущественной ответственности. Представителем этой теории был Б. И. Пугинский, утверждавший, что, помимо убытков и неустойки, «имеется целый ряд средств имущественного воздействия, которые в силу присущих им особенностей могут быть выделены в самостоятельную группу нетипичных мер ответственности» [11, с. 29–30].

Подводя итог анализируемого вопроса, следует обозначить следующее. Представленные точки зрения отражали лишь прикладной характер действующего на тот момент законодательства. Таким образом, исследуя правовую природу процентов, следует подразумевать непосредственно проценты годовых, действующих в соответствующий период. Резюмируя нормы законодательства об уплате процентов за пользование чужими денежными средствами, отметим, что данная форма ответственности по-прежнему вызывает «живой» интерес у ученых-цивилистов и правоприменителей. Проведенный анализ сущности и квалифицирующих особенностей процентов, а также сформированное наукой гражданского права доктринальное понятие позволяет нам сделать вывод о том, что данная форма ответственности является самостоятельной, отличной от иных существующих форм, таких как убытки и неустойка, и может взыскиваться самостоятельно при нарушении сторонами условий договора.

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. Изд. 2-е, испр. М. : Статут, 1999. 848 с. [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Ландо Д. Д. Проценты за пользование чужими денежными средствами и их соотношение с иными формами гражданско-правовой ответственности // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гіст. Філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. 2004. № 2. С. 98–102. [Вернуться к статье](#)

4. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / редкол.: А. В. Белевич [и др.]. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2004. 350 с. [Вернуться к статье](#)

5. Лунц Л. А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. Ученые труды. Вып. 14. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 215 с. [Вернуться к статье](#)

6. Новицкий И. Б. Обязательное право. Москва : Право и жизнь. 1925 (Гражданский кодекс. Практические комментарии / под ред. А. М. Винавера и И. Б. Новицкого). Общие положения : Коммент. к ст.ст. 106-129. 1925. 94 с. [Вернуться к статье](#)
7. Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. 5-е изд. М. : Кн. мир, 2007. 1040 с. [Вернуться к статье](#)
8. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Правовая природа процентов за пользование чужими денежными средствами // Российский юридический журнал. 2008. № 2 (март-апрель). С. 127–131. [Вернуться к статье](#)
9. Новоселова Л. А. О правовых последствиях нарушения денежного обязательства. (Начало) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М. : ЮРИТ, 1999, № 1. С. 82–92. [Вернуться к статье](#)
10. Садиков О. Н. Обеспечение исполнения внешнеторгового договора : учеб. пособие. М. : б. и., 1979. 22 с. [Вернуться к статье](#)
11. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.352.4

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ИХ ПРЕВЫШЕНИЯ

В. М. Веремеенко

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции,

кандидат юридических наук, доцент,

Академия МВД Республики Беларусь

e-mail: vitalik.VVM@yandex.ru

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы разграничения злоупотребления властью или служебными полномочиями от их превышения. Высказываются собственные суждения по рассматриваемой проблеме и приводятся основные разграничительные признаки преступлений, предусмотренных ст. 424 и 426 УК.*

***Ключевые слова:** злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий.*

***Annotation.** The issues of delimitation of abuse of power or official authority from their excess are considered. Own judgments are made on the issue under consideration and the main distinguishing features of the crimes provided for in Art. 424 and 426 of the Criminal Code.*

***Keywords:** abuse of authority or official authority, abuse of authority or official authority.*

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что в практической деятельности возникают определенные трудности, связанные с отграничением злоупотребления властью или служебными полномочиями от их превышения, когда одни и те же действия по объективным обстоятельствам оцениваются по-разному. Это негативно сказывается на качестве расследования и эффективности противодействия данным деяниям. В связи с этим исследование вопроса об отграничении указанных преступлений имеет важное значение. Данный вопрос получил определенное освещение в юридической литературе. Отдельные его аспекты нашли отражение в работах А. И. Бойцова, В. Н. Боркова, Б. В. Волженкина, Б. В. Здравомыслова, А. М. Клина, В. В. Лосева, М. А. Любавиной, В. В. Хилюты, В. М. Хомича, П. С. Яни и др. Вместе с тем некоторые проблемы обозначенной темы исследованы не в полном объеме и нуждаются в дальнейшем изучении.

Как и для многих других схожих между собой составов преступлений, разграничение между рассматриваемыми нами составами затруднено из-за наличия общих признаков между ними. Так, оба этих состава преступлений включены в главу 35 УК, которая объединяет нормы об ответственности за преступления против интересов службы, и имеют общий родовый объект. Обь-

ективная сторона их имеет общий признак — использование должностным лицом служебных полномочий. По конструкции объективной стороны составы преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 426 УК, практически идентичны: они являются материальными, имеющими такие признаки, как общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и причинную связь, возникающую между деянием и наступившими последствиями.

Общим признаком указанных составов преступлений является и субъект — должностное лицо. Их субъективная сторона, как справедливо указывается в юридической литературе, также совпадает: она характеризуется умышленной формой вины и наличием такого мотива, как корыстная или иная личная заинтересованность [1, с. 60, 66; 2, с. 68, 81; 3, с. 264, 292; 4, с. 26, 47]. Наконец, и при злоупотреблении и при превышении власти или служебными полномочиями должностное лицо использует свои служебные полномочия по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности. В соответствии же с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды оценивается как коррупция [5]. Следовательно, можно сказать, что рассматриваемые нами преступления относятся к коррупционным. При их совершении имеет место пагубное употребление власти во зло, разлагающее власть и относящееся к коррупции.

С учетом изложенного можно заключить, что конструкции составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 424 и ч. 2 ст. 426 УК, практически идентичны, однако имеются и некоторые особенности, позволяющие отграничить одно преступление от другого.

В качестве основного критерия отграничения злоупотребления властью или служебными полномочиями от их превышения выступает характер действий должностного лица: при превышении власти или служебных полномочий должностное лицо выходит за пределы своих служебных полномочий, а при злоупотреблении действует в рамках служебных полномочий. В юридической литературе такой подход к отграничению указанных преступлений является превалирующим [2, с. 80; 6, с. 37; 7, с. 1067; 8, с. 106–107; 9, с. 11; 10, с. 11]. Однако содержание указанного различия и его обоснование у авторов несколько разнятся. Так, Б. В. Волженкин, поясняя значение такого разграничительного критерия, как явный выход должностного лица за пределы предоставленных ему полномочий считал, что «должностное лицо при этом осознает, что совершает действие, которое явно (т. е. бесспорно, очевидно) для него самого выходит за пределы имеющихся у него полномочий ...» [11, с. 157]. По мнению

Б. В. Здравомыслова, указанный признак означает очевидный, бесспорный характер выхода лица за пределы его служебных полномочий как с точки зрения самого виновного, так и с позиций правовой регламентации этих пределов [12, с. 109–110]. В. Н. Борков предлагал делать акцент в понятии данного отграничительного критерия на субъективный момент, то есть на осознание виновным того, что потерпевшие или другие лица понимают противоправный характер его действий [13, с. 6]. В. М. Хомич отмечал, что совершенные должностным лицом по службе действия явно выходят за пределы предоставленных полномочий, если очевидно, прежде всего, для самого должностного лица, что их не следует совершать, поскольку они не входят в круг его должностных полномочий [7, с. 1067]. М. А. Любавина справедливо полагала, что суть данного признака заключается в том, что должностное лицо нарушает правовое предписание использовать только те полномочия, которые предоставлены ему в рамках служебной компетенции. Действия должностного лица в этом случае изначально незаконны только потому, что они совершены неуполномоченным должностным лицом, юридически не наделенным правом на их совершение [14, с. 44].

Анализ указанных точек зрения свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые отличия в оценке основного отграничительного критерия рассматриваемых преступлений, авторы, на наш взгляд, в целом справедливо полагают, что при злоупотреблении властью или служебными полномочиями лицо действует в рамках предоставленных ему должностных полномочий, однако использует их для незаконных целей, а при превышении власти или служебных полномочий лицо выходит за рамки предоставленных ему должностных полномочий, совершает действия, которые не входят в круг его прав и обязанностей. Для того чтобы установить, является ли выход должностного лица за пределы прав и полномочий явным, представляется важным сопоставить компетенцию должностного лица с совершенным деянием. С этой целью необходимо обращаться к соответствующим нормативным правовым актам, в которых закреплены права и обязанности конкретного должностного лица, что позволит определить границы его полномочий. При несоблюдении этого требования, как свидетельствует правоприменительная практика, допускаются ошибки в юридической оценке подобных деяний. Вот один из примеров. Т. — временному (антикризисному) управляющему по производствам по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) — было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 426 УК. Однако приговором суда Партизанского района г. Минска он был оправдан по данной статье. Суд, как нам представляется, справедливо указал, что в содеянном Т. отсутствует

вмененный ему состав преступления, так как совершенные им действия непосредственно входили в его компетенцию [15, с. 23].

Проблема разграничения злоупотребления властью или служебными полномочиями и их превышения, думается, не исчерпывается только одним указанным критерием. Имеются и иные критерии разграничения.

Как мы уже отметили, общим признаком для рассматриваемых преступлений является то, что как при превышении власти или служебных полномочий, так и при злоупотреблении ими должностное лицо совершает противоправное деяние, используя при этом свои служебные полномочия. Однако здесь же усматриваются и различия. Так, если при злоупотреблении проявление противоправности состоит в необоснованности использования полномочий, то при их превышении — в очевидном выходе за их пределы.

Отличия между указанными составами преступлений имеются и в иных признаках объективной стороны. Так, объективной стороне такого деяния, как злоупотребление властью или служебными полномочиями не характерны насилие, мучение или оскорбление потерпевшего, применение виновным оружия или специальных средств. Квалифицирующими же признаками превышения являются указанные обстоятельства.

Следующим отграничительным критерием исследуемых составов преступлений является мотив. Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 426 УК для квалификации содеянного как превышение власти или служебных полномочий, мотив преступления значения не имеет, он может быть различным, а для злоупотребления обязательным признаком основного состава является наличие такого мотива, как корыстная или иная личная заинтересованность.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что между рассматриваемыми нами преступлениями имеется много общего, обусловленного наличием ряда указанных нами признаков. Вместе с тем имеются и критерии разграничения, основным из которых является характерный для превышения власти или служебных полномочий явный выход субъекта за пределы его служебной компетенции. В этой связи во избежание ошибок в квалификации при рассмотрении дел данной категории органам следствия и судам в каждом конкретном случае важно устанавливать должностную компетенцию, то есть объем прав и полномочий должностного лица.

1. Берестень В. И. Коррупция и ее общественная опасность : учеб.-метод. пособие. Минск : РИВШ, 2005. 166 с. [Вернуться к статье](#)

2. Лосев В. В. Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации. Минск : Амалфея, 2010. 176 с. [Вернуться к статье](#)

3. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. Минск : Тесей, 2008. 504 с. [Вернуться к статье](#)

4. Квалификация должностных преступлений коррупционной направленности : учеб. пособие / Я. Н. Ермолович [и др.] ; под ред. А. М. Багмета. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 183 с. [Вернуться к статье](#)
5. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. № 305-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Клим А. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления властью или служебными полномочиями // Судовы веснік. 2001. № 3. С. 35–37. [Вернуться к статье](#)
7. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова. Минск : Тессей, 2003. 1200 с. [Вернуться к статье](#)
8. Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. 498 с. [Вернуться к статье](#)
9. Яни П. Разграничение должностного злоупотребления // Законность. 2007. № 12. С. 11–14. [Вернуться к статье](#)
10. Иванчин А. В. Спорные вопросы квалификации должностных преступлений // Следователь. 2014. № 8. С. 11–13. [Вернуться к статье](#)
11. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. 368 с. [Вернуться к статье](#)
12. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. 168 с. [Вернуться к статье](#)
13. Борков В. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2016. № 4. С. 4–8. [Вернуться к статье](#)
14. Любавина М. А. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Криминалисть. 2010. № 1. С. 43–48. [Вернуться к статье](#)
15. Трипузова А. Судебная практика по делам о преступлениях против интересов службы нуждается в совершенствовании // Законность и правопорядок. 2011. № 1. С. 22–27. [Вернуться к статье](#)

УДК 342:34.05:001.895

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: ОТ ИННОВАЦИЙ К ДЕФОРМАЦИЯМ

Н. В. Верлос

доцент кафедры конституционного и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент,
Запорожский национальный университет (Украина)

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию процесса заимствований в конституционном праве, связанных, прежде всего, с развитием научно-технического прогресса, определению их инновационного потенциала и негативных последствий этого процесса, которые могут привести к соответствующим конституционно-правовым деформациям и рискам угроз национальной безопасности государства в информационной, экологической, экономической, биологической и других сферах жизнедеятельности.*

***Ключевые слова:** рецепция, заимствования, конституционализм, конституционно-правовые инновации, конституционно-правовые деформации, электронная демократия, цифровые права человека.*

***Annotation.** The research is devoted to the study of the process of borrowing in constitutional law, associated primarily with the development of scientific and technological progress, the determination of their innovative potential and the negative consequences of this process, which can lead to corresponding constitutional and legal deformations and risks of threats to the national security of the state in the information, environmental, economic, biological and other spheres of life.*

***Keywords:** reception, borrowing, constitutionalism, constitutional and legal innovations, constitutional and legal deformations, e-democracy, digital human rights.*

Современные тенденции развития правовых систем и конституционного права как фундаментальной основы функционирования любого демократического государства детерминированы несколькими факторами, во-первых, это развитие научно-технического прогресса, который влияет на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на право; во-вторых, конвергенция правовых систем вызывает заимствования больших массивов правового материала и влияет на реформирование конституционного законодательства; в-третьих, процесс глобализации подталкивает человечество к необходимости универсализации права и разработки концепций транснационального конституционализма [1], глобального конституционализма [2], международного (интернационального) конституционализма [3] и др.

В этой связи рецепция в форме заимствования как конституционно-правовой феномен играет важную роль, ведь ее цель, прежде всего, заключается в возможности или необходимости заимствования и усвоения зарубежного

правового опыта для повышения эффективности конституционно-правовой модернизации, реформирования и развития конституционализма с учетом глобальных тенденций демократизма и антропоцентризма в процессе государственного строительства и технологических возможностей современного мира.

Механизм заимствования новейших конституционно-правовых идей, принципов, норм с постепенным их внедрением, прежде всего, базируется на использовании новых научно-технических изобретений в процессе повышения эффективности функционирования отдельных конституционно-правовых институтов. В частности, опыт конституционного строительства в зарубежных странах обусловлен развитием инноваций в области генной инженерии, нанотехнологий, биомедицинских технологий, биопринтинга, искусственного интеллекта (в т. ч. робототехники) и других, с появлением которых существенно меняется научно-практическая парадигма развития прав человека и появляется возможность говорить о появлении таких прав человека, как суррогатное материнство, гендерная идентичность, изменение пола, клонирование, трансплантация органов и др. На изобретение и развитие всех этих инноваций должно реагировать соответствующим образом и конституционно-правовое законодательство в том числе, ведь вполне очевидно их влияние на обновления конституционной доктрины прав человека.

Развитие компьютерных информационных технологий и создание глобальной сети Интернет имеет революционные последствия для становления демократии в отечественной и мировой практике государственного строительства. В частности, в 2009 г. были приняты рекомендации Комитета министров Совета Европы СМ / Rec (2009) 1 государствам — участникам Совета Европы по электронной демократии, в которых, помимо прочего, предлагается странам-участницам рассмотреть возможность использования средств электронной демократии для усиления народовластия, демократических институтов и процессов; рассмотреть и внедрить электронную демократию с помощью ИКТ [4]. В Украине развитие электронной демократии происходит в рамках принятой Концепции развития электронного управления в Украине (далее — Концепция) [5].

На сегодняшний день большинство определенных в Концепции и в рекомендациях СМ / Rec (2009)1 направлений постепенно реализуются как на уровне отечественного законодательства, так и в конституционно-правовых отношениях. А именно активно функционируют электронные сервисы: е-законодательство, е-правосудие. Е-петиции используются на уровне государственной власти и в большинстве органов местного самоуправления; положено начало функционированию Государственного веб-портала бюджета для граждан [6]; начинает функционировать и использоваться гражданами на уровне

местного самоуправления технология «общественный бюджет»; внедряются платформы онлайн-обсуждений проектов нормативно-правовых актов как на уровне государственной власти, так и на уровне местного самоуправления; применяется информационно-телекоммуникационная сеть и в избирательном процессе, это касается и ведения государственного реестра избирателей с онлайн-сервисом «кабинет избирателя», где можно проверить включен ли гражданин в Государственный реестр избирателей [7], электронный подсчет голосов Центральной избирательной комиссией и др.

Итак, институт электронной демократии однозначно является конституционно-правовой инновацией, а его рецепция происходит в форме заимствования. Имплементация электронной демократии в отечественное законодательство позволит повысить эффективность функционирования органов публичной власти; упростить коммуникацию между органами публичной власти и гражданским обществом; способствует вовлечению граждан в процесс принятия важных государственно-властных решений.

Кроме того, развитие информационных технологий постепенно меняет общепринятую доктрину прав человека, постепенно формируя отдельную группу прав человека — цифровые права, в которую входят: право свободного доступа к Интернету, право на забвение (цифровую смерть), право на перемещение, право на доступ к цифровым медиа, право на получение электронных услуг и др.

Изложенное позволяет проиллюстрировать лишь один из положительных аспектов заимствования и внедрения электронных технологий в отечественную практику государства. Действительно, когда речь идет об инновационном потенциале рецепции, имеется в виду только конструктивный аспект заимствования нетипичного правового материала, имеющий целью достижение качественных изменений в направлении повышения эффективности функционирования конституционного механизма публичной власти, направленного, прежде всего, на обеспечение прав человека. Однако следует помнить о том, что иногда вместе с заимствованием конструктивных конституционных инноваций в правовую систему могут проникнуть и деструктивные новации, связанные со злоупотреблением правом, которые становятся дестабилизирующим фактором конституционно-правовой модернизации и могут даже представлять угрозу национальной безопасности государства в информационной, экологической, экономической, биологической и других сферах жизнедеятельности.

Как совершенно справедливо отмечает белорусский ученый А. А. Бочков, «цифровизация обостряет проблему рисков на государственном и личностном уровнях: в области производства и использования оружия массового поражения, угрозы ядерной войны, терроризма, соблюдение прав собственности, ха-

керских вторжений и киберпреступности, финансовых махинаций, распространения наркотиков, нарушение тайны личной и семейной жизни, свободы слова, авторского права» [8, с. 4–5]. К этому можно добавить такие риски и угрозы цифровизации, как манипулирование и влияние на общественное сознание, искажение результатов волеизъявления избирателя (в случае введения электронного голосования) и другие угрозы.

Информационные и биомедицинские технологии достигли такого масштаба, что исследователи говорят о возможности копировать информацию из мозга человека на физический носитель информации. За рубежом в последние годы бурно развивается наука сеттлеретика (от англ. Settler — переселенец), технология считывания информации из мозга и перенос ее на компьютерную матрицу [9, с. 70]. Также в практику расследования преступлений и повышения качества правосудия предлагается вводить метод ментоскопии — сканирование мозга, мыслей, восстановление скрытой, забытой в памяти информации, восстановление ранее увиденных образов [10, с. 25]. Однако эти инновационные технологии, несмотря на весь позитив идеи, могут способствовать существенным нарушениям прав человека в случае злоупотреблений отдельными индивидами и представлять угрозу национальной безопасности государства. Поэтому есть смысл проявлять осторожность в процессе заимствования различных инноваций и, прежде всего, очертить возможные пределы их внедрения на конституционном уровне с целью предотвращения возможных нарушений прав человека.

Для предотвращения возникновения указанных деформаций и рисков в процессе реализации механизма заимствования конституционно-правовых инноваций необходимо соблюдать следующие условия: 1) заимствования любых конституционно-правовых инноваций необходимо осуществлять формируя заранее правосознание граждан, готовя их к этому процессу, ведь заимствования, осуществленные неподготовленным обществом, могут привести к отторжению, деформации или искажению представлений о внедряемых институтах; 2) в процессе заимствования любого института необходимо четко закреплять модели фактических обстоятельств связанных с инновациями, прежде всего в конституционно-правовых нормах; 3) наряду с нормативным закреплением конституционно-правовых инноваций необходимо одновременно предусматривать и механизм ответственности за нарушения в определенной сфере; 4) принимая решение о заимствовании конституционно-правовых инноваций, следует также учитывать материально-технические возможности государства для эффективного их восприятия и качество инновационного мышления субъектов конституционного правоупотребления.

1. Transnational Constitutionalism — International And European Perspectives, Edited by Nicholas Tsagourias. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 377 p. [Вернуться к статье](#)
2. Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 16: Iss. 2, Article 2. P. 397–411. [Вернуться к статье](#)
3. Lachmayer K. The International Constitutional Law Approach // Vienna Online Journal on International Constitutional Law. 2007. Vol 1. Iss. 2. P. 91–99. [Вернуться к статье](#)
4. Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) [Electronic resource] (adopted by the Committee of Ministers on 18 February 2009 at the 1049th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/Key-Texts/Recommendations/Recommendation_CM_Rec2009_1_en_PDF.pdf (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)
5. Про схвалення Концепції розвитку електронного урядування в Україні [Електронний ресурс] : розпорядження Кабінету Міністрів України від 20.09.2017 р. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/649-2017-p#n14> [Вернуться к статье](#)
6. Державного веб-порталу бюджету для громадян [Електронний ресурс]. URL: <https://openbudget.gov.ua/analytics/incomes> (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)
7. Державний реєстр виборців: офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. URL: https://www.driv.gov.ua/ords/portal!/cm_core.cm_index?start (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)
8. Бочков А. А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности // Право. Экономика. Психология. 2019. № 1 (13). С. 3–9 [Вернуться к статье](#)
9. Навроцкая В. В., Яремко Г. З. Применение метода ментоскопирования при расследовании уголовных дел // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса : респ. науч.-практ. конф. : тезисы докладов, Минск, 7 июня 2019 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2019. С. 69–71. [Вернуться к статье](#)
10. Клеандров М. И. Научно-технический прогресс и проблемы правосудия // Государство и право. 2018. № 3. С. 14–27. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.113.1/343.851.5

СЕМАНТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ», «ПРОФИЛАКТИКА», «ПРЕВЕНЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Н. Ю. Веселов

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Криворожского факультета,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
докторант Донецкого юридического института МВД Украины
e-mail: veslovndl@ukr.net

Аннотация. В статье проанализировано смысловое значение и соотношение терминов «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «превенция» в теории и правовых актах в контексте исследования и правового регулирования ювенальной юстиции.
Ключевые слова: превенция, предотвращение, предупреждение, профилактика, ювенальная юстиция.

Annotation. The article analyzes the semantic meaning and correlation of the terms «prevention», «prevention» in theory and legal acts in the context of research and legal regulation of juvenile justice.
Keywords: prevention, prevention, prevention, prevention, juvenile justice.

В Замечании общего порядка Комитета ООН по правам ребенка № 10 (2007) указано, что политика правосудия в отношении несовершеннолетних без комплекса мер, направленных на предотвращение ювенальной преступности, имеет серьезные недостатки [1, с. 8]. Следовательно, любая система ювенальной юстиции такую деятельность, как профилактика правонарушений со стороны детей (ювенальная превенция), должна рассматривать как один из основных своих принципов и первоочередных направлений функционирования. Однако прежде чем рассматривать содержательное наполнение этой деятельности и особенности ее нормативно-правового регулирования, целесообразно определиться с основной терминологией по этому вопросу. Юридический термин соотносится с правовым понятием как с первоэлементом правового знания и служит его знаковой (языковой) моделью, представленной в звуковой и буквенной формах [2, с. 84].

На сегодня как в законодательстве, так и в научных публикациях параллельно употребляются очень близкие по значению термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «противодействие», «превенция». Попыток внести ясность в понимании соотношения этих понятий в научном кругу

было сделано немало, в том числе и в исследованиях так называемой ювенальной спецификации, но единого видения не сформировано и до сих пор.

Касательно профилактики и предупреждения те авторы, которые не считают эти термины тождественными, различают их по структурированности, уровню адресности воздействия и соотношению к негативным фактам или факторам. По их мнению, профилактика является составной частью предупреждения и носит более общий характер воздействия на факторы, детерминирующие правонарушения, в то время как предупреждение имеет более адресный характер и ориентировано на конкретного человека или категорию лиц. В совокупности отметим, что позиция относительно разграничения указанных понятий является слишком противоречивой и неоправданной. В пользу данной гипотезы можно привести несколько аргументов. Во-первых, в Законе Украины «Об органах и службах по делам детей и специальных учреждениях для детей» дефиниция профилактики правонарушений среди детей охватывает как деятельность, направленную на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению детьми правонарушений, так и положительное влияние на поведение отдельного ребенка в разных слоях его социального окружения (ст. 3). Во-вторых, в публикациях ряда авторов (Д. О'Махони, Р. Дизли [3, с. 12]; Н. В. Лесько [4, с. 8]; С. Г. Поволоцкой [5, с. 12–13]) степень адресности профилактического воздействия, его ретро-перспективная цель зависят только от уровня профилактики: «общая» или «индивидуальная», «первичная», «вторичная» и т. д. В-третьих, в законах некоторых соседних с Украиной стран (ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») предупреждение, наоборот, рассматривается как составляющая или направление профилактики (преимущественно в отношении правонарушений) и заключается в прекращении правонарушения на стадии приготовления или покушения.

Этимологически «профилактика» и «превенция» практически являются синонимами, единственно, что их отличает — одно слово имеет древнегреческое происхождение (πρόφύλακτικός — «предотвращающий»), другое — латинское (praeventio — «опережаю», «предупреждаю»). При этом в романогерманских языках (правовых актах и научных публикациях) используется именно латинский вариант этого слова, которое переводится как «профилактика», а также «предупреждение». Но фонетически слово «предупреждение» (в других языках) может и отличаться в таких значениях, как «замечание», «предостережение», «сигнал о чем-то», «указание». Если же речь идет о недопущении чего-либо — используется слово «превенция». Это примечание имеет

принципиальное значение и для нормативной лексики стран славянской языковой группы для тех случаев, когда мы говорим о «предупреждении», как о виде предостережения или принудительной меры, например, устное предупреждение полицейским лица о применении физической силы (ст. 43 Закона Украины «О Национальной полиции» или предупреждение полицейским лица при наличии в его действиях угрозы для других лиц или общественным интересам (ст. 72 Закона Республики Сербия «О полиции»), письменное предупреждение как административное взыскание (ст. 6.4 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь), мера воздействия, применяемая к несовершеннолетним (ст. 24-1 Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее — КУоАП)) и т. д. И хотя эти меры имеют превентивный характер, в приведенных случаях слово «предупреждение» не является тождественным понятию «превенция» (профилактика) как виду (направлению) деятельности уполномоченных субъектов по недопущению негативных явлений.

Что касается слова «предотвращение», то, исходя из содержания ст. 6 КУоАП, его значение совпадает с понятием «профилактика» в части выявления и нивелирования причин негативных явлений до их наступления. Предотвращение, в отличие от противодействия (если эти понятия рассматривать как совокупность последовательных мер определенного этапа и уровня реакции государства и общества на негативные проявления), фактически имеет позитивно-перспективный характер (это следует из содержания ст. 1 Закона Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию»). Противодействие непосредственно связано с началом негативного факта и включает мероприятия по его прекращению, расследованию, привлечению к ответственности нарушителей и т. п., таким образом, выходя за рамки профилактических мероприятий.

В основном ученые определяют профилактику как социально-управленческую деятельность, направленную на выявление и устранение (нейтрализацию) причин и условий совершения несовершеннолетними правонарушений, а также осуществление положительного влияния на поведение несовершеннолетних (позитивной профилактики) путем формирования у них правосознания, социально полезных навыков и интересов. В то же время ряд авторов расширяют границы профилактики, добавляя к указанным выше мероприятиям еще пресечение совершаемых детьми деликтов, применение к таким лицам мер воспитательного воздействия или административного принуждения (Я. М. Квитка [6, с. 12]), привлечение виновных к ответственности (Е. М. Дручек [7, с. 199]), осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей, а также постоянный мониторинг уровня детской преступности, его анализ (Я. В. Костенко [8, с. 79]). Относительно понятия «ювенальная превенция» И. В. Ищенко считает, что по сравнению с имеющим-

ся в украинском законодательстве понятием «профилактика правонарушений среди детей» первое понятие является более универсальным и охватывает по содержанию как предотвращение (профилактику), так и противодействие одновременно [9, с. 10]. На сегодня основные задания ювенальной превенции в Украине наиболее наглядно очерчены в Инструкции по организации работы подразделений ювенальной превенции Национальной полиции Украины [10, п. 1 р. II]. Эти задачи можно считать основными направлениями ювенальной превенции и для других субъектов этой деятельности (в пределах установленной компетенции). В таком формате ювенальная превенция действительно выходит за рамки профилактики правонарушений среди детей. То есть параллельно с воздействием на ребенка (его социальное окружение) с целью предотвращения совершения им правонарушений он (ребенок) в этих отношениях сам становится объектом защиты и социальной поддержки.

Можно согласиться, что ювенальная превенция, в отличие от профилактики, кроме выявления и устранения причин ювенальной делинквентности, должна включать и пресечение уполномоченными субъектами любых негативных проявлений в детском поведении или других негативных факторов, детерминирующих такое поведение. Предусмотренные как в украинском, так и в белорусском законодательстве меры пресечения противоправных действий в определенной степени соответствуют зарубежному аналогу полицейского «вмешательства» (*intervention* — англ.) как реакции на потенциальные (возможные) или начавшиеся факты правонарушений. Они представлены диверсифицированными операциями, включающими как запланированные мероприятия предупреждения правонарушений, так и ориентированные на конкретные текущие события, например, тревожный звонок и т. д. [11, с. 9]. Ювенальная превенция и профилактика, безусловно, должны включать и аналитический компонент — мониторинг состояния детской деликтности, оценку эффективности превентивной деятельности (отдельных профилактических мероприятий) уполномоченных субъектов. Но мы считаем ошибочной позицию тех авторов, которые включают в содержание профилактики и ювенальной превенции компоненты юрисдикционных производств, будь то административно-деликтное или уголовное производство. В подобном видении эти термины фактически замещают понятие ювенальной юстиции, основой которой является осуществление правосудия в отношении детей. Но отметим, что ювенальная превенция (профилактика) является лишь частью такого комплексного явления, как ювенальная юстиция (в расширенном ее понимании).

Таким образом, термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «противодействие», «превенция» по системно-смысловой связи являются видовыми, некоторые из них — даже синонимичными, но не абсолютно

тождественными понятиями. Общей чертой для всех этих понятий является их направленность — устранение негативных факторов, угрожающих нормальному существованию и развитию ребенка. Профилактика, предотвращение и предупреждение являются синонимами, за исключением тех случаев, когда слово «предупреждение» упоминается в нормативно-правовых актах как акт предостережения или принуждения. По сравнению с профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних ювенальная превенция является более широким понятием, поскольку, помимо чисто профилактических мероприятий, включает и действия, направленные на пресечение любых негативных проявлений со стороны или в отношении ребенка. Мы поддерживаем более активное использование термина «превенция», для начала в научном обороте, а постепенно и в нормативно-правовой лексике: во-первых, это будет способствовать объединению воедино всех тождественных понятий, связанных с предупреждением или профилактикой делинквентных проявлений; во-вторых, позволит избежать «конкуренции» названных термином; в-третьих, поможет унифицировать национальную нормативно-правовую терминологию с международной. В отличие от термина «противодействие» все остальные термины («профилактика», «превенция» и т. п.) не могут включать меры юрисдикционных производств (расследование, привлечение к юридической ответственности) и имеют преимущественно позитивно-перспективный характер по отношению к негативным фактам.

1. Children's Rights in Juvenile Justice [Electronic resource]: General comment No. 10 (2007), 25 April 2007, CRC/C/GC/10 / UN Committee on the Rights of the Child (CRC). URL: <https://www.refworld.org/docid/4670fca12.html> (date of access: 06.01.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Артикуца Н. В. Основи вчення про юридичний термін і юридичну термінологію // Українська термінологія і сучасність : зб. наук. праць. Вип. 6. К. : КНЕУ, 2005. С. 84–89. [Вернуться к статье](#)

3. O'Mahony D., Deazley R. Juvenile crime and justice Northern Ireland [Electronic resource]. Belfast : Northern Ireland Office, 2000. 100 p. URL: https://www.academia.edu/39653749/Juvenile_crime_and_justice_Northern_Ireland?email_work_card=thumbnail (date of access: 06.01.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Лесько Н. В. Адміністративно-правова діяльність органів і служб у справах дітей щодо профілактики правопорушень : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Львів, 2013. 20 с. [Вернуться к статье](#)

5. Поволоцька С. Г. Діяльність органів внутрішніх справ по профілактиці правопорушень серед неповнолітніх (адміністративно-управлінське дослідження) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Харків, 2005. 20 с. [Вернуться к статье](#)

6. Квітка Я. М. Попередження адміністративних правопорушень серед неповнолітніх : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Київ, 2002. 18 с. [Вернуться к статье](#)

7. Дручек О. М. Профілактика правопорушень у середовищі дитини як завдання міліції: поняття, зміст // Право і суспільство. 2014. № 5-2. С. 196–201. [Вернуться к статье](#)

8. Костенко Я. В. Ювенальна превенція як форма діяльності органів поліції України // Наук. вісник Міжнар. Гуманітар. ун-ту. Сер. Юриспруденція. 2018. № 31. С. 77–79. [Вернуться к статье](#)
9. Іщенко І. В. Адміністративно-правові засади здійснення підрозділами Національної поліції України ювенальної превенції : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07. Харків, 2019. 24 с. [Вернуться к статье](#)
10. Про затвердження Інструкції з організації роботи підрозділів ювенальної превенції Національної поліції України [Електронний ресурс] : наказ МВС України від 19.12.2017 р. № 1044. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0686-18/sp:max100> (дата доступу: 01.02.2020). [Вернуться к статье](#)
11. Polisens årsredovisning 2018 / Kommunikationsavdelningen Polismyndigheten. Stockholm : Polisens tryckeri, 2019. 176 s. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Т. И. Вишневская

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

***Аннотация.** В настоящее время в Республике Беларусь наблюдается рост геронтологической преступности (от греч. gerontos — «старый»), под которой следует понимать совокупность преступных посягательств, как совершаемых представителями пожилого возраста, так и в отношении последних. Геронтологическая преступность, являясь составляющей преступности в целом, имеет как общие с ней причины, так и специфические. В представленной статье детально проанализированы социальные детерминанты геронтологической преступности. Полученные автором результаты могут быть использованы для разработки комплекса эффективных мер предотвращения геронтологической преступности.*

***Ключевые слова:** геронтологическая преступность, преступники пожилого возраста, потерпевшие пожилого возраста, детерминанты геронтологической преступности.*

***Annotation.** Currently, there is an increase in gerontological crime in the Republic of Belarus (from the Greek gerontos — «old»), which should be understood as the totality of criminal assaults committed by both the elderly and the latter. Gerontological crime, being a component of crime in general, has both common causes with it, and specific. The presented article analyzes in detail the social determinants of gerontological crime. The results obtained by the author can be used to develop a set of effective measures to prevent gerontological crime.*

***Keywords:** gerontological crime, elderly criminals, elderly victims, determinants of gerontological crime.*

Анализ важнейших сторон общественной жизни XXI века способствует выработке новых подходов к пониманию и изучению детерминант геронтологической преступности. В качестве наиболее важных детерминант современной геронтологической преступности выступают противоречия в отношениях пожилого человека с внешней средой.

Как отмечает Ю. М. Антонян, «старость представляет собой своеобразную стигму, клеймо человека, она вызывает своеобразное осуждение со стороны общества, как будто человек виноват в том, что стал старым» [1, с. 28]. Расслоение общества на различные слои, группы населения приводит к возникновению конфликтов межгрупповых интересов, которые зачастую имеют криминальный контекст. Как справедливо замечают специалисты, к социальным детерминантам преступности следует отнести люмпенизацию (изгнание из граж-

данского общества) части населения, рост маргинальных элементов. Ю. О. Стрелковская утверждает, что одной из самых маргинальных групп современного общества являются лица пожилого возраста, так как именно они относятся к наиболее незащищенной категории населения. Старость в настоящее время понимается как синоним угасания, пожилое население вытесняется на периферию общественной жизни, исключается из социально престижных сфер. Связанная с выходом на пенсию смена социального статуса лиц пожилого возраста отражается не только на материальном положении этих людей, но и на моральном состоянии.

Отдельные специалисты указывают на рост так называемой геронтофобии — ненавистного отношения к лицам пожилого возраста со стороны молодого поколения, это проявляется в жестокости по отношению к пенсионерам, в нежелании оказать им реальную помощь. Некоторые западные ученые, начиная с английского философа Г. Спенсера и немецкого биолога А. Вейсмана, вообще выступали против идеи увеличения продолжительности жизни [1, с. 27]. Сегодня также есть сторонники их идей, требующие сократить усилия и расходы общества, направленные на увеличение продолжительности человеческой жизни, обосновывая этот подход экономической целесообразностью и потребностью уменьшения лишней налоговой нагрузки на людей, которые способны работать. При этом, кажется, такие люди забывают, что пройдет время и они сами станут пожилыми. В современном обществе внимание акцентируется главным образом на феноменах молодежной субкультуры. Все «новое» пропагандируется как прогрессивное, успешное и либеральное, а «старое» — как отрицательное, бесперспективное и консервативное. Пожилые люди часто ассоциируются с преградой на пути модернизации, воспринимаются как отягощающие социальную структуру. По мнению известного западного социолога Э. Гидденса, в обществе, в котором ценится молодость и подвижность, стариков просто перестают замечать [2, с. 167, 169]. В такой системе ценностей пожилые люди вынуждены лишь пассивно иллюстрировать приписываемые им черты. Стереотипное представление об «ущербности» пожилых людей нередко становится непреодолимым препятствием в самореализации, отвергающим их в маргинальные сферы общественной жизни. С одной стороны, маргинальное положение пожилых людей подталкивает их к девиантному поведению, совершению преступлений, а с другой — служит важным виктимологическим фактором, что побуждает противоправное поведение в отношении этих лиц.

Следует заметить, что формирование личности протекает под влиянием как общества в целом, так и микросреды (семья, трудовой коллектив, друзья и др.). Многочисленные исследования показали, что нравственное воспитание личности, формирование системы ценностей человека начинается в детском

возрасте, именно дефекты семейного воспитания часто приводят к девиантному поведению подростка, потом зрелого и пожилого человека. Кроме того, отсутствие семьи или социального контроля со стороны семьи в любом возрасте отрицательно сказывается на эмоционально-психологическом самочувствии и поведении человека, а в пожилом возрасте это становится причиной одиночества, заниженной самооценки, утраты смысла жизни. Установлено, что большинство пожилых преступников и жертв не имели семьи (разведенные, вдовы), были одиноки, не поддерживали хороших взаимоотношений с детьми, внуками и другими родственниками. Соответственно, семейные отношения с негативной деформацией влияют на формирование и закрепление антиобщественных взглядов и привычек. Наиболее опасными с точки зрения влияния на преступность являются семейно-бытовые конфликты. Как правило, длительные неприязненные отношения между членами семьи разных поколений, проживающими вместе на одной жилплощади, возникают, когда взрослые дети продолжают потребительски относиться к своим родителям, не проявляют должной заботы и внимания к родителям, нигде не работают и ведут паразитический образ жизни, систематически злоупотребляют алкоголем. Именно такие конфликты и заканчиваются противоправными деяниями.

Вместе с тем одной из распространенных причин геронтологической преступности является геронтологическое насилие, под которым понимаются противоправные действия, расходящиеся с общепринятыми социокультурными нормами, социальными образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которых является нанесение им физического, экономического, психологического вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможностях приемлемого уровня жизни. Геронтологическое насилие чаще всего возникает при необходимости длительного постоянного ухода за пожилым человеком, что часто становится слишком обременительным делом даже для самых близких людей. Психологи отмечают, что с появлением в семье пожилого человека, нуждающегося в особом внимании и длительном уходе, меняется жизнь всех ее членов, дестабилизируются семейные отношения, ухудшается материальное положение [3, с. 133, 135]. На более широкий комплекс факторов геронтологического насилия в отношении лиц пожилого возраста указывает российский социолог П. В. Пучков: 1) закрытость темы геронтологического насилия в обществе; 2) лояльность к насильственным действиям в отношении лиц пожилого возраста (такие действия часто не воспринимаются как преступные); 3) наличие различных мифов, укоренившихся в общественном сознании, которые «оправдывают» применение насилия (мифы о старческом слабоумии, об отсутствии разнообразных потребностей в пожилом возрасте); 4) материальная зависимость пожилых людей как от государства, так и от членов семьи или,

наоборот, вследствие чего обостряются жилищные и социальные проблемы; 5) алкогольная и наркотическая зависимость; 6) статус пожилого человека, не обладающего достаточными материальными средствами; 7) нарушение межпоколенной трансляции норм, ценностей и представлений о жизни; 8) низкий социальный статус профессий, ориентированных на оказание услуг пожилым людям, их дефицит и низкое качество; 9) физические, психические, моральные трудности, возникающие во время обслуживания пожилых людей; 10) транзитные социально-психологические феномены: семейная тайна, стыд и др. [4, с. 39].

Как было отмечено ранее, преступления в семейной сфере характеризуются высокой латентностью. Как правило, фиксируются только самые опасные преступления (убийства, телесные повреждения, пытки). Зато систематические побои, экономические притеснения и другие виды насилия часто остаются за пределами статистического учета. При этом С. В. Кочеткова справедливо отмечает, что количество зарегистрированных преступлений зависит не столько от деятельности правоохранительных органов, сколько от желания потерпевших и их родственников подать заявление о совершенном преступлении [5, с. 116]. В силу разных причин жертвы домашнего насилия крайне редко сообщают о насилии, которое имело место в отношении них. Соответственно важно минимизировать латентную преступность, т. к. без полных данных о фактической преступности искажается истинная картина о действительной распространенности преступности, о числе лиц, совершивших преступления, а также о реальной «цене» преступности.

Говоря о микросреде, следует отметить, что условием геронтологической преступности может выступать отсутствие положительных социальных контактов и тесное общение пожилых людей с лицами, отличающимися преступной деформацией: ранее неоднократно совершавшими преступления, частое использующими насилие как способ решения проблем, злоупотребляющими алкоголем.

Негативное влияние ближайшего окружения как правило имеет место во время нерационального или негативного проведения свободного времени лицами пожилого возраста. Выход на пенсию объективно влечет за собой изменение социального статуса и связанного с ним образа жизни. В течение некоторого времени после прекращения трудовой деятельности люди пожилого возраста испытывают наслаждение свободой, после чего у них часто возникает чувство опустошения, ненужности, которое со временем трансформируется во фрустрацию, провоцирующую гнев и раздраженность на окружающий мир [6, с. 138]. Длительное отсутствие какой-либо повседневной полезной занятости после выхода на пенсию, видение бесперспективности дальнейшего существования мо-

гут привести к дезадаптации, резкому ухудшению психического и (или) физического здоровья, суициду, уголовному поведению. Поэтому к детерминантам геронтологической преступности целесообразно отнести и недостатки в сфере организации полезного досуга пожилого населения, нехватку общественных организаций, объединяющих пожилых людей, специальных центров для их положительного общения и досуга.

Таким образом, для эффективного предупреждения геронтологической преступности необходимо обеспечение социальной интеграции и поддержки пожилых людей в современном обществе. Благоприятный климат в семье, где царит поддержка и забота, согласие и понимание, глубокое уважение к старшим, где человек пожилого возраста чувствует себя нужным, близким, является залогом достойной старости, непременным условием преемственности поколений и, конечно, стимулирует лиц пожилого возраста вести себя правомерно.

1. Антонян Ю. М., Волкова Т. Н. Преступность стариков : монография. Рязань : Академия права и управления ФСИИ, 2005. 160 с. [Вернуться к статье](#)
2. Гидденс Э. Социология / пер. с англ. В. Шовкун, А. Олейник ; науч. ред. О. Иващенко. К. : Основы, 1999. 726 с. [Вернуться к статье](#)
3. Добровольская Т. А., Шабалина Н. Б. Как живет семья с нетрудоспособным? // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 133–136. [Вернуться к статье](#)
4. Пучков П. В. Вы чье, старичье? Опыт анализа геронтологического насилия // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 35–41. [Вернуться к статье](#)
5. Кочеткова С. В. Опыт анализа насилия в семье // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 114–117. [Вернуться к статье](#)
6. Кулакова В. А., Карепанова И. Ю. Социальная депривация как фактор формирования преступного поведения лиц пожилого возраста // Право и государство: теория и практика. 2008. № 12 (48). С. 137–139. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.69

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. Б. Габриянич

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

УО «Гродненский государственный университет

имени Янки Купалы» (Беларусь)

e-mail: alvart87@gmail.com

***Аннотация.** Цель исследования — научное обоснование понятия и признаков специальных знаний, применяемых в гражданском и хозяйственном процессе. На основе критического анализа научной литературы автором уточнены признаки данного понятия, сформулировано его определение.*

В статье проведен анализ научной дискуссии относительно понятия и признаков специальных знаний, а также целей их использования в гражданском и хозяйственном судопроизводстве. Установлены общие и специфические признаки специальных знаний, обосновано, что к последним следует относить цель их использования. Определено понятие специальных знаний, отмечены цели использования специальных знаний, корреспондирующие с общей целью и задачами судопроизводства по гражданским и хозяйственным спорам. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления определения термина «специальные знания».

***Ключевые слова:** специальные знания, сведущие лица, цивилистический процесс, признаки, правовой институт, юридическая терминология.*

***Annotation.** The purpose of the study is the scientific justification of the concept and signs of special knowledge used in the civil and economic process. On the basis of a critical analysis of scientific literature, the author clarified the signs of this concept, formulated its definition.*

In the article, the theoretical and practical significance of the study of the concept and signs of special knowledge in civil and economic proceedings is determined, an analysis of the scientific discussion regarding the concept and signs of special knowledge, as well as the purposes of their use in civil and economic proceedings is analyzed. The signs of special knowledge are established, It is proved that the purpose of using special knowledge is not an essential sign. The concept of special knowledge is defined, the goals of using special knowledge are noted, which correspond to the general purpose and objectives of legal proceedings in civil and economic disputes. The conclusion is drawn on the need for legislative consolidation of the definition of the term “special knowledge”.

***Keywords:** special knowledge, knowledgeable persons, civil process, features, legal institute, legal terminology.*

Возможности использования достижений естественных, технических и гуманитарных наук, в юриспруденции именуемых специальными знаниями, для достижения целей правоохранительной и судебной деятельности в правовой науке изучаются достаточно давно. И если на начальном этапе становления ин-

ститута специальных знаний потребность в их использовании сводилась лишь к области медицины [1, с. 128], то в настоящее время, как отмечает Т. В. Сахнова, «интеграция специальных знаний в юридическую практику приобретает все больший размах» [2, с. 2].

Исследование любого правового явления следует начинать с определения его сущности, которое в свою очередь отражается в правовых дефинициях. Проведенный нами обзор научных работ диссертационного и монографического характера, посвященных исследуемой проблеме, позволяет отметить многообразие точек зрения на сущность специальных знаний, а также их качественные признаки. Сложность в уяснении сущности института специальных знаний заключается также в том, что в настоящее время отечественный законодатель, используя данный термин в нормативных правовых актах, в первую очередь кодифицированных, не дает его легального определения. На наш взгляд, сложившееся положение вещей является проблемой как теоретического, так и практического характера. С теоретической точки зрения совершенство позитивного права и его способность точно и качественно регулировать уже сложившиеся и будущие общественные отношения заключаются, по мнению Н. И. Панова, в глубине и совершенстве разработанных (сформированных) правовых понятий и категорий юридической науки [3]. С точки зрения практики использования специальных знаний в юридической деятельности, в частности в судопроизводстве, решение данной научной проблемы позволит усилить гарантии для судей и работников правоохранительных органов, в компетенцию которых непосредственно входят полномочия по использованию специальных знаний в различных формах, по отграничению знаний специальных от общедоступных, позволит оценить потенциал данного института и его практическую пользу при расследовании преступлений и осуществлении правосудия. Кроме того, практическая значимость научной разработки термина «специальные знания» и определение признаков, входящих в содержание данного понятия, необходимы для дальнейшего развития законодательства об институте специальных знаний, ведь, как верно отмечается в литературе, «правовое регулирование того или иного явления производно от его сущности» [4, с. 234].

При определении понятия специальных знаний, равно как и любого другого правового понятия, следует исходить из необходимости формализации знаний, которая заключается в абстрагировании от несущественных (неглавных) черт и свойств таких явлений, и, наоборот, установлении наиболее существенных общих (типичных) признаков, свойственных всему классу (типу) этих явлений, которыми последние отличаются от других [5, с. 44–48].

В литературе высказывались различные точки зрения на то, что представляют собой специальные знания, применяемые в юридической деятельности,

при этом многие определения обладали отраслевой спецификой в силу того, что институт специальных знаний является комплексным межотраслевым правовым институтом.

Одно из первых определений специальных знаний было дано в 60-е годы А. А. Эйсманом, которые отмечал, что специальные знания — это знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения, которыми располагает ограниченный круг специалистов [6, с. 91]. В дальнейшем многими авторами была предпринята попытка обосновать наличие иных признаков специальных знаний: наличие теоретической подготовки по определенной специальности, профессиональный опыт, а также навыки их применения.

Понятие специальных знаний и их признаки с позиции гражданского судопроизводства обосновал А. А. Мохов. По его мнению, специальными являются профессиональные знания, за исключением профессиональных знаний субъектов доказывания, используемые в установленном законом порядке при рассмотрении и разрешении гражданских дел с целью вынесения законного и обоснованного акта судебной власти [7, с. 7].

В настоящее время в науке существует дискуссия относительно того, следует ли относить к специальным знаниям знания правовые. В данном ракурсе позиции исследователей диаметрально противоположны — от полного отрицания такой перспективы до признания необходимости и целесообразности отнесения правовых знаний к специальным и использования таковых в судопроизводстве.

В настоящее время нигде в законе прямо не указывается, что юридические знания не могут быть специальными. Подобные трактовки обычно даются в комментариях к соответствующим статьям на основании действующей много лет в советском процессуальном праве презумпции: «судьи знают право». Так, еще в 1971 году п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» говорилось о том, что суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию.

На наш взгляд, законодательное закрепление возможности для судей привлекать в процесс рассмотрения дела высококвалифицированных юристов (в качестве специалистов) для дачи консультаций по правовым вопросам, вопросам, связанным с толкованием и применением правовых норм, а также экспертов для проведения «юридических», «научно-правовых» экспертиз открывает перед судопроизводством новые возможности и, безусловно, позволяет эффективнее достигать целей судопроизводства, связанных с обеспечением за-

конного разрешения споров, а также обеспечением справедливого судебного разбирательства независимым, беспристрастным и компетентным судом.

Таким образом, думается, что в настоящее время назрела необходимость переосмыслить тезис о том, что юридические знания не должны относиться к знаниям специальным. В подтверждение сказанного приведем свои аргументы.

Во-первых, в настоящее время в Республике Беларусь насчитывается огромное количество нормативных правовых актов, в том числе и технических нормативных правовых актов (технических регламентов, стандартов и т. д.), при этом их количество неуклонно растет, а уровень юридической техники не всегда является высоким, что порождает проблемы с пониманием и последующим толкованием этих нормативных правовых актов. Безусловно, в сложившейся ситуации судьям и иным субъектам, в компетенцию которых входит полномочие по использованию специальных знаний, достаточно сложно свободно ориентироваться в многообразии всего нормативного массива.

Во-вторых, процессуальное законодательство закрепляет относительно небольшие сроки рассмотрения и разрешения дел, требует от судей оперативности при рассмотрении и разрешении дел, а в совокупности с нагрузкой на судей, которая по-прежнему остается достаточно высокой, могут возникать проблемы с глубоким изучением и осмыслением совокупности норм права, регулирующих те или иные общественные отношения.

В-третьих, судья, рассматривающий дело, как правило, владеет знаниями только из определенных отраслей права и не в состоянии в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется.

Не умаляя значения судьи как, а также не противореча тезису о том, что «судьи знают право», отметим, что в некоторой степени необходимость в привлечении сведущих лиц для дачи правовых консультаций либо для проведения научно-правовых экспертиз существует.

Еще одним аргументом в данном споре, на наш взгляд, выступает и переосмысление концепции использования специальных знаний, согласно которой такие знания в процессе расследования преступлений или при рассмотрении различных категорий дел могли применять только следователи, прокуроры, судьи и иные работники правоохранительных органов. В настоящее время научно обоснованы положения о возможностях использования специальных знаний адвокатами — представителями по гражданским делам, защитниками по уголовным делам, сторонами и их представителями в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Обращаясь к вопросу о признаках специальных знаний, отражающих в полной мере сущность данного правового явления, отметим следующее. Си-

стематизация и вычленение признаков специальных знаний должны происходить с учетом того, что совокупность правовых норм о порядке их использования образует, по сути, межотраслевой комплексный правовой институт. Таким образом, специфика отрасли юридической деятельности, в которой данные знания применяются в различных формах, определяет и конкретный набор их признаков. В связи с изложенным полагаем необходимым выделить ряд общих признаков специальных знаний, а также ряд специфических признаков, характерных только для той или иной сферы их применения.

Безусловно, что к общим признакам специальных знаний следует отнести то, что таковые являются структурно-организованными сведениями в определенных областях жизни. Исходя из смысла слова «специальный», признаком таких знаний является их исключительность, т. е. обладание специальным знанием присуще не всем людям, а отдельным категориям. Логичным выглядит и третий общий признак таких знаний: таковые могут быть получены в результате профессиональной подготовки по определенной специальности, что должно подтверждаться документально. В качестве общего признака специальных знаний считаем необходимым выделить и особый порядок их использования, закрепленный в законодательстве.

Несмотря на то, что большинство авторов в качестве существенного признака специальных знаний относят цель их использования, считаем, что таковая является скорее специфическим признаком специальных знаний, который обосновывает внедрение данного правового явления в конкретную отрасль юридической деятельности. В частности, для гражданского и хозяйственного судопроизводства характерны свои, отличные от иных судопроизводств, цели использования специальных знаний. К таковым следует относить: получение доказательственной информации по делу и иной информации, не имеющей доказательственного значения, но влияющей на установление действительных обстоятельств дела; обеспечение полноты, объективности и своевременности рассмотрения дела; содействие примирению сторон.

Проведенный анализ проблемы определения понятия и признаков специальных знаний позволяет сделать следующие выводы.

Отсутствие законодательного определения термина «специальные знания» лишает субъектов правоприменения возможности оценить субъективные и объективные критерии выделения знаний в категорию «специальные».

На основе критического анализа мнений и суждений о правовой природе специальных знаний отметим следующие признаки специальных знаний.

К общим признакам специальных знаний как правового института, внедренного в разные виды судопроизводств, отнесем следующие:

– являются структурно-организованными сведениями в определенных областях жизни;

– исключительность, т. е. обладание специальным знанием присуще не всем людям, а отдельным категориям;

– могут быть получены в результате профессиональной подготовки по определенной специальности, что должно подтверждаться документально;

– особый порядок их использования, закрепленный в законодательстве.

Специфические признаки данного правового понятия отражают сущность и необходимость использования специальных знаний в тот или иной вид судопроизводства. К специфическим признакам следует относить цель использования специальных знаний. Для гражданского и хозяйственного судопроизводства характерны следующие цели их использования: получение доказательственной информации по делу и иной информации, не имеющей доказательственного значения, но влияющей на установление действительных обстоятельств дела; обеспечение полноты, объективности и своевременности рассмотрения дела; содействие примирению сторон.

Таким образом, под специальными знаниями в судопроизводстве следует понимать совокупность структурно-организованных сведений в определенных областях жизни, полученных субъектом в условиях профессиональной подготовки по определенной специальности, которые используются в установленном законом порядке.

1. Тонков Е. Е., Каторгина Н. П. Зарождение и развитие института специальных знаний в российском судопроизводстве: конституционный анализ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия, социология, право. 2016. № 24. С. 128–134. [Вернуться к статье](#)

2. Сахнова Т. В. Экспертиза в гражданском процессе: теоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 1998. 62 с. [Вернуться к статье](#)

3. Панов Н. И. Проблемы методологии формирования категориально-понятийного аппарата юридической науки [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-metodologi-formirovaniya-kategorialno-ponyatiynogo-apparata-yuridicheskoy-nauki> (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Здрок О. Н. Содержание и объем понятия «примирительные процедуры» // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол. : И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2017. С. 233–241. [Вернуться к статье](#)

5. Бабаев В. К. Формальная определенность и возможность формализации законодательства // Советское государство и право. 1978. № 4. С. 43–49. [Вернуться к статье](#)

6. Эйсман А. Л. Заключение эксперта. М., 1971. 164 с. [Вернуться к статье](#)

7. Мохов, А. А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / А. А. Мохов ; МВД России ; Санкт-Петербург. ун-т. СПб., 2006. 36 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

МЕСТО КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ УНИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Д. В. Гапоненко

младший научный сотрудник отдела исследований в области
гражданского, экологического и социального права,

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

e-mail: darinagaponenko@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье исследуется сущность кассационного производства в гражданском и хозяйственном судопроизводстве не только на современном этапе развития, но и в историческом контексте. Проанализированы вопросы определения места и роли кассационного производства в рамках предстоящей унификации, а также особенности его применения.*

***Ключевые слова:** судопроизводство, обжалование, кассационное производство, унификация.*

***Annotation.** This article examines the essence of cassation proceedings in civil and economic proceedings not only at the present stage of development, but also in the historical context. The issues of determining the place and role of cassation proceedings in the upcoming unification, as well as the features of its application, are analyzed.*

***Keywords:** legal proceedings, appeal, cassation proceedings, unification.*

Одним из ключевых положений Всеобщей декларации прав человека выступает закрепленное в ней право каждого на эффективное восстановление в предоставленных Конституцией или Законом правах компетентными национальными судами в случаях их нарушения (ст. 8) [1].

Положения Конституции Республики Беларусь предоставляют гражданам не только возможность осуществлять защиту своих прав и законных интересов, но и право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений (ст. 115) [2]. Одной из форм подобного обжалования, составляющей самостоятельную стадию судопроизводства Республики Беларусь, выступает кассационное производство, возникшее первоначально именно в рамках гражданского процесса, получив закрепление в положениях Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК) БССР 1923 г., ст. 278 которого предоставила право участвующим в деле лицам на обжалование решений суда в кассационном порядке в Верховный Суд [3].

ГПК БССР 1923 г. предусматривал возможность обжалования решений суда лишь в кассационном порядке или их пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. XXIX). Согласно ст. 281 ГПК БССР 1923 г. кассационная жалоба на решение народного суда могла быть подана в десятидневный срок со

дня объявления решения, т. е. в положениях данного акта была реализована классическая модель кассационного обжалования именно не вступившего в законную силу решения суда.

Нормы ГПК БССР 1923 г. в качестве суда кассационной инстанции определяли Верховный Суд БССР, который действовал в составе:

- Президиума;
- пленарного заседания Верховного Суда;
- кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам [4, с. 111].

Суд при рассмотрении дела в кассационном порядке не должен был ограничиваться основаниями, указанными в жалобе, будучи полномочным выяснять не имеется ли в деле иных нарушений закона (ст. 288 ГПК БССР 1923 г.). Право суда пересматривать в рамках кассационного производства дело в полном объеме было предусмотрено и положениями ст. 280 ГПК БССР 1964 г., согласно которой при рассмотрении дела в кассационном порядке суд по имеющимся в деле и дополнительно предоставленным сторонами и другими лицами, участвующими в деле, материалам проверял законность и обоснованность решения суда первой инстанции как в обжалованной, так и в необжалованной части, а равно в отношении лиц, не подавших жалобы [5].

Т. С. Таранова и Н. И. Ивуть отмечают, что процесс применения норм ГПК БССР 1964 г. сформировал ряд черт кассационного производства, которые можно определить следующим образом:

- широкая возможность обжалования и опротестования решений;
- проверка кассационной инстанцией как юридической, так и фактической стороны гражданского дела;
- право и обязанность вышестоящего суда проверить решение как в обжалованной, так и в необжалованной частях [6, с. 491].

Описанная классическая модель кассационного производства сохранилась и в положениях ГПК 1999 г., однако с небольшими корректировками, свидетельствующими о приобретении кассационным производством элементов апелляции [7].

Относительно экономического производства следует отметить, что первый Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ХПК) не содержал упоминаний о такой стадии судебного процесса и только в ХПК 1998 г. было закреплено право участвующих в деле лиц на кассационное обжалование (опротестование) судебных постановлений. В ХПК 1998 г. появилась отдельная глава, посвященная рассмотрению судебных актов в кассационной инстанции (гл. 32) [8]. При этом институт кассации хозяйственного процесса в своих основных чертах явился результатом заимствования аналогичной

формы пересмотра судебных постановлений из гражданского процесса (в частности, модели кассации, предусмотренной ГПК).

В рамках данного исследования особый интерес представляет вопрос об определении места кассационного производства в контексте унификации гражданского и хозяйственного процессов, признанной Советом по вопросам правовой и судебной деятельности при Президента Республики Беларусь (протокол заседания от 2 ноября 2016 г. № 4) в качестве необходимой меры развития судебной системы.

Вопрос необходимости унификации указанных процессов становится на сегодняшний день весьма дискуссионным, имея как приверженцев, так и противников. Однако в контексте данного исследования нас интересует не обоснованность подобных преобразований судебной системы в целом, а вопрос определения места кассации в контексте рассматриваемого процесса.

В настоящее время кассационное производство как форма проверки постановлений суда первой и апелляционной инстанции предусмотрено лишь положениями ХПК 1999 г. (гл. 32). В гражданском процессе Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» была произведена замена кассационной формы проверки не вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам на апелляционное производство [9].

По мнению В. П. Скобелева, подобное изменение выступает лишь терминологическим новшеством и ничем более. Существовавшая в гражданском процессе модель кассационного производства представляла собой неполную апелляцию и с точки зрения нормативного регулирования являлась достаточно эффективной проверочной процедурой, нуждавшейся в корректировке лишь по вопросам объема права на кассационное обжалование, пределов кассационного пересмотра, ограничения предоставляемых доказательств и т. д. [10, с. 266–267].

Наряду с этим в положениях действующего ХПК Республики Беларусь предусмотрено существование как апелляционного, так и кассационного производств. Так, ст. 282 ХПК 1999 г. предоставляет лицам, участвующим в деле, право подать кассационную жалобу (протест) на судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции, вступившее в законную силу, и судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, апелляционной инстанции. Пересмотр дела осуществляется с позиции оценки правильности применения норм материального и (или) процессуального права (ст. 294 ХПК).

Подводя итог вышеизложенному, считаем необходимым отметить следующее: кассационное производство выступает важной инстанцией пересмотра судебных решений и постановлений, пройдя долгий путь становления, сохра-

нившись лишь в нормах действующего ХПК Республики Беларусь. Учитывая специфику процесса предстоящей унификации гражданского и хозяйственного процессов, считаем целесообразным сохранить стадию пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, применяемой только после рассмотрения дела в апелляционном порядке. При этом подобные процедуры не должны приводить к чрезмерному затягиванию исполнения решений судов первой инстанции. Пересмотр дела в полном объеме на данной стадии производить не целесообразно, предполагая осуществление подобных действий в рамках апелляционного производства.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217А (III) Генер. Ассамблеи, 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский процессуальный кодекс БССР 1923 г. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/GPK_BSSR_1923.pdf (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Бибило В. Н. Становление и развитие белорусского законодательства о судостроительстве // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Вып. 21. Минск : БГУ, 2010. С. 110–128. [Вернуться к статье](#)

5. Гражданский процессуальный кодекс БССР 1964 г. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. URL: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_BSSR_1964.pdf (дата обращения: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)

6. Таранова Т. С., Ивуть Н. И. Кассационное производство в гражданском и хозяйственном процессе: проблемы унификации // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / М-во образования Респ. Беларусь, Белорусский гос. экон. ун-т ; редкол.: В. Н. Шимов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГЭУ, 2016. Вып. 9. С. 490–495. [Вернуться к статье](#)

7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

8. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

9. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2018 г., № 94-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

10. Скобелев В. П. Становление и развитие гражданского процессуального права суверенной Беларуси (1990–2015) // Право и демократия : сб. науч. тр. / БГУ ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Вып. 27. Минск : БГУ, 2016. С. 246–271. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

О СТРУКТУРЕ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. И. Глинда

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета, магистр юридических наук,
Белорусский государственный университет
e-mail: slyann@mail.ru

***Аннотация.** Исследуется вопрос выделения структурных элементов института юридической ответственности с учетом построения системы права. На основании анализа научной литературы рассмотрены варианты вертикального и горизонтального состава системы института юридической ответственности. Предлагается вывод о целесообразности функционального подхода к выделению структурных элементов института юридической ответственности.*

***Ключевые слова:** система права, структура, институт юридической ответственности, регулятивное и охранительное право.*

***Annotation.** The issue of highlighting the structural elements of the institution of legal responsibility taking into account the construction of a system of rights is investigated. Variants for the vertical and horizontal structure of the system of the institute of legal responsibility are considered based on the analysis of the scientific literature. Suggested the conclusion on the feasibility of a functional approach to highlighting the structural elements of the institution of legal responsibility.*

***Keywords:** system of law, structure, institute of legal responsibility, regulatory and enforcement law.*

Юридическая ответственность — многогранное и системное образование, в котором наиболее четко выражена сущность и содержание функций права [1].

Общим свойством всех сложных систем является наличие определенной структуры, обусловленной формой пространственно-временных связей или взаимодействий между элементами системы. Систему можно назвать организованной, если ее существование либо необходимо для поддержания некоторой функциональной (выполняющей заданную работу) структуры, либо, напротив, зависит от деятельности такой структуры. Выделение системы делит ее мир на две части — саму систему и ее среду [2].

Для института юридической ответственности такой средой выступает система права. В этой связи целесообразно и структуру института юридической ответственности рассматривать с точки зрения структуры права.

В общей теории права всю совокупность действующих в обществе норм права делят на некоторые структурные образования, части, каждая из которых выполняет свою самостоятельную роль в правовом регулировании обществен-

ных отношений. Именно для обозначения тесной взаимосвязи между нормами права при их одновременном разделении на некоторые структурные единицы (части) в общей теории права используется понятие (категория) системы права [3, с. 452–453].

Система права — это внутренняя структура или деление права на отрасли. При этом деление может быть как по вертикали, так и по горизонтали.

Чаще всего в научной литературе структуру института юридической ответственности рассматривают по вертикали. В таком понимании юридическая ответственность как система состоит из подсистем, которыми высупают отдельные виды юридической ответственности. Каждый вид юридической ответственности характеризуется своими подвидами, а подвиды состоят из соответствующих норм юридической ответственности.

Так, В. М. Ягудина отмечает, что в правовой науке «группы» или «подразделения» системы называют видами юридической ответственности. Именно «вид ответственности» является центральной категорией классификации юридической ответственности [4, с. 23].

Выделяют структурные элементы по вертикальному принципу и другие исследователи.

Д. А. Липинский констатирует, что институт юридической ответственности характеризуется сложной структурой, которая предстает как определенная система, элементами которой выступают субинституты и нормы юридической ответственности. Самостоятельной подсистемой института юридической ответственности являются: нормы-дефиниции, нормы-цели, нормы-принципы, нормы-задачи. При этом автор приходит к выводу, что определяющим критерием в делении институтов юридической ответственности на отдельные элементы являются специфические свойства предмета и метода правового регулирования. Иными словами, существование и наличие соответствующего субинститута юридической ответственности непосредственно зависит от отраслевой принадлежности [5].

Р. Р. Хаснутдинов придерживается точки зрения о необходимости в качестве структурных элементов (компонентов) системы юридической ответственности выделять виды юридической ответственности с учетом отраслевого критерия [6, с. 39].

М. П. Авдеенкова, характеризуя систему юридической ответственности, представляет ее в виде взаимосвязанной и взаимообусловленной совокупности видов, форм и типов юридической ответственности, находящихся в единстве и взаимодействии. В качестве наиболее крупного элемента системы юридической ответственности автор называет типы ответственности, представляющие собой группировку системных элементов юридической ответственности по признаку

преимущественной направленности прямого охранительного воздействия юридической ответственности и степени участия публичного образования в правоотношениях по ответственности. Ученый выделяет публично-правовую и частно-правовую ответственность. Среди форм юридической ответственности автор выделяет гражданско-правовую, уголовную, административную, дисциплинарную, материальную, ответственность в сфере реализации публичной власти, финансовую ответственность, ответственность за нарушение норм, регламентирующих реализацию специального статуса лица, и ответственность за нарушение норм процессуального права [7, с. 27–32].

Как видим, авторы изначально исходят из состава правового института «институт — субинститут — норма» и в зависимости от видовой принадлежности последнего элемента данной структуры объясняют построение института юридической ответственности.

Действительно, юридическая ответственность, являясь инструментом регулирования общественных отношений, образует целостный объект в рамках системы права — комплексный межотраслевой институт права.

Институт права можно рассматривать как достаточно устойчивую группу правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений. Исходя из данного определения, нормы о юридической ответственности с уверенностью можно объединить понятием правового института и рассматривать его как в контексте норм конкретных отраслей права, как предлагает, в частности, Н. В. Витрук [8], а также и в качестве общей межотраслевой категории, в равной степени имеющей отношение ко всем отраслям права (такой точки зрения придерживаются, к примеру, А. А. Иванов [9] и Д. А. Липинский [5]).

Однако институт юридической ответственности отличается от иных охранительных институтов. Юридическая ответственность не только охраняет регулятивные нормы и соответствующие им правовые отношения, но и гарантирует действие других охранительных институтов [10].

По своей природе институт юридической ответственности имеет правовой и межотраслевой характер, государственные характеристики тесно взаимосвязаны в нем с общесоциальными. При этом данный институт является регулятивно-охранительным, превентивно воздействующим на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения — регламентирующим восстановительно-карательные отношения, возникающие в связи с правонарушением.

О. А. Кожевников отмечает, что юридическая ответственность является правовым образованием в системе права, посредством которого государство обеспечивает функцию управления обществом путем правовой регламентации

действий субъектов права в регулятивных правоотношениях, а также путем предупреждения о применении или применения мер принуждения к правонарушителям [1].

Таким образом, наряду с выделением структурных элементов системы института юридической ответственности по вертикали структуру института юридической ответственности можно рассматривать с позиции исходного сущностного начала всех составляющих данный институт норм и субинститутов как некоего целого и построения его структуры по горизонтали.

Исходить необходимо из горизонтального деления права на подсистемы регулятивного и охранительного права с учетом «полиерархического характера» [11, с. 14] системы источников права. Регулятивные отрасли права — это отрасли права, в которых основной упор делается на установление прав и обязанностей субъектов (конституционное (государственное), административное, гражданское, финансовое, трудовое, экологическое право и т. п.).

Охранительные отрасли права, направленные на защиту правоотношений, — это уголовное право, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право. Кроме того, в юридической литературе к охранительным отраслям относят гражданский и арбитражный процесс.

Исходя из такого подхода, институт юридической ответственности — это часть охранительного права. Та его часть, что охватывает полностью «чистые» охранительные отрасли — уголовное, административно-деликтное право, а также нормы и институты сугубо охранительной, т. е. связанной с правонарушением, непроцессуальной направленности, из других охранительных отраслей.

Институт юридической ответственности включает нормы воспитательной, карательной направленности регулятивных отраслей, которые размещаются во всех видах формальных источников права и нацелены на защиту позитивных правоотношений внутри регулятивной отрасли ее методами без применения или с опосредованным применением государственно-властных полномочий: институт штрафа в гражданском праве, институт дисциплинарной ответственности в трудовом.

Выделение названных элементов обусловлено особой межотраслевой природой института юридической ответственности, в связи с чем в рамках любого отраслевого вида ответственности принципиальные начала и назначение норм являются сходными. Деление института юридической ответственности на нормы и субинституты не вызывает сомнения, однако не раскрывает специфики данного правового явления, поскольку является общим принципом построения правовой системы. В связи с изложенным структурирование института юридической ответственности с точки зрения отнесения к охранительной функцио-

нальной подсистеме права наиболее точно позволяет, по нашему мнению, отобразить институт юридической ответственности как целостное и целенаправленное явление, призванное обеспечивать праву возможность регулирования общественных отношений.

1. Кожевников О. А. Юридическая ответственность в системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2003. 19 с. [Вернуться к статье](#)
2. Теория организации [Электронный ресурс]. URL: <https://partnerstvo.ru/lib/to/node/23> (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)
3. Сільчанка М. У. Агульная тэорыя права : вучэб.-метаэд. комплекс / М. У. Сільчанка. Гродна : ГрДУ, 2008. 712 с. [Вернуться к статье](#)
4. Ягудина В. М. Юридическая ответственность: система и классификация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Москов. новый юрид. ин-т. М., 2010. 31 с. [Вернуться к статье](#)
5. Липинский Д. А. К вопросу о структуре института юридической ответственности [Электронный ресурс]. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media71251/Lipinsky.pdf (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)
6. Хаснутдинов Р. Р. Структура системы юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 30–44. [Вернуться к статье](#)
7. Авдеенкова М. П. Система юридической ответственности в современной России // Государство и право. 2007. № 7. С. 25–32. [Вернуться к статье](#)
8. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности [Электронный ресурс] : монография. 2-е изд., испр. и доп. URL: <http://elibrary.ru/teoriya-prava-rf/institutyi-yuridicheskoy-otvetstvennosti-22548.html> (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)
9. Иванов А. А. Цели юридической ответственности, ее функции и принципы [Электронный ресурс]. URL: http://library.by/portalus/modules/variables/readme.php?subaction=showfull&id=1295966548&archive=1296033950&start_from&ucat& (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)
10. Корнилов А. Р. К вопросу о понятии и содержании института юридической ответственности [Электронный ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/archive/32/ponyatie-instituta-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 22.02.2020). [Вернуться к статье](#)
11. Сильченко Н. В. Проблемы иерархии источников права // Государство и право. 2018. № 4. С. 13–20. [Вернуться к статье](#)

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧЕНИЯ О РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПРАВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

А. В. Григорьев

доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: Grigor-alex@mail.ru

***Аннотация.** Анализируются различные точки зрения на понятие реализации права и ее формы в дореволюционной, советской и современной теории права. На основе положений Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г. № 263-З и анализа правоприменительной практики доказывается теоретическая и практическая значимость учения о правореализации для правоохранительной деятельности.*

***Ключевые слова:** использование права, исполнение права, органы внутренних дел, применение права, реализация права, соблюдение права.*

***Annotation.** Various points of view on the concept of the realization of law and its forms in pre-revolutionary, Soviet and modern legal theory are analyzed. On the basis of the provisions of the Law of the Republic of Belarus «On internal Affairs agency of the Republic of Belarus» dated 17.07.2007 and analysis of law enforcement practice, the theoretical and practical significance of the doctrine of legal realization for law enforcement is proved.*

***Keywords:** exercise, performance rights, internal Affairs agency, application of law, realization of law, respect for the law.*

Учение о реализации норм права является одним из дискуссионных в теоретической юридической науке. До настоящего времени ученые не пришли к единому мнению о том, что же такое реализация норм права и, собственно, в каких формах она осуществляется. Может ли право реализовываться в пассивной форме путем бездействия? Нужны ли активные действия для реализации норм права? Каким образом предписания в виде запрета или обязанности претворяются в жизнь? Достаточно ли в результате нормотворчества только принять закон, чтобы он эффективно регулировал общественные отношения, либо нужен механизм реализации нормативного правового акта, чтобы он реально работал в жизни, а не оставался на бумаге? По каким причинам норма права не реализуется? Следует ли для решения этой проблемы ввести или ужесточить наказание за несоблюдение запретов? Верно ли утверждение, что реализация права осуществляется только в правомерном поведении? Могут ли граждане реализовывать нормы права, нарушая при этом закон?

При разрешении указанных вопросов следует исходить из того, что некоторые положения учения о реализации права были разработаны еще в дореволюционный период развития юридической науки. Под реализацией права в тот период понималось осуществление или исполнение норм права, что не соответствует современным представлениям. Такая недостаточная научная разработка связана с тем, что в трудах таких дореволюционных теоретиков права, как Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, О. В. Тарановский, Е. Н. Трубецкой, Б. Н. Чичерин преимущественно исследовались проблемы юридических фактов, толкования нормы права, разрешения вопросов аналогии и пробелов права и др.

В советский период развития юридической науки учение о реализации права получило дальнейшее развитие в рамках развернувшейся дискуссии на страницах журнала «Советское государство и право» в 1954–1955 гг. Научные споры велись по поводу выделения и отграничения соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм как форм реализации права. В результате указанной дискуссии ученые пришли к мнению, что «советское законодательство связывает обычно термин “применение” с тем способом осуществления юридических норм, который характеризуется властными действиями компетентных государственных органов по отношению к другим государственным организациям, общественным организациям и гражданам» [1, с. 53]. Тем не менее часть ученых не находили различия между реализацией, осуществлением и применением правовых норм.

Мы придерживаемся мнения большинства современных ученых, что соблюдение, исполнение, использование и применение правовых норм — это формы их реализации. Соблюдение, исполнение и использование представляют собой непосредственные формы реализации права, в то время как применение права, как отмечалось выше, представляет собой особую форму его реализации. При этом различие между правоприменением и непосредственными формами реализации права (соблюдение, исполнение, использование) необходимо проводить по субъекту [2, с. 178].

В современной юридической науке сложилось представление о том, что реализация правовых норм представляет собой осуществление содержащихся в них предписаний (положений) в правомерном поведении субъектов права. При этом различают три формы непосредственной реализации права — соблюдение, исполнение и использование, которые не всегда позволяют в полном объеме реализовать нормы права. Нередко правореализация возможна лишь при участии компетентных органов, которые обеспечивают претворение в жизнь соответствующих юридических норм в полном объеме. Такая форма реализации в современном правоведении получила название применение права.

Неравнозначность применения права с иными формами реализации права (соблюдение, исполнение, использование) позволяет отдельным авторам утверждать, что правоприменение выступает не формой, а стадией, этапом реализации права либо вообще не входит в реализацию права, а является стадией правового регулирования. Другая группа ученых полагает, что правоприменение не может рассматриваться в одном ряду с соблюдением, исполнением и использованием правовых норм, в то же время оно и не является стадией правового регулирования.

Существует необходимость разрешения ряда иных проблем реализации права, среди которых разработка критериев эффективности действия законодательства, способов прогнозной оценки проектов законов и других нормативных правовых актов; определение критериев, способов, методик эффективности применения правовых актов; повышение роли судебной практики в механизме правоприменения, разработка типологии юридических ошибок и нарушений законности, обеспечение более высокой эффективности различных процедур разрешения споров, качества судебного контроля; выявление специфики применения правовых норм различными субъектами: судами, правоохранительными органами, органами исполнительной власти, бизнес-структурами; выявление особенностей правоприменения в областях частного и публичного права [3, с. 6–7].

Каким образом знания о реализации нормы права можно использовать в правоохранительной деятельности? Дело в том, что сотрудники правоохранительных органов иногда имеют дело с противоправными проявлениями, которые осуществляются под видом правомерных форм реализации права (завладение деньгами мошенническим путем под предлогом гражданских правоотношений, фиктивная продажа автомобилей в так называемых комиссионных автосалонах). В этой связи можно утверждать, что от использования положений учения о реализации права зависит эффективность служебной деятельности. Теория реализации нормы права, наряду с отраслевым юридическим знанием, позволяет отличить правомерное от противоправного поведения (отличить страхование имущества от страхового мошенничества, отличить неисполнение гражданско-правового договора от мошенничества и т. д.). Например, граждане страхуют имущество, здоровье, а в результате мошеннических действий получают страховые выплаты. Так, в 2015 году 33-летний предприниматель из Бреста сообщил в правоохранительные органы о повреждении его автомобиля «Бентли Континенталь» неустановленным лицом. Филиал по Брестской области «Белгосстраха» выплатил «потерпевшему» более 49,2 тыс. белорусских рублей. Афера была вскрыта в ходе предварительного следствия, проведенного УСК по Брестской области. Было

установлено, что брестчанин инсценировал преступление: сам умышленно повредил транспортное средство с целью незаконного получения страхового возмещения [4]. Такие преступные схемы мошенничества осуществляются под видом реализации права на страховое возмещение вреда, где преступники инсценируют дорожно-транспортные происшествия, а затем получают страховые возмещения.

Применительно к деятельности правоохранительных органов возникает вопрос. В какой форме осуществляется реализация норм права при производстве выстрела из оружия в случаях, предусмотренных Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г. № 263-З (далее — Закон)? Является ли это правом или обязанностью сотрудника органов внутренних дел? Возможно ли в данном случае вести речь о правоприменении в силу наличия специального субъекта — должностного лица государственного органа? Разрешение этого вопроса осложняется тем, что законодатель, регламентируя случаи и порядок производства выстрела, описывает их с помощью терминов «применение» и «использование» [5, ст. 29].

По нашему мнению, иногда соблюдение, исполнение и использование как формы реализации права настолько между собой переплетены, что выделять каждую форму реализации права нецелесообразно. Особенно это характерно при реализации так называемых компетенционных норм, которые устанавливают компетенцию того или иного государственного органа или должностного лица, в данном случае сотрудника органов внутренних дел. Исходя из этого, при производстве выстрела он одновременно *исполняет* возложенные на него обязанности, *использует* предоставленные ему права и *соблюдает* установленные законодателем запреты. Так, производя выстрел из оружия, сотрудник органов внутренних дел путем исполнения реализует обязывающую норму, принимая необходимые меры по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных и иных противоправных посягательств [5, ст. 22]. В то же время сотрудник органов внутренних дел использует предоставленные ему права — усмотрение в выборе того или иного варианта поведения. Путем использования он реализует дозволяющую норму, применяя и используя (здесь терминология Закона. — *А. Г.*) оружие в случаях и порядке, предусмотренных законодателем [5, ст. 29]. Одновременно с этим осуществляется реализация запрещающих норм путем соблюдения как формы правореализации. Речь идет о соблюдении определенных запретов, установленных законодателем. Так, запрещается применять или использовать (здесь терминология Закона. — *А. Г.*) оружие в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением слу-

чаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения или иных действий, угрожающих жизни или здоровью граждан [5, ст. 29].

Проведенный анализ статьей Закона и доктринальных положений теории реализации норм права позволяет сделать вывод о том, что используемые законодателем термины «применение» и «использование» не совпадают с общепринятыми в теории права формами реализации правовых норм (применение, использование).

Наличие дискуссионных вопросов свидетельствует об актуальности темы, ее теоретической и практической значимости для каждого члена общества, в том числе и для сотрудников правоохранительных органов. Так, положения теории реализации норм права имеют принципиальное значение для обеспечения законности и правопорядка правоохранительными органами. В современных условиях традиционные и известные еще по памятникам права составы преступлений (кража, разбой, убийство и др.) постепенно уходят на второй план. Стремительное развитие общественных отношений неизбежно приводит к появлению новых видов преступлений, тем самым современная преступность выходит на новый интеллектуальный уровень. Ведь зачастую под видом соблюдения, исполнения, использования, применения за юридически допустимой формой реализации права — договоров поставки, дарения, займа, трудового договора и др. — могут скрываться противоправные, даже преступные деяния — легализация доходов, добытых преступным путем, дача взятки, принудительный труд, торговля людьми, преднамеренное банкротство и т. п. Можно утверждать, что только высококвалифицированный (как в теоретическом, так и в практическом отношении) сотрудник способен установить соответствует ли реальное поведение граждан их субъективным правам и обязанностям, т. е. установить реализуется ли норма права в поведении субъекта права либо речь идет о противоправном деянии.

1. К итогам дискуссии о применении норм советского права // Совет. государство и право. 1955. № 3. С. 44–53. [Вернуться к статье](#)

2. Григорьев А. В. Правоприменение: понятие и признаки // Вестник Академии МВД Респ. Беларусь. 2014. № 2. С. 177–181. [Вернуться к статье](#)

3. Тихомиров Ю. А. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Формула права, 2008. 432 с. [Вернуться к статье](#)

4. Повредивший ради страховки свой «Бентли» брестчанин предстанет перед судом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/incident/view/povredivshij-radi-strahovki-svoj-bentli-brestchanin-predstanet-pered-sudom-283230-2018> (дата обращения: 24.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.5

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Е. П. Гуйда

старший научный сотрудник отдела исследований
в области государственного строительства и международного права,
Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
e-mail: guida-lena@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы подготовки проектов нормативных правовых актов в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования процессуального механизма подготовки проектов нормативных правовых актов.*

***Ключевые слова:** концепция, нормотворческие органы, нормативный правовой акт, обоснование.*

***Annotation.** The issues of the draft normative legal acts working out in the Republic of Belarus and some foreign countries are considered in the article. The necessity of further enhancing the procedural mechanism of the draft normative legal acts working out is grounded.*

***Keywords:** concept, law-making bodies, normative legal act, grounding.*

Стадии нормотворческого процесса находят закрепление в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» (ст. 36) [1]. В частности, нормотворческий процесс состоит из ряда стадий (планирование нормотворческой деятельности; подготовка проекта нормативного правового акта (включая проведение его согласования и экспертиз); принятие нормативного правового акта; включение нормативного правового акта в Национальный реестр правовых актов; официальное опубликование нормативного правового акта) и осуществляется с соблюдением установленной процедуры.

Подготовке проекта нормативного правового акта должно предшествовать выяснение ряда условий (например, имеется необходимость в данном нормативном правовом акте, принятие нормативного правового акта диктуется развитием общественных отношений и т. д.). Также важно установить цель принятия нормативного правового акта, основные задачи, провести анализ правовой и экономической составляющей, относящейся к предмету правового регулирования нормативного правового акта.

Согласно п. 1–3 ст. 42 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормотворческий орган может осуществить: а) подготовку проекта нормативного правового акта самостоятельно либо поручить иному субъекту

нормотворческой инициативы, подчиненному этому нормотворческому органу, по вопросам, относящимся к его компетенции; б) заказать подготовку проекта нормативного правового акта Национальному центру законодательства и правовых исследований; в) привлечь к подготовке проекта нормативного правового акта специалистов государственных органов и иных организаций, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатов местных Советов депутатов (в том числе путем создания для этого рабочих групп).

Как показывает зарубежный опыт, в органах исполнительной власти имеются специальные подразделения, занимающиеся законопроектной работой. Например, в Канаде в Министерстве юстиции существует специальная дирекция, отвечающая за подготовку законопроектов. Данная дирекция не только сама разрабатывает законопроекты по поручению Правительства, но и координирует деятельность подразделений различных министерств, в чьи обязанности входит написание законопроектов (или участие в их написании) по профилю соответствующих ведомств [2, с. 15].

В Российской Федерации процедура подготовки нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти урегулирована Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (далее — Постановление) [3]. Согласно п. 4 указанного Постановления подготовка проекта нормативного правового акта возлагается на одно или несколько структурных подразделений органа исполнительной власти (с учетом их функций и компетенции); определяются круг лиц, ответственных за подготовку проекта, срок его подготовки, а при необходимости — организации, привлекаемые к этой работе. Могут создаваться рабочие группы для подготовки проектов наиболее важных и сложных нормативных правовых актов. Так, проекты нормативных правовых актов могут быть разработаны специальным субъектом — рабочей группой, создаваемой заказчиком законопроекта (проекта нормативного правового акта). В научном исследовании Т. П. Виноградов отмечает, что рабочая группа может рассматриваться как самостоятельный субъект разработки законопроектов (проектов нормативных правовых актов) [4, с. 75].

В п. 15 Положения о законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 389, указано, что при необходимости в состав рабочей группы по подготовке законопроектов включаются представители научно-исследовательских, общественных и иных организаций [5].

Исходя из зарубежного опыта, полагаем целесообразным в нормативных правовых актах (Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», Регламенте Совета Министров Республики Беларусь) установить требования к составу рабочей группы, в которой должен быть эксперт в специальной отрасли знания, а также представители научно-исследовательских организаций, общественности и соответствующего профессионального сообщества. В сопроводительные документы к проекту нормативного правового акта необходимо включать не только список лиц, подготовивших проект нормативного правового акта (сведения о составе рабочей группы), но и сведения о степени участия каждого ее члена, контактные данные лиц, подготовивших проект нормативного правового акта (электронный адрес), а проверку этих сведений необходимо возложить на юридические службы соответствующего государственного органа (организации), ответственного за подготовку проекта нормативного правового акта.

При этом необходимо обеспечить такой компетентный состав рабочей группы, который бы сочетал в своей работе профессионализм и демократизм. Например, включение в рабочие группы по подготовке наиболее важных проектов нормативных правовых актов в сфере экономики и бизнеса опытных предпринимателей (субъектов хозяйствования) будет способствовать изданию более качественного нормативного правового акта, а также должному правовому обеспечению и в целом наиболее благоприятному развитию бизнеса и предпринимательства.

В юридической литературе значительное внимание уделяется подготовке концепции проекта нормативного правового акта. По мнению Ю. Г. Арзамасова, концепция должна отражать идею разработчика, излагать мнение ученых и содержать анализ зарубежного законодательства и опыта по рассматриваемой проблеме; представлять собой научно обоснованный ориентир для законодателя; указывать предмет, цели, задачи и причину принятия закона; отражать проблемы в определенной сфере правового регулирования и пути их решения; содержать прогнозы последствий принятия нормативного правового акта. В концепции могут также указываться возможные альтернативы правового регулирования [6, с. 342–343].

Например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» нормативно закреплен перечень не всех, но основных требований, предъявляемых к концепциям законопроектов (например, идея, цели и предмет правового регулирования, круг лиц, на которых распространяется действие законопроекта; оценка состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений (с приложением ана-

лиза действующих в этой сфере нормативных правовых актов); социально-экономические, юридические и иные последствия реализации закона и др.) [7].

В ст. 43 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» установлен достаточно полный перечень требований к концепции проекта нормативного правового акта. Однако требования к концепции, на наш взгляд, могут быть дополнены таким положением, как необходимость указания на возможные альтернативы (альтернативные варианты) правового регулирования, что позволит наиболее полно оценить состояние правового регулирования тех или иных общественных отношений.

При разработке концепции нормативного правового акта, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, как данный акт будет соотноситься с другими нормативными правовыми актами. При этом важна наиболее полная характеристика и комплексная оценка состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений с приложением анализа действующих в этой сфере законов и иных нормативных правовых актов.

Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (ст. 50) установлен перечень сопроводительных документов, прилагаемых к проекту нормативного правового акта, вносимому в нормотворческий орган. Например, в список лиц, подготовивших проект постановления, распоряжения, в обязательном порядке включаются не только сведения о работниках структурных подразделений органа государственного управления, принимавших участие в подготовке проекта, но и сведения о работниках иных органов государственного управления, которые принимали участие в разработке проекта (п. 4 Регламента Совета Министров Республики Беларусь).

Исходя из анализа перечня сопроводительной документации, следует отметить, что действует достаточно сложная система разработки и поэтапного прохождения проекта нормативного правового акта, проведения организационно-правовых мероприятий и сбора всей необходимой информации для формирования полного перечня сопроводительных документов. Однако такой порядок имеет рациональное обоснование.

Как считают некоторые российские исследователи, практически для любого законопроекта (проекта нормативного правового акта) существует ряд обязательных документов, которые можно определить как основные (или универсальные). В частности, универсальными (основными) сопроводительными документами (для законопроекта, вносимого Правительством), по мнению Р. А. Демакова, являются: текст законопроекта и пояснительная записка к нему; перечень актов, которые подлежат изменению вследствие принятия нового нормативного правового акта (закона); финансово-экономическое обоснование; заключение Министерства юстиции и заключение Института законодательства

и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [8, с. 152–153].

В Республике Беларусь форма обоснования необходимости принятия (издания) нормативного правового акта и форма финансово-экономического обоснования к проекту нормативного правового акта утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 54 [9]. Исходя из анализа формы обоснования необходимости принятия (издания) нормативного правового акта, полагаем возможным дополнить требования к обоснованию, а именно: обоснование должно содержать конкретные аргументы в пользу предлагаемого проекта нормативного правового акта и аргументы в пользу конкретного варианта правового регулирования проблемы. Также целесообразно установить, что в перечне актов следует предлагать концепцию нормативных правовых актов органов исполнительной власти, принятие которых требует законопроект.

Таким образом, необходимо совершенствование процессуального механизма подготовки проектов нормативных правовых актов, с учетом при этом творческой и научной составляющей. Представляется, что таким средством может стать более оптимальный алгоритм разработки проектов нормативных правовых актов.

Исходя из зарубежного опыта, полагаем целесообразным в нормативных правовых актах (Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», Регламенте Совета Министров Республики Беларусь) уточнить требования к составу рабочей группы, концепции проекта нормативного правового акта, обоснованию необходимости принятия (издания) нормативного правового акта.

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
2. Пилипенко А. Н. Организация законопроектной работы в системе органов исполнительной власти зарубежных стран // Журн. заруб. законодательства и сравнит. правоведения. 2011. № 5. С. 15–23. [Вернуться к статье](#)
3. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 13 авг. 1997 г., № 1009 : в ред. от 12.10.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Виноградов Т. П. Разработка проектов законов Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2018. 239 л. [Вернуться к статье](#)
5. О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 30 апр. 2009 г., № 389 : в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 16.08.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник / Ю. Г. Арзамасов [и др.] ; под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2017. 460 с. [Вернуться к статье](#)

7. Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 2 авг. 2001 г., № 576 : в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 13.03.2015 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Демаков Р. А. Механизмы совершенствования законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2015. 263 л. [Вернуться к статье](#)

9. О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 янв. 2019 г., № 54 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНФОРМАЦИОННО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

И. А. Демидова

заведующий кафедрой правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: demidova-irina00@mail.ru

***Аннотация.** Важнейшей функцией культуры вообще и правовой культуры в частности выступает функция хранения и передачи социально значимой информации, что позволяет рассматривать культуру в качестве информационной системы. В этой связи одним из методологических подходов к исследованию и оценке феномена правовой культуры может быть признан информационно-семиотический. Характеристика правовой культуры как информационной системы полагает ее исследование с позиций семиотики права, что требует уяснения базовых положений семиотики как науки и как междисциплинарной парадигмы.*

***Ключевые слова:** правовая культура, семиотика, правовая семиотика, знак, знаковая система, правовая коммуникация.*

***Annotation.** The most important function of culture in general, legal culture in particular, is the function of storage and transmission of socially important information, which allows to consider culture as an information system. In this connection, one of the methodological approaches to research and evaluation of the phenomenon of legal culture is information-semiotic. The characterization of legal culture as an information system is considered by its study from the perspective of semiotics of law, which requires clarification of the basic provisions of semiotics as a science and as an interdisciplinary paradigm.*

***Keywords:** legal culture, semiotics, legal semiotics, sign, sign system, legal communication.*

Представление правовой культуры как информационно-семиотической системы требует осмысления общих положений семиотики.

Имеет место многозначность в трактовке семиотики, под которой в справочных источниках понимается наука о знаках, знаковых системах, знаковом поведении и знаковой коммуникации; общая теория знаковых систем, изучающая свойства знаковых комплексов, различной природы; врачебная наука о признаках болезни; наука, исследующая способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе; научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование знаковых систем, хранящих и передающих информацию [1, с. 5–6]. Считается, что основы данного научного направления были заложены древнегреческими философами Платоном и Аристотелем, впервые обозначившими проблему соотношения имени (обозначения) и знака. Первый полагал, что слова отображают природу отоб-

ражаемых предметов, второй считал, что имена и названия не связаны с природой вещей в силу того, что являются следствием соглашения, т. е. имя представляет собой знак, словосочетание с установленным значением. Семиотический аспект признается, в том числе за библейской экзегетикой, которая истолковывала древние библейские тексты. Отмечается, что в Новое время к проблеме знаковой коммуникации обращались Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Лейбниц, каждый из которых внес свою лепту в развитие теории знаковой коммуникации [1, с. 6–7].

Становление семиотики как науки связывается с именами таких философов XIX — начала XX в., как Ч. Пирс [2] и Ф. де Соссюр [3]. При этом их идеи о сущности семиотики концептуально различаются. Ч. Пирс трактует семиотику как «универсальную алгебру отношений», т. е. в большей степени как раздел математической логики. В свою очередь, Ф. де Соссюр понимает ее как обобщающую часть гуманитарных наук [4, с. 7]. Как следствие, в развитии семиотики выделяются такие направления, как логико-математическое и логико-философское, а также лингвистическое. Представителями логико-математического направления, получившего развитие в большей степени в американской науке 60-х гг. XX века, акцент делается на смысле знака. В обосновании Ч. Пирса знак — это объект, представляющий или замещающий нечто другое (явление, событие, объект) в человеческой деятельности. Им выделяются три вида знаков: подобия (*likenesses*), или иконы (*icons*), — выполняют функцию передачи идей, репрезентируют вещи, имитируя их; указатели (*indications*), или индексы (*indices*), — что-то говорят о вещах, в силу того что физически связаны с ними; символы, или общие знаки — ассоциируются с их значениями (*meanings*) благодаря привычке. В логико-философской традиции, восходящей к Ч. Моррису и Р. Карнапу, знак определяется как некий материальный носитель, представляющий другую сущность (в частном, но наиболее важном случае — информацию). В свою очередь, в рамках лингвистического направления, которое по большей части было европейским, первоочередное внимание уделяется не знаку, а коммуникативному акту. В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру, знаком называется двусторонняя сущность. В данной связи мощнейшей системой, способной транслировать и сохранять информацию, определяется язык. В XX веке формируется еще одно направление семиотики — культурологическое, получившее развитие в исследованиях московской лингвистической школы (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, В. А. Успенский и др.) и тартуской литературоведческой школы (Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров, З. Г. Минц, И. А. Чернов и др.). Оно характеризуется пониманием культуры как основополагающей знаковой системы, выполняющей функцию отбора и структурирования информации [4, с. 7–8]. Лю-

бая культура при таком рассмотрении представляет собой не просто знаковую систему, а совокупность знаковых систем — текст. В широком семиотическом смысле под текстом понимается многоуровневое образование, включающее и речевой текст, и предметную деятельность, наделенное тем или иным смыслом.

Важным элементом функционирования текста является другой текст, с которым он вступает во взаимодействие, так называемый контекст — та культурная реальность, в которой он функционирует. Считается, что на процесс функционирования текста культуры оказывают влияние различные виды контекстов, такие как эмоционально-оценочный контекст, связанный с индивидуальным характером воспринимающего; событийный контекст; социально-исторический контекст, соответствующий времени создания текста; контекст функционирования культурного текста. Для обозначения пространства, заполненного разнотипными и разноуровневыми знаками культуры (текстами), по аналогии с ноосферой в научный оборот вводится понятие «семиосфера», под которой понимается пространство, в которое погружены все участники коммуникации (Ю. М. Лотман).

В процессе научного познания правовой культуры необходимо учитывать двоякое отношение семиотики и науки: семиотика рассматривается и как наука в ряду других наук, и как инструмент наук (Ч. У. Моррис) [5]. Предметом семиотики как науки определяются вещи и свойства вещей в их функции служить знаками. Знаками признаются объекты, изучаемые биологическими и физическими науками, связанные между собой сложными функциональными процессами. В этой связи понятие знака является важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук при их отграничении от наук физических и биологических. Данный подход способствует единству формальных наук, с одной стороны, и социальных, психологических и гуманитарных наук — с другой и создает необходимую базу для объединения этих двух рядов наук с физикой и биологией. Значение семиотики как науки определяется также тем, что она представляет определенный шаг вперед в унификации науки, поскольку закладывает основы любой другой частной науки о знаках, такой как лингвистика, логика, математика, риторика и эстетика. Современная семиотика представлена общей и частными направлениями, такими как лингвосомиотика, биосомиотика, этносемиотика, и т. д., в число которых входит правовая семиотика (семиотика права). Одновременно семиотика рассматривается как инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков. Следовательно, метанаука (наука о науке) должна использовать семиотику как органон (др.-греч. ὄργανον — «инструмент», «метод» или «орудие»). Семиотический метод основан на признании того, что семиотика создает общий язык, применимый к любому конкретному языку или

знаку, а значит, применимый и к языку науки, и к особым знакам, которые в науке используются. Задача семиотики заключается в том, чтобы разработать необходимые знаки и принципы научного исследования, которые могут быть применены к конкретной области исследования, в частности, к сфере функционирования права.

Складывание правовой семиотики связывается с работами таких западных авторов, как Р. Кевельзон, Б. Джексон. На пространстве СНГ в советский и современный периоды исследованию правовой семиотики посвящены докторские диссертации В. К. Бабаева, О. М. Балинской, Н. И. Хабибулиной и др., кандидатские изыскания таких авторов, как Н. Ф. Ковкель, А. В. Никитин, А. К. Саркисов, Д. Г. Смирнов, П. Д. Шалагинов и др. Правовая семиотика представляет право как сложный конгломерат знаков и знаковых систем, который существует параллельно с другими знаковыми системами, рождающимися в процессе коммуникации людей и развития различных социальных институтов (Р. Кевельзон) [6, с. 177]. В данном случае определяющее значение приобретает установление знаков и знаковых систем права, что составляет предмет семиотического исследования права. В предмет правовой семиотики также включаются смыслопорождающие процессы в праве и юриспруденции (Б. Джексон). Семиотический анализ права обусловлен разработкой правовой семантики, правовой синтактики и правовой прагматики (Е. А. Прянишников) [6, с. 177]. В рамках теории коммуникации предметом изучения семантики определяются отношения между знаками и обозначаемым предметом — внешним и внутренним миром человека (т. е. содержание знаков); предметом синтактики (синтаксиса) — отношения между знаками, т. е. внутренние свойства знаков, а именно правила построения знаков в рамках знаковой системы; предметом прагматики — отношение между знаком и человеком, т. е. тем, кто пользуется знаками — говорящим, слушающим, пишущим, читающим [7, с. 113–123].

Базовым тезисом правовой семиотики является признание того, что правовой семиозис (знаковый процесс) представляет собой деятельность, связанную с созданием и функционированием правовых знаков и знаковых систем [6, с. 182]. В данной связи важное значение приобретает их понимание. Отмечаются следующие научные подходы к трактовке правовых знаков и их классификации. Правовой знак определяется как нечто, что обозначает или кодирует объекты правовой реальности (материальной или идеальной) в целях их описания, нахождения или обработки и получения новой правовой информации, что позволяет говорить о правовой знаковой реальности (А. Соломоник) [8, с. 18]; как закрепленная в законодательстве нормативная информационная модель, выражающая конкретное юридическое предписание или информацию

юридического сервиса, также понятная субъектам правового воздействия [9, с. 199–200].

Как отмечалось, общесемиотическая классификация знаков, предложенная Ч. С. Пирсом, состоит в делении знаков на иконы, индексы и символы. В правовой семиотике в силу признания невозможности классификации знаков предлагается классификация знаковых систем (совокупности правовых знаков, функционирующих в соответствии с правилами, приданными или имманентно присущими данной системе) по критерию образующих их базисных знаков на естественные, образные, языковые, системы записи и кодовые знаковые системы (А. Соломоник) [8, с. 6–14]. Уровень абстракции и трансформаций знаковой системы обуславливается базисным знаком, превалирующим в данной системе. Установлено, что естественные знаковые системы существуют на уровне правовых отношений; образные представлены правовой символикой; языковые знаковые системы, базисным знаком в которых выступает слово, выражают содержание норм права посредством правовых текстов и правовой речи; кодовые знаковые системы связаны с переводом права на язык формальной логики [6, с. 180–181].

Отдельное направление исследований связано с определением и установлением феномена правовых символов как разновидности правовых знаков. Символ (др.-греч. σύμβολον — «совместное бросание») — условный знак, сигнал, то, что было сведено вместе. Право само по себе рассматривается как важный социальный символ в силу восприятия права в качестве целостного явления, обладающего особым смыслом и значением. В данном контексте вопрос ценности права есть вопрос о расшифровке, раскодировании его символического смысла. Под правовым символом понимается «закрепленная в законодательстве нормативная информационная модель, выражающая общее и наиболее значимое для государства юридическое содержание и понятная субъектам правового воздействия» [9, с. 199].

В рамках информационно-семиотического подхода культура, в том числе правовая, рассматривается как совокупность знаковых систем, т. н. многоуровневая знаковая система. Информационно-семиотическая концепция культуры представляет культуру как огромную совокупность знаков — культурных кодов, в которых воплощается (кодируется) содержащаяся в ней информация. Признается, что как механизм социального наследования культура включает в себя мир артефактов — предметов, созданных осознанной деятельностью человека; мир знаков — материальных предметов, которые выступают для обозначения другого предмета, свойства или отношения, могут использоваться для приобретения, хранения, переработки и передачи информации, знаний; мир смыслов, которые человек вкладывает в свои творения и действия, которые

формируются в голове человека в виде знаний, ценностей, регулятивов. Смыслорождающие процессы в праве и юриспруденции исследованы в трудах Б. Джексона, который видит предметом семиотики особенности возникновения, трансформации и утраты смыслов в области права в первую очередь групповых, а не индивидуальных [10, с. 59–60].

В контексте информационно-семиотического подхода явления культуры — это знаки или их совокупность, прежде всего, тексты, в которых «зашифрована» социальная информация, т. е. вложенное в них людьми содержание, значение, смысл. Как носители информации правовые знаки должны быть понятны для представителей той правовой культуры, в которой они функционируют. В данной связи важное значение имеет правовой семиозис — деятельность людей по формированию правовых знаков.

1. Демичев Д. М. Семиотика и право: генезис и взаимосвязь // Право.by. 2019. № 6. С. 5–12. [Вернуться к статье](#)
2. Пирс Ч. Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с. [Вернуться к статье](#)
3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Извлечения [Электронный ресурс] // В. А. Звегинцев «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях» Ч. 1. М., 1960. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_184.shtml (дата обращения: 13.03. 2020). [Вернуться к статье](#)
4. Ковкель Н. Ф. Проблемы определения и классификации правовых знаков и знаковых систем в контексте развития семиотики права // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 4 Правазнаўства. 2015. № 5 (201). С. 6–16. [Вернуться к статье](#)
5. Моррис Ч. У. Основание теории знаков [Электронный ресурс]. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/morris_semiotics.pdf (дата обращения: 18.03.2020). [Вернуться к статье](#)
6. Ковкель Н. Ф. Антропологическая сущность права в контексте семиотического подхода и основные концепты правовой семиотики // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сб. науч. тр. Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 175–183. [Вернуться к статье](#)
7. Коваленко М. Ю., Коваленко В. А. Теория коммуникации : учебник для бакалавров. М. : Изд-во Юрайт, 2012. 415 с. [Вернуться к статье](#)
8. Соломоник А. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / под ред. Г. Крейдлина. Минск : МЕТ, 2004. 191 с. [Вернуться к статье](#)
9. Глушаков А. Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. 2. С. 199–206. [Вернуться к статье](#)
10. Ковкель Н. Ф. Правовая семиотика: особенности формирования и правовые концепты // Право.by. 2015. № 2 (34). С. 57–63. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ТЕХНИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. Г. Иванцова

старший преподаватель кафедры современных технологий
образования взрослых, магистр юридических наук,
Институт повышения квалификации и переподготовки кадров
УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы» (Беларусь)
e-mail: bonchuk_julia@mail.ru

***Аннотация.** Автором исследуются особенности регулирования информационных отношений, осложненных «технической компонентой» техническими нормативными правовыми актами (далее — ТНПА), а именно: техническими регламентами, техническими кодексами установившейся практики, государственными стандартами и другими актами.*

***Ключевые слова:** информационные отношения, информационное законодательство, техническое регулирование, технические нормативные правовые акты.*

***Annotation.** The author explores the features of regulation of information relations complicated by the “technical component” by technical regulatory legal acts (hereinafter — TNLA), namely: technical regulations, technical codes of established practice, state standards and other acts.*

***Keywords:** information relations, information legislation, technical regulation, technical regulatory legal acts.*

Техническое регулирование общественных отношений долгое время рассматривалось вне системы правового регулирования «ввиду необычности субъектов и объектов соответствующих отношений» [1, с. 293]. Поэтому мы практически не найдем в учебных пособиях по теории права суждений ученых о месте технических норм в системе источников права. На сегодняшний день имеются лишь отдельные исследования (например, В. Н. Ивановой, Н. В. Сильченко, Ю. А. Тихомирова, А. Ф. Черданцева и др.), которые обогащают доктрину права представлением о техническом регулировании.

В то же время, в связи с внедрением информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) во все сферы жизнедеятельности общества, наблюдается рост технических нормативных правовых актов (далее — ТНПА) (в информационной сфере их принято около 1000). Вследствие этого было бы неправильным обойти вниманием «технико-юридическое» («техническое») [2, с. 11] регулирование информационных отношений.

Техническое регулирование информационных отношений следует рассматривать «в рамках особого технического типа социального регулирования»

[3, с. 49; 4, с. 7–8; 5, с. 28–29], под которым профессор понимает «порожденную особой группой общественных отношений систему общих и индивидуальных правил поведения, объединенных общей целью регулирования, и имеющую специфические механизмы воспроизводства, самосохранения и защиты» [5, с. 28]. В связи с этим стоит рассмотреть, какие же виды отношений в информационной сфере подлежат именно техническому регулированию.

Ранее при исследовании состава информационных отношений нами были выделены две группы данных отношений:

1) информационные отношения, которые основываются на конституционных нормах о реализации права на информацию и ее защиту (например, ст. 28, 33, 34 Конституции Республики Беларусь). Указанные отношения регулируются законодательством о правовом режиме отдельных видов информации, об информационной деятельности;

2) отношения, связанные с технической стороной оборота информации. Данные отношения регулируются законодательством об ИКТ (информатизации, телекоммуникаций), законодательством о защите информации и информационной безопасности в информационных системах.

Непосредственный интерес в данном исследовании мы будем уделять информационным отношениям, которые связаны с технической стороной оборота информации. Эту группу отношений мы условно назовем информационные отношения, осложненные «технической компонентой».

Во-первых, они регулируются следующими нормативными правовыми актами информационного законодательства: Закон Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-З «Об электросвязи»; указы Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», от 29 декабря 2006 г. № 754 «Об официальном Интернет-портале Президента Республики Беларусь», от 25 октября 2011 г. № 486 «О некоторых мерах по обеспечению безопасности критически важных объектов информатизации» и от 2 декабря 2013 г. № 531 «О некоторых вопросах информатизации»; Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»; постановления Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы», от 17 августа 2006 г. № 1055 «Об утверждении Правил оказания услуг электросвязи» и др.

Во-вторых, совместно с вышеперечисленной группой нормативных правовых актов информационного законодательства информационные отношения, осложненные «технической компонентой», регулируются и нормами ТНПА. В то же время нормы технических актов играют «второстепенную роль в си-

стеме правового регулирования» [6, с. 138] и оказывают регулирующее воздействие на информационные отношения только в совокупности с другими актами информационного законодательства, находясь всегда от них в зависимости («подчиненности») [1, с. 298].

ТНПА, регулирующие информационные отношения, осложненные «технической компонентой», состоят из технических кодексов установившейся практики, государственных стандартов, общегосударственных классификаторов, технических условий, стандартов организаций [7]. Наиболее многочисленными в количественном соотношении видами из перечисленных ТНПА являются технические регламенты Республики Беларусь, технические кодексы установившейся практики, государственные стандарты. Рассмотрим их более подробно.

Технические регламенты Республики Беларусь (например, ТР 2018/024/ВУ, ТР 2013/027/ВУ и др.) утверждаются и вводятся в действие постановлением Совета Министров Республики Беларусь и имеют обязательный характер.

Технические регламенты, регулирующие информационные отношения, осложненные «технической компонентой», устанавливают требования к средствам электросвязи, к обеспечению безопасности критически важных объектов информатизации, к средствам защиты информации и т. п. Разрабатывается данный вид ТНПА «в целях защиты жизни, здоровья и наследственности человека, имущества, охраны окружающей среды, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей продукции относительно ее назначения, качества или безопасности» (ч. 1 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации») [7].

Технические кодексы установившейся практики (например, ТКП 173-2017 (33160), ТКП 588-2016 (33160), ТКП 413-2012 (02140) и др.) утверждаются и вводятся в действие преимущественно приказами Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, реже — правовыми актами иных республиканских органов государственного управления (например, приказом Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь (ТКП 610-2017 (33520)); постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь и Национальной академии наук Беларуси (ТКП 208-2009 (03220)/(07010)); приказом Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь (ТКП 014-2005 (04030)) и пр.).

Технические кодексы установившейся практики устанавливают правила (основные принципы) к процессам организации эксплуатации, разработки (строения), проектирования, проведения испытания и пр. информационных си-

стем, сетей и других технических средств, а также выполнения с ними отдельных работ и оказания информационных услуг.

Государственные стандарты Республики Беларусь (например, СТБ 1039-97, ГОСТ 34.301-91 (ИСО 6429-88), СТБ 2524-2018, ГОСТ 67-78, ГОСТ 11157-87 и др.) утверждаются постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь (при этом разработчиками могут быть коммерческие юридические лица).

Государственные стандарты Республики Беларусь, регулирующие информационные отношения, осложненные «технической компонентой», устанавливают:

– технические требования / условия (допустимые значения и методы измерения и оценки качества для технических средств в информационной сфере; методы испытаний для устройств и систем в информационной сфере; требования к оборудованию информационных технологий и техническим средствам; требования безопасности защиты критически важных объектов информатизации; общие требования к системе обработки информации, обменом данными и т. п.);

– понятия (термины) и определения основных понятий в информационной сфере (например, в области сетей (элементов сетей), электросвязи, информационной безопасности; в области информационных технологий и т. п.).

Незначительная доля регулирования информационных отношений, осложненных «технической компонентой», приходится и на иные виды ТНПА. Например, информационные отношения, осложненные «технической компонентой», регулируются:

– санитарными нормами и правилами, утвержденными постановлениями Министерства здравоохранения Республики Беларусь. Например, Санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы «Гигиенические требования к установке и эксплуатации систем сотовой связи» (СанПиН от 01.02.2010 г. № 14) и т. п.;

– стандартами организаций. Например, стандарты проведения расчетов с помощью информационных технологий, которые утверждаются и вводятся в действие постановлениями Правления Национального банка Республики Беларусь, и т. п.;

– общегосударственные классификаторы. Например, классификатор цифровых топографических карт и классификатор, предназначенный для классификации и кодирования информации об органах государственной власти и управления, которые утверждаются и вводятся в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь, и т. п.;

– правила и инструкции по охране труда (утверждаются постановлением Министерства связи и информатизации Республики Беларусь) и прочие акты.

Подводя итог, сделаем следующие выводы.

Во-первых, ТНПА утверждаются, вводятся в действие различными видами нормативных правовых актов информационного законодательства (в форме постановлений и приказов уполномоченных государственных органов) и входят в «систему нормативных правовых актов национального права» [8, с. 15].

Во-вторых, ТНПА дополняют «классические» нормы, содержащиеся в актах информационного законодательства (об ИКТ, о защите информации и информационной безопасности в информационных системах), и всегда находятся в зависимости («подчиненности») от них.

В-третьих, технические нормы, регулирующие информационные отношения, осложненные «технической компонентой», содержат:

– технические требования к объектам информационных отношений в целях защиты жизни, здоровья и наследственности человека, имущества, охраны окружающей среды, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей продукции относительно ее назначения, качества или безопасности;

– правила (основные принципы) к процессам организации эксплуатации, разработки (построения), проектирования, проведения испытания и пр. информационных систем, сетей и других технических средств, а также выполнения с ними отдельных работ и оказания информационных услуг;

– технические требования / условия (допустимые значения и методы измерения и оценки качества для технических средств в информационной сфере; методы испытаний для устройств и систем в информационной сфере; требования к оборудованию информационных технологий и техническим средствам; требования безопасности защиты критически важных объектов информатизации; общие требования к системе обработки информации, обменом данными и т. п.);

– понятия (термины) и определения основных понятий в информационной сфере (например, в области сетей (элементов сетей), электросвязи, информационной безопасности; в области информационных технологий и т. п.).

1. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2010. 400 с. [Вернуться к статье](#)

2. Иванова В. Н. Техничко-юридические нормы в системе правового воздействия на научно-технический прогресс // Правоведение. 1983. № 2. С. 10–17. [Вернуться к статье](#)

3. Сильченко Н. В. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). С. 47–56. [Вернуться к статье](#)

4. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

5. Сильченко Н. В. Техническое регулирование общественных отношений и пробле-

мы теории права // Право.by. 2019. № 6. С. 28–32.

[Вернуться к статье](#)

6. Черданцев А. Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 134–138.

[Вернуться к статье](#)

7. О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2004 г. № 262-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон».

[Вернуться к статье](#)

8. Сильченко Н. В. Система формальных источников современного права и проблемы правового регулирования правотворческой деятельности // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 13–24.

[Вернуться к статье](#)

УДК 351.74+343.85

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А. А. Князев

курсант 3-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: knyazev_artemm@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются способы профилактики отдельных видов правонарушений в Республике Беларусь и зарубежных государствах.*

***Ключевые слова:** предупреждение правонарушений в зарубежных государствах, общественный порядок, рецидивная преступность, профилактика, пенитенциарные учреждения.*

***Annotation.** The article discusses methods of preventing certain types of offenses in the Republic of Belarus and foreign countries.*

***Keywords:** crime prevention in foreign countries, public order, recidivism, prevention, penal institutions.*

В настоящее время в Республике Беларусь усматривается тенденция к увеличению роли профилактики в борьбе с административными правонарушениями и преступлениями. В связи с этим внедрение положительного зарубежного опыта в деятельность по профилактике правонарушений может оказать существенное влияние на состояние криминогенной обстановки в Беларуси.

Органы внутренних дел Республики Беларусь, в соответствии с возложенными на них задачами, осуществляют деятельность по предупреждению правонарушений, посягающих на общественный порядок, предупреждению и пресечению правонарушений, совершенных на почве пьянства и алкоголизма, предупреждению правонарушений, совершенных в семейно-бытовых отношениях, предупреждению правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами, правонарушений в отношении личного имущества граждан и т. д.

Органы внутренних дел, являясь субъектом профилактики, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в целях предупреждения правонарушений применяют меры общей и индивидуальной профилактики правонарушений. К мерам общей профилактики относятся: разработка и утверждение комплексных региональных комплексных планов по профилактике правонарушений и проведение профилактических мероприятий, правовое просвещение граждан, внесение представлений, вынесение предписаний и иные меры профилактики. Мерами индивидуальной профилактики выступают: профилактическая беседа, официальное предупреждение, профилактический учет, защитное

предписание и иные меры. Законодательно определены основные профилактические мероприятия, направленные на предупреждение правонарушений в различных сферах [1]. Рассмотрим способы и методы профилактики отдельных видов правонарушений в Республике Беларусь и зарубежных странах.

1. Предупреждение правонарушений, посягающих на общественный порядок. По инициативе МВД местными исполнительными и распорядительными органами проводится работа по оборудованию наиболее посещаемых мест населенных пунктов системами видеонаблюдения. Основной задачей системы видеонаблюдения является наблюдение за состоянием общественной безопасности в интересах обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления и пресечения преступлений, других правонарушений, а также предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [2, с. 19].

Активное участие граждан в охране общественного порядка в качестве добровольных дружинников также благоприятно влияет на криминогенную обстановку в стране.

В американских городах на взаимовыгодных условиях к патрулированию привлекаются студенты. За 90 часов патрулирования полицейский департамент оплачивает их годовое обучение в колледже. Для стимулирования участия граждан в охране правопорядка применяются различные способы: выдача бесплатной униформы, организация бесплатного питания, денежные премии, упоминание в средствах массовой информации и т. п. В ЮАР для общественного патрулирования привлекаются за умеренную плату безработные, то есть одной из самых криминогенных социальных групп предлагается исполнение антикриминальной функции. Новым и достаточно интересным является так называемое архитектурное направление в профилактике. Было установлено, что в высотных жилых домах регистрируется в семь раз больше правонарушений, чем в малоэтажных жилищах. Эти факторы стали учитываться в практике градостроительства при осуществлении таких работ, как расширение объема строительства малоэтажных коттеджей; сокращение количества тупиков, проходных дворов, подвалов, подземных переходов; снос домов, определяющих «криминогенный ландшафт» [3, с. 69].

Таким образом, в Республике Беларусь и в зарубежных странах к участию в охране общественного порядка активно привлекается население, тем самым оказывая значительную поддержку правоохранительным органам по предупреждению правонарушений.

2. Предупреждение правонарушений, совершаемых на почве пьянства и алкоголизма. Наряду с мерами общей и индивидуальной профилактики правонарушений лицо, систематически совершающее правонарушение в состоянии алкогольного опьянения, в соответствии с Законом Республики Беларусь от

04.01.2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», может быть направлено в лечебно-трудовой профилакторий [4]. Законодателем установлена возможность ограничения дееспособности лица, которое вследствие злоупотребления спиртными напитками ставит семью в материально тяжелое положение. Семья, в которой в отношении родителей были применены профилактические меры вследствие употребления алкогольных напитков, будет признана находящейся в социально-опасном положении и поставлена на учет в соответствии с Постановлением Совета Министров от 15.01.2019 г. № 22.

Принимая во внимание, что многолетняя борьба с пьянством и алкоголизмом подтвердила тот факт, что пьянство и алкоголизм не победить полным запретом алкогольных напитков, от всех лиц, участвующих в производстве и обороте алкогольной продукции, требуется точное выполнение установленных предписаний, а также воспитание культуры потребления алкогольных напитков, реализация иных мер в данной сфере.

Основой алкогольной политики Швейцарии является ориентация на четыре принципа: профилактика, лечение, уменьшение вреда, репрессия. Профилактика в этом перечислении занимает первое место, репрессия — последнее, что соответствует приоритетам алкополитики. Для Швейцарии типично следующее: сначала пытаются предотвратить проблему, потом лечить тех, для кого профилактика не была действенна, потом уменьшить вред, который могут причинить уже серьезно больные алкоголизмом, и только в последнюю очередь следует репрессия. Главным принципом является профилактика. При этом одним из способов профилактической борьбы с алкоголизмом, наряду с просветительской деятельностью и созданием достойных условий жизни, выступает повышение налогов на алкоголь. «Как показывает история, либеральная политика основана на самоответственности людей и действенна она может быть только там, где у людей есть перспектива на достойную жизнь. А это значит, что более или менее константная экономическая ситуация и стабильность дают веру в социальную безопасность» [5, с. 26–27].

3. Предупреждение правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами. Данный вид правонарушений представляет собой наиболее опасный из всех видов. Это обусловлено тем, что лицо, совершившее правонарушение, после отбытия наказания зачастую продолжает придерживаться своей антиобщественной позиции, вести маргинальный образ жизни и применять свои противоправные навыки. Рецидивная преступность выступает показателем того, как государство умеет исправлять своих граждан, нарушивших его законы и умение помогать и адаптироваться после отбытия наказания. Повышенная общественная опасность рецидивной преступности состоит в том, что рецидивисты

играют большую роль в «воспроизводстве» новых преступников или в закреплении привычек и навыков антиобщественного поведения у лиц, ставших на путь преступления. В Республике Беларусь за 2018 год зарегистрировано 83 813 преступлений, из которых 23 492 преступления совершены лицами, имеющими судимость, т. е. 28 % от всего числа преступлений совершено преступниками-рецидивистами [6, с. 176]. Высокий уровень рецидивной преступности характерен не только для Беларуси, но и для ряда зарубежных стран. Поэтому в пенитенциарных системах зарубежных стран уже на протяжении многих лет изучаются и внедряются различные профилактические программы и методы.

Для сокращения количества рецидива преступлений в зарубежных государствах профилактика ведется по следующим направлениям: применение принципов дифференциации и индивидуализации назначения и исполнения наказания; использование прогрессивной системы исполнения наказания, заключающейся в поэтапном изменении условий отбывания наказания, в зависимости от поведения осужденного в сторону расширения или ограничения его правового статуса и условий содержания в исправительном учреждении; активное применение программно-целевого подхода в социальной и психологической работе с осужденными [7, с. 122–123]. Необходимо отметить, что, находясь в местах лишения свободы, осужденный достаточно часто испытывает негативное влияние со стороны других осужденных. Поэтому особую роль в данном случае приобретают наказания, не связанные с изоляцией от общества. В США достаточно распространенной мерой наказания является домашний арест с электронным мониторингом, что является эффективным средством предупреждения рецидива преступления.

Таким образом, в Республике Беларусь и зарубежных государствах особое внимание уделяется совершенствованию методов и способов профилактики правонарушений. Активно вовлекается население в обеспечение охраны общественного порядка путем предоставления льгот и различных поощрений. В отношении преступника достаточно часто применяются наказания, не связанные с изоляцией от общества, благодаря чему гражданин не попадает в криминальную среду, тем самым предупреждается рецидив преступлений.

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Постникова А. А., Федчук И. Л. Административная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. Минск : Академия МВД, 2016. Ч. 2. 238 с. [Вернуться к статье](#)

3. Жерновой М. В., Бутков А. В. Некоторые особенности профилактики правонарушений в зарубежных странах // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2008. № 1 (1). С. 67–70. [Вернуться к статье](#)

4. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них : Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2010 г., № 104-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Видмер Р., Невзоров Т. Б. Употребление алкоголя в Швейцарии: от «картофельной чумы» до разбавленной водки // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2017. № 3. С. 26–31. [Вернуться к статье](#)

6. Статистический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; И. В. Медведева (председ. ред. кол.) [и др.]. Минск, 2019. 471 с. [Вернуться к статье](#)

7. Федорова Е. М. Организация психологической работы в пенитенциарных учреждениях некоторых зарубежных стран в целях профилактики рецидивной преступности // Вестн. Акад. Следственного комитета Рос. Федер. 2017. № 2 (12). С. 122–124. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. В. Князева

старший преподаватель кафедры
уголовного права юридического факультета,
кандидат юридических наук,
Академия ФСИН России
e-mail: pervay-1@yandex.ru

***Аннотация.** В представленной статье рассматриваются уголовно-правовые отношения и их содержание как важнейшая уголовно-правовая категория. Проанализированы основные особенности, присущие уголовному правоотношению, их практическая и теоретическая важность.*

***Ключевые слова:** уголовное право, категории, классификация, наука, правоотношения, законность, правопорядок, уголовная ответственность, преступление, цели наказания.*

***Annotation.** The article considers criminal-legal relations and their content as the most important criminal-legal category. The main features inherent in criminal law, their practical and theoretical importance are analyzed.*

***Keywords:** criminal law, categories, classification, science, legal relations, legality, law and order, criminal responsibility, crime, purpose of punishment.*

Отмечается, что вопрос правоотношений в уголовном праве, на наш взгляд, является крайне интересным ввиду того, что, несмотря на достаточно подробное рассмотрение такого явления, как правоотношение в общей теории права, в уголовном праве оно имеет особые характерные черты, которые часто даже не позволяют ученым приходиться к единому мнению при рассмотрении их сущности и содержания.

Рассматривать фундаментальные вопросы теории уголовного права (каким является вопрос содержания правоотношений) необходимо, так как уголовное право играет решающую роль в укреплении законности, правопорядка, а для его эффективной работы, совершенствования изучение основных категорий именно с учетом достижений науки, а не только с помощью анализа действующего законодательства является, несомненно, полезным.

Теория уголовных правоотношений привлекала и привлекает внимание многих ученых. Особенно интерес к ней и активность в изучении стали проявляться в последнее десятилетие.

В. С. Прохоров в своей книге «Преступление и ответственность» раскрывает многие интересные стороны исследуемого нами объекта, приводит раз-

личные точки зрения других авторов на спорные вопросы и выражает свое мнение по их поводу [1, с. 84].

Многие советские авторы, такие как П. Е. Недбайло, А. И. Санталов, М. И. Ковалёв, Н. А. Беляев, рассматривают понятие и содержание уголовного правоотношения. Чаще всего они делают это, конечно же, с позиции теории советского уголовного права, однако их исследования представляют интерес и для нас, поскольку содержат обоснованные теоретические положения.

Некоторыми учёными по этой теме написаны диссертации, которые представляют для нас важные исследования. В частности, это работы М. Н. Белова «Правоотношения в уголовном праве», А. С. Курбановой «Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность: проблемы соотношения», А. А. Васильченко «Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений».

Правоотношение — одна из универсальных правовых категорий, изучение которой является важнейшим для рассмотрения данной темы. Обратимся к общетеоретическому понятию правоотношения. Как правило, данный термин определяется через общественные отношения, что представляется вполне логичным ввиду того, что правоотношение — одна из их разновидностей.

На наш взгляд, уголовно-правовая норма оказывает воздействие не только в случае совершения преступления — там также действует ее охранительная функция, но и в то время, когда человек ведет себя правомерно, зная правило поведения. Корреспондирующие права и обязанности в таком правоотношении тоже можно увидеть: человеку присуща обязанность не совершать уголовно наказуемого деяния, государству корреспондирует право требовать исполнения обязанности, а в случае неисполнения — применять меры ответственности. Более сложным будет являться вопрос о времени возникновения такого правоотношения — с момента введения нормы, с момента, когда человек узнал о ней? Считаем, что разумным будет здесь обратиться к структуре нормы, тогда можно предположить, что правоотношение возникает в момент, когда соблюдаются условия ее гипотезы, то есть достигается определенный возраст, приобретает определенный статус (для специального субъекта) и т. д.

С учетом вышесказанного считаем наиболее точным определение уголовно-правовых отношений, данное В. С. Прохоровым: это правовые связи, которые складываются в соответствии с требованиями норм уголовного права между субъектами [2, с. 86].

Хотелось бы отметить, что оно не исключает существования уголовно-правовых отношений именно по поводу совершения преступления, но дополняет их другими.

По субъектному составу и количеству прав и обязанностей можно выделить правоотношения простые и сложные.

Простое правоотношение имеет место быть тогда, когда имеется только два субъекта (например, гражданин и государство) и содержание составляет одна юридическая субъективная обязанность и корреспондирующее ей право.

Представляется достаточно сложным представить практическую ситуацию, в которой связка «право — обязанность» будет существовать в единственном количестве из динамического характера уголовного правоотношения, о котором уже упоминалось.

Не представляется сложным представить на практике сложившееся сложное уголовно-правовое отношение — в нем наличествующими являются более двух субъектов (иногда в качестве третьего субъекта, помимо государства и преступника, можно выделить, например, потерпевшего) и несколько корреспондирующих прав и обязанностей с каждой стороны.

По степени определенности управомоченных и обязанных субъектов можно выделить абсолютные и относительные уголовно-правовые отношения.

Абсолютные — в которых один субъект конкретизирован (как правило, управомоченные), остальные — нет.

В определенном правоотношении известны обе стороны.

Среди особенностей уголовных правоотношений можно выделить неравенство субъектов, между которыми они складываются (государство и гражданин), публично-правовой характер, урегулированы нормами специфической отрасли — уголовного права и иные.

Таким образом, с учетом приведенных выше позиций и общетеоретических положений можно сделать вывод, что содержание уголовного правоотношения составляют субъективные корреспондирующие права и обязанности, основанные на нормах уголовного закона. При этом уже права и обязанности конкретного человека в рамках определенного правоотношения не являются статичными. К примеру, Н. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса РФ. В соответствии с этим у него возникла субъективная обязанность — претерпеть предусмотренные нормой последствия, например, лишение свободы на срок два года. Однако в процессе реализации уголовного правоотношения Н. раскаялся, исправился, что доказал содействием следствию и суду, безупречным поведением при отбывании наказания и другими факторами. В таком случае уголовное правоотношение между Н. и государством может измениться, так как закон предусматривает возможность назначения более мягкого наказания или освобождения от ответственности.

Более широкий круг субъективных прав и обязанностей как содержания уголовного правоотношения приводит в своих трудах Н. А. Огурцов, он пере-

числяет конституционные права и обязанности граждан, ответственность [3, с. 23]. При этом нельзя не отметить, что при наступлении ответственности обязанность возникает не только у гражданина (претерпеть лишения и т. д.), но и у государства — осуществлять деятельность в соответствии с законом, соблюдать права человека и гражданина, применять меры ответственности в соответствии с принципами справедливости и т. д.

С данными позициями невозможно не согласиться. Однако, на наш взгляд, характеризовать уголовное правоотношение через перечисление субъективных прав и обязанностей не совсем целесообразно, ведь они существенно изменяются в рамках конкретных социальных связей, да и закон предусматривает огромное множество прав и обязанностей (кстати, при этом нельзя сказать, что они содержатся исключительно в Уголовном кодексе как в единственном источнике уголовного права, обязанность выносить обоснованное и справедливое решение по уголовному делу содержится, к примеру, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ).

Говоря о значении уголовных правоотношений и значении их видов, нельзя не вспомнить о том, что они важны не только для самой отрасли уголовного права, но и являются охранительными по отношению к другим отраслям: конституционному, гражданскому, трудовому, административному и т. д.

В этом свете мы отмечаем их универсальный характер и важную правоохранительную функцию, которая распространяется на широкий круг общественных отношений.

Они, несомненно, являются важными для всех субъектов, которые принимают в них участие — для граждан, государства, так как предполагают наличие обязанности, требующей неукоснительного их соблюдения.

Так же важность уголовных правоотношений обусловлена публичным характером всей отрасли уголовного права и спецификой норм и последствий их нарушений. В рамках данных правоотношений речь идет о наиболее важных социальных объектах, по сравнению с другими отраслями права, предусматриваются более серьезные меры ответственности за неисполнение обязанностей. Само же исполнение обязанности имеет значение не только для самого субъекта и конкретной стороны правоотношения (как, к примеру, в гражданском праве и других частных отраслях), но и оказывает решающее воздействие на все общество.

Выделение различных же видов уголовных правоотношений имеет значение в большей степени для их изучения — классификация позволяет наиболее полно рассмотреть признаки изучаемого предмета, разобраться в его существенных характеристиках, понятии, сформировать, исходя из подбора практических

примеров к конкретному виду, точку зрения на содержание уголовно-правового отношения.

Но, на наш взгляд, выделение классификации в некоторых случаях может иметь и практическое значение.

Уголовно-правовое отношение понимается как правовая связь субъектов, урегулированная нормами уголовного права. При этом мы отмечаем, что это не только правовая связь преступника и государства по поводу применения мер юридической ответственности, но и иные ситуации, когда общественные отношения напрямую складываются под влиянием норм Уголовного кодекса.

Содержание уголовного правоотношения представляется нам как субъективные корреспондирующие права и обязанности, основанные на нормах уголовного закона.

В системе права России уголовное право является одной из ведущих отраслей и изучение его важнейших категорий, к которым можно отнести уголовное правоотношение, является необходимым. Изучение показало, что в целом понятие как самих уголовных правоотношений, так и выяснение их содержания является сложным вопросом, по поводу которого ученые не могут прийти к единому мнению, и в науке наблюдаются дискуссии.

1. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. СПб. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та. 1984. С. 84. [Вернуться к статье](#)

2. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. СПб. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та. 1984. С. 86. [Вернуться к статье](#)

3. Огурцов Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1976. С. 23. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.3

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Н. П. Ковалева

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
УО «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины» (Беларусь)
e-mail: npkovaleva@mail.ru

***Аннотация.** Анализируется действующее законодательство, регулирующие вопросы пенсионного обеспечения медицинских работников. Рассмотрены вопросы учета наименований должностей медицинских работников, а также уделено внимание особенностям исчисления стажа (выслуги лет) данной категории работников.*

***Ключевые слова:** пенсия за выслугу, медицинские работники; специальный стаж, учреждения, должность, профессиональная пенсия, условия труда.*

***Annotation.** Analyzes the current legislation governing the provision of pensions for medical workers. The issues of accounting for the names of positions of medical workers are considered, and attention is paid to the features of calculating the length of service (length of service) of this category of workers.*

***Keywords:** length of service pension, medical workers; special experience, institutions, position, professional pension, working conditions.*

Право медицинских работников на пенсию по возрасту необходимо рассматривать в контексте этапов изменения законодательства, регулирующего особенности назначения пенсий данным категориям работников. В связи с принятием Закона Республики Беларусь 5 января 2008 г. № 322-З «О профессиональном пенсионном страховании» был введен новый институт пенсионного обеспечения: профессиональные пенсии для работников, занятых отдельными видами профессиональной деятельности, к которым относятся медицинские работники. Соответственно, в настоящее время работники здравоохранения приобретают право на пенсионное обеспечение по двум нормативным правовым актам: Закону от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ «О пенсионном обеспечении» и Закону от 5 января 2008 г. № 322-З «О профессиональном пенсионном страховании». Начиная с 2009 года работники данной сферы в зависимости от должности могут претендовать на один из нескольких видов пенсий: пенсию за выслугу лет (до 1 января 2009 г.), пенсию за работу с особыми условиями труда (до 1 января 2009 г.), досрочную профессиональную пенсию и дополнительную профессиональную пенсию (после 1 января 2009 г.).

В соответствии со статьей 48 Закона № 1596-ХІІ право на пенсию за выслугу лет имеют отдельные категории работников здравоохранения при опре-

деленных условиях: мужчина при выслуге 30 лет, женщина при выслуге 25 лет, с понижением общеустановленного пенсионного возраста на 5 лет [1]. Аналогичные условия содержатся и в законодательстве других стран: в Федеральном законе Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (статья 30), в Законе Украины от 9 июля 2003 г. № 1058-IV «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» (с изм. и доп. 8 февраля 2018 г.), Законе Республики Узбекистан от 3 сентября 1993 г. № 938-XII «О государственном пенсионном обеспечении граждан» (статья 12), Законе Республики Молдова от 14 октября 1998 г. № 156-XIV «О государственной пенсионной системе» [2], [3], [4], [5].

Министерство здравоохранения Республики Беларусь, в связи с возникающими вопросами относительно назначения пенсии за выслугу лет и за работу с особыми условиями труда, в соответствии со статьями 12 и 48 Закона № 1596-XII, определило, что право на досрочные пенсии при соблюдении установленных законодательством условий имеют лица, работающие в должностях организаций здравоохранения, предусмотренных перечнем учреждений (организаций) и должностей, работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет отдельным категориям медицинских и педагогических работников, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 декабря 1992 г. № 724 (за время работы до 01.01.2009 г.) и перечнем учреждений (организаций) и должностей для целей профессионального пенсионного страхования медицинских и педагогических работников, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2008 г. № 1490 (за время работы, с 01.01.2009 г.) [6], [7].

В соответствии с п. 1 и 2 ч. 1 статьи 12 Закона № 1596-XII отдельным категориям медицинских работников может назначаться также трудовая пенсия по возрасту со снижением общеустановленного возраста на пять или десять лет при наличии общего стажа (25 лет или 20 лет — для мужчин и 20 лет или 15 лет — для женщин) и специального стажа в связи с работой во вредных и тяжелых условиях труда (12 лет 6 месяцев или 10 лет — для мужчин и 10 лет или 7 лет и 6 месяцев — для женщин). Соответствующие списки производств, работ, профессий, должностей, дающих право на пенсию по возрасту за работу с особыми условиями труда (Список № 1) и (Список № 2), утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2005 г. № 536 [8].

Для того чтобы приобрести право на досрочную трудовую пенсию по возрасту, необходимо, кроме условий, предусмотренных статьей 12 Закона № 1596-XII, соблюсти следующие условия:

1) наличие профессии (должности) медицинского работника в соответствующем списке (перечне) производств, работ, профессий по соответствующей сфере производственной деятельности (медицинской);

2) признание условий труда на конкретном рабочем месте неблагоприятными по результатам аттестации в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2008 г. № 253 «Об аттестации рабочих мест по условиям труда» [9].

К числу медицинских работников, занятых в особо вредных и особо тяжелых условиях труда (по Списку № 1), относится врач-специалист (врач-рентгенолог), а к числу медицинских работников, занятых во вредных и тяжелых условиях труда (по Списку № 2), относятся:

1) средний медицинский персонал, младшая медицинская сестра по уходу за больными, непосредственно занятая обслуживанием больных: в туберкулезных и инфекционных учреждениях (отделениях), в лепрозориях, в психиатрических (психоневрологических) лечебно-профилактических учреждениях, психиатрических (психоневрологических) отделениях (группах), домов ребенка, в ожоговых и гнойных отделениях, в домах-интернатах для психических больных, детских домах-интернатах для умственно отсталых детей системы социальной защиты;

2) работники учреждения здравоохранения и социальной защиты: заразившиеся при исполнении служебных обязанностей вирусом иммунодефицита человека, а также непосредственно занятые обслуживанием больных в онкологических и гематологических учреждениях (подразделениях) независимо от форм и видов деятельности, а также занятые в противочумных учреждениях;

3) врачи (заведующие отделением), непосредственно занятые обслуживанием больных в ожоговых и гнойных отделениях [8].

Таким образом, в настоящее время условия пенсионного обеспечения медицинских работников достаточно дифференцированы и предоставляют право на льготные условия пенсионного обеспечения, предусмотренные статьей 12 Закона № 1596-ХІІ, сохраняя при этом право на пенсию за выслугу лет при выслуге не менее 25 лет для женщин и 30 лет для мужчин с понижением общеустановленного пенсионного возраста на пять лет, закрепляя при этом определенные требования: во-первых, необходимо чтобы профессия (должность) медицинского работника была предусмотрена в соответствующем списке (перечне) работ, профессий по соответствующей сфере деятельности; во-вторых, признание этих условий труда неблагоприятными по результатам аттестации условий труда.

1. О пенсионном обеспечении : Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1596-XII : в ред Закона Респ. Беларусь от 13.11.2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2018. 2/2535. [Вернуться к статье](#)
2. О страховых пенсиях : Федер. закон Рос. Фед., 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6965. [Вернуться к статье](#)
3. Об общеобязательном государственном пенсионном страховании : Закон Украины, 9 июля 2003 г. № 1058-IV : с изм. и доп. от 04.12.2019 г. // Ведомости Верховной Рады Украины, 2003. № 49–50. Ст. 376. [Вернуться к статье](#)
4. О государственном пенсионном обеспечении граждан : Закон Респ. Узбекистан, 3 сент. 1993 г. № 938-XII : с изм. и доп. от 03.12.2019 г. // Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2008. № 12. Ст. 640. [Вернуться к статье](#)
5. О государственной пенсионной системе : Закон Респ. Молдова, 14 окт. 1998 г. № 156-XIV // Официальный монитор Республики Молдова, 2004. № 42–44. Ст. 247. [Вернуться к статье](#)
6. Перечень учреждений, организаций и должностей для целей профессионального пенсионного страхования медицинских и педагогических работников: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 9 окт. 2008 г. № 1490 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008. № 249. 5/28508. [Вернуться к статье](#)
7. Перечень учреждений, организаций и должностей, работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет отдельным категориям медицинских и педагогических работников: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 1 дек. 1992 г., № 724 // Собрание постановлений Правительства Республики Беларусь, 1992. № 34. Ст. 616. [Вернуться к статье](#)
8. О списках производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на пенсию по возрасту за работу с особыми условиями труда: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 мая 2005 г., № 536 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005. № 87. 5/16012. [Вернуться к статье](#)
9. Об аттестации рабочих мест по условиям труда: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 22 февр. 2008 г., № 253 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008. № 54. 5/26866. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.9

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ

Т. А. Корень

профессор кафедры юридических дисциплин,

кандидат юридических наук, доцент,

Могилевский филиал

ЧУО «БИП — Институт правоведения» (Беларусь)

e-mail: tania_koren@tut.by

***Аннотация.** Автором обусловлена специфика терминов о банкротстве, проведена классификация понятий, приведены примеры.*

***Ключевые слова:** банкротство, экономическая несостоятельность, специфические термины, понятия, классификация.*

***Annotation.** The author determines the specificity of bankruptcy terms, classifies concepts, gives examples.*

***Keywords:** bankruptcy, economic insolvency, specific terms, concepts, classification.*

Правовому институту экономической несостоятельности (банкротства) свойственен научный аппарат, используемый правовой наукой в целом. В то же время он отличается большим количеством специфических легальных определений и терминов. Правовое регулирование экономической несостоятельности (банкротства) изучается будущими правоведами преимущественно в рамках дисциплин «Хозяйственное право», «Хозяйственный процесс». Многие теоретические и, главное, практические ошибки возникают по причине отсутствия глубокого знания и понимания понятийного аппарата рассматриваемого правового института, в результате чего нарушаются логические границы понятий, происходит смешение терминов.

Проведенное исследование природы и содержания специфических понятий института банкротства позволило сформулировать следующие выводы об особенностях легальных определений в рассматриваемой сфере.

Особенности понятийного аппарата обусловлены:

1) многообразием и сложностью правовых отношений, возникающих в связи с банкротством субъекта хозяйствования, многократным обновлением законодательства (в настоящее время в Республике Беларусь действует третий закон, закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» 2012 г. (далее — Закон) [1]) и принятием ряда подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих особенности банкротства отдельных категорий должников;

2) комплексным характером правового регулирования банкротства с использованием гражданско-, хозяйственно-, уголовно-правовых норм, а также хозяйственно-, уголовно-процессуальных норм и др.;

3) использованием ряда терминов гражданского права и иных отраслей знаний в ином значении (например, «должник»). Так, например:

должник в гражданском праве — сторона обязательства (лицо в обязательстве), которая должна совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 288 Гражданского кодекса Республики Беларусь) [2];

должник согласно ст. 1 Закона — это неплатежеспособное юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией (за исключением унитарного предприятия, основанного на праве оперативного управления (казенного предприятия)) либо некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность в форме потребительского кооператива, благотворительного и иного фонда, неплатежеспособный индивидуальный предприниматель. Процессуальный статус должника — сторона в судебном деле о банкротстве.

К специфическим понятиям рассматриваемого института относятся, в частности: экономическая несостоятельность — банкротство, должник, кредитор — конкурсный кредитор, досудебное оздоровление — санация, временный управляющий — антикризисный управляющий, реестр требований кредиторов, заинтересованные лица (в отношении различных участников дела о банкротстве), собрание кредиторов — комитет кредиторов, отсутствующий должник, градообразующая организация и др.

Выше ряд терминов скомпонован по парам по причине созвучности, что приводит к отождествлению и нередкому смешению их на практике, например:

временный управляющий — это управляющий в деле о банкротстве в защитном периоде;

антикризисный управляющий — это управляющий в деле о банкротстве в конкурсном производстве (ст.ст. 1, 39 Закона).

Также суд в случаях и порядке, предусмотренных ст. 70 Закона, вправе назначить лицо, временно исполняющее обязанности управляющего. Все три термина можно объединить под общим понятием «управляющий в деле о банкротстве» [3].

Относительно категориального аппарата, применяемого к управляющим, отметим, что законодательству зарубежных стран известны институты кураторства, супервайзера, администратора доходов компании, управляющего доходами компании, ликвидатора, управляющего ликвидацией банкрота, и др. Действующее российское законодательство классифицирует управляющих в зависимости от вида процедур на временных, административных, внешних и конкурсных [3].

Специфические понятия банкротства можно условно разделить на две группы:

понятия, касающиеся процедуры банкротства в целом, общие понятия, характерные для любой процедуры банкротства (банкротство, конкурсный кредитор, должник и др.);

понятия, касающиеся процедуры банкротства отдельной категории должников (отсутствующий должник, градообразующая организация, ликвидируемый должник и др.).

Специфические понятия в рассматриваемой сфере можно классифицировать по отраслям права, в частности:

понятия гражданского права: сделки, имеющие характер дарения (ч. 3 ст. 109 Закона) [4–5]; субсидиарная ответственность, возлагаемая солидарно на собственника, участников, руководителя должника и иных лиц (ст. 11 Закона) [1];

понятия хозяйственного процессуального права: заявление должника — заявление кредитора как форма обращения в экономический суд с требованием о возбуждении производства по делу; заявление о защите требования как форма защиты в суде прав кредитора; споры о защите требований (ст.ст. 92–96 Закона) [1];

понятия уголовного права: криминальное банкротство, лжебанкротство, преднамеренное банкротство и др. (ст.ст. 238–240 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [6–7];

иные.

В процессе исследования выявлен ряд устоявшихся нелегальных «сленговых» терминов и словосочетаний, используемых в профессиональной среде управляющих, государственных служащих, работников суда, иных лиц, в частности:

банкротство по полной процедуре — банкротство юридического лица, включающее защитный период;

банкротство по упрощенной процедуре — банкротство ликвидируемого либо отсутствующего должника;

дело в отношении «пустышки» — дело в отношении должника, не имеющего имущества, денежных средств, иных активов при возбуждении производства по делу о банкротстве, по которому управляющему не представилось возможным разыскать, вернуть имущество, выявить задолженность.

Исследование в области специфики понятийного аппарата нельзя считать завершенным и полным. Здесь изложены некоторые основные суждения и выводы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в правоприменительной деятельности и в учебном процессе.

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : с изм. и доп. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : с изм. от 11.05.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
3. Корень Т. А. Процессуально-правовые аспекты положения и назначения антикризисного управляющего // Журнал соц.-эконом. и прав. исслед. 2018. № 3. С. 142–150. [Вернуться к статье](#)
4. Корень Т. А. О признании недействительной сделки, имеющей характер дарения // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. 2014. № 2. С. 33–39. [Вернуться к статье](#)
5. Корень Т. А. Признание недействительной сделки, имеющей характер дарения, на основании ч. 3 ст. 110 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (по состоянию на 14.07.2013 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : с изм. от 11.11.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
7. Уголовная ответственность в Республике Беларусь: отдельные теоретико-правовые аспекты : монография / Н. В. Пантелеева [и др.]. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. 239 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9 (476)(075.8)

О КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В. А. Круглов

профессор кафедры правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор,
филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске (Беларусь)
e-mail: valerij.kruglov.1952@mail.ru

В. Г. Татарян

профессор кафедры административного права,
доктор юридических наук, профессор,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
e-mail: tataryan.2654@inbox.ru

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы разработки модельных кодексов об административных правонарушениях в СНГ. Вносятся предложения по использованию для этих целей кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и опубликованных авторских проектов кодексов.*

***Ключевые слова:** Кодекс об административных правонарушениях, Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях, Административно-деликтный кодекс, Административно-деликтный процессуальный кодекс, Административно-деликтный исполнительный кодекс.*

***Annotation.** The problems of development of model codes on administrative offences in the CIS are considered. Proposals are made to use for these purposes the Codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus on administrative offences, the Procedural and Executive code of the Republic of Belarus on administrative offences and published author's draft codes.*

***Keywords:** Code of administrative offences, Procedural-Executive code of administrative offences, Administrative-tort code, Administrative-tort procedural code, Administrative-tort Executive code.*

Принятие в Республике Беларусь новых Кодекса об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях не сняло остроты проблемы отдельной кодификации материальных, процессуальных и исполнительных норм об административных правонарушениях в странах Содружества.

Непринятие отдельных кодексов, по нашему мнению, можно объяснить наличием старых стереотипов мышления, сводящихся к тому, что административная ответственность не чета уголовной и вполне может быть реализована при помощи упрощенной процедуры.

Если при осуществлении первой кодификации административно-деликтного законодательства в СССР (начало 80-х годов прошлого столетия) такая позиция еще имела свое относительно приемлемое объяснение, выражавшееся в наличии небольшого объема административно-процессуальных норм, недостаточной научной проработке порядка реализации административной ответственности и проч., то к началу разработки новых кодексов об административной ответственности в странах СНГ (середина 90-х годов прошлого столетия) весомость подобных аргументов некоторых ученых и чиновников, на наш взгляд, уже утратила свою актуальность.

Материальные нормы об административных правонарушениях реализуются в рамках производства по делам об административных правонарушениях (административно-деликтного процесса). Вместе с тем ряд ученых понятия «производство по делам об административных правонарушениях» и понятия «административный процесс» отождествляют.

Данная позиция даже нашла свое закрепление в ст. 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИК_оАП) в которой отмечается, что «административный процесс — это установленный Процессуально-исполнительным кодексом об административных правонарушениях порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении».

В теории понятие административного процесса исследовали многие ученые, которые давали ему свое определение [1, с. 212; 2, с. 3; 3, с. 383–386; 4, с. 251].

Понятие административного процесса рассматривают в широком и узком смыслах А. В. Архипов и Т. С. Курманов [5]. Имеются и другие точки зрения на рассматриваемую проблему [6, с. 167; 7, с. 39–40; 8, с. 37–38].

Производство по делам об административных правонарушениях, по мнению многих ученых, является только лишь составной частью административного процесса, но не всем административным процессом.

Нами данная позиция не поддерживается, и мы доказали, что административно-деликтный процесс (производство по делам об административных правонарушениях) — это урегулированная законом деятельность судей, органов, должностных лиц по возбуждению, расследованию и разрешению дел об административных правонарушениях, направленная на предупреждение готовящихся, обнаружение и расследование совершенных административных пра-

вонарушений, на привлечение виновных лиц к установленной ответственности [9, с. 19], порождающая правовые отношения между участниками этой деятельности.

Мы не разделяем «широко-узких» трактовок административного процесса. Юридический процесс – это не абстракция, а строгая нормативная категория, которая обслуживает реализацию норм о юридической ответственности (уголовную, административную, гражданско-правовую). Именно эта роль должна лежать в основе структуризации законодательства об административной ответственности: Уголовный кодекс — Уголовно-процессуальный кодекс — Уголовно-исполнительный кодекс, Административно-деликтный кодекс (АДК) — Административно-деликтный процессуальный кодекс (АДПК) — Административно-деликтный исполнительный кодекс (АДИК), Гражданский кодекс — Гражданский процессуальный кодекс — Гражданский исполнительный кодекс [10].

Прецедент почти такого законодательного решения уже имеется в Республике Беларусь, где с 1 марта 2007 г. введен в действие Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, позволивший осуществить в законотворческой деятельности Республики Беларусь отдельную кодификацию материальных и процессуально-исполнительных норм об административных правонарушениях.

Совершенствование законодательства об административной ответственности в республике должно продолжаться и далее путем уже отдельной кодификации процессуальных и исполнительных норм об административных правонарушениях.

В связи с этим, на наш взгляд, представляется целесообразным направить научные и правотворческие усилия ведущих представителей этой отрасли национального права стран СНГ на разработку самостоятельных кодифицированных актов, регулирующих административно-деликтные материальные, процессуальные и исполнительные отношения. Это отвечало бы принципу системности национального деликтного законодательства стран СНГ, способствовало бы упорядочению административно-юрисдикционной деятельности многочисленных государственных органов и их должностных лиц, повышению законности в административно-деликтном процессе.

В специальной юридической литературе стран СНГ имеются заслуживающие внимания законодателя соответствующие авторские наработки, которые могли бы стать основой для проектов Административно-деликтного, Административно-деликтного процессуального и Административно-деликтного исполнительного кодексов.

Так, в частности, занимаясь данной проблемой с начала 90-х годов прошлого столетия, первые варианты авторских альтернативных проектов — Административно-деликтного кодекса Республики Казахстан и Административно-деликтного процессуального кодекса Республики Казахстан были опубликованы В. Г. Татаряном еще в 1997 г. [11; 12], В. А. Кругловым в 1999 г. [13].

Позже (в 1998 г.) В. Г. Татаряном была опубликована монография в 2 частях, посвященная итогам разработки доктринальной концепции, общей структуры и содержания основных положений авторских проектов вышеназванных кодексов Казахстана, с приложением доработанных, с учетом замечаний и предложений, высказанных в ходе обсуждения представителями юридической общественности Казахстана и России, текстов вышеназванных кодифицированных актов.

Этой же проблеме, но только уже на уровне подготовки проектов модельных одноименных кодексов для государств — участников Содружества Независимых Государств был посвящен целый ряд научных публикаций в начале нынешнего столетия. В них обосновывалась целесообразность разработки доктринальной концепции отдельной кодификации материальных и процессуальных норм об административных правонарушениях в странах СНГ.

Ускоренное развитие материальных норм об административных правонарушениях со всей остротой требует принятия решений в отношении кодификации процессуальных и исполнительных норм об административных правонарушениях. Сегодня уже у многих ученых-правоведов и практикующих юристов не вызывают сомнения предложения о целесообразности приоритетного развития и кодификации этих норм. Ибо без тщательно сформулированных и систематизированных норм административно-деликтного процессуального и исполнительного права, реализация материальных норм может стать достаточно проблематичной, поскольку, как известно, процессуальные нормы являются формой жизни материального административно-деликтного права.

В связи с этим проекты модельных кодексов для стран СНГ должны, по нашему мнению, базироваться на определенных, прежде всего, концептуальных положениях, которые позволили бы сформулировать основополагающие принципы правового регулирования данного вида национального законодательства, определить цели и задачи, стоящие перед ними, а также конструкции самих разрабатываемых кодифицированных законодательных актов и содержание, включенных в него основных правовых институтов и норм.

Вместе с тем следует отметить, что разработка проектов процессуального и исполнительного кодексов должна вестись в тесной взаимосвязи с разработкой концептуальных положений проекта модельного «материального» кодекса, что позволит обеспечить адекватность не только толкования, но и применения

правовых норм, содержащихся в данных законодательных актах. И хотя свое мнение по поводу данных законопроектов мы уже неоднократно высказывали на страницах юридической печати, издаваемых в странах Содружества Независимых Государств, и в выступлениях на научно-теоретических конференциях, все же еще раз отметим, что мы твердо стоим на позиции о необходимости отдельной кодификации материальных, процессуальных и исполнительных норм об административных правонарушениях [14].

Деятельность правоохранительных органов, осуществляемая в рамках административно-деликтного процесса, имеет своей основной задачей, прежде всего, обеспечение защиты личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства от противоправных посягательств. При этом весьма важно, чтобы лица, вовлекаемые в административно-юрисдикционный процесс, имели гарантии от необоснованного подозрения и обвинения в совершении административных деликтов, неправомерного применения к ним мер административно-деликтного процессуального принуждения, других противозаконных ограничений их прав и свобод.

Поскольку административно-деликтный процесс является государственно-правовым механизмом защиты человека и гражданина, его прав и свобод от противоправных посягательств и злоупотреблений властью, постольку абсурдными, противоестественными представляются факты нарушения должностными лицами органов государственной власти его законных административно-процессуальных прав. Правозащитная функция административно-деликтного процесса не может осуществляться путем нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако в данных нормативных правовых актах, как правило, лишь определяются те или иные меры государственного принуждения и круг органов (должностных лиц), уполномоченных на их применение в процессе осуществления своих функциональных обязанностей.

Процессуальный же порядок и процедура их конкретного применения практически повсеместно (за исключением Республики Беларусь) до сих пор определяются ведомственными правовыми актами — приказами, инструкциями, наставлениями, положениями, в которых вопросам защиты законных прав и интересов граждан уделяется недостаточно внимания. Более того, анализ содержания ведомственных актов свидетельствует о частом выходе за рамки своей компетенции, подмены или неправомерного искажения законодательного акта в сторону расширения ведомственных полномочий, что прямо противоречит положениям действующих Конституций стран СНГ.

Сложившаяся ситуация наводит на мысль о необходимости поиска новых путей, приемов, методов и средств, с использованием которых в перспективе, с одной стороны, создадутся предпосылки для более эффективной и целенаправ-

ленной борьбы с административными правонарушениями, что, в свою очередь, создаст условия для возникновения устойчивой тенденции к снижению уровня совершаемых административных деликтов, возможной стабилизации криминальной ситуации и сознательного недопущения преобладающим количеством граждан совершение проступков; с другой стороны, создаст более действенный правовой заслон на пути возможных должностных нарушений со стороны субъектов административной юрисдикции при осуществлении ими административно-деликтного процесса, определит единый подход к обеспечению последними законных прав и свобод человека и гражданина на основе, прежде всего, положений действующих Конституций стран Содружества Независимых Государств, а также на международных стандартов и принципов обеспечения прав человека. Одним из таких эффективных путей, на наш взгляд, является концептуальная разработка проектов новых кодифицированных актов материальных, процессуальных и исполнительных норм об административных правонарушениях.

Не имея возможности в данной статье проанализировать положения всех авторских законопроектов, мы остановимся лишь на некоторых принципиальных авторских новеллах, включенных нами в АДПК. Напомним, что полный текст авторских вариантов проекта АДПК неоднократно публиковался в юридических изданиях стран СНГ начиная с середины 90-х годов прошлого столетия.

Итак, в отличие от ныне пока действующих устаревших правовых норм кодексов об административных правонарушениях советского образца, а также пяти новых кодексов, принятых в странах Содружества в последние годы, в проекте модельного АДПК для государств — участников Содружества Независимых Государств необходимо закрепить главенствующее конституционное требование о том, что единственным источником данного вида законодательства должен быть только вышеназванный кодекс. Эта позиция основывается на конституционном положении о том, что ограничение прав и свобод граждан возможно исключительно на основе принятого легитимным способом закона.

Напомним, что в ряде своих работ последних лет мы уже предпринимали попытку ознакомить юридическую общественность и законодателей стран Содружества Независимых Государств с концепцией, основными задачами, принципами, структурой и иными правовыми новеллами проекта Административно-деликтного процессуального кодекса, имеющими принципиальное значение в целом для обеспечения законных прав, интересов и свобод личности и гражданина на этапе построения правового демократического государства.

В своих работах мы преследовали цель не только привлечь внимание юридической общественности стран СНГ к острой необходимости существен-

ной переработки уже имеющихся в кодексах стран СНГ правовых норм, призванных обеспечить законодательную защиту прав, интересов и свобод граждан, попадающих в орбиту административной юрисдикции, но и предложить свои авторские разработки ряда новых статей, которые могли бы быть включены в проекты Административно-деликтного процессуального кодекса и Административно-деликтного исполнительного кодекса для Содружества Независимых Государств.

Мы также предлагаем укомплектовать проекты АДПК и АДИК полными пакетами унифицированных бланков основных административно-деликтных процессуальных и исполнительных актов, а также служебных документов, которые следует поместить в приложении. Наличие вышеназванных образцов индивидуальных процессуальных и исполнительных актов позволит, с одной стороны, значительно ограничить рамки местного и ведомственного нормотворчества, а с другой — в разы уменьшит количество правоприменительного брака при осуществлении административно-деликтного процесса должностными лицами органов административной юрисдикции.

Законодательное закрепление административно-правового статуса гражданина как участника административно-деликтного процесса и корреспондирующих правам граждан обязанностей должностных лиц органов административной юрисдикции является важной составной частью государственно-правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Модельный АДК, по нашему твердому убеждению, должен по аналогии с модельным УК содержать только материальные нормы об административной ответственности. Статьи 3–4 разделов действующего КоАП Российской Федерации и 1–3 разделов ПИКоАП Республики Беларусь должна составить основу самостоятельного Административно-деликтного процессуального кодекса, 5 раздела КоАП РФ и 4 раздела ПИКоАП — основу самостоятельного Административно-деликтного исполнительного кодекса или, хотя бы, как это сделано в Беларуси, где процессуальные и исполнительные нормы объединены в одном кодексе — ПИКоАП. Это, на наш взгляд, позволит более детально урегулировать административно-юрисдикционный процесс, повысить гарантии соблюдения законных прав участников данного процесса, а также, что немаловажно, будет соответствовать системности построения современного деликтного законодательства.

1. Корнев А. П. Административное право России : учебник в 3 ч. М. : МЮИ МВД России, 1996. Ч. 1. 268 с. [Вернуться к статье](#)

2. Демин А. А. Понятие административного процесса и Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Государство и право. 1998. № 8. С. 18–34. [Вернуться к статье](#)

3. Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юристь, 1999. 728 с. [Вернуться к статье](#)
4. Кузьмичева Г. А. К вопросу об административном процессе как самостоятельной отрасли права // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы. М. : Юристь, 2004. С. 251. [Вернуться к статье](#)
5. Архипов А. В., Курманов Т. С. Общее понятие административного процесса // Актуальные проблемы кодификации административно-деликтного законодательства. М. : Академия налоговой полиции ФСНП России, 2002. С. 248–255. [Вернуться к статье](#)
6. Стариков Ю. Н. Административный процесс в системе административно-деликтных правовых координат // Актуальные вопросы административно-деликтного права : материалы Международной научно-практической конференции. М. : ВНИИ МВД России, 2005. С. 164–176. [Вернуться к статье](#)
7. Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. Саратов, 2001. 451 с. [Вернуться к статье](#)
8. Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб. : Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2002. С. 37–38. [Вернуться к статье](#)
9. Круглов В. А. Административно-деликтное право Республики Беларусь : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 55 с. [Вернуться к статье](#)
10. Круглов В. А. Гражданское исполнительное право как самостоятельная отрасль права // Юридический журнал. 2007. № 1(9). С. 25–28. [Вернуться к статье](#)
11. Татарян В. Г. Альтернативный авторский проект Административно-деликтного кодекса Республики Казахстан. Астана : Министерство юстиции Республики Казахстан, 1997. 188. [Вернуться к статье](#)
12. Татарян В. Г. Альтернативный авторский проект Административно-деликтного процессуального кодекса Республики Казахстан. Астана, Министерство юстиции Республики Казахстан, 1997. 176. [Вернуться к статье](#)
13. Круглов В. А. Производство по делам об административных правонарушениях: теоретические основы и правовые проблемы : монография. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. 192 с. [Вернуться к статье](#)
14. Круглов В. А. Три отрасли права — три составные части норм об административных правонарушениях : монография. М. : Изд-во деловой и учебной лит. 2007. 296 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85(477)

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ КРИМИНОЛОГИИ

Л. Н. Кулик

доцент кафедры уголовного права и криминологии
факультета подготовки специалистов
для органов досудебного расследования,
кандидат юридических наук, доцент,
Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)
e-mail: Kulik-69@ukr.net

***Аннотация.** Статья посвящена одной из базовых проблем криминологии — личности преступника. Анализируются мнения ученых относительно этой проблемы. Автор поддерживает теорию изучения личности преступника через призму совершенных ими преступлений.*

***Ключевые слова:** личность преступника, преступное лицо, свойства личности преступника, виновность лица.*

***Annotation.** The article is devoted to one of the basic problems of criminology—the identity of the criminal. It analyzes the opinions of scientists about this problem. The author supports the theory of studying the criminal's personality through the prism of their crimes.*

***Keywords:** criminal identity, criminal person, criminal personality properties, culpability of the person.*

Изучение понятия «личность преступника» обусловлено острой потребностью в четком понимании составных элементов этой концепции, поскольку личность преступника является основной категорией криминологии, неправильное понимание которой приводит к выделению несущественных детерминант преступности.

Личность преступника изучает не только криминология, социология, криминалистика, психология, это предмет изучения и современной философии. В классической философии, сочетающей такие понятия, как «Я» — «не-Я», различают понятие «уголовного Я» и «уголовного не-Я». Суть «уголовного Я» заключается в свойствах преступного разума, который заключается в том, чтобы оправдать свою позицию с помощью таких аргументов, как: 1) нонсенс бытия и отсутствие каких-либо объективных и обязательных для всех нормативных начинаний; 2) в мире, где все изначально уродливо и искажено, невозможно устранить дисгармонию, так что, по сути, нет никакой разницы между подвигом и преступлением, честностью и пороком; 3) человек имеет принципиальное несовершенство, такое, которое подталкивает его к преступлениям; 4) родовым человеческим свойством является трансгрессивность, которая не позволяет ему существовать только в соответствии с определенными социальными правилами и постоянно провоцирует его на их нарушение; 5) человек за-

висит от внешних воздействий естественных, социальных и метафизических причин, которые превращают его в преступника; б) существование особой категории людей, которые возвышаются над окружающими из-за своих выдающихся интеллектуально-волевых качеств и, следовательно, имеют право нарушать установленные нормы морали и права [1, с. 473–474].

Однако указанные аргументы не дают четких объяснений и не отражают в полной мере существенных характеристик личности преступника, представляют собой определенную абстрактную модель предварительных условий и мотивов развития «преступника».

Советский криминолог И. И. Карпец считал, что использование понятия личности преступника не по отношению к конкретному типу уголовно-правовой классификации преступлений невозможно и нецелесообразно. Поэтому доктрина личности преступника должна быть разработана по теоретическим и практическим направлениям [2, с. 104]. Второй компонент является компонентом широкого обобщения, основанного на анализе конкретных областей преступности и направленного на максимальную индивидуализацию вынесения приговоров и оптимизацию работы с преступниками в местах лишения свободы. То же направление поддерживал и советский ученый А. А. Герцензон. Он считал, что существование абстрактного понятия личности преступника не является необходимым, и предложил ограничить уровень обобщения этой концепции уровнем единичного (конкретного) [3, с. 144–177].

Другие ученые настаивали на том, что необходимо больше внимания обращать на определенные личностные качества и специфические свойства преступников, в частности на особенности установок, содержание наклонностей, особенности воли [4, с. 33–34], или исследовать комплекс личностных качеств преступника, которые отражают его определенную деформацию, значимые характеристики его сознания [5, с. 115].

В результате дискуссий о том, на каком уровне следует изучать личность преступника, появился третий компромиссный подход, который сочетает в себе все три уровня исследований и подход к пониманию этой категории. Украинский юрист И. М. Даньшин, который является представителем компромиссной концепции, отметил, что такой подход логически проистекает из системно-структурного метода. Он рассматривает личность преступника как совокупность необходимых и стойких социальных признаков и социально обусловленных биопсихологических особенностей личности, которые, объективно реализуясь в совершении того или иного преступления (преступлений), придают его поступку характер общественной опасности, а виновному лицу свойство социальной опасности, в связи с которым оно привлекается к ответственности, предусмотренной уголовным законом [6, с. 126].

Следовательно, понятие личности преступника рассматривается как: а) личность лица, совершившего конкретное правонарушение, б) личность определенных категорий (типов) преступников (например, убийц, взяточников и т. д.), в) личность преступника в целом [7, с. 84].

Считаем, что такой подход является наиболее целесообразным и правильным, поскольку он позволяет в полной мере и со всеми возможными факторами исследовать и определять понятие «личность преступника». При изучении личности конкретного преступника, совершившего преступление, невозможно не учитывать его определенные качества, поскольку изучение этих качеств позволяет выделить новые или подтвердить все проверенные детерминанты преступлений.

На основе изучения личностей определенных категорий преступников можно обозначить такие черты, которые будут присущи этим категориям, что впоследствии позволяет надлежащим образом структурировать существующую информацию о лицах, склонных к определенной категории преступлений, и разработать определенные методы борьбы с преступлениями и меры их предотвращения. Однако систематизировать все данные, проанализировать их и сделать определенные выводы можно только с учетом общего философского, психологического и социологического понимания личности преступника. При раскрытии содержания понятия «личность преступника» следует отметить двусмысленность применяемых терминов и способов его определения.

Так, некоторые ученые называют личность преступника «субъектом преступления с криминологической точки зрения» и связывают личность преступника с лицом, совершившим преступление, используя концептуальный аппарат уголовного права; другие используют термин «преступное лицо» или «преступная личность»; третьи указывают на перечень существенных признаков, присущих «преступной личности», тем самым применяя описательный метод. Н. М. Кропачев определяет личность преступника как совокупность социально-демографических, моральных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, которые характеризуют человека, совершившего преступление, и влияют на его преступное поведение [8, с. 78].

А. И. Алексеев отмечает, что личность преступника представляет собой совокупность личностных социально значимых свойств человека, которые в сочетании с внешними условиями влияют на преступное поведение. Он считает, что определение личности преступника как лица, совершившего преступление, имеет формальный оттенок, и настаивает на необходимости определения правомерности этого заявления. Как совокупность интегрированных в человека социально значимых отрицательных свойств, сформированных в ходе его разнообразных и систематических взаимодействий с другими людьми, определяет человека преступника Ю. М. Антонян [9, с. 79].

Анализируя все эти определения, можно отметить, что каждое из них имеет определенное рациональное утверждение. Однако они не лишены некоторых недостатков. В частности, определение понятия «лицо, совершившее преступление» и «личность преступника» объединяют в одну группу как лиц, которые действительно являются людьми антисоциальной направленности, так и лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Считаем, что понятия «лицо, совершившее преступление» и «личность преступника», определяющие, что преступные наклонности человека появляются от рождения до преступления, не учитывают психологических и социальных факторов, что абсолютно не соответствует действительности. Что касается описательных определений, то некоторые подходы позволяют благодаря описательному методу создать четкую модель личности преступника, подчеркивая его характерные черты; другие — не всегда, потому что вместо того, чтобы в одном определении сделать акцент на какой-либо конкретный перечень основных характеристик, определяют список всех признаков.

Поэтому, на наш взгляд, определение криминологического понятия личности преступника в оптимальном виде должно сочетать философское определение с характерными преступными свойствами и качествами конкретного лица. В результате эта концепция станет более конкретной, что позволит глубоко изучить преступность как социально опасное явление, исследовать ее динамику и предсказать последствия, в будущем позволит выработать четкое определение основной категории криминологии — личности преступника и точно направить практическую работу, сделать более эффективной работу по сбору и обработке информации о конкретном человеке, совершившем преступление, наработать адекватные средства противодействия и предупреждения преступности.

1. Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков, 1999. 607 с. [Вернуться к статье](#)
2. Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969. 168 с. [Вернуться к статье](#)
3. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М., 1970. 288 с. [Вернуться к статье](#)
4. Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. 152 с. [Вернуться к статье](#)
5. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. 160 с. [Вернуться к статье](#)
6. Даньшин И. Н. О методологической роли особенного и отдельного в криминологии. Проблемы правоведения. Вып. 48. С. 79–86. [Вернуться к статье](#)
7. Бафия Е. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации. М., 1983. 150 с. [Вернуться к статье](#)
8. Криминология : учебник / Н. А. Беляев [и др.] ; под ред. В. В. Орехова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1992. 216 с. [Вернуться к статье](#)
9. Криминология. Избранные лекции: Ю. М. Антонян М., 2004. 446 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 331.45:34

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ТРУДА

Л. В. Курило

заведующий кафедрой гражданского права и процесса,

кандидат юридических наук, доцент,

ЧУО «Б ИП — Институт правоведения» (Беларусь)

e-mail: kgpp@tut.by

Аннотация. Автор раскрывает понятие и правовую природу ответственности за нарушение законодательства об охране труда.

Ключевые слова: сущность, ответственность, нарушение, законодательство, охрана труда.

Annotation. Author reveals the concept and legal nature of liability for violation of labour protection legislation.

Keywords: essence, responsibility, violation, legislation, labor protection.

Прежде, чем мы начнем анализ понятия и сущности ответственности за нарушение законодательства об охране труда, обратимся к статистическим данным, которые подчеркнут не только актуальность, но и научную, практическую значимость избранной тематики.

В настоящее время в Республике Беларусь выросло число потерпевших и пострадавших на производстве. Об этом свидетельствует статистика Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (далее — Департамент). Так, по оперативным данным Департамента, в результате несчастных случаев на производстве в 2018 году травмировано 2020 работающих (в 2017 году — 1689), из них погибло на производстве 144 человека (в 2017 году — 115). По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2018 году из-за травматизма на производстве потеряно 73,2 тыс. человеко-дней (в 2017 году — 64,3). По данным БРУСП «Белгосстрах», в 2018 году выплаты по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний составили свыше 113,4 млн рублей (в 2017 году — 99,1 млн рублей) [1]. Анализ производственного травматизма показывает, что наиболее часто гибнут на производстве работники, имеющие стаж работы по профессии менее 5 лет, при этом почти каждый четвертый погибший на момент травмирования имел стаж работы по специальности менее 1 года. В этой связи, по мнению экспертов, несчастные случаи на производстве происходят в основном по вине работодателя, который должным образом не соблюдает правила по охране труда. К примеру, работодатели часто не обращают внимания на недостаточную ква-

лификацию работника, не всегда должным образом проводят инструктаж по охране труда либо к этой процедуре подходят формально.

Вопросы создания здоровых и безопасных условий труда, ликвидации или сведения к минимуму производственного травматизма и профессиональных заболеваний всегда находились в центре внимания государства. Принимая во внимание высокую социальную и экономическую значимость проблемы обеспечения безопасности жизни и здоровья работающих в процессе трудовой деятельности, а также в целях повышения уровня правового сознания граждан и стимулирования правомерного, надлежащего поведения работников и нанимателей в сфере безопасности труда законодателем предусмотрена ответственность за нарушение законодательства об охране труда.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 274-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об охране труда»» законодательство об охране труда состоит из данного Закона, Трудового кодекса Республики Беларусь, Гражданского кодекса Республики Беларусь, иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области охраны труда, в том числе обязательных для соблюдения технических нормативных правовых актов [2].

В общей теории права и трудово-правовой науке нет единодушия в понимании сущности юридической ответственности. Так, в частности, под ней понимают негативную реакцию государства на противоправное поведение нарушителя, выражающуюся в применении санкций [3, с. 517]. Иными словами, юридическая ответственность возникает там, где имеет место противоправное поведение, и сводится она к необходимости претерпевания правонарушителем предусмотренных законодательством мер наказания. Более распространенной в юриспруденции является точка зрения на ответственность как субъективную обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные законодательством неблагоприятные, карающие его последствия совершенного им противоправного виновного деяния [4, с. 361]. Данная обязанность рассматривается как элемент содержания охранительного правоотношения, возникшего в пределах уже существующего, урегулированного нормами права общественного отношения. Существует суждение о том, что ответственность представляет собой особое, специфическое состояние правонарушителя в некоем ущербном, вторичном статусе по сравнению с правовым статусом ненаказанных работников. Например, наниматель не вправе применять поощрения к работнику, имеющему непогашенное или неснятое дисциплинарное взыскание.

Следует отметить, что, несмотря на различные трактовки сущности юридической ответственности, данное правовое явление тесно связано с такими категориями, как правопорядок, правонарушение и правовые санкции.

По мнению А. Ф. Лебедева, «правопорядок есть реальное состояние урегулированных правом и основанных на законности общественных отношений, участники которых действуют в точном соответствии с требованиями права и реализуют при этом свои права и обязанности» [5, с. 278]. В современный период круг участников общественных отношений в сфере охраны труда представлен работниками, нанимателями, профессиональными союзами и их органами и другими лицами. Данные субъекты, обладая определенными специфическими обязанностями, в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения могут быть привлечены к юридической ответственности. В то же время они как участники отношений в сфере охраны труда могут претерпевать вред от неправомерных действий друг друга. В данном случае сюда следует включить и государство, поскольку ему может причиняться вред нанимателями при нарушении требований по охране труда.

Поскольку юридическая ответственность тесно связана с определенной оценкой прошлого поведения, поступков, имевших место ранее, ее также называют ретроспективной ответственностью. Так, например, В. Н. Скобелкин в свое время вел речь только о ретроспективной ответственности, то есть об ответственности за нарушение трудового законодательства и трудовых прав работников [6]. Отметим, что в правовой науке высказывается позиция, которая подвергается серьезной критике, о существовании и позитивной ответственности. В частности, П. Е. Недбайло писал о такой ответственности, которая «состоит в самостоятельной и инициативной деятельности в рамках правовых норм и тех идеалов, для которых нормы изданы. Она во всех случаях включает в себя достижение положительных целей» [7, с. 51].

Как представляется, был прав В. А. Ойгензихт, когда утверждал, что в любом случае нельзя отрицать позитивный аспект юридической ответственности, так как ответственность — это не всегда кара за совершенный проступок, она связана и с превенцией подобных проступков: «На определенной стадии развития правоотношения, при возникновении и исполнении обязательств функционально ответственность не носит ни штрафного, ни компенсационного характера. Более того, нередко миссия ответственности на этом заканчивается, она выполняет свое предназначение “без крови”, ибо не допустила правонарушения» [8, с. 39].

Превентивное в большинстве случаев значение юридической ответственности для административно-управленческого персонала подчеркивалось и В. Н. Скобелкиным [6, с. 132]. В таком виде ответственность, несомненно, выступает в позитивном плане, не трансформируясь в ретроспективный аспект. В своем позитивном качестве ответственность предупреждает, пресекает, стимулирует, но она может и обеспечивать, а точнее гарантировать права одних

субъектов и выполнение (с целью реализации указанных прав) обязанностей другими субъектами». Элементы юридической ответственности, имеющие ретроспективный характер, несут дополнительный характер, «ибо главное, несомненно, не в восстановлении прежнего положения, а в том, чтобы не было необходимости в таком восстановлении» [8, с. 39–40].

Известно, что сила наказания заключается, прежде всего, в его неотвратимости, а не суровости. Представляется, что в ряде случаев ужесточение ответственности все-таки необходимо, это обеспечит большую ее эффективность как гарантии реализации права работника на охрану труда как в позитивном, так и в ретроспективном аспектах. Тем более когда речь идет о защите прав работников, нуждающихся в повышенной социальной защите, например, несовершеннолетних, женщин, инвалидов.

Принято выделять следующие функции юридической ответственности: карательная, цель которой — воздать за содеянное правонарушителю. Речь идет о реакции гаранта стабильности общества — государственного механизма за деяния, покушающиеся на его устои. Реализуется посредством применения установленных законодательством санкций за правонарушение. Эти санкции преследуют цель не только наказания, но и имеют профилактическое значение.

Выделяют такую функцию юридической ответственности, как превентивная (предупредительная), обеспечивающая предупреждение противоправных действий. По мнению Н. А. Власенко, можно рассматривать и еще одну функцию — восстановительную. Привлечение к юридической ответственности, неотвратимость ее позитивного воздействия на общество повышают социальную роль государства и правовых институтов [9, с. 217].

Резюмируя изложенное, следует сделать ряд выводов.

Юридическая ответственность в целом и ответственность за нарушение законодательства об охране труда в частности является одним из ключевых правовых институтов, широко используемых в правоприменительной деятельности.

Правовая наука содержит множество различных определений юридической ответственности. Ученые делают акцент на разные стороны этого правового феномена — принуждение со стороны государства, реакция государства на неправомерное поведение, претерпевание неблагоприятных последствий виновным лицом и т. д. Полагаем, что наиболее логично понимание юридической ответственности как обязанности лица претерпевать негативные последствия совершенного им противоправного деяния. В нашем случае в качестве такого деяния выступает нарушение законодательства об охране труда, которое может выражаться в неисполнении или ненадлежащем исполнении требований по охране труда как работником, так и нанимателем.

1. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://mintrud.gov.by/> (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)
2. Об изменении Закона Республики Беларусь «Об охране труда» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 274-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)
3. Трудовое право России : учебник / под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 656 с. [Вернуться к статье](#)
4. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учебник. 3-е изд., пересмотр. Минск : Акад. МВД, 2017. 478 с. [Вернуться к статье](#)
5. Лебедев А. Ф. Общая теория права : учеб. пособие. Минск : Изд-во Гревцова, 2013. 304 с. [Вернуться к статье](#)
6. Скобелкин В. Н. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М. : Юрид. лит., 1969. 184 с. [Вернуться к статье](#)
7. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 44–53. [Вернуться к статье](#)
8. Ойгензихт В.А. Ответственность как одна из гарантий реализации конституционных прав и выполнения обязанностей на современном этапе // Обеспечение реализации конституционных прав и обязанностей в условиях перестройки : сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Скобелкина. Омск, 1990. С. 38–47. [Вернуться к статье](#)
9. Власенко Н. А. Теория государства и права : науч.-практ. пособие. М. : ИД «Юриспруденция», 2009. 424 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77/78 (476)

ИНСТИТУТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ БЕЛАРУСИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

С. С. Лосев

ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: sergei_losev@list.ru

***Аннотация.** Рассматривая концептуальные направления развития законодательства об исключительных правах, автор особое внимание уделяет вопросу установления в законодательстве ограничений исключительных прав, позволяющих обеспечить справедливый баланс интересов правообладателей и общества, а также определяет кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в качестве преимущественной формы систематизации правовых норм.*

***Ключевые слова:** исключительные права, интеллектуальная собственность, ограничения исключительного права, систематизация законодательства.*

***Annotation.** Considering the conceptual directions of the development of legislation on exclusive rights, the author pays special attention to the establishment of legislative restrictions of exclusive rights that allow to provide a fair balance of interests of right holders and society, and also defines the codifications of intellectual property legislation as the primary form of systematization of legal norms.*

***Keywords:** exclusive rights, intellectual property, limitations of exclusive right, systematization of legislation.*

Осознание необходимости создания специального правового механизма для охраны результатов литературного, художественного и научно-технического творчества привело к возникновению самостоятельного раздела цивилистики, получившего название «право интеллектуальной собственности», которое в настоящее время включает в себя нормы, предусматривающие правовую охрану широкого круга объектов — результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. При этом правовая охрана большинства из них обеспечивается при помощи юридической конструкции исключительного права, а институт исключительных прав выступает фундаментом права интеллектуальной собственности. При этом сами исключительные права занимают свое особое место в системе субъективных гражданских прав, отличаясь от прав вещных и прав обязательственных особой, нематериальной природой своих объектов, ограниченностью во времени и пространстве, способах распоряжения, защиты и рядом иных особенностей.

В науке гражданского права представлено достаточно много мнений о том, почему данный вид гражданских прав должен именоваться «исключительными» [1, с. 445 и др.]. Однако общим во всех подходах является то, что исключительность права призвана обеспечить монопольное право его обладателя использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности, что обеспечивается как признанием за управомоченным субъектом права на совершение определенных действий, так и установлением запрета для всех прочих лиц совершать аналогичные действия.

В юридической литературе предлагается достаточно много определений исключительного права, в каждом из которых неизменно указывается на абсолютный характер этого права и называются его объекты. В качестве же наиболее универсального определения исключительного права, предложенного в научных работах, можно привести следующее: «Исключительное право — это особая разновидность субъективного гражданского имущественного права абсолютного характера, представляющая собой легальную монополию для правообладателя осуществлять в отношении охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности или приравненных к ним средств индивидуализации комплекс правомочий в течение установленного законом срока и на определенной территории, обеспеченную возможностью применения к нарушителям особых мер защиты» [2, с. 7].

Законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности является результатом многолетнего эволюционного развития и в настоящее время представляет собой сформировавшуюся подотрасль права и законодательства, которая продолжает активно развиваться. Системный анализ правовых норм и практики их применения позволяет назвать ряд наиболее актуальных проблем, необходимость решения которых предопределяет основные направления развития института исключительных прав. К их числу можно отнести:

- определение структуры и содержания исключительного права как субъективного гражданского права;
- определение общих и специальных пределов осуществления исключительных прав на различные объекты интеллектуальной собственности;
- совершенствование правовых норм, регулирующих договорные формы распоряжения исключительным правом, их адаптация к условиям использования объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде;
- развитие правовых норм, посвященных специальным способам защиты исключительных прав, в первую очередь компенсации, присуждаемой судом в случае нарушения исключительного права вместо возмещения убытков;

– определение наиболее оптимальной формы систематизации законодательства в области права интеллектуальной собственности.

Безусловно, анализ всего круга обозначенных выше проблем невозможен в рамках данной статьи. Поэтому остановимся на наиболее значимых из них: проблематике пределов осуществления исключительного права, а также систематизации законодательства.

По мнению профессора А. Л. Маковского, границы, пределы осуществления исключительного права устанавливают исключения, изъятия из состава правомочий, образующих объем, содержание исключительного права и не дают правообладателю ничего взамен этих изъятий. Такие ограничения в большинстве случаев формулируются в законе путем указания на те конкретные действия по использованию результатов интеллектуальной деятельности, которые могут совершать другие по отношению к правообладателю лица без его согласия и без выплаты за такое использование вознаграждения [3].

По своей сути любое исключительное право является легальной монополией, предоставляемой определенному законом лицу для обеспечения его имущественного интереса. Однако монополия субъекта исключительного права не должна быть безгранична — для достижения баланса интересов обладателей исключительных прав и интересов третьих лиц, общества в целом и государства вводятся ограничения этих прав, обеспечивающие для творца лишь ограниченную монополию на результат труда [4, с. 208–209]. По мнению А. Г. Назарова «...можно утверждать, что история развития исключительного права представляет собой противостояние правообладателей и общества, где первые постепенно отвоевывают себе все большую территорию. Это противостояние актуально и сейчас» [5, с. 7]. Поэтому можно говорить о том, что ключевой проблемой права интеллектуальной собственности является определение справедливого баланса интересов обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении максимально возможного свободного доступа к достижениям науки, культуры и технического прогресса, в том числе охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности.

Возможные ограничения исключительных прав различны по своей природе: допускаемое свободное и безвозмездное использование; использование без согласия правообладателя с последующей выплатой справедливой компенсации; характерные для патентного права принудительные лицензии и др. Общим для них всех является то, что объект исключительного права может использоваться правомерно помимо воли обладателя этого права. При этом развитие общественных отношений свидетельствует одновременно о постепенном расширении случаев ограничения исключительных прав, обусловленном увеличе-

нием возможных способов использования объекта, так и о более активном использовании механизмов последующей компенсации правообладателю за осуществляемое без его согласия использование объекта интеллектуальной собственности.

Ключевое значение в определении допускаемых случаев и пределов ограничения исключительных прав имеют нормы многосторонних международных договоров, формирующих глобальную систему охраны интеллектуальной собственности: Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.), Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г.), Римская конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), Международная конвенция по охране новых сортов растений (1961 г.) и ряд других. Однако, как представляется, нормы международных договоров, посвященные возможным ограничениям исключительных прав, следует рассматривать с точки зрения тех «гибких возможностей», которые позволяют в наибольшей степени учитывать национальные интересы конкретного государства. В этом отношении особое внимание следует уделить нормам Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. (далее — Соглашение ТРИПС). Статья 8 Соглашения ТРИПС, посвященная общим принципам, предусматривает, что при формировании или совершенствовании своих национальных законов и правил государства — члены ВТО могут принимать меры, необходимые для охраны общественного здоровья и питания, содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах, а также для предотвращения злоупотреблений правами интеллектуальной собственности со стороны владельцев прав. Значение Соглашения ТРИПС состоит и в том, что данный международный договор использовал «трехступенчатый тест», определяемый как право национального законодателя устанавливать дополнительные ограничения исключительного права, не предусмотренные соответствующим международным договором, 1) в определенных особых случаях при условии, что 2) такое ограничение не наносит ущерба нормальному использованию объекта интеллектуальной собственности и 3) не ущемляет необоснованным образом законные интересы обладателя исключительного права, в качестве универсального инструмента, позволяющего государствам, принадлежащим к различным правовым системам, использовать общие подходы в установлении норм национального законодательства, определяющих основания и пределы ограничения исключительных прав на различные объекты права интеллектуальной собственности. Ориентируясь на закрепленные в Соглашении ТРИПС принципы и «трехступенчатый тест», можно говорить о необходимости пересмотра законодательства Республики Беларусь в об-

ласти интеллектуальной собственности в первую очередь для оценки достаточности предусмотренных в настоящее время ограничений исключительных прав в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности. Для авторского права и смежных прав очевидна необходимость адаптации существующих норм, посвященных допускаемому свободному использованию произведений, исполнений, фонограмм для целей их использования в сети Интернет; для патентного права — расширение использования механизма выдачи принудительных лицензий, включение в национальное законодательство норм, предусматривающих новые основания для их выдачи (например, в интересах охраны общественного здоровья), а также новые процедуры выдачи (в административном порядке).

Вторым концептуальным направлением развития института исключительных прав является определение наиболее оптимальной формы систематизации законодательства. Действующее законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности построено по многоуровневой схеме: основные положения закреплены в Гражданском кодексе, а детальное регулирование отношений осуществляется на уровне специальных законов и подзаконных актов. Однако нормами специальных законов, несмотря на то, что каждый из них ориентирован на детальное регулирование соответствующей сферы, невозможно исчерпывающим образом урегулировать все правоотношения, возникающие в связи с охраной, осуществлением и защитой личных неимущественных и имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности. В связи с этим возникает стратегический вопрос о том, по какому пути должно пойти развитие законодательства: дальнейшее расширение раздела V ГК с сохранением действующих специальных законов либо полная кодификация законодательства об интеллектуальной собственности.

Как отмечают специалисты, кодификация — это сведение к единству всего правового материала путем переработки его внутреннего содержания в стройную, логически цельную и внутренне согласованную систему. В результате кодификации происходит как внутренняя, так и внешняя переработка действующего законодательства в ходе подготовки и принятия нового кодифицированного акта [6, с. 35]. С учетом очевидных преимуществ полной кодификации перед иными формами систематизации можно предварительно ответить на поставленный выше вопрос, выбрав вариант полной кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в качестве приоритетного.

Моделируя структуру предполагаемого кодифицированного акта, следует отметить, что в общей части должна быть закреплена система охраняемых объектов, дано определение и раскрыты сущностные особенности исключительного права, его соотношение с другими видами гражданских прав, особенности

распоряжения и защиты, а также названы общие принципы ограничения и исчерпания исключительного права. В особенной части должны быть помещены нормы, определяющие правовой режим отдельных объектов интеллектуальной собственности. Туда же должны быть перенесены все процедурные нормы, содержащиеся в специальных законах, посвященных объектам права промышленной собственности [7].

1. Пиленко А. А. Право изобретателя. М. : Статут, 2001. 686 с. [Вернуться к статье](#)
2. Касьянов А. С. Договорные способы распоряжения исключительным правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011. 34 с. [Вернуться к статье](#)
3. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / под ред. А. Л. Маковского // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. 255 с. [Вернуться к статье](#)
5. Назаров А. Г. Пределы осуществления исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности : монография. М. : Проспект, 2016. 184 с. [Вернуться к статье](#)
6. Сигалов К. Е. Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. № 23. С. 35–37. [Вернуться к статье](#)
7. Лосев С. С. К вопросу о кодификации законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности // Юстиция Беларуси. 2019. № 6. С. 55–60. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАТРОНАЖА

А. А. Ляшко

младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: nastassia.liashko@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает вопросы, связанные с проблемами понятийного аппарата института патронажа как гражданско-правового института, проводит анализ существующих подходов к определению данного понятия, а также сравнительно-правовой анализ.

Ключевые слова: гражданское право, патронаж, помощник, дееспособное лицо, физическое здоровье.

Annotation. In the article, the author considers issues related to the problems of the conceptual apparatus of the institution of patronage as a civil institution, analyzes the existing approaches to the definition of this concept, as well as a comparative legal analysis.

Keywords: civil law, patronage, assistant, competent person, physical health.

Понятийный аппарат как науки, так и законодательства представляет собой явление динамическое, изменяющееся под влиянием развития общества, внедрения новых технологий. Каждое научное открытие неразрывно порождает необходимость каким-либо образом его обозначить и объяснить. Появление нового понятия в праве часто связано с развитием нового правового института.

При этом отметим, что сегодня принято выделять три основных способа создания нового правового института:

1. Посредством особой разновидности специалистов-экспертов или посредством права юристов.
2. Способ, характерный для стран англо-американской системы, — получение нового правового института посредством права судей.
3. Способ, наиболее популярный в континентальных странах, — законодательство как результат деятельности лиц — субъектов процесса законотворчества [1, с. 95–114].

В то же время следует обратить внимание, что независимо от способа создания внедрение нового правового института невозможно без разработки понятийного аппарата и методологических основ. Однако появление новых явлений, институтов, в том числе и в правовой сфере, не всегда предоставляет возможность досконально и точно описать их непосредственно в данный момент, что

обусловлено отсутствием научных исследований, правоприменительной практики, аналитической информации и т. д.

Такая проблема сегодня существует и с развитием института патронажа как гражданско-правового института. Несмотря на законодательное закрепление патронажа в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) в 1998 году, до сих пор при толковании данного понятия, заслуживающего внимания многих исследователей и обладающего сложной структурой, не существует единого мнения по поводу его сущности. Что, по нашему мнению, создает трудности в правоприменении и снижает социальную и экономическую эффективность данного правового института. Именно это и обуславливает актуальность данного исследования.

Рассматривая вопрос о самостоятельности патронажа как гражданско-правового института, обратим внимание, что сегодня существует, по крайней мере, две противоположные точки зрения. Так, ряд исследователей, например, В. Ф. Чигир, Т. В. Авдеева, считают, что патронаж представляет собой форму попечительства, которая предполагает постоянное (регулярное) оказание помощи совершеннолетнему дееспособному гражданину в осуществлении им своих прав, их защите, исполнении обязанностей, когда в такой помощи гражданин нуждается по состоянию своего здоровья (тяжелая болезнь, физические недостатки, преклонный возраст и т. п.) [2, с. 56]. Указанной точки зрения придерживается и А. Г. Калпин [3, с. 82].

Иной позиции придерживаются А. Б. Поздняков [4] и Л. Ю. Михеева, считая ошибочным относить патронаж к особой форме попечительства, так как участники патронажных правоотношений являются дееспособными лицами, заключающими договор в установленной законодательстве форме в соответствии с принципами свободы договора и автономии воли сторон. В качестве самостоятельного правового института выделял патронаж и А. А. Пелевин, обращая внимание на то, что, во-первых, основания, предусмотренные для установления попечительства не включают основания для установления патронажа. Во-вторых, цели патронажа не совпадают с целями опеки и попечительства, так как лицо, находящееся под патронажем, является полностью дееспособным. И, в-третьих, функции лица, осуществляющего патронаж, отличаются от прав и обязанностей попечителя [5, с. 177].

Аналогичный подход к законодательному закреплению категории «патронаж» в гражданском праве Республики Беларусь сегодня применяется и в гражданском законодательстве Российской Федерации, Республики Армения, Азербайджанской Республики. Иной подход применяется в Латвийской Республике и Республике Грузия [6; 7]. Здесь в случае если дееспособное лицо не может самостоятельно реализовывать свои права и исполнять обязанности, над

ним устанавливается попечительство. Схожий с институтом патронажа представляется институт «советника» по нормам ГК Квебека, в соответствии с нормами которого лицо, не признанное недееспособным, может быть назначен советник с целью оказания помощи в той мере, в какой лицо не в состоянии позаботиться о себе самостоятельно [8, с. 100].

Анализ зарубежного законодательства позволяет подтвердить точку зрения об отсутствии единого подхода к пониманию «патронажа» ввиду недостаточно разработанной теоретико-методологической базы данного института.

Разделяя точку зрения А. Б. Позднякова и Л. Ю. Михеевой, также отметим, что попечительство, в соответствии с нормами ГК Республики Беларусь, устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также над гражданами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами. В свою очередь обязательным условием установления патронажа является обладание лицом, над которым устанавливается патронаж, полной дееспособностью и достижение им совершеннолетия.

Следовательно, считаем, что патронаж целесообразно признавать самостоятельным институтом гражданского права, а не особой формой попечительства.

Помимо вопроса о самостоятельности института патронажа в гражданском праве, сегодня возникает дискуссия в области терминологических основ данного института. Так, например, И. А. Михайлова, признавая существование «патронажа» как отдельного самостоятельного института гражданского права, в своих исследованиях пришла к выводу о необходимости замены термина «патронаж» на «патронат», что, по мнению исследователя, будет верно не только с точки зрения лингвистического значения обоих понятий, но и будет способствовать устранению возникающих коллизий с категорией «патронат» [9, с. 16].

Прежде чем согласиться с мнением ученой или опровергнуть его, следует провести лексический анализ категории «патронат». Обратим внимание, что в Древнем Риме патронат представлял собой форму покровительства, вследствие которого неполноправные или бедные граждане становились зависимыми от богатых и влиятельных граждан [10, с. 57]. В то же время патронат предусматривал взаимную обязанность вольноотпущенника и патрона помогать друг другу в материальной нужде, давать алименты, а также непосредственную обязанность вольноотпущенника оказывать патрону личные услуги [10, с. 57]. Исследования патроната как социального явления позволили ученым прийти к

выводу, что в основе отношений патроната с момента его появления лежал не только обмен ресурсами, но и удовлетворение потребности в доверии [10].

Исходя из анализа современного законодательства, в Республике Беларусь под патронатом понимается, во-первых, форма оказания лично ориентированной социально-педагогической поддержки, правовой, социальной и иных видов помощи выпускникам учреждений образования, обеспечивающая поддержку на начальном этапе их самостоятельной жизни [11]. Во-вторых, комплексная услуга, включающая в себя комплексное сопровождение семьи, гражданина; комплексную оценку получателя услуги — анализ положения в социуме, окружения, внутрисемейных отношений, проблем в различных сферах жизнедеятельности, выявление причин трудной жизненной ситуации, изучение сильных сторон и потенциала; разработку плана сопровождения получателя услуги; контроль за выполнением плана и при необходимости его корректировку; содействие в получении экстренной помощи, направленной на решение специфических кризисных проблем; а также разработку рекомендаций о мерах, способствующих профилактике трудных жизненных ситуаций в дальнейшем [12]. Российский законодатель исходит из того, что патронат представляет собой вид опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей, при котором ребенок помещается на воспитание в семью патронатного воспитателя на возмездную опеку с заключением специального договора [13].

Следовательно, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что «патронаж» и «патронат» имеют разную правовую и лексическую природу, что в свою очередь позволяет нам утверждать о невозможности признания указанных категорий синонимическими конструкциями.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Сегодня в правовой науке отсутствует единое понимание «патронажа», его сущности, содержания, а также места и значения в гражданском праве.

Недостаточная разработанность теоретико-методологической базы института патронажа является причиной различного законодательного подхода к закреплению категории «патронаж», возникновения коллизий между категориями «патронаж» и «патронат», а также создает трудности в правоприменении.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу о самостоятельности патронажа как гражданско-правового института, а также о невозможности отождествления категорий «патронат» и «патронаж».

1. Бруно Л. Свобода и закон; перевод. В. Кошкина под ред. А. Куряева. М. : ИРИСПЭН, 2008. 312 с. [Вернуться к статье](#)

2. Чигир В. Ф. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь 1998 г : в 3 т. Минск, 2003. Т. 1 291 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гражданское право. Ч. 1 : учебник ; под ред. А. Г. Калпина, Л. И. Масляева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 536 с. [Вернуться к статье](#)
4. Поздняков А. Б. Институт патронажа в Российской Федерации, его отличия от попечительства [Электронный ресурс]: 12.00.03 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/institut-patronazha-v-rossiiskoi-federatsii-ego-otlichiya-ot-popechitelstva> (дата обращения: 15.02.2020). [Вернуться к статье](#)
5. Пелевин А. А. Актуальные проблемы правового регулирования патронажных отношений в гражданском праве Российской Федерации // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 177–179. [Вернуться к статье](#)
6. Гражданский кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UNTC/UNPAN018388.pdf> (дата обращения: 10.08.2018). [Вернуться к статье](#)
7. Гражданский кодекс Республики Грузия [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/31702/75/ru/pdf> (дата обращения: 10.08.2018). [Вернуться к статье](#)
8. Гражданское и торговое прав зарубежных стран : учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Безбаха, В. К. Пучинского. М. : МЦФЭР, 2004. 896 с. [Вернуться к статье](#)
9. Михайлова И. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: проблемы законодательства, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2007. 50 с. [Вернуться к статье](#)
10. Римское частное право [Электронный Ресурс] : учебник ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. URL : <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/m/2006/m15.pdf> (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)
11. Об утверждении Положения о патронате лиц с особенностями психофизического развития и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 19 июля 2011 г., № 92 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
12. Об установлении требований к содержанию и качеству социальных услуг, оказываемых в рамках государственных минимальных социальных стандартов в области социального обслуживания Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва труда и социальной защиты Респ. Беларусь, 1 дек. 2017 г., № 84 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
13. Об опеке и попечительстве [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ : в ред. от 29.05.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 34(476):332.834

ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЖИЛИЩНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

Р. Н. Машаров

старший преподаватель кафедры правового обеспечения
экономической деятельности,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: r.masharov@gmail.com

***Аннотация.** Анализируется объект системы жилищных сбережений — жилое помещение и его улучшения. Обосновываются положения о том, что жилое помещение является сложной вещью. Доказывается, что улучшения жилого помещения (отделимые и неотделимые) могут выступать объектом правоотношений в системе жилищных сбережений.*

***Ключевые слова:** жилищные сбережения, улучшения жилого помещения, сложные вещи, объекты права собственности.*

***Annotation.** The object of the system of housing savings is analyzed — a dwelling and its improvements. Substantiates the position that the living space is a complex thing. It is proved that residential improvements (separable and inseparable) can be the subject of legal relations in the housing savings system.*

***Keywords:** housing savings, improvement of housing, complex things, property rights.*

Разрабатываемая система жилищных сбережений как система правоотношений имеет своей целью улучшение жилищных условий граждан как гражданско-правовую форму реализации права на жилище.

Ученые отмечают, что наиболее широким по содержанию вещным правом, которое дает абсолютные возможности в удовлетворении потребностей в отношении объекта жилого помещения, следует признать право собственности [1; 2; 3]. Следовательно, улучшение жилищных условий в системе жилищных сбережений связано на первый взгляд с обретением права собственности участника системы на жилое помещение [4, с. 13]. Отсюда можно утверждать, что объектами в системе жилищных сбережений будут являться изолированная жилая комната квартиры или многоквартирный жилой дом.

В то же время возможны сделки, направленные на приобретение доли в праве собственности на жилое помещение, которая в совокупности с уже имеющейся у гражданина долей в праве делает его единственным собственником (изолированная жилая комната, квартира или многоквартирный жилой дом). Следовательно, у нас нет оснований не включать в перечень объектов в системе жилищных сбережений доли в праве собственности на жилую комнату, квартиру или многоквартирный жилой дом, в результате приобретения которых гражданин становится единственным собственником.

Сегодня самый сложный вопрос возникает в отношении так называемых отдельных и неотделимых улучшений жилого помещения как самостоятельных объектах права и объектах системы жилищных сбережений.

Лишь отдельные исследователи обратили внимание на кардинальное отличие природы результатов работ в отношении уже существующего объекта [5, с. 397–427; 6; 7]. Результаты работ в отношении уже существующего объекта фактически будут выражены не в создании нового материального объекта, а переработки уже имеющегося. Следовательно, улучшение существующих объектов недвижимого имущества в форме капитального ремонта, реконструкции и модернизации, выраженное в изменении их фактического и юридического состояния может выступать самостоятельным объектом системы жилищных сбережений.

В приведенной ситуации улучшения составляют вместе с объектом недвижимости один объект недвижимости — единую сложную вещь как правовое целое — образуются из вещей, которые составлены искусственно из нескольких соединенных между собой частей. Более того, в состав объектов жилого недвижимого имущества всегда в качестве главной вещи входит само помещение, непосредственно предназначенное для удовлетворения жилищных потребностей граждан. Наряду с помещением в состав объекта входят другие вещи либо права [8; 9; 10].

Таким образом, улучшение существующих объектов недвижимого имущества в форме капитального ремонта, реконструкции и модернизации, выраженное в изменении их фактического и юридического состояния, может выступать самостоятельным объектом системы жилищных сбережений. В формально-юридическом смысле существующий объект недвижимого имущества может выступать объектом системы жилищных сбережений как сложная вещь, состоящая из нескольких соединенных между собой вещей, утративших такой статус, а также прав, составляющих правовой режим жилого помещения.

В этой связи можно попытаться разрешить многолетние споры по поводу общего имущества в многоквартирных жилых домах, индивидуальных жилых домах с различными хозяйственными постройками, отдельных инженерных систем как самостоятельных объектах права собственности. Традиционно хозяйственные помещения и постройки являются принадлежностью основной вещи — жилого помещения и, соответственно, улучшение (их строительство, реконструкция и т. п.) не касается основного объекта недвижимости [11; 12; 13]. Вместе с тем, как показывает анализ законодательства, качество (ценность) объекта жилой недвижимости определяется не только капитальным строением (жилым домом), но и строения, сооружения при них [14; 15; 16].

В этой связи, полагаем, интерпретация хозяйственных построек как составной вещи наиболее адекватна гражданскому обороту.

То есть хозяйственная постройка, инженерные сети, выступающие отдельной вещью, с момента их присоединения к жилому помещению теряют самостоятельность как вещи и, сохраняя существенные свойства жилого помещения — назначение, госрегистрацию права, пригодность для проживания и соответствие предъявляемым требованиям, — становятся частью правового режима собственности жилого помещения. Более того, Указом № 75 «О предоставлении гражданам, постоянно проживающим и работающим в населенных пунктах с численностью населения до 20 тыс. человек, льготных кредитов на капитальный ремонт и реконструкцию жилых помещений, строительство инженерных сетей, возведение хозяйственных помещений и построек» [17] по сути закреплена такая способ улучшения жилищных условий, как возведение только хозяйственных помещений и построек как сложной вещи.

В отношении инженерных сетей практика и попытки регистрации наружных инженерных сетей и сооружений в Республике Беларусь в качестве самостоятельных объектов показывают, что данный факт является предметом субъективной оценки и по-разному трактуется разными территориальными организациями, осуществляющими государственную регистрацию объектов недвижимого имущества. Инженерные сети (водопровод, канализация и так далее), в том числе их вводы и выпуски, и иные сооружения включаются в состав здания по дополнительному волеизъявлению заказчика [18]. Таким образом, белорусский законодатель напрямую допустил возможность выступать в гражданском обороте в качестве части сложной вещи хозяйственных помещений и построек, а также инженерных сетей.

На основании изложенного можно утверждать, что объектами в системе жилищных сбережений будут являться изолированная жилая комната, квартира или многоквартирный жилой дом, а также доли в праве собственности на жилую комнату, квартиру или многоквартирный жилой дом, в результате приобретения которых гражданин становится единственным собственником объекта недвижимости.

Улучшение существующих объектов недвижимого имущества в форме капитального ремонта, реконструкции и модернизации, выраженное в изменении их фактического и юридического состояния, может выступать самостоятельным объектом системы жилищных сбережений. В формально-юридическом смысле существующий объект недвижимого имущества может выступать объектом системы жилищных сбережений как сложная вещь, состоящая из нескольких соединенных между собой вещей, утративших такой статус, а также прав, составляющих правовой режим жилого помещения.

Белорусский законодатель напрямую допустил возможность выступать в гражданском обороте в качестве части сложной вещи хозяйственных помещений и построек, а также инженерных сетей.

1. Сулова С. И. Жилищные права: понятие и система [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Семенова Е. Г. Структура вещных прав на объекты недвижимости [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
3. Белов В. А. Жилое помещение и обязательственные отношения : монография // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Барзилова И. С. Понятие и юридическая природа правовых режимов // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 10–14. С. 13 [Вернуться к статье](#)
5. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М. : Дело, 2000. 512 с. С. 397–427. [Вернуться к статье](#)
6. Ершов О. Г. О праве подрядчика на результат работы при исполнении обязательства строительного подряда // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
7. Макаров О. В. Права подрядчика по договору строительного подряда: возникновение, динамика и реализация // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
8. Крашенинников П. В. Жилищное право. 6-е изд., перераб. и доп. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. Бувеч И. И. Комментарий «Новое в законодательстве о товариществах собственников жилья (часть 1)» [Электронный ресурс]: [по состоянию на 18.01.2013] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
10. Лужина А. Н. Недвижимое имущество: понятие и отдельные виды : учеб. пособие // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
11. Градостроительство. Районы усадебного жилищного строительства. Нормы планировки и застройки = Горадабудаўніцтва. Раёны сядзібнага жыллёвага будаўніцтва. Нормы планіроўкі і забудовы. ТКП 45-3.01-117-2008 (02250). Введ. 01.07.2009. Минск : Минстройархитектуры, 2008. 42 с. [Вернуться к статье](#)
12. Жилые здания. Строительные нормы проектирования = Жылыя будынкi. Будаўнічыя нормы праектавання. ТКП 45-3.02-324-2018 (33020). Введ. 01.11.2018. Минск : Минстройархитектуры, 2018. 29 с. [Вернуться к статье](#)
13. Об утверждении Инструкции об основаниях назначения и порядке технической инвентаризации недвижимого имущества, а также проверки характеристик недвижимого имущества при совершении регистрационных действий [Электронный ресурс] : Гос. ком. по имущ. Респ. Беларусь, 24 марта 2015 г., № 11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
14. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости капитальных строений (зданий, сооружений), не завершённых строительством объектов, изолированных помещений, машино-мест как объектов недвижимого имущества = Ацэнка вартасці аб'ектаў грамадзянскіх праў. Ацэнка вартасці капітальных пабудоў (будынкаў, збудаванняў), не завершаных будаўніцтвам аб'ектаў, ізаляваных памяшканняў, машына-месцаў як аб'ектаў нерухомай маёмасці : СТБ 52.3.01-2017. Введ. 04.03.2017. Минск : Гос. ком. по стандарт. Респ. Беларусь, 2017. 34 с. [Вернуться к статье](#)
15. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 авг. 2012 г., № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

16. О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 фев. 2009 г., № 58 : ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04.09.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

17. О предоставлении гражданам, постоянно проживающим и работающим в населенных пунктах с численностью населения до 20 тыс. человек, льготных кредитов на капитальный ремонт и реконструкцию жилых помещений, строительство инженерных сетей, возведение хозяйственных помещений и построек [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 фев. 2006 г., № 75 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

18. Статкевич В. Г. Строительство наружных инженерных сетей. Порядок бухгалтерского учета и налогообложения (часть 2) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 07.09.2016 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 351.74:351.78-049.5

ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

А. В. Мельковский

доцент кафедры уголовного права и правосудия,
кандидат юридических наук,
Запорожский национальный университет (Украина)
e-mail: av-melkovskiy@ukr.net

***Аннотация.** В данной статье раскрыт смысл процесса обеспечения внутренней безопасности правоохранительных органов. Он составляет основанную на принципах комплексного программирования и планирования деятельность специальных субъектов (подразделений внутренней безопасности), направленную на достижение такого уровня защищенности жизненно важных интересов системы, который отвечает основным критериям безопасности. Подразделения внутренней безопасности выполняют два вида функций обеспечения внутренней безопасности: внутреннего и внешнего направления.*

***Ключевые слова:** безопасность, внутренняя безопасность, внутренние угрозы, коррупционные проявления, персонал правоохранительных органов, проверка информации, оперативная деятельность, профилактические действия.*

***Annotation.** This article reveals the meaning of the process of ensuring the internal security of law enforcement agencies. It is based on the principles of integrated programming and planning the activities of special entities (internal security units), aimed at achieving such a level of protection of the vital interests of the system that meets the basic security criteria. Internal security units must fulfill two types of internal security functions: internal and external.*

***Keywords:** security, internal security, internal threats, corruption, law enforcement personnel, information verification, operational activities, preventive actions.*

В настоящее время, в связи с появлением научных исследований, посвященных обеспечению национальной безопасности и безопасности отдельных сфер жизнедеятельности общества, оказалась размытой существенная и содержательная грань между такими понятиями как «национальная безопасность», «общественная безопасность», «силы обеспечения безопасности», «внутренняя безопасность правоохранительных органов».

Недостаточное внимание к освещению этих научных проблем препятствует четкости нормативно-правового закрепления полномочий, функций государственных структур и органов местного самоуправления в охранной сфере, правовому регулированию форм и средств их деятельности по обеспечению прав и законных интересов личности, общества и государства.

Понятие «внутренняя безопасность» в законодательных актах Украины отсутствует. Поэтому для выяснения его содержания и сущности как объекта оперативно-розыскной защиты в системе правоохранительных органов необходимо исследовать содержание категории «безопасность» и отдельных ее видов.

В зависимости от объекта защиты безопасность разделяют на личную, общественную и государственную. В юридической литературе на сегодняшний день не существует единого мнения относительно полного содержания этих понятий. Проблемы выяснения понятия безопасности личности почти не исследованы.

Доминирующее в настоящее время мнение ученых определяет безопасность как «уровень защищенности жизненно важных интересов человека, а также общества, государства, окружающей среды от реальных или потенциальных угроз, которые создают антропогенные или природные факторы». Различают военную, экологическую, экономическую, информационную, пожарную, политическую, продовольственную, радиационную, социальную, техническую, транспортную, финансовую, ядерную, конституционную безопасность [1, с. 50–54].

Развернутое определение безопасности дает Словарь современных военно-политических и военных терминов [2, с. 108]. В частности, в этом словаре безопасность рассматривается в международном аспекте. В качестве ее субъектов выступают не индивиды, а страны или государства. Так, термин «безопасность» (security) рассматривается как условие или положение дел, при котором страна (или группа стран) может защищать свои ценности от внешних угроз и рисков. Последние могут иметь военный или невоенный характер, выходить из различных источников и часто с трудом поддаются прогнозированию. В этих условиях безопасность наиболее оптимально обеспечивается за счет широкого подхода, учитывая важность политических, экономических, социальных и природоохранных факторов, в дополнение к традиционным военным аспектам.

В современных научных исследованиях по проблемам национальной безопасности термин «безопасность» определяется как состояние, при котором кому-либо ничто и никто не угрожает; одновременно это и деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества народов по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и предотвращению угроз, способных привести к утрате, уничтожить материальные и духовные ценности, помешать их прогрессивному развитию.

По нашему мнению, в указанный перечень основных принципов структуры безопасности следует добавить такой, как ее стабильность.

Обсуждая такую сложную категорию, как «внутренняя безопасность правоохранительных органов», следует отметить, что прежде всего речь идет о специфическом объекте охраны интересов государственных структур.

Таким образом, характеризуя в целом категорию «внутренняя безопасность», ее необходимо рассматривать со следующих позиций:

- состояние защищенности человека, общества и государства от внутренних опасностей и угроз;
- состояние защищенности правоохранительной системы и ее персонала от внешних (деятельность организованных преступных групп) и внутренних угроз (преступность и коррупция сотрудников);
- управление опасностями и угрозами, когда последние могут играть конструктивную роль (синергический подход).

Что касается внутренней безопасности правоохранительных органов как отдельных государственных звеньев социальной системы, то, на наш взгляд, здесь речь может идти о последних двух позициях.

В рассматриваемом смысле задачами внутренней безопасности правоохранительных органов, на наш взгляд, являются:

- обеспечение состояния гибкой системы правового регулирования отношений в сфере деятельности правоохранительных органов; в между исполнительными субъектами, имеющими задачи по обеспечению внутренней безопасности, и объектами защиты в сфере их компетенции;
- организация и осуществление оперативной (негласной, скрытой, конспиративной), административной, процессуальной деятельности и управления структурными подразделениями правоохранительных органов;
- определение особенностей их структурных элементов, взаимосвязей, иерархии подчинения во время выполнения задач, реализации прав и обязанностей структурных элементов правоохранительных органов;
- решение вопросов планирования, управления и контроля за соблюдением установленных норм и полномочий;
- создание системы мониторинга и реагирования на проявления внешних и внутренних угроз в деятельности правоохранительных органов, в обеспечении правопорядка и противодействия преступности;
- установление границ сфер ответственности структурных элементов правоохранительных органов и защиты жизненно важных интересов государства и ее граждан.

Рассматривая понятие «безопасность», нельзя оставить без внимания угрозы, возникающие вследствие преступной деятельности самих сотрудников системы, действия которых направлены относительно структурных элементов и являются угрозой для всей системы.

Таким образом, под понятием «внутренняя безопасность правоохранительных органов» надо понимать состояние защищенности жизненно важных

интересов государства, ее граждан и системы правоохранительных органов в частности.

Кроме этого, понятие «внутренняя безопасность правоохранительных органов» можно рассматривать с нескольких позиций:

- это условия, при которых отсутствуют и предупреждены любые внутренние и внешние угрозы (опасности) внутри системы правоохранительных органов;
- состояние, при котором ничто и никто не угрожает нормальному функционированию системы правоохранительных органов и выполнению ими функций в сфере обеспечения правопорядка и противодействия преступности;
- деятельность структурных подразделений правоохранительных органов и их сотрудников, направленная на выявление, предупреждение, ослабление, устранение и предотвращение угроз внутреннего и внешнего характера для их нормального функционирования.

На наш взгляд, понятие «внутренняя безопасность в системе правоохранительных органов» можно определить как условия, при которых отсутствуют и предупреждены любые внутренние и внешние угрозы (опасность) внутри системы. Соответственно, процесс обеспечения внутренней безопасности предусматривает собой деятельность по соблюдению указанных условий.

Сформулированные определения, по нашему мнению, достаточно полно характеризуют основные функции и задачи подразделений службы внутренней безопасности как одной из составных частей системы правоохранительных органов.

Результаты исследования сущности и содержания деятельности подразделений внутренней безопасности позволяют констатировать, что эти структуры выполняют два вида функций. А именно функции внутреннего и внешнего характера.

К функциям внутреннего характера следует отнести следующие:

1. Выявление, документирование, предотвращения фактов совершения противоправных действий со стороны сотрудников (в том числе с применением оперативно-розыскных мер); правонарушений, в том числе коррупционных проявлений; фактов совершения преступлений.

2. Профилактические действия, направленные на предупреждение служебных правонарушений (потери оружия, боеприпасов, спецтехники, служебной документации, разглашение государственной тайны, обеспечение информационной безопасности и т. д.), а также целевая отработка и проверка служебной деятельности структурных подразделений.

3. Действия, направленные на контроль и проверку персонала правоохранительных структур по возможным фактам противоправного контакта с преступной средой (контрразведывательная деятельность); действия, направленные на согласование со службой внутренней безопасности, при назначении ра-

ботников на должность, присвоении специального звания, поощрении, поступлении в ведомственные вузы, другие кадровые перемещения.

4. Участие в проверках по фактам нарушения дисциплины и совершения правонарушений личным составом правоохранительных органов.

5. Действия, направленные на проверку информации, которая освещается в средствах массовой информации, обращений граждан, других правоохранительных и государственных органов по фактам имеющихся угроз для внутренней безопасности.

6. Осуществление мониторинга общего состояния внутренней безопасности, фоновых явлений и прогнозирования развития процессов, связанных с ее обеспечением.

К функциям внешнего направления следует отнести следующие:

1. Защита действующих сотрудников от негативного влияния преступной среды (угрозы криминально настроенных лиц в отношении работников и членов их семей; втягивания сотрудников в противоправную деятельность).

2. Установление фактов и обстоятельств коррумпированных связей представителей преступного мира с сотрудниками правоохранительных органов.

3. Защита системы правоохранительных органов от проникновения в их структуру криминально настроенных лиц.

4. Участие в проведении совместных с другими правоохранительными органами мер по противодействию коррупции и реализации государственной стратегии противодействия преступности.

5. Участие в предупреждении, выявлении и пресечении уголовных правонарушений и преступлений общеуголовной направленности, в том числе преступлений в отношении системы правоохранительных органов.

6. Участие в проведении общегосударственных и международных мероприятий по линиям обеспечения внутренней безопасности правоохранительной системы.

Таким образом, специфичность видов и направлений деятельности подразделений внутренней безопасности обязывает рассматривать их как структуры с особым статусом, которые занимают особое место в системе правоохранительных органов и требуют отдельного научного подхода к организации и нормативному обеспечению своей служебной деятельности.

1. Езеров А. А. Юридична наука [Электронний ресурс]. № 1(1)/2011. С. 50–54. URL: <http://nam.kiev.ua/journal/1> (дата обращения: 14.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Словарь современных военно-политических и военных терминов. Брюссель : Объединенная редакционная рабочая группа «Россия-НАТО», 2001. М., 1991. 108 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Д. В. Меняйло

заместитель начальника
кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Белгородский юридический
институт МВД России имени И. Д. Путилина
e-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru

Л. Н. Меняйло

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
кандидат политических наук,
Белгородский юридический
институт МВД России имени И. Д. Путилина

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются современные представления правоведов о категориях «правовая культура» и «правовой менталитет», о том, что объединяет их в содержательном плане и что отличает друг от друга.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовой менталитет, правовые ценности, соотношение правовых категорий.*

***Annotation.** This article examines the modern ideas of legal scholars about the categories «legal culture» and «legal mentality», what unites them in terms of content and what distinguishes them from each other.*

***Keywords:** legal culture, legal mentality, legal values, correlation of legal categories.*

В российском и белорусском правоведении понятие «правовая культура» является не новым, вполне себе основательно разработанным, имеющим различные подходы к его пониманию. Но по-прежнему можно считать дискуссионным вопрос о содержательной стороне этого понятия и правового явления. Многие авторы (в контексте ценностного подхода — С. С. Алексеев, В. С. Нерсесянц, Т. В. Синюкова и др.) отмечают, что «правовая культура» — положительный, прогрессивный результат деятельности человека в правовой сфере, получающий ту или иную степень ценности в его персональной и коллективной иерархии системы ценностей, все то позитивное в праве, что накоплено человечеством и представляет ценность как объект материального и духовного мира. Но при этом как относиться к ошибкам и недостаткам в правовой жизни (сфере) общества? Как быть с такими негативными проявлениями, как правовой нигилизм, правонарушение, недолжные и ошибочные действия должностных лиц в правотворческой, правоприменительной и судебной деятельно-

сти? Их следует отнести к такому понятию, как «правовое бескультурье», или следует указывать на «низкий уровень правовой культуры». Но все же является ли это частью «правовой культуры» как объективная реальность неидеальной правовой деятельности человека и общества? Основываясь на понятии «культура», под которым понимается «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [1], все же приходим к выводу и поддержим мнение С. С. Алексеева, который указывает, что правовая культура «представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, правовому прогрессу» [2, с. 11], а также Н. Н. Вопленко, который, придерживаясь «деятельностного» подхода, отмечает, что «правовая культура есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением в жизни правовых ценностей. Это система прогрессивных достижений, накопленных человечеством в сфере правосознания, законности, источников права, юридической практики, способствующих развитию общества и личности. ...не входят в содержание правовой культуры такие “издержки” реальной юридической жизни, как правонарушения, правовой нигилизм, формализм, маргинальность, юридические ошибки и т. д.» [2, с. 12]. Таким образом, правовая культура включает в себя все те достижения общества, которые существуют в правовой сфере, носят положительный характер и представляют собой ту или иную ценность.

Помимо категории «правовая культура», в современном правоведении уже обосновалась близкая, но далеко не равнозначная категория «правовой менталитет». В настоящий момент среди правоведов можно выделить тех, кто посвятил свои работы данной проблематике, это А. И. Коваленко [3, с. 20], Р. С. Байниязов [4], А. Ю. Мордовцев [5], Р. М. Овчиев [6], А. И. Овчинников [7], И. А. Демидова [8; 9] и др. Ранее в своих работах Д. В. Меняйло более подробно освещал свое согласие (несогласие) в той или иной мере по вопросу понимания правового менталитета [10; 11]. Но в целом остался на своих научных позициях и понимает под правовым менталитетом исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности, системы мировоззренческих представлений, оценочных и реактивных на объекты государственно-правовой действительности [12, с. 16]. Кроме того, заслуживает внимания представление о правовом менталитете И. А. Демидовой, которая в своей работе отмечает, что «специфика менталитета как объекта познания определяется отражением в его

содержании сознательного и бессознательного, психического и социального. Понимание менталитета как совокупности особенностей сознания и психики, которые детерминируют поведение человека, сохраняют устойчивость социальных систем в процессе их развития, служат критерием процесса социальной идентификации, основой целостного образа жизни, ментальности — как глубинного уровня коллективного и индивидуального сознания, включающего и бессознательное, позволяет установить ментальные характеристики правовой культуры общества, определяющие ее своеобразие» [8].

Следует дополнить вышесказанное тем, что правовой менталитет является глубинным источником развития правовой культуры и отражается в существующих архетипах, слоях коллективного и индивидуального сознания и подсознания. Проявляется в нормативно-правовых, морально-этических, образно-эстетических, традиционно-ценностных, исторических, метафорическо-символических, религиозных аспектах жизнедеятельности общности, группы и индивида. В то же время правовой менталитет формируется под воздействием самобытной национальной правовой культуры народа.

Правовой менталитет — это и средство, и результат коммуникации в обществе, преимущественно в той социальной общности, которая связана между собой общими интересами, условиями и «средой обитания». И, как верно отмечает И. А. Демидова, «предметное поле социологического исследования менталитета определяется его проявлением в позициях, ценностных ориентациях, мотивациях, мировоззренческих и поведенческих стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей» [8]. С одной стороны, такое предметное поле кажется очевидным, но в содержательном плане при изучении всех вышеуказанных элементов по своему характеру оно оказывается противоречивым. В связи с чем для изучения правового менталитета, помимо прочих, необходимо использовать социологические и математические методы, вычлняя наиболее типичные представления о явлениях правовой жизни, о степени их ценности. Более того, такой признак, как бинарность (двойственность) правового менталитета [13, с. 42], проявляющийся в двухуровневости правоментальной сферы — сознательном и бессознательном уровнях, в содержательном плане может не совпадать, ведь мировоззренческие представления, оценивания и реагирования на бессознательном уровне более интуитивны и рефлексивны. Хотя стоит подчеркнуть, что в правовом менталитете как явлении можно выделять различные аспекты проявления бинарности, но все они будут производными от вышеуказанного.

Соотношение двух явлений предполагает определение общего и различного в таковых. Общим для правовой культуры и правового менталитета будет то, что оба этих понятия демонстрируют уровень правового развития общества,

его зрелость, уникальность и самобытность. Оба понятия связаны с понятием «правовая жизнь», входят в него, отражают его качественную составляющую. И одно и другое явление связаны духовным миром человека, общества в целом.

Отличие правового менталитета от правовой культуры заключается в том, что последнее понятие является более широким по содержанию и включает в себя правовой менталитет, правосознание, правовое мировоззрение и правовое мышление. Правовая культура, помимо духовного мира общества, включает в себя и результаты деятельности человека как предметы материального мира (нормативные правовые акты, правоприменительные акты и многое другое).

Правовому менталитету присущ коллективный характер. Индивид же является только носителем правового менталитета. В отличие от правового менталитета характеризовать правовую культуру можно не только анализируя черты коллективного субъекта (нации, народа, этноса), но и по деятельности человека в правовой сфере, особенно того, кто такую осуществляет на профессиональной основе — правоприменителя, ученого правоведа.

Кроме того, правовая культура, как уже выше указывалось, аккумулирует в себе только прогрессивное, положительное, что представляет правовую ценность в материальной и духовной жизни человека и общества. Правовой менталитет воспринимает, «кристаллизует» все аспекты правовой жизни общества как положительные, так и отрицательные.

Заслуженный правовец Н. Л. Гранат считает, что правовая культура преимущественно обращена к прошлому (свершившемуся позитивному правовому явлению) и настоящему (существующему в настоящий момент), а правосознание — к настоящему и будущему [14]. Правовой менталитет имеет несколько более широкое распространение во времени и, по нашему мнению, он обращен как к прошлому, так к настоящему и будущему. Кристаллизуясь, накапливаясь за счет ранее осуществленной правовой деятельности, он определяет настоящее правовое поведение и подталкивает к сознательному либо бессознательному правовому поведению в будущем.

В заключение обратим внимание на следующий момент: для правового менталитета характерна большая стационарность и консерватизм, нежели это характерно для правовой культуры.

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%9A%D0%A3%D0%9B%D0%AC%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%90>(дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Вопленко Н. Н. Правовая культура современной России // Правовая культура в России на рубеже столетий : материалы Всерос. науч.-теор. конф. / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград : Изд. группа ВРО МСЮ, 2001. 240 с. [Вернуться к статье](#)

3. Коваленко А. И. Краткий словарь-справочник по теории государства и права. М. : Исток, 1994. 96 с. [Вернуться к статье](#)

4. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2006. 349 л. [Вернуться к статье](#)
5. Мордовцев А. Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2004. 56 с. [Вернуться к статье](#)
6. Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов н/Д, 2006. 176 с. [Вернуться к статье](#)
7. Овчинников А. И. Самобытность российской правовой ментальности и методология ее осмысления в юридической науке // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2003. № 1. [Вернуться к статье](#)
8. Демидова И. А. Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // Вестн. Санкт-Петербур. ун-та МВД России, 2019, № 1 (81). С. 10–19. [Вернуться к статье](#)
9. Демидова И. А. Менталитет: направления исследования и современное состояние теоретического знания // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. Могилев, 2018. С. 3–10. [Вернуться к статье](#)
10. Меняйло Д. В. Русский правовой менталитет и правовая культура // Правовая культура в России на рубеже столетий. 2001. С. 69–71. [Вернуться к статье](#)
11. Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н., Иванова Ю. А. Понятие «правовой менталитет» в работах отечественных ученых // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 219–222. [Вернуться к статье](#)
12. Меняйло Д. В. Российский правовой менталитет : монография. Белгород : БелЮИ МВД России, 2005. 120 с. [Вернуться к статье](#)
13. Меняйло Д. В. Правовой менталитет : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов н/Д, 2003. 189 л. [Вернуться к статье](#)
14. Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12. С. 6. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.34:343.97:341

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

И. В. Муравьев

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

e-mail: igor.muravev.56@bk.ru

***Аннотация.** В статье проводится анализ концептуальных основ обеспечения противодействия терроризму в Республике Беларусь, определены цели и задачи государственной политики в сфере борьбы с терроризмом, а также пути оптимизации защиты граждан от террористических угроз.*

***Ключевые слова:** терроризм, террористический акт, международное сотрудничество, нормативный правовой акт, национальные интересы, профилактика терроризма, принципы противодействия терроризму.*

***Annotation.** The article analyzes the conceptual framework for combating terrorism in the Republic of Belarus, defines the goals and objectives of state policy in the fight against terrorism, as well as ways to optimize the protection of citizens from terrorist threats.*

***Keywords:** terrorism, terrorist act, international cooperation, normative legal act, national interests, the prevention of terrorism, the principles of combating terrorism.*

Одна из современных угроз национальной безопасности Республики Беларусь — терроризм, что актуализирует необходимость исследования закономерностей его возникновения и распространения, а также разработки концептуальных оснований борьбы с данным негативным явлением.

Первым в истории Республики Беларусь законодательным актом, комплексно регулирующим организацию противодействия и борьбы с терроризмом, был Декрет Президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г. № 21 «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными и насильственными преступлениями» (далее — Декрет) [1]. По мнению специалистов (например, Т. В. Вербицкой, С. В. Голованова и др.), Декрет определил направления деятельности правоохранительных органов по недопущению всплеска терроризма в нашей республике.

В дальнейшем был введен в действие ряд документов, основным из которых в настоящее время является Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 (далее — Концепция).

Пункт 5 Концепции признает терроризм одной из угроз национальной безопасности Беларуси, определяя в качестве основных причин данного явле-

ния высокий уровень конфликтности, разрыв в развитии между странами, процессы глобализации, распространение оружия массового поражения, усиление влияния СМИ и глобальных коммуникационных механизмов, рост уязвимости международного сообщества [2, п. 4, 5].

Анализ п. 6 и 7 позволил выявить два вида источников террористической угрозы для Республики Беларусь: внешний и внутренний. К внешним угрозам законодатель относит географическое положение, деятельность иностранных специальных служб, увеличение количества мигрантов, открытость и уязвимость информационного пространства Беларуси, расположение вблизи нашего государства опасных объектов (радиоактивных могильников, инфекционных захоронений скота и др.), отсутствие единого подхода к противодействию терроризму. Внутренние угрозы — формирование, проникновение и распространение идеологий экстремистского, сепаратистского толка; использование в общественно-политической, экономической, социально-культурной деятельности методов, приемов и способов, которые могут быть использованы с целью дестабилизации обстановки в Беларуси; ослабление патриотических, моральных и традиционно-нравственных устоев и ценностных категорий в молодежной среде, что объясняется негативным, деструктивным информационным воздействием в процессе формирования личностных качеств молодежи; недостаточно высокая правовая культура граждан; наличие преступности, связанной с противозаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывных устройств и веществ; высокая концентрация экологически опасных объектов, а также арсеналов, складов боеприпасов, взрывчатых и пожароопасных веществ, расположенных вблизи жилых зон; внедрение информационных технологий на объекты повышенной опасности, недостаточное распространение и применение систем автоматической блокировки; наличие лиц, обладающих профессиональными навыками, которые могут быть использованы ими для подготовки и совершения актов терроризма [2, п. 6, 7].

Пунктом 10 Концепции определена основная цель борьбы с терроризмом, во главу которой поставлено создание и поддержание такого уровня защищенности личности, общества и государства от актов терроризма, который гарантирует гражданам сохранность их жизни и здоровья, обеспечивает поддержание стабильного общественного порядка, исключает возможность оказания неправового воздействия на принятие решений государственными органами, а также обеспечивает недопущение создания условий для возникновения международных и межнациональных конфликтов, провокации военных действий, дестабилизации правопорядка внутри государств [2, п. 10].

Пункт 11 Концепции устанавливает следующие направления противодействия терроризму: предупредительная деятельность против терроризма, пресе-

чение террористической деятельности отдельных граждан и групп, эффективная работа соответствующих органов по минимизации последствий актов терроризма от деятельности террористических организаций и незаконных вооруженных формирований [2, п. 11].

Согласно п. 18 Концепции система противодействия терроризму в Беларуси как составная часть обеспечения национальной безопасности нашего государства представляет собой совокупность сил и средств взаимодействующих субъектов борьбы с терроризмом, используемых для достижения цели борьбы, определенной Концепцией [2, п. 18].

Согласно Концепции субъектами антитеррористической деятельности выступают уполномоченные государственные органы, органы местного управления и самоуправления, в которых создаются силовые и ведомственные структуры антитеррористической направленности, осуществляющие мероприятия по противодействию терроризму. Особое внимание законодателем уделено негосударственным организациям и объединениям, отдельным гражданам, оказывающим содействие органам государственной власти в осуществлении антитеррористических мероприятий.

Противодействие терроризму как специальная деятельность субъектов по предупреждению терроризма включает в себя:

- 1) профилактические меры, направленные на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению актов терроризма;
- 2) выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование актов терроризма;
- 3) минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявлений актов терроризма.

Для достижения цели противодействия терроризму необходимо решить следующие задачи: определить субъектов противодействия терроризму, наделив их соответствующими полномочиями; разработать и осуществить реализацию комплекса мер по профилактике террористических угроз, а также выявлению и пресечению террористической деятельности, минимизации и ликвидации возможных последствий террористических актов. Концепция обеспечивает системное и эффективное использование потенциала государственных и общественных структур для защиты от угроз террористических актов. При этом в качестве направлений профилактики терроризма определены:

- 1) запрет на распространение идеологии терроризма и экстремизма, а также пресечение распространения в обществе убеждений, взглядов, идей, настроений, мотивов, установок, направленных на глобальное коренное изменение в структуре политической системы Республики Беларусь;

2) повышение уровня защищенности потенциальных объектов для посягательств террористов, в качестве которых выступают места массовых мероприятий с участием пребывания большого количества людей, объекты недвижимости, социальной инфраструктуры, предприятия транспорта, важнейшие объекты жизнеобеспечения, коммуникационные и информационные сети;

3) жесткий контроль за реализацией системы мер, способствующих противодействию терроризму, к которым Концепцией отнесены:

– политические меры: нормализация общественно-политической обстановки, своевременное разрешение социальных конфликтов, снижение социально-политической напряженности, международное сотрудничество по вопросам противодействия терроризму;

– социально-экономические меры: улучшение социально-экономической ситуации в государстве, содействие повышению уровня развития регионов, сокращение маргинализации и уменьшение имущественного неравенства населения, обеспечение социальной защищенности населения;

– правовые меры: неотвратимость наказания за совершенные акты терроризма, противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических и психотропных средств, радиоактивных материалов, опасных биологических веществ и химических реагентов, пресечение финансирования терроризма, контроль и управление процессами миграции и эмиграции населения, регулирование порядка использования информационно-коммуникационных систем;

– информационно-пропагандистские меры: разъяснение сущности и опасности терроризма и его последствий, воспитание у граждан неприятия идеологии насилия, привлечение различных слоев населения к участию в противодействии терроризму;

– культурно-образовательные меры: формирование социально значимых ценностей в обществе, воспитание у населения неприятия к любым антиобщественным действиям;

– организационно-технические меры: разработка и реализация целевых программ и конкретных мероприятий по обеспечению безопасности объектов возможных террористических посягательств посредством использования технических средств защиты, принятия мер к повышению уровня эффективности механизма привлечения к ответственности за несоблюдение требований защищенности объектов террористических устремлений и техническому оснащению участников антитеррористической деятельности.

В качестве принципов противодействия терроризму выступают:

– обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека;

- неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- системность, комплексное внедрение и использование комплекса мер, применяемых в борьбе с террористической деятельностью;
- обеспечение сотрудничества на системной основе государства с различными звеньями его политической системы, международными и иными организациями, гражданами в вопросах противодействия терроризму;
- совершенствование материального и процессуального законодательства, направленного на борьбу с терроризмом;
- обеспечение сохранения конфиденциальности сведений о специальных средствах, технических приемах, а также тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, составе их участников;
- недопустимость политических и экономических уступок террористам и др.

Подводя итоги, отметим зависимость успешности противодействия современным террористическим угрозам от знания закономерностей его возникновения и распространения, а также определения принципов построения системы антитеррористических мер. Данные концептуальные основания противодействия терроризму нашли свое закрепление в национальном законодательстве Республики Беларусь и стали базисом для организации и деятельности как государственных органов, так и негосударственных организаций в сфере противодействия терроризму.

1. Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 июля 2013 г., № 658 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27.07.2015 г. № 631 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 окт. 1997 г. № 21 : утратил силу Указом Президента Респ. Беларусь от 18.04. 2001 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114

ТЕХНОЭТИКА И ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Л. В. Павлова

ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области правоохранительной деятельности
и осуществления правосудия, кандидат юридических наук,
Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: paulava_lv@mail.ru

***Аннотация.** Обращено внимание на эτικο-правовые проблемы, возникающие в связи с современными научно-техническими (технологическими) достижениями. Аргументирована необходимость развития техноэтики, базирующейся на междисциплинарных познаниях, для разработки общих принципов использования новых научно-технических результатов и предупреждения негативного влияния на жизнедеятельность человека.*

***Ключевые слова:** техноэтика, эτικο-правовые проблемы, научно-технические (технологические) достижения, искусственный интеллект.*

***Annotation.** Attention is drawn to ethical and legal problems arising in connection with modern scientific and technical (technological) achievements. The need for the development of technoethics based on interdisciplinary knowledge is substantiated to develop general principles for using new scientific and technical results and to prevent negative effects on human life.*

***Keywords:** technoethics, ethical and legal problems, scientific and technical (technological) achievements, artificial intelligence.*

Под воздействием научно-технического (технологического) прогресса происходит все большая технизация различных сфер жизнедеятельности человека, а равно интеллектуализация техносреды. Сложно переоценить положительный эффект от развития биомедицинских, информационных, инженерных, космических и иных технологий. Вместе с тем с позиции гуманитарных наук наблюдается некое отставание в сопровождении данных процессов, что отрицательно сказывается на своевременном критическом осмыслении происходящего, рассмотрении вопросов о востребованном использовании и социальном принятии научно-технических достижений. Речь идет о таких вопросах, как тотальная информатизация и конфиденциальность данных, проблема «цифрового неравенства», когда значительная часть населения не успевает освоить новые информационные технологии, развитие автономно действующего искусственного интеллекта, способного конкурировать с человеком в ряде сфер деятель-

ности, генетические модификации организмов, используемых в дальнейшем для питания людей, генная инженерия в отношении самого человека и возникающие в связи с этим экзистенциальные риски, проблемы обеспечения жизнедеятельности населения при увеличении долголетия, угроза экологической безопасности и др.

Осознавая сложность складывающейся ситуации, некоторые исследователи рассматривают ее как связанную с угрозами для свободы человека, в связи с чем отмечают, что «проблема свободы встает не только как проблема личного выбора, но и как проблема общей ответственности людей за определение путей развития человеческой цивилизации, способной обеспечить не просто выживание, но и оптимальные условия жизни будущих поколений. Альтернатива — прогресс либо техники, либо человечества — неприемлема, поскольку научно-технический, социальный и нравственный прогресс едины и неразрывны. В связи с этим возникает потребность в особой этике, ориентированной на техническую деятельность человека» [1]. В современных условиях обращение к этике (от др.-греч. ἦθος — этос, «нрав, обычай»), моральным принципам и правилам поведения действительно необходимо для выработки наиболее приемлемой модели жизни человека и его роли в делах общества и государства в условиях возникающих конфликтов ценностей с разнонаправленными притязаниями.

Несмотря на длительность истории научно-технического прогресса и, безусловно, имевшее место его рассмотрение в обществе с нравственно-этической и религиозной точек зрения, вопрос о развитии особой этики — техноэтики был актуализирован лишь в 70-х гг. XX в. Синонимично «техноэтике» использовалось выражение «технокритика», что, представляется, несколько сужало круг подлежащих рассмотрению вопросов. Впервые термин «техноэтика» был использован в 1977 г. философом М. Бунге, чтобы описать обязанности разработчиков (технологов) развивать этику как отрасль технологии. М. Бунге обратил внимание, что текущее состояние технического прогресса руководствуется необоснованными практиками, во многом базирующимися на ограниченных эмпирических данных и методах проб и ошибок. Была высказана позиция, что «технолог должен нести не только техническую, но и моральную ответственность за все, что он разрабатывает или выполняет: не только его артефакты должны быть оптимально эффективными, но и не только вредными, но и полезными, и не только в краткосрочной перспективе, но и в долгосрочной перспективе» [2]. В своих работах М. Бунге обосновал необходимость создания новой области под названием «техноэтика», чтобы найти рационально обоснованные правила для руководства наукой и техническим прогрессом. Примечательно, что как связанные с проблемой техноэтики, в частности роботозетики, следует рассматривать достаточно известные три закона робототехники, пред-

ставленные в 40-х гг. XX в. писателем-фантастом А. Азимовым: 1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону; 3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму законам. Позднее как более приоритетный появился «нулевой закон», указывающий на то, что робот должен действовать в интересах всего человечества, а не только отдельного человека [3].

В работах отечественных ученых вопросам техноэтики уделяется не много внимания, хотя на ее актуальность указывают вопросы, затрагиваемые в исследованиях [4; 5; 6]. Среди российских ученых большее внимание данной проблеме уделено представителями философских наук, обратившихся к изучению этических аспектов возможностей человека в условиях научно-технического развития; в качестве исходного положения определяются вопросы возможного и должного морально-нравственного поведения [7; 8]. Однако современные научно-технические достижения влекут прежде неизвестные не только духовные, но и правовые вопросы. В связи с чем обозначенное направление заслуживает междисциплинарного исследования.

В отсутствие согласованного определения термина «техноэтика» обратимся к изложенным в литературе точкам зрения на его понимание и развитие. В одном из представленных подходов техноэтика рассматривается в качестве вида прикладной этики. Отмечается, что наряду с техноэтикой имеется много других прикладных этик, как например: медицинская этика, биоэтика, этика учителя, этика студента и т. д. [9]. Полагаем, что в такой ситуации существует риск весьма узкого понимания техноэтики только в связи с техникой и ее непосредственным применением.

В другом случае речь идет не только о технике, но и о новых технологиях в различных сферах [7, с. 237–252]. Например, включает в себя проблемы биоэтики, которая в значительной степени занята пределами допустимости технологий спасения жизни, изменения генома, клонирования; в связи с широким применением информационно-коммуникативных технологий новую форму и актуальность приобретают этические вопросы конфиденциальности, свободы слова и ответственности; важным направлением является робоэтика ввиду активного развития роботостроения на основе когнитивных технологий, что должно повлечь появление физически обособленных носителей искусственного интеллекта (англ. — artificial intelligence) [10] и тем самым актуализировать необходимость разграничения назначения и компетенций человека и «квазичеловека». В исследованиях отмечается, что в переводе с английского слово intelligence означает, скорее, умение рассуждать разумно, а не интеллект, для которого есть

английский аналог *intellect*, и что в целом *artificial intelligence* должно восприниматься не как технология, а как родовое понятие [11].

Изложенное позволяет поддержать позицию о том, что техноэтика — это междисциплинарная область исследований, которая опирается на теории и методы из множества областей знаний (в том числе социальные науки, информационные исследования, технологические исследования, прикладная этика и философия), чтобы обеспечить понимание этических аспектов технологических систем и практик для продвижения технологического общества, защиты от неправильного использования технологий и разработки общих принципов для новых достижений [7, с. 237–252].

В данном контексте, наглядно раскрывая проблематику техноэтики, А. В. Мироновым отмечается, что каждый, являясь профессионалом в своей области деятельности, предстает «заинтересованным дилетантом» в остальных, также формирующих жизненное пространство человека. В общих интересах воздействие технических устройств на окружающую среду, последствия изменений как природной, так и социальной среды под воздействием технологий требуют этической оценки. И эту оценку, как и выработку соответствующих норм, нельзя оставлять на откуп только тем, кто представляет себя «профессионалом» в данной области [7, с. 248–250].

В качестве одной из специфических характеристик техноэтики, позволяющих отграничивать ее от иных профессиональных, экологических или религиозных этик, видится обсуждение проблем разработки и создания человекоподобных существ, их роли и функционального назначения в мире людей. Известен пример предоставления гражданства роботу Софии [12], что в силу ограниченных технических характеристик данного робота в то время во многом было воспринято как пиар-компания; вместе с тем с каждым днем появляются все новые разработки в сфере автономно действующего искусственного интеллекта, например, робота-сиделки с человеческим лицом, все более обосновывается концепция трансгуманизма, в связи с чем повышается актуальность проблемы включения в жизнь общества человекоподобных существ. Появление автономных роботов или клонов человека повлечет вопросы об их правовом статусе, правах и обязанностях граждан по отношению к ним, основах социального взаимодействия и др. В развитие данной темы, по примеру Комитета по биоэтике Республики Беларусь, целесообразно рассмотреть вопрос о создании специального Комитета по робоэтике.

В числе проблем, присущих техноэтике, также следует рассматривать этические проблемы, связанные с некоторыми так называемыми вторичными эффектами использования технических средств. В частности, это вопросы, касающиеся сбора приватной информации о пользователях информационно-

коммуникативных средств, целях получения такой информации, правомочиях сторон, а равно осуществления оценки безопасности применяемых устройств и соответствующей инфраструктуры в долгосрочном прогнозе их влияния на здоровье населения и др. К указанной проблематике следует отнести вопросы формирования виртуального мира, введения презумпции знания техники, риска дискриминации на основе «цифрового разрыва» и др.

С учетом изложенного полагаем возможным заключить следующее. Научно-технический прогресс базируется в первую очередь на новом научно-техническом знании. Такое знание способно привести к трансформации жизнедеятельности общества, но при этом следует руководствоваться этическими нормами, уделяя внимание решению не только практических задач, но и аксиологических, экзистенциальных вопросов, что становится особо очевидным на примере разработок человекоподобных существ. В указанных целях следует обратить внимание на развитие техноэтики, проведение этико-правовых экспертиз технических и технологических проектов, учитывать международно-правовые рекомендации, результаты общественного обсуждения.

1. Штоль А. Что такое «техноэтика»? Учить ли этому? [Электронный ресурс] // Leanzone.ru. URL: http://www.leanzone.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1043:что-такое-tekhnoetika-uchit-li-etomu-349&catid=87&Itemid=84 (дата обращения: 19.02.2020). [Вернуться к статье](#)
2. Bunge M. Towards a Technoethics [На пути к Техноэтике] [Электронный ресурс] // The Monist. Vol. 60, Issue 1. 1 Jan. 1977. URL: <https://academic.oup.com/monist/article-abstract/60/1/096/997301?redirectedFrom=fulltext> (date of access: 24.02.2020). [Вернуться к статье](#)
3. Азимов А. Предисловие. Мечты роботов [Электронный ресурс] // Мечты роботов (сборник рассказов и эссе). URL: https://royallib.com/read/azimov_ayzek/mechti_robotov_sbomik_rasskazov_i_esse.html#20480 (дата доступа: 16.01.2020). [Вернуться к статье](#)
4. Савенок А. Л. Человек. Право. Техника // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. : материалы V междунар. науч. конф. по проблемам классической и постклассической методологии юридической науки, Минск, 3–4 мая 2019 г. / под ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск. С. 190–197. [Вернуться к статье](#)
5. Смоликова Т. М. Личность в пространстве медиа: особенности взаимодействия ; Акад упр. при Президенте Респ. Беларусь. Минск, 2018. 234 с. [Вернуться к статье](#)
6. Павлова Л. В. Научно-технические достижения и вопросы правового регулирования с учетом проблемы ценностных оснований (постановка проблемы на примере уголовно-правовой охраны общественных отношений) // Право.by. 2020. № 1. С. 50–56. [Вернуться к статье](#)
7. Миронов А. В. Философия науки, техники и технологий. М. : МАКС Пресс, 2014. 272 с. [Вернуться к статье](#)
8. Гнатик Е. Н. Генетическая инженерия человека: вызовы, проблемы, риски. М. : Либроком, 2015. 240 с. [Вернуться к статье](#)
9. Канке В. Техника и этика [Электронный ресурс] // Евразия. Философия : Систематический курс философии. URL: <http://eurasialand.ru/txt/kanke/126.htm> (дата обращения: 26.02.2020). [Вернуться к статье](#)
10. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 197–206. [Вернуться к статье](#)

11. Искусственный интеллект. Подход АНО «ПравоРоботов» [Электронный ресурс] / АНО «ПравоРоботов». URL: <https://pravorobotov.ru/ai> (дата обращения: 11.01.2020). [Вернуться к статье](#)
12. Человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1945500/28.10.2017> (дата обращения: 27.11.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА МИКРООБЪЕКТОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Д. Н. Панченя

заместитель начальника

отдела исследования микрообъектов,

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь,

центральный аппарат

e-mail: Panchenya@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается этимология понятия «микрообъекты», основные критерии относимости материальных образований к категории микроскопических, проблемные вопросы использования микрообъектов в криминалистике на современном этапе.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, микрообъекты, микроследы, микрочастицы, понятийный аппарат, криминалистика.

Annotation. Considered the etymology of the designation «microobjects», the main criteria of belonging material formations to the category of microscopic. Problematic issues of using microobjects in forensics at the present state of development are considered.

Keywords: crime scene inspection, microobjects, micro-traces, microparticles, notion apparatus, forensic science.

Главной задачей лица, производящего дознание, в процессе расследования преступления является установление объективной истины, т. е. фактических данных, отражающих все обстоятельства произошедшего. Решение указанной задачи невозможно без применения имеющегося комплекса специальных знаний в области судебно-экспертной деятельности, передового опыта, высоконаучных технических средств, а также современных технологий и методик, основанных на достижениях практической деятельности и результатах последних научных разработок. Одним из наиболее эффективных методов в настоящее время является использование информации о микрообъектах, обнаруженных и изъятых при проведении различных следственных действий (осмотра места происшествия, выемки, обыска, освидетельствования и др.). Благодаря развитию современных методов и способов собирания и исследования материальных следов микрообъекты играют значительную роль в получении важной розыскной и доказательственной информации.

Несмотря на достаточно пристальное внимание со стороны ученых, уделяемое микрообъектам, на сегодняшний день существует ряд нерешенных теоретических, практических и процессуальных проблем, связанных с возможностью их эффективного использования в деятельности по расследованию пре-

ступлений. Первой и самой значительной из них можно считать отсутствие единообразного подхода к содержанию дефиниции микрообъектов. Вместе с тем наличие унифицированного и общепризнанного понятийного аппарата в любой из отраслей знаний является основным условием ее успешного функционирования [1, с. 59].

Известно, что в различных науках существуют собственные трактовки и принципы отнесения исследуемых объектов к категории микроскопических. Все они разработаны с учетом особенностей конкретных объектов и задач, решаемых той или иной наукой. Общей этимологической основой при использовании понятия «микрообъекты» является количественный признак объектов (от греческого *micros* — «малый»). Однако понятие «малый» весьма неопределенно, а количественные признаки материальных образований (размеры, масса, объем, концентрация) в естественных науках (биологии, физике, химии, географии) иногда совершенно не соотносимы. В криминалистике использование количественного критерия для отнесения каких-либо веществ к микрообъектам также нецелесообразно, так как жесткое нормирование подразумевает проведение точных измерений.

Одной из первых попыток формулировки понятия микрообъекта — микроследа было дано в чехословацком учебнике по криминалистике, вышедшем в 1954 г., которое давало общее и наиболее простое представление о нем, а именно: «Микрослед — это след таких малых размеров, что его можно изучать только при помощи микроскопа» [2, с. 19].

Позднее, в 1971 г., в исследованиях югославского криминалиста В. Видица было дано более развернутое определение данного понятия: «Микроследы — это материальные следы, которые не различаются невооруженным глазом, и их наличие в определенных местах можно только предположить» [3, с. 6].

Дальнейшее развитие представлений о понятии «микрообъекты» было получено в ходе проведения Международного симпозиума по проблемам микрообъектов в Варшаве в 1972 г. На основании итогов этого форума комиссия польских ученых рекомендовала следующую формулировку рассматриваемого понятия: «Микроследы — это плохо различимые или совершенно не различимые невооруженным глазом частицы вещества, связанные с происшествием».

Из приведенных выше определений видно, что на начальном этапе процессуалистами понятия «микроследы» и «микрообъекты» не разграничивались. Впоследствии В. И. Шикановым в 1974 г. было дано первое и, на наш взгляд, более корректное определение данному понятию: «Микроследы в криминалистике — материальные образования, которые в силу особенностей своей структуры, агрегатного состояния и мизерного количества можно выявить и исполь-

зовать в качестве средства для обнаружения преступления, преступника или иных фактических обстоятельств расследуемого преступления лишь с применением определенных технических средств и специальных экспертных методик исследований» [4, с. 100].

Анализ современной криминалистической литературы показывает, что в настоящее время имеется более двухсот различных определений понятия «микрообъекты» [5, с. 54]. Данная ситуация существенно усугубляется также тем, что уже имеющиеся определения отличаются друг от друга не только сущностью, но и используемой терминологией. Так, в криминалистической литературе объекты данного вида именуются как микрообъекты (Л. П. Баканова, Р. С. Белкин, М. Б. Вандер, И. В. Макогон), микрочастицы (М. Б. Вандер, Г. Л. Грановский, А. И. Дворкин), микроследы (Т. В. Попова, Д. А. Турчин, В. И. Шиканов), микроколичества (В. И. Гончаренко) и т. д. [6, с. 18].

Все же для обозначения микроследов, содержащих внутренние признаки макрообъекта, как пишет В. В. Бибиков, наибольшее распространение получил термин «микрообъекты», который предложил использовать в качестве термина родового понятия Р. С. Белкин [2, с. 21]. Этот термин среди остальных (микрочастицы, микровещественные доказательства, микроколичества веществ), относящихся к вещественным доказательствам малых размеров, более точно отвечает своему назначению, поскольку является собирательным и полнее отражает сущность всех малых объектов данной категории [7, с. 4].

Общим для имеющихся определений термина «микрообъекты» является то, что в качестве основных признаков относимости материальных образований к микрообъектам выбраны следующие:

1. Относимость к материальным образованиям органического, биологического и неорганического происхождения.
2. Образование в результате физического воздействия.
3. Относительно малое количество и (или) размер.
4. Невидимость или слабая видимость для невооруженного глаза.
5. Необходимость использования специальных средств и техники при их обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании.
6. Связь с событием расследуемого преступления.

Все изложенные выше рассуждения могут служить основанием для уточнения определения микрообъектов, которое предлагает И. В. Макогон в следующей редакции. Микрообъектами являются объекты, имеющие определяемые размерные характеристики (для твердых тел — это устойчивая форма, для жидких — объем, поддающийся измерению), отличающиеся необходимостью использования специальных приемов, методов и средств для выявления их мор-

фологических особенностей (признаков), размеры которых могут варьироваться в широких пределах [8, с. 59].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время, несмотря на значительное число научных исследований в области разработки понятийного аппарата и терминологии микрообъектов, существуют некоторые нерешенные теоретические, практические и процессуальные проблемы. Среди них наиболее важными являются отсутствие единого мнения о дефиниции микрообъектов и наличие множества различных определений. Приведенные нами понятие и основные признаки микрообъектов, данные с учетом их особенностей и некоторых характерных свойств, позволят упорядочить многообразие существующих научных положений и взглядов в целях повышения работы по обнаружению микрообъектов, их предварительному и экспертному исследованию, интерпретации и дальнейшему использованию полученных результатов в процессе расследования преступлений.

1. Макогон И. В. Понятийный аппарат микрообъектов в криминалистике // Актуал. вопр. борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 59–61. [Вернуться к статье](#)

2. Белкин Р. С. Природа экспертизы микрообъектов // Эксперт. практика. 1983. № 20. С. 19–22. [Вернуться к статье](#)

3. Состояние и пути совершенствования технико-криминалистических методов и средств работы с микрообъектами на месте происшествия / В. Е. Капитонов [и др.]. М. : Всесоюз. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел СССР, 1978. 40 с. [Вернуться к статье](#)

4. Шиканов В. И. Микроследы: понятие, криминалистическое значение, процессуальный статус // Проблемы советского государства и права : межвуз. темат. сб. / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 1974. Вып. 7. С. 97–103. [Вернуться к статье](#)

5. Кириченко А. А. Основы судебной микрообъектологии. Харьков : Основа, 1998. 1219 с. [Вернуться к статье](#)

6. Вдовина О. П. Теория и практика использования микрообъектов в расследовании дорожно-транспортных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Тула, 2015. 250 л. [Вернуться к статье](#)

7. Бибииков В. В. Микрообъекты в раскрытии и расследовании преступлений. М. : Моск. фил. юрид. заоч. обучения при Акад. М-ва внутр. дел СССР, 1985. 176 с. [Вернуться к статье](#)

8. Макогон И. В. Понятийный аппарат микрообъектов в криминалистике // Актуал. вопр. борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 59–61. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.63

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА ПРИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. В. Савина

профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: inga.savina2010@yandex.ru

***Аннотация.** В статье конкретизировано применение межотраслевого подхода к отношениям с участием несовершеннолетних. Предлагается разрешить применение законодательства о браке и семье для регулирования гражданских отношений с участием несовершеннолетних. Выявлено, что учет норм семейного права необходим при разработке и совершенствовании норм гражданского права. Ориентиром для законодателя должна быть максимальная защита прав несовершеннолетнего.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, гражданское право, семейное право, межотраслевой подход, статус несовершеннолетнего.*

***Annotation.** The article is concretized intersectoral approach to relationships involving minors. It is proposed to allow the application of marriage and family law to regulate civil relations involving minors. It is revealed that the consideration of family law is necessary in the development and improvement of civil law. The guideline for the legislator should be the maximum protection of the rights of a minor.*

***Keywords:** minor, civil law, family law, intersectoral approach, minor's status.*

Одной из особенностей правового положения несовершеннолетнего является зависимость его социализации от создания государством соответствующих условий, в том числе от эффективности правовой системы.

Преследуя единую цель — воспитание сознательного члена общества — различные отрасли права с присущей им спецификой устанавливают специфические изъятия из общего правового статуса, учитывая социальную незрелость несовершеннолетнего. Правовая регламентация в отношении несовершеннолетних, таким образом, объективно выходит за рамки одной отрасли права, а контролем над исполнением занимается значительное число государственных органов, что может негативно сказаться на уровне правовой защищенности не только несовершеннолетних, но и других граждан, например, потерпевших в результате деликта.

Соответствующие правовые проблемы являлись предметом исследования, в том числе в связи с участием органов внутренних дел, как ученых в обла-

сти общей теории права, так и цивилистов, однако не носили комплексного характера.

Качественно оценить структуру, объем и уровень предоставляемых человеку жизненных благ и их соответствие его потребностям можно только с обязательным учетом выводов многих отраслей правовой науки [1, с. 2].

С учетом специфики правоотношений с участием несовершеннолетних следует конкретизировать применение межотраслевого подхода, включающего взаимодействие норм гражданского права с иными отраслями права. Особенностью такого взаимодействия является то, что оно не позволяет в полной мере применить диспозитивность, присущую гражданскому праву: отсутствие четких ограничений и императивных норм приводят, например, к незаконному изъятию имущества несовершеннолетних, ущемлению их жилищных прав.

Взаимодействие норм гражданского права происходит и с нормами права социального обеспечения в процессе применения норм о социальной помощи семьям, воспитывающим детей, и направлено на единую цель — обеспечение достойного уровня жизни несовершеннолетнего. Изменчивость законодательства в этой сфере, так же как и гражданского законодательства, отрицательно влияет на уровень правовой защиты, лишая его такого признака, как стабильность.

Взаимодействие с нормами административного права в процессе правовой регламентации прав несовершеннолетнего, в том числе имущественных происходит при защите детей, находящихся в социально опасном положении, при выполнении своих функций органами опеки и попечительства в механизме реализации дееспособности несовершеннолетних. Однако придание несовершеннолетнему статуса самостоятельного субъекта права, необходимость защиты его имущественных прав не должны приводить к умалению роли семьи в его воспитании, бесконтрольному вмешательству государства в семейные дела.

Особое место среди отраслей, включающих соответствующие нормы, занимает семейное право. В частности, представляется необходимым учет норм семейного права при применении норм гражданского права в силу того, что несовершеннолетние являются, прежде всего, субъектами семейных правоотношений.

Применение законодательства о браке и семье может быть необходимо для регулирования гражданских отношений, связанных с отстранением недостойных наследников.

Требование о необходимости обращения в суд для отстранения родителей, лишенных родительских прав, от наследования после этих детей умаляет значение лишения родительских прав, что обуславливает необходимость внесения изменений в гражданское законодательство, позволяющих исключать из

числа наследников по закону недостойных наследников в бесспорном порядке нотариусом без обращения в суд [2, с. 52].

Применение законодательства о браке и семье необходимо и при защите вещных прав несовершеннолетнего в случае развода его родителей, при решении вопросов осуществления несовершеннолетними права пользования жилым помещением, принадлежащим родителю на праве собственности.

Применение законодательства о браке и семье без учета норм гражданского права приводит к тому, что сложившаяся судебная практика в полной мере не учитывает интересы несовершеннолетнего в случае развода его родителей.

Характеризуя влияние норм семейного права на жилищные права несовершеннолетнего на примере судебной практики, А. В. Каравай приводит пример типичного для судебной практики решения суда, когда после развода были установлены доли бывших супругов в праве собственности на квартиру. Суд оправданно отступил от начала равенства долей, учитывая интересы несовершеннолетних детей, и выделил матери в собственность большую комнату. Однако суд не принял во внимание доводы о том, что раздел квартиры существенно ухудшает жилищные условия несовершеннолетних детей, которые до раздела квартиры имели возможность пользоваться обеими комнатами [3].

Правовая неопределенность, существующая с определением природы права несовершеннолетнего члена семьи на жилое помещение ввиду отсутствия закрытого перечня вещных прав в Гражданском кодексе Республики Беларусь, не соответствует интересам несовершеннолетнего, проживающего в жилом помещении. Она проявляется при принятии подобных судебных решений, ущемляющих вещное право несовершеннолетнего на часть квартиры.

Устанавливается взаимосвязь права пользования жилым помещением несовершеннолетнего члена семьи и норм семейного законодательства о праве ребенка жить в семье, праве на совместное проживание с родителями, об обязанности родителей содержать своих несовершеннолетних детей применительно к делам о выселении бывших членов семьи [4, с. 48].

Таким образом, налицо взаимодействие норм семейного и гражданского права в установлении и защите имущественных прав несовершеннолетнего. Взаимодействие норм гражданского права с нормами семейного права происходит при применении презумпции добросовестности родителей и ограничении ее критериями семейного неблагополучия, а также при защите личных неимущественных прав несовершеннолетних.

Однако ч. 5. п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь, допускающая применение гражданского законодательства для регулирования семейных отношений, не предоставляет возможности применения норм семейного права

для регулирования гражданских отношений. Эффективная защита имущественных прав несовершеннолетнего возможна только при учете и гражданско-правового, и семейно-правового статуса.

На практике суды учитывают обязанность родителей содержать своих детей, в частности, при определении размера вреда, подлежащего возмещению со ссылкой на законодательство о браке и семье.

В частности, суд счел необоснованными требования о возмещении уже оплаченных родителями расходов на усиленное питание потерпевшего, т. к., по мнению суда, продукты являются естественными для ребенка и в соответствии со ст. 93 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь обязанность по обеспечению ребенка, в том числе надлежащим питанием, лежит на родителях [5].

С учетом необходимости применения межотраслевого подхода к отношениям с участием несовершеннолетних представляется необходимым разрешить применение законодательства о браке и семье для регулирования гражданских отношений с участием несовершеннолетних.

Учет норм семейного права необходим и при разработке и совершенствовании норм гражданского права. Ориентиром для законодателя должна быть максимальная защита прав несовершеннолетнего.

Для достижения большей правовой определенности и единообразия судебной практики законодателю следует четко определить статус несовершеннолетнего члена семьи собственника жилого помещения.

1. Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы. М. : КОНТРАКТ, 2012. 256 с. [Вернуться к статье](#)

2. Короткевич М. П. Отстранение недостойных наследников от наследования по основаниям, связанным с поведением наследников как субъектов семейных правоотношений // Юстыця Беларусі. 2019. № 5. С. 47–53. [Вернуться к статье](#)

3. Каравай А. В. Правовое положение члена семьи собственника жилого помещения // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Селиванова Е. С., Самойлов Е. И. Судебное решение как основание возникновения жилищных прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 44–48. [Вернуться к статье](#)

5. Архив суда Центрального района г. Минска за 2008 г. Дело № 2-1859\08. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.823

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

Г. В. Самойленко

доцент кафедры гражданского права,
кандидат юридических наук, доцент,
Запорожский национальный университет (Украина)
e-mail: georgesamoil1976@gmail.com

***Аннотация.** Осуществление права на свободу передвижения связано с деятельностью транспорта, где должны быть созданы условия надлежащего осуществления данного права пассажиром. В то же время нормативные критерии ограничения права на свободу передвижения размыты, а в транспортном законодательстве вообще отсутствуют.*

Считаем, что первичным является критерий обеспечения безопасности, а вторичным — степень такой опасности.

***Ключевые слова:** свобода передвижения, ограничения, границы осуществления права, перевозка пассажира, транспорт, перевозка.*

***Annotation.** The exercise of the right to freedom of movement is connected with the activities of transport. Therefore, the latter has the obligation to create the conditions for the proper exercise of this right by the passenger. At the same time, the normative criteria for restricting the right to freedom of movement are blurred, and are absent in transport legislation.*

We believe that safety is the primary criterion, and the degree of such danger is secondary.

***Keywords:** freedom of movement, restrictions, boundaries of the exercise of rights, passenger transportation, transport, transportation.*

XX и XXI века стали эпохой глобальных изменений цивилизации. Причины явные: развитие науки, техники, средств коммуникации. События, которые произошли в эту эпоху, послужили становлению прав и свобод человека и их нормативному обеспечению. Идея свободы, которая на протяжении всей истории человечества стремилась быть реализованной, именно в эту эпоху приобрела наивысшую степень своей реализации, формализации, обеспечения. Именно эти факторы послужили основой трансформации общества в целом и трансформации правовых систем.

Если признание права человека на свободу передвижения в различные эпохи было целью, обусловленной желанием человека быть свободным (от рабовладельца, барона, феодала, государства) в возможности самостоятельно и беспрепятственно осуществлять передвижение, то после его признания и закрепления его как в международных, так и в национальных нормативно-правовых актах эта цель сводится к его обеспечению: нормативному (установ-

лению гарантий охраны, осуществления и защиты), экономическому, организационному, социальному.

Так, на международном уровне право человека на свободу передвижения впервые было закреплено ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, которой закреплено право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства. При этом каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

В дальнейшем это право было закреплено в Протоколе № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который гарантирует некоторые права и свободы, не предусмотренные в Конвенции и в Первом протоколе к ней (20.03.1952 г.). В нем раскрыто и конкретизировано это право, в частности, закреплено, что на осуществление этих прав не могут быть установлены никакие ограничения, кроме тех, которые предусмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной или общественной безопасности, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, для защиты здоровья или морали или с целью защиты прав и свобод иных лиц. Частью 4 ст. 2 этого Протокола также предусмотрено, что в отдельных местностях эти права могут подлежать ограничениям, которые установлены согласно законам и оправданы общественными интересами в демократическом обществе.

В современном мире перемещение человека осуществляется в большинстве случаев посредством транспорта. Поэтому правовое регулирование деятельности транспорта должно исходить из того, что деятельность по перевозке пассажиров является одним из способов осуществления человеком своего права на свободу передвижения. Из этого следует, что перевозчик должен содействовать пассажиру в осуществлении им своего права, создавать условия для этого. В то же время специфика деятельности различных видов транспорта накладывает отпечаток на характер осуществления прав пассажиром, содержание и границы его прав. Эти пределы не безграничны и определяются на стыке интересов пассажира и перевозчика и их возможностей, интересов как иных пассажиров, так и третьих лиц; частных и публичных интересов.

С этой целью приняты Правила перевозок пассажиров на различных видах транспорта, которые должны были стать результатом компромисса интересов различных субъектов. В то же время, эти Правила, к сожалению, большей степенью ориентированы на интересы перевозчика, что обусловлено традициями в сфере правового регулирования деятельности транспорта, нежели на удовлетворение интересов пассажиров.

В странах, которые сейчас являются членами ЕС, применялся социологический метод правового регулирования отношений в этой сфере, т. е. не путем

моделирования идеальной модели поведения участников данных правоотношений, формализованных в их взаимных правах и обязанностях, а путем формирования конкурентной среды, что обеспечивало мотивацию перевозчиков в конкурентной борьбе за потребителя создавать наиболее благоприятные условия для осуществления прав пассажирами, условия отсутствия мотивов для нарушения их прав. Но условия деятельности транспорта не идеальны. Существует достаточно большое количество маршрутов, где невозможна или нецелесообразна деятельность двух или более перевозчиков. Более того, существуют регионы, где отсутствует конкуренция работников (водителей) или даже наблюдается их дефицит, в связи с чем и сам перевозчик, и пассажиры вынуждены терпеть иногда не очень вежливое поведение водителя. В таких случаях отсутствует возможность влияния (как гражданско-правового, так и административного) на модель поведения таких субъектов, поскольку увольнение единственного водителя, лишение права обслуживания маршрута или лишение лицензии повлечет проблему с обеспечением населения в перевозках.

Иными словами, мир не идеален, отношения разнообразны, как и условия их существования. Поэтому не идеален и не универсален механизм правового регулирования правоотношений.

Именно это послужило причиной принятия в ЕС ряда актов, в частности: Регламента (ЕС) № 1371/2007 Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 23.10.2007 г. (on rail passengers' rights and obligations); Регламента (ЕС) № 261/2004 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 11.02.2004 г. (establishing common rules on compensation and assistance to passengers in the event of denied boarding and of cancellation or long delay of flights, and repealing Regulation (EEC) No 295/91 (Text with EEA relevance)); Регламента (ЕС) № 1177/2010 Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 24.11.2010 г. (concerning the rights of passengers when travelling by sea and inland waterway and amending Regulation (EC) No 2006/2004); Регламента (ЕС) № 392/2009 Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 23.04.2009 г. (on the liability of carriers of passengers by sea in the event of accidents); Регламента (ЕС) № 181/2011 Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 16.02.2011 г. (concerning the rights of passengers in bus and coach transport and amending Regulation (EC) № 2006/2004).

Иными словами, ЕС признал недостаточность и невозможность охраны, обеспечения и защиты прав пассажиров в условиях доминирования в договорных правоотношениях перевозчиков над пассажирами, которые признаны «слабой» стороной договора путем только формирования конкурентной среды. В условиях консюмеризма, несмотря на значительное формирование нормативной базы, которая обеспечивала права потребителей в различных сферах, сфера

деятельности транспорта оставалась едва ли единственной сферой, где применение этого законодательства было или невозможно в силу специфики функционирования транспорта и регулирования его деятельности специализированным транспортным законодательством, или существенно ограничено.

Именно поэтому выявилась необходимость нормативного формирования модели правоотношений между перевозчиком и пассажиром, закрепления прав пассажиров и их гарантий, использования правовых средств воздействия на поведение перевозчика с целью обеспечения интересов пассажира (дозволений, правовых ограничений, запретов, обязанностей, правовых стимулов, санкций).

Надлежащее исполнение договора перевозки пассажира перевозчиком имеет результатом осуществление пассажиром своего права на свободу передвижения.

В то же время перевозчик может отказать пассажиру в перевозке, вернув ему стоимость билета (а на воздушном транспорте также предусмотрена компенсация пассажиру), отменить рейс из-за различных причин (в т. ч. по причине экономической нецелесообразности) без дополнительных негативных последствий для себя в виде компенсаций пассажирам. Такая ситуация видится несправедливой, поскольку экономический интерес перевозчика доминирует над жизненными интересами пассажира, которые вынужденно подавляются при данных обстоятельствах. В результате указанных действий перевозчика пассажир ограничивается в осуществлении своего права на свободу передвижения. Особенно это контрастно выявляется в сфере авиаперевозок, поскольку они рассчитаны большей степенью на большие расстояния и международное сообщение. Отмена рейса или отказ пассажиру в перевозке становится для него катастрофой. Именно поэтому сфера авиаперевозок имеет свой уникальный механизм правового регулирования, обеспечения прав пассажира, необходимость приоритета принципа надлежащего исполнения договора над компенсацией за невыполнение договора перевозки пассажира. Эта особенность воздушного транспорта была признана Судом ЕС, которым была высказана позиция о том, что ситуации компаний, осуществляющих деятельность в различных отраслях, не являются сравнимыми, поскольку различные виды транспорта не являются взаимозаменяемыми относительно условий их использования. Поэтому законодательство ЕС может устанавливать правила обеспечения уровня защиты клиентов, которые зависят от соответствующего транспортного сектора (Дело C-509/11, ÖBB-Personenverkehr AG) [1].

В то же время невыполнение перевозки пассажира по договору перевозки пассажира (отказ в перевозке) может быть обусловлено рядом объективных причин, направленных на обеспечение безопасности. Именно безопасность в современном мире является фактором, обеспечение которого является одной из

первоначальных задач. В настоящее время все чаще звучит тезис о необходимости создания безопасной среды существования человека, поскольку она является основой обеспечения права человека на жизнь, здоровье, безопасную для существования окружающую среду. Об этом, в частности, говорилось уже на 6-й Всемирной конференции по предотвращению и управлению повреждениями (Монреаль, 15 мая 2002 г.). На этой конференции («Право человека на безопасность») признано, что безопасность является основным правом человека. Оно предусматривает установление внимания и предусматривает разработку механизма контроля опасностей на постоянной основе. В ст. 2 декларации, принятой на этой конференции, было определено, что безопасность является состоянием, в котором опасности и условия, которые приводят к физическому, психологическому или материальному ущербу, контролируются для того, чтобы сберечь здоровье и благосостояние индивидов и общества [2, с. 6].

Исходя из концепции обеспечения прав человека, его безопасности, видится обоснованным применение ограничений в отношении лиц, осуществляющих право на свободу передвижения. Но такие ограничения должны быть законными и обоснованными. Их критерии закреплены в ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 12 Закона Украины «О свободе передвижения и свободном выборе места жительства в Украине» от 11.12.2003 г. [3]. Среди прочих в указанном законе упоминается предотвращение распространения инфекционных заболеваний. В то же время формулировка вызывает ряд замечаний, поскольку в ч. 1 ст. 12 речь идет об ограничениях передвижения по определенным территориям, а в ч. 2 — о лицах, которые подлежат принудительной госпитализации и лечению на основании законодательства об инфекционных заболеваниях и психиатрической помощи.

Как ни парадоксально, но при том, что ВОЗ признала высокую степень опасности вируса COVID 2019, и речь идет о пандемии, в Украине существует один лишь приказ МОЗ Украины от 24.02.2020 г. № 518 «Об утверждении Рекомендаций относительно действий фармацевтических работников в условиях недопущения занесения и распространения на территории Украины случаев заболеваний, причиненных коронавирусом COVID-19». То есть, во-первых, речь идет только о рекомендациях, а во-вторых, они направлены на фармацевтических работников, а не на всех медицинских работников или лиц, которые не являются медицинскими работниками. Не присвоен статус «опасного» коронавируса 2019-nCoV и распоряжением КМУ от 03.02.2020 г. № 93-р «О мерах по предотвращению занесения и распространения на территории Украины острой респираторной болезни, причиненной коронавирусом 2019-nCoV». Формально в такой ситуации отсутствуют основания для принудительной госпитализации лиц с симптомами данного заболевания и даже больных лиц.

В то же время Правилами перевозок пассажиров на воздушном транспорте предоставлено право перевозчику отказать пассажиру в перевозке в случае подозрения перевозчиком заболевания у пассажира. В таких случаях пассажир обязан предоставить медицинскую справку. На железнодорожном транспорте перевозчику предоставлено право удалить больного пассажира с поезда, но нет запрета допустить такого пассажира к перевозке. На автомобильном и иных видах транспорта болезнь пассажира является основанием продолжить поездку после выздоровления. Иными словами, нет четких критериев определения болезни пассажира, которые бы четко определяли статус пассажира в случае его заболевания и применения к нему мероприятий по недопуску в транспортное средство, удалению из него для прохождения медицинского осмотра, предоставления медицинской помощи вплоть до принудительной госпитализации.

Такой поход подлежит исправлению, поскольку речь идет о безопасности пассажира, иных пассажиров, иных лиц, особенно если речь идет о распространении инфекций.

1. Case _____ C-509/11, ÖBB-Personenverkehr AG. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-509/11&language=DE> (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Ківалов С. В. Вітальне слово. Безпека як правовий концепт : виступи учасників Всеукраїнської наук.-практ. конф., Київ, 20 квітня 2018 р. / Відповід. за вип. проф. Р. Б. Шишка. Київ : Видавництво Ліра-К, 2018. С. 6–8. [Вернуться к статье](#)

3. Про свободу пересування та вільний вибір місця проживання в Україні : Закон України від 11.12.2003 р. // Відомості Верховної Ради України. 2004. № 15. Ст. 232. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. А. Свиридов

начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: dima.sviridov@inbox.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются общие тенденции трансформации киберпреступности в сфере экономических отношений на современном этапе. Определяются наиболее значимые характеристики киберпреступности, определяющие дальнейшее ее развитие. Делается вывод о том, что на современном этапе киберпреступность вышла на качественно новый — «профессиональный» — уровень, что повышает сложность раскрытия и расследования киберпреступлений, требует транснационального взаимодействия и разработки методов борьбы «на опережение».*

***Ключевые слова:** киберпреступность, хакер, транснациональность, кибератака, экономические отношения, борьба с преступностью.*

***Annotation.** The article discusses the general trends in the transformation of cybercrime in the field of economic relations at the present stage. The most significant characteristics of cybercrime are determined, which determine its further development. It is concluded that at the present stage, cybercrime has reached a qualitatively new — «professional» — level, which increases the complexity of the disclosure and investigation of cybercrime, requires transnational interaction and the development of «proactive» methods of fighting.*

***Keywords:** cybercrime, hacker, transnationality, cyberattack, economic relations, the fight against crime.*

В настоящее время под влиянием процессов глобализации происходит активизация экономической преступности, которая выводит ее на абсолютно новый уровень, расширяя и значительно усложняя само понимание данной категории. Экономическая преступность трансформировалась в серьезную мировую проблему, которая способна влиять не только на экономику отдельных стран, но и негативно сказываться на развитии мировой экономики. Одной из граней данной категории является в том числе киберпреступность, ставшая возможной в результате стремительного развития информационных технологий. Эти самые информационные технологии, которые в настоящее время выступают неотъемлемыми элементами практически каждого человека, общества и государства, положили начало формированию качественно новому виду преступности в сфере экономики. При этом следует отметить справедливую точку зрения В. А. Номоконова и Т. Л. Тропининой, которые указывают, что в современных реалиях Интернет в преступных целях уже дав-

но используется в качестве места и главного средства совершения уже традиционных преступлений (кража, мошенничество, вымогательство и ряд иных), а не только как вспомогательное средство [1, с. 53].

Видится необходимым провести анализ современного состояния и тенденций развития киберпреступности в сфере экономических отношений на фоне стремительного развития коммуникационных и информационных технологий, понимание закономерностей которых позволит понять сущность данного явления и выработать действенные механизмы раннего выявления, раскрытия, расследования и предупреждения такого рода преступлений.

Нельзя отрицать тот факт, что киберпреступность является следствием появления международных компьютерных сетей и развития информационных и коммуникационных технологий [2, с. 119]. Экономическая киберпреступность на современном этапе — быстрорастущий сегмент (прогрессивное увеличение пользователей сети Интернет, совершенствование профессионализма киберпреступников, совершенствование и развитие информационных технологий и обеспечения). Следует отметить, что, насколько полезны ни были любые технические и информационные новшества, они все равно в той или иной мере расширяют и сферу киберпреступности, создавая дополнительные возможности хакерских атак. По данным Международного союза электросвязи, по состоянию на конец 2019 года пользователями глобальной сети Интернет стали 4,1 млрд человек или 53,6 % населения мира [3].

Помимо трансформации непосредственных форм киберпреступности, происходит смещение акцента на характеристиках личности «хакера». В частности, на современном этапе в качестве основы работы таких лиц лежит преступный бизнес, в то время как еще 15–20 лет назад в основе лежало желание «продемонстрировать» свои умения и навыки при совершении кибератак. Происходит определенное выделение из среды «хакеров» — профессионалов высшей категории, которые самостоятельно обеспечивают себя необходимыми программными средствами и владеют полной информацией о всех процессах при выполнении тех или иных противозаконных операций, и на лиц, которые просто используют приобретенные программные средства в целях обогащения, мести, хулиганства и в иных целях.

Киберпреступность в силу определенных причин, которые позволяют ей оставаться в зоне относительной ненаказуемости, но в то же время достаточной прибыльности, является весьма интересным видом деятельности. Стремительное распространение глобальной сети Интернет повлекло трансформацию киберпреступности с уровня национального на уровень глобальный — лицо, совершающее киберпреступления, может их совершать на территории одного государства, проживать во второй стране, иметь гражданство третьей, а рабо-

тать через сервер, расположенный в четвертой, что позволяет зачастую безопасно для преступника обналичивать денежные средства на безопасных расстояниях от места совершения преступления. Данное положение в том числе свидетельствует о сложности расследования такого рода преступлений и невозможности производства по ним исключительно правоохранительными силами одного государства. Совершение преступных действий зачастую неочевидно, в результате чего жертва может обнаружить факт совершения преступления через довольно длительный промежуток времени, что также не способствует раскрытию такого рода преступлений. Продолжительность кибератак может варьироваться от мгновений до нескольких месяцев, используя в этих целях большое число компьютеров. Так, видится верным привести несколько примеров. Взлом агенства Equifax, которое является одной из трех организаций, ведущих кредитные истории. Как результат взлома в 2017 году произошло хищение данных (личные данные, номера полисов социального страхования, банковских счетов, водительских прав) у 148 млн пользователей — граждан Великобритании, Канады, США. При этом следует иметь в виду, что подсчитать вред достаточно проблематично, так как последствия такого рода взлома могут проявляться достаточно длительное время. В частности, агенство Equifax заявило об ущербе на сумму 600 млн долларов США. Еще одним примером можно привести атаку сетевого червя WannaCry в 2017 году — в зоне заражения оказалось примерно полмиллиона компьютеров не только простых пользователей и частных компаний, но и государственных учреждений. Червь шифровал файлы, после чего пользователю предлагалось заплатить определенную сумму в биткоинах, чтобы получить ключ доступа к шифру [4].

Формы киберпреступности с развитием науки и техники также не стоят на месте и воздействуют на все современные достижения. В настоящее время повышенное внимание нацелено на мобильные устройства и социальные сети. Кибератаки становятся все более сложными, зачастую направлены и на объекты повышенной опасности, такие как атомные электростанции. При этом следует отметить финансовую направленность киберпреступности, т. е. не создание бот-сетей, атакующих неопределенный круг пользователей ради самого причинения вреда, а целевые атаки на конкретных лиц и организации. Для этого необходим сложный комплекс мер, направленных на изучение объекта нападения, его систем защиты, уязвимых мест, неожиданная атака с прикрытием от обнаружения. Как результат — сложности фиксации, сложности при доказывании самого преступления, сложности персонификации преступника и его местонахождения.

По-прежнему в числе лидеров в перечне киберпреступлений остается интернет-банкинг, что связано с возможностью быстрого обогащения. При этом

правонарушителей не смущает тот факт, что банковские учреждения зачастую оборудованы различного рода системами защиты. Снижение стоимости оказываемых услуг за счет внедрения электронных технологий одновременно расширяет возможности для преступников при совершении противоправных финансовых операций. При этом киберпреступники обогащаются посредством различных форм: вымогательство (посредством шантажа похищенной информацией), снятие денежных средств со счетов банков. В связи с этим банковские учреждения и иные кредитно-финансовые организации вынуждены постоянно совершенствовать комплексную защиту дистанционного управления от вредоносного программного обеспечения с целью предотвращения утечки персональной информации.

Сегодня уже очевиден факт невозможности противостоять экономическим киберпреступлениям только лишь на государственном уровне, без взаимодействия с международными организациями, правоохранительными органами других государств, постоянного совершенствования законодательства. Следует понимать, что в целях эффективного противостояния такого рода преступлениям требуется многоуровневая система кибербезопасности, которая включала бы разнообразные компоненты, в т. ч. повышение базового уровня цифровой грамотности населения, механизмы противодействия и профилактики киберугроз, продвижение способов защиты личной информации [5, с. 48].

Таким образом, на основании вышеизложенного сделаем следующие выводы: киберпреступность в настоящее время вышла на новый уровень существования, миновав стадию становления; изменился тип киберпреступника — становление преступника-профессионала, наносящего значительный вред при минимальном риске. Киберпреступность развивается интенсивнее развития существующих систем безопасности. Решение данной проблемы видится возможным на современном этапе не в попытках заблокировать выявленные формы киберпреступности, а в активной разработке стратегии информационной безопасности на опережение на основе транснационального сотрудничества.

1. Номоконов В. А., Тропинина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55. [Вернуться к статье](#)
2. Тарасов А. Электронный банкинг и его безопасность // Экономическая политика. 2010. № 5. С. 118–128. [Вернуться к статье](#)
3. Committed to connecting the world [Электронный ресурс] / ICT STATISTICS. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)
4. 5 самых громких кибератак последнего десятилетия [Электронный ресурс] / TECH. URL: <https://techrocks.ru/2018/09/26/5-most-celebrated-cyber-attacks> (дата обращения: 22.02.2020). [Вернуться к статье](#)
5. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. № 8. С. 46–50. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.992.2

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ
РЕГУЛЯТОРА ДОГОВОРА
МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ,
ИЗБРАННОГО В СИЛУ ПРИНЦИПА
«АВТОНОМИИ ВОЛИ»**

К. В. Синкевич

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета,
Белорусский государственный университет
e-mail: sinkevich_kv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика установления регулятора отношений сторон, избранного в силу принципа «автономии воли». Автор акцентирует внимание на необходимости осознанного и внимательного подхода к формулированию оговорки о выборе применимого права в договоре международной купли-продажи. Последнее особенно актуально в связи с вопросом о применении международных договоров при регулировании договорных обязательств, осложненных иностранным элементом.

Ключевые слова: принцип «автономии воли», договор международной купли-продажи, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (г. Вена, 11 апреля 1980 г.), толкование договора, применимое право.

Annotation. This article deals with difficulties in determination of rules to govern relations between parties, which are needed due to the principle of party autonomy. The author underlines the necessity to work out a conscious and mindful approach in determination of the provision on choice of the applicable law to govern International Sale Contracts. The latter is of vital importance when dealing with issues of application of international contracts to regulate contractual obligations complicated by a foreign element.

Keywords: principle of «will autonomy», Contract for the International Sale of Goods, the UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, April 11, 1980), construction of contract, the applicable law.

Характеризуя систему коллизионного регулирования договорных обязательств, осложненных иностранным элементом, следует отметить, что при определении компетентного правопорядка главенствующая роль отводится принципу «автономии воли» (*lex voluntatis*), в силу которого стороны трансграничного договора вправе выбрать применимое право. В законодательстве Республики Беларусь принципу «автономии воли» посвящена ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь) [1]. В российском законодательстве данный принцип нашел отражение, в частности, в ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2].

И российский, и белорусский законодатели допускают две формы выражения волеизъявления сторон на выбор компетентного правопорядка: прямо или явно выраженную волю и «молчаливую» или подразумеваемую (п. 2 ст. 1124 ГК Республики Беларусь, п. 2 ст. 1210 ГК РФ).

На практике проявление явно выраженной воли наиболее распространено в следующих вариантах: оговорка о применимом праве включается в текст контракта или стороны заключают отдельное соглашение о выборе компетентного правопорядка. Стороны различным образом формулируют в договоре международной купли-продажи свое волеизъявление на выбор применимого права. Например, в договоре стороны могут выбрать в качестве регулятора своих правоотношений внутреннее национальное законодательство.

Универсальной унификацией материально-правовых норм, регулирующих договор международной купли-продажи товаров, является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (г. Вена, 11 апреля 1980 г.) (далее — Венская конвенция 1980 г.) [3]. Из ст. 6 указанного международного договора следует, что выбор сторонами контракта Венской конвенции 1980 г. в качестве регулятора их взаимоотношений носит диспозитивный характер.

Следует обратить внимание, что в законодательстве Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, нашло нормативное закрепление соотношение коллизионного и материального методов регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Так, п. 3 ст. 1186 ГК РФ предусматривает необходимость первоочередного обращения к международным договорам Российской Федерации, содержащим материальные нормы. Применительно к регламентации договора международной купли-продажи товаров правоприменительный орган должен прежде всего ответить на вопрос, возможно ли применить к договору Венскую конвенцию 1980 г., содержащую материально-правовые нормы.

Вместе с тем представляется, что реализация установленного российским законодателем правила о приоритете материального метода регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, над коллизионным не является бесспорной. В ситуации, когда стороны договора международной купли-продажи товара не выбрали применимое право логика российского законодателя не вызывает дискуссии. В случае разрешения спора, возникшего из такого договора, в первую очередь подлежат применению положения Венской конвенции 1980 г. По вопросам, которые в Венской конвенции 1980 г. не разрешены и не могут быть разрешены на основании ее общих принципов, правоприменительный орган должен будет обратиться к национальному праву, определенному с помощью коллизионных норм. В силу ст. 1211 ГК РФ

применимым к договору международной купли-продажи товаров является право страны продавца (*lex venditoris*).

В случае наличия в договоре международной купли-продажи товаров оговорки о выборе российского законодательства в качестве компетентного правопорядка, правоприменительный орган должен будет прежде всего осуществить толкование соответствующей оговорки и в том числе решить вопрос о применимости или же неприменимости Венской конвенции 1980 г.

Следует отметить, что в российской доктрине международного частного права существует точка зрения о признании автономии воли одной из коллизионных привязок, самым гибким коллизионным началом [4]. Иными словами, автономия воли — это гибкая коллизионная привязка, которая используется со ссылкой на ст. 1210 ГК РФ. Следует также обратить внимание, что нормы, посвященные принципу «автономии воли», содержатся в главе 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям» раздела VI ГК РФ (в белорусском законодательстве — в главе 75 «Коллизионные нормы» раздела VII ГК Республики Беларусь). Руководствуясь аргументами объективного характера, можно говорить о том, что речь идет о коллизионно-правовом регулировании, что в свою очередь актуализирует вопрос о практической реализации закрепленного в п. 3 ст. 1186 ГК РФ правила о приоритете материального метода регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, над коллизионным.

Возвращаясь к вопросу о толковании оговорки о выборе внутреннего национального законодательства в качестве регулятора отношений сторон, необходимо учитывать, что буквальное толкование понятия «законодательство», исходя из ст. 3 ГК РФ, исключает возможность использования для регулирования отношений сторон норм Венской конвенции 1980 г., тогда как понятие «право» включает в себя международные договоры [5, с. 6]. Таким образом, последствием включения в контракт подобной оговорки может стать исключение применения норм Венской конвенции 1980 г.

Следует отметить, что неоднозначным является вопрос о том, в какой форме стороны могут выразить свое волеизъявление об исключении применения норм Венской конвенции 1980 г. В Сборнике ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Венской конвенции 1980 г., подчеркивается, что отсутствие в ст. 6 прямого указания на возможность подразумеваемого исключения применения норм Венской конвенции 1980 г. было направлено на то, чтобы специальная ссылка на «подразумеваемое» исключение не давала правоприменительным органам повода приходить без достаточных оснований к выводу, что применение Венской конвенции 1980 г. исключено полностью. В докумен-

те подчеркивается, что подобный подход не означает возможность только прямо выраженного исключения [6, с. 22].

Иной подход отражен в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» [7]. Согласно п. 28 указанного нормативного правового акта, экономические суды должны учитывать, что стороны могут *прямым указанием* в договоре исключить применение Венской конвенции 1980 г. Полагаем, что подобное толкование ст. 6 Венской конвенции 1980 г. является ограничительным по сравнению с позицией разработчиков Венской конвенции 1980 г. и действующей судебной и арбитражной практикой.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 7 Венской конвенции 1980 г. при толковании настоящей конвенции надлежит учитывать ее международный характер и необходимость содействовать достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле.

Из п. 1 ст. 1127 ГК Республики Беларусь следует, что толкование договора входит в сферу действия обязательственного статута. В соответствии с п. 1 ст. 401 ГК, при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Если правила, содержащиеся в ч. 1 ст. 401 ГК Республики Беларусь, не позволяют определить содержание договора, то должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора (ч. 2 ст. 401).

Отметим, что, согласно действующей редакции ст. 6 ГК Республики Беларусь, нормы международных договоров включаются в национальное гражданское законодательство.

В настоящее время правоприменительная практика свидетельствует, что включение в контракт оговорки о выборе в качестве регулятора договора международной купли-продажи законодательства Республики Беларусь не исключает применение Венской конвенции 1980 г. Так, экономический суд Гродненской области 13 октября 2014 г. рассмотрел дело № 164-8/12/2014 по иску общества с ограниченной ответственностью «Х» (Кыргызская Республика) к открытому акционерному обществу «Г» (Республика Беларусь) о ненадлежащем исполнении обязательств по договору международной купли-продажи товаров [8]. В п. 7.1 договора стороны определили, что применимым является законодательство Республики Беларусь. Руководствуясь ч. 2 ст. 6 ГК Республики Беларусь суд, определил, что Венская конвенция 1980 г. применима.

Следует отметить, что в проекте Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [9] предусмотрена новая редакция ст. 6 ГК Республики Беларусь. Как отмечается в обосновании к указанному проекту [10], внесение данного изменения обусловлено необходи-

мостью приведения ст. 6 ГК Республики Беларусь в соответствие с Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. (в редакции от 11 мая 2018 г.) № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» [11]. Так, в указанном нормативном правовом акте отсутствует положение о том, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства.

Отметим, что Конституционный Суд в решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 7 мая 2018 г. № Р-1123 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О международных договорах Республики Беларусь”» [12] указал, что наряду с актами внутригосударственного законодательства — законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, подзаконными нормативными правовыми актами — международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования, то есть их нормы являются составной частью действующего права.

Исходя из содержания ст. 3 ГК Республики Беларусь, можно заключить, что гражданское законодательство представлено внутригосударственными нормативными правовыми актами, содержащими нормы гражданского права.

Вместе с тем представляется, что в ситуации, когда стороны в контракте выбирают в качестве применимого «законодательство», а не «право», при этом требования истца и возражения ответчика основываются на нормах Венской конвенции 1980 г., есть основания полагать, что стороны не имели намерение исключить ее применение.

В этой связи отметим, что, согласно п. 1 ст. 4.1 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, договор должен толковаться в соответствии с общим намерением сторон [13]. Следовательно, как отмечается в юридической литературе, условию договора может быть придано значение, которое будет отличаться от его буквального смысла в языке, в котором оно используется, а также отличаться от смысла, которое придает ему разумное лицо, при условии, что такое отличающееся понимание является общим для сторон в момент заключения договора [14, с. 140].

М. Г. Розенберг отмечал, что при разработке проекта ГК РФ учитывались многие положения Венской конвенции 1980 г., тем не менее полностью эти документы не совпадают, по ряду вопросов между названными документами имеются серьезные отличия [15, с. 57]. Указанное справедливо и для положений ГК Республики Беларусь.

В этой связи согласимся с М. В. Мещановой, что такая ситуация — включение в договор оговорки о выборе в качестве применимого права внутреннего

национального законодательства — «создает фактическую возможность для последующих спекуляций одной из сторон, связанных с подбором более благоприятного для себя правового регулирования» [5, с. 6].

Подводя итог изложенному, подчеркнем необходимость осознанного и внимательного подхода к формулированию оговорки о выборе применимого права в договоре международной купли-продажи. Включая в контракт оговорку о выборе внутреннего национального законодательства в качестве регулятора отношений сторон, следует учитывать, что в случае невозможности выяснить действительную волю сторон, руководствуясь буквальным значением используемой сторонами оговорки о применимом праве, результатом толкования последней может стать вывод о применении исключительно национального законодательства без учета положений Венской конвенции 1980 г. Рассматриваемый в статье вопрос приобретает особую актуальность ввиду планируемых изменений в ст. 6 ГК Республики Беларусь.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [Электронный ресурс] : 26 нояб. 2001 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 18.03.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] / Комис. Орг. Объед. Наций по праву междунар. торговли. Нью Йорк : Орг. Объед. Наций, 2010. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/sales/cisg/CISG-r.pdf> (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Гетьман-Павлова И. В. Автономия воли сторон в международном частном праве России (доктрина, законодательство и судебная практика) [Электронный ресурс] // Круглый стол, 25–26 окт. 2013 г., г. Париж. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/11/07/1282188631/%D0%93%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD-%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Мещанова М. В. Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28738/1/16_%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)

6. Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров [Электронный ресурс] / Комис. Орг. Объед. Наций по праву междунар. торговли. Нью Йорк : Орг. Объед. Наций, 2008. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/clout/Second_edition_russian.pdf (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)

7. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 31 окт. 2011 г., № 21 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Решение экономического суда Гродненской области от 13.10.2014 (дело № 164-8/12/2014) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
9. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi.pdf (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)
10. Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi_obosnovanie.pdf (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)
11. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
12. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О международных договорах Республики Беларусь”» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 7 мая 2018 г., № Р-1123/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
13. UNIDROIT principles of international commercial contracts, 2016 [Electronic resource] / Intern. Inst. for the Unification of Priv. Law. Rome : UNIDROIT, 2016. URL: https://pravo.hse.ru/data/2018/01/17/1160376555/ПринципыУНИДРУА_2016.pdf (date of access: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)
14. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Междунар. ин-т унификации част. права (УНИДРУА) ; пер. и вступ. ст. А. С. Комарова. М. : Статут, 2013. LXXIII, 756 с. [Вернуться к статье](#)
15. Розенберг М. Г. Практика МКАС при ТПП РФ по вопросам применения Венской конвенции // Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: практика применения в России и за рубежом / отв. ред. А. С. Комаров. М., 2007. С. 52–59. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

В. К. Скляр

адъюнкт

ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»

e-mail: sklyar@rambler.ru

***Аннотация.** Наблюдение издавна используется как один из эмпирических методов познания окружающего мира. В качестве оперативно-розыскного мероприятия государство рассматривает его как один из источников информации, необходимой для обеспечения национальной безопасности. В силу этого уяснение юридической сущности оперативно-розыскного наблюдения представляется актуальным.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, наблюдение.*

***Annotation.** Observation has long been used as one of the empirical methods of cognition of the world. As an operational-search measure, the state considers it as one of the sources of information necessary to ensure national security. By virtue of this, an understanding of the legal nature of the operational-search surveillance seems relevant.*

***Keywords:** operational investigative activities, operational search measure, observation.*

Наблюдение известно человечеству с незапамятных времен как один из наиболее простых и информативных методов познания. Появившийся на определенной стадии развития человеческого общества институт государства стал активно использовать наблюдение для решения общественно значимых задач, в том числе и в борьбе с преступностью. В. С. Измозик отмечал: «История политического розыска, по сути, начинается с момента возникновения государства. Борьба за власть, стремление ее удержать, постоянная угроза дворцовых переворотов и мятежей заставляли правителей обращать особое внимание, наряду с армией, на службу государственной безопасности. Так же, очень рано, возникают и основные ее компоненты: подслушивание, подглядывание и донос как способы получения информации; попытка как самое надежное средство установления истины и другие методы деятельности, весьма далекие, в частности, от христианских заповедей, но, к сожалению, неизбежные на определенном этапе исторического развития» [1, с. 3].

В эпоху правления Петра I процесс упорядочения тайной сыскной деятельности государства углубляется. Появление первой регламентации тайной работы связано с организацией регулярной полиции, а сыскная деятельность в первую очередь направляет свои усилия на борьбу с государственными и должностными преступлениями [2, с. 15].

В Петербурге и других городах накапливается опыт сыскной работы, нарабатываются приемы и методы проведения личного сыска, опроса на основе разрабатываемых легенд, скрытого наблюдения, оперативного внедрения, привлечения к конфиденциальному сотрудничеству лиц из уголовно-преступной среды [3, с. 175].

В конце XIX — начале XX века в качестве самостоятельного подразделения выделяется служба наружного наблюдения. Иногда указанные подразделения назывались в Российской империи «летучими отрядами». А. А. Фомушкин указывал, что созданный в 1894 году в Московском охранном отделении «летучий отряд» состоял из 30 наблюдательных агентов, а уже в 1901 году численность отряда возросла до 50 человек. Сотрудников указанных подразделений стали называть «филерами» (от французского *fileur* — «выслеживать») [4, с. 49].

В это же время формируется и правовая основа названной службы. Одними из первых нормативных актов, регламентирующих деятельность филерской службы, являются Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения и Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения 1908 года.

Эффективность подобных мероприятий подтверждается составленными начальником Киевского охранного отделения генералом полиции А. Спиридовичем «Записками жандарма»: «Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции» [5, с. 34].

Особенности негласной деятельности при решении государственных задач требовали особых качеств и от сотрудников, осуществлявших наружное наблюдение. В уже упомянутой Инструкции указывалось: «Филер должен быть политически и нравственно благонадежным, твердым в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям, крепкого здоровья, в особенности крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такую внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдательными» [1, с. 594].

В советское время примерно с середины 50-х годов XX столетия формируется понимание системы оперативно-розыскных мер, места и роли в них наблюдения, происходит их законодательное закрепление в виде Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (1958), Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РСФСР, а также УПК других союзных республик [6, с. 78].

Из двух ведомств, наделенных правом негласного получения информации, более объемной компетенцией в применении оперативно-розыскных мер обладали органы государственной безопасности, но при применении наблюдения практически такой же правовой статус имели и органы внутренних дел.

В редакции действующего Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» в статье 27 под оперативно-розыскным наблюдением понимается визуальное или иное восприятие деяний гражданина, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, явлений, событий, процессов, деяний иных граждан, происходящих в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении, транспортном средстве, на ином объекте и территории организации, участке местности, непосредственно или опосредованно в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

Однако такое определение не в полной мере согласуется с определением оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ), данного в статье 2 того же Закона, где ОРМ понимается как «способ действия, применяемый органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности в целях получения сведений в соответствии с настоящим Законом» [7].

Но до 2015 года абсолютное большинство ученых, работавших в сфере оперативно-розыскной теории, под оперативно-розыскным мероприятием понимали действия оперативно-розыскных органов (их должностных лиц) по собиранию информации, имеющей значение для решения задач, определенных законом. Оперативно-розыскные мероприятия рассматривались как средства сбора данной информации.

Представляется, что отчасти в силу указанных разночтений в литературе даются различные определения наблюдения. Так, А. Г. Маркушин указывает, что «наблюдение как ОРМ заключается в получении сведений об объекте посредством визуального, слухового, электронного, радиолокационного и иных способов контроля в помещениях, на транспорте и в иных условиях его нахождения» [8, с. 142].

Авторы учебника по теории оперативно-розыскной деятельности определяют наблюдение как ОРМ, направленное на получение оперативно-розыскной или иной юридически значимой информации путем непосредственного или опосредованного, с помощью технических средств, визуального и (или) слухового контроля за физическими лицами либо другими объектами независимо от места его проведения при условии законного нахождения наблюдающих в указанном месте [9, с. 143].

Очевидно, что при подобных разночтениях прийти к единству в определении юридической сущности оперативно-розыскного наблюдения не представляется возможным без проведения соответствующих научных исследований, что крайне важно для уяснения как его содержания и форм, так и возможных пределов вторжения в частную жизнь граждан.

Следовательно, решение данной проблемы по-прежнему остается важной научной задачей, требующей комплексного изучения правовых норм, регулирующих наблюдение, а также организации и тактики этого одного из наиболее распространенного и весьма эффективного оперативно-розыскного мероприятия.

1. Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с. [Вернуться к статье](#)
2. От Ивана Грозного до Владимира Путина. Деятельность российских спецслужб по обеспечению экономической безопасности страны // Безопасность. Достоверность. Информация. 2003. № 5–6 (51). [Вернуться к статье](#)
3. Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин : Сочинения. В 2 т. / авт.-сост.: Д. К. Нечевин, Л. И. Беляева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 2. С. 174–176. [Вернуться к статье](#)
4. Фомушкин А. А. Страницы истории филерской службы политической полиции царской России (1870–1971 гг.). СПб. : Ин-т переподготовки и повышения квалификации сотрудников ФСБ России (Санкт-Петербург), 1997. С. 40–67. [Вернуться к статье](#)
5. Спиридович А. Записки жандарма. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. М. : Пролетарий, 1991. 117 с. [Вернуться к статье](#)
6. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. 259 с. [Вернуться к статье](#)
7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 14.02.2020). [Вернуться к статье](#)
8. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2018. 301 с. [Вернуться к статье](#)
9. Оперативно-розыскная деятельность. учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М. : ИНФРА-М, 2001. 848 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

ФУНКЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Е. И. Стабровский

адъюнкт научно-педагогического факультета,

Академия МВД Республики Беларусь

e-mail: egor_stab@mail.ru

***Аннотация.** Анализируются функции правового сознания. Обосновывается авторский подход к функциям правового сознания с учетом личностных ценностей.*

***Ключевые слова:** правовое сознание, нормативная ценность, личностная ценность.*

***Annotation.** The functions of legal consciousness are analyzed. The author's approach to the functions of legal consciousness based on personal values is substantiated.*

***Keywords:** legal consciousness, normative value, personal value*

Эффективность правового регулирования общественных отношений связана не только с качеством законодательства, но и с уровнем правового сознания граждан и общества в целом, которым это законодательство адресуется. Правовое сознание — одна из сложнейших тем общеправовой теории, которой в советской юридической науке, а равно в постсоветской отечественной и зарубежной юриспруденции уделялось достаточно внимания. Однако развитие современной психологии сознания настолько интенсивно, что правоведам необходимо постоянно учитывать достижения этой — основной для темы правосознания — отрасли знания.

Одна из ключевых характеристик правового сознания — это его функции, т. е. сущность и параметры влияния правосознания на формирование правового поведения и правовую действительность в целом. В настоящей публикации мы будем рассматривать функции правосознания в контексте ценностно-антропологического подхода, в соответствии с которым основной акцент при анализе правового сознания делается на личностных ценностях субъекта права.

В современной отечественной науке существуют различные классификации функций правосознания. Так, Т. В. Воронович выделяет такие функции правосознания, как информационно-познавательная, оценочная, регулятивная, нормативно-прогностическая, моделирования [1, с. 179–180]. В. Н. Бибило выделяет четыре функции правосознания: познавательную, оценочную, регулятивную и прогностическую [2, с. 178]. Н. М. Юрашевич указывает на то, что роль правового сознания заключается в выполнении познавательной (когнитивной, гносеологической), оценочной (аксиологической), а также регулятивной функций [3, с. 86–89]. Е. М. Еф-

ременко оригинальным образом предлагает классифицировать функции правосознания по видам субъектов-носителей, учитывая их социальную и личностную ориентированность. Исследователь выделяет такие социально ориентированные функции, как аксиологическая, праксеологическая, социального контроля, социально-прогностическая. Личностно-ориентированные функции представлены информационно-познавательной, оценочно-мировоззренческой, регулятивной функциями [4, с. 23–24]. И. М. Максимова, кроме познавательной, оценочной и регулятивной функций, выделяет также прогностическую, информационную, воспитательную, мотивационную функции, что не исключает наличия иных функций правосознания [5, с. 11–12].

Таким образом, многие ученые сходятся во мнении, что правовое сознание имеет в обобщенном виде три основные функции: познавательную, оценочную и регулятивную. Научная разработка отдельных проблем правового сознания приводит исследователей к необходимости выделения других функций правового сознания, количество которых остается дискуссионным.

Познавательная функция предполагает приобретение человеком определенных знаний о законе, о дозволенном и запрещенном. Как отмечает В. А. Щегорцов, «с точки зрения познания правосознание создает в уме человека определенную социально-правовую «картину» окружающей его действительности» [6, с. 31]. Н. М. Юрашевич указывает, что «познавательной (когнитивной, гносеологической) функции соответствует определенная сумма юридических знаний, являющихся результатом интеллектуальной (мыслительной) деятельности и выражающаяся в понятии “правовая подготовка”. Она заключается в том, что через восприятие и осмысление правовых явлений происходит, по существу, познание социальной жизни» [3, с. 86]. Е. М. Ефременко развивает положения данной функции до информационно-познавательной функции правосознания, которая «обеспечивает получение субъектом информации о сущности и социальном назначении права, различных аспектах правотворческой и правореализационной деятельности» [4, с. 24].

Оценочная функция в обобщенном виде означает отношение человека к происходящему в сфере права, эмоциональное отношение к правовым явлениям. Н. М. Юрашевич подчеркивает, что правосознание выполняет оценочную функцию, «когда на основе полученных знаний субъекты общественных отношений в процессе сложной психической деятельности оценивают разные стороны и явления правовой жизни» [3, с. 87]. Е. М. Ефременко обращает внимание на реализацию оценочно-мировоззренческой функции правосознания, которая «заключается в определенном отношении личности к явлениям правовой жизни общества, сформированным на основе социального опыта индивида» [4, с. 24].

Регулятивная функция раскрывает социально-преобразующее значение правосознания. «Регулятивная функция правосознания реализуется в потенциально-поведенческой сфере, включающей правовые мотивы и установки личности, ее готовность к выбору варианта юридически значимого поведения» [4, с. 24]. По мнению Н. М. Юрашевич, регулятивная функция «сводится, во-первых, к переработке полученной правовой информации, ее оценке, переходящей в знание правовых предписаний. Во-вторых, к воплощению этих знаний в конкретные поступки, действия, влекущие юридические последствия» [3, с. 88].

Таким образом, как видим, подход к выделению трех основных функций правосознания имеет логическую последовательность и научную обоснованность.

Следует отметить, что использование той структуры правового сознания, которая включает правовую идеологию, правовую психологию или некоторые другие связанные с ними элементы, предполагает функциональную характеристику правосознания с точки зрения разделения его на рациональные и психологические компоненты. Выделение же отдельно личностно-ценностного компонента в правовом сознании, как правило, учеными не производится. Это традиционный подход к правовому сознанию, сформированный еще в советской юриспруденции. В контексте же нашего ценностно-антропологического подхода этот аспект исследования правосознания является одним из важнейших.

Наличие в структуре правового сознания человека трех слоев (бытийного, рефлексивного и личностно-ценностного), выделенных на основе структуры сознания, предложенной известным российским психологом В. П. Зинченко, должно находить свое выражение в функциях правового сознания [7]. При этом важно подчеркнуть, что через отношения гетерархии в реализации той или иной функции задействуются образующие разных слоев правосознания.

Обобщая подходы к классификации правового сознания, с учетом структуры правосознания, а также особого места в этой структуре ценностных элементов представим и охарактеризуем уточненную авторскую классификацию правового сознания. Отсюда функции правового сознания необходимо представить в следующем виде: 1) познавательная (гносеологическая); 2) нормативно-регулятивная; 3) ценностно-правового формирования (аксиологическая); 4) личностно-правового конституирования.

Познавательная (гносеологическая) функция предполагает, что правосознание обеспечивает субъекту восприятие явлений правовой действительности, соотнесение их с правом на основании имеющихся значений. Человек посредством правового сознания приобретает знания о праве во всем их многообразии (законодательство, юридическая практика, правовые идеи в юридической науке). Познавательная функция обеспечивается всеми тремя слоями (компонентами) правового сознания, а не только его рационально-рефлексивным ком-

понентом (правовой идеологией). В связи с развитием информационных технологий повышается значение психосоматических и психомоторных реакций человека, от которых зависит его юридически значимое поведение.

Нормативно-регулятивная функция предполагает уже не теоретическое познание права, а интеллектуальную деятельность по его воплощению в правовом поведении (нормативное конструирование), а также по прогнозированию правовых явлений. Отсюда выводятся такие продукты интеллектуальной деятельности, как прогнозирование, моделирование, коммуникация, информация, контроль, критика и др. Данная функция предполагает использование и трансляцию человеком соответствующих языковых значений в правовой действительности, т. е. воспроизводство знаний о праве. Иначе говоря, данная функция раскрывается через участие человека в дискурсивной юридической практике, которая представляет собой господствующую «в правовом порядке в целом, а также в определенной сфере юридической деятельности совокупность языковых практик и внешних к ней проявлений...» [8, с. 256]. Нормативно-регулятивная функция включает в себе возможность творческого воздействия на правовую действительность. В этом случае правовое сознание выступает идейным источником права, обеспечивает изменение правовой действительности, наполняет ее новыми нормативными содержаниями.

Функция ценностно-правового формирования (аксиологическая) означает формирование правовых ценностей путем их взаимного признания человеком и обществом с помощью источников права. Существование нормативных ценностей в обществе обуславливает формирование соответствующих ценностей в правовом сознании человека. В данном случае человек овладевает правовой ценностью, означает и осмысливает ее, но при этом такая ценность еще не становится, а только может стать личностной ценностью человека. В обратном случае, чтобы определенная ценность конкретного человека получила статус нормативной ценности, она должна быть аккумулирована в установленном порядке государственным органом путем обобщения, взаимного признания, публичного обсуждения и включения ее в источник права как нормативной конструкции. При этом моментом создания правовой ценности, как отмечает В. П. Малахов, «выступает конвенциональный факт — факт согласования интересов и признания конвенциональной правовой ценности» [9, с. 110–111]. Личностные ценности, проявляемые в правовом сознании человека, являются самым главным компонентом правосознания, в то время как нормативные ценности играют опосредующую роль. Е. М. Ефременко подчеркивает, что «ценностное отношение к праву со стороны общества в целом и его индивидуальных представителей далеко не всегда совпадают» [4, с. 23]. Нахождение человека в правовой действительности предполагает не только нормативное, но также иное, более глубокое — личностное, восприятие ценностей. И такое восприятие ценностей раскрывает следующая функция правосознания.

Функция личностно-правового конституирования означает формирование личностных ценностей человека на основе личностно воспринятого правового опыта. Данная функция обеспечивает созидание личностных ценностей правового сознания человека. Формирование личностных ценностей происходит путем перевода нормативных ценностей во внутренние ценностные структуры человека. В этот момент нормативная ценность становится личностной ценностью человека. Личностная ценность, таким образом, находит проявление в правовой действительности и воспроизводит нормативную ценность. Нормативная ценность, отраженная в источниках права, должна быть реализована в правомерном поведении человека. Правило поведения становится внутренним правилом жизни человека без внешнего принуждения. Человек реализует требования нормы права с внутренней необходимостью. В результате личностно-правового конституирования человек становится носителем правового идеала уже не как субъект права, а как личность в правовой действительности.

Таким образом, представленные функции (познавательная (гносеологическая), нормативно-регулятивная, ценностно-правового формирования (аксиологическая), личностно-правового конституирования) соответствуют структуре правового сознания личности. Функциональное рассмотрение правового сознания человека указывает на необходимость учета личностных ценностей человека в правовой действительности. Реализация функций правового сознания происходит при взаимодействии личности и общества в условиях взаимного признания правовых ценностей с помощью источников права.

1. Общая теория права : учеб. пособие / Т. В. Воронович [и др.] ; под общ. ред. А. Г. Тиковенко. Минск : РИПО, 2015. 299 с. [Вернуться к статье](#)
2. Бибило В. Н. Теория государства и права. Минск : Право и экономика, 2015. 206 с. [Вернуться к статье](#)
3. Юрашевич Н. М. Правосознание белорусского общества : монография. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. 165 с. [Вернуться к статье](#)
4. Ефременко Е. М. Правосознание учащейся молодежи : монография ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2012. 119 с. [Вернуться к статье](#)
5. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения людей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Нижегород. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2005. 22 с. [Вернуться к статье](#)
6. Щегорцов В. А. Социология правосознания. М. : Мысль, 1981. 174 с. [Вернуться к статье](#)
7. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М. : Языки славянских культур, 2010. 592 с. [Вернуться к статье](#)
8. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск, 2017. 262 с. [Вернуться к статье](#)
9. Малахов В. П. Право в его универсальности, особенности и конкретности : монография. М. : Моск. ун-т МВД России, 2005. 312 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 341

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА, ПРИЗНАННЫЕ ЦИВИЛИЗОВАННЫМИ НАЦИЯМИ, КАК ДОСТИЖЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О. Н. Толочко

профессор кафедры государственного управления,
доктор юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: o.tolochko@mail.ru

Аннотация. Анализируется правовая категория общих принципов, признанных цивилизованными нациями. Подчеркивается их значение для качества законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: общие принципы права, источник права, правовая культура, суд, юридическая доктрина.

Annotation. The legal category of general principles recognized by civilized nations is analyzed. Their importance for the quality of legislation and law enforcement practice is emphasized in article.

Keywords: General principles of law, source of law, legal culture, court, legal doctrine.

Развитие и совершенствование права как социального регулятора прямо обусловлены изменением общественных отношений и общественного сознания. Передовые юридические доктрины, законодательные и правоприменительные практики становятся движущей силой общественного прогресса. Достижения правовой культуры человечества нашли отражение в международно-правовой категории общих принципов права, признанных цивилизованными нациями.

Применение общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, наряду с нормами международных договоров и международно-правовыми обычаями, закреплено в статье 38 Статута Международного Суда ООН. Государства, передавая Суду спор, рассчитывают на его справедливое разрешение. Однако возможны (и, как показывает практика, нередки) ситуации, когда в действующем международном праве отсутствует норма, прямо регулирующая данное правоотношение. При этом суд должен дать юридическое решение. Для таких случаев и предусмотрено применение общих принципов права.

Категория общих принципов права как правовых источников имеет важное значение не только для международного права. К сожалению, в отечественной правовой науке она исследована мало [1; 2]. Вместе с тем значение таких общих для прогрессивного человечества принципов для развития правовой системы как международного, так и национального права трудно переоценить.

Что представляют собой общие принципы права, признанные цивилизованными нациями?

Прежде всего, необходимо определиться с указанием на «цивилизованные нации», включенным в формулу статьи 38 Статута Международного Суда ООН. Конечно же, речь не о том, что какие-то нации являются цивилизованными, а другие — нет. Разработчики Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия (предшественницы Международного Суда ООН), включившие рассматриваемую норму в Статут, исходили из того, что при отсутствии регулирующей нормы международного права спор должен рассматриваться на основании общих принципов права, заимствованных из национальных правовых систем. При этом общими эти принципы являются, во-первых, для международной и национальных правовых систем; во-вторых, они являются общими для «цивилизованного», передового права; в-третьих, они являются признанными, авторитетными, т. е. прошли проверку временем и практикой.

Общие принципы права направлены на поиск справедливого разрешения ситуации. Они не регулируют поведение сторон в конкретном правоотношении — гражданском, уголовном, административном или международном. Именно поэтому они именуется общими, общеправовыми. Указание на «цивилизованные нации», которыми должны быть признаны эти принципы, в настоящее время имеет метафорическое, переносное значение. Общие принципы права присутствуют в наиболее совершенных, развитых правовых системах и соответствуют прогрессивному коллективному правосознанию человечества.

Право — социальный регулятор, основанный на восприятии справедливости, поэтому так важно выявлять и формулировать обеспечивающие ее принципы. Кроме того, правовая «материя» неделима, и как в капле воды присутствуют все ее свойства, начиная от химической формулы, так и в любой отрасли, институте и норме права присутствуют общие свойства, которые образуют феномен права и отличают его от «неправа».

Многие общие принципы права были сформулированы еще в эпоху римских текстов, поэтому они имеют латинскую формулу (*pacta sunt servanda*; *nulum crimen sine lege*; *non bis in idem* и т. д.).

Исчерпывающего перечня общих принципов права не существует. Как и все право, эти принципы находятся в развитии, в динамике. В ряду наиболее известных, часто применяемых общих принципов права могут быть названы следующие.

«Договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*). Данный принцип является идейной основой цивилистики и выросшего из нее международного права. Несоблюдение заключенных договоров является правонарушением, влекущим юридическую ответственность.

«Специальная норма имеет приоритет перед общей» (*lex specialis derogat generali*). Общие правила применяются лишь при отсутствии специальных норм; однако последние должны соответствовать духу общей нормы.

«Закон обратной силы не имеет» (*lex retro non agit*). Норма, устанавливающая или ужесточающая ответственность, применяется только в отношении ситуаций, возникших после ее принятия.

«Позднейший закон отменяет более ранний» (*lex posterior derogat priori*). Принцип устраняет интертемпоральные коллизии, т. е. противоречия между нормами, принятыми в разное время: применяется та норма, которая появилась позднее.

«Никто не может передать прав больше, чем сам имеет» (*nemo plus juris transferre potest, quam ipse habet*). Невозможно получить титул собственника из рук лица, не являющегося собственником. Нельзя наделить кого-то полномочиями, которых нет у тебя самого.

«Никто не может быть судьей в собственном деле». На данном принципе основывается беспристрастность суда. Его соблюдение, в частности, ставится под сомнение в отношении государственных судов в странах с преобладанием государственного сектора в экономике, из юрисдикции которых по этой причине стремятся уходить частные инвесторы.

«Бремя доказывания возлагается на истца». Именно истец должен убедить суд в правомерности своих притязаний; отсутствие убедительных аргументов трактуется в пользу лица, к которому обращено требование.

«Отрицательные положения не доказываются». Никто не должен быть принужден к доказыванию того, что он кем-то НЕ является, или того, что он НЕ совершал каких-то действий. На данном принципе базируется, в частности, уголовно-правовая презумпция невиновности, а также презумпция «добросовестности» в административной, налоговой и иных отраслях.

«Всякое сомнение — в пользу обвиняемого». Один из основных принципов процессуального права, причем не только уголовного.

«Ответственность наступает только за виновное противоправное действие». «Нет преступления без указания на него в законе»; «нет преступления без вины» и иные модификации данного принципа призваны исключить произвол, а также привлечение к ответственности за неумышленные или случайные правонарушения.

«Другая сторона должна быть заслушана». На данном принципе основано жесткое правило об уведомлении лица, к которому предъявлен иск или иное требование, о том, что против него ведется судебный процесс или другая юридическая процедура.

«Никто не может ссылаться в свое оправдание на незнание закона». Незнание закона не освобождает от ответственности. В то же время обратной стороной этого принципа является широкая и общедоступная публикация принимаемых законодателем норм.

«Обман уничтожает юридические последствия». Полученные обманом правовой статус, титул собственника, иные материальные или нематериальные блага не могут сохраняться за лицом, использовавшим обман для их получения.

Принцип «решенного дела» (*res judicata*). Рано или поздно в любом юридическом деле должна быть поставлена точка, после чего результат не подлежит изменению. Такое дело не может быть пересмотрено в другом суде. На юридических решениях можно основывать требования или возражения как на фактах.

Принцип приоритета прав индивида перед правами организации или государства (принцип гуманизма). Человек всегда является «слабой» стороной в спорах с организацией и тем более с государством. Поэтому в праве должны быть нормы, предоставляющие человеку дополнительные гарантии и права, а в случае равенства аргументов с той и другой стороны дело решается в пользу человека (индивида).

Принцип эстоппель (утрата права ссылаться на какие-либо факты в определенных обстоятельствах). Наличие у лица юридического права не означает, что оно может обратиться за его защитой в любое время и при любых обстоятельствах. Если до обращения это лицо длительное время устраивала сложившаяся ситуация, если лицо знало, но не заявляло о фактах либо притязаниях, то впоследствии ему может быть противопоставлено его молчание или определенные действия.

Все эти и иные принципы пронизывают право как социальный феномен. Они должны быть основой профессионального правосознания и, как следствие, законодательной и правоприменительной практики в стране и за ее пределами.

1. Корецкий В. М. «Общие принципы права» в международном праве / отв. ред. С. Б. Крылов ; Академия наук Украинской ССР. Сектор государства и права. Киев : Изд-во АН УССР, 1957. 52 с. [Вернуться к статье](#)

2. Земскова П. Е. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2010. 26 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В. Н. Фадеев

профессор кафедры криминологии,
доктор юридических наук, профессор,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
e-mail: fadei87@mail.ru

***Аннотация.** В статье говорится о том, что необходимо рассматривать новый взгляд на развитие юридической науки и образования. Речь идет, прежде всего, о реализации жизнеутверждающих принципов образа жизни, жизнеустройстве и жизнеобеспечении на основе правомерного поведения через формирование индивидуального, общественного и всеобщего, космически освященного сознания.*

***Ключевые слова:** материалистическая философская парадигма, метафизический взгляд, вероятностно-временной подход, неопределенность будущего, истоки и корни преступности.*

***Annotation.** The article says that new point of view on the development of legal science and education should be taken. First of all, for the implementation of life-affirming principles of life style, life organization and life support based on lawful behavior through organization of individual, social and universal, cosmic sanctified consciousness.*

***Keywords:** materialistic philosophical paradigm, metaphysical view, probability-time approach, the uncertainty of the future, the origins and roots of crime.*

Нет необходимости перечислять множество работ и точек зрения, высказанных учеными и специалистами о состоянии юридической науки и образования.

В этой связи попытаюсь вывести общую, принципиальную формулу недостатков в современной юридической науке и образовании.

Прежде всего, надо отметить, что вся гуманитарная наука, включая юридическую, как части целого базируется на материалистической философской парадигме.

При этом следует особо отметить одно принципиальное обстоятельство. Насколько можно судить, беспомощная в отношении к глобализации преступности юридическая наука является одной из прикладных ветвей материалистической философии, в соответствии с которой она (юридическая наука) в полной мере рассматривает только реальные события, то есть уже свершившиеся деяния криминального характера.

Правоохранительная система тоже строится на основе информации об уже совершенных преступлениях.

В этой связи выскажу не очень удобную, а может быть неприемлемую для отдельных коллег, оценку современного состояния юридической науки на примере криминологии.

В частности, в настоящее время преобладают, с одной стороны, фрагментарно-дискретная картина мира в сознании общества и фактическая раздробленность носителей его духовно-нравственных начал и их взаимоотношения с пронизанным коррупцией государством, а с другой — ситуация неопределенности будущего его как такового, а не только предмета и метода криминологии как основание для установления жесткого национального правопорядка.

В порядке иллюстрации и подтверждения сказанного отмечу, что уже в ранний постсоветский период юридическую науку и, прежде всего, криминологию сначала «отодвинули» (эта «политика» имела свое продолжение и в новейшее время¹), а затем и «отторгли» от поиска и выявления ответственных субъектов за рост и развитие преступности.

Наоборот — дали возможность поделить поле развивающейся преступности на предметы исследований — т. е. на «научные делянки», «деляночки» и совсем уж на «узкие полоски», почему и появились масса разных пустых диссертаций, вал наукообразных, но никчемных публикаций, надуманных исследований и т. д.

А результат один — все это ушло и продолжает уходить попросту в «никуда» или, по-другому сказать, — в бездонную «черную дыру» полной безответственности за то, что случилось и происходит ныне, как и за то, что делается в криминологии, которая не рассматривает национальную безопасность как свой предмет, а правопорядок для ее охраны — как инструмент своей основной деятельности.

Понятно, что «больна» в этом плане не только криминология, но и иные отрасли юридической науки, в т. ч. и уголовное право, которые действуют в основе своей — на уровне единичного, но мало функциональны на уровне особенного, не говоря уже о всеобщем, сущностном уровне, — если именовать эти уровни на языке диалектической логики.

Хотя в литературе встречается немало призывов следовать этой логике, в том числе — проведение криминологической экспертизы законотворческой и всей прочей жизнеутверждающей деятельности органов власти.

¹ Известно, что криминология является «неудобной наукой, прежде всего, для властных структур. После очередного “изгнания” в разряд “второстепенных”, т. е. необязательных к изучению наук, на основании приказа Минобрнауки РФ № 28 от 11 января 2018 года криминологию заново, с 1 сентября 2018 года, в системе юридического образования ввели в число учебных дисциплин, обязательных к изучению, т. е. действуем по принципу «пока гром не грянет мужик не перекрестится».

Вместо этого, как пишет профессор А. И. Долгова, «криминологию пытаются подменить уголовной политикой с ее многозначной трактовкой и утверждением о том, что уголовная политика — это и есть борьба с преступностью. Как правило, авторами современных работ по уголовной политике являются специалисты по уголовному праву, отдельные из которых слабо ориентируются в теории и практике настоящего криминологического знания» [1].

Таким образом, можно констатировать, что одной из основных угроз, деградирующих, а более правильно сказать — фальсифицирующих ход развития человечества, является заточенность гуманитарной науки на материалистической философской парадигме, в отличие от естественных отраслей знания, и, прежде всего, неклассической физики, базирующейся на метафизической составляющей.

В частности, в естественных науках, прежде всего, в физике, с открытием в 30-е годы XX века кванта как явления, квантовой механики в целом и специальной теории относительности, сформулированной Альбертом Эйнштейном, предвестником которой явилось открытие Вернером Гейзенбергом принципа неопределенности, Нильсом Бором — соотношения неопределенностей и принципа дополнительности, а также криволинейной неэвклидовой геометрии Римана-Лобачевского — в результате чего произошел резкий скачок развития в сторону неклассической (метафизической) версии мировоззрения, которое строится в совершенно ином, вероятностно-временном контакте с внешним миром как его гораздо более глубокая и сущностная картина².

Главное, что следует выделить в этом плане — это категорический отказ физиков от первичности материи как некоего вещества и вторичности сознания как некой нематериальной среды для ее осмысления³.

В этой связи акцентирую внимание на том, что практический смысл понятия сознания человека и его связь с подсознанием тоже представляются в сугубо постфактическом формате (например, преступление как свершившийся факт), чем и объясняется сравнительно низкий уровень предупредительной дея-

² Постоянная планка определяет границу между макромиром, где действуют законы механики Ньютона, и микромиром, где действуют законы квантовой механики...

³ Объективная реальность выступила как абсолютно виртуальная среда, плодящая исключительно временно существующие материальные воплощения. Непрерывные акты творения «чего-то» (материальных объектов и проявлений) «из ничего» (неопределенность, микромир, поля, вероятности, виртуальность и т. д.), это касается и человека, как временно появляющегося из будущего и через настоящее — уходящего в прошлое... Так что понимание устройства мира и мировоззрение, строящееся на основе неклассической физики, по сути совпадает или во всяком случае гораздо ближе к дзэн-буддизму («Религия без Бога» по общему определению Папы Римского Павла), чем к материализму и вообще к каким бы то ни было «измам», возникшим и развивавшимися в лоне европейской культуры и науки.

тельности и понимания субъектно-объектных отношений как предметно-логической основы правопорядка и его нарушений.

Имеющиеся результаты экспериментов подводят к выводу, что физический мир более не является основным или единственным компонентом реальности и что он не может быть полностью понят без учета роли в нем сознания [2].

Что же касается юридической теории, то за редким исключением она осталась в лоне старой, практически неизменной парадигмы. Ученые лишь «отретушировали» внешние, «фасадные» аспекты своей науки, не затрагивая сущностные, глубинные стороны новой общественной жизни и общественных отношений как основание и повод для ее трансформации.

Здесь обращаем внимание юристов прежде всего на статью профессора Н. В. Щедрина, где автор пишет, что «коррупция в частном секторе наносит ощутимый вред обществу, однако понятие должностного лица с советского времени почти не претерпело изменений. Злоупотребление полномочиями, подкуп в государственной и частной сферах влекут за собой разную уголовно-правовую оценку...» [3, с. 410].

Следует иметь в виду, что стадию формирования неклассической версии юридической науки и ее использования пройти придется, притом начать это можно будет в процессе создания ее новой теоретической и методологической базы, в которой, помимо фактической и пространственной, должно занять полагающаяся ей вероятностно-временная составляющая в представлениях о будущем и достоверная — о нашем прошлом.

При этом необходимо отметить, что принципиальное значение метафизической составляющей в развитии теории и практики юридического, в нашем случае криминологического, знания состоит в том, что если материалистический подход позволяет говорить о выявлении причин и условий, а также факторном анализе, детерминации преступности и правонарушающего поведения, то метафизический взгляд дает возможность действовать по поиску истоков, корней преступности и девиантного, антиобщественного, противоправного поведения личности в его сознании, что в свою очередь позволит говорить об искоренении и ликвидации в будущем истоков-корней этого явления из жизни общества.

В последние годы предпринимаю определенные усилия для адаптации вышеперечисленных и иных проблем к реалиям жизнеустройства и жизнедеятельности, в том числе криминологии будущего, при этом ни в коей мере нельзя отрицать классическую или материалистическую криминологию как науку о преступности и борьбе с нею.

Иное дело, что ее теперь можно рассматривать лишь как отправную, базовую версию, которая в связи с глобализацией преступности и преступной глобализацией оказалась недостаточно эффективной в отношении к криминальному миру в его новых формах и масштабах.

Иными словами, подобно тому, как классическая механика Ньютона и представления об абсолютном эфире как об изотропной среде совершенно не подходят для понимания природы квантовых объектов и их поведения в реальном физическом пространстве, так и классическая криминология без метафизической составляющей не подходит для понимания истоков и корней преступности в сознании и сущности личности, а также глобализации форм и масштабов развития преступности.

Причина этой некомпетентности в обеих сферах знания, по сути, одна и та же — это недооценка, а если быть точнее — непонимание и незнание роли метафизической составляющей в представлениях об объекте и опыта перехода от классического формата физики к неклассическому, который представляет собой методологический алгоритм и школу как для криминологов и представителей других сфер юридической науки, так и гуманитарных отраслей знания в целом.

В этих условиях нужно основательно обдумать судьбу, цели и задачи всей правоохранительной системы.

Она должна представлять собой пространство такого правопорядка, который может надежно обеспечивать национальную безопасность изнутри жизни народа и страны, для чего надо существенно расширить сферу профессиональных знаний и интересов юристов и, как следствие, поднять уровень юридического образования и правовой культуры населения России и Республики Беларусь как суверенных стран.

В заключение необходимо отметить, что в данной статье обращаю внимание на те концептуально-методологические упущения, недостатки, знания которых явно не хватает для раскрытия сути предмета гуманитарной науки в целом и юридической в частности (на примере криминологии как части целого).

В этой связи представляется, что необходимо внести соответствующие изменения в учебный процесс по преподаванию, прежде всего, фундаментальных, базовых наук при подготовке юристов, с учетом метафизической составляющей философии как базового элемента мировоззрения. Ибо микромир формирует и управляет макромиром, а не наоборот, как это принято рассматривать классической гуманитарной наукой.

К числу основных учебных дисциплин и отраслей знаний, которые подлежат трансформации в первостепенном порядке, относятся философия, логика, теория государства и права, социология, психология, криминология и иные

учебные дисциплины, которые участвуют в процессе формирования у студентов и аспирантов системных представлений об окружающем мире.

Для этого необходимо совершенствовать образовательную среду путем междисциплинарной интеграции на уровне взаимодействия с профильными вузами, например, НБИКС технологии Курчатовский центр и иные естественно-научные вузы. Осуществляя данный проект, государство, в лице, прежде всего, образовательной системы сработает на опережение, формируя задатки нового мышления, которое затронет всю научную деятельность, в том числе, по исследованию истоков, корней преступности и сущности личности преступника в его сознании, а также проблем предупреждения преступности⁴.

Таким образом, прямо в образовательном процессе, который осуществляется учеными в своей области как педагогами по своим дисциплинам происходят развитие и перенос парадигмы неклассической науки на материал классических версий ее разделов и их переосмысление с применением не формальной, а диалектической логики, неопределенностей разного рода с их превращением в информацию.

К сожалению, среди научного (юридического) сообщества пока не видно особого энтузиазма в реализации этого подхода.

В различных научных и частных беседах возникают вопросы: что это дает в целом и в конкретной жизненной ситуации, — не вникая в суть вещей, в частности. Тем самым не воспринимается сама идея внедрения метафизического подхода в научно-практическую деятельность.

Опыт показывает, что рано или поздно практически все фундаментальные открытия находят свое применение. Также опыт показывает, что на момент открытия совершенно невозможно предсказать понадобится то или иное открытие и как оно себя проявит. Здесь лишь приведем один яркий пример из истории развития фундаментальной науки. В частности, вскоре после открытия Майклом Фарадеем электромагнитной индукции Министр финансов Великобритании Уильям Гладстон спросил у Фарадея: «Какая польза от электричества?». В ответ на это Фарадей сказал: «Вполне возможно, сэр, что скоро вы сможете обложить это налогом». И не ошибся Фарадей, прошло всего каких-то 50 лет и все... стали платить налог [4].

Остается пока только думать и мечтать о создании такого рода методики подготовки специалистов в ВУЗах, в нашем случае — юридического профиля, хотя этого требует вся сфера гуманитарной науки, в т. ч. и юридическая

⁴ В частности, по инициативе Департамента образования города Москвы и Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», с 2012 года в общеобразовательной системе реализуется так называемый «Курчатовский проект», цель которого — сформировать системные представления об окружающем мире, в то же время ВУЗовская система, прежде всего, гуманитарная сфера науки об этом пока что даже не «заикается».

наука — как часть целого, на примере перехода классической физики в ее неклассический формат.

1. Долгова А. И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность [Электронный ресурс]. URL: <http://crimas.ru/?cat=81> (дата обращения 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Манифест постматериалистической науки [Электронный ресурс]. URL: <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/> (дата обращения 23.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Щедрин Н. В. Футурологические аспекты уголовного права [Электронный ресурс] // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 30 сент. – 1 окт. 2019 г. / под общ. ред. Н. А. Лопашенко ; ред. А. В. Голикова ; ФГБГУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 409–413. [Вернуться к статье](#)

4. Из истории Пикабу [Электронный ресурс]. URL: [pikabu.ru>story/iz_istorii_1571918](http://pikabu.ru/story/iz_istorii_1571918) (дата обращения 27.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.6

О ФУНКЦИЯХ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Т. М. Халецкая

доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности,

кандидат юридических наук, доцент,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

e-mail: Tania80@rambler.ru

***Аннотация.** В статье проанализированы доктринальные подходы к решению вопроса о функциях семейного права, показаны особенности реализации отдельных функций в нормах брачно-семейного законодательства.*

***Ключевые слова:** семейное право, брачно-семейные правоотношения, функции права.*

***Annotation.** The article analyzes doctrinal approaches to solving the issue of the functions of family law, features of the implementation of individual functions in the norms of marriage and family law are shown.*

***Keywords:** family law, marriage and family relations, functions of law.*

Проблема выделения функций семейного права является довольно новой для юридической науки. Связано это с тем, что отнесение семейного права к числу самостоятельных отраслей права произошло не так давно. Еще в 1930 г. М. Лазерсон категорически заявлял об отнесении «семейственного права» к гражданскому [1, с. 221]. Проблема определения места семейного права в системе права — предмет острых научных дискуссий и сегодня. Точкой соприкосновения здесь является вопрос о соотношении семейного и гражданского права, а спорящие стороны традиционно делятся на два лагеря, аргументированно отстаивающих одну из двух противоположных позиций: 1) семейное право является подотраслью гражданского права; 2) семейное право является самостоятельной отраслью права. Вопрос об определении места семейного права в системе права является принципиальным, поскольку от его решения зависит направленность правового регулирования тех семейных отношений, которые, в принципе, такому регулированию поддаются. «Каждая отрасль права имеет свои цели и задачи правового регулирования, predetermined спецификой ее предмета правового регулирования, поэтому целесообразно оценивать эффективность правовых норм исходя из их отраслевой принадлежности» [2, с. 3]. Выделение самостоятельных отраслей в системе права традиционно производится по двум критериям — по предмету и методу. Однако, полагаем, что только лишь предмет и метод правового регулирования нельзя признать достаточными критериями для решения вопроса об отраслевой принадлежности семейного права. Поскольку предмет и метод правового регулирования находятся в тесной взаимосвязи с функциями права, то важным системооб-

разующим фактором семейного права как самостоятельной отрасли права следует признать и его функции.

В большинстве изученных нами белорусских учебников по семейному праву вопрос о функциях семейного права, к сожалению, даже не упоминается. В российских учебниках ситуация выглядит более «позитивной», однако, зачастую авторы учебников ограничиваются лишь указанием на то, что семейное право, как и любая другая отрасль, осуществляет регулятивную, охранительную и воспитательную функции [3, с. 94; 4, с. 26; 5, с. 18; 6, с. 10]. При этом, ни особенности реализации указанных функций с учетом специфики общественных отношений, составляющих предмет семейного права, ни специально-отраслевые функции семейного права, ни функции его отдельных институтов в учебниках не анализируются. Мы не претендуем на восполнение указанного пробела в рамках настоящей статьи, однако хотим тезисно остановиться на анализе тех немногих научных взглядов на функции семейного права, которые имеют место в науке семейного права.

Без сомнения, семейное право выполняет регулятивную, охранительную и воспитательную функции. В учебной литературе регулятивная функция семейного права обычно определяется как регулирование семейных отношений в соответствии с законодательством; под охранительной функцией понимают охрану и защиту прав участников семейных отношений и, наконец, о воспитательной функции говорят как о построении в рамках семейного права одобряемой государством и обществом модели поведения участников семейных правоотношений, основанной на чувствах любви, уважения, взаимопомощи и взаимной ответственности членов семьи друг перед другом.

Регулятивная функция семейного права играет важную роль в системе семейно-правовых функций. Говоря о регулятивной функции, нельзя не сказать о тех общественных отношениях, которые составляют предмет семейного права. В статье 2 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС) перечислены отношения, регулируемые законодательством о браке и семье, т. е. определен предмет семейного права. Законодательство Республики Беларусь о браке и семье устанавливает порядок и условия заключения брака; закрепляет права и обязанности членов семьи; регулирует личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие в связи с усыновлением (удочерением), опекой и попечительством, другими формами устройства на воспитание в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, порядок и условия прекращения брака, признания его недействительным, порядок регистрации актов гражданского состояния, другие семейные отношения. Кроме того, семейное законодательство определяет порядок выявления, учета и устройства детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей,

находящихся в социально опасном положении. Несложно заметить, что предмет семейного права специфичен, поскольку его составляют частно-публичные отношения. Кроме того, многие аспекты брачно-семейных отношений настолько деликатны, что государство должно вносить в них лишь минимально необходимую нормативность, отражающую потребности общества, отдельной семьи или индивида в организованности и упорядоченности семейных отношений, в их защите.

Такие особенности предмета семейного права придают характерные черты регулятивной функции данной отрасли. Если реализация регулятивной функции в иных отраслях права осуществляется посредством дозволений, запретов и позитивных обязываний, то преобладающим механизмом реализации регулятивной функции семейного права являются именно позитивные обязывания. Именно это, по верному замечанию А. Н. Левушкина, «сближает семейное право с механизмом реализации регулятивной функции отраслями публичного права и несколько отличает от гражданско-правового регулирования» [7, с. 258].

Охранительная функция, объединяющая в себе восстановительный и компенсационный аспекты, проявляется в том, что семейное право призвано защищать интересы участников семейных правоотношений, пресекая при этом противоправные действия. Охранительная функция семейного права также не лишена своеобразия. Традиционно считается, что основу охранительной функции составляют запрещающие нормы. Однако в механизме реализации охранительной функции семейного права, кроме запрещающих норм, имеют место специальные охранительные предписания, направленные на регламентацию мер юридической ответственности, а также особые государственно-принудительные меры защиты участников семейных правоотношений [8, с. 32–33]. В частности, белорусский законодатель устанавливает ответственность родителей в виде лишения родительских прав при наличии следующих оснований: при уклонении родителей от воспитания и (или) содержания ребенка; в случаях злоупотребления родителями своими родительскими правами и (или) жестокого обращения с ребенком; при ведении родителями аморального образа жизни, оказывающего вредное воздействие на ребенка; при отказе от ребенка и подписании письменного заявления о согласии на усыновление при раздельном проживании родителей с ребенком; в случае если в течение шестимесячного срока после отобрания у родителей ребенка не отпали причины, послужившие основанием для этого (ст. 80 КоБС). Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обес-

печении, а также уклонение детей от содержания родителей влекут уголовную ответственность (ст.ст. 174, 175 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Суть воспитательной функции хорошо раскрыта А. Н. Левушкиным, отмечая, что реализация указанной функции семейного права связана с активным правомерным поведением участников брачно-семейных правоотношений: «право и обязанность родителей по воспитанию детей, добровольное установление происхождения ребенка, предоставление материального содержания нетрудоспособным и малоимущим» [7, с. 257].

Формами реализации воспитательной функции в литературе называют: правовое воспитание, правовое формирование личности, воспитательное воздействие. Основной из указанных форм И. И. Куксин и А. П. Матвеев считают именно правовое воспитание, «которое складывается под непосредственным влиянием модели поведения, содержащейся в семейноправовых нормах, в органической связи с содержанием регулятивных и охранительной функций» [9, с. 30]. Воспитательная функция семейного права отражается в установленных брачно-семейным законодательством требованиях соответствия поведения участников семейных правоотношений моральным и нравственным представлениям, существующим в обществе. Так, в ст. 59 КоБС установлено, что семья представляет собой объединение лиц, связанных между собой моральной общностью и поддержкой; ст. 69 КоБС определено, что собственное имя ребенка не должно противоречить нормам общественной морали; одним из оснований лишения родительских прав, в соответствии со ст. 80 КоБС, является аморальный образ жизни родителей; супруги, в соответствии со ст. 20-1 КоБС, обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, справедливого распределения семейных обязанностей.

В немногочисленных научных работах, посвященных функциям семейного права, выделяют и иные функции указанной отрасли. По мнению А. Н. Левушкина немаловажное значение для семейного права имеет стимулирующая функция, призванная обеспечить развитие тех институтов семейного права, в которых заинтересованы граждане, общество и государство. В основе реализации данной функции, по мнению ученого, лежат правовые поощрения, представляющие собой форму и меру «юридического одобрения добровольного общественно полезного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, т. е. для него наступают благоприятные последствия» [7, с. 261]. Стоит согласиться с наделением семейного права подобной функцией. Яркий пример ее реализации можно найти в положениях Указа Президента Республики Беларусь от 18 сентября 2019 года № 345 «О семейном капитале», предоставляющих семьям право на единовременное получение безналичных денежных средств при рождении (усыновлении, удочерении) в 2015–2019 годах третьего или после-

дующих детей. В числе функций семейного права выделяют карательную функцию, однако особо подчеркивают, что она характерна лишь для института семейно-правовой ответственности [7, с. 260; 10, с. 99]. Выделение карательной функции семейно-правовой ответственности — вопрос дискуссионный, требующий дальнейшего изучения. Полагаем, что преимущественной целью санкций в семейном праве является не кара как таковая, а восстановление нормальной жизнедеятельности семьи, защита прав пострадавшего участника семейных правоотношений. Много внимания в научной литературе уделяется демографической функции права [11], однако о ней не говорят как о функции, характерной именно для семейного права, а относят к общеотраслевым функциям. Полагаем, что демографическая функция для семейного права характерна как ни для какого другого. Именно нормы семейного права призваны в том числе сформировать в сознании людей такие социальные ценности, которые будут связаны с семьей и детьми, которые повысят престиж материнства и отцовства. Определяя задачи законодательства о браке и семье, белорусский законодатель относит к ним: укрепление семьи как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей; охрану материнства и отцовства, прав и законных интересов детей, обеспечение благоприятных условий для развития и становления каждого ребенка (ст. 2 КоБС). О значимости демографической функции семейного права белорусский законодатель указывает и в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года. В частности, в подп. 3.2 данной стратегии отмечено о необходимости уделять особое внимание созданию благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, обеспечивающих возможность рождения и воспитания нескольких детей.

Анализ научных представлений о функциях семейного права позволяет нам сделать вывод о том, что для него характерны как общеотраслевые, так и отраслевые функции, позволяющие говорить о семейном праве как о самостоятельной отрасли права.

1. Лазерсон М. Общая теория права: введение в изучение права. Рига : Жизнь и культура, 1930. 379 с. [Вернуться к статье](#)
2. Бондаренко Н. Л. К вопросу об эффективности гражданского законодательства // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. междунар. науч.-практ. заочной конф. Международный университет «МИТСО». Минск : ПДУП «Типография Федерации профсоюзов Беларуси», 2016. С. 3–5. [Вернуться к статье](#)
3. Абашин Э. А. Семейное право. М. : Форум, 2002. 128 с. [Вернуться к статье](#)
4. Корнеева И. Л. Семейное право: учебник и практикум для СПО. М. : Юрайт, 2015. 361 с. [Вернуться к статье](#)
5. Муратова С. А. Семейное право : учебник. М. : Эксмо, 2006. 448 с. [Вернуться к статье](#)

6. Муратова С. А., Тарсамаева Н. Ю. Семейное право. М. : Новый юрист, 1999. 270 с. [Вернуться к статье](#)
7. Левушкин А. Н. Понятие, система и классификация функций семейного права // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2012. Вып. 31. С. 252–267. [Вернуться к статье](#)
8. Матвеев П. А. Классификация функций семейного права Российской Федерации // Юрид. вестн. Кубан. гос. юрид. ун-та. 2012. № 1. С. 26–34. [Вернуться к статье](#)
9. Куксин И. И., Матвеев П. А. Воспитательная функция семейного права и воспитательная функция семьи: сравнительная характеристика // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 29–36. [Вернуться к статье](#)
10. Ситкова О. Ю. Функции санкций в семейном праве // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2013. № 5. С. 97–102. [Вернуться к статье](#)
11. Никишова Н. В. Формы реализации демографической функции права // Регионоведение. 2011. № 3. С. 261–268. [Вернуться к статье](#)

УДК 328.185

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Д. В. Харьковский

заместитель начальника кафедры оперативно-тактической подготовки
внутренних войск — начальник цикла (тактики внутренних войск)
факультета внутренних войск,
Военная академия Республики Беларусь;
аспирант кафедры социальной политики и идеологии,
Институт государственной службы Академии управления
при Президенте Республики Беларусь
e-mail: hdv_82@mail.ru

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ факторов, оказывающих влияние на формирование антикоррупционного сознания личности, обосновывается их роль и предлагаются некоторые меры по противодействию коррупции как негативному явлению нашего общества.*

***Ключевые слова:** коррупция, антикоррупционное сознание, факторы формирования антикоррупционного сознания.*

***Annotation.** The article provides a comprehensive analysis of factors that influence the formation of the anti-corruption consciousness of the individual, substantiates their role and suggests some measures to combat corruption as a negative phenomenon in our society.*

***Keywords:** corruption, anticorruption consciousness, factors of forming of anti-corruption consciousness.*

В сознании общества все более укореняется стереотип коррупции как этически приемлемой нормы «восстановления социальной справедливости», размывается понимание общественной опасности этого явления. Повышается порог моральной терпимости населения к фактам как уголовно наказуемого взяточничества, так и уголовно не наказуемых поборов.

На формирование антикоррупционного сознания в процессе развития, становления личности решающее воздействие оказывает культура в целом, накопленные знания, опыт, социокультурные традиции.

Как говорил Карл Маркс, человеческий череп представляет собой самую неприступную крепость, поэтому и антикоррупционное сознание невозможно сформировать за один день, и даже год. Необходимо длительное время, которое, возможно, будет исчисляться десятилетиями. Учитывая свидетельство профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова о том, что разруха начинается в головах, и начинать лечить общество от коррупции тоже следует отсюда же посредством формирования антикоррупционного сознания.

Антикоррупционное сознание формируется под воздействием системы социальных факторов, к которым можно отнести следующие: семья и воспитание в ней; среда общения и взаимоотношений субъекта и профессия;

экономические, политические, социальные и правовые взгляды, распространенные в обществе (общественное мнение); образование; место жительства; средства массовой информации.

Институт семьи является первичным звеном в формировании антикоррупционного сознания. А ведь если разобраться, то мы сами же порой в личности формируем «коррупционное сознание» с малых лет, начиная с детского сада и школы. Уже там ребенок видит, как мы, сдаем в родительский комитет денежные средства на «подарки воспитателям и учителям», а также каждый год первого сентября отправляем ребенка в школу с дорогим букетом цветов. Учитывая, что все воспитатели и педагоги любят детей и, как правило, относятся ко всем одинаково, с материнской заботой, можем сделать вывод, что отношение ко всем детям одинаково хорошее. Дети в свою очередь делают вывод, что воспитатель или педагог проявляет благосклонность именно ко мне и именно из-за символического знака внимания, проявленного в символическом подарке. Вроде бы мелочь, а в подсознании у ребенка остается неизменная социальная норма, которая и продолжает передаваться из поколения в поколение.

Именно в семье ребенок нередко видит, как мама или папа, идя на прием к врачу или в какую-либо организацию для решения различных проблем бытового характера, в знак благодарности берут с собой «бутылку шампанского и коробку конфет» для благоприятного решения вопросов.

Такие уроки возмездных отношений, полученные в раннем возрасте, переходят потом в большую взрослую жизнь, где, как правило, уже «дары» не ограничиваются малыми суммами.

Именно в семье и начинают закладываться моральные ценности, жизненные принципы и ориентиры, которые и являются фундаментом в формировании антикоррупционного сознания личности.

Среда общения и взаимоотношений также будет играть свою роль в формировании антикоррупционного сознания посредством определенного коррупционного давления на личность и «проверять на прочность» ее морально-психологическую готовность противостоять этому давлению. Так сложилось в обществе, что за оказание каких-либо услуг (работ) иной деятельности принято человека благодарить. Учитывая человеческое стремление к получению выгоды для себя и своих близких, не все готовы устоять перед таким искушением.

Если рассматривать некоторые статистические данные в соответствии с официальной статистикой 2009 года, то абсолютно коррупционно чисты Национальный банк Республики Беларусь, Госкомитет по науке и технологиям, а

также Белтелерадиокомпания. Если переходить от положительных примеров к негативным, то можно построить рейтинг наиболее зараженных государственных ведомств. За основу рейтинга можем взять количество обнаруженных в коллективах различных государственных структур коррупционеров.

Возглавляют ранг предприниматели (640), далее местные органы власти (352), коопсоюз (99), Министерство внутренних дел (75) (Сведения ИАЦ Управления МВД о регистрации и предварительном расследовании коррупционных преступлений по Республике Беларусь за 2009 год.).

Таким образом, мы видим, что от сферы деятельности субъекта также зависит вовлечение его в коррупционную деятельность, что влияет на формирование антикоррупционного сознания.

Что касается экономических, политических, социальных и правовых взглядов, распространенных в обществе, так называемого общественного мнения, то граждане в нашей стране предрасположены к тому, чтобы давать взятки.

Предлагаю рассмотреть результаты исследования, озвученные в ходе проведения Республиканского круглого стола «Коррупционные риски кадрового потенциала Беларуси как препятствие на пути реализации прав человека» 18 мая 2019 года старшим преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия В. В. Юдиным. На вопрос анкеты: «Как Вы относитесь к неофициальным вознаграждениям должностных лиц?» 12,2 % заявили, что они считают себя обязанными отблагодарить «благодетеля», если вопросы все решены положительно, и 15,6 % отблагодарят в случае хорошего результата. Практически каждый десятый из опрошенных (9,7 %) таких «благодарностей» придерживается, т. к. считает, что это традиция. Еще 16,7 % респондентов делает различного рода вознаграждения в силу того факта, что иначе не будет положительных результатов. И только трое из десяти респондентов (29,2 %) считают, что делать разного рода неофициальные вознаграждения — это недопустимо в принципе. Есть еще и те, кто затруднился с ответом — 15,5 %, тут тоже однозначно нельзя утверждать об их готовности противостоять коррупции (Республиканский круглый стол «Коррупционные риски кадрового потенциала Беларуси как препятствие на пути реализации прав человека» 18 мая 2019 года, г. Могилев).

Определенно можно сделать вывод, что общественное мнение поощряет одну из самых болезненных проблем белорусского общества.

Предлагаю рассмотреть некоторые подходы, касающиеся влияния образования на профилактику коррупционных проявлений в обществе и формирование антикоррупционного сознания.

Если говорить об образовании, то опять, как бы этого ни хотелось, придется вернуться к институту семьи. Вообще коррупционные проявления в си-

стеме образования встречается редко, и роль школьного образования в процессе социализации подрастающих поколений трудно переоценить. Но, к сожалению, это в определенной мере относится и к приобщению молодежи, что называется «с малых лет», к практике мздоимства, если мы вспомним все тот же невинный «букет цветов» или «коробку конфет». Если бы дело ограничивалось только цветами — этой традиционной формой проявления уважения. Не так уж редко подарки учителям выходят за рамки символических знаков внимания [1].

Известно, что главной задачей образования всегда было обучение и воспитание. И здесь мы видим некоторую взаимосвязь в так называемом звене «образование — воспитание». И именно как одну из форм антикоррупционного воспитания необходимо определить антикоррупционное образование, которое и должно стать одним из основных источников формирования антикоррупционного сознания. А здесь уже есть небольшой пробел.

В рамках образовательного процесса в учреждениях высшего образования на первой ступени, только лишь в зависимости от профиля обучения, а не на всех специальностях, учебные планы предусматривают изучение учебной дисциплины «Противодействие коррупции». А что мешает изучать данную дисциплину в рамках подготовки различных специалистов, независимо от сферы и профиля обучения? Ведь проблема коррупции остро стоит во многих сферах и это нужно учитывать при подготовке всех специалистов, а не только направлений права, экономики и управления.

Если рассматривать такой «территориальный фактор» формирования антикоррупционного сознания, как место жительства субъекта, то здесь тоже возможно увидеть некоторые закономерности. Урбанизация повышает коррупционную активность должностных лиц.

Согласно статистическим данным, полученным в ходе многочисленных анкетных опросов, проведенных в Могилевской области в период с 1998 года по 2008 год, жизнь в большом городе, похоже, действует на граждан развращающе. Во всяком случае давать и брать взятки жители города областного масштаба соглашались почти в два раза чаще, чем обитатели районных центров (соответственно 41 % и 23 %) [1].

Еще одно исследование было проведено представителями Могилевского государственного университета продовольствия с целью выявления специфики освещения коррупционных преступлений в государственных электронных СМИ на примере интернет-сайта информационного агентства БЕЛТА методом контент-анализа. Выборочная совокупность контент-анализа составила 49 уникальных публикаций на сайте belta.by за 1-е полугодие 2018 года (т. е. за период с 1 января по 1 июля 2018 г.). Одним из индикаторов контент-анализа было место совершения коррупционного правонарушения.

В ходе процедуры контент-анализа было установлено, что информационный ресурс *belta.by* преимущественно сфокусирован на освещении коррупционных преступлений, совершаемых на территории г. Минска (40,8 %). Также интернет-сайт уделяет достаточное внимание правонарушениям, которые регистрируются в районных центрах Беларуси (34,5 %) и областных центрах (26,5 %). Доля публикаций о коррупционных эксцессах в сельской местности незначительна и составляет всего 4 %. Интересно, что проведенный ранее контент-анализ независимого новостного портала *Naviny.by* показал приблизительно схожую картину (Республиканский круглый стол «Коррупционные риски кадрового потенциала Беларуси как препятствие на пути реализации прав человека» 18 мая 2019 года, г. Могилев).

Еще одним фактором формирования антикоррупционного сознания является проведение информационной политики через средства массовой информации по контрпропаганде непомерного обогащения, безудержного потребления, вещизма и ложных представлений о жизненном успехе. На смену популяризации потребительства и роскошного образа жизни должна прийти взвешенная пропаганда идеологии социальной справедливости, профессионализма и высококвалифицированного труда, качественного образования и здорового образа жизни.

Многомиллионные суммы взяток, злоупотребление служебным положением, легализация доходов преступным путем и многое другое присутствует почти каждый день в информационных ресурсах на телевидении и информационных порталах сети Интернет. С одной стороны, работает как фактор устрашения, а с другой, наоборот, — формирует в сознании уже некоторую норму в модели поведения отдельно взятых субъектов.

Трансляция по телевидению даже социальной рекламы, а также серьезные аналитические передачи по данной тематике будут способствовать привлечению широких масс к проблеме коррупции.

Таким образом, рассмотренные факторы непосредственно или опосредованно будут оказывать влияние на формирование антикоррупционного сознания. Нельзя утверждать, что это исчерпывающий перечень, но названные факторы — основные. Если учитывать роль каждого из них, то можно скорректировать государственную политику в решении одной из самых болезненных проблем современного белорусского общества — противодействия коррупции.

1. Бубнов Ю. М. Социологические очерки мздоимства. Минск : Издательский центр БГУ, 2010. 256 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ПРАВО НА РАЗВИТИЕ — ПРАВО НА КОНФЛИКТ

Л. Н. Цой

генеральный директор, кандидат социологических наук,
Московская школа конфликтологии (Россия)
e-mail: tsoi-05@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание международной Декларации права на развитие; показаны противоречивые и конфликтные процессы развития и функционирования; описана содержательно-функциональная связь между понятиями «право» и «конфликт»; раскрыт понятийный статус конфликта в управленческой деятельности; обосновывается органическая связь права на развитие с правом на конфликт в борьбе за будущее.

Ключевые слова: международная декларация, право на развитие, право, содержательный конфликт, развитие, функционирование, субъекты развития, управленческая деятельность.

Annotation. The article reveals the content of the international Declaration of the right to development; shows the contradictory and conflicting processes of development and functioning; describes the content and functional relationship between the concepts of «law» and «conflict»; reveals the conceptual status of conflict in management; justifies the organic relationship of the right to development with the right to conflict in the struggle for the future.

Keywords: International Declaration, right to development, law, content conflict, development, functioning, development subjects, management activities.

Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» дает основания полагать, что Россия обретает суверенное право на развитие в разных сферах деятельности [1]. В послании В. В. Путина к Федеральному Собранию было отмечено, что в России «четко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед в профессии, знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела» [2].

Согласно международной Декларации о праве на развитие, основным субъектом процесса развития является Человек, который должен быть активным участником и бенефициарием (выгодоприобретатель) права на развитие. Государства несут основную ответственность за создание национальных и международных условий, благоприятных для осуществления права на развитие [3].

Генеральная Ассамблея ООН отмечает, что развитие является всесторонним процессом, направленным на постоянное повышение благосостояния всего населения и всех лиц на основе их активного, свободного и конструктивного

участия в развитии и в справедливом распределении создаваемых в ходе его благ.

Многие люди испытывают большую потребность в реализации своего права на достойную жизнь, свободу и равные возможности. Недостаточность развития напрямую сказывается не только на осуществлении целого ряда гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, но и на качестве жизни каждого человека.

Право на развитие предполагает и право на знания о процессах развития.

Часто, говоря о развитии, управленцы имеют в виду широкий спектр понятий — от экономического роста с сохранением тех же бизнес-процессов, до приобретения новых качеств. При проектировании систем управления (общественного и экономического развития) некоторые исследователи предлагают рассматривать концепт концептуализации права на развитие в контексте пятерки системных типов:

- создание;
- функционирование;
- поддержание;
- развитие;
- ликвидация [4].

Это относится как к общественному, так и к экономическому развитию, последнее вынуждает общественное развитие как средство собственного развития, но по мере удовлетворения потребностей само становится средством, уступая приоритет общественному, ценностному развитию. Исследователи пока еще не задаются вопросом «платы за неразвитие» как платы за упущенную выгоду.

Управление развитием и руководство функционированием.

«Развитие» один из наиболее интригующих концептов в теории систем В рамках теории деятельности, для которой идеи развития и воспроизводства деятельности являются центральными, различаются два вида управленческой деятельности — руководство и управление, которые принципиально отличаются друг от друга [5].

Устойчивость организации определяется выполнением определенных функций, основополагающими отношениями которых являются отношения руководства и подчинения, между которыми устанавливаются определенные организационные отношения в зависимости от задач и целей организации.

Функции не имеют самостоятельных целей и задач, а принимают цели и задачи руководящих органов — это естественное состояние организации, в которой руководство является основным инструментом управления, которое осу-

ществляется за счет действия внутренних законов самодвижения управляемой организации как системы.

Деятельность руководства может осуществляться в рамках организационно-административных структур в ситуации, когда руководимые функции целиком и полностью принимают цели и задачи руководящих органов, что позволяет передавать их непосредственно от руководителя к руководимым / подчиненным.

В случае если руководство ставит новые цели и задачи (то есть стремится к изменению и развитию организации), то необходимо изменить естественную траекторию движения управляемой системы на искусственную. То есть нужна деятельность над деятельностью — это и есть управление.

Итак, если руководство как управленческая деятельность необходимо для устойчивой организации, то управление как деятельность над деятельностью необходимо для организации в ситуации развития. Управление в рамках теории деятельности — это деятельность над деятельностью, в которой «верхняя» функция за счет знания, понимания, рефлексии и мышления охватывает и направляет деятельность «нижних» функций. Говоря о развитии, имеется в виду наличие внешних требований и самодвижение деятельности (посредством механизмов воспроизводства и рефлексии).

То есть развитие — это естественно-искусственный процесс рационального действия по изменению и перестройке деятельности, способа жизни социального организма (общества, организации, группы, человека), который представляет собой образ кентавра, сложный симбиоз человеко-машинных-информационных систем.

При проектировании систем управления (общественного и экономического развития) некоторые исследователи предлагают рассматривать концепт концептуализации права на развитие в контексте пятерки системных типов, которые конфликтуют между собой по определению. Примеры:

- создание;
- функционирование;
- поддержание;
- развитие;
- ликвидация [6].

Находясь в ситуации развития, субъект развития находится в среде где, с одной стороны, идет конкуренция за ресурсы (борьба за власть, ресурсы, влияние, финансы, информацию, технологии и прочее), с другой — идет поиск тех, с кем возможно сотрудничество и кооперация. По логике, требования к субъектам развития должны быть сфокусированы / сконцентрированы в рамках прав, обязанностей, ответственности и профессиональной компетентности.

Содержательно-логическая связь между понятиями «право» и «конфликт».

Процесс развития предполагает, что субъект развития сам определяет, что он создает, что в этом создании будет устойчивым функционированием, что он будет поддерживать, что развивать и что ликвидировать. Например, если развитие является ценным процессом в жизни человека, то внутриличностный конфликт является той питательной средой, тем условием, которое необходимо для развития личности. Если имеется в виду развитие организации, то условием развития являются инновационные проекты и технические / технологические инновации, которые выявляют конфликтующие группы по отношению к развитию. Если имеется в виду развитие общества, то социальные / технические / технологические инновации, необходимые для развития, встречают сопротивление граждан и актуализируют конфликты между большими группами людей.

В любом случае конфликты являются неотъемлемой компонентой процесса развития. И если признается право на развитие, то логично, что право на конфликт является неотъемлемым правом каждого человека, группы, общества, в ситуации развития. Некоторые примеры из области прав как причины конфликтов:

- право на рождение — право на эвтаназию;
- право на развитие медицины — право на ограничение (запрет на клонирование);
- право на стабильность — право на развитие;
- право на национальный суверенитет — право сильного в мире.

Развитие всегда ограничено, один субъект ограничивает другого. Может иметь место не просто ограничение, но и целенаправленное разрушение другого, в интересах развития субъекта. Ничем не ограниченное развитие дает колоссальные эффекты. Например, за счет распада СССР обогатились и экономически усилились страны ЕС и США.

Конфликт в ситуации развития требует особого изучения и защиты конфликтующих субъектов в интересах развития, но не в ущерб другому [7].

Права двух субъектов конфликтуют между собой по определению. Если право — это ограниченная возможность двух субъектов, имеющих право чего-то достичь или что-то получить, то такое право конфликтующим субъектам может гарантировать / обеспечивать только третий субъект. Этим третьим субъектом может быть только государство, а значит законы.

Понятийный статус конфликта в управленческой деятельности.

Развитие общества связано с будущим общества, в котором конфликт должен занять достойное место. Чем больше решений будет отыскано, тем больше будет и конфликтов. Но какой конфликт? Конфликт, предметом кото-

рого являются вопросы и проблемы развития права, деятельности, организации, общества, можно выделить в особую группу содержательных конфликтов. Чем больше проблем, тем больше решений потребуется.

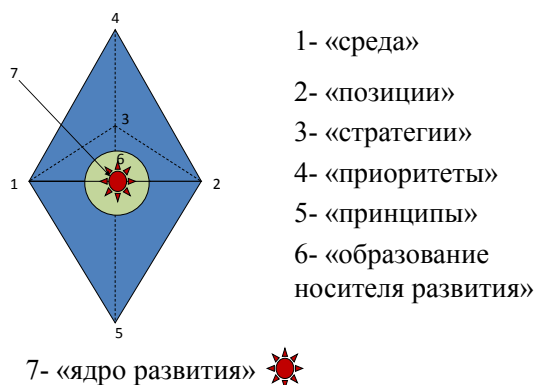
В этих конфликтах есть возможность направить конфликтный потенциал в русло инновационных решений, в русло развития.

Существует задача, которую предстоит решать субъекту развития — это стресс, чем больше конфликтов, тем больший стресс. Ни для кого не новость, что чем более развита нация, тем быстрее скорость изменений, тем большему стрессу подвергаются люди и тем более распространенными становятся психологические проблемы, вызванные стрессом. Чтобы избежать стресса отдельные люди и даже целые нации часто выбирают не решать проблемы. Для них конфликт может оказаться потенциально более болезненным, нежели жить с проблемой, требующей поиска решения.

Только в контексте изменений и развития жизнедеятельности и мыслительности конфликт приобретает понятийный статус в управленческой деятельности, в которой значимое место занимают: среда, позиции, стратегии, приоритеты, принципы, образование субъекта развития.

На рисунке показаны основные элементы базисной структуры изменения и развития.

Основные элементы базисной структуры изменения и развития.



Основные элементы базисной структуры изменения и развития

Если развитие — это дефицитный ресурс, то борьба за дефицитный ресурс — это содержательный конфликт.

Право на развитие непосредственно связано с потребностью в инновациях — это потребность общества и государства. В поиске ресурсов неразрешимого противоречия, в котором оказался человек, между конечными (ограниченными) ресурсами (природными и социальными) и бесконечными (неограниченными, одинаковыми, противоречивыми) потребностями и интересами. Призна-

вая неустранимое противоречие в жизни людей, необходимо отметить, что конфликт — это нормальное явление и системный фактор, который по природе своей амбивалентен и разнороден.

Это позволяет каждому человеку осознать место конфликта в своей жизни, обнаружить инновационный ресурс и использовать конфликт в целях развития. Если ценностью конфликта является развитие, то проигравших нет. Ценность содержательного конфликта в организации / обществе / государстве — это ценность конфликтно-инновационного потенциала людей, осознанно реализующих инновации и ограничивающих борьбу за ресурсы, сопровождающуюся насилием, враждой и ненавистью, взаимоисключающими требованиями.

Содержательный конфликт связан с природой изменений, который представляет собой природу жизни.

Роль государства в ситуации развития велика — это защита субъектов развития от части необразованного общества и от чиновников институтов функционирования.

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федер. // Официальный сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 07.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Стенограмма Послания Путина Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // Официальный сайт «Президент России». URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html> (дата обращения: 07.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Статья 2;4. Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. // Официальный сайт «Консорциум Кодекс». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739103> (дата обращения: 07.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Кучкаров З. А. Элементы. Идеи. Мысли. Выводы. 1989–2016. Из-во ООО «Написано пером», 2016. [Вернуться к статье](#)

5. Путеводитель по методологии Организации, Руководства и Управления. Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого: Дело ; Москва; 2003. [Вернуться к статье](#)

6. Кучкаров З. А. Элементы. Идеи. Мысли. Выводы. 1989–2016. Из-во ООО «Написано пером», 2016. [Вернуться к статье](#)

7. Цой Л. Н. Рефлексивное управление конфликтами// Рефлексивные процессы и управление // Сборник материалов VIII Междунар. симпозиума, 18–19 окт. 2011 г., Москва / под ред. В. Е. Лепского. М. : Когито-Центр, 2011. С. 259–262. [Вернуться к статье](#)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 340.114.5+159.9:34

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

И. Л. Вершок

доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: viarshok_irina@mail.ru

***Аннотация.** Рассматриваются два вида когнитивных процессов как результат правового воздействия: стереотипный массовый, отражающий нормативность в ее описательном смысле и последовательный индивидуальный с нормативностью как императивом.*

***Ключевые слова:** правосознание, когнитивный процесс, правовое воздействие.*

***Annotation.** Two types of cognitive processes are considered as a result of legal influence: a stereotypical mass process that reflects normativity in its descriptive sense, and a consistent individual process with normativity as an imperative.*

***Keywords:** legal consciousness, cognitive process, legal influence.*

Правовое регулирование и соответствующее ему правовое воздействие априорно направлено на субъектов, обладающих одинаковым «набором» усредненных физиологических, нервно-психических и когнитивных параметров, что, соответственно, должно предопределять постоянную и одинаковую их способность понимать цель, содержание и результаты такого регулирования. При осуществлении правового регулирования предполагается, что у каждого субъекта есть потенциал точного идеального отражения правовых норм в сознании, которое впоследствии обуславливает их реализацию в правовом поведении. Только в случае факта нарушения правовых норм становится актуальным вопрос о наличии искажений в реализации отражательной функции правосознания субъекта права, ставшего субъектом правонарушения (субъективная сторона состава).

Так, «по причине переоценки роли закона приверженцы правового централизма склонны неоправданно предполагать, что акторы знают и выполняют <все> правовые нормы» [1, с. 258], что существенно обеспечивает формальную

определенность права. Однако «допущение о рациональности человека является упрощением, которое искажает реальность» [1, с. 286]: у аналитиков, «использующих модель рационального актора, концепция мотивации человека слишком стерильна и асоциальна» [1, с. 432]. Тем более что на основе экономического подхода информация о праве, подвергаемая утилитарному анализу путем оценки выгод и транзакционных издержек, признается дорогостоящей, в связи с чем «когнитивные способности людей часто являются ограниченными из-за ресурсной скудости объектов восприятия», поэтому возможности авторов по приобретению правовой информации часто ассиметричны [1, с. 497].

На самом деле «мир в наших головах не представляет собой точное механическое отражение реальности, наши оценки искажены распространенностью и эмоциональной интенсивностью окружающей нас информации». Вследствие чего А. Дамасио отводит ключевую роль в процессе сознательной деятельности по принятию решений не рациональным мыслительным процессам, а связывает такую деятельность преимущественно с «эмоциональными оценками результатов, связанными с физическими реакциями организма и вызываемыми ими тенденциями приближаться или избегать» [2, с. 188–189], что неприемлемо игнорировать применительно к правовой системе. Используя достижения современной когнитивной психологии, необходимо признать, что качество правового воздействия связано с влиянием не только на рациональную часть поведения человека, но и на нерациональные, импульсивные акты, влекущие за собой значительные стереотипные массовые когнитивные искажения, что требует изучения.

Различные когнитивные искажения, вызванные ограниченной рациональностью [3, с. 277], обусловлены внутренними, психоэмоциональными, факторами, а также влиянием объектов окружающей среды: «сложный комплекс факторов, в частности когнитивный диссонанс и издержки приобретения малопонятной <либо ограниченной> правовой информации, может привести к тому, что люди станут реагировать на правовые изменения неожиданными способами» [1, с. 197].

Что касается внутренних, психоэмоциональных факторов общих когнитивных искажений, то они подробно рассмотрены в психологической литературе, что предполагает адаптацию и дальнейший анализ имеющейся информации в рамках юридических исследований. Например, достаточно распространенной в настоящее время является попытка снять имеющиеся когнитивные искажения, обычно именуемые в теоретико-правовых исследованиях как правовой нигилизм и идеализм, низкий уровень правового сознания или культуры, путем «всеобщей правовой информатизации», повышения уровня правосознания от обыденного до профессионального или даже научного [4, с. 31]. Она далеко не

всегда имеет успех. Дело в том, что такие когнитивные процессы осознания транслируемой правовой информации, как «быстрое мышление» и «медленное мышление», имея существенные различия, предполагают разные результаты правового воздействия.

Быстрое мышление, изучаемое Д. Канеманом в качестве «системы 1», действует автоматически. Будучи широко распространенной в сфере когнитивных процессов, обуславливающих поведение субъекта в рамках правового регулирования, такая система противостоит сложным и более длительным процедурам обдумывания и оценки информации «системой 2» (медленное мышление). «Система 1» «порождает впечатления, чувства и склонности», характеризующиеся массовостью, типичностью и наибольшей распространенностью. Если в дальнейшем «система 2» принимает их, то они становятся «убеждениями, позициями и намерениями» [2, с. 141], происходит рациональная обработка информации, причем такое «обдумывание связано с затратами времени, а бесконечные инновации сопряжены с риском» [1, с. 287].

Учитывая высокую затратность работы мыслительной «системы 2», предполагающую наибольшие усилия (напряженность сознания) и время (сложную темпоральность сознания), большинство актов правового регулирования ограничивается воздействием на быстрое мышление субъекта права. Это обусловлено природой мыслительного процесса человека, и поэтому наиболее эффективным достаточно часто представляется «настройка» правового регулирования на стереотипы быстрого мышления, выражающиеся в общих культурных традициях, образцах для подражания, развитых методом проб и ошибок [1, с. 287], а не, наоборот, форматирование правосознания под новые правовые императивы. Более того, «профессионализация» правосознания может вызвать обратный, негативный, эффект — «изоляция специалистов от общественных эмоций приведет к внедрению политических мер, которые общество отвергнет» [2, с. 192–193].

Косвенными доказательствами двойственности когнитивных процессов правового воздействия могут служить эмпирические данные, полученные Р. Ч. Элликсоном путем социологических правовых исследований в сфере правового регулирования деятельности скотоводов округа Шаста, которые сопротивлялись восприятию информации, противоречащей «их фольклору»: не изменяя своих убеждений, ругали официальный источник нормы за некомпетентность. Однако такой «фольклор» в двух разных периодах своего развития по-разному отражался на качестве регулирования.

В начальный период, когда на поверхности появляется новая тема, которая может трактоваться фольклором, когнитивные линзы, фильтрующие информацию, имеют наименьшие искажения. На этом этапе, осуществляя выбор

между разными поверьями, члены группы подсознательно склонны отвергать те из них, которые не оправданы с экономической <наиболее рациональной> точки зрения [1, с. 217–224]. На втором этапе, когда первоначально выбранные поверья укореняются в сознании, имеет место сопротивление членов группы новой информации, противоречащей их убеждениям, что может привести к развитию норм, которые подсознательно не были приняты в условиях первого периода. То есть в первом периоде правовое воздействие оптимально рассчитывать преимущественно на работу «системы 2» (медленного мышления), оценивающей рациональность различных вариантов и только формирующей стереотип, потенциально способный стать правовой нормой, сочетающей в себе сущее и должное. Здесь поступки индивидуальны, а нормативность предполагает только описательность, правовая информатизация полезна и экономически обоснована.

Во втором периоде в большинстве своем работает «система 1» — быстрое мышление, не предполагающее сложные стадии рационального анализа целей и средств и достаточное для правового воздействия. Здесь индивидуальные поступки складываются в типичное правовое поведение, обладающее массовостью. Нормативность приобретает предписывающий, а не описательный характер и предполагает поведение, которое «люди должны имитировать, чтобы избежать наказания» [1, с. 244–235]. В таком случае наиболее целесообразна узкоспециализированная правовая коммуникация, необходимая и достаточная для знания стереотипа.

Национальная практика правотворчества и правоприменения в настоящее время переориентируется с юридического регулирования общественных отношений и соответствующего однонаправленного государственно-правового воздействия (информатизации) на диалогичное взаимодействие (коммуникацию) при подготовке и принятии, а также реализации нормативных правовых актов. Указанное смещение акцентов в политике правотворчества и правоприменения демонстрирует постепенный переход в интерпретации функционального предназначения правосознания от простого отражения окружающей действительности к его творческой, созидательной функции. В частности, ряд легитимирующих мероприятий, предусмотренных на законодательном уровне в качестве публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, правового мониторинга, правового эксперимента, предполагают содержательное переформатирование правосознания как рядовых граждан, привлекаемых к названным мероприятиям, так и лиц, участвующих в них на профессиональной основе. Такое «переформатирование» состоит не в просвещении либо воспитании, имеющем субъект-объектную структуру однонаправленного доведения правовой информации о необходимом поведении, а в сложных актах правовой коммуникации,

полилогично осуществляемой в условиях адаптации современного человека к быстрым изменениям в социокультурной и природно-биологической системе.

В частности, публичное обсуждение нормативного правового акта, осуществляемого на форумной интернет-площадке, особенно когда вносятся проекты, расширяющие границы или изменяющие метод правового регулирования, необходимо проводить несколько раз по одному и тому же предмету. Тем самым обеспечивается выявление сложившихся стереотипов быстрого мышления путем методики «диахронного сравнения» [5, с. 15–18]. Кроме того, применяя правило вероятности природных закономерностей и их подчиненности закону больших чисел, имплементируем его выводы на представленный в статье предмет изучения, также развивающийся по многим биологическим законам. «Чем выше порядок — тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок — тем больше возрастает роль случайности, и тем самым степень свободы» [6, с. 427]. Соответственно, репрезентативность исследований, проводимых для изучения массовых иррациональных компонентов правосознания, может быть обеспечена только в случае создания условий борьбы за норму права, наличия равноуровневости порядка проведения исследований, в определенной степени исключая случайности.

Осуществляемая в настоящее время практика единственного и краткосрочного обсуждения определенного проекта нормативного правового акта сводится к индивидуальным, неконсолидированным либо вообще эмоциональным оценкам, которые из-за свойственных искажений правосознания участников такого обсуждения иррациональными компонентами могут не обладать репрезентативным характером. Только после повторных обсуждений, в том числе организованных по поводу уже действующих нормативных правовых актов, можно совершать аналитическую попытку вычленив такие искажения, представив некий ценностный срез правосознания в его динамике и в разных «социальных контекстах» [1, с. 229], провести разграничение по группам интересов.

1. Элликсон, Роберт Ч. Порядок без права. Как соседи улаживают споры ; пер. с англ. М. Марков, А. Лащев ; науч. ред. перевода Д. Кадочников. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с. [Вернуться к статье](#)

2. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро ; пер. с английского А. Андреева, Ю. Делигиной, Н. Парфеновой. М. : АСТ, 2019. 653 с. [Вернуться к статье](#)

3. Познер Р. Рубежи теории права ; пер. с англ. И. Кушнаревой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 480 с. [Вернуться к статье](#)

4. Жуков В. Н. Правосознание: философский анализ // Государство и право. 2019. № 11. С. 18–32. [Вернуться к статье](#)

5. Матарас В. Н. Синтез наук и масштаб объекта в исследовании социогенеза государства // Право.by. 2016. №. 6. С. 15–18. [Вернуться к статье](#)

6. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. : Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с. ; цит. по: Матарас, В. Н. синтез наук и масштаб объекта в исследовании социогенеза государства // Право.by. 2016. №. 6. С. 15–18. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97

ЗНАЧЭННЕ КРЫМІНАЛІСТЫЧНАЙ МЕТОДЫКІ РАССЛЕДАВАННЯ РАСКРАДАННЯЎ У СФЕРЫ ІНФАРМАТЫЗАЦЫІ Ў КАНТЭКСЦЕ ФУНКЦЫЙ КРЫМІНАЛІСТЫКІ

П. А. Капіца

старшы следчы Ленінскага (г. Мінска) раённага аддзела
Следчага камітэта Рэспублікі Беларусь,
магістр юрыдычных навук
e-mail: p.kapitsa@sledcom.by

Анацыя. Арганізацыйная функцыя крыміналістыкі ў методыцы РРСІ рэалізуецца ў тым, што распрацаваныя рэкамендацыі дазваляць следчаму правільна планаваць сваю працу. Гэта асабліва важна на першапачатковым этапе расследавання. Так, ведаючы, якія дакументы падлягаюць даследаванню па справах аб раскраданнях у галіне распрацоўкі праграмных прадуктаў, следчы можа аператыўна і тактычна правільна правесці вобыскі і адаранні ў арганізацыях, дзе такія дакументы павінны захоўвацца.

Ключавыя словы: крыміналістычная методыка, інфарматызацыя, крыміналістыка.

Annotation. The organizational function of criminology in the methodology of RRSI is realized in the fact that the developed recommendations will allow the investigator to properly plan their work. This is especially important in the initial phase of the investigation. Thus, knowing which documents are to be investigated in cases of theft in the field of software development, the investigator can quickly and tactically conduct searches and seizures in organizations where such documents must be stored.

Keywords: Forensic methodology, informatization, forensics.

У Беларусі ў цяперашні час інфарматызацыя ўкараняецца ў многія сферы жыццядзейнасці дзяржавы і грамадства. Прыняты і рэалізуецца шэраг палажэнняў нарматыўных прававых актаў, якімі рэгулюецца інфарматызацыя. Канчатковай мэтай гэтага працэсу, пастаўленай Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь, з'яўляецца пабудова ІТ-краіны [1].

Разам з тым сфера інфарматызацыі можа падвяргацца крымінальнай актыўнасці. Гаворка ідзе пра сітуацыі, калі ў грамадзянска-прававыя адносіны з органамі і арганізацыямі, якім патрабуецца ўкараненне ў дзейнасць высокіх тэхналогій, уступаюць наўмысна нядобрасумленныя выканаўцы. Яны атрымліваюць аплату за распрацоўку праграмнага забеспячэння, але ад пачатку грамадзянска-прававых адносін з заказчыкам не маюць намеру на выкананне (належае выкананне) сваіх дагаворных абавязацельстваў. Акрамя гэтага, падчас інфарматызацыі дзяржаўных органаў і арганізацый у злачынную

дзеинасць могуць быць уцягнуты не толькі выканаўцы, але і службовыя асобы заказчыкаў, а таксама асобы, упаўнаважаныя арганізоўваць і праводзіць дзяржаўныя закупкі ў гэтай галіне.

Судова-следчая практыка прыцягнення да крымінальнай адказнасці нядобрасумленых выканаўцаў па дагаворах аб стварэнні праграмных прадуктаў і асоб, якія ім садзейнічаюць, пакуль не напрацавана. У сувязі з гэтым узнікае пытанне аб неабходнасці і значэнні распрацоўкі асобнай прыватнай крыміналістычнай metodyкі расследавання раскраданняў і злачынстваў супраць інтарэсаў службы ў сферы інфарматызацыі (далей — metodyка РРСІ). На нашу думку, адсутнасць у крымінальным працэсе эмпірычнай базы не значыць, што не павінны праводзіцца даследаванні, накіраваныя на прапанаванне навукова-абгрунтаваных рэкамендацый па расследаванні злачынстваў дадзенага віду.

Значэнне metodyкі РРСІ найлепш можна раскрыць у кантэксце функцый крыміналістыкі. А. В. Дулаў адзначаў, што вызначэнне функцый навукі дае магчымасць правільна вызначыць напрамак і змест даследаванняў. Навуковец вылучаў наступныя функцыі крыміналістыкі: пазнавальная; прагнастычная; пераўтваральная; сінтэзаваная; арганізацыйная; функцыя стварэння метадычных, тактычных асноў расследавання, тэхнічнага аснашчэння дзейнасці па расследаванні; функцыя акумуляцыі ведаў, метадаў, сродкаў іншых навук [2, с. 10–13].

Кожная з пералічаных функцый крыміналістыкі павінна рэалізавацца ў распрацаванай metodyцы РРСІ.

Пазнавальная функцыя крыміналістычнай навукі ў metodyцы РРСІ ажыццяўляецца ў апісанні механізма раскраданняў і злачынстваў супраць інтарэсаў службы ў інфарматызацыйнай сферы, выяўленні заканамернасцей паміж дзеяннямі падазроных і пакінутымі імі ў навакольнай рэчаіснасці (някасна распрацаваныя камп'ютарныя праграмы, дакументы, перапіска і інш.) слядамі-адлюстраваннямі злачынства.

Methodыка РРСІ з'яўляецца ўвасабленнем прагнастычнай функцыі крыміналістыкі. Мадэляванне механізмаў раскраданняў у галіне інфарматызацыі і ўзгаданае вышэй вызначэнне заканамернасцей узнікнення слядоў-адлюстраванняў злачыннай дзейнасці дазваляць распрацаваць неабходныя рэкамендацыі па расследаванні такіх злачынстваў. Следчыя не будуць «даганяць» раскрадальнікаў, сутыкнуўшыся з новым відам супрацьпраўнай дзейнасці і вызначаючы сродкі і метады забеспячэння даказвання. Яны змогуць выкарыстаць палажэнні ўжо наяўнай metodyкі РРСІ. Таксама варта адзначыць, што прагназаванне павінна быць заснавана не на асабістых уяўленнях даследчыка, а на палажэннях metodyк расследавання

іншых падобных злачынстваў (раскраданняў у бюджэтай сферы, у галіне дзяржаўных закупаў і інш.), нарматыўных прававых актаў, якімі рэгулюецца інфарматызацыйная сфера, правапрымяняльнай практыкі грамадзянскіх судаў па разгледжанні спрэчак, звязаных з распрацоўкай камп'ютарных праграм.

Пераўтваральная функцыя крыміналістыкі выражаецца ў методыцы РРСІ ў яе прафілактычнай накіраванасці. Па-першае, крыміналістычная методыка павінна змяшчаць навукова-абгрунтаваныя парады па арганізацыі папярэджання ўчынення адпаведных злачынстваў. Напрыклад, гэта рэкамендацыі па ўнясенні ў арганізацыі-заказчыкі прадстаўленняў аб устраненні прычын і ўмоў, якія садзейнічаюць учыненню злачынстваў з канкрэтнымі прапановамі таго, што патрэбна змяніць у парадку працы арганізацыі, каб прадухіліць учыненне раскраданняў. Па-другое, сама наяўнасць методыкі РРСІ пры дасведчанасці аб ёй магчымых махляроў можа пэўным чынам стрымаць іх ад някаснага выканання дагаворных абавязацельстваў. Акрамя гэтага, пераўтваральная функцыя рэалізуецца ў распрацоўцы парад па пакрыцці шкоды, прычыненай раскрадальнікамі заказчыкам праграмных прадуктаў.

У методыцы РРСІ сінтэзаваная функцыя крыміналістычнай навукі праяўляецца ў тым, што падчас даследавання адбываецца не толькі апісанне злачынных дзеянняў, але і на падставе абагульненняў робяцца пэўныя высновы і прапануюцца навукова-абгрунтаваныя рэкамендацыі па расследаванні раскраданняў. Напрыклад, вывучыўшы практыку судовай калегіі Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь па справах інтэлектуальнай уласнасці па разглядзе спрэчак аб распрацоўцы і ўдасканаленні камп'ютарных праграм, можна зрабіць агульную выснову аб тым, што падпісаныя акты выкананых прац ацэньваюцца судом як доказ належнага распрацавання праграмных прадуктаў [3]. Адсюль вынікае той факт, што нядобрасумленныя выканаўцы розным чынам могуць вымушаць прадстаўнікоў заказчыкаў падпісваць акты пры адсутнасці фактычна створаных камп'ютарных праграм. У гэтай сувязі рэкамендацыямі для следчага выступаюць выніцце, агляд і аналіз падпісаных актаў выкананых прац, выяўленне акалічнасцей іх падпісання.

Арганізацыйная функцыя крыміналістыкі ў методыцы РРСІ рэалізуецца ў тым, што распрацаваныя рэкамендацыі дазваляць следчаму правільна запланавать сваю працу. Гэта асабліва важна на першапачатковым этапе расследавання. Так, ведаючы, якія дакументы падлягаюць даследаванню па справах аб раскраданнях у галіне распрацоўкі праграмных прадуктаў, следчы можа аператыўна і тактычна правільна правесці вобыскі і адабранне ў арганізацыях, дзе такія дакументы павінны захоўвацца.

Рапрацоўка методыкі РРСІ з'яўляецца ўвасабленнем функцыі стварэння метадычных асноў расследавання. Акрамя гэтага, дадзеная методыка павінна змяшчаць і рэкамендацыі па ўзаемадзеянні са спецыялістамі ў галіне камп'ютарнай тэхнікі, праграмавання, па прызначэнні камп'ютарна-тэхнічнай экспертызы, а гэта датычыць тэхнічнага забеспячэння расследавання. Таксама яна можа змяшчаць парады па правядзенні асобных следчых дзеянняў, што адносіцца ўжо да стварэння тактычных асноў расследавання.

Функцыя акумуляцыі ведаў, метадаў, сродкаў іншых навук ў методыцы РРСІ рэалізуецца праз выкарыстанне для арганізацыі паспяховага расследавання ведаў такіх юрыдычных навук, як грамадзянскі працэс, права інтэлектуальнай уласнасці, грамадзянскае, гаспадарчае і фінансavae права, а таксама пэўных ведаў, метадаў і сродкаў інфарматыкі.

Такім чынам, методыка РРСІ цалкам узгадняецца і дазваляе рэалізаваць у адпаведнай частцы ўсе функцыі крыміналістычнай навукі. У гэтым заключаецца значэнне дадзенай методыкі. Разам з тым яе распрацоўка ў дакладнай адпаведнасці з функцыямі крыміналістыкі дазваляе вызначыць правільны напрамак і задачы даследавання, канчатковай мэтай якога з'яўляецца стварэнне эфектыўных рэкамендацый, метадаў і сродкаў выяўлення, раскрыцця, расследавання і прафілактыкі раскрадніняў і злачынстваў супраць інтарэсаў службы ў галіне інфарматызацыі.

1. Совещание по проекту Декрета «О развитии цифровой экономики» [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-po-proektu-dekreta-o-razvitii-tsifrovoj-ekonomiki-17630/ (дата обращения: 08.01.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. 415 с. [Вернуться к статье](#)

3. Решения Судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности: компьютерные программы [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/comp/ (дата обращения: 03.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 346

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ

О. М. Куницкая

доцент кафедры финансового права
и правового регулирования хозяйственной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: volhakun@mail.ru

***Аннотация.** В статье исследуются правовые условия для развития отношений, складывающихся с участием инвесторов на инвестиционных интернет-платформах. Установлено, что для построения эффективной системы правового регулирования важно учитывать децентрализованную природу краудфинансов, мультифункциональность сервисов краудплатформ, а также важность поэтапного внедрения механизма их регулирования.*

***Ключевые слова:** краудфандинг, краудинвестинг, цифровые технологии, краудфинансирование осуществления инвестиций, фандрейзинг.*

***Annotation.** The article examines the legal conditions for the development of relations emerging with the participation of investors on investment online platforms. It has been established that in order to build an effective system of legal regulation, it is important to take into account the decentralized nature of crowd financing, the multifunctionality of crowd platform services, and the importance of the phased implementation of the mechanism for their regulation.*

***Keywords:** crowdfunding, crowdinvesting, digital technology, crowdfunding investment, fundraising.*

Цифровизация одинаково коснулась всех сфер экономики и всех звеньев общественного воспроизводства [1, с. 53], планомерно и поступательно воздействуя на юридическую модель предпринимательства, создание правового механизма, обеспечивающего защиту интересов обладателей электронных активов, а также совершение юридических действий с такими объектами в информационных системах [2, с. 65], перспективы законодательного регулирования экономических отношений [3, с. 69].

Требуется создание так называемых кросс-отраслевых (пронизывающих, сквозных) правовых институтов в соответствии с цифровой моделью развития соответствующих отраслей экономики с использованием информационно-коммуникационных технологий [4, с. 200].

В эпоху глобального развития интернет-технологий возможность прямого общения большого числа индивидуумов, а также свободное распространение информации для неограниченного круга потенциальных партнеров делает менее

востребованным участие традиционных посредников во многих процессах. Результатом стало появление нового стандарта социально-экономических отношений, названных краудэкономикой. Такая экономическая модель основывается на системе децентрализованного распределения труда, материальных благ, финансовых и интеллектуальных ресурсов, где снижается роль государства как основного регулятора экономики, организатора и модератора многих перераспределительных процессов [5, с. 38].

С указанной точки зрения обосновывается возможность децентрализованной поддержки реализации инвестиционных проектов посредством краудфандинговых платформ. Они становятся реальной альтернативой банковскому сектору, поскольку имеют преимущества в связи с более низкими процентными ставками и быстрыми сроками получения денег. Изначально краудфандинг предоставлял возможность инициаторам разнообразных проектов собирать денежные средства на их выполнение у обычных граждан. Однако постепенно выгоды краудфандинга стали привлекать предпринимателей, для которых такая поддержка становится альтернативой грантам специальных фондов, а также венчурному и бизнес-ангельскому финансированию. Развитие краудфандинговой индустрии в различных странах мира ознаменовалось расширением качественного состава участников. Вследствие этого традиционное начальное определение краудфандинга как народного финансирования стало ограниченным.

В мировой практике используются несколько видов краудфандингового финансирования, каждый из которых характеризуется особой правовой природой отношений между участниками: безвозмездный краудфандинг, предполагающий отсутствие встречного предоставления для инвесторов; возмездный краудфандинг, при котором инвесторы получают встречное предоставление в виде продукта; краудлендинг, предполагающий, что инвесторы предоставляют финансирование (займ) реципиенту и получают через определенное время инвестируемый капитал плюс процент за пользование деньгами; акционерный краудфандинг, или краудинвестинг, предусматривающий финансирование в обмен на акции, доли в уставном фонде юридического лица [6, с. 214]. Развитие акционерной разновидности (краудинвестинга) потребовало предварительной доработки законодательства о рынке ценных бумаг, которая была осуществлена сначала в США, а потом к этому приступили другие страны, в том числе страны Европы [7, с. 302].

Краудинвестинг существенно отличается от венчурного инвестирования. Основное различие заключается в принципиально новой структуре сделки, в основе которой находится финансовое посредничество краудинвестинговых платформ, соединяющих микроинвесторов и компании, привлекающие финан-

сирование. Данная роль финансового посредника в некоторых странах уполномочена законом [8, с. 52].

Краудинвестинговые площадки — это сложный механизм, заменяющий банковский, однако так же, как и банки, данные площадки не застрахованы от рисков. Для минимизации рисков площадка может включать опцию анализа возможного финансового результата проекта, деловой репутации заемщика, благонадежности заемщика и т. д. [9, с. 78].

В Российской Федерации принят Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ содержит положения о цифровых правах.

Указанный Федеральный закон регулирует отношения между инвесторами и лицами, привлекающими инвестиции, которые находят друг друга с помощью инвестиционных платформ. Инвестиционная платформа использует с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоры инвестирования между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции путем: 1) предоставления займов; 2) приобретения эмиссионных ценных бумаг, размещаемых с использованием платформы, за исключением ценных бумаг кредитных организаций, некредитных финансовых организаций, а также структурных облигаций и предназначенных для квалифицированных инвесторов ценных бумаг; 3) приобретения утилитарных цифровых прав, означающих право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

В Республике Беларусь правовая база этого явления разработана пока еще недостаточно, несмотря на предпринятые в конце 2017 года серьезные шаги в формировании правового регулирования цифровой экономики. Согласно Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31, предусматривается развитие интернет-платформ (краудфандинга) в качестве инструмента взаимодействия инвесторов и соискателей (заказчиков) инвестиций.

Не учитывают в полной мере особенности данной технологии нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь в части регулирования соответствующего договора; Налогового кодекса Республики Беларусь в части налоговых отношений, Банковского кодекса Республики Беларусь, Указа Президента

Республики Беларусь от 01.07.2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» и др.

В условиях, когда не решен вопрос правовой природы краудфандинга, а также из-за отсутствия норм законодательства, которые в полном объеме регулировали бы порядок организации краудфандинга и его отдельных бизнес-моделей, осуществление данной деятельности в Республике Беларусь является достаточно высокорисковым в первую очередь для инвесторов.

Тем не менее модель краудинвестиционной площадки в Республике Беларусь реализуется интернет-ресурсом Investo.by. Площадка начала работать в январе 2015 года и выстраивает свою бизнес-модель в рамках имеющегося правового поля страны. Investo.by работает по принципу «все или ничего», инвестируя через покупку долей (акций) компании или предоставление им займов. Площадка является единым держателем доли инвесторов, которые приняли участие в финансировании проекта, и представляет их интересы. Стоит обратить внимание и на проект WikiBank. Модель финансирования инвестиционного проекта в рамках WikiBank подразумевает участие коммерческого банка в бизнес-процессах площадки через предложение посредством удаленных каналов банковского обслуживания оформления депозита (вклада). Оформленный депозит (вклад) направляется на поддержку представленного на площадке инвестиционного проекта, который заинтересовал инвестора. На площадке представлена полная информация о проекте, сроках и условиях финансирования, а также возможных бонусах и бенефитах, которые могут быть предоставлены инвестору заемщиком при успешной реализации проекта. В случае необходимости существует возможность продать свой депозит другому инвестору через организованную для этого биржу [10, с. 63].

В перспективе вполне реальным становится сотрудничество краудплатформ с банками, самостоятельное вложение капитала институциональными инвесторами (банками, частными и государственными фондами, финансовыми группами) в размещенные на площадках финансового краудинвестинга.

В целом в современных условиях задача поиска финансирования инновационных социальных, инфраструктурных, исследовательских проектов, которые заведомо не принесут экономического эффекта в краткосрочной перспективе, остается сложной. Поиск источников финансирования таких проектов связан с неразвитостью механизмов государственно-частного партнерства, ужесточением условий кредитования и общим негативным экономическим фоном. В этой связи представляют интерес источники и методы фандрайзинга наряду с поиском инвестора. Фандрайзинг (от англ. fundraising, to raise funds — «увеличение ресурсов») — процесс привлечения ресурсов, необходимых для реализации определенного проекта. Основные фандрайзинговые источники

(государство, фонды, бизнес, граждане) могут быть использованы в комплексе, особенно для финансирования первых этапов проектов [11, с. 1765].

Для построения эффективной системы правового регулирования краудфинансирования при осуществлении инвестиций важно учитывать децентрализованную финансово-экономическую природу краудфинансов, мультифункциональность сервисов краудплатформ, а также важность поэтапного внедрения механизма их регулирования.

В правовом поле Республики Беларусь должна быть предусмотрена также законодательная возможность продвижения краудтехнологий при финансировании инфраструктурных и прочих высокосоциальных проектов с использованием механизма государственно-частного партнерства и краудтехнологий (фандрайзинг).

1. Ачаповская М. Цифровизация экономики как драйвер инновационного развития // Банковский вестник. 2019. № 3. С. 52–58. [Вернуться к статье](#)

2. Соловяненко Н. И., Нетесова М. С. Цифровая трансформация и вопросы модернизации российского предпринимательского права // Colloquium-journal. 2019. № 3(27). С. 64–66. [Вернуться к статье](#)

3. Михайлов А. В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68–73. [Вернуться к статье](#)

4. Трунцевский Ю. В., Дадалко А. В. Цифровизация экономики: правовое обеспечение // Проблемы управления хозяйствующими субъектами в информационном обществе : материалы 8-го Междунар. науч.-практ. интернет-семинара, 15 апр. – 15 мая 2019 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: А. С. Залесовский (гл. ред.) [и др.]. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2019. С. 197–203. [Вернуться к статье](#)

5. Баталко В., Ткачев А. Возможности и риски краудфандинга и P2P-займов // Банковский вестник. 2018. № 5. С. 37–44. [Вернуться к статье](#)

6. Усень Е. В. Защита прав инвесторов в краудфандинговом финансировании // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 213–217. [Вернуться к статье](#)

7. Мотовилов О. В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 298–316. [Вернуться к статье](#)

8. Володин С. Н., Жирнов Г. А., Кадырова Р. Р. Краудинвестинг как новый способ венчурного финансирования // Валютное регулирование и валютный контроль. 2017. № 10. С. 50–58. [Вернуться к статье](#)

9. Литвинова Д. А. Краудинвестинг как новая форма инвестирования // Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. 2017. Т. 4. № 2. С. 73–81. [Вернуться к статье](#)

10. Киевич А. В., Койпаш Д. А. Краудинвестинг как альтернативная модель финансирования инвестиционного проекта // Экономика и банки. 2016. № 1. С. 58–64. [Вернуться к статье](#)

11. Спиридонова Е. В. Фандрайзинговые источники для высокотехнологичных инновационных проектов // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 11. С. 1761–1770. [Вернуться к статье](#)

УДК 338.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

О. С. Маковоз

профессор кафедры менеджмента и налогообложения,
доктор экономических наук, доцент,
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт» (Украина)
e-mail: mosua@meta.ua

***Аннотация.** Охарактеризована экономическая безопасность в сфере электронной коммерции как стабильное состояние системы в условиях экономического развития. Исследованы основные причины преступлений и угроз экономической безопасности в электронной коммерции. Предложены возможные направления решения задачи построения комплексной системы защиты от преступлений и угроз в электронной коммерции.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность, электронная коммерция, компьютерные преступления, технические средства, угрозы.*

***Annotation.** Economic security in e-commerce is described as a stable state of the system in the context of economic development. The main causes of crimes and threats to economic security in e-commerce have been investigated. Possible directions of solving the problem of building a comprehensive system of protection against crimes and threats in e-commerce are proposed.*

***Keywords:** economic security, e-commerce, computer crime, technology, threats.*

В условиях цифровой экономики уровень развития любого государства определяется обоснованной и целесообразной политикой, направленной на обеспечение экономической безопасности в условиях распространения использования цифровых технологий. Трудно представить современное общество без интернет-транзакций и электронной коммерции. При этом в процессе электронной коммерции возникает множество разнообразных угроз, связанных с организационными, правовыми и финансовыми проблемами в безопасности экономической деятельности. Под экономической безопасностью следует понимать стабильное состояние системы в условиях экономического развития. Наиболее распространенными причинами преступлений и нарушения безопасности в электронной коммерции являются: сетевые атаки; атаки на пароли и системы аутентификации пользователя; ошибки, сбои и отказы программного обеспечения системы электронной коммерции (далее — СЭК); вредоносные программные защиты; фальсификация; ошибки и другие непреднамеренные действия обслуживающего персонала СЭК.

Основными источниками угроз СЭК являются:

непреднамеренные угрозы, вызванные стихийными и техногенными катастрофами случайного характера, нарушающих непрерывность бизнес-процессов, доступность данных и сервисов СЭК, целостность данных;

ошибки пользователей и обслуживающего персонала СЭК;

преднамеренные действия злоумышленника, направленные на нарушение таких составляющих информационной безопасности, как доступность, целостность и конфиденциальность информации, циркулирующей в СЭК [1, с. 83].

Обеспечение экономической безопасности в сфере электронной коммерции — серьезная и непростая проблема, поскольку эта сфера молодая, много организационно-правовых отношений еще только формируются и закрепляются, компьютерные преступления сложнее выявить и раскрыть, что объясняется высокой квалификацией самих преступников, трудностью сбора доказательств и, следовательно, доказывания виновности подозреваемого, возможностью совершения преступления фактически с любой точки планеты с использованием систем удаленного доступа, Интернета и т. п. [2, с. 83].

Правовое регулирование электронной коммерции в Украине осуществляется Гражданским кодексом, Законом Украины «Об электронной коммерции» и другими законодательными актами. В то же время такие сферы, как электронные платежные системы, таможенное оформление и налогообложение, конфиденциальность, безопасность, защита интеллектуальной собственности, требуют совершенствования правового регулирования. По оценкам группы экспертов компании EVO, украинцы стали больше покупать товаров и услуг — в 2019 году экономика страны показывает высокие темпы роста ВВП (4,2 % по итогам трех кварталов) прежде всего за счет розничной торговли. По данным Госслужбы статистики Украины, за 11 месяцев 2019 года розница прибавила 11,3 % или почти в 2,5 % раза больше, чем вырос ВВП. При этом проявилась новая тенденция: торговля уходит в онлайн. То есть намного быстрее, чем традиционные продажи, росла в 2019 году интернет-торговля. Все больше покупателей предпочитают делать покупки онлайн, не заходя в магазины [3].

Одно из самых важных условий для эффективного использования системы электронной коммерции — обеспечение эффективного, недорогого и безопасного средства проведения платежей. Известно достаточное количество способов коммуникаций в сети Интернет. Популярной сейчас становится криптография с открытым ключом. Выбор лучших средств защиты платежей должен быть поручен специалистам. Организация электронной коммерции должна базироваться на использовании традиционных юридических норм и правил, предусматривать разработку новых специализированных институтов и процедур.

First Atlantic Commerce (далее — FAC) — международная организация, обеспечивающая безопасный онлайн-платежный шлюз для организаций во всем мире. В рамках процесса проверки заказов FAC предоставляет услуги проверки адреса (AVS) и удостоверение личности с картами (CVC), включая CVV2 для Visa MasterCard и CID для American Express. Благодаря сервису продавцы могут автоматически отображать и обрабатывать транзакции через платформу в режиме реального времени, что позволяет им немедленно действовать в случае возможного мошенничества с CNP. Сервисы 3D-Secure предоставляют возможность проверять настоящую личность своих потребителей с помощью безопасного процесса аутентификации плательщика, который является владельцем определенной карточки. Следует отметить, что активно внедряется в работу банков веб-отчетность, которая позволяет видеть отклоненные транзакции [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что только технических средств для решения задачи построения комплексной системы защиты от преступлений и угроз в электронной коммерции недостаточно. Необходимо внедрять политику безопасности электронной безопасности с применением целого комплекса организационных, законодательных, физических и технических мероприятий. Целесообразно в системе электронной коммерции применения организационных, программно-аппаратных, технических средств защиты информации. Следует заметить, что вышеприведенные методы защиты должны базироваться на нормативно-правовой основе, которая станет фундаментом в решении вопросов обеспечения экономической безопасности в сфере электронной коммерции.

1. Оладько В. С. Модель действий злоумышленника в системах электронной коммерции // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–1 (38). С. 83–85. [Вернуться к статье](#)
2. Смирнова Л. Я. Анализ основных видов преступлений в сфере электронной коммерции // Закон и право. 2007. № 2. С. 83–84. [Вернуться к статье](#)
3. Украинцы уходят в онлайн: что народ покупает в интернете и почему растут цены [Электронный ресурс]. URL: <https://cross-media.org.ua/articles/ukraincy-uhodyat-v-onlayn-chno-narod-pokupaet-v-internete-i-pochemu-rastut-ceny> (дата обращения: 22.02.2020). [Вернуться к статье](#)
4. All-in-one e-commerce fraud guide: types, definition, prevention 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://amasty.com/blog/all-in-one-e-commerce-fraud-guide-types-detection-prevention-2018/> (дата обращения: 22.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 342.92

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕТОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. С. Малолеткина

заместитель начальника

кафедры государственно-правовых дисциплин,

кандидат юридических наук,

Самарский юридический институт ФСИН России

e-mail: levkovka707@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы административно-правовых методов государственного управления, которые реализуются на территории Российской Федерации. Уделяется внимание особенностям методов государственного управления и их принципам.*

***Ключевые слова:** государственное управление, исполнительная власть, метод убеждения, метод принуждения.*

***Annotation.** The article deals with the issues of administrative and legal methods of public administration that are implemented on the territory of the Russian Federation. Attention is paid to the peculiarities of public administration methods and their principles.*

***Keywords:** public administration, executive power, method of persuasion, method of coercion.*

На территории Российской Федерации за совершение административных правонарушений действуют санкции, подпадающие под административное законодательство в виде Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) и законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Для более эффективного государственного управления и исполнения основных задач, стоящих перед законодательством об административных правонарушениях, необходимо знать и изучать, каким образом реализуются функции исполнительной власти, средства воздействия органов исполнительной власти на управляемые объекты, к примеру, такие как коллективы работников, граждан, органы управления и т. д.

Важная роль во всей деятельности исполнительной власти параллельно с административно-правовыми формами отводится административно-правовым методам государственного управления.

В общепринятом понимании метод представляет собой способ, прием практического осуществления чего-либо. Применительно к государственному управлению под ним понимается способ, прием, средство практической реализации задач и функций исполнительной власти в деятельности исполнительных

органов (должностных лиц) на основе закрепленной за ними компетенции в установленных границах и в соответствующей форме.

В подобном виде метод позволяет получить необходимое представление о том, как функционирует механизм исполнительной власти, как практически осуществляются управленческие функции, с помощью использования каких средств. Данная категория имеет в силу этого прямое отношение к характеристике сущности процесса реализации исполнительной власти, являясь одним из ее неперенных элементов. Она служит также целям придания управлению динамики.

В теории административного права при характеристике методов государственного управления отмечается следующее:

– государственное управление через представителей органов исполнительной власти и должностных лиц осуществляет свою деятельность благодаря исполнительно-распорядительным методам;

– всегда имеется индивидуальный или коллективный объект, где в реализации метода управления публичный / государственный интерес и сама воля государства в определенном объеме находят свое предназначение;

– юридически властный характер метода управления выражается через его полномочия, которые присущи государству и его исполнительному аппарату;

– проявление управленческих форм через правовые акты управления;

– прямая зависимость в выборе конкретного метода управления не только по особенностям организационно-правового статуса, но и в зависимости от особенностей объекта управления (например, от формы собственности, от его индивидуального или коллективного характера и т. п.) [1, с. 16].

Таким образом, под методами государственного управления понимаются определенные правом конкретные приемы и способы деятельности органов исполнительной власти и их должностных лиц, осуществленные в рамках их компетенции и вызывающие юридические последствия. Выбор конкретных методов государственного управления определяется задачами, стоящими перед органом исполнительной власти или должностным лицом, а также их компетенцией.

Административно-правовые методы государственного управления обладают следующими основными признаками:

– использование для решения основных задач государственного управления органы исполнительной власти для осуществления самого процесса исполнительной и распорядительной деятельности;

– обязательное закрепление статуса субъектов государственного управления в нормативно-правовых актах, действующих на территории РФ в сфере административно-правовых отношений;

– отличие по основным характеристикам методов государственного управления от других в управленческой сфере деятельности, к примеру, таких как социальные, психологические и экономические методы;

– для достижения цели укрепления законности и соблюдения правопорядка в управленческой сфере применять меры воздействия для субъектов государственного управления.

Методы управления в обобщенном виде могут быть представлены только как административно-правовые. Без правовой регламентации и юридической формы невозможно осуществить эффективное, рациональное управление.

В сфере государственного управления действуют два универсальных метода — убеждение и принуждение. Это два взаимосвязанных, взаимодополняющих «полюса» единого целого, т. е. механизма обеспечения должного поведения и правопорядка, являются универсальными способами воздействия на волю и поведение людей в любой сфере деятельности, в том числе и в государственном управлении. С профилактической точки зрения подобного рода методы являются одними из самых эффективных как в административном праве, так и в других отраслях права. Благодаря применению к правонарушителям в государственном управлении методов разъяснения, обсуждения, внушения, привлечения к ответственности за свои действия (метод убеждения и принуждения) в обществе и государстве регулируется процесс соблюдения правопорядка, законности, исполнительности и безопасности. Представителям органов исполнительной власти административно-правовые методы, действующие на территории РФ, способствуют осуществлению норм права в полном объеме и, согласно ст. 3.2 КоАП РФ [2], применению основных видов административного наказания к лицам, совершившим административные правонарушения.

Исходя из вышеизложенного, следует сказать, что административно-правовые методы государственного управления Российской Федерации являются одними из основных регуляторов соблюдения общественного порядка, общественной безопасности, защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина.

1. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Тихомиров С. В. Административное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. ; отв. ред. Л. Л. Попов. Проспект. 2010. 752 с. [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 26 дек. 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.77

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О ФИРМЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ»: ЗА И ПРОТИВ

М. А. Трушко

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: mariacato@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о целесообразности принятия в Республике Беларусь специального закона, регулирующего фирменные наименования.*

***Ключевые слова:** правовое регулирование, фирменные наименования, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации.*

***Annotation.** The article discusses the advisability of adopting in the Republic of Belarus a special law governing trade names.*

***Keywords:** legal regulation, trade names, intellectual property, means of individualization.*

Основу правового регулирования фирменного наименования в Республике Беларусь в настоящее время составляет Гражданский кодекс, глава 67 которого посвящена средствам индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг, к которым и относится фирменное наименование [1].

Анализ действующего законодательства о фирменных наименованиях показывает на имеющиеся в нем существенные пробелы. До настоящего времени отсутствует легальное определение понятия фирменного наименования. Проблемным является также и отсутствие законодательно закрепленных принципов разрешения конфликтов прав владельцев различных объектов интеллектуальной собственности в случае их столкновения. Все это свидетельствует о несовершенстве правового регулирования в области средств индивидуализации и необходимости его дальнейшего развития. Но каким же образом это должно происходить?

В 2012–2014 годах в Республике Беларусь среди правоведов широко обсуждался вопрос о необходимости принятия у нас, как и в большинстве соседних европейских стран, специального закона, регулирующего фирменные наименования.

На наш взгляд, прежде всего, это было связано с принятием Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 г. № 39-13 «О модельном законе “О фирменных наименованиях”». Указанный модельный закон был направлен в парламенты государств — участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ и рекомендован для использования в национальном законодательстве [2].

Рассматривая непосредственно сам модельный закон, следует отметить, что он содержит перечень основных терминов. Так, в нем определяется и понятие фирменного наименования. Под фирменным наименованием здесь подразумевается обозначение юридического лица, которое дает возможность отличить это лицо от других и не вводит потребителей в заблуждение относительно настоящей его деятельности. Считаем, что данное определение фирменного наименования не в полной мере отражает его сущность и правовую природу, а также не содержит указания на вид юридического лица (коммерческий или некоммерческий), что не позволяет считать вышеуказанное определение фирменного наименования полным, точным и исчерпывающим.

Первая глава указанного выше модельного закона содержит нормы, регламентирующие весьма общий перечень полномочий ведомства — центрального органа исполнительной власти по вопросам правовой охраны интеллектуальной собственности. На наш взгляд, перечисление в данном акте весьма общих полномочий ведомства нецелесообразно, поскольку, рассматривая действующее национальное законодательство Республики Беларусь, в нашей стране таким ведомством является государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности», деятельность которого регулируется соответствующим положением [3]. В связи с этим полагаем, что, в случае принятия такого закона, упоминание ведомства следовало бы ограничить указанием на его наличие, раскрытием его конкретного наименования и уточнением о регулировании его деятельности в соответствии с нормами специального законодательства.

Глава вторая рассматриваемого модельного закона посвящена правовой охране фирменных наименований и содержит подробный перечень условий предоставления такой охраны, а также раскрывает имеющиеся ограничения использования в наименованиях отдельных слов и обозначений. Следует отметить, что в данной главе закреплена норма о том, что правовая охрана фирменному наименованию предоставляется независимо от его регистрации и действует фактически с момента первого использования этого наименования. Данная норма является весьма точным и позитивным отражением концепции предоставления правовой охраны фирменному наименованию согласно Парижской конвенции по охране промышленной собственности [4, с. 17]. Указывается также, что исключительные права на фирменное наименование носят бессрочный характер, а действие имущественных прав интеллектуальной собственности на фирменное наименование прекращается в связи с прекращением деятельности юридического лица либо изменением его фирменного наименования. Предположим, что таким разделением в терминологии на «исключительные права» и на «имущественные права интеллектуальной собственности» на фир-

менное наименование авторы модельного закона могут затруднить понимание содержания данных понятий у простых обывателей настоящего правового акта.

Права и обязанности правообладателей фирменных наименований регламентированы третьей главой указанного выше модельного закона, которая содержит закрытый перечень вариантов использования фирменного наименования, что, по нашему мнению, в современной стремительно развивающейся мировой экономике в корне неверно. Под обязанностями правообладателя предусмотрено лишь указание на необходимость добросовестного пользования своими правами.

Четвертая глава модельного закона регулирует защиту прав на фирменное наименование и содержит норму с открытым перечнем о том, что нарушением прав правообладателя фирменного наименования является любое посягательство на такие права. Среди способов защиты прав указывается на возможность осуществления защиты прав на фирменное наименование в судебном и ином установленном законом порядке. Полагаем, что в данном случае следовало бы конкретизировать имеющиеся способы защиты прав на фирменное наименование.

Всего же данный модельный закон состоит из пяти глав, содержащих десять статей, и завершается заключительными и переходными положениями.

Таким образом, подводя итог рассмотрению вышеуказанного модельного закона, можем отметить неполноту правового регулирования отдельных аспектов фирменного наименования, раскрытых в его тексте, а также полное отсутствие такого проблемного вопроса, как принципы разрешения конфликтов владельцев прав на фирменное наименование с владельцами прав на другие объекты интеллектуальной собственности в случае столкновения таких прав, который в настоящее время является наиболее проблемным и требующим безотлагательного разрешения.

В целом же, по нашему мнению, принятие в Беларуси специального закона, регулирующего фирменные наименования, не требуется и даже, наоборот, весьма нецелесообразно в связи с высокой законодательной (правовой) нагрузкой. Справочно сообщаем, что, по информации Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь, в Национальном реестре правовых актов за 2019 год зарегистрировано всего 10 621 правовой акт, что больше соответствующего показателя 2018 года на 504 акта [5]. А в среднем в национальном реестре правовых актов в день регистрируется порядка 40 правовых актов. Мы полагаем, что это весьма значительное количество.

К чему приводит издание значительного количества законов? К тому, что судебные инстанции сталкиваются с путаницей в большом количестве законодательных актов. Также нелегко им разобраться в тонкостях юридических коллизий, определить, что имеет основное значение, а на что не стоит обращать

особого внимания. Ведь в возникшем и постоянно пополняющемся объеме указов, положений, других правовых актов иногда может запутаться даже самый опытный судья. В связи с этим возникают ситуации с разобщенностью судебной практики, что впоследствии нередко приводит к дальнейшим судебным тяготам, пересмотру и отмене ранее принятых постановлений суда.

Полагаем, что в данном случае более рациональным будет дальнейшее развитие гражданского законодательства о фирменных наименованиях путем внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь, в котором следует закрепить:

- понятие фирменного наименования;
- принципы построения фирменного наименования, следование которым делает его способным к индивидуализации коммерческих организаций;
- единые требования к структуре фирменного наименования;
- основания возникновения исключительного права на фирменное наименование, не связанное со специальной процедурой его регистрации;
- принципы разрешения конфликтов владельцев прав на фирменное наименование с владельцами прав на другие объекты интеллектуальной собственности.

На самом же деле практика показывает, что неважно, в какую форму будет обличена та или иная норма права, гораздо важнее ее содержание и юридическая техника, которые иногда не позволяют лицам, не имеющим юридического образования, а зачастую и имеющим, понять смысл и содержание отредактированного и ранее действовавшего или совершенно нового для Беларуси правового акта.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г., № 185-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О модельном законе «О фирменных наименованиях» [Электронный ресурс] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 г. № 39-13. URL: <http://www.fhp.bsu.by/files/248.pdf> (дата обращения: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Положения О Национальном центре интеллектуальной собственности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 мая 2004 г., № 641 : в ред. постановления Сов. Министров Респ. Беларусь от 24.02.2014 г., № 155 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / пер. с франц. Н. Л. Тумановой ; под ред. М. М. Богуславского. М. : Прогресс, 1977. 377 с. [Вернуться к статье](#)

5. Информация о количестве правовых актов, зарегистрированных в НРПА [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/natsionalnyy-reestr/statistika/> (дата обращения: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.983: 343.148

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СВЕДУЩИХ ЛИЦ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. В. Юсупов

профессор кафедры криминалистического обеспечения
и судебных экспертиз,
доктор юридических наук, доцент,
Национальная академия внутренних дел МВД Украины
e-mail: yusupov1vv@gmail.com

А. В. Кофанов

профессор кафедры криминалистического обеспечения
и судебных экспертиз,
кандидат юридических наук, доктор философии, доцент,
Национальная академия внутренних дел МВД Украины
e-mail: kofanov_andrey@ukr.net

***Аннотация.** Рассмотрены понятия качества и эффективности экспертных исследований через призму развития специальных знаний сведущих лиц — судебного эксперта и специалиста. Определены количественные показатели эффективности экспертных исследований, раскрыты компоненты качества экспертной работы.*

***Ключевые слова:** общая теория судебной экспертизы, эксперт, специалист, качество экспертных исследований, эффективность экспертных исследований.*

***Annotation.** The concepts of the quality and effectiveness of expert research are examined through the prism of the development of special knowledge of knowledgeable persons — a forensic expert and specialist. Quantitative indicators of the effectiveness of expert research are determined, the components of the quality of expert work are disclosed.*

***Keywords:** general theory of forensic science, expert, specialist, quality expert research, expert research effectiveness.*

Наука в своем генезисе проходит различные этапы, в том числе интеграцию знаний и их дифференциацию, а именно отмежевание новых отраслей, нередко претендующих на самостоятельное научное существование. В этом плане развитие каждой науки осуществляется неравномерно, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам относятся потребности общества, производства, к субъективным — научные цели отдельных институтов, групп, ученых. При этом наблюдается взаимопроникновение знаний, которое обогащает отдельные науки, области знаний, позволяя адаптировать новые достижения, и тем самым способствует дальнейшему развитию тех или иных отраслей науки. Указанные закономерности развития

распространяются на криминалистику и общую теорию судебной экспертизы и позволяют проследить этапы их развития от робких попыток отделения от уголовного процесса к становлению в качестве самостоятельных наук. Последнее имеет проявление в новых концепциях теории, выделении отдельных учений, новых разработках методического инструментария наук [1, с. 55].

В общей теории судебной экспертизы важное место занимает становление экспертных исследований. На современном этапе экспертное исследование составляет основу судебной экспертизы, которая является средством получения доказательств. Судебную экспертизу проводят лица, имеющие процессуальный статус эксперта и обладающие специальными знаниями. Специальными знаниями владеет и специалист. В соответствии со ст. 71 Уголовного процессуального кодекса Украины специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями и навыками применения технических или иных средств и могущее предоставлять консультации во время досудебного расследования и судебного разбирательства по вопросам, требующим соответствующих специальных знаний и навыков.

Профессиональная деятельность сведущих лиц по использованию своих специальных знаний оценивается многими критериями, главными из которых являются качество и эффективность проведенных экспертных исследований.

Понятие «качество» можно рассматривать как комплексную структуру, включающую обеспечение следующих элементов: правовых, научно-технических, методических, организационных, материально-технических средств.

Качество экспертного исследования — понятие не абстрактное, оно реально существует и имеет определенный смысл, выражающий определенность, поскольку результатом его является экспертное заключение — судебное доказательство. Заключение эксперта имеет процессуальное (правовое) и научно-техническое значение. Поэтому и понятие «качество судебной экспертизы» имеет процессуальное и научно-техническое содержание. Понятие «качество судебной экспертизы» является комплексным [2, с. 35].

Понятие «качество» тесно связано с понятием «эффективность». Специальных исследований по этому вопросу не проводилось. Обычно в литературе отмечается, что экспертное исследование должно быть полным, всесторонним, объективным и т. п., а заключение эксперта — полным, понятным, непротиворечивым, последовательным, обоснованным. Поэтому изучение эффективности экспертных исследований и мер по ее повышению предусматривает одновременный анализ факторов, повышающих качество, уровень исследований, а также достоверность и обоснованность выводов эксперта.

В юридической литературе понятию «качество» уделяется недостаточно внимания. Так, И. П. Кононенко определяет качество заключения судебного эксперта как «совокупность правовых и научно-технических свойств, отвечающих требованиям закона, иным нормативным актам, регулирующим проведение судебных экспертиз, и научно-методических требований, предъявляемых к заключению судебного эксперта как к судебному доказательству» [3, с. 37].

Анализируя указанное выше понятие, отметим, что качество является характеристикой результатов функционирования системы (судебной экспертизы) на отдельных ее этапах, тогда как эффективность относится к характеристике всей системы, демонстрируя, насколько эта система функционирует в соответствии с теми целями и задачами, для решения которых она была создана. Некоторые из этих задач направлены на получение продукта определенного качества (например, на обоснованный вывод), другие — относятся к порядку самой деятельности, процесса (например, своевременность проведения экспертизы). Однако и те, и другие направлены на получение определенного результата, что отражает степень эффективности системы.

Из сказанного можно сделать вывод, что эффективность является более широкой категорией, нежели качество, и включает его в себя.

Показатели качества экспертного исследования тесно связаны с показателями его эффективности.

К количественным показателям эффективности экспертной работы относятся:

1. Показатель достижения цели установления фактических данных. Ими являются соотношение количества поставленных и решенных вопросов. Решенными вопросами считаются те, ответы на которые изложены в категорической форме (положительной или отрицательной), поскольку указанные ответы всегда содержат фактические данные, имеющие доказательственное значение. К решенным стоит также относить вопросы, ответы на которые изложены в условно категорической, альтернативной и вероятностной форме, поскольку исследования с подобными выводами могут быть использованы для разработки версий. Нерешенными следует считать только те вопросы, ответы на которые содержат формулировку «решить данный вопрос не представилось возможным».

2. Количество допущенных экспертом экспертных ошибок. Данный показатель выводится путем сопоставления результатов первичной и повторной экспертиз, экспертиз и других доказательств, завершаемым уголовным производством (по которому есть решение или приговор суда, вступивший в законную силу), а также рецензированием надзорных дел и организацией контроля в экспертном учреждении по текущим заключениям. Высокое качество, в данном

случае, предполагает сведение к минимуму или полное отсутствие экспертных ошибок.

3. Соблюдение сроков. Показателем такого критерия является количество вопросов, решенных экспертом при проведении исследования быстрее, чем предусмотрено ведомственными инструкциями. Степень и качество исследования, в данном случае, можно определить по отношению количества вопросов, решенных в установленные сроки, ко всем поставленным перед экспертом вопросам.

4. Показатель соблюдения законности при проведении экспертиз. К нему относится количество вопросов, решенных без нарушения процессуальных требований проведения экспертизы.

5. Требование полноты и понятности заключения. Эта цель будет достигнута тогда, когда при проведении исследования не оказалось вопросов, оставшихся без ответа, или неисследованных объектов, в заключении отсутствуют недоказанные утверждения или непонятные, допускающие различное толкование ответы, поэтому не могущие быть использованы следователем или судом. Показателем в данном случае может быть отношение полно и понятно сформулированных выводов ко всем текущим выводам.

Но качество работы эксперта трудно определить только с помощью количественных показателей. Здесь следует исходить из разграничения показателей качества экспертного исследования на две большие группы:

- показатели, относящиеся непосредственно к проведению исследования;
- показатели, относящиеся к составлению заключения, в котором отражаются ход исследования и сформулированные экспертом выводы.

К показателям первой группы можно отнести: соответствие выбранной методики особенностям исследуемых объектов и поставленными перед экспертом задачами; современный уровень исследования (использование комплекса современных методов исследования); рациональность исследования (выбор наиболее эффективного решения задачи); экономные расходы исследуемого объекта (вещества); точность оценки совокупности выявленных признаков (соответствие ее разработанным критериям); использование в необходимых случаях экспертной инициативы для установления фактов, имеющих значение для дела.

Показателями второй группы являются научная обоснованность, полнота, понятность и наглядность заключения. Этот аспект относится к оценке эффективности производственной деятельности эксперта и имеет значение в пределах организационной структуры, хотя результаты этой деятельности оказывают непосредственное влияние на достижение общих целей судебной экспертизы.

Научная обоснованность и полнота заключения выражаются: в точности и последовательности описания объектов, процесса исследования, внешнего вида исследуемых объектов, дающих возможность их индивидуализации; в признаках, обнаруженных в ходе исследования, путем применения научных методов; в установлении объективных связей выявленных признаков с фактом, который исследуется; в формулировке промежуточных выводов, получаемых в ходе исследования и используемых для формирования окончательного заключения; в формулировке окончательного заключения на основе оценки совокупности выявленных признаков; отсутствии вопросов, оставшихся без ответа. Понятность характеризуется логичностью рассуждений, доступностью изложения материала для неспециалистов (разъяснением специальных терминов и т. д.), соответствием выводов поставленным вопросам. Наглядность определяется дополнением к заключению иллюстративной таблицей или фототаблицей.

Таким образом, качество и эффективность экспертного исследования тесно связаны и зависят только от такого фактора, как компетентность сведущего лица, что, в свою очередь, зависит от качества образования, которое приобрел специалист, уровня развития его специальных знаний.

1. Коновалова В. Нові тенденції розвитку криміналістики // Криміналістика та судова експертологія: наука, навчання, практика : зб. наук. пр. : в 2 т. Одеса, 2018. Т. 1. С. 55–62. [Вернуться к статье](#)
2. Редин А. М. О качестве выводов судебных экспертиз и их доказательственном значении // Криминалістика и судебная экспертиза. 1979. Вып. 19. С. 33–36. [Вернуться к статье](#)
3. Кононенко И. П. О правах руководителя научно-экспертного подразделения судебно-экспертного учреждения // Криминалістика и судебная экспертиза. 1977. Вып. 15. С. 36–39. [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

УДК 342.7

К ВОПРОСУ ПОРЯДКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ

О. А. Антонова

заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: Volha2002@yandex.ru

***Аннотация.** Автором проведено исследование проблем правового регулирования порядка обращения физических и юридических лиц в различные государственные органы. Проанализированы содержательные аспекты конституционного права на обращение как одного из способов участия граждан в управлении делами общества и защиты прав конкретного лица. Выделена проблема разобщенности правовых норм, регулирующих порядок подачи и рассмотрения заявлений граждан должностными лицами государственных органов. Сформулированы предложения по совершенствованию правового обеспечения конституционного права граждан на обращение.*

***Ключевые слова:** государственный орган, обращение, заявление, жалоба, административная процедура, рассмотрение обращений.*

***Annotation.** The author conducted a study of the problems of legal regulation of the procedure for the appeal of individuals and legal entities to various state bodies. The substantial aspects of the constitutional right to appeal as one of the ways for citizens to participate in the management of public affairs and protect the rights of a particular person are analyzed. The problem of the fragmentation of legal norms governing the procedure for filing and considering citizens' applications by government officials is highlighted. The proposals on improving the legal support of the constitutional right of citizens to appeal are formulated.*

***Keywords:** state body, appeal, application, complaint, administrative procedure, consideration of applications.*

Во многих странах на конституционном уровне закреплено право на обращение в органы публичной власти. По мнению Д. А. Сергеевой, можно провести классификацию европейских конституционных положений, предусматривающих указанное право, выделив:

- отдельные — содержательно и процессуально разграничивают петиции от иных видов обращений (Австрия, Хорватия, Эстония);
- типичные — закрепляют статус субъекта реализации права петиций / обращений, а также адресатов (Андорра, Бельгия, Великое Герцогство Люксем-

бург, Германия, Датское Королевство, Итальянская Республика, Княжество Монако, Королевство Нидерландов и Словения);

– поливидовые — закрепляют как множественность субъектов реализации права петиций / обращений, так и вариативность петиций / обращений (Андорра, Болгария, Лихтейнштейн, Польша, Португалия, Румыния, Словакия);

– гарантирующие — сформулированы в качестве нормы-гарантии применительно к петициям (Литва, Лихтейнштейн, Словакия);

– процессуальные — содержат перечень конкретных действий органов власти, получивших петиции / обращения (Австрия, Греция, Латвия, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Хорватия, Швейцария, Эстония);

– абстрактные — не содержат конкретизации о субъектах и адресатах петиций (Кипр) [1, с. 70].

Статья 33 Конституции Российской Федерации также закрепляет указанное право: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [2].

В юридической литературе существует достаточно много определений понятия «петиция». Некоторые рассматривают петицию как прошение или ходатайство, которое делается в письменной форме гражданином индивидуально или коллективно. Однако применительно к электронной форме в последнее время чаще используется также термин петиция. Как отмечает Д. В. Большакова, в науке конституционного права зарубежных стран термин «петиция» используется применительно ко всем видам обращений и реже как разновидность обращений. Причем в зарубежном понимании петиции могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Сегодня общепризнан коллективный характер петиций, в то время как обращения могут носить как коллективный, так и индивидуальный характер.

Следует обратить внимание на существование двух различных подходов среди сторонников подобного толкования. Представители первого подхода ставят знак равенства между петициями и всеми коллективными обращениями, в то время как представители второго подхода определяют петиции как самостоятельный вид коллективных обращений. Следует заметить, что у сторонников второго подхода также можно проследить две различные точки зрения. Л. А. Нудненко, как представитель первой группы исследователей, предлагает рассматривать петиции как разновидность коллективных обращений по особо значимым вопросам общественной жизни и, кроме того, подчеркивает особый предмет, процесс подачи и рассмотрения петиций — потому считает целесообразным принятие отдельного Федерального закона, регулирующего процедуру рассмотрения петиций граждан [3]. Другие исследователи, такие как Р. Ч. Бондарчук и Е. В. Прокопьев, придерживаются иной точки зрения и рассматривают

петицию как форму реализации народной правотворческой инициативы [4]. Тем не менее можно утверждать, что в Республике Беларусь в большинстве случаев петиция рассматривается как разновидность коллективного обращения граждан.

В Республике Беларусь в ст. 40 Конституции закреплено право на обращение: «Каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы. Государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивированным» [5]. При этом конституционный акт использует как синонимы термины «обращение» и «заявление» и не использует понятие «петиция». Наличие конституционных норм требует принятия специального законодательства. Более того, в литературе даже выделяются уровни правового регулирования института обращений граждан. Например, как справедливо утверждает Д. А. Сергеева, в структуру конституционно-правового института обращений граждан включены следующие виды норм:

– конституционные нормы, заложившие базовые установления о праве граждан на обращения в России (ст. 33), с конкретизацией судебных (ч. 2 ст. 46) и межгосударственных адресатов (ч. 3 ст. 46);

– универсально-предметные законодательные нормы, представленные в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»;

– контекстно-производные законодательные нормы, регулирующие частные случаи подачи различных видов обращений, определяющие статус отдельных адресатов обращений и дополняющие универсальный механизм порядка рассмотрения обращений граждан;

– конкретизирующие подзаконные нормы, содержательно совпадающие с универсально-предметными нормами, но уточняющие порядок рассмотрения обращений граждан в различных публичных органах и формализованные в инструкциях или регламентах [6, с. 7].

Подобные уровни можно выделить и в нашей стране. Однако если в России на универсально-предметном уровне действует один Федеральный закон, что позволяет сохранить целостность и стабильность правового регулирования и простоту реализации института обращений, то в Беларуси этот уровень представлен несколькими законодательными актами, порой содержащими разный порядок применительно к одинаковой терминологии понятий. Например, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об Обращениях граждан и юридических лиц» обращение — индивидуальные или коллективные заявление, предложение, жалоба, изложенные в письменной, электронной или устной форме; заявление — ходатайство о содействии в реализации прав, свобод и (или) законных интересов заявителя, не

связанное с их нарушением, а также сообщение о нарушении актов законодательства, недостатках в работе государственных органов, иных организаций (должностных лиц), индивидуальных предпринимателей [7]. Одновременно согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» заявление заинтересованного лица — обращение заинтересованного лица в письменной, устной либо электронной форме в уполномоченный орган за осуществлением административной процедуры; административная процедура — действия уполномоченного органа, совершаемые на основании заявления заинтересованного лица, по установлению (предоставлению, удостоверению, подтверждению, регистрации, обеспечению), изменению, приостановлению, сохранению, переходу или прекращению прав и (или) обязанностей, в том числе заканчивающиеся выдачей справки или другого документа (его принятием, согласованием, утверждением) (далее — выдача справки или другого документа), либо регистрацией или учетом заинтересованного лица, его имущества, либо предоставлением денежных средств, иного имущества и (или) услуг за счет средств республиканского или местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов, из имущества, находящегося в республиканской или коммунальной собственности [8]. Исходя из легального определения, административная процедура способствует (содействует) реализации прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Следовательно, по своей сути заявления, подаваемые в государственные органы, по двум вышеназванным законам могут совпадать. Фактически разграничение порядка подачи заявлений, их рассмотрения и обжалования решений публичных органов, должностных лиц осуществляется благодаря Указу Президента Республики Беларусь и постановлению Совета Министров Республики Беларусь, которыми утверждены перечни административных процедур для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Кроме того, в настоящее время отсутствует и теоретическая концепция, выделяющая сущностные признаки некоторых разновидностей обращений, зачастую авторы ограничиваются лишь констатацией факта законодательного размежевания разных видов обращений или даже образования самостоятельного института. Например, после принятия Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» Н. А. Саванович отмечает, что «длительное время рассмотрение основной массы обращений граждан в органы власти, в том числе по поводу принятия административных актов, порождающих юридически значимые последствия, регулировалось законодательством об обращениях граждан. Однако в течение последнего десятилетия наблюдается тенденция постепенной дифференциации порядка рассмотрения отдельных видов обращений и, прежде всего, выделение нового института законодательства — административно-процессуального законодательства (законодательства об админи-

стративных процедурах), которым также регулируются обращения населения в административные учреждения» [9].

В этой связи полагаем обоснованным мнение О. И. Чуприс, что отдельные особенности, установленные в настоящее время этими законами, не затрагивают сути этих видов процессуальной деятельности, а имеющиеся различия в законодательном регулировании в большинстве своем искусственно выделены. Они могут быть нивелированы в едином акте, а особенности работы также найдут свое отражение в нем [10].

На основании проведенного анализа полагаем целесообразным внести изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» путем включения норм, регулирующих особенности работы с заявлениями в рамках административной процедуры, а также нормы, определяющие порядок рассмотрения обращений по горячей линии, некоторых коллективных обращений.

1. Сергеева Д. А. Европейский опыт конституционного закрепления института обращений граждан // Юридический журнал. 2016. № 7. С. 68–70. [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30.12.2008 г. М. : Айрис-пресс, 2013. 63 с. [Вернуться к статье](#)

3. Нудненко Л. А. Концепция Федерального закона «О петициях граждан Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 13–17. [Вернуться к статье](#)

4. Большакова Д. В. Петиции в 21 веке: ожидания и реальность [Электронный ресурс] // Материалы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ-2017». Сек. «Юриспруденция»: Подсекция «Конституционное и муниципальное право» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. М. : МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. 62 с. [Вернуться к статье](#)

6. Сергеева Д. А. Институт обращений граждан в России: конституционно-правовое исследование : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.02. Белгород, 2017. 23 с. [Вернуться к статье](#)

7. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

8. Об основах административных процедур [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 окт. 2008 г., № 433-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

9. Саванович Н. А. Работа с обращениями граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : пособие // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Чуприс О. И. Административные процедуры и работа с обращениями граждан и юридических лиц в Республике Беларусь: проблемы соотношения понятий [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 29.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л. А. Березюк

ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: 2505624@gmail.com

А. О. Левончук

студент 2-го курса,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: polina.levonchuk@gmail.ru

***Аннотация.** В настоящей статье исследуется уголовно-правовая характеристика получения взятки, проанализированы вопросы об отграничении получения взятки от смежных составов преступлений, о форме получения взятки, раскрыты вопросы выявления и предупреждения взяточничества в Республике Беларусь. Полученные результаты могут быть использованы в правотворческой и правоприменительной деятельности, в учебном процессе.*

***Ключевые слова:** преступление, коррупция, взятка, злоупотребление, выгода.*

***Annotation.** His article explores the criminal law characteristics of receiving a bribe, analyzes the issues of separating receiving a bribe from related crimes, the form of receiving a bribe, and reveals the issues of detecting and preventing bribery in the Republic of Belarus. The results obtained can be used in law-making and law enforcement activities, in the educational process.*

***Keywords:** crime, corruption, bribe, abuse, profit.*

Взяточничество является составной частью такого явления, как коррупция. Согласно ежегодному рейтингу уровня коррупционности среди государств мира, составленному международной организацией Transparency International в 2019 году, Республика Беларусь занимала 66-е место из 180 с индексом 45 баллов из 100 (где 0 баллов — очень коррумпированная страна) [1]. Из этого следует, что коррупция является актуальной проблемой белорусского общества и государства, так как создает реальную угрозу национальной безопасности страны, наносит ущерб стабильности общества, приводит к потерям в социально-экономическом и политическом развитии.

Разграничение преступлений — одна из проблем в теории уголовного права. Суды при применении уголовно-правовых норм могут допускать ошибки, которые влекут за собой неправильную квалификацию и, как следствие, неправильное назначение наказания. Данные ошибки возникают, прежде всего, из-за того, что конкретное преступление может иметь массу общих признаков с другими преступлениями. В целях правильной квалификации преступлений необходимо четко отграничивать друг от друга смежные составы.

Для этого следует определить совокупность признаков, которые характеризуют преступление, предусмотренное ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) УК (получение взятки) и отличают его от других.

Объективная сторона получения взятки является достаточно сложной. В частности, объективная сторона получения взятки в диспозиции ч. 1 ст. 430 УК определяется как принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий [2].

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 430 УК, является нормальная деятельность органов государственной власти, государственной службы и органов местного самоуправления.

Стоимостное выражение взятки или ее качество не имеет значения. Это говорит о том, что низшего предела размера взятки не установлено уголовным законодательством. Определяющим фактором является наличие самого факта, с одной стороны, незаконного обогащения должностного лица путем получения имущества от взяткодателя, с другой стороны, факта безвозмездно оказанной услуги.

Предметом преступления, в соответствии со ст. 430 УК, является взятка. Взяткой могут являться:

- элементы материального мира;
- элементы, не относящиеся к материальной сфере, но имеющие имущественную природу.

Субъектом преступления является должностное лицо. Субъективная сторона получения взятки выражается в прямом умысле.

Для наличия факта взяточничества не обязательна договоренность о передаче предметов посягательства. В некоторых случаях достаточно осознания дающим и получающим лицами того, что вручение взятки необходимо для удовлетворения интереса взяткодателя.

Данный вид преступления считается оконченным в тот момент, когда должностное лицо получило взятку, даже если передана была ее часть.

При рассмотрении общественно опасного деяния как основного признака получения взятки сложность представляет вопрос об определении его формы. УК не указывает, должно ли принятие взятки должностным лицом совершаться путем действия или оно возможно в форме бездействия. Сложившаяся ситуация порождает различные мнения по данному вопросу. Признание возможности получения

взятки путем бездействия обосновывается по-разному. Одни авторы считают, что получение взятки включает ее принятие как волеизъявление и как получение имущественного блага. По их мнению, волеизъявление, т. е. активное или пассивное согласие должностного лица на получение взятки, является основным содержанием объективной стороны исследуемого преступления [3, с. 9–11]. Однако в данном контексте важно подчеркнуть, что волеизъявление нельзя рассматривать в качестве самостоятельного признака объективной стороны, так как оно является одной из характеристик субъективной стороны. Из этого можно сделать вывод, что волеизъявление не может рассматриваться в качестве самостоятельного признака объективной стороны состава преступления.

Другие авторы, обосновывая возможность получения взятки путем бездействия, утверждают, что оно может иметь место в случае, когда материальные ценности предоставляются должностному лицу, которое может и не прикоснуться к ним, лишь выражая конклюдентными действиями осознание происходящего и свое согласие с ним. Но не имеет значения, прикоснется должностное лицо к взятке сразу при ее передаче или через некоторое время. В этом случае принятие предмета взятки следует признавать активным действием.

С получением взятки по некоторым признакам схоже преступление, предусмотренное ст. 424 УК «Злоупотребление властью или служебными полномочиями». Так, принятие должностными лицами материальных ценностей или услуг в интересах предприятия, учреждения или организации при наличии соответствующих условий может рассматриваться в соответствии со ст. 424 УК как злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Под злоупотреблением властью или служебными полномочиями понимается умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Злоупотребление, по сути, — это употребление должностным лицом «во зло» своих прав, когда действия по службе формально соответствуют полномочиям должностного лица, но по существу являются незаконными, поскольку совершаются вопреки интересам службы. Поэтому необходимо устанавливать содержание, объем и пределы служебных полномочий.

Диспозиция ст. 424 УК предусматривает альтернативные последствия — обязательный элемент объективной стороны состава злоупотребления:

- ущерб в крупном размере;
- существенный вред правам и законным интересам граждан;
- существенный вред государственным или общественным интересам.

Так как состав данного преступления материальный, злоупотребление признается преступлением при наступлении одного из вышеперечисленных последствий. Злоупотребление властью или служебными полномочиями является умышленным преступлением, поэтому необходимо установить умысел по отношению к деянию и вредным последствиям. При этом умысел по отношению к последствиям может быть прямой или косвенный.

Таким образом, анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 430 УК и ст. 424 УК, позволяет сделать вывод о том, что получение взятки является одним из видов злоупотребления властью или служебными полномочиями, в связи с чем возникает конкуренция между статьями 424 УК и 430 УК. Поскольку ст. 424 УК «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» является общей нормой, а ст. 430 УК «Получение взятки», в свою очередь, — специальной, то конкуренция между ними, в соответствии с положением ч. 2 ст. 42 УК, разрешается в пользу специальной нормы.

Проанализировав данные по Республике Беларусь о количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 430–432 УК за 2018–2019 годы, можно отметить положительную динамику привлечения к уголовной ответственности за дачу и получение взятки (ст. 430 и ст. 431 УК). При этом нельзя не подчеркнуть факт того, что взяточничество относится к числу наиболее латентных преступлений в связи с наблюдаемой взаимной заинтересованностью взяткодателя и взяткополучателя, которая обычно тщательно скрывается. В связи с этим борьба со взяточничеством для правоохранительных органов становится непреодолимым препятствием, поэтому необходима разработка действенного механизма профилактики и противодействия взяточничеству.

Как видится, одним из наиболее действенных механизмов, способствующих формированию надлежащей нравственности государственных служащих, являются специально разработанные правила профессиональной этики. Этические кодексы призваны помочь государственному служащему правильно ориентироваться в сложных нравственных коллизиях и ситуациях, обусловленных спецификой его работы; содействовать укреплению авторитета государственной власти, доверия граждан к институтам государства; обеспечить единую нравственно-правовую основу для согласованных и эффективных действий всех структур власти; противодействовать падению нравственной культуры в обществе. В Республике Беларусь действуют нормы профессиональной этики для судей, прокурорских работников, работников судов общей юрисдикции, служащих Национального банка Республики Беларусь, а также работников таможенных органов. Как правило, нарушение кодексов поведения влечет за собой дисциплинарную ответственность.

Представляется целесообразным принятие также кодекса поведения государственных служащих, который представлял бы собой нормативный свод правил антикоррупционного поведения. В Республике Беларусь реализация и научно-прикладное обеспечение противодействия формированию личности коррупционного преступника средствами различных отраслей права еще находятся в стадии зарождения, поэтому работа в данном направлении должна проводиться системно и постоянно с учетом особенностей национального законодательства.

Таким образом, при рассмотрении актуальных вопросов взяточничества в Республике Беларусь были сделаны следующие выводы:

1. Объективная сторона получения взятки содержится в диспозиции ч. 1 ст. 430 УК, объектом является правильное, в интересах общества и государства, функционирование государственного аппарата. Стоимостное выражение взятки, ее качество не имеет значения. Предмет преступления — взятка. Субъектом является должностное лицо, субъективная сторона выражена в прямом умысле. Преступление считается оконченным в момент, когда должностное лицо получило взятку, даже если передана была ее часть.

2. Получение взятки является одним из видов злоупотребления властью или служебными полномочиями, поэтому возникает конкуренция между статьями 424 УК «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» и 430 УК «Получение взятки». Конкуренция между ними разрешается в пользу ст. 430 УК, так как она является специальной нормой.

3. Определенные разночтения наблюдаются в юридической литературе по вопросу о формах получения взятки. В последнее время получила распространение точка зрения, в соответствии с которой данное преступление может быть осуществлено как путем совершения активных действий, так и путем бездействия.

4. Одним из наиболее действенных механизмов, способствующих формированию надлежащей нравственности государственных служащих, являются специально разработанные правила профессиональной этики. В настоящее время одним из основных элементов успешной борьбы с коррупцией является формирование надлежащего антикоррупционного законодательства.

1. Corruption Perceptions Index 2019 [Электронный ресурс] / Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/cpi2019/results> (дата обращения: 18.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июл. 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июн. 1999 г. ; одобрен Советом Респ. 24 июн. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 11 ноября 2019 г. № 253-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Лелетова М. В. Расследование и квалификация преступлений, связанных с получением взятки // Уголов. процесс. 2008. № 6. С. 8–16. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97:364.632(094.1):165.12

СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

П. С. Биленко

специалист отдела организации службы,
Донецкий юридический институт МВД Украины
e-mail: pavel-bilenko1984@ukr.net

Аннотация. В статье указаны субъекты противодействия домашнему насилию. Особое внимание уделено специально уполномоченным органам, в частности Министерству социальной политики Украины.

Ключевые слова: предупреждение преступности, противодействие преступности, домашнее насилие, субъекты противодействия преступности.

Annotation. This article is concerning on subjects of domestic violence counteraction. Special focus has been on to authorized bodies, particular Ministry of social Politics of Ukraine.

Keywords: crime prevention, crime counteraction, domestic violence, subjects of crime counteraction.

Уже долгое время одной из острых проблем для Украины остается домашнее насилие. К сожалению, не существует объективной и достоверной информации о масштабах этого социального явления, поскольку в большинстве случаев оно остается латентным. Официальная статистика не показывает реального состояния домашнего насилия из-за того, что большинство пострадавших не обращаются за помощью в подразделения Национальной полиции Украины, не ищут помощи в центрах по оказанию помощи.

В ноябре 2011 г. Украина подписала Конвенцию Совета Европы о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, которая обязывает правительства стран, которые ее подписали, принять конкретные меры для борьбы со всеми формами насилия в отношении женщин — от принуждения к браку и сексуальных домогательств до избиений и увечий женских гениталий.

С целью имплементации положений вышеуказанной Конвенции Законом Украины от 07.12.2017 г. № 2227-VIII «О внесении изменений в Уголовный и Уголовный процессуальный кодексы с целью реализации положений Конвенции Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия и борьбе с этими явлениями» Уголовный кодекс Украины был дополнен ст. 126-1 «Домашнее насилие» (вступила в силу 11.01.2019 г.). Под домашним насилием понимается умышленное систематическое совершение физического, психологического или экономического насилия в отношении супругов или бывших супругов или другого лица, с которым виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях, приводящее к физическим или психологическим страданиям, расстройствам здоровья, утрате трудоспо-

способности, эмоциональной зависимости или ухудшения качества жизни потерпевшего. Поэтому можно согласиться с В. Голиной, что криминализация домашнего насилия подтверждает курс уголовного права на реализацию задачи правового обеспечения предупреждения преступлений в сфере насилия в семье (ст. 1 УК) [1, с. 40].

Также был принят Закон Украины от 07.12.2017 г. № 2229-VIII «О предупреждении и противодействии домашнему насилию», что стало новым вектором реализации государственной политики в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию.

В ч. 1 ст. 6 вышеуказанного Закона определен перечень субъектов, осуществляющих мероприятия в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию, к которым относятся:

- 1) специально уполномоченные органы в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию;
- 2) другие органы и учреждения, на которые возлагаются функции по осуществлению мероприятий в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию;
- 3) общие и специализированные службы поддержки пострадавших;
- 4) граждане Украины, иностранцы и лица без гражданства, находящиеся в Украине на законных основаниях [2].

Рассмотрим более детально деятельность некоторых субъектов предотвращения и противодействия домашнему насилию, в частности специально уполномоченных органов, к которым относятся:

- 1) центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование государственной политики в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию;
- 2) центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию;
- 3) Совет министров Автономной Республики Крым, местные государственные администрации, в том числе их структурные подразделения, в полномочия которых входит осуществление мероприятий в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию;
- 4) сельские, поселковые, городские, районные в городах (в случае их создания) советы, их исполнительные органы, в полномочия которых входит осуществление мероприятий в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию.

Из-за несоответствия этой нормы ст. 1 «Определение и система центральных органов исполнительной власти», ст. 6 «Министерство» Закона Украины от

17.03.2011 № 3166-VI «О центральных органах исполнительной власти» [3] может сложиться впечатление, что в Украине определены четыре вида таких органов, хотя на самом деле их три: в настоящее время обеспечивает формирование и реализует государственную политику в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию Министерство социальной политики Украины [4].

Если проанализировать с этой точки зрения вышеуказанных субъектов, то специально уполномоченные органы осуществляют координацию взаимодействия субъектов предотвращения домашнего насилия на разных уровнях:

– на общегосударственном уровне — Министерство социальной политики Украины;

– на региональном уровне — Совет министров Автономной Республики Крым, областные, Киевская и Севастопольская городские государственные администрации;

– на местном уровне — районные, районные в городах Киеве и Севастополе государственные администрации и исполнительные органы сельских, поселковых, городских, районных в городах (в случае их создания) советов, в том числе в объединенных территориальных общинах.

В соответствии с Положением о Министерстве социальной политики, утвержденным постановлением Кабинета Министров Украины от 17.06.2015 г. № 423, к основным задачам Министерства социальной политики Украины относятся:

«1) обеспечение формирования и реализация государственной политики:

в сфере социальной политики, общеобязательного государственного социального и пенсионного страхования, волонтерской деятельности, по вопросам семьи и детей, оздоровления и отдыха детей, усыновления и защиты прав детей, предотвращения насилия в семье, противодействия торговли людьми, а также восстановления прав лиц, депортированных по национальному признаку, обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин, оказания гуманитарной помощи, социальных услуг лицам, отдельным социальным группам, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах и не могут самостоятельно преодолеть...

93) координирует деятельность уполномоченных подразделений органов внутренних дел, органов опеки и попечительства по предотвращению насилия в семье;

94) обобщает сведения о насилии в семье, определяет потребность в образовании специализированных учреждений для жертв насилия в семье в регионах;

95) осуществляет контроль за организацией и деятельностью специализированных учреждений для жертв насилия в семье;

96) разрабатывает и утверждает методические рекомендации по прохождению коррекционной программы лицами, совершившими насилие в семье;

97) принимает и рассматривает заявления и сообщения о фактах совершения насилия в семье и реальной угрозе его совершения;

98) направляет жертв насилия в семье и членов семьи, в отношении которых существует реальная угроза его совершения, в специализированные учреждения для жертв насилия в семье...» [4].

Исходя из вышеизложенного, Министерство социальной политики Украины как центральный орган исполнительной власти, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины, обеспечивает формирование и реализацию государственной политики в сфере предотвращения насилия в семье, несмотря на то, что с декабря 2017 г. в Украине не применяется термин «насилие в семье», а вместо него введена терминология, определенная в Законе Украины от 07.12.2017 г. № 2229-VIII «О предотвращении и противодействии домашнему насилию». Поэтому считаем необходимым внести соответствующие изменения в Положение о Министерстве социальной политики, утвержденное постановлением Кабинета Министров Украины от 17.06.2015 г. № 423.

Анализ нормативно-правовых актов по деятельности таких специально уполномоченных субъектов в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию, как Совет министров Автономной Республики Крым, областных, Киевской и Севастопольской городских государственных администраций и районных, районных в городах Киеве и Севастополе государственных администраций и исполнительных органов сельских, поселковых, городских, районных в городах (в случае их создания) советов, в том числе в объединенных территориальных общинах, показал, что в любом таком акте не определены полномочия этих субъектов в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию.

Единственным нормативно-правовым актом, где указывается их координационная деятельность, является постановление Кабинета Министров Украины от 22.08.2018 г. № 658 «Об утверждении Порядка взаимодействия субъектов, осуществляющих мероприятия в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию и насилию по признаку пола».

Однако координационная деятельность этих специально уполномоченных субъектов в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию, в том числе в объединенных территориальных общинах, требует своего упорядочения. В подзаконных нормативно-правовых актах необходимо закрепить, кто

именно является координатором мероприятий в сфере предотвращения и противодействия насилию на том или ином уровне и каким образом осуществляется межведомственное сотрудничество. В частности, ответственным за координацию лицом следует определить заместителя руководителя специально уполномоченного органа того или иного уровня, а для обеспечения межведомственного сотрудничества в сфере предотвращения и противодействия домашнему насилию необходимо создание совещательного органа (которым может быть координационный совет, межведомственная рабочая группа и т. д.), в состав которого следует включить представителей субъектов, закрепленных в ст. 6 Закона Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию». Нормативное урегулирование данного вопроса позволит более эффективно противодействовать домашнему насилию.

1. Голіна В. В. Запобігання та протидія домашньому насильству: стан і перспективи його подолання в Україні // Організаційно-правові засади запобігання домашньому насильству: реалії та перспективи : матеріали круглого столу, Запоріжжя, 31 травня 2019 р. / КПУ ; за ред. О. П. Рябчинської. Запоріжжя, 2019. С. 40–43. [Вернуться к статье](#)

2. Про запобігання та протидію домашньому насильству [Електронний ресурс] : Закон України від 07.12.2017 г. № 2229-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2229-19> (дата доступу: 29.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Про центральні органи виконавчої влади [Електронний ресурс] : Закон України від 17.03.2011 г. № 3166-VI. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3166-17> (дата доступу: 29.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Про затвердження Положення про Міністерство соціальної політики України [Електронний ресурс] : постанова Кабінету Міністрів України від 17.06.2015 г. № 423. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/423-2015-%D0%BF> (дата доступу: 29.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО НАРОДНОГО ДЕПУТАТА В УКРАИНЕ И ДРУГИХ СТРАНАХ

А. П. Бойко

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: yyrpetrikovka@i.ua

***Аннотация.** В статье проведен сравнительный анализ особенностей досудебного расследования относительно народного депутата в Украине, Казахстане и Беларуси.*

Путем анализа уголовного процессуального законодательства Украины, Казахстана и Беларуси в части особых порядков уголовного производства в отношении народных депутатов автор выделяет основные особенности, присущие указанным государствам, а также предлагает пути совершенствования законодательства.

***Ключевые слова:** следственный судья, Генеральный прокурор, досудебное расследование, уголовное производство, народный депутат, депутатская неприкосновенность, особый порядок.*

***Annotation.** The article provides a comparative analysis of the features of the pre-trial investigation regarding people's deputies of Ukraine, Kazakhstan and Belarus.*

The author analyzes the criminal procedural legislation of Ukraine, Kazakhstan and Belarus regarding special procedures for criminal proceedings against people's deputies and identifies the main features inherent in these states and also suggests ways to improve them.

***Keywords:** investigating judge, prosecutor general, pre-trial investigation, criminal proceedings, people's deputy, parliamentary immunity, special order.*

В каждом государстве существуют свои правила и нормы осуществления судопроизводства. В Украине нормативно-правовым актом, который регулирует данный вопрос, является Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее — УПК Украины). В частности, в ч. 1 ст. 1 УПК Украины указано, что порядок уголовного судопроизводства на территории Украины определяется только уголовным процессуальным законодательством Украины [1].

Кроме того, в действующем УПК определен общий порядок осуществления уголовного производства и особый порядок осуществления уголовного производства. Другими словами, особый порядок является исключением, которое встречается в процессе уголовного производства. В частности, особые порядки осуществления уголовного производства предусматривают уголовное производство в отношении отдельной категории лиц. К этой категории лиц за-

конодатель, согласно п. 1 ч. 1 ст. 480 УПК Украины, относит народных депутатов Украины, которые до вступления в силу Закона Украины от 18 декабря 2019 года № 388-IX «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины с целью приведения в соответствие с Законом Украины “О внесении изменений в статью 80 Конституции Украины относительно неприкосновенности народных депутатов Украины”» [2], были наделены в силу своего процессуального статуса соответствующим иммунитетом (депутатской неприкосновенностью), что защищает их от возможного незаконного давления и препятствия осуществления профессиональной деятельности.

В связи со вступлением в силу указанного Закона считаем, что вопрос, связанный с уголовным производством в отношении народного депутата, приобретает большую актуальность. В отношении народных депутатов Украины осуществляется особый порядок уголовного производства в связи с исполнением ими важных государственных функций. Так, особый порядок уголовного производства относительно этой категории лиц прописан в отдельных нормативно-правовых актах Украины. К таким актам относятся Конституция Украины [3], Уголовный процессуальный кодекс Украины [1], ЗУ «О статусе народного депутата Украины» [4] и другие. Указанные выше положения содержат в себе определение статуса данных лиц, объем и пределы предоставляемых данным категориям особых гарантий, а в УПК Украины конкретнее устанавливается порядок использования и даже применения данных норм в уголовном судопроизводстве в связи с внесением сведений в Единый реестр досудебных расследований, привлечением к уголовной ответственности данных лиц, задержанием, избранием меры пресечения, проведением следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий.

Так, ст. 481 и 482-2 УПК Украины предусмотрены особенности досудебного расследования относительно народного депутата Украины, которые заключаются в следующем: 1) внесение сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований осуществляется исключительно Генеральным прокурором, либо лицом, которое исполняет его обязанности; 2) сообщение о подозрении осуществляется Генеральным прокурором или лицом, которое исполняет его обязанности, или руководителем Специализированной антикоррупционной прокуратуры; 3) согласование с Генеральным прокурором либо лицом, которое исполняет его обязанности, всех ходатайств касательно процессуальных действий, которые ограничивают права и свободы народного депутата Украины; 4) задержание народного депутата без разрешения следственного судьи не допускается за исключением случаев, когда народного депутата застали во время совершения или непосредственно после совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, связанного с применением насилия

или такого, которое стало причиной гибели человека; 5) уведомление Председателя Верховной Рады Украины не позже 24 часов соответственным органом или должностными лицами в случае задержания народного депутата и проведения других процессуальных действий в отношении его [1].

Вышеуказанные положения УПК Украины не в полной мере соответствуют положениям ст. 24 Конституции Украины, согласно которой все граждане имеют равные конституционные права и свободы и равны перед законом [3].

Мы разделяем мнение В. Л. Федоренко и Ю. А. Середы о том, что ситуация, когда институт иммунитета депутата в странах СНГ и Балтии имеет более абсолютизированный характер, чем в странах Европейского союза, объясняется тем, что, во-первых, новые конституционные положения о депутатском иммунитете в бывших республиках СССР сформировались под влиянием советского законодательства, которое достаточно распространено трактовало иммунитет членов Верховного Совета СССР и депутатов парламентов союзных республик.

Во-вторых, подавляющее большинство конституций было принято парламентским путем, а положения об иммунитете отразили желание парламентариев закрепить дополнительные гарантии независимости своей деятельности [5, с. 115].

Считаем, что, несмотря на лишение неприкосновенности относительно народных депутатов Украины, их иммунитет частично остался, что следует из положений ст. 482-2 УПК Украины и заключается в основном в согласовании с Генеральным прокурором или лицом, которое исполняет его обязанности, таких действий, как открытие уголовного производства; сообщение о подозрении, задержании, за исключением случаев, когда народного депутата застали во время совершения или непосредственно после совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, связанного с применением насилия или такого, что стало причиной гибели человека; избрание меры пресечения; при обращении к следственному судье за разрешением о проведении следственных действий.

Как отмечают М. А. Погорецкий, А. С. Старенький, в большинстве развитых демократических стран народных депутатов (членов парламента) возможно привлечь к уголовной ответственности без предварительного согласия парламента в случае задержания их на месте совершения тяжкого или особо тяжкого преступления [6, с. 88]. То есть в указанных странах не существует таких исключений при задержании народных депутатов по отдельным видам преступлений, связанных с применением насилия или таких, которые стали причиной гибели человека.

Для проведения более детального исследования вопроса особых порядков осуществления уголовного производства в отношении народных депутатов

Украины необходимо уделить внимание нормам уголовного процессуального законодательства зарубежных государств.

В соответствии со ст. 547 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК Республики Казахстан) существуют следующие особенности досудебного расследования относительно депутата Парламента Республики Казахстан: 1) открытие уголовного производства в отношении депутата Парламента допускается следователем или прокурором без согласия Генерального Прокурора; 2) депутат Парламента без согласия соответствующей Палаты на лишение неприкосновенности может быть задержан в случае обнаружения его на месте преступления либо совершения тяжких или особо тяжких преступлений; 3) другие особенности, предусмотренные ст. 547 УПК Республики Казахстан [7].

Учитывая положения главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь), можно выделить следующие особенности досудебного расследования относительно депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь: 1) возбуждение уголовного дела (так, согласно ст. 468-2 УПК Республики Беларусь решение о возбуждении уголовного дела в отношении депутата Национального собрания может быть принято Председателем Комитета государственной безопасности, Генеральным прокурором, Председателем Следственного комитета или лицами, исполняющими их обязанности, с предварительного согласия соответствующей палаты Национального собрания Республики Беларусь); 2) задержание и иные меры процессуального принуждения (согласно ст. 468-3 УПК Республики Беларусь задержать или иным образом лишить личной свободы депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь можно без согласия соответствующей палаты Парламента в следующих случаях: задержание на месте совершения преступления; совершение измены государству или иного особо тяжкого преступления); 3) особенности избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий (в соответствии со ст. 468-4 УПК Республики Беларусь после возбуждения уголовного дела в отношении указанных лиц применение меры пресечения, за исключением заключения под стражу или иного лишения личной свободы, производство следственных действий осуществляются в общем порядке [8].

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство Украины, Республики Казахстан и Республики Беларусь, можно выделить следующие особенности досудебного расследования относительно народного депутата, присущие указанным государствам: открытие уголовного производства; задер-

жание и избрание меры пресечения; проведение следственных действий; информирование соответствующих органов в случае задержания.

Для совершенствования уголовного процессуального законодательства Украины считаем необходимым внедрить опыт указанных государств в части задержания народного депутата в случаях обнаружения его на месте преступления либо совершения тяжкого или особо тяжкого преступления без соответствующего согласия. Также не должно быть никаких исключений по внесению сведений в Единый реестр досудебных расследований в случае совершения уголовного правонарушения народным депутатом. Указанные предложения необходимо закрепить в УПК Украины.

1. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України, 13 квіт. 2012 р., № 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата доступу: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України з метою приведення у відповідність із Законом України «Про внесення змін до статті 80 Конституції України щодо недоторканності народних депутатів України» [Електронний ресурс] : Закон України, 18 груд. 2019 р., № 388-IX. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/388-20/sp:wide#n6> (дата доступу: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Конституція України [Електронний ресурс] : Закон України, 28.06.1996 р., № 254к/96-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата доступу: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Про статус народного депутата України [Електронний ресурс] : Закон України, 17 лист. 1992 р., № 2790-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2790-12> (дата доступу: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Федоренко В. Л., Серета Ю. А. Інститут депутатського імунітету: порівняльно-правові аспекти // Держава і право : зб. наук. праць. 2001. Вип. 9. С. 106–117. [Вернуться к статье](#)

6. Погорецький М. А., Старенький О. С. Здійснення кримінального провадження щодо народних депутатів: окремі проблемні питання // Вісник кримінального судочинства. 2017. № 2. С. 79–90. [Вернуться к статье](#)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г., № 231-V ЗРК : принят во втором чтении Постановлением Мажилиса Парламента Республики Казахстан в соответствии с п. 36 Регламента Мажилиса Парламента Республики Казахстан в мае 2014 г. : утвержден Указом № 231-V Президента Республики Казахстан от 4 июля 2014 года. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1400000231> (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК990029> (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 341

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ

А. И. Бородич

профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: alexejborodich@gmail.com

***Аннотация.** Автором предпринята попытка изложить основные аспекты реализации правовых норм в международном переговорном процессе. Акцентировано внимание на юридические знания и правовую культуру при ведении переговоров.*

***Ключевые слова:** переговоры, переговорный процесс, тактика переговоров, структурные элементы переговоров, правовая культура, юридические знания.*

***Annotation.** The author made an attempt to state the main aspects of the implementation of legal norms in the international negotiation process. Attention is focused on legal knowledge and legal culture in negotiating.*

***Keywords:** negotiations, negotiation process, negotiation tactics, structural elements of negotiations, legal culture, legal knowledge.*

Автор затрагивает актуальные аспекты реализации правовых норм при ведении переговоров, которые представляют собой диалог между их участниками (сторонами), обсуждающими возникшую проблему в межгосударственном общении, например, в противодействии транснациональной организованной преступности, по-своему оценивающими ее сущность и рассматривающими альтернативы достижения взаимоприемлемого решения по совершенствованию сотрудничества в противодействии вызовам и угрозам, исходящим от преступности. Участниками переговоров являются государство (государства), международная организация (международные организации) и (или) иной субъект (иные субъекты), обладающий (обладающие) правом заключать международные договоры, которые принимают участие в составлении текста и принятии международного договора [1]. Исходя из категории участников, их количества, рассматриваемых вопросов и другого, сущность проблемы заключается в том, что переговоры — сложный процесс, имеющий собственную структуру, динамику развития, требующий юридических, психологических и иных знаний, правовой культуры участников переговорного процесса, которую автор рассматривает как совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности, проявляемых в профессиональной деятельности, общении и поведении субъектов сотрудничества, в том

числе и в переговорном процессе, формируемых под воздействием системы культурного и правового воспитания и обучения [2].

Обратим внимание на то, что в переговорном процессе, как правило, выделяют три основных этапа: начальный; дискуссионный и заключительный. На начальном этапе стороны излагают собственные позиции, вносят предложения и предоставляют необходимые разъяснения по ним, выслушивают информацию о позициях другой стороны. Участники переговоров стараются получить как можно больше информации об интересах друг друга и найти точки соприкосновения в позициях. Дискуссионный этап сопровождается обсуждением и аргументацией возможных вариантов решения проблемы. Стороны пытаются убедить друг друга в целесообразности принятия их предложений, используя различные тактические приемы. На данном этапе иногда переговоры заканчиваются безрезультатно или же переносятся на другое время под предлогом уточнения позиций и дополнительного внутригосударственного согласования. При наличии доброй воли и настойчивости в достижении соглашения главным итогом дискуссионного этапа становится определение общих рамок будущего соглашения. На заключительном этапе осуществляется окончательное согласование позиций и начинается работа над текстом соглашения, который обсуждается, редактируется и оформляется международным договором.

Обычно на каждом этапе возникают конкретные ситуации, и, как отмечает М. М. Лебедева, область совпадения или несовпадения интересов сторон переговоров может быть больше или меньше. Очевидно, что при большем совпадении, особенно, если совпадают главные интересы сторон по сути обсуждаемой проблемы, переговоры будут ближе к сотрудничеству, при меньшем совпадении — к конфронтации [3, с. 10]. С этим нельзя не согласиться, так как международные переговоры используются прежде всего для реализации принципа сотрудничества и недопущения конфронтации и, несомненно, требуют знания правовых норм в правоохранительной деятельности, правовой культуры их ведения, позволяющих в конечном итоге добиться или кооперации, или конкуренции в решении, выработанном участниками переговоров.

С теоретической и практической точек зрения важно отметить, что переговорный процесс сам по себе неоднороден. Он состоит из ряда отличающихся по своим задачам и содержанию стадий, причем каждая из них обладает своими характерными только ей особенностями, и в то же время это единый процесс в том смысле, что любая из стадий не может рассматриваться самостоятельно, вне зависимости от других. Переговоры могут считаться успешными только тогда, когда они закончились выработкой и принятием совместно согласованного решения, положенного в основу международного договора. Поэтому к переговорщикам предъявляются требования, способствующие достижению целей переговоров, а

именно: они должны оперативно реагировать на быстроменяющуюся переговорную ситуацию; действовать в условиях недостаточной и нередко искажаемой информации; своевременно изменять ход событий, поскольку любое действие, в том числе и неверное, вызывает ответную реакцию другой стороны и меняет ситуацию не всегда в выгодном для одной из сторон направлении.

Переговоры направлены на достижение договоренности в условиях, когда интересы сторон совпадают частично, или, как правило, противоречат друг другу. Говоря о совпадении и различии интересов сторон переговоров, следует отметить, что в них, в свою очередь, необходимо выделить взаимоисключающие и непересекающиеся интересы. Наличие взаимоисключающих интересов означает, что стороны хотят одного и того же, например, достижения устранения причин и условий, способствующих разногласиям в направлениях сотрудничества по противодействию транснациональной организованной преступности. Непересекающиеся интересы не затрагивают интересы другого участника переговоров. Исходя из этого, каждому переговорщику необходимы тонкая интуиция и высокое мастерство, знание особенностей культурных традиций партнеров по переговорам, чтобы реализовать цели переговоров.

Большое значение для позитивного исхода переговоров имеет количественный и персональный состав переговорщиков. При определении состава делегации на переговорах общим правилом является принцип равенства, а именно примерно равный уровень делегаций по рангу, одинаковый количественный состав. В состав делегации обычно входят: руководитель (глава) делегации, его заместители, советники, эксперты, технический и обслуживающий персонал.

Руководитель делегации должен быть высококультурным человеком, обладать всеобъемлющим подходом к происходящему в мире, хорошей профессиональной подготовкой. Ему весьма важно реалистично осознавать интересы своей страны, обладать твердым характером и гибким умом, даром убеждения и ораторскими способностями, быть последовательным в проведении заданной линии и смелым в выдвижении новых идей, уметь формулировать компромиссные предложения, владеть искусством общения с людьми и работы со средствами массовой информации. Особое значение имеют волевые качества руководителя делегации, его целевая индивидуальная установка в отношении результата, которого ему предстоит достичь на переговорах. По мнению автора, руководители переговоров со знанием правовых норм правоохранительной деятельности, высоким уровнем правовой культуры их ведения и уровнем так называемых положительных ожиданий в достижении стоящих целей переговоров их и выигрывают. Не следует упускать из виду и то, что делает переговорщика уязвимым, в частности такие недостатки, как самонадеянность, тщеславие, вспыльчивость, неумение проявлять выдержку и терпение.

После формирования делегации переговорщиков и распределения обязанностей между ними руководителю делегации следует изучить предлагаемую к обсуждению на переговорах проблему, и чем глубже, тем лучше. Руководитель должен хорошо знать собственную страну, достижения в сферах экономики, науки и образования, искусства и культуры, внешнеполитические приоритеты политического руководства, участие в региональных международных организациях, уровень достижений представляемого государственного органа, в том числе результаты международного сотрудничества в противодействии преступности. Такие же знания ему необходимы и о стране, с делегацией которой предстоит вести переговоры. Кроме того, ему нужно обладать аналитическими способностями: быстро анализировать складывающуюся на переговорах ситуацию и принимать адекватные решения, быть толерантным к своим собеседникам, уметь их слушать, быть приветливым, вежливым и обходительным, обладать неприужденностью и вкрадчивостью, которые в немалой степени способствуют личному расположению переговорщиков другой договаривающейся стороны.

Большое значение в проведении переговоров играет эмоциональное состояние переговорщиков. Положительные эмоции поднимают настроение, побуждают к совместным действиям. Для того чтобы вызвать положительные эмоции, необходимо:

выразить свое признание собеседнику попыткой понять его позицию, найти ценность в его мыслях, чувствах или действиях и выразить свое понимание собеседнику словом или действием;

чтобы переговорщики не чувствовали себя изолированными, можно попытаться выстроить деловые и личные доверительные отношения друг к другу;

в переговорах учитывать тот факт, что каждая сторона стремится склонить другие делегации к принятию своей точки зрения или же влиять на окончательное принятие решения;

помнить, что никто не хочет чувствовать себя человеком второго сорта; нужно признать области, в которых у каждого переговорщика высокий персональный статус;

в процессе переговоров следует выбрать ту роль, которая будет способствовать совместной работе с другими участниками;

смело выражать свое признание другим, создавать теплые, доверительные, эмоционально значимые отношения в кругу переговорщиков [4, с. 260].

В литературе по теории переговоров выделяются следующие структурные элементы переговоров:

установить взаимопонимание и хорошие деловые отношения с партнерами по переговорам;

выстраить открытую двустороннюю коммуникацию; задавать вопросы, слушать, быть достойным доверия, избегать туманных обещаний;

уважать интересы партнеров по переговорам; понять, в чем заключаются свои интересы, и донести их до оппонентов;

не принимая на себя никаких обязательств, совместно найти возможные варианты того, как можно удовлетворить интересы других сторон;

попытаться определить и обозначить критерии справедливости, которыми согласны руководствоваться все договаривающиеся стороны;

проанализировать альтернативные варианты и возможности партнеров в случае прекращения переговоров; необходимо помнить, что достижение любого соглашения — это лучший вариант для каждой из сторон;

выбрать справедливые и реалистичные обязательства, приемлемые для каждой из сторон [4, с. 265].

Таким образом, сущность вышеизложенного сводится к тому, что тактические приемы ведения переговоров, основанные на знании правовых норм, высокой правовой культуре, — это рациональные способы, применяемые к месту и ко времени, с помощью которых достигаются поставленные цели в соответствии с планом переговоров.

Из сказанного ранее вытекает, что международные переговоры, будучи частью системы международных отношений, с одной стороны, испытывают на себе их влияние, выступая инструментом при решении целого комплекса внешнеполитических, а в ряде случаев и внутривластных задач, с другой — сами воздействуют на международные отношения, во многом определяя и формируя их. Причем часто влияние процесса и результата проведенных переговоров не ограничивается непосредственными участниками переговоров, а распространяется на международные отношения в целом. Успех международных переговоров всецело зависит от конструктивной позиции сторон, желания решить обсуждаемую проблему и заключить соглашение. В немалой степени это зависит от организации переговорного процесса, профессионализма и правовой культуры переговорщиков.

1. О международных договорах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-3 : ред. от 11.05.2018 г. № 106-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Бородич А. И. О правовой культуре международного сотрудничества в противодействии преступности // Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; редкол. : И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-R). [Вернуться к статье](#)

3. Лебедева М. М. Технология ведения переговоров : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Аспект Пресс, 2010. 196 с. [Вернуться к статье](#)

4. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. В 2 т. Т. 1. Заключение международных договоров ; РосАкад. наук, Институт государства и права. М. : Волтере Клувер, 2004. 531 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ ОСУЖДЕННЫХ

В. А. Борченко

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Самарский юридический институт ФСИН России
e-mail: borchenko.vera@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные международно-правовые нормы, регламентирующие право осужденных на юридическую помощь, также анализируется имплементация указанных международных стандартов в национальной правовой системе.*

***Ключевые слова:** международно-правовые нормы, международные стандарты, осужденные, юридическая помощь, несовершеннолетние осужденные, адвокат.*

***Annotation.** The article is devoted to the consideration of the main international legal norms regulating the right of convicts to legal assistance. It also analyzes the implementation of these international standards in the national legal system.*

***Keywords:** international legal norms, international standards, convicts, legal aid, juvenile convicts, lawyer.*

Правовое регулирование получения бесплатной юридической помощи осужденными невозможно без учета норм международного права, которые устанавливают стандарты и правила ее предоставления. В законодательстве различных государств можно встретить нормы, касающиеся предоставления данной помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы. Россия не стала исключением.

Долгое время Советское государство не принимало многие международные нормы и стандарты в области прав человека. Прежде всего, это объяснялось политической направленностью Российского государства. Отсутствие достаточной информации о международных стандартах у граждан нашего государства, а также специалистов не позволяло включать в систему отечественного законодательства нормы, принципы и рекомендации международных соглашений.

Однако в последующем на законодательство России, особенно в области обеспечения прав лиц, находящихся в местах лишения свободы, значительное влияние оказывают международно-правовые акты. Это связано с тем, что Россия приняла обязательство привести свое законодательство в соответствие с международными нормами и стандартами, в том числе со специализированными международными документами об обращении с осужденными. К числу таких документов относятся как акты общего характера, адресованные ко всем

гражданам (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 года [1]; Европейская Конвенция о защите прав человека от 4 ноября 1950 года [2]), так и нормы специального характера, которые отражают специальные права осужденных (например, Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными [3]; Европейские пенитенциарные правила [4]; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 года [5]).

Часть 4 статьи 15 Конституции РФ [6] содержит положение, согласно которому нормы международного права находятся в приоритете перед национальным законодательством. Именно с учетом этого в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [7] и были включены международные стандарты обращения с заключенными. Особо следует подчеркнуть, что Российская Федерация в настоящее время активно осуществляет свою деятельность во всех сферах и формах международного сотрудничества, постоянно используя все свои возможности по согласованию координации научных исследований, изучению практической деятельности зарубежных пенитенциарных систем.

В настоящее время достаточно большое значение отводится вопросам правового обеспечения прав заключенных. И поэтому значительное количество международных стандартов посвящено именно вопросу оказания правовой помощи осужденным. К таким документам относятся:

1. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержденный резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций). В соответствии с указанным Сводом лицу, находящемуся в заключении, должно гарантироваться и предоставляться право на получение юридической помощи.

2. «Основные принципы, касающиеся роли юристов» [8] и «Основные положения о роли адвокатов» [9]. Именно эти документы уже более детально определяют взаимодействие юристов с теми, кто нуждается в их помощи. А государство, в свою очередь, должно обеспечить возможность и оказывать содействие в оказании такой помощи нуждающимся. В частности, администрация мест лишения свободы должна предоставлять возможности для получения доступа осужденных к такой помощи.

Таким образом, мы видим, что во всех указанных стандартах в той или иной мере гарантируется помощь адвокатов, или других аналогичных специалистов, имеющих право на оказание юридической помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы. Достаточно большое значение отводится информированности всех заинтересованных лиц об установленном порядке оказания бесплатной юридической помощи. Гражданам важно знать, каков порядок назначения защитника,

в каких случаях должна быть оказана юридическая правовая помощь, что делать, если не устраивает качество предоставляемых услуг, и т. д.

Указанная помощь может оказываться в рамках уголовных дел, гражданских дел, для решения таких вопросов, как составление обращений, заявлений, жалоб, представление интересов в суде и т. п.

Одним из обязательных условий оказания юридической помощи является соблюдение принципа конфиденциальности. Данный принцип находит свое отражение в законодательстве разных государств и достигается различными способами. Так, в международных стандартах в сфере обеспечения осужденных юридической помощью установлено, что встречи осужденного с его законным представителем (адвокатом, защитником) должны проводиться в специальных помещениях вне пределов слышимости сотрудников исправительного учреждения, но у них на виду. Данная процедура является гарантом обеспечения принципа конфиденциальности, но не исключает возможности поиска и применения других вариантов реализации этого вопроса. Ограничение конфиденциальности при встрече адвоката и осужденного возможно только при наличии оснований к этому и с соблюдением закона.

Нельзя не отметить и то, что аналогичная правовая помощь предусмотрена и в отношении несовершеннолетних осужденных. Такие нормы содержатся в Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.; Правилах ООН, касающихся защиты прав несовершеннолетних, лишенных свободы, утвержденных Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 г. В указанных стандартах содержится право несовершеннолетнего осужденного на оказание ему юридической помощи, которую могут оказывать адвокаты, юрисконсульты, члены семьи, а также представители различных общественных организаций. Однако стоит отметить, что вопрос о том, что именно понимается под юридической (правовой) помощью и кто конкретно может рассматриваться в качестве лица, оказывающего такую помощь, должен регулироваться национальным законодательством.

Нельзя не упомянуть при рассмотрении вопроса оказания юридической помощи осужденным и Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ). В своих решениях ЕСПЧ неоднократно обращал внимание государств на обязанность обеспечить юридической помощью лиц, находящихся в заключении. Кроме того, обращалось внимание на возможность оказания бесплатной юридической помощи лицам, у которых отсутствует возможность на обращение к адвокатам по материальным причинам. Причем такая помощь должна оказываться как в рамках уголовных, так и в рамках гражданских дел [10, с. 37].

Изложенное дает возможность сделать вывод, что в настоящее время международным пенитенциарным сообществом придается важное значение как

правам осужденных, так и гарантиям обеспечения их прав и свобод, включая право на юридическую помощь.

В целях обеспечения данного положения государства, включая Россию, должны особое внимание уделять правовым и организационным вопросам оказания юридической помощи лицам, содержащимся в местах лишения свободы, а кроме того, отдельно обратить внимание на то, что указанная категория граждан должна быть должным образом проинформирована о возможном порядке оказания бесплатной юридической помощи и о том, каким образом данное право может быть реализовано.

1. Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Рим 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс] : с изм. от 13.05.2004 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Европейские пенитенциарные правила [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // Кодекс. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901732870> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят 09.11.1988 г. Резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

6. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. [Вернуться к статье](#)

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : в ред. от 27.12.2019 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198. [Вернуться к статье](#)

8. Основные принципы, касающиеся роли юристов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 ав. – 7 сент. 1990 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

9. Основные положения о роли адвокатов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений, Нью-Йорк, 1990 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 21.02.2020). [Вернуться к статье](#)

10. Соболева А. Бесплатная юридическая помощь: стандарты Совета Европы и российская практика // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 37–38. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ЗАЛОГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

А. Э. Борщевская

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук (Украина),
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

***Аннотация.** Рассматриваются основные задачи совершенствования гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь. На основе анализа судебной практики и зарубежного опыта автором предлагаются изменения в действующее законодательство, что обеспечит реализацию основных принципов судопроизводства и обеспечение прав участников процесса.*

***Ключевые слова:** гражданский процесс, хозяйственный процесс, принципы судопроизводства, электронное правосудие, представительство, судебные расходы.*

***Annotation.** The main tasks of improving the civil procedural and economic procedural legislation of the Republic of Belarus are considered in the article. Based on the analysis of judicial practice and foreign experience, amendments to the current legislation are proposed by the author, which will ensure the implementation of the basic principles of legal proceedings and the rights of participants in the process.*

***Keywords:** civil process, business process, principles of legal proceedings, electronic justice, representation, legal expenses.*

Конституция Республики Беларусь устанавливает, что Беларусь является правовым государством, в котором права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность его деятельности. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства. В Республике Беларусь признается и действует принцип верховенства права, реализация которого невозможна без эффективной судебной защиты прав, свобод и интересов лица.

Для эффективной реализации права на справедливый суд в Республике Беларусь необходимы как институциональные изменения, так и изменения процессуального законодательства. Как отмечалось на многочисленных форумах, проводимых под эгидой Верховного Суда Республики Беларусь, стратегической целью реформирования судебной власти является создание национальной модели «правосудия для народа» [1].

Не только судьи, но и представители науки принимают активное участие в реформировании судопроизводства. В своих выступлениях на тематических конференциях и семинарах разных уровней, в публикациях они проводят тща-

тельный анализ недостатков в правовом регулировании как системы судоустройства, так и судопроизводства Республики Беларусь, определяют основные направления реформирования этих отраслей законодательства, в том числе повышение эффективности правосудия и его оптимизации.

По нашему мнению, общая концепция единого Гражданского, или Цивилистического [2], процессуального кодекса Республики Беларусь должна быть направлена на нормативное урегулирование процессуальных механизмов, которые должны обеспечить эффективную, справедливую, беспристрастную и своевременную защиту прав и свобод лица в суде путем унификации правил гражданского, хозяйственного судопроизводства с сохранением специфики каждого.

Достижению поставленной цели будет служить решение следующих основных задач:

1. Эффективная защита прав как превалирующая задача судопроизводства

При принятии процессуальных решений и применении каких-либо процессуальных норм суд должен руководствоваться в первую очередь основной задачей судопроизводства, которой является эффективная защита прав и интересов лица. С этой целью нужно предусмотреть возможность обращения в суд для принятия мер, направленных на предупреждение правонарушений (т. н. прогибиторных или превентивных исков), а также право суда применить по требованию лица, обратившегося в суд, способ защиты права, который не предусмотрен законом или договором, если предусмотренные законом или договором способы не обеспечивают эффективной защиты такого права.

2. Состязательность, диспозитивность и соразмерность как основы судопроизводства

Подавляющее большинство процессуальных полномочий суда должно строиться исходя из принципа исполнения судом в гражданском и хозяйственном процессах исключительно роли арбитра и никогда — следователя.

Фундаментальные процессуальные принципы, такие как состязательность, диспозитивность, должны найти свое дальнейшее развитие в нормах, закрепляющих, что доказательства, включая выводы экспертов, подаются сторонами; суд истребует доказательства и назначает экспертизу только в определенных законом случаях. Также необходимо предусмотреть ограничительные сроки подачи доказательств (стадией подготовки дела к судебному заседанию).

Вместе с тем принцип официального выяснения обстоятельств дела, присущий делам, вытекающим из административно-правовых отношений, нужно ограничить в отношении истца, который не является субъектом властных полномочий, правом суда истребовать у него только доказательства о наличии нарушенного права, за защитой которого истец обратился в суд.

Руководствуясь принципом соразмерности, необходимо сохранить за судом возможность определять целесообразность процессуальных действий в соответствии с задачами судопроизводства, сложностью дела, ценой иска, размером судебных расходов, определять вид обеспечения иска, распределять судебные расходы, определять сроки подачи возражений (отзывов), заявлений по существу дела, предпринимать меры процессуального принуждения и т. п.

С учетом принципа диспозитивности сторонам должна быть предоставлена фактическая, а не формальная свобода на любой стадии процесса отказаться от иска либо заключить мировое соглашение, предмет которого к тому же (в отличие от действующих правил) может выходить за пределы предмета спора, если это не нарушает требования закона и права третьих лиц.

3. Расширение средств доказывания, действенные механизмы обеспечения доказательств и иска

Кроме доработки норм, касающихся способов защиты, которые на сегодня предусматриваются Хозяйственным процессуальным и Гражданским процессуальным кодексами Республики Беларусь (далее — ХПК и ГПК соответственно), единый Гражданский кодекс нужно дополнить новеллами, которые, в частности, регулируют определение, порядок предоставления и исследования электронных доказательств, проведение экспертизы не только на основании постановления суда, но и по заказу участников дела.

Учитывая зарубежный опыт, в частности, Франции, в качестве мер по обеспечению иска и доказательств, нужно предусмотреть право суда применять в качестве обеспечения иска и доказательств не только способы, определенные законом или договором, но любые другие способы, который эффективно защищают нарушенное право истца, если это не противоречит закону.

В то же время широкие права истца на применение мер обеспечения иска должны балансироваться «системой сдержек и противовесов», которая может быть создана с помощью института встречного обеспечения в различных формах (что на сегодня не предусмотрено в кодексах), а также проработкой механизма возмещения истцом ущерба, причиненного ответчику необоснованным обеспечением иска.

4. Обеспечение правовой определенности

Обеспечить своевременность рассмотрения дела и правовую определенность призван другой ряд процессуальных норм. Так, кодексами установлены четкий порядок и пресекательные сроки совершения процессуальных действий (возбуждение производства по делу, подача апелляционной жалобы и т. п.), четкие стадии судебного процесса, разумные ограничения возможности отложения разбирательства и приостановления производства по делу. Однако сроки

на сегодня — разные, их необходимо согласовать, унифицировать, привести к одному знаменателю.

Излагать свою позицию по делу участники процесса обязаны в определенных кодексами процессуальных документах, а именно в заявлениях по существу дела: в иске, отзыве, возражениях, которые должны подаваться в суд в сроки, определенные законом либо, в определенных случаях, судом. Однако терминологические различия, порядок процессуального оформления и т. п. также требуют унификации.

Также считаем, что необходимо ввести разумные процессуальные фильтры для обжалования определений суда в апелляционном порядке, судебных решений в апелляции (размер требований, категория дел и т. п.), для кассационного обжалования судебных решений. Чтобы апелляция и кассация не стали обязательными стадиями процесса, направлении дела на новое рассмотрение, закрепить пресекательные сроки для обращения с апелляционной или кассационной жалобой (как в ХПК — 1 мес.), заявлением о пересмотре судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам.

5. Механизмы предотвращения злоупотребления процессуальными правами

В едином процессуальном законе также следует предусмотреть действенные механизмы по предотвращению возможностей злоупотребления процессуальными правами.

Целью таких механизмов является эффективное предотвращение умышленного затягивания дел, возможности подачи «исков — клонов» и других манипуляций с подсудностью, заведомо необоснованными отводами, жалобами и иными проявлениям недобросовестного пользования участниками судебного процесса своими процессуальными правами.

Злоупотребление процессуальными правами должно повлечь практически негативные последствия, такие как возврат соответствующего заявления без рассмотрения, процессуальные ограничения, применения мер процессуального принуждения, дисциплинарная ответственность адвоката, прокурора и т. п.

6. Эффективная компенсация судебных расходов

С целью обеспечения принципов полного возмещения судебных расходов участников процесса, соразмерности, диспозитивности, предупреждения злоупотребления процессуальными правами, сохранить возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами и не исполняющее свои процессуальные обязанности (ст. 133-1 ХПК).

Нужно предусмотреть четкий порядок доказывания размера судебных расходов, их эффективного распределения, а также возможность возражения против размера судебных расходов, которые заявил к возмещению другой участник процесса.

Считаем, что способствовать эффективной компенсации судебных расходов с учетом зарубежного опыта будет институт судебного залога в определенных в законе случаях.

Считаем также, что необходимо предусмотреть усиление роли госпошлины как основного источника финансирования судебной системы и как экономического стимула для сторон использовать новые процедуры рассмотрения дела (ставка государственной пошлины при обращении в порядке приказного производства, представление иска в электронной форме установить меньшей), при достижении примирения без судебного решения предусмотреть возврат 50 % госпошлины; предусмотреть оплату госпошлиной отдельных процессуальных действий суда (обеспечение иска, доказательств, осмотр доказательств по месту из нахождения и т. п.).

7. Внедрение «электронного правосудия»

В действующих кодексах мы уже видим движение к «электронному правосудию». И прекрасно понимаем, что такая новация требует значительных ресурсов, как человеческих, так и финансовых.

«Электронное правосудие» в хозяйственном процессе работает, однако уже сейчас видно, что эта, скажем так, «демо-версия» требует совершенствования как в техническом, так и в плане правовой регламентации.

Считаем, что в едином кодексе нужно в обязательном порядке предусмотреть правовую регламентацию всех тех широких возможностей, которые предоставляет судопроизводство с применением информационных технологий — «электронное правосудие».

В частности:

совершение всех процессуальных действий через средства электронной связи с соответствующими механизмами идентификации и безопасности;

участникам дела обеспечить возможность принимать участие в судебном заседании в режиме видеоконференции, не покидая своего жилого или рабочего помещения, а для свидетелей, экспертов — в помещении другого суда;

закрепить хранение материалов в электронном виде, что упростит доступ к ним участников дела, устранив временные, финансовые и организационные расходы, связанные с пересылкой материалов дела из одного суда в другой, упростит анализ и обобщение судебной практики и тому подобное.

Хотелось бы также, чтобы была предоставлена возможность всем гражданам знакомиться с любым судебным постановлением через реестр судебных постановлений.

8. Представительство в судебном процессе

В аспекте более полной реализации положений статьи 62 Конституции Республики Беларусь нужно расширить возможность участникам процесса самим избирать себе представителя, не ограничиваясь адвокатами, близкими род-

ственников или супругами, в частности, по трудовым спорам, спорам о защите социальных прав, в отношении выборов и референдумов, в малозначительных спорах, а также в отношении представительства малолетних или несовершеннолетних лиц и лиц, признанных судом недееспособными, или дееспособность которых ограничена. В остальных случаях — профессиональное представительство через адвокатов, юрисконсульты предприятий и т. п.

Необходимо законодательно определить, что малозначительными делами являются дела, в которых цена иска, например, не превышает сто размеров бюджета прожиточного минимума для трудоспособных лиц, или дела незначительной сложности, которые суд признает малозначительными, если цена иска не превышает пятисот размеров бюджета прожиточного минимума для трудоспособных лиц.

Считаем также, что, кроме того, нуждается в усовершенствовании механизм доступа к адвокатской деятельности, привлечение к дисциплинарной и имущественной ответственности адвоката за предоставление некачественной услуги, что должно способствовать повышению качества судопроизводства в целом.

Особое внимание следует уделить также ответственности представителей в судебном процессе за надлежащее выполнение ими своих процессуальных обязанностей и их воздержанию от злоупотребления процессуальными правами. Например, предусмотреть право суда вынести частное определение в отношении адвоката или прокурора, которым уведомить соответствующие органы, осуществляющие дисциплинарное производство, для решения вопроса о привлечении адвоката или прокурора к дисциплинарной ответственности за злоупотребление или неэтичное поведение.

Подытоживая вышесказанное, хочется отметить, что прогресс не стоит на месте, общество развивается и право должно реагировать на все эти изменения. Совершенствование процессуального законодательства путем внедрения эффективных механизмов защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства служит развитию демократической правовой державы, обеспечению принципа верховенства права.

1. Калинин В. Л. О становлении и развитии судебной власти независимой Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/o-stanovlenii-i-razviti-sudebnoy-vlasti-//> (дата обращения: 24.04.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Скобелев В. П. К вопросу о разработке единого цивилистического процессуального кодекса Республики Беларусь // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 5-й Междунар. науч. конф., Тула, 18–19 сент. 2015 г. / Ин-т законовещения и управления ВПА; редкол.: И. Б. Богородицкий (гл. ред.) [и др.]. Вып. 5. Тула : Папирус, 2015. С. 146–148. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.148

О СРОКЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

А. А. Боярина

начальник управления координации служебной деятельности,
магистр права и управления,
управление Государственного комитета
судебных экспертиз по г. Минску (Беларусь)
e-mail: anujtuk.23@gmail.com

***Аннотация.** С принятием Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» впервые на законодательном уровне регламентировано исчисление срока проведения судебной экспертизы. В статье проводится анализ содержания правовых основ, в том числе с точки зрения влияния на обоснованность назначения и оперативность проведения судебной экспертизы.*

***Ключевые слова:** судебная экспертиза, срок, ходатайство, судебный эксперт.*

***Annotation.** The term calculation of a forensic examination is regulated for the first time at the legislative level by the Law of the Republic of Belarus «On forensic expert activity». The article analyzes the content of the legal basis, including the point of view of impact on the validity of the appointment and efficiency of the expertise.*

***Keywords:** forensic examination, term, petition, forensic expert.*

С образованием Государственного комитета судебных экспертиз развитие судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь получило новый импульс. Совершенствованию подвергалась организационная, научно-методическая, материально-техническая и, конечно, правовая база. Завершением работы по масштабному правовому регулированию данной сферы деятельности явилось принятие Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (вступает в силу 1 января 2021 г.) (далее — Закон).

Указанным Законом определены основные принципы, задачи судебно-экспертной деятельности, а также приведены к единообразию правила осуществления вне зависимости от вида процесса, а также субъектов, осуществляющих ее на профессиональной основе — государственных судебно-экспертных организаций либо индивидуальных предпринимателей (организаций), обладающих соответствующей лицензией [1].

Отметим, что правовое регулирование получили правила, которые ранее использовались в практической деятельности и были закреплены только ведомственными правовыми актами, что порождало отдельные вопросы по их применению. Одним из таких примеров является регламентация срока проведения судебной экспертизы, которая, представляется, направлена на реализацию принципа

соблюдения прав и законных интересов участников процесса, а также косвенно отсылает к стадии подготовки к назначению судебной экспертизы, которой не всегда уделяется достаточное внимание инициаторами ее проведения.

В статье 33 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» закреплены следующие основополагающие правила, касающиеся срока проведения судебной экспертизы:

срок проведения судебной экспертизы, как правило, составляет 30 дней и исчисляется в календарных днях с первого рабочего дня после дня регистрации;

в случае предоставления объектов отдельно от постановления (определения) о назначении судебной экспертизы срок исчисляется с первого рабочего дня, следующего за днем предоставления этих объектов либо обеспечения доступа к ним;

в срок проведения судебной экспертизы не включается срок разрешения ходатайства, заявленного судебным экспертом;

срок для удовлетворения ходатайства судебного эксперта тридцать календарных дней.

Проиллюстрируем указанные положения в сравнении с регламентацией данного вопроса в одном из государственных судебно-экспертных учреждений, которое было переподчинено Государственному комитету судебных экспертиз [2], а также с актуальным правовым полем для субъектов, проводящих судебные экспертизы на основании лицензии [3].

	В Центре судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции (с 03.2003 г. до 01.07.2013 г.)	Для лиц, имеющих лицензии на осуществление судебно-экспертной деятельности (с 09.2014 г. по настоящее время)	Для судебных экспертов, действующих на профессиональной основе (с 01.01.2021 г.)
Срок проведения судебной экспертизы	не более одного месяца	как правило, не более тридцати календарных дней	как правило, не более тридцати календарных дней
Исчисление срока	со дня, следующего за днем поступления материалов (если приходится на нерабочий день, то следующий за ним рабочий день)	со дня регистрации постановления	с первого рабочего дня, следующего за днем регистрации постановления (определения) о назначении судебной экспертизы и предоставления объектов
Срок рассмотрения ходатайства	в течение месяца	–	тридцать календарных дней
Исчисление срока при заявлении ходатайства	срок производства экспертизы приостанавливается при заявлении ходатайства, возобновляется в день поступления ответа на ходатайство	–	в срок проведения судебной экспертизы не включается срок разрешения ходатайства

Таким образом, законодатель устанавливает исчисление сроков, связанных с проведением судебной экспертизы, в календарных днях, что представляется оптимальным, так как ранее использовавшийся срок, равный одному месяцу, мог варьироваться от 28 до 31 дня. Кроме того, с положительной стороны отметим исчисление течения срока с первого рабочего дня, следующего за днем регистрации материалов для проведения судебной экспертизы.

Правовая регламентация срока проведения судебной экспертизы, полагаем, произведет определенный положительный эффект.

Так, не исключены случаи, когда в экспертное учреждение поступает постановление (определение) о назначении судебной экспертизы без каких-либо объектов для исследования (может указываться на их дальнейшее представление). К примеру, один из органов внутренних дел г. Минска дважды выступал инициатором проведения по материалам проверки трасологической экспертизы в отношении поврежденного сидения из автомобиля «Фольксваген гольф». Однако ни разу по ходатайству судебного эксперта объект для исследования предоставлен не был, то есть фактически проведение экспертного исследования не представлялось возможным. Данная ситуация может быть вызвана различными причинами, но в таких случаях неизбежно возникают сомнения в необходимости (значении) заключения эксперта для принятия процессуального решения по материалу проверки, а также проведения подготовительной работы к назначению судебной экспертизы. К вопросу о необходимости назначения экспертизы, выводы которой, как правило, не имеют значения для хода разбирательства, обращались практические деятели и в советское время [4, с. 40].

В то же время подготовительный этап к назначению судебной экспертизы как в части сбора всех необходимых объектов для исследования, так и касательно формулирования ставящихся для разрешения перед судебным экспертом вопросов является обязательным условием для проведения всестороннего, полного и объективного экспертного исследования. При этом надлежащая подготовка направлена и на оптимизацию срока получения заключения эксперта, на длительность которого, случается, ссылаются правоохранительные органы, объясняя продолжительность рассмотрения заявления (сообщения) о преступлении, расследования уголовного дела.

Включение в Закон указанной нормы, представляется, побудит инициаторов назначения судебных экспертиз к более качественному подходу к подготовке материалов, в том числе обеспечивающему одновременное направление решения о назначении судебной экспертизы и объектов исследования, а также ориентирующему на законодательно установленный срок для рассмотрения ходатайств. В то же время на судебных экспертов с учетом принципа добросо-

вестности участников процесса возложена обязанность по обоснованному и своевременному их заявлению.

Отдельно остановимся на регламентации исчисления срока проведения судебных экспертиз по гражданским и экономическим делам. Зачастую требование о предварительном внесении сумм за их проведение не выполнялось. В этой связи представляется, что законодательная привязка момента начала проведения судебной экспертизы с оплатой в полном объеме ее стоимости, а также установленный 30-дневный срок для такой оплаты (по его истечении руководитель вправе возвращать суду определение о назначении судебной экспертизы без исполнения) не только отвечают принципу состязательности сторон, но и будут способствовать более взвешенному подходу как сторон по делу, так и судебных органов к ее назначению.

С учетом вышеизложенного полагаем, что законодательная регламентация срока исчисления проведения судебной экспертизы будет способствовать повышению эффективности осуществления судебно-экспертной деятельности со стороны всех ее участников — как принимающих решение о назначении судебных экспертиз, так и судебных экспертов, которым поручено их проведение.

1. Швед, А. Заключение судэксперта, права физлиц, реестры — о правовых новеллах в отрасли [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство «БЕЛТА». URL: <https://www.belta.by/interview/view/zakljuchenie-sudeksperta-prava-fizlits-reestry-o-pravovyh-novellah-v-otrasli-7178> (дата обращения: 13.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Инструкции о порядке производства судебных экспертиз и специальных исследований в научно-исследовательском учреждении «Научно-исследовательский институт проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 31 июля 2003 г., № 20 : в ред. от 06.02.2012 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О некоторых вопросах осуществления судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : постановление Гос. комитета суд. экспертиз Респ. Беларусь, 15 мая 2014 г., № 7 : в ред. от 29.02.2016 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Гусев Е. М. Больше внимания качеству подбора материалов, представляемых на экспертизу // Сборник материалов по обмену опытом из экспертной практики ; под ред. П. Т. Скорченко, В. В. Громова. М., 1967. С. 38–41. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.414

ЗАЩИТА ПРАВ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ГОРОДАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

И. В. Воронцовская

старший преподаватель кафедры международного права,
магистр права, УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы» (Беларусь)
e-mail: irina.voronetskaya@tut.by

***Аннотация.** В статье анализируются правовые нормы, регулирующие интересы землепользователей в области государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Исследуются средства и способы, а также механизм реализации прав землепользователей при обращении за государственной регистрацией земельных участков и прав на них в городах Республики Беларусь с целью повышения эффективности законодательного регулирования защиты интересов землепользователей.*

***Ключевые слова:** землепользователь, государственная регистрация недвижимого имущества, реализация прав, правоохранительная сфера.*

***Annotation.** This article analyzes the legal norms that regulate the land users interests in the field of real estate state registration, rights to it and transactions with it. The article examines the means and methods, as well as the mechanism for implementing the land users rights when applying for state registration of land plots and rights to them in the cities of the Republic of Belarus in order to improve the legislative regulation effectiveness of the land users interests protecting.*

***Keywords:** land user, real estate state registration, implementation of rights, law enforcement.*

В статье исследуются средства и способы, а также механизм реализации прав землепользователей при обращении за государственной регистрацией земельных участков и прав на них в городах Республики Беларусь с целью повышения степени защиты прав и законных интересов землепользователей.

Теоретической базой настоящего исследования стали труды в области правового регулирования прав землепользователей кандидата юридических наук Н. Г. Станкевич, кандидата юридических наук Н. А. Шингель, кандидата юридических наук И. С. Шахрай, кандидата юридических наук О. А. Хотько и других правоведов.

Основными нормативными правовыми актами, регулиющими права граждан Республики Беларусь в области государственной регистрации земельных участков, являются Закон Республики Беларусь от 22.07.2002 г. № 133-З

«О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (далее — Закон № 133-3), Кодекс Республики Беларусь о земле (далее — КоЗ), Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК), указы Президента Республики Беларусь (в частности, Указ Президента Республики Беларусь от 27.12.2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» (далее — Указ № 667), Указ Президента Республики Беларусь от 02.02.2009 г. № 58 «О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд», Указ Президента Республики Беларусь от 23.09.2011 г. № 431 «О некоторых мерах по совершенствованию отношений в области изъятия, предоставления и использования земельных участков», Указ Президента Республики Беларусь от 26.12.2017 г. № 463 «О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков») и другие нормативные правовые акты.

В Законе № 133-3 закреплено, что права на недвижимое имущество возникают, переходят и прекращаются с момента государственной регистрации. Данная норма соответствует статье 5 КоЗ, в которой установлено, что земельные отношения осуществляются, в том числе на основе принципа обязательной государственной регистрации земельных участков, прав на них и сделок с ними.

Кандидат юридических наук И. С. Шахрай отмечает, что земельные участки и основания их возникновения различаются в зависимости от наличия гражданства Республики Беларусь. Иностранцы граждане и лица без гражданства, даже проживающие на территории республики, не имеют национального статуса в земельных отношениях [1].

В данной статье рассмотрим более подробно реализацию прав землепользователей — граждан Республики Беларусь в области государственной регистрации прав на земельные участки в городах (далее — землепользователи).

И. С. Шахрай в исследовании прав граждан на земельные участки в городах отмечает разнообразие правовых форм использования земли в качестве одной из тенденций развития законодательства в Республике Беларусь в настоящее время [1].

В частности, в соответствии с КоЗ и Указом № 667 за гражданами Республики Беларусь земельные участки в городах могут быть зарегистрированы на следующих видах права: на праве собственности, на праве пожизненного наследуемого владения, в аренде, на праве временного пользования [2].

Кандидат юридических наук О. А. Хотько, исследуя эффективность законодательного обеспечения правовых интересов участников земельных отношений, главным условием развития правовых норм считает направленность на со-

блюдение баланса интересов и взаимная ответственность всех субъектов, связанных с землепользованием [2, с. 96].

Анализ законодательного регулирования реализации прав землепользователей позволяет выделить следующие способы реализации прав землепользователей при обращении за государственной регистрацией земельных участков в городах:

1. В случае обращения за государственной регистрацией возникновения прав на земельный участок по решению соответствующего исполнительного и распорядительного органа.

В соответствии со статьей 70 КоЗ установлен двухмесячный срок для обращения за государственной регистрацией возникновения прав на земельный участок [3]. Пропуск установленного законодательством срока для обращения за государственной регистрацией является основанием для отказа в государственной регистрации. Способ защиты интересов землепользователей в данном случае следующий: кандидату в правообладатели следует обратиться в соответствующий исполнительный и распорядительный орган за вынесением нового решения и своевременно подать заявление о государственной регистрации в организацию по государственной регистрации для совершения регистрационных действий.

2. В случае обращения за государственной регистрацией прав на земельный участок в порядке вступления в наследство.

В соответствии с пунктом 4 статьи 1069 ГК при наследовании имущество признается принадлежащим наследнику со времени открытия наследства независимо от момента государственной регистрации права наследника на это имущество, даже если переход такого права подлежит государственной регистрации [4]. Однако в последующем для осуществления любых юридических действий с унаследованным имуществом (изменение объекта, отчуждение и т. д.) в регистре недвижимости должна содержаться информация о переходе права на него к наследнику. Таким образом, имеет место коллизия правовых норм, так как в соответствии с Законом № 133-З права на недвижимое имущество возникают с момента государственной регистрации [5].

Также следует отметить, что наследники земельных участков, находящихся в частной собственности граждан, обязаны обратиться в соответствующую организацию по государственной регистрации за государственной регистрацией перехода права частной собственности на переданный по наследству земельный участок по истечении установленного гражданским законодательством срока для принятия наследства, но не позднее восемнадцати месяцев со времени открытия наследства. Этот срок может быть продлен судом по заявлению наследника, но не более чем на шесть месяцев, если у наследника имелась

уважительная причина, препятствовавшая ему обратиться за государственной регистрацией перехода права частной собственности на земельный участок (болезнь, отсутствие в Республике Беларусь или иная уважительная причина) [3].

В случае пропуска указанного срока в государственной регистрации может быть отказано при наличии вступившего в законную силу решения суда об изъятии земельного участка и (или) прекращении прав на него у соответствующего гражданина (в случае если земельный участок принадлежал наследодателю на праве собственности) или при вынесении исполнительным и распорядительным органом решения об изъятии земельного участка и (или) прекращении прав на него у соответствующего гражданина (в случае если земельный участок принадлежал наследодателю на праве пожизненного наследуемого владения). Способ защиты интересов землепользователей в данном случае следующий: заявитель может обратиться в суд с иском для защиты своих законных интересов или подать жалобу на действия (бездействие) регистратора в суд либо в течение одного года обратиться с заявлением в соответствующую территориальную или республиканскую организацию по государственной регистрации.

3. В случае перехода прав на земельный участок на основании сделки по отчуждению недвижимого имущества.

В настоящее время законодательством установлен трехмесячный срок для обращения за государственной регистрацией договора отчуждения недвижимого имущества. Однако законодательством не регламентированы правовые последствия несоблюдения срока обращения за государственной регистрацией в отношении таких договоров отчуждения и, соответственно, регистратор недвижимости не вправе отказать в совершении регистрационного действия. Способ защиты интересов землепользователей в данном случае следующий: заявитель может обратиться в суд с иском для защиты своих законных интересов или подать жалобу на действия (бездействие) регистратора в суд либо в течение одного года обратиться с заявлением в соответствующую территориальную или республиканскую организацию по государственной регистрации.

В соответствии со статьей 10 Закона № 133-З государственная регистрация прав на недвижимое имущество может быть отменена только в судебном порядке.

В случае признания недействительной государственной регистрации создания недвижимого имущества недействительной является также государственная регистрация прав, ограничений (обременений) прав на него и зарегистрированных сделок с ним.

В случае признания недействительной государственной регистрации права, являющегося связанным с иным правом, ограничением (обременением) пра-

ва, недействительной является также государственная регистрация связанных с ним прав, ограничений (обременений) прав.

В случае признания недействительной государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом недействительной является также государственная регистрация основанных на такой сделке прав, ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество [5].

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о гарантиях и способах защиты прав землепользователей при обращении за государственной регистрацией земельных участков и прав на них в городах в Республике Беларусь:

1. Государство гарантирует защиту информации, содержащейся в Едином государственном регистре недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним.

2. Установлена ответственность республиканских и территориальных организаций по государственной регистрации при государственной регистрации.

3. В Законе № 133-З законодатель строго регламентирует основания для отказа в приеме документов для государственной регистрации прав на недвижимое имущество и для отказа в совершении регистрационных действий.

4. Основным способом защиты интересов землепользователей при государственной регистрации земельных участков и прав на них в городах Республики Беларусь является судебная защита. Заинтересованное лицо, считающее, что регистратор своими действиями (бездействием) нарушил его гражданские права, имеет право подать жалобу на действия (бездействие) регистратора в суд либо в течение одного года обратиться с заявлением в соответствующую территориальную или республиканскую организацию по государственной регистрации.

5. Действующая на сегодняшний день правоприменительная практика в данной области отношений свидетельствует о том, что в ряде случаев законодательно не установлены последствия нарушения сроков обращения за государственной регистрацией, что, по нашему мнению, с одной стороны, является пробелом в законодательстве, однако, с другой стороны, отсутствие законодательно установленных последствий нарушения сроков обращения за государственной регистрацией упрощает процедуру оформления прав и содействует интересам землепользователей, снижает нагрузку на суды и государственные исполнительные и распорядительные органы.

1. Шахрай И. С. Права граждан на земельные участки [Электронный ресурс] // Евразийский юридический журнал. 2010–2018. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=7014:2018-05-21-06-40-46&catid=239:2013-04-15-09-07-29&Itemid=48 (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Хотько О. А. Эффективность законодательного обеспечения правовых интересов участников земельных отношений // Промышленно-торговое право. 2016. № 3. С. 93–96. [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2002 г., № 133-3 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.226

ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

О. Ф. Воспякова

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики,

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

e-mail: vitolga8356@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме правового регулирования физического и психического принуждения в уголовном законодательстве Республики Беларусь и России.*

***Ключевые слова:** обстоятельства, исключающие преступность деяния, физическое принуждение, психическое принуждение, крайняя необходимость.*

***Annotation.** The article is devoted to the problem of legal regulation of physical and mental coercion in criminal law.*

***Keywords:** circumstances precluding criminal acts, physical coercion, mental coercion, extreme necessity.*

В качестве основания уголовной ответственности ст. 10 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) предусматривает совершение преступления. Согласно ст. 11 УК, преступление — это деяние, характеризующееся предусмотренными законом признаками, отражающими его внешнее проявление и внутреннее содержание [1]. Преступным признается общественно опасное, противоправное, осознанное и волевое поведение лица. Деяние не может признаваться таковым, если отсутствует хотя бы одна из этих характеристик.

Волевое поведение лица предполагает наличие у него возможности управлять своими поступками, отсутствие обстоятельств, которые способны подавить его волю. В теории уголовного права к числу таких обстоятельств относятся непреодолимая сила, физическое и психическое принуждение. Эти внешние факторы не позволяют человеку полностью либо частично действовать в соответствии с его желаниями. В этой связи закономерно встает вопрос об уголовно-правовом значении указанных обстоятельств, в частности физического и психического принуждения.

Правовая оценка деяний, совершенных под принуждением, неоднозначна. В уголовном законодательстве ряда государств принуждение относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, ст. 122-2 Уголовного кодекса Франции предусматривает, что не подлежит уголовной ответственности лицо, действовавшее под влиянием силы или принуждения, которым оно не могло противостоять. В ст. 40 Уголовного кодекса Голландии говорится, что лицо, которое совершает правонарушение под влиянием силы, которой оно не может противостоять, не подлежит уголовной ответственности. В п. 6 ст. 21

Уголовного кодекса Испании указано, что не подлежит уголовной ответственности тот, кто действовал в состоянии сильного страха. Сильный страх может быть вызван, в частности, принуждением (в первую очередь психическим) [2].

В этой связи представляется целесообразным провести сравнительный анализ правовой регламентации принуждения в уголовном законодательстве России и Республики Беларусь.

Часть 1 ст. 40 Уголовного кодекса России (далее — УК РФ) также относит физическое принуждение к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния. Из содержания этой статьи следует, что в ч. 1 речь идет о так называемом непреодолимом физическом принуждении, в результате которого лицо не могло руководить своим поведением [3]. Это может выражаться в применении к принуждаемому лицу физической силы, нанесении побоев, причинении телесных повреждений, ограничении свободы и в других подобных действиях, чтобы добиться от него желаемого поведения как в форме действия, так и бездействия.

Представим следующую ситуацию. Сотрудник ОВД стал очевидцем совершаемого преступления. Когда он попытался задержать виновного, другой из соучастников преступления ударил сотрудника камнем по голове и тот потерял сознание. Очевидно, что примененное к сотруднику насилие явилось непреодолимым, лишило его возможности пресечь преступление, т. е. выполнить служебный долг. По существу, сотрудника ОВД принудили к бездействию.

В другом случае после совершения хищения преступники остановили автомобиль, вытащили водителя из кабины, избили его, а затем потребовали перевезти их вместе с похищенным имуществом в указанное ими место, что тот и сделал. Водитель под влиянием физического принуждения совершил общественно опасное деяние (укрывательство преступления) в форме действия.

В ч. 2 ст. 40 УК РФ предусмотрено, что, если, несмотря на физическое принуждение, лицо могло руководить своими действиями, вопрос о его ответственности решается с учетом положений ст. 39, предусматривающей такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как крайняя необходимость. Речь идет о так называемом преодолимом физическом принуждении. Для признания его обстоятельством, исключающим преступность деяния, необходимо установить критерии допустимости причинения вреда под принуждением. Таковыми, прежде всего, являются наличность и действительность принуждения. Кроме того, необходимо, чтобы вред от деяния, совершенного под принуждением, был менее значителен, чем вред, который мог бы наступить. Так, не является преступным укрывательство особо тяжкого преступления (убийства), если укрывателя вынудили к этому, причинив ему с целью устрашения телесные повреждения. Совершая деяние против правосудия, лицо тем самым спасло свое здоровье и, возможно, жизнь.

Таким образом, в уголовном законодательстве России непреодолимое физическое принуждение расценивается как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния. Правовая оценка преодолимого физического принуждения зависит от того, насколько характер и степень общественной опасности совершенного под принуждением деяния соответствует ценности тех благ, ради сохранения которых принуждаемое лицо и совершило это деяние. Поэтому при соответствующих условиях такое принуждение может оцениваться по правилам крайней необходимости.

Психическое принуждение представляет собой угрозу причинения физического или иного существенного вреда лицу с целью склонить его к совершению общественно опасного деяния (действия либо бездействия). В отличие от физического психическое принуждение является преодолимым, так как, несмотря на угрозы, лицо сохраняет возможность действовать по своему усмотрению. Поэтому в соответствии с ч. 2 ст. 40 УК РФ вопрос об ответственности за вред, причиненный в такой ситуации, решается по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). При отсутствии признаков крайней необходимости лицо, причинившее вред под принуждением, подлежит ответственности на общих основаниях, а факт психического принуждения может признаваться смягчающим ответственность обстоятельством (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Так, если лицо под угрозой убийства заставили совершить убийство другого лица, то оно подлежит ответственности за это преступление в качестве исполнителя, так как спасало собственную жизнь ценою жизни другого человека, а тот, кто его принудил, признается подстрекателем.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь физическое и психическое принуждение не предусмотрены в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния. Только в п. 7 ч. 1 ст. 63 УК указывается совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. По существу, в УК отсутствует законодательная регламентация деяний, совершаемых под принуждением, в связи с чем возникают сложности в правовой оценке таких ситуаций на практике.

В каждом конкретном случае необходимо решать вопрос о степени подавления волеизъявления лица. Если понуждаемое лицо полностью лишено физической возможности действовать по своему усмотрению, что свидетельствует о непреодолимости принуждения, то оно не подлежит уголовной ответственности. В уголовно-правовой доктрине Республики Беларусь основанием для этого выступает отсутствие субъективного основания ответственности за бездействие, что приравнивает такое физическое принуждение к непреодолимой силе. Вместе с тем эти два обстоятельства, подавляющие волю лица, не следует отождествлять. Источниками непреодолимой силы могут выступать различные

факторы: явления природы, действие механизмов, болезнь и др. Принуждение всегда связано с неправомерной деятельностью посторонних лиц. Поэтому представляется уместным по аналогии с уголовным законодательством России и Украины предусмотреть непреодолимое физическое принуждение в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Правовая оценка психического принуждения в уголовном праве Республики Беларусь фактически соответствует рассмотренной выше характеристике этого обстоятельства в российском законодательстве. При соответствующих условиях психическое принуждение оценивается по правилам крайней необходимости. При отсутствии признаков крайней необходимости лицо несет ответственность на общих основаниях с учетом вышеуказанного смягчающего обстоятельства. Но, как и в случае с физическим принуждением, это законодательно не закреплено.

Определенную сложность представляет ситуация, когда физическое и психическое принуждение сочетается. Например, с целью склонения лица к неправомерному поведению его избивают, а затем угрожают причинением более тяжких последствий. Представляется, что в целом содеянное следует расценивать как физическое принуждение, исключающее преступность деяния.

Разновидностью психического принуждения можно считать гипноз, под воздействием которого лицо совершает общественно опасное деяние. В большинстве случаев загипнотизированный человек не в состоянии руководить своими действиями. Имеет место непреодолимое психическое принуждение, правовая регламентация которого отсутствует как в российском, так и в белорусском законодательстве. Поэтому вопрос об ответственности такого лица остается без ответа. Признать лицо, находящееся в состоянии гипноза, невменяемым и поэтому не подлежащим уголовной ответственности также нельзя, так как отсутствует медицинский критерий невменяемости — наличие психического расстройства (заболевания).

Таким образом, представляется целесообразным предусмотреть в уголовном законодательстве Республики Беларусь физическое и психическое принуждение в качестве самостоятельных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Мадлаева Ф. В. Физическое и психическое принуждение: виды и способы [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 17. URL: <https://moluch.ru/archive/97/21735/> (дата обращения: 05.03.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 18.02.2020 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.352.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК МЕТОД БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Р. С. Вульвач

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: vulvachr@mail.ru

***Аннотация.** Автор рассматривает возможность введения уголовной ответственности юридических лиц в качестве одного из методов противодействия корпоративной коррупции.*

***Ключевые слова:** коррупция, корпоративная коррупция, противодействие коррупции, уголовная ответственность, юридические лица.*

***Annotation.** The author considers the possibility of introducing criminal liability of legal entities as one of the methods of combating corporate corruption.*

***Keywords:** corruption, corporate corruption, anti-corruption, criminal liability, legal entities.*

Важнейшим приоритетом белорусского общества и государства была и остается неукоснительная защита основ конституционного устройства нашего государства, обеспечение прав и законных интересов граждан, направленное на достижение мира и согласия в обществе, реализация таких основополагающих принципов демократического развития нашего общества, как социальная справедливость, равенство всех перед законом, нацеленных в том числе и на преодоление такого социального зла, как коррупция.

Анализ мирового опыта по выявлению причин возникновения и существования коррупции показывает, что наибольшую активность она проявляет в те моменты, когда государства находятся на пути своего становления, совершенствования и перехода к иным более новым методам управления экономикой, выработки иных основополагающих мер, связанных с существованием общества в целом в различных сферах жизнедеятельности.

Подтверждением высказанного мнения о периодизации коррупционных проявлений является и практика борьбы с коррупцией в нашем государстве, которая наиболее четко может быть прослежена на примере поэтапности формирования и совершенствования антикоррупционного законодательства в Республике Беларусь, которая была начата еще в 1993 году с принятием 15 июня Закона «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией». Ныне действующий Закон Республики Беларусь № 305-З «О борьбе с коррупцией», принятый 15 июля 2015 г. (далее — Закон о борьбе с коррупцией) стал очередным правовым документом, отражающим концептуальный подход государства

в вопросе неукоснительной борьбы с коррупцией в нашем обществе на современном этапе. В Законе о борьбе с коррупцией выработано правовое понятие коррупции, исходя из которого определены субъекты коррупционных правонарушений, предложена законодательная система мер борьбы и предупреждения данного пагубного явления, введены понятия коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции [1]. Однако понятие коррупционного преступления при принятии данного Закона выработано не было. Имеющиеся пробелы и неточности в действующем антикоррупционном законодательстве предполагают дальнейшее продолжение законотворческого процесса по его совершенствованию с целью достижения более ощутимых результатов в борьбе с данным социальным злом.

Требование о необходимости принятия таких мер было сформулировано также и в Послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию 19 апреля 2019 года, где указано, что, несмотря на обеспечение на должном уровне в целом общественного порядка и спокойствия граждан в стране, в нашем обществе продолжает существовать такое позорное явление, как коррупция. Работа по противодействию коррупционным проявлениям ведется на системной основе, а ее результаты максимально открыты. При этом, по мнению Главы государства, масштаб выявляемых преступных схем не может не настораживать и требует принятия дополнительных мер борьбы с подобными деяниями [2].

Правовым ресурсом по достижению поставленных задач в решении данного вопроса стал Декрет Президента Республики Беларусь № 3 «О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией», принятый 10 мая 2019 года (далее — Декрет). Данным документом был установлен запрет на представление к условно-досрочному освобождению или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием лиц, осужденных за совершение коррупционных преступлений. Он же предписывал в трехмесячный срок обеспечить приведение в соответствие с Декретом действующего уголовного законодательства Республики Беларусь [3].

Реализуя положения Декрета, 11 ноября 2019 года законодателем был принят Закон Республики Беларусь № 253-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь» (далее — Закон), в соответствии с которым действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) дополнен примечанием к статье 90, где законодательно закреплен исчерпывающий перечень коррупционных преступлений. К таковым относятся: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, при совершении данных деяний должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2, 3

ст. 235 УК), злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействие должностного лица (ст. 425 УК), превышение власти или служебных полномочий, в случае совершения данных действий из корыстной либо иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 426 УК), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК), преступления, связанные с взяточничеством (ст. 430–432 УК), а также воинские преступления, связанные со злоупотреблением властью, превышением власти либо с бездействием власти, если указанные преступления были совершены из корыстной либо иной личной заинтересованности (ст. 455 УК) [4].

Этим же правовым документом ст. 90 УК была дополнена частью 8, в которой установлено, что лица, осужденные за совершение преступлений коррупционного характера, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания [4]. Кроме того, аналогичный запрет предусмотрен и в отношении возможности замены неотбытой части наказания более мягким для данной категории осужденных, что закреплено в ч. 7 ст. 91 УК [4].

Принятые изменения и дополнения действующего уголовного законодательства Республики Беларусь позволяют вести речь о достаточно полной правовой регламентации уголовной ответственности физических лиц, совершивших коррупционные преступления.

В то же время судебно-следственная практика на современном этапе свидетельствует о том, что нередко уголовно-правовой оценке подлежат деяния лиц, которые совершают их не для личной выгоды, а в пользу корпоративных интересов. Когда благоприятный результат от коррупционных преступлений получают предприятия, фирмы, то есть юридические лица, а не то физическое лицо, которое напрямую совершило уголовно наказуемое деяние.

Корпоративная коррупция все чаще выступает как один из видов корыстной преступности, когда ее пагубное влияние на экономику, подрывающее авторитет государственной власти, демократические устои и моральные ценности нашего общества, ставит перед тем же обществом вопрос о правомерности и целесообразности введения уголовной ответственности и для юридических лиц.

Поднимая вопрос о возможности распространения уголовной ответственности за коррупционные преступления на юридических лиц в рамках законодательства Республики Беларусь, представляется необходимым обратиться к опыту других государств в рамках установления такой ответственности. Подобная практика существует в целом ряде стран, таких как Германия, Канада, Австралия, США, Великобритания, Китай. Одной из стран, чей опыт в данной области представляет существенный интерес, по мнению многих авторов, в том числе и Н. Е. Крыловой, является Франция.

Как отмечает Н. Е. Крылова, по уголовному законодательству Франции юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только наряду с физическими лицами, а не вместо них. В ст. 121-2 Уголовного кодекса Франции специально указывается на то, что ответственность юридического лица не исключает ответственности физического лица, «исполнителя или соучастника тех же самых действий». Более того, ответственность юридических лиц, согласно Уголовному кодексу Франции, обусловлена наличием необходимых двух обстоятельств, заключающихся в том, что преступное деяние должно быть совершено в пользу юридического лица и его руководителем или представителем [5, с. 23].

Совершение преступления «в пользу» юридического лица означает, что в результате совершения преступного деяния юридическое лицо получает определенную выгоду, причем речь идет, как правило, об имущественной выгоде, хотя не исключается и иная «польза». Немаловажным фактом является и то, что ответственность юридических лиц наступает только в случаях, специально предусмотренных законом или подзаконным нормативно-правовым актом [5, с. 53].

Отталкиваясь от предложенного подхода в определении понятия уголовной ответственности для юридических лиц во французском законодательстве, необходимо обратиться и к анализу видов наказаний, которые могут быть применены к ним. Согласно Уголовному кодексу Франции, к ним относятся штраф, прекращение деятельности юридического лица, запрещение профессиональной или общественной деятельности и другие [5, с. 53].

Говоря о штрафе для юридических лиц, представляется возможным отметить, что максимальный размер штрафа, применяемый к юридическим лицам, равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренного для физических лиц за совершенное преступное деяние. Прекращение деятельности юридического лица как вид наказания также имеет свои особенности, оно не может быть применено к юридическим лицам публичного права, к политическим партиям и объединениям или профессиональным союзам, к организациям, представляющим интересы персонала. В свою очередь, запрещение профессиональной или общественной деятельности может носить окончательный характер или быть установленным на определенный срок не более пяти лет. Запрет предписывается на осуществление деятельности прямо или косвенно на один или несколько видов профессиональной или общественной деятельности.

Помимо указанных выше положений, уголовное законодательство Франции включает в себя нормы, предусматривающие понятие рецидива преступлений юридических лиц, отсрочку объявления наказания и отсрочку исполнения наказания, а также статьи о правовой реабилитации юридических лиц. Исходя из анализа структуры уголовной ответственности юридических лиц, предложенной законодательством Франции, можно сделать вывод, что данный подход

весьма схож и сопоставим с уголовной ответственностью физических лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, в том числе и коррупционной направленности.

Исходя из проведенного анализа французского уголовного законодательства в рамках данного аспекта, представляется возможным отметить, что уголовное преследование отдельно взятого физического лица или группы лиц не может дать должного предупредительного эффекта по недопущению новых преступлений со стороны иных лиц, не позволяет добиться восстановления понесенного как материального, так и нематериального ущерба, причиненного в результате преступления.

Введение уголовной ответственности юридического лица не только не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, которые сами совершили данные коррупционные преступления в качестве исполнителя либо являлись иными соучастниками совершенного коррупционного преступления, но и усиливает непосредственное профилактическое воздействие в отношении таких лиц. Более того наличие угрозы применения уголовной ответственности в отношении юридических лиц за коррупционные преступления может выступать в качестве одного из мотивирующих факторов для самих юридических лиц в вопросе организации более эффективных мер контроля за деятельностью руководства данными организациями с целью недопущения коррупционных преступлений.

Таким образом, очевидно, что, учитывая демократические тенденции развития современного белорусского общества, с одной стороны, и возрастающую угрозу такого общественно опасного явления, как корпоративная коррупция, с другой стороны, представляется заслуживающей внимания позиция по формированию уголовно-правового института уголовной ответственности юридических лиц как метода противодействия коррупционным преступлениям.

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903 (дата обращения: 20.02.20). [Вернуться к статье](#)

3. О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2019 г., № 3 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2019 г., № 253-3 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М. : Спарк, 1996. 124 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.96

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

А. И. Габа

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы подготовки следователями судебных психиатрических экспертиз по уголовным делам и пути решения этих проблем.

Ключевые слова: расследование, преступления, психические расстройства, судебная экспертиза.

Annotation. The article discusses the problems of preparation by investigators of forensic psychiatric examinations in criminal cases and ways to solve these problems.

Keywords: investigation, crimes, mental disorders, forensic examination.

В методике расследования общественно опасных деяний (далее — ООД) лиц, страдающих психическими расстройствами, особое значение приобретает такой ее элемент, как особенности использования субъектами расследования специальных знаний в области судебной психиатрии и судебной психологии. В свою очередь, в рамках данного элемента ключевую роль играют особенности подготовки и назначения судебно-психиатрических экспертиз (далее — СПЭ).

Обобщение следственной и судебной практики показывает, что, к сожалению, среди следователей весьма распространенным является подход к подготовке СПЭ как к формальной и малозначительной процедуре, которую можно осуществить по шаблону без должного учета всех особенностей конкретного преступления и конкретной следственной ситуации по уголовному делу.

От качества проведения этапа подготовки СПЭ во многом зависит весь процесс расследования уголовных дел изучаемой категории. Анализ материалов архивных уголовных дел убедительно показывает, что в целом роль этого этапа субъектами расследования очень сильно недооценивается. В большинстве случаев следователи, установив поводы для назначения экспертизы, ограничиваются получением медицинских документов из психоневрологических учреждений, где проходил лечение либо обследование подэкспертный (в том случае, когда такое обследование или лечение имело место), характеристик с места его учебы (работы); допросами в качестве свидетелей учителей, представителей администрации по месту учебы (работы). Зачастую даже этот весьма ограниченный круг мероприятий не выполняется.

Крайне редко следователи пытаются установить и задокументировать такие важные обстоятельства, как патологии протекания беременности у матери подэкспертного, родовые травмы (особенно черепно-мозговые) новорожденного, наличие страдающих психическими расстройствами лиц среди его кровных родственников, патологии раннего детского возраста. Это характерно в первую очередь для случаев, когда подэкспертным является взрослый (особенно человек зрелого возраста), хотя и в отношении несовершеннолетних такая ситуация также не является редкостью. Что касается взрослых подэкспертных, то игнорируется информация об имевших место патологиях и иных аномалиях подросткового возраста.

Между тем негативные экзогенные и эндогенные факторы, воздействующие не обязательно только на головной мозг, но и на иные системы организма человека в период внутриутробного развития и в раннем детском возрасте, являются одними из основных причин психических расстройств, которыми человек может страдать в течение всей своей жизни [1, с. 26; 2, с. 246]. При этом наиболее тяжелые последствия их воздействия для психики человека нередко начинают проявляться спустя многие годы, когда на результаты их воздействия накладывается действие иных негативных факторов, сопровождающих развитие человека в течение его жизни (острые и хронические психотравмирующие ситуации, неблагоприятная психологическая среда жизнедеятельности, злоупотребление алкоголем, отравления, соматические заболевания, физическое и психическое перенапряжение и др.) [3, с. 15; 4, с. 29].

В характеристиках с места работы или учебы подэкспертного редко содержится полная информация о тех особенностях его психической деятельности и поведения, которые интересуют эксперта. Причина этого не только и не столько в формальном отношении следователя к получению характеристики и соответствующих должностных лиц к ее составлению, сколько в незнании следователем того, что именно должно быть отражено в этой характеристике (что именно является в ней ценным для эксперта), и по этой причине — в его неспособности ориентировать представителей администрации учебного заведения, предприятия на отражение необходимых сведений в подобных документах.

Особенно ценными для эксперта являются данные, указывающие на особенности психического состояния лица в момент совершения ООД. Такие данные могут содержаться в протоколе осмотра места происшествия при условии, что следователь выявил и зафиксировал такие признаки обстановки места происшествия, которые являются результатом действий, совершаемых под влиянием аномально функционирующей психики. Вместе с тем протоколы указанного следственного действия в большинстве своем не отражают названные особенности обстановки места происшествия. Мы имеем в виду те случаи, когда со-

держащаяся в материалах уголовного дела информация свидетельствует о том, что такие особенности обстановки места происшествия, указывающие на соответствующее психическое состояние субъекта деяния, имели место.

Привлечение к уголовной ответственности, содержание в следственных изоляторах, перспектива длительного лишения свободы являются обстоятельствами, создающими для подозреваемого (обвиняемого) выраженную психотравмирующую ситуацию. В связи с этим даже в тех случаях, когда субъект деяния до совершения ООД и во время его совершения не имел психического расстройства, подобная ситуация может стать причиной возникновения выраженного расстройства психики. Если же такое расстройство у него было, то оно практически всегда обостряется. В последующем такие расстройства проявляются, и их признаки могут быть выявлены следователем как в процессе личного общения, так и посредством других лиц.

Грамотно проведенный допрос с активным использованием следователем специальных знаний в области судебной психиатрии и судебной психологии, с привлечением в необходимых случаях соответствующих специалистов является эффективным средством выявления и фиксации признаков психических расстройств. Если психическое расстройство является выраженным, то выявление таких признаков особого труда не составляет. Но если расстройство не является выраженным, если оно затрагивает преимущественно эмоциональную и волевую сферы (а именно такие расстройства являются преобладающими по распространенности среди лиц данной категории), для выявления его признаков необходимы правильно выбранные, научно обоснованные тактические приемы со стороны следователя. В выборе таких приемов существенную помощь следователю может оказать специалист — судебный психиатр. Но и в этом случае возможности фиксации особенностей психического состояния допрашиваемого путем протоколирования хода и результатов допроса весьма ограничены. Для того, чтобы результаты допроса, зафиксировавшие психическое состояние допрашиваемого, могли быть в статусе источника доказательств и в должной мере могли быть восприняты всеми участниками уголовного процесса и, самое главное, судом, необходима видеозапись хода и результатов допроса. Применение же видеозаписи при допросе является достаточно большой редкостью.

Эксперт уже не в состоянии компенсировать недостатки подготовки экспертизы. Результатом является невозможность для эксперта на должном уровне осуществить ряд важнейших элементов процесса экспертного исследования. К таким элементам относится, прежде всего, собирание сведений, составляющих анамнез. Причем это касается не только объективной, но и субъективной составляющей анамнеза. Если допрос проводился с активным использованием специальных знаний в области психиатрии, допрашиваемые могут сообщить

следователю важную информацию о своем психическом состоянии в конкретные моменты времени. Такая информация крайне важна эксперту для составления анамнеза и последующей оценки этих сведений. В противном случае она ускользает от эксперта. Впоследствии, в ходе экспертизы по прошествии времени по тем или иным причинам подэкспертные зачастую уже не сообщают ее экспертам в процессе общения с ними.

Следующим элементом экспертизы, на результативности которого негативно сказывается рассматриваемая ситуация, является проведение экспертом ретроспективного психиатрического анализа материалов дела. Эксперт сможет осуществить его на должном уровне только в том случае, если материалы дела имеют «психолого-психиатрическую составляющую», т. е., если следователь отразил в материалах дела обнаруженную самим им лично и зафиксированную в ходе процессуальных действий либо предоставленную ему иными лицами информацию об имеющих отношение к личности подэкспертного событиях, обстоятельствах, которая позволяет специалисту вскрыть закономерности и особенности развития его психики и ее функционирования в интересующие следствие и суд периоды времени, причинно-следственные связи между этими особенностями психики и конкретными элементами события преступления, а также иными событиями, имеющими значение для расследования дела. Сказанное в полной мере относится и к ретроспективному психологическому исследованию, проводимому в случае осуществления комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее — КСППЭ). В противном случае эксперт-психиатр и эксперт-психолог в своем исследовании и в своих выводах в значительной степени замыкаются лишь на результатах применения таких методов, как клинические психиатрические беседы и клиническое психиатрическое наблюдение, специальные лабораторные исследования, а также экспериментально-психологическое исследование (которое проводится далеко не во всех случаях осуществления СПЭ).

Вполне понятными и логичными поэтому являются и затруднения при проведении такого, на первый взгляд не связанного с рассматриваемой ситуацией элемента СПЭ, как определение психического статуса подэкспертного на момент обследования. Конечно, основными методами для определения психического статуса подэкспертного являются целенаправленное клиническое психиатрическое наблюдение и клинические психиатрические беседы с ним. Но они не дадут эксперту возможности в полной мере учесть динамику психических процессов, психических состояний и психических свойств личности в период времени, предшествовавший проведению СПЭ. Точно определить психический статус подэкспертного психиатр может, опять же, обращаясь в той или иной мере к сведениям, содержащимся в материалах уголовного дела.

Названные выше недостатки подготовки следователями материалов для экспертизы негативно сказываются и на качестве проведения экспериментального психологического исследования, которое является факультативным элементом СПЭ и обязательным элементом КСППЭ. Результат его проведения во многом зависит от того, насколько обоснованно эксперт-психолог выбрал методику исследования, соответствующие тесты, приемы установления психологического контакта с подэкспертным. Для того чтобы сделать это, а затем правильно оценить результаты тестирований, эксперту-психологу надо опираться на материалы дела, имеющуюся информацию о личности подэкспертного.

Проделанная следователем на должном уровне работа по подготовке СПЭ позволит не только избежать названных выше негативных моментов при проведении экспертизы, но и самому ему решить в дальнейшем сложную, но необходимую задачу оценки заключения эксперта. Согласно требованиям статей 95 и 105 УПК, оценка заключения эксперта является не правом, а обязанностью лица, назначившего экспертизу. При этом следует иметь в виду, что заключение эксперта оценивается на основе как положений формального характера, так и касающихся его существа [5, с. 101–102]. Оценить заключение эксперта следователь (суд, орган дознания) обязан не только на предмет того, соблюдены ли требования УПК, иных нормативных актов при проведении экспертизы, на все ли вопросы даны ответы, не вышел ли эксперт, делая выводы, за пределы своей компетенции, но и на предмет научной обоснованности выводов [6, с. 187].

Оценивая заключение эксперта, следователь и суд должны выяснить, правильно ли выбрана методика исследования и полно ли она описана в заключении; обеспечивает ли проведенное исследование решение поставленных вопросов, описаны ли применявшиеся методы и приемы, какие получены результаты, их мотивированность; какие положения специальных знаний использованы экспертом для обоснования результатов исследования; достаточно ли было представленных материалов для исследования и выводов эксперта; соответствуют ли проведенные исследования уровню развития специальных знаний и возможностям данного вида судебных экспертиз [7, с. 33]. Именно этот элемент оценки заключения эксперта является очень сложным для следователя (суда). В этом плане все материалы, собранные следователем в порядке подготовки экспертизы, являются для него же самой информационной базой для оценки научной обоснованности выводов эксперта.

Есть еще один аспект данной проблемы, объясняющий значимость стадии подготовки СПЭ. Должное внимание следователя к собиранию материалов для экспертизы позволяет ему углубить свои собственные специальные знания в области судебной психиатрии и судебной психологии и, используя их, определить тактические особенности проведения отдельных следственных действий с

участием лиц, имеющих психические расстройства различной нозологической принадлежности и различной степени выраженности.

1. Москаленко В. Д. Клинические аспекты взаимодействия наследственности и среды при шизофрении: исследование близнецов и их семей : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.00.18 ; Первый Московский мед. ин-т им. Сеченова. М., 1980. 30 с. [Вернуться к статье](#)
2. Датий А. В. Судебная медицина и психиатрия : учебник. М. : РИОР, 2009. 310 с. [Вернуться к статье](#)
3. Незнанов Н. Г. Клинико-психопатологическая характеристика, прогнозирование и психофармакологическая коррекция агрессивного поведения у больных психическими заболеваниями : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.00.08 ; Российская Акад. мед. наук. Психоневрологический ин-т им. Бехтерева. М., 1994. 38 с. [Вернуться к статье](#)
4. Голдберг Д., Бенджамин С., Крид Ф. Психиатрия в медицинской практике / пер. с англ. Киев : Сфера, 1999. 304 с. [Вернуться к статье](#)
5. Россинкая Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М. : Проспект, 210. 324 с. [Вернуться к статье](#)
6. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. М. : Право и закон, 2002. 320 с. [Вернуться к статье](#)
7. Лисиченко В. К. Особенности проверки и оценки заключений экспертизы на предварительном следствии и в суде // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 24. Киев, 1982. С. 31–35. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.137

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИ-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

А. Г. Гаркуша

доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: alinagarkusha@i.ua

***Аннотация.** В статье показан анализ особенностей специального досудебного расследования. Кроме того, рассмотрена необходимость дополнения Уголовного процессуального кодекса нормами, регламентирующими порядок проведения специального судебного производства.*

***Ключевые слова:** специальное досудебное расследование, специальное судебное производство, процессуальные гарантии.*

***Annotation.** The article contains an analysis of the features of a special pre-trial investigation. In addition, the necessity of supplementing the Code of Criminal Procedure with the rules governing the procedure for conducting special judicial proceedings was considered.*

***Keywords:** special pre-trial investigation, special judicial proceedings, procedural guarantees.*

В действующем Уголовном процессуальном кодексе Украины (далее — УПК Украины) содержится понятие «специальное досудебное расследование», а термин «заочное досудебное расследование» не прослеживается в нормах кодифицированного закона. Последняя дефиниция выражена отдельными нормами касательно уголовных проступков, поэтому практическим сотрудникам иногда трудно сформировать понимание и схему применения как заочного, так и специального досудебного расследования (далее — ДР) [1].

Фактически специальное досудебное расследование приближено к заочному, но совпадает с ним не во всех правовых аспектах. Более того, оно имеет ряд существенных отличий от заочного производства, будучи модернизированной, особенной формой ДР [2, с. 166].

Специальное уголовное производство имеет предусмотренные законом процессуальные инструменты, что значительно упрощает процедуру экстрадиции в Украину чиновников, которые скрываются за границей, а также в условиях военной агрессии и потери государством части собственной территории на которой могут скрываться лица, совершившие преступления [2, с. 166].

Изучив содержание норм Главы 24-1 Уголовного процессуального кодекса Украины, следует отметить, что название обусловлено особенным процессу-

альным порядком такого досудебного расследования, который состоит в оценке фактических данных, имеющих в производстве, следователем или прокурором для дальнейшей подачи ходатайства, а также тщательном изучении обстоятельств дела следственным судьей для вынесения решения касательно проведения досудебного расследования. Из этого выходит, что перед проведением специального досудебного расследования всегда имеет место быть определенный подготовительный этап, когда уполномоченные процессуальным законом служебные лица, то есть субъекты уголовного процесса, путем объективной оценки ситуации для достижения цели и исполнения функций уголовного процесса пользуются «специальными» нормами, которые составляют одну из форм досудебного расследования. Этим обусловлено название специального ДР в действующем законодательстве наряду со специфическими условиями, процессуальными сроками и порядком проведения досудебного расследования.

Следует отметить, что действующий УПК Украины наделяет лиц, касательно которых проводится специальное ДР, довольно широким спектром процессуальных гарантий с ограничением прав и свобод в случае проведения определенных процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Действующим процессуальным законодательством лицу, касательно которого предусматривается проведение следственных (розыскных) действий (далее — СРД), гарантирована реализация права на защиту в обязательном порядке; для удовлетворения ходатайства о проведении специального ДР следователь или прокурор должны доказать, что лицо скрывается от органов досудебного расследования, суда или объявлено в международный розыск; в случае ч. 5 ст. 139 УПК Украины, когда лицо злостно уклоняется от явки на вызов следователя, следственного судьи, суда, то есть достаточные основания для проведения специального ДР; во время удовлетворения ходатайства суд должен оценить наличие достаточных доказательств для принятия процессуального решения [1].

В решениях Европейского суда по правам человека в делах: «Колоцца против Италии» от 12 февраля 1985 года; «F.C.V. против Италии» от 28 августа 1991 года; «Т. против Италии» от 12 октября 1992 года; «Пуатримоль против Франции» от 23 ноября 1993 года; «Кромбах против Франции» от 13 февраля 2001 года; «Меденица против Швейцарии» от 14 июня 2001 года; «Шомоди против Италии» от 18 мая 2004 года; «Да Лус Домингеш Феррейра против Бельгии» от 24 мая 2007 года — обозначен пункт о проведении судебного производства в отсутствие обвиняемого в аспекте нормы ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод, которая закрепляет право каждого на справедливый суд, когда нет оснований считать, что обвиняемый не был должным образом уведомлен о начатом касательно него судебном производстве; если он вскоре сможет добиться вынесения нового судебного решения

при его участии, в котором содержалась бы оценка обоснованности выдвинутых против него обвинений, а также при соблюдении иных гарантий его конвенционных прав. Это свидетельствует о том, что ведение судебного производства при отсутствии обвиняемого не противоречит требованиям данного нормативно-правового акта международного значения [3].

Нормы специального досудебного расследования содержатся в соответствующей главе УПК Украины, но в этом же кодифицированном законе отсутствует совокупность норм, которые регулировали бы порядок специального судебного производства. Исходя из этого, следует отметить, что такое судебное производство ведется по общим правилам, но с соблюдением процессуальных требований, свойственных специальному досудебному расследованию. Прозрачность и понятность в теоретическом плане не всегда прослеживаются касательно применения норм данного института на практике, потому, по нашему мнению, разделы УПК Украины о судебном рассмотрении в общем порядке нуждаются в дополнении отдельными нормами, где будут раскрыты особенности рассмотрения производств в рамках специального судебного производства [1], в частности, в таких аспектах:

– подозрение лица в совершении уголовного правонарушения, относительно которого проводится специальное досудебное расследование, должно быть обоснованным и максимально доказанным во время специального ДР, а любые доказательства не могут быть не проверены или вызывать сомнение;

– решающую роль в таком судебном производстве играет защитник, потому что он реализует права и обязанности обвиняемого при его отсутствии, кроме тех, которые принадлежат исключительно обвиняемому так называемые субъективные права;

– должны быть достаточные основания для того, чтобы считать, что лицо, которое подозревается / обвиняется в совершении преступления, должным образом проинформировано о проведении специального досудебного расследования, процессуальных действий и принятия процессуальных решений, а также о ведении специального судебного производства.

При условии соблюдения этих критериев законности проведения специального досудебного расследования и производства обеспечивается принцип неотвратимости уголовного наказания, эффективность исполнения задач уголовной юстиции, разумность сроков, а также защита нарушенных прав и свобод потерпевшего от противоправного посягательства или возобновление таких прав.

Таким образом, появление института специального досудебного расследования в действующем УПК Украины связано с модернизацией процессуального законодательства соответственно международных стандартов, а также

обусловлено стремлением украинского правосудия к достижению фундаментального принципа уголовного процесса, то есть неотвратимости уголовного наказания. Институт специального досудебного расследования представляет собой фактически упрощенное производство, потому что не требует присутствия подозреваемого, обвиняемого, но при этом в необходимой степени сохраняет его права и свободы. Это обусловлено тем, что данный институт является довольно гибкой и универсальной формой досудебного расследования. Специальное досудебное расследование как совокупность норм имеет специфические, свойственные исключительно ему признаки, которые значительно отличают процессуальный порядок общего досудебного расследования от специального.

Кроме того, разделы УПК Украины о судебном рассмотрении в общем порядке нуждаются в дополнении отдельными нормами, где будут раскрыты особенности рассмотрения производств в рамках специального судебного производства.

1. Кримінальний процесуальний кодекс України [Електронний ресурс] : Закон України от 12.04.2012 р. № 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата доступу: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Сливич И. И. Специальное производство как самостоятельная форма уголовного судопроизводства в Украине (на украинском языке) : Visegrad Journal on Human Rights. 2016. С. 164–170. [Вернуться к статье](#)

3. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод [Електронний ресурс] : документ от 04.11.1950 р. № 995_004. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_004 (дата доступу: 11.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9:342.951

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕРАМИ СУДЕБНОГО ПОНУЖДЕНИЯ

И. И. Головки

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено правовое регулирование и примеры практики участия прокурора в арбитражном процессе и в административном судопроизводстве в защиту прав и законных интересов предпринимателей путем обращения в суд с заявлениями об оспаривании незаконного бездействия уполномоченных органов, выявлены типичные нарушения.

Ключевые слова: прокурор, субъекты предпринимательства, оспаривание бездействия, арбитражный процесс, административное судопроизводство.

Annotation. The article examines the legal regulation and examples of the practice of the participation of the prosecutor in the arbitration process and in administrative proceedings in defense of the rights and legitimate interests of entrepreneurs by filing complaints with the court to challenge the illegal inaction of the authorized bodies, typical violations are revealed.

Keywords: prosecutor, business entities, challenging inaction, arbitration process, administrative proceedings.

Часть 1 ст. 52, ч. 2 ст. 198 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) [1] наделяют прокурора правом обратиться в суд с требованием о признании незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской деятельности.

Право прокурора на обращение в суд общей юрисдикции с заявлением в интересах субъектов предпринимательской деятельности об оспаривании действий (бездействия) уполномоченных органов и должностных лиц в случае, если нарушены или оспорены права, свободы и законные интересы субъектов предпринимательства, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и

реализации законных интересов или на них незаконно возложены обязанности, установлено ч. 1 ст. 39 ст. 218 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) [2].

На досудебном этапе правозащитной деятельности прокурором должно быть внесено представление, при его отклонении либо длительном исполнении уместно обращение в арбитражный суд (суд общей юрисдикции) с заявлением.

Результаты обобщения прокурорской практики участия в арбитражном процессе позволяют сделать вывод о единообразной положительной практике. Реализуя право, предоставленное ч. 1 ст. 198 АПК РФ, прокурор защищает права и законные интересы субъектов предпринимательства в следующих ситуациях.

1. Прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга предпринимателей, осуществляющих (желающих осуществлять) деятельность на территории муниципального образования, имеющих право на получение от органов местного самоуправления информационной поддержки, с заявлением о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования по длительному непринятию мер по размещению в сети Интернет на официальном сайте органа местного самоуправления необходимой для развития малого и среднего предпринимательства информации, предусмотренной ч. 2 ст. 8.2 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3], и обязанности разместить на официальном сайте органа местного самоуправления в сети Интернет необходимую информацию: о реализации муниципальных программ (подпрограмм); об организациях, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, условиях и о порядке оказания такими организациями поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства; об объявленных конкурсах на оказание финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и организациям, образующим инфраструктуру поддержки предпринимателей.

Прокурор в адрес главы муниципального образования внес представление, которое на момент обращения в суд исполнено частично. В такой ситуации появилась необходимость направления в суд заявления. При этом администрацией приняты меры по размещению на официальном сайте в сети Интернет информации после обращения прокурора в суд.

При таких обстоятельствах оснований для принятия восстановительной меры в виде возложения на администрацию обязанности разместить на официальном сайте органа местного самоуправления в сети Интернет необходимую информацию у суда не имеется. Бездействие администрации признано незакон-

ным. Примерами судебной практики устранения подобных нарушений являются: решение арбитражных судов Самарской области от 27.11.2017 г. по делу № А55-28158/2017; Республики Ингушетия от 22.02.2019 г. по делу № А18-3087/2018; Челябинской области 02.12.2019 по делу № А76-23263/2019.

В то же время в Свердловской, Оренбургской, Саратовской, Пензенской областях прокуроры в указанной ситуации обращаются в суд общей юрисдикции по правилам КАС РФ (например, решение Неверкинского районного суда Пензенской области от 28.06.2017 по делу № 2А-186/2017).

2. Прокуроры обращались в суд с требованиями о признании незаконным неисполнения администрацией муниципального образования требований ч. 2 ст. 8.2 Федерального Закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», так как на момент проверки на официальном сайте органа местного самоуправления в сети Интернет не размещены для каждого вида муниципального контроля: перечень нормативных актов или их частей, содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых является предметом муниципального контроля; тексты соответствующих нормативных правовых актов; требования, установленные муниципальными правовыми актами, оценка соблюдения которых является предметом муниципального контроля; обобщения практики муниципального контроля. Требования прокурора судами удовлетворялись (решение Арбитражного суда Карачаево-Черкесской Республики от 04.05.2018 г. по делу № А25-546/2018).

3. Также прокуроры обращались в суд с заявлениями о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования по длительному непринятию мер по созданию координационного (совещательного) органа в области развития малого и среднего предпринимательства в нарушение Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [4]. Прокуратура, обращаясь в суд с настоящим требованием, действует в интересах неограниченного круга субъектов малого и среднего предпринимательства, лишенных возможности реализовать в установленном законом порядке право на получение от органов местного самоуправления информационной поддержки в целях создания условий для развития. Предварительно прокурор в адрес главы муниципального образования внес представление, однако требуемый нормативный правовой акт разрабатывался длительное время, что потребовало обращения в суд. Заявление прокурора о признании бездействия незаконным и возложения на администрацию обязанности по устранению допущенного незаконного бездействия удовлетворено (решение Арбитражного суда Ивановской области от 20.02.2019 г. № А17-11083/2018).

4. В судебной практике разрешались споры в связи с отсутствием прямого указания на обязанность органов местного самоуправления в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5]. Так, прокуратура Свердловской области установила, что администрация муниципального образования «город Екатеринбург» не разработала и не утвердила правовой акт, регламентирующий осуществление муниципального контроля, предусмотренного Законом Российской Федерации «О недрах» [6]. Особенностью данного спора является незакрепление обязанности администрации в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», но указание в Законе «О недрах». При этом отсутствие прямого указания в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на полномочия органов местного самоуправления в сфере регулирования отношений недропользования, в том числе на полномочия, перечисленные в ст. 5 Закона «О недрах», не может свидетельствовать об отсутствии соответствующих полномочий и контроля как такового.

При таких обстоятельствах суд признал бездействие незаконным (отсутствие правового акта влечет неопределенность требований к организациям и предпринимателям, возможность нарушения порядка осуществления муниципального контроля, чем нарушаются права и законные интересы неопределенного круга предпринимателей) и обязал администрацию устранить нарушение (решение Арбитражного суда Свердловской области от 17.04.2018 г. по делу № А60-10056/2018). Данная позиция поддержана определением Верховного Суда РФ от 06.02.2019 г. № 309-КГ18-24503.

Оспаривание прокурором действий (бездействия) уполномоченных органов и должностных лиц в суде общей юрисдикции имеет следующие отличия от рассмотренного выше порядка устранения нарушений. На основании ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокуроры обращаются в суд общей юрисдикции не только в интересах неопределенного круга субъектов предпринимательства, но и соответствующего муниципального образования, которое заинтересовано в развитии предпринимательства и обеспечении законности. При решении вопроса о направлении в суд заявления необходимо учитывать, что в суд общей юрисдикции вправе обратиться прокурор района, города, приравненные к ним прокуроры и вышестоящие прокуроры, а в арбитражный суд — только прокуроры субъекта Российской Федерации, приравненные к ним прокуроры и вышестоящий прокурор.

Выявлялись факты проведения администрацией муниципального образования под видом профилактических рейдовых мероприятий по контролю за соблюдением Правил благоустройства и санитарного содержания территории му-

ниципального образования фактически проверочных мероприятий по контролю в отношении предпринимателей.

Отсутствие нормативного правового акта, детализирующего процедуру проведения проверки и устанавливающего пределы усмотрения должностных лиц, может привести к нарушению прав хозяйствующих субъектов.

При этом субъектам предпринимательства предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований не направлялись, и в отношении них возбуждались административные производства, что незаконно.

В соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 14 Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения сельского поселения относится утверждение правил благоустройства территории поселения и контроль их исполнения [5].

Закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» к полномочиям органов местного самоуправления, осуществляющих муниципальный контроль, отнес разработку административных регламентов осуществления муниципального контроля в соответствующих сферах деятельности.

В связи с этим Плавский районный суд Тульской области решением от 26.02.2019 г. по административному делу № 2а-52/2019 удовлетворил требования прокурора в интересах неопределенного круга лиц, муниципального образования к администрации муниципального образования о признании бездействия по непринятию административного регламента по осуществлению муниципального контроля за соблюдением правил благоустройства на территории муниципального образования незаконным, обязанности устранить допущенное нарушение.

В результате обобщения практики реализации прокурором полномочий по инициированию понуждения в целях защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства следует отметить, что, как правило, требования предъявляются к администрациям муниципальных образований, которые ограничительным образом толкуют нормативные правовые акты, бездействуют в исполнении установленных законом обязанностей.

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 8 марта 2015 г., № 21-ФЗ : принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г. : одобр. Советом Федер. 25 февр. 2015 г. : в ред. Федер. закона от 02.12.2019 г. № 406-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] : 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г. : одобр. Советом Федер. 10 июля 2002 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2019 г. № 494-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс] : Федер. закон, 26 дек. 2008 г., № 294-ФЗ : принят Гос. Думой 19 дек. 2008 г. : одобр. Советом Федер. 22 дек. 2008 г. : в ред. Федер. закона от 02.08.2019 г. № 310-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 июля 2007 г., № 209-ФЗ : принят Гос. Думой 6 июля 2007 г. : одобр. Советом Федер. 11 июля 2007 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2019 г. № 474-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 окт. 2003 г., № 131-ФЗ : принят Гос. Думой 16 сент. 2003 г. : одобр. Советом Федер. 24 сент. 2003 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2019 г. № 521-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О недрах [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации, 21 февр. 1992 г., № 2395-1 : подп. Президентом РСФСР 21 февр. 1992 г. : в ред. Федер. закона от 27.12.2019 г. № 505-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 341.244

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

О. В. Гришкевич

старший научный сотрудник отдела исследований
в области государственного строительства и международного права,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: ovg-rish@mail.ru

***Аннотация.** В статье исследуется проблематика исполнения международных договоров, проводится доктринальный и нормативный анализ.*

***Ключевые слова:** международный договор, исполнение международных договоров.*

***Annotation.** The article deals with the problems of the implementation of international treaties, the doctrinal and normative analysis is conducted.*

***Keywords:** international treaty, fulfillment of international treaties.*

Реализацию, выполнение международных договоров обозначают «важнейшей стадией всего договорного процесса» [1]. Вместе с тем в доктрине международного права нет единого подхода к определению как понятия реализации норм международного права в целом, так и способов и форм такой реализации. В Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. вопросы выполнения международных договоров регулируются весьма лаконично: так, раздел «Соблюдение договоров» включает две статьи (ст. 26 «Pacta sunt servanda» и ст. 27 «Внутреннее право и соблюдение договоров»), а раздел «Применение договоров» состоит из трех статей (ст. 28 «Договоры не имеют обратной силы», ст. 29 «Территориальная сфера действия договоров», ст. 30 «Применение последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу»).

Исполнение международных договоров Республики Беларусь осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, общепризнанными принципами международного права, Венской конвенцией о праве международных договоров, другими международными договорами Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» от 23 июля 2008 г. (в редакции от 11 мая 2018 г.) (далее — Закон «О международных договорах Республики Беларусь») и иными актами законодательства Республики Беларусь.

Исполнению международных договоров Республики Беларусь посвящена глава 4 Закона «О международных договорах Республики Беларусь». В рассматриваемом контексте приведем ст. 36 «Исполнение международных договоров Рес-

публики Беларусь», ст. 37 «Выполнение обязательств по международным договорам Республики Беларусь», ст. 38 «Контроль за заключением и исполнением международных договоров Республики Беларусь», ст. 39 «Разъяснения о порядке применения положений международных договоров Республики Беларусь». Как установлено ч. 1 ст. 37 Закона «О международных договорах Республики Беларусь», Президент Республики Беларусь, Национальное собрание, Совет Министров и руководители государственного органа, департамента государственного органа, к компетенции которых относятся вопросы, содержащиеся в международных договорах межведомственного характера, «в пределах своей компетенции принимают меры для обеспечения исполнения международных договоров Республики Беларусь путем принятия соответствующих решений».

Национальным законодательством определяются соответствующие государственные органы (должностные лица) и закрепляются следующие их полномочия: принятие мер по обеспечению исполнения международных договоров; наблюдение за осуществлением принадлежащих Республике Беларусь прав, вытекающих из международных договоров; наблюдение за выполнением другими участниками международных договоров их обязательств; общее наблюдение за исполнением международных договоров; координация и контроль за исполнением государственными органами международных договоров; оказание содействия в исполнении международных договоров; выполнение обязанностей, принятых по международному договору; подготовка отчетов о выполнении обязательств, вытекающих из международных договоров; подготовка информации о результатах исполнения международных договоров и конкретных предложений по обеспечению исполнения международных договоров; разъяснение порядка применения положений международных договоров.

Необходимо отметить, что терминологический аппарат Закона «О международных договорах Республики Беларусь» не содержит определения понятия «исполнение международного договора Республики Беларусь». В положениях Закона используются следующие формулировки: «исполнение международных договоров», «выполнение обязательств по международным договорам», «реализация положений международных договоров», «обеспечение исполнения международных договоров», «применение положений международных договоров». В соответствии с Методическими рекомендациями, подготовленными Министерством иностранных дел Республики Беларусь для разъяснения применения норм Закона «О международных договорах Республики Беларусь» на основании ст. 69 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г., закрепляющей порядок официального толкования и письменных разъяснений нормативных правовых актов, исполнение предполагает «осуществление действий для обеспечения полной реализации

прав Республики Беларусь и выполнения ее обязанностей, вытекающих из международного договора» (п. 97 Методических рекомендаций) [2].

В доктрине обозначаются следующие проблемные аспекты в рамках исследуемой тематики: законодательная неурегулированность реализации международных договоров (в том числе отдельным нормативным правовым актом); недостаточно четкое закрепление в правовых актах соответствующих полномочий государственных органов в отношении договоров; отсутствие единообразного подхода к проблеме нормотворчества в связи с выполнением международных обязательств; разрешение основной массы вопросов практикой государственных органов; международно-правовая ответственность государства как следствие невыполнения органами исполнительной власти обязательств, вытекающих из международного договора [1; 3, с. 245; 4, с. 49]. Вместе с тем отмечается, что закон как акт, «конституирующий коренные, принципиальные основы государственной деятельности по имплементации международных договоров, объективно не может предложить всеобъемлющего решения многочисленных проблем, связанных с имплементацией». Это задача «подзаконного правотворчества, призванного детализировать и конкретизировать применительно к соответствующим органам государства процедуры имплементации международных договоров» [3, с. 247].

Приведем следующие положения соответствующих национальных нормативных правовых актов. Так, Совет Министров Республики Беларусь принимает меры по обеспечению исполнения международных договоров Республики Беларусь (ст. 21 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. (в редакции от 17 июля 2018 г.) «О Совете Министров Республики Беларусь»). К основным задачам Министерства иностранных дел Республики Беларусь относится контроль за исполнением международных договоров государственными органами Республики Беларусь и оказание содействия в исполнении международных договоров Республики Беларусь (п. 5.11. Положения о Министерстве иностранных дел Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. № 978 (в редакции от 21 июня 2018 г.)). Соответственно, Министерство иностранных дел в том числе осуществляет общее наблюдение за исполнением международных договоров и оказывает содействие государственным органам Республики Беларусь в пределах своей компетенции в исполнении международных договоров (п. 6.8.); проводит работу по исполнению международных договоров Республики Беларусь (п. 6.9.); разрабатывает предложения по приведению законодательства Республики Беларусь в соответствие с ее международными обязательствами (п. 6.15. Положения о Министерстве иностранных дел Республики Беларусь).

Министерство юстиции Республики Беларусь обеспечивает исполнение международных договоров о правовой помощи и по вопросам, отнесенным к его компетенции, анализирует и обобщает опыт этой работы (п. 6.6. Положения о Министерстве юстиции Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1605 (в редакции от 11 декабря 2019 г.)); Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды осуществляет в пределах своей компетенции координацию исполнения международных договоров Республики Беларусь (п. 6.49. Положения о Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июня 2013 г. № 503 (в редакции от 12 сентября 2019 г.)); Министерство культуры осуществляет в соответствии с законодательством функции компетентного органа по реализации международных договоров Республики Беларусь в сфере культуры (п. 5.101. Положения о Министерстве культуры, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 января 2017 г. № 40 (в редакции от 30 апреля 2019 г.)); Министерство информации принимает в соответствии с законодательством меры, необходимые для реализации международных договоров Республики Беларусь по вопросам, отнесенным к его компетенции (п. 4 Положения о Министерстве информации Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 октября 2001 г. № 1545 (в редакции от 27 декабря 2018 г.)).

Компетентные органы разрабатывают нормативные правовые акты, необходимые для реализации международного договора. Отметим также, что приказом Министерства юстиции Республики Беларусь от 8 октября 2014 г. № 222 (в редакции от 17 апреля 2017 г.) утверждены Методические рекомендации об организации работы по исполнению международных обязательств в сфере оказания правовой помощи; постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 1 июля 2003 г. № 17 (в редакции от 6 февраля 2012 г.) утверждена Инструкция по оказанию помощи гражданам Республики Беларусь в вопросах исполнения международных договоров о правовой помощи.

В контексте перспективных направлений совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере в научной литературе в том числе предлагается: закрепление функции по реализации международных договоров в положениях о соответствующих органах исполнительной власти; проведение внутриведомственного контроля за реализацией международных договоров межведомственного характера, контроль за выполнением подведомственными учреждениями и организациями обязательств, вытекающих из международных договоров; разработка нормативного правового акта «О реализации международных договоров (международных обязательств)» (в форме закона в отноше-

нии реализации межгосударственных и межправительственных договоров, в форме постановления в отношении исполнения международных договоров межведомственного характера); принятие нормативных правовых актов по исполнению международных договоров межведомственного характера в соответствующих сферах; разработка дополнительного протокола к Венской конвенции о праве международных договоров по вопросам реализации международных договоров [4, с. 137, 142, 145–149, 245; 5; 6].

Таким образом, в рамках имплементационного механизма Республики Беларусь отметим, что национальным законодательством также определяются соответствующие государственные органы (должностные лица) и устанавливаются их полномочия. Рассматриваемые полномочия закрепляются в Законе «О международных договорах Республики Беларусь» в общих формулировках, что обусловлено характером нормативного правового акта (закон), и требуют конкретизации в подзаконных актах. Нормативные правовые акты, определяющие правовой статус, задачи и функции органов исполнительной власти, закрепляют соответствующие полномочия в рамках установленной компетенции. Формулировки положений, касающихся полномочий по исполнению международных договоров, можно охарактеризовать как краткие, общие, неединообразные; как представляется, их содержательная нагрузка неидентична.

В целях обеспечения действенного выполнения международных договоров значимой является практика принятия соответствующим органом исполнительной власти инструкций и методических рекомендаций по заключению и исполнению международных договоров. В контексте совершенствования правового регулирования следует подчеркнуть необходимость взвешенного подхода, серьезной и всесторонней проработки.

1. Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Методические рекомендации Министерства иностранных дел по применению Закона о международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. URL: http://mfa.gov.by/upload/Recommendation_MP.pdf (дата доступа: 01.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Гавердовский А. С. Имплементация норм международного права. Киев : Вища шк., 1980. 320 с. [Вернуться к статье](#)

4. Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации ; отв. ред. О. И. Тиунов. М. : Норма, 2012. 256 с. [Вернуться к статье](#)

5. Курашвили А. Ю. Международные договоры межведомственного характера: некоторые коллизии в российском законодательстве [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Гусев А. В. Проблемы реализации международных договоров межведомственного характера правоохранительных органов исполнительной власти [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

М. Н. Гуминский

старший оперуполномоченный по ОВД УНиПТЛ

УВД Витебского облисполкома,

магистр юридических наук

e-mail: maksim-guminskii@mail.ru

***Аннотация.** Целью статьи явилась актуализация проблемы наркомании в современном обществе и совершения правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков на территории Республики Беларусь. Предпринята попытка поиска путей воздействия на негативные последствия незаконного оборота наркотиков посредством административных рычагов воздействия, в том числе путем применения норм административного законодательства, которое также предлагается совершенствовать.*

***Ключевые слова:** наркомания, индекс латентности наркомании, изъятие наркотиков, канал поставки наркотиков, превенция наркомании, административное правонарушение.*

***Annotation.** The purpose of this article was to actualize the problem of drug abuse in modern society and the commission of offenses in the field of drug trafficking in the territory of the Republic of Belarus; it made an attempt to find ways to influence the negative consequences of drug trafficking through administrative leverage, including through the application of administrative law, which is also proposed to improve.*

***Keywords:** addiction, addiction latency index, drug seizure, drug supply channel, drug addiction prevention, administrative offense.*

Распространение наркомании, злоупотребление наркотическими средствами и психотропными веществами является актуальной проблемой практически во всех странах мира. Незаконный оборот наркотических средств приобрел в последние десятилетия глобальный масштаб и самым серьезным образом сказывается на социально-психологической атмосфере в обществе, отрицательно влияет на экономику, политику и правопорядок.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, в настоящее время в мире насчитывается более 200 млн чел., имеющих опыт употребления наркотиков, 110 млн чел. злоупотребляют ими и 25 млн чел. страдают наркозависимостью.

Актуальной проблема наркомании и совершения правонарушений в сфере оборота наркотиков остается и для Республики Беларусь. Несмотря на оптимистичную медицинскую статистику, свидетельствующую о сокращении по-

требителей наркотиков, реальное их количество значительно превышает эту цифру и имеет тенденцию к росту.

Так, по состоянию на 01.01.2019 г. под диспансерным и профилактическим наблюдением психиатров-наркологов находилось 12 544 человека, в то время как проведенное МВД в истекшем году криминологическое исследование показало, что количество вовлеченных в наркоманию составило порядка 88 500 лиц (расчет индекса латентности наркомании произведен на основании данных официальной медицинской и правоохранительной статистики).

Кроме того, в 2018 году в нашей стране зафиксировано 46 случаев передозировок наркотиками с летальным исходом.

В 2014–2018 годах наблюдался поступательный рост объемов изъятий из незаконного оборота наркотических средств (2014 год — 296 кг, 2015 год — 374 кг, 2016 год — 384 кг, 2017 год — 708 кг, 2018 год — 743 кг, январь–август 2019 года — 302 кг). В значительных объемах изымались психотропные вещества (2014 год — 64 кг, 2015 год — 112 кг, 2016 год — 46 кг, 2017 год — 30 кг, 2018 год — 36 кг, январь–август 2019 года — 30 кг).

Всего за 2018 год сотрудниками органов внутренних дел страны выявлено и пресечено 29 каналов поставок наркотиков в республику из-за границы, а также их транзитных перевозок. В январе–сентябре 2019 г. выявлено и пресечено 19 каналов поставок наркотиков.

Правовой основой государственной антинаркотической политики в Республике Беларусь являются Конституция Республики Беларусь, Законы Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О средствах массовой информации», «О рекламе», Указ Президента № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», Декрет Президента Республики Беларусь от 28.12.2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» (далее — Декрет № 6), приказы МВД, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Концепция информационной безопасности Республики Беларусь и иные правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Международно-правовой основой формирования национального законодательства в сфере наркоконтроля стала Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г.

На органы внутренних дел Республики Беларусь, в соответствии с требованиями Декрета № 6, возложены функции по координации деятельности всех субъектов профилактики, направленной на превенцию распространения нарко-

мании и совершения правонарушений (в первую очередь преступлений) в сфере оборота наркотиков, в рамках двухгодичных комплексных планов мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией. В марте 2019 года Советом Министров Республики Беларусь утвержден уже третий план на 2019–2020 годы.

Вместе с тем требуется разработка и принятие Концепции (Стратегии) государственной антинаркотической политики Республики Беларусь, которая в настоящее время отсутствует.

Одним из действенных рычагов превенции совершения преступлений по линии незаконного оборота наркотиков, наступления негативных медико-социальных последствий потребления наркотических средств и психотропных веществ является применение мер административно-правового воздействия по отношению к лицам, потребляющим обозначенные вещества без назначения врача-специалиста, а равно как совершающих иные противоправные действия в сфере оборота наркотиков, ответственность за которые предусмотрена соответствующими нормами КоАП Республики Беларусь.

В рамках исполнения требований Декрета № 6 в рассматриваемый период органами внутренних дел в соответствии с полномочиями, предусмотренными п. 1 ч. 1 ст. 3.30 ПИККоАП Республики Беларусь по выявлению и документированию административных правонарушений, которые предусмотрены ст. 16.1, 16.10, а также ч. 4–6 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь [1], по Витебской области за 2019 год к административной ответственности, которая предусмотрена ст. 16.1 КоАП Республики Беларусь, привлечено 335 лиц (справочно: в Брестской области — 71 лицо, в Гомельской — 173 лица, в Гродненской — 158 лиц, в Минской — 285 лиц, в Могилевской — 174 лица, в г. Минске — 1 лицо).

За совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 4–6 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь, только на территории Витебской области составлены и вступили в законную силу 73 протокола об административных правонарушениях.

В ходе проведения комплекса оперативно-профилактических мероприятий, направленных на недопущение массового распространения «насвая», из незаконного оборота изъято 81,7 кг указанного вещества, составлено 97 протоколов об административных правонарушениях по ст. 16.10 КоАП Республики Беларусь [2].

Вместе с тем в настоящее время обозначилась проблема оборота жевательных некуриТЕЛЬНЫХ смесей, так называемых снюсов, оборот которых обусловлен наличием пробелов в действующем законодательстве.

В целях совершенствования законодательства, регулирующего обозначенные общественные отношения, предупреждения негативных последствий, вызванных потреблением наркотиков и психотропных веществ, предлагается изложить абз. 11 п. 37 Положения о государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий, производства, оборота и использования электронных систем курения, жидкостей для электронных систем курения, систем для потребления табака, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 17.12.2002 г. № 28 [3], в следующей редакции:

«Некурибельное табачное изделие — табачное изделие, предназначенное для сосания и (или) жевания (снюс, насвай и другие, изготовленные из табака (очищенной табачной пыли) и щелочного компонента (мела, извести или прочих щелочных компонентов) либо содержащие в своем составе никотин с добавлением или без добавления иных ингредиентов), нюханья или использования в системах для потребления табака».

Видится целесообразным совершенствование действующего административного законодательства, регулирующего общественные отношения в области противодействия незаконному обороту наркотиков, как в направлении изменения действующих норм КоАП Республики Беларусь, так и в направлении принятия новых, предусматривающих в том числе административную ответственность владельцев интернет-страниц, на которых появляется информация, направленная на приобретение наркотиков, а также ответственность владельцев увеселительных заведений, в стенах которых осуществляется потребление наркотиков без назначения врача-специалиста (при попустительстве указанных выше лиц).

Актуально введение административной ответственности за пропаганду легализации наркотиков.

Вместе с тем приходится признать, что применение административно-правового рычага в качестве решающего и определяющего механизма профилактики совершения преступлений по линии незаконного оборота наркотиков, предупреждения фактов передозировок наркотиками (в том числе со смертельным исходом), вовлечения в наркопотребление новых субъектов (в первую очередь из молодежной среды) не может быть определяющим и доминирующим в решении задач, призванных оздоровить наркоситуацию на территории страны.

Принудительно-карательная сила государства не способна в одиночку решить в нашем обществе проблемы, которые связаны с наркопотреблением и совершением правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Искоренить такое зло, как наркомания, возможно лишь при тесном сотрудничестве государства с общественными организациями и объединениями,

которые осуществляют свою деятельность на территории Республики Беларусь и ставят своей целью пропаганду здорового образа жизни, в том числе полный отказ от наркотиков.

1. Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 12 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Положения о государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий, производства, оборота и использования электронных систем курения, жидкостей для электронных систем курения, систем для потребления табака [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:34

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА УМСТВЕННЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОЦЕССЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИХ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. В. Данькова

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

e-mail: ira_dankova@mail.ru

***Аннотация.** Несовершеннолетние правонарушители требуют к себе особого подхода обусловленного степенью их развития и способностью реально оценивать происходящие события. В данной статье исследуются некоторые психологические особенности формирования личности подростка-правонарушителя, которые необходимо учитывать при привлечении его к ответственности.*

***Ключевые слова:** подростковый возраст, умственное развитие, психологические особенности, несовершеннолетний правонарушитель, юридическая ответственность.*

***Annotation.** Juvenile offenders require a special approach to themselves due to the degree of their development and the ability to really assess the events. This article examines some psychological features of the formation of the personality of a teenager-offender, which must be taken into account when bringing him to justice.*

***Keywords:** adolescence, psychological features, mental development, juvenile offender, legal responsibility.*

Одной из важнейших задач на современном этапе развития общества и государства является воспитание подрастающего поколения, а одно из приоритетных направлений воспитательного процесса — борьба с любыми нарушениями нравственных и правовых норм.

В настоящее время подростки совершают правонарушения различных видов, а именно гражданско-правовые, административные, уголовные, что влечет применение к ним соответствующих видов юридической ответственности.

Юридическая ответственность предусматривает определенные лишения, неблагоприятные последствия, которые обязано претерпеть лицо за совершенное противоправное деяние.

Гражданско-правовая ответственность наступает за нарушение договорных обязательств имущественного характера или за причинение имущественного вреда. Основным принцип данного вида ответственности — полное возмещение убытков. Административная ответственность осуществляется на основе законодательства об административных правонарушениях. В свою оче-

редь, уголовная ответственность предусмотрена за совершение преступлений [1, с. 460].

Порядок привлечения несовершеннолетних к юридической ответственности определяется согласно Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, которые закрепляют положения о том, что правосудие в отношении данной категории лиц должно являться составной частью процесса национального развития каждого государства в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для подростков [2].

Поскольку в силу своих возрастных особенностей несовершеннолетние не всегда могут реализовать предоставленные им права, отечественный законодатель предусмотрел систему дополнительных гарантий, призванных наиболее полно обеспечить защиту их прав и интересов. Так, в ходе рассмотрения дела в отношении несовершеннолетнего правонарушителя необходимо учитывать физиологические, психические, социально-психологические свойства подростков, их умственное развитие, а также их способность к самостоятельной оценке произошедшего.

Определение уровня умственного развития подростка в процессе его привлечения к юридической ответственности имеет большое значение, так как не во всех случаях несовершеннолетний правонарушитель будет привлечен к ответственности. К примеру, если будет установлено, что во время совершения правонарушения подросток не осознавал реальный противоправный смысл содеянного в результате умственной отсталости, не связанной с психическим расстройством, то и к ответственности его привлечь невозможно [3].

Если у органа или лица, ведущего процесс в отношении подростка, имеется информация о его умственной отсталости, не связанной с психическим заболеванием, т. е. ребенок отстает в развитии от своих сверстников, у него низкий запас общих знаний и умений, примитивность и конкретность мышления, то в первую очередь необходимо выяснить степень умственной отсталости несовершеннолетнего, а также его возможность осознавать значение своего поведения и руководить им.

На основании постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2002 г. № 3 при наличии данных, подтверждающих умственную отсталость несовершеннолетнего, должна быть произведена психолого-психиатрическая экспертиза, в ходе которой эксперт ответит на интересующие в этой сфере вопросы лица или органа, ведущего процесс в отношении несовершеннолетнего [3].

Предметом психолого-психиатрической экспертизы является определение уровня умственной отсталости, связанной с какими-либо психическими

аномалиями, например, психоз, невроз, психофизический инфантилизм, психопатия, олигофрения и др. В этой ситуации к работе с подростками в качестве экспертов следует привлекать медицинских психологов [4, с. 257–258].

Юридическим основанием для проведения психолого-психиатрической экспертизы является соответствующее постановление органа, ведущего процесс, или определение суда.

Судебно-психологическая экспертиза — это исследование, проведенное сведущим лицом — экспертом — на основе специальных познаний в области психологии с целью дачи заключения, которое после соответствующей его проверки и оценки будет являться необходимым доказательством в процессе привлечения несовершеннолетнего к юридической ответственности [5, с. 7].

Предметом судебно-психологической экспертизы является изучение психических процессов, свойств, состояний и механизмов психической деятельности несовершеннолетнего лица, оценка их влияния на его поведение в юридически значимый период времени.

Итак, неадекватное поведение несовершеннолетнего, а именно: дурашливость, озлобленность, уход в себя, трудность сосредоточения, резкие колебания настроения, бравада, истерические реакции и т. д., может вызвать у лица, ведущего процесс в отношении несовершеннолетнего, сомнения по факту его нормального умственного развития.

В таких случаях необходимо назначить судебно-психологическую экспертизу, в ходе которой на разрешение экспертам ставятся следующие вопросы, которые должны быть правильно сформулированы:

- Соответствует ли умственное развитие несовершеннолетнего (Ф.И.О., число, месяц и год рождения) его возрасту?
- Какому возрасту соответствует развитие несовершеннолетнего?
- Мог ли несовершеннолетний в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими?

Кроме вышеперечисленных вопросов, на разрешение экспертов могут быть поставлены и иные, имеющие значение для дела вопросы, для ответа на которые требуются специальные психологические знания.

Однако необходимо помнить, что всякое экспертное судебно-психологическое обследование должно носить строго научный характер. В связи с этим в перечень вопросов не должны включаться обыденные вопросы, которые не будут относиться к делу или не помогут оценить умственные и психологические особенности несовершеннолетнего [6, с. 352].

Еще одна немаловажная проблема в судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних — диагностика психологического возраста, на основании которой делаются выводы о степени зрелости подростка.

В психолого-педагогической литературе устанавливаются следующие возрастные периоды, этапы развития ребенка:

- до 14 лет — младший подростковый возраст;
- от 14 до 16 лет — средний подростковый возраст;
- от 16 до 18 лет — старший подростковый возраст.

Проведение судебно-психологической экспертизы условно можно разделить на 2 этапа:

- оценка степени зрелости личности несовершеннолетнего;
- оценка способности подростка к осознанию своего поведения.

На первом этапе оценка степени зрелости личности подростка проводится по следующим критериям:

- способность несовершеннолетнего к сопереживанию и сочувствию;
- умение подростка поставить себя на место другого и понять его чувства;
- возможность осознать вину и раскаиваться в содеянном;
- возможность предвидеть результат своих действий.

На втором этапе судебно-психологической экспертизы оценивается способность несовершеннолетнего регулировать свои действия, для чего устанавливается:

- знал ли подросток о наступлении ответственности за совершенное им деяние;
- на что надеялся;
- думал ли о последствиях;
- имел ли планы по сокрытию следов своего поведения и как их реализовывал [7, с. 40].

По результатам проведенного исследования в отношении несовершеннолетнего правонарушителя эксперт-психолог делает один из трех обоснованных выводов:

- несовершеннолетний был способен полностью осознавать и понимать значение своих действий и регулировать свою деятельность в процессе совершения противоправного деяния;
- подросток не мог понимать и осознавать смысл и значение своих действий и регулировать свою деятельность в процессе совершения противоправного деяния;
- несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать и понимать значение и смысл своих действий и руководить ими в процессе совершения противоправного деяния или в принципе мог понимать и осознавать смысл и значение своих действий, но не мог в полной мере руководить ими в процессе совершения такого деяния.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что проведение судебно-психологической либо психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего не только повышает эффективность и полноту установления всех обстоятельств совершенного им противоправного деяния, но и помогает решить вопрос о возможности привлечения несовершеннолетнего к юридической ответственности, способствует оптимизации психологического контакта между подростком и лицом, ведущим процесс.

1. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. 6-е изд., исправл. Минск : Амалфея, 2013. 496 с. [Вернуться к статье](#)
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 25 нояб. 1985 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. Минск : Белфранс, 1999. С. 258–276. [Вернуться к статье](#)
3. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 28 июня 2002 г. № 3: в ред. от 31.03.2016 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
4. Мытник П. В. Уголовный процесс: судебные стадии : лекции. Минск : Тесей, 2001. 288 с. [Вернуться к статье](#)
5. Фурманов И. А., Метлицкий И. Е. Судебно-психологическая экспертиза : учеб. материалы. Минск : БГУ, 2014. 78 с. [Вернуться к статье](#)
6. Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза // Юридическая психология / сост. и общ. ред. Т. Н. Курбатова. СПб., 2001. С. 347–364. [Вернуться к статье](#)
7. Сенько Т. В. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых // Судовы веснік. 2001. № 4. С. 39–41. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.74 (477)

ВИДЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

А. В. Жбанчик

доцент кафедры тактико-специальной подготовки,

кандидат юридических наук,

Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)

e-mail: k_tsp@mail.dduvs.in.ua

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме нормативно-правового урегулирования применения полицейскими силы. Автор анализирует виды физического воздействия согласно законодательства Украины. Было выделено два вида физического воздействия: физическая сила полицейского и специальные приемы борьбы (приемы рукопашного боя). Последние можно применять только для прекращения противоправных действий.*

***Ключевые слова:** полицейские меры принуждения, физическое воздействие, применение физической силы, применение специальных приемов борьбы (рукопашного боя).*

***Annotation.** The article is devoted to the urgent issue of police use of force regulation. The author analyzes the types of physical impact in accordance with the Ukrainian legislation. Two types of physical impact were identified: the physical strength of the policeman and special fighting techniques (hand-to-hand combat techniques). The latter can only be used to stop illegal actions.*

***Keywords:** police use of force, physical impact, police physical strength, police use of special fighting techniques (hand-to-hand combat).*

Становление гражданского общества и правового государства на территории постсоветских стран, в частности в Украине, предъявляет высокие требования к соблюдению прав человека со стороны правоохранительных органов. В целом одной из базовых идей реформирования милиции и создания в Украине полиции является кардинальное преобразование репрессивного органа в агентство, предоставляющее услуги. Однако в силу природы некоторых своих неизменных функций полиция во всех странах мира неизбежно осуществляет деятельность, связанную с ограничением прав человека. Данные виды деятельности полиции находятся в центре внимания законодателей, исследователей, правозащитников, руководства органов полиции, а также субъектов, обеспечивающих профессиональную подготовку полицейских. Не случайно соответствующие полицейские мероприятия стали в последние годы объектом изучения таких исследователей, как С. Альбиоль, Е. Бойко, Р. Валеев, Ю. Герасимчук, Р. Домницак, А. Комиссаров, Б. Орловский, В. Осадчий, А. Теличкина, В. Трояновский, Е. Шафиков и другие. Опираясь на выводы данных специали-

стов, мы считаем необходимым выделить виды физического воздействия со стороны полицейского, согласно нормам законодательства Украины.

Ограничение полицией определенных прав и свобод человека осуществляется в Украине в соответствии с нормами профильного закона, в ходе так называемых полицейских мер / мероприятий (по-украински — «захід»). Согласно Закону Украины «О Национальной полиции», «полицейские меры / мероприятия — это действие или комплекс действий превентивного или принудительного характера, ограничивающее определенные права и свободы человека и применяемое полицейскими в соответствии с законом для обеспечения выполнения возложенных на полицию полномочий» [1, ст. 29]. В первую очередь это касается полицейских мер принудительного характера: применения физической силы, применения специальных средств и применения огнестрельного оружия.

Специалисты определили отдельные проблемы правового регулирования и правоприменения, в частности тот странный факт, что применение полицейских мер, в том числе принудительных, не перечислены законодательством в перечне основных полномочий полиции [2].

Согласно ч. 2 ст. 42 «Полицейские меры принуждения», «физическим воздействием является применение любой физической силы, а также специальных приемов борьбы с целью прекращения противоправных действий правонарушителей». Отсюда можем сделать вывод, что данная норма определяет два вида физического воздействия (во-первых, применение физической силы и, во-вторых, применение специальных приемов борьбы) и их цель (прекращение противоправных действий). Такое толкование мы представили на рисунке 1.



Рисунок 1 — Виды и цель физического воздействия согласно ст. 42 Закону Украины «О Национальной полиции»

Но содержание данной нормы требует сопоставления с другими положениями профильного закона. Что касается разновидностей физического воздействия, то другие статьи лишь уточняют название второго вида: «специальные приемы борьбы (рукопашного боя)» [1, ч. 1 ст. 44]. Что касается цели, то выявляется определенное противоречие при сопоставлении цели, указанной в ч. 2 ст. 42, с целями, определенными в ст. 44 этого же закона «Применение физической силы»: «Полицейский может применять физическую силу, в том числе специальные приемы борьбы (рукопашного боя), для обеспечения личной безопасности и / или безопасности других лиц, прекращения правонарушения, задержания лица, совершившего правонарушение, если применение других полицейских мер не обеспечивает выполнения полицейским полномочий, возложенных на него законом». В частности, использование конструкции с прошедшим временем в формулировке цели «задержание лица, совершившего правонарушение» свидетельствует, что применение физического воздействия может происходить в условиях, когда правонарушитель в момент задержания уже не совершает правонарушения. А это противоречит формулировке ч. 2 ст. 42 профильного закона: для прекращения противоправных действий.

Поэтому в совокупности требования ст. 42 и ст. 44 Закона Украины «О Национальной полиции» можно трактовать следующим образом: «Физическим воздействием является применение любой физической силы. Также физическим воздействием является применение специальных приемов борьбы с целью прекращения противоправных действий правонарушителей» [3]. То есть цель второй разновидности физического воздействия — применение специальных приемов борьбы (рукопашного боя) — состоит исключительно в прекращении правонарушения.

А вот цели первой разновидности физического воздействия — физической силы — устанавливаются также ч. 1 ст. 44 профильного закона: 1) обеспечение личной безопасности, 2) обеспечение безопасности других лиц, 3) прекращение правонарушения, 4) задержание лица, совершившего правонарушение (рисунок 2).



Рисунок 2 — Виды и цели физического воздействия согласно комплексному толкованию украинского законодательства

В то же время на практике конкретная ситуация очень часто сочетает различные основания применения физической силы. Необходимость обеспечения личной безопасности (1 цель) и безопасности других лиц (2 цель) возникает в результате совершения правонарушителем противоправных действий, которые, естественно, нужно прекратить (3 цель), и в дальнейшем, как правило, задержать правонарушителя (4 цель).

Поэтому подобные размышления могут выглядеть как излишнее теоретизирование, но они приобретают практический смысл в контексте сопоставления с тактической концепцией видов сопротивления законным требованиям полицейского. Эта концепция вместе с моделью применения силы [4] широко используется в ходе тактической и тактико-специальной подготовки полицейских.

Пассивное сопротивление состоит в том, что правонарушитель не выполняет законные команды полицейского, но не прибегает к активным действиям и не представляет угрозы другим лицам, а также не сопротивляется контролирующим действиям полицейского. Активное сопротивление характеризуется, по выводам специалистов, следующими признаками: лицо пытается убежать, сопротивляется задержанию или аресту, старается избежать контроля со стороны полицейского (уклоняется, вырывает руки и т. д.), демонстрирует вербальные и невербальные сигналы, указывающие на склонность или готовность сопротивляться действиям полицейского. Агрессивное сопротивление, в свою очередь, включает: физические атаки на полицейского, нежелание прекратить атаки на

других людей, попытки серьезно ранить или убить другого человека или полицейского [5, с. 146].

Соответственно, специальные приемы борьбы, с учетом тактических оснований и юридических оснований, полицейский может применять для пресечения правонарушения, во время которого правонарушитель демонстрирует агрессивное сопротивление и прибегает к активным насильственным действиям. Такое толкование соответствует, в частности, основным принципам ООН по применению силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка [6].

Итак, можем констатировать важность выделения двух разновидностей физического воздействия: применения физической силы и применения специальных приемов борьбы (рукопашного боя). Последняя разновидность юридически и тактически оправдана для прекращения противоправных действий в случае агрессивного сопротивления законным требованиям и действиям полицейского.

1. Про Національну поліцію [Електронний ресурс] : Закон України, від 02.07.2015 р., № 580-VIII // Відомості Верховної Ради. 2015. № 40–41, Ст. 379. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/580-19/> (дата доступу: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Осадчий В. І. Кримінально-правова складова регламентування поліцейських заходів примусу в Законі України «Про Національну поліцію» // Юридичний вісник. 2015. № 4 (37). С. 154–160. [Вернуться к статье](#)

3. Валєєв Р. Г., Герасимчук Ю. В. Види фізичного впливу як примусового поліцейського заходу в контексті цілей його застосування // Роль та місце правоохоронних органів у розбудові демократичної правової держави : матеріали XI міжнар. наук.-практ. інтернет-конф., м. Одеса, 25 березня 2019 р. Одеса : ОДУВС, 2019. С. 107–109. [Вернуться к статье](#)

4. Комісаров О. Г., Бойко О. І. Теоретико-правова модель застосування заходів примусу Національною поліцією // Актуальні проблеми вітчизняної юриспруденції. 2017. Спецвип. Ч. 2. С. 120–124. [Вернуться к статье](#)

5. Тактико-спеціальна підготовка працівників Національної поліції: навч. посібник / О. І. Тьорло [та ін.]. Львів : ЛьвДУВС, 2018. 480 с. [Вернуться к статье](#)

6. Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml (дата доступу: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. Н. Зиньков

начальник кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук,
Самарский юридический институт ФСИИ России
e-mail: gpd@samlawin.ru

Аннотация. Вопросы реализации сотрудниками уголовно-исполнительной системы России конституционного права на жилище занимают особое положение среди наиболее важных и актуальных проблем, касающихся пенитенциарной сферы государственной деятельности. Характером службы, предусматривающей выполнение задач, которые сопряжены с опасностью для жизни и здоровья, иными особыми условиями прохождения службы, определяется специфический правовой статус сотрудников уголовно-исполнительной системы, содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их служебных обязанностей по отношению к государству, что требует от законодателя установления для данной категории граждан Российской Федерации дополнительных мер социальной защиты, в том числе и в жилищной сфере.

Ключевые слова: конституционное право, уголовно-исполнительная система, сотрудник, социальные гарантии, жилище

Annotation. Issues related to the implementation of the constitutional right to housing by employees of the Russian criminal Executive system occupy a special position among the most important and topical issues related to the penitentiary sphere of state activity. The nature of the service, which provides for the performance of tasks that involve danger to life and health, and other special conditions of service, determines the specific legal status of employees of the criminal Executive system, the content and nature of the state's duties towards them and their official duties towards the state, which requires the legislator to establish additional social protection measures for this category of citizens of the Russian Federation, including in the housing sector.

Keywords: constitutional law, criminal enforcement system, employee, social guarantees, housing

Российская Федерация является социальным государством, и политика его должна быть направлена на создание необходимых условий, которые обеспечивали бы достойную жизнь и свободное развитие человека и гражданина. Социальное государство несет особую ответственность за доступность жизненно важных благ, включающих продовольствие, жилье и т. д.

Среди основных социально-экономических прав и свобод человека и гражданина статья 40 Конституции РФ 1993 года императивно провозглашает

право на жилище: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища».

Одним из приоритетных направлений в области обеспечения социальных гарантий сотрудника пенитенциарного ведомства Российской Федерации и членов его семьи является жилищное обеспечение в соответствии со статьей 69 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”». Данный вопрос изначально является немаловажным и способен порождать разные проблемы по мере их решения. Ситуация с жилищным обеспечением сотрудников силовых структур в России, в частности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС), на данный момент является неординарной.

Существующий и отчасти действующий в настоящее время в Российской Федерации правовой механизм жилищного обеспечения сотрудников УИС предусматривает несколько направлений решения данного вопроса:

1. Предоставление государственных жилищных сертификатов (далее — ГЖС). Данное направление реализуется согласно Правилам выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 года № 153.

Регламент предоставления ГЖС в УИС указан в приказе № 181 «Об утверждении Порядка и сроках формирования списков граждан — участников основного мероприятия «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации, состоящих на учете в УИС и изъявивших желание получить государственные жилищные сертификаты, а также порядка оформления и выдачи государственных жилищных сертификатов в уголовно-исполнительной системе», утвержденном ФСИН России 2 марта 2018 года.

Статистика лиц, которые стояли на жилищном учете и смогли улучшить свое жилищное положение, за последние пять лет, выглядит следующим образом:

– в 2015 году состояли на жилищном учете 9 829 семей; улучшили условия за счет ГЖС 234 семьи, за счет капитальных вложений на жилищное строительство — 103 семьи;

– в 2016 году состояли на жилищном учете 9 016 семей; улучшила условия за счет ГЖС 281 семья, за счет капитальных вложений на жилищное строительство — 36 семей;

– в 2017 году состояли на жилищном учете 8 295 семей; улучшили условия за счет ГЖС 220 семей, за счет капитальных вложений на жилищное строительство — 32 семьи;

– в 2018 году состояло на жилищном учете 7 562 семьи; улучшили условия за счет государственных жилищных сертификатов 317 семей, за счет капитальных вложений на жилищное строительство — 3 семьи;

– в 2019 году состояло на жилищном учете 6 824 семьи; улучшили условия за счет государственных жилищных сертификатов 190 семей, за счет капитальных вложений на жилищное строительство — 13 семей [1];

2. Единовременная социальная выплата сотрудникам и гражданам (далее — ЕСВ). Предусмотрена Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В нем закреплено право сотрудников УИС на получение ЕСВ для обеспечения жилым помещением. В целях своевременного, полного и объективного рассмотрения вопросов предоставления сотрудникам и гражданам ЕСВ приказом ФСИН России от 16 октября 2014 г. № 550 «Об утверждении Порядка формирования и работы комиссий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения» были делегированы полномочия комиссиям при территориальных органах ФСИН России и образовательных организациях ФСИН России по рассмотрению вопросов предоставления сотрудникам уголовно-исполнительной системы и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, членам их семей и гражданам Российской Федерации, уволенным со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, ЕСВ.

В соответствии с указанным приказом за последние годы приняты на учет:

– в 2014 году — 7 сотрудников (граждан);

- в 2015 году — 39 сотрудников (граждан);
- в 2016 году — 30 сотрудников (граждан);
- в 2017 году — 51 сотрудник (гражданин);
- в 2018 году — 100 сотрудников (граждан);
- в 2019 году — 105 сотрудников (граждан).

По программе ЕСВ выплаты получили:

- в 2013 году — 49 граждан (семей);
- в 2014 году — 480 граждан (семей);
- в 2015 году — 650 граждан (семей);
- в 2016 году — 627 граждан (семей);
- в 2017 году — 466 граждан (семей);
- в 2018 году — 489 граждан (семей);
- в 2019 году — 610 граждан (семей) [1].

3. Предоставление служебного жилья. В этих целях в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2013 г. № 217 «Об установлении категорий сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации, которым предоставляются жилые помещения специализированного жилищного фонда, и о порядке предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда сотрудникам этих учреждений и органов» формируется жилищный фонд служебного помещения. Так, в 2019 году к числу служебных жилых помещений специализированного жилищного фонда УИС отнесена 31 квартира. Все квартиры предоставлены сотрудникам уголовно-исполнительной системы по договорам найма служебного жилого помещения (в 2018 году к числу служебных помещений специализированного жилищного фонда отнесено 168 квартир, в 2017 году — 92 квартиры, в 2016 году — 28 квартир и в 2015 году — 43 квартиры) [1].

4. Компенсация за наем (поднаем) жилых помещений. Один из путей решения жилищных вопросов сотрудников УИС, не состоящих по месту службы на учете как нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Порядок компенсации регламентирован Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2016 г. № 894 «О порядке и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации, а также членам семей сотрудников указанных учреждений и органов, погибших (умерших) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие

заболевания, полученного в период прохождения службы в этих учреждениях и органах». Согласно официальным данным ФСИН России, компенсацию за наем (поднаем) жилого помещения получили:

- в 2015 году — 5 888 семей;
- в 2016 году — 6 354 семьи;
- в 2017 году — 6 229 семей;
- в 2018 году — 6 287 семей;
- в 2019 году — 5 493 семьи [1].

В настоящее время, по данным ФСИН России, необходимо обеспечить жильем несколько тысяч сотрудников УИС, ставших на учет в качестве нуждающихся в жилье. Отсутствие реального механизма обеспечения социальных гарантий в решении жилищных вопросов может весьма негативно сказываться на качественном комплектовании кадров УИС, вызывает большую текучесть сотрудников и в целом отрицательно сказывается на решении основных задач, стоящих перед пенитенциарной системой Российской Федерации. Данный фактор также может оказывать негативное воздействие на морально-психологическое состояние самих сотрудников, их способность к добросовестному выполнению должностных обязанностей. Наличие жилья, в свою очередь, придает сотруднику большую уверенность в завтрашнем дне, что непосредственно сказывается и на качественном исполнении им служебных обязанностей. Служебная деятельность сотрудника УИС неразрывно связана с напряженными, а порой и конфликтными ситуациями со специфическим контингентом, и от их разрешения зависит стабильность оперативной обстановки в учреждении. Отсутствие этой уверенности влечет за собой нарастание дестабилизирующего воздействия на эффективность служебной деятельности постоянного состава и всей системы в целом.

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // ФСИН России. URL: <http://фсин.пф/structure/development/zhilishchnoe-obespechenie-sotrudnikov-i-pensionerov-uis/> (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Л. Д. Иванчикова
аспирант, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь
e-mail: 7576802@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования деятельности должностных лиц, уполномоченных на ведение административного процесса в отношении несовершеннолетних, при освобождении их от административной ответственности при малозначительности правонарушения.

Ключевые слова: административная ответственность несовершеннолетних, освобождение от административной ответственности, малозначительность правонарушения.

Annotation. The article deals with the problem of legal regulation of the activities of officials authorized to conduct an administrative process in relation to minors, when they are exempted from administrative responsibility with the insignificance of the offense.

Keywords: administrative liability of minors, exemption from administrative responsibility, insignificance of an offense.

В зависимости от того, как будет осуществляться деятельность органов, уполномоченных на ведение административного процесса в отношении лиц, не достигших возраста совершеннолетия, будет зависеть степень правового сознания несовершеннолетних, воспитание их в духе уважения к закону, праву, поскольку меры административной ответственности применяются в целях воспитания физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим физическим лицом, совершившим такое правонарушение, так и другими физическими лицами.

Основным в административном праве является положение о том, что виновное лицо должно претерпеть государственное административное воздействие в виде административного взыскания и главное здесь — соблюдение принципа неотвратимости ответственности. Важно отметить, что меры государственного принуждения в отношении несовершеннолетних имеют в большей степени морально-воспитательные цели, поэтому перевоспитание и исправление правонарушителей возможно и без применения мер административной ответственности. Как правильно отмечает И. П. Долгих, меры воздействия могут быть более действенными при совершении незначительных администра-

тивных правонарушений, когда цель наказания (воспитание, предупреждение совершения новых правонарушений) может быть достигнута и без его назначения [1, с. 150].

В этой статье рассматривается вопрос о необходимости применения института освобождения от административной ответственности к несовершеннолетним, поскольку это является одним из важных институтов административно-деликтного права и его наличие характеризует особый подход государства к различным жизненным обстоятельствам, которые могут возникнуть в момент совершения административного правонарушения, и свидетельствует о претворении в жизнь принципа справедливости и гуманизации в демократическом обществе.

Вопросам освобождения от административной ответственности в юридической литературе отечественными и иностранными учеными уделено значительное внимание. Государственная политика Республики Беларусь в отношении несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, не исключает освобождения от административной ответственности при наличии оснований. Одно из таких оснований — малозначительность административного правонарушения. Белорусский законодатель, установив административную ответственность, предусмотрел и возможность освобождения несовершеннолетних от данного вида юридической ответственности. Однако в целом институт освобождения от административной ответственности в административно-деликтном законодательстве только зарождается, о чем свидетельствует анализ правоприменительной практики. При этом необходимо отметить, что до внесения изменений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) принять решение об освобождении от административной ответственности имел возможность лишь орган, ведущий и уполномоченный рассматривать дела об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних (комиссия по делам несовершеннолетних или суд) [1].

В настоящее время такая возможность появилась и у лиц, уполномоченных на подготовку дела об административном правонарушении. Так, Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 95-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее — ПИКоАП) внесены корректировки в порядок ведения административного процесса, направленные на его оптимизацию, либерализацию [3, с. 369].

Статья 9.1 ПИКоАП дополнена частью 3, предусматривающей возможность не начинать административный процесс и освободить несовершеннолет-

него от административной ответственности при малозначительности правонарушения, объявив ему устное замечание. В законодательстве об административных правонарушениях в части 2 статьи 8.2 КоАП приводится определение малозначительности, так, малозначительным признается деяние, содержащее признаки какого-либо административного правонарушения и причинившее незначительный вред охраняемым правам и интересам, соответственно, законодатель конкретизировал, что применение устного замечания и освобождения от административной ответственности возможно к любому составу административного правонарушения [4].

Малозначительным правонарушением может быть признано, например, нарушение несовершеннолетними правил дорожного движения и др. В этом случае должностное лицо вправе ограничиться устным замечанием, которое не влечет никаких юридических последствий. Важно, чтобы при решении вопроса об освобождении нарушителя от административной ответственности были учтены все объективные и субъективные обстоятельства, характеризующие правонарушение и лицо, его совершившее. Следует отметить, что наличие обширного правового толкования со стороны лиц, уполномоченных на ведение административного процесса в отношении несовершеннолетних, приводит к разности правоприменительной практики, о чем свидетельствуют факты наличия субъективизма при объявлении устного замечания, что влечет необоснованное освобождение от административной ответственности лиц, виновных в совершении правонарушений. В данном случае при решении вопроса о малозначительности правонарушения необходимо давать оценку не только размеру причиненного вреда, но и необходимо учитывать обстоятельства совершения правонарушения, личность несовершеннолетнего и только в совокупности принимать решение о возможности освобождения от административной ответственности. Однако следует отметить, что данное положение не применяется к несовершеннолетнему; если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность, а также по делам об административных правонарушениях, влекущих административную ответственность по требованию. При применении административной ответственности необходимо иметь в виду, что освобождению от административной ответственности подлежат лишь лица, достигшие к моменту совершения административного правонарушения 16 летнего возраста, и по отдельным составам с 14 лет.

Возвращаясь к квалификации малозначительности правонарушения, можно сделать вывод, что в КоАП не урегулированы критерии малозначительности правонарушения, что обязывает лиц, уполномоченных на составление протоколов об административных правонарушениях, самостоятельно определять возможность освобождения несовершеннолетнего от юридически значи-

мых последствий, не начиная административный процесс, объявив ему устное замечание, полагая, что этого вполне достаточно для достижения цели административной ответственности.

Как свидетельствует правоприменительная практика, оценка малозначительности правонарушения производится по своему усмотрению и при объявлении устного замечания при малозначительности совершенного административного правонарушения, в ряде случаев виновным лицам удается не понести заслуженного наказания. Ведь административная ответственность является реакцией государства в отношении лица, совершившего административное правонарушение, с целью «...понудить, заставить его действовать в русле установленных правил, выполнять их...» [5, с. 190].

Однако устное замечание не является мерой ответственности, поскольку виновное лицо не претерпевает государственного административного воздействия в виде административного взыскания, что имеет свои негативные последствия. При освобождении от административной ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 9.1 ПИК оАП несовершеннолетний не числится в Едином государственном банке данных о правонарушениях, считается привлеченным к административной ответственности и, соответственно, в отношении него не проводится индивидуальная профилактическая работа.

Подводя итог, отметим, что устное замечание по своей природе не является мерой административной ответственности и не рассматривается КоАП в качестве административного взыскания, а применяется лишь в целях пресечения административного правонарушения и не является мерой воздействия превентивного характера. Как правило, отсутствие возможности своевременно применить превентивные меры в отношении несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения, а также выявить причины и условия противоправного поведения, приводит к совершению ими общественно опасных деяний.

Кроме того, при рассмотрении вопроса об освобождении от административной ответственности во всех случаях применения права принципы юридической ответственности должны быть надлежащим образом реализованы. В данном случае согласно ст. 4.2. КоАП привлечение и освобождение от административной ответственности осуществляются не иначе как по постановлению (решению) компетентного органа (должностного лица).

На основании анализа научной литературы и материалов практической деятельности можно сделать следующие выводы.

Законодатель должен стремиться проводить взвешенную политику в вопросах установления административной ответственности в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. В настоящее время есть необходимость не только

усиливать ответственность, но и совершенствовать институт освобождения от административной ответственности при малозначительности правонарушения с целью стабилизации определенных социальных институтов, связанных с количеством и уровнем административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Также необходимо отметить, что на основе обобщения практики применения освобождения от административной ответственности необходимо подготовить предложения о внесении изменений и дополнений в КоАП и ПИКоАП с целью единообразного применения положений ч. 2 статьи 8.2 КоАП и ч. 3 ст. 9.1 ПИКоАП, что позволит более качественно организовать деятельность органов, уполномоченных на ведение административного процесса.

1. Долгих И. П. О проблемах и перспективах института освобождения от административной ответственности в России // Правовая наука и реформа юридического образования. 2014. № 4 (27). С. 149–156. [Вернуться к статье](#)

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобрен Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Добриян С. В. Направление либерализации законодательства об административных правонарушениях Республики Беларусь // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам X юбилейной Междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г. / Санкт-Петербургский университет МВД России ; редкол.: А. И. Каплунов (отв. ред.) [и др.]. СПб., 2019. С. 369–372. [Вернуться к статье](#)

4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г. № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. /// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Зюрина Т. П. К вопросу о малозначительности административных правонарушений // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М. : Закон и право, 2005. Ч. 2. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.57

ИНСТИТУТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: МИРОВОЙ ОПЫТ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

А. Ю. Игнатенко

курсант 4-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: ignatenko_5_99@mail.ru

О. В. Становая

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: my_jobbox@tut.by

***Аннотация.** Представлен сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц США, Великобритании, Франции, Германии, Австралии. Выявлены основные черты нормативно-правового регулирования банкротства физического лица, использование которых позволит избежать институциональных ловушек при введении института банкротства физического лица в законодательство Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** банкротство, физическое лицо, несостоятельность, кредитор, должник.*

***Annotation.** A comparative analysis of the legislation on bankruptcy of individuals in the USA, Great Britain, France, Germany, and Australia is presented. The main features of the legal regulation of the bankruptcy of an individual have been identified, the use of which will avoid institutional traps when introducing the institution of bankruptcy of an individual in the legislation of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** bankruptcy of an individual, insolvency, creditor, debtor.*

В связи с активным развитием национальных экономических институтов возникает необходимость в создании и совершенствовании механизма правового регулирования правоотношений, возникающих в связи с кризисной финансовой ситуацией, где одним из субъектов является физическое лицо. Институт банкротства — важнейший элемент институциональной среды современной рыночной экономики, представляющий собой совокупность норм и правил поведения, общепринятых формальных и неформальных процедур взаимодействия, способов разрешения конфликтов, которые реализуются в поведенческих экономических субъектах [1, с. 111].

В настоящее время учеными-правоведами проведено большое количество комплексных исследований, посвященных изучению проблем несостоятельности физических лиц, не способных удовлетворять финансовые требования кредиторов. Целью данных работ является совершенствование нормативно-правовой базы Республики Беларусь, регулирующей и охраняющей экономический оборот от возможных негативных последствий, а также для защиты прав и

интересов субъектов хозяйствования, оказавшихся в сложной финансовой ситуации.

Неотъемлемым элементом при формировании отечественного законодательства в области банкротства физического лица является изучение основных положений законодательства, а также опыта применения института банкротства гражданина в зарубежных государствах. Изучение опыта позволит избежать ошибок при формировании нормативно-правовой базы института экономической несостоятельности физического лица в национальном законодательстве. Необходимо определить положительные и отрицательные черты национальных законодательств в странах с наиболее развитыми экономическими системами (США, Великобритания, Франция, Австралия и Германия) для дальнейшего использования полученных результатов для формирования нормативно-правовой базы института банкротства физического лица в Республике Беларусь.

Законодательная модель США ставит перед собой цель финансовое оздоровление должника, то есть относится к «продолжниковой» системе. С 1978 года по настоящее время на территории США действует Закон «О банкротстве и несостоятельности», однако более детально отношения несостоятельности регламентированы законодательством конкретных штатов. Субъектами банкротства могут являться физические лица, корпорации и товарищества. Согласно данному Закону банкротами не могут признаваться муниципальные и железнодорожные корпорации, а также некоммерческие организации. К указанным субъектам могут применяться только реорганизационные процедуры. К биржевым маклерам и брокерам товарных бирж, наоборот, реорганизационные процедуры не могут быть применены: в случае банкротства они подлежат ликвидации [2, с. 34]. Правом на подачу заявления обладают как кредиторы, так и должник. Однако при инициировании возбуждения процедуры банкротства кредиторами существуют определенные ограничения: 1) правом на обращение обладают только те кредиторы, чьи требования обременены залогом; 2) минимальная сумма долго приравнивается к 5000 долларов; 3) должник должен иметь минимум три кредитора.

В зависимости от состава субъектов американское законодательство предусматривает пять направлений осуществления банкротства. Принимая во внимание всю сложность структуры Закона о банкротстве США, в отдельных случаях данная процедура длится 3–4 месяца и погашению не подлежат следующие долги: по алиментным обязательствам, долги по налогам и штрафам, а также долги по образовательным картам. Имущество должника, находящееся в залоге у кредитора, может быть изъято из собственности только после признания должника банкротом.

Однако из-за высокой величины расходов кредиторов и неуверенности в результативности банкротства должника данная процедура является достаточно сложной и дорогостоящей. Дороговизна определяется исходя из прямых и косвенных расходов. Прямые расходы связаны с оплатой антикризисного управления. Косвенные расходы связаны с трудно определяемыми затратами. Также фактором, ограничивающим возбуждение дела о банкротстве, выступает сложившаяся практика неформального урегулирования споров. Совокупность отмеченных факторов вынуждает обращаться кредиторов в суд только в крайних случаях.

Законодательство о банкротстве в Англии является одним из самых старых в мире. Банкротство частных лиц было урегулировано уже на ранних этапах развития общего права [3, с. 44]. В настоящее время банкротство в Великобритании регулируется Актом о несостоятельности 1986 года. Данный акт содержит в себе нормы, регулирующие весь спектр отношений, вплоть до условий привлечения к уголовной ответственности.

Английское законодательство предусматривает два способа выхода из несостоятельности — добровольное и принудительное. Специальная служба по банкротству занимается управлением и расследованием дел о персональном банкротстве, находящихся в принудительной ликвидации по решению суда. В остальных случаях роль финансового управляющего осуществляют бухгалтера и юристы, получившие специальную лицензию. В законодательстве Великобритании данная процедура длится на протяжении одного года. Однако если должник отказывается сотрудничать с арбитражным управляющим, то данный срок может быть увеличен.

В случае признания гражданина банкротом устанавливаются запреты и ограничения по роду деятельности, такие как запрет на занятие должности агентом по недвижимости, конкурсным управляющим и т. д. По окончании банкротства гражданин сохраняет за собой право на пенсию. Однако конкурсному управляющему предоставлено право обязать должника ежемесячно выплачивать часть получаемого заработка в течение трех лет.

В британской модели в отличие от американской приоритетом наделяются интересы кредиторов по отношению к интересам должника, то есть наблюдается «прокредиторская» модель урегулирования правоотношений.

Во Франции правовое регулирование экономической несостоятельности физических лиц осуществляется нормами Потребительского кодекса с выделением на судебные и внесудебные процедуры.

Согласно французскому законодательству приоритет уделяется предупредительным нормам, направленным на недопущение банкротства. Специальной комиссией по чрезвычайным задолженностям формируется специальный

план-график погашения требований кредитора, однако такой подход редко приносит должный результат, поэтому следующий этап — восстановительный. Восстановительный этап длится 12 месяцев и представляет собой самостоятельную продажу имущества должником.

В случае объявления гражданина банкротом его сведения попадают в черный список Банка Франции и в последующем запрет на право получения кредита в течение восьми лет. Фактически должник в полном объеме теряет контроль над своими активами. В исключительных случаях добросовестным должникам предоставляется право на заключение договора с кредиторами, согласно которому часть заработка будет направляться кредиторам в качестве погашения долга. Как свидетельствует практика, кредиторы крайне редко заключают подобное соглашение и требуют реализации имущества.

Следовательно, отличительной особенностью правового регулирования института экономической несостоятельности физического лица во Франции, как и в Англии, является приоритет интересов кредитора, а само понятие «банкротство» носит исключительно негативный характер. Однако законодатель считает, что данный подход оказывает положительное влияние на рыночную экономику, способствует повышению финансовой грамотности населения и заставляет принимать рациональные решения субъектами хозяйствования.

В Австралии правоотношения в области банкротства регулируются нормами Закона «О банкротстве». Все процедуры в области персонального банкротства осуществляются специализированным органом государственной власти — Службой банкротства и арбитражных управляющих.

Отличительной особенностью законодательной системы Австралии является долгосрочный характер мер, применяемых к признанному банкроту, как правило, данный срок составляет не менее 3 лет. Однако данный срок может продлеваться от 2 до 5 лет при наличии достаточных оснований (неуплата налогов, непредоставление декларации о доходах после приобретения статуса «банкрота»). К признанному судом банкроту применяется ряд ограничительных мер, таких как запрет на предоставление кредитов, в том числе пересечение границы, осуществление предпринимательской деятельности, получение выигрыша в лотерею, а также запрет на право свободного распоряжения средствами, полученными по завещанию. В случае накопления долга к должнику могут применяться дополнительные меры в виде штрафа, а также лишение свободы сроком до трех лет. Также должник ограничивается в праве собственности на отдельные виды дорогостоящего имущества.

Таким образом, законодательство Австралии придерживается «прокредиторской» политики ведения процедур персонального банкротства, подразумевающее собой преимущественный интерес кредиторов по отношению к интере-

сам должника. Такой подход обусловлен исторически сложившимися особенностями становления и развития института персонального банкротства на территории Австралии.

В Германии правовое регулирование осуществляется на основании Положения о несостоятельности, включающего в себя весь спектр отношений экономической несостоятельности, начиная от возбуждения процедуры банкротства и заканчивая международным правом несостоятельности.

В Положении о несостоятельности цели производства по делам о банкротстве определены следующим образом: «Производство по делам о несостоятельности предназначено для совместного удовлетворения требований кредиторов путем реализации имущества должника и распределения выручки или согласования на основе конкурсного плана особого порядка, имеющего своей целью, в частности, сохранение предприятия» [4, с. 54]. Из указанного следует, что экономическая политика Германии придерживается в первую очередь интересов кредитора. Возбуждение дела о банкротстве в Германии возможно в отношении любого как физического, так и юридического лица, вне зависимости от осуществления им предпринимательской деятельности.

Отличительными особенностями немецкого законодательства являются: во-первых, при возбуждении дела о банкротстве учитывается лишь факт задолженности, без определения минимальной суммы долга; во-вторых, дела о несостоятельности рассматриваются гражданскими судами любой категории.

Таким образом, практический опыт применения института экономической несостоятельности (банкротства) физического лица в современных развитых финансово-экономических системах выявил ряд как положительных, так и отрицательных моментов. Положительный опыт применения института банкротства физического лица доказал необходимость урегулирования в Республике Беларусь на законодательном уровне отношений, возникающих между кредиторами и гражданами, не способных удовлетворять денежные обязательства в полном объеме с учетом интересов как кредитора, так и должника. Правовое регулирование должно обеспечить возможность максимального исполнения по долговым обязательствам. Для должника впоследствии это обеспечение финансовой безопасности от односторонних действий кредиторов и возможность восстановить свою социальную и финансовую активность. Практика применения института банкротства физического лица в Великобритании, Франции, Австралии показала, что политика правового регулирования характеризуется «прокредиторской» направленностью и определяется защитой интересов прежде всего кредиторов, для должника процедура носит карательный характер. Однако законодательство США придерживается более гуманной и мягкой политикой по отношению к банкроту. Поэтому для устойчивого финансово-экономического

развития Республики Беларусь необходимо ввести институт банкротства физического лица в национальное законодательство, учитывая интересы всех участников, а также избегая институциональных ловушек: высокая стоимость и сложность процедуры с учетом «психологической» неготовности физического лица становиться банкротом, что устраниться при повышении финансовой грамотности населения. Положительными элементами, которые могут использоваться в Республике Беларусь, могут являться предусмотренная законом защита супругов, детей, с которыми нажито совместное имущество, припадающее в конкурсную массу; меры, принимаемые к должнику, с учетом не только карательного, но и превентивного характера. Нормы законодательства должны разрабатываться не только на основании теоретико-правовых положений, но и с учетом изучения зарубежного опыта стран, где опыт введения института банкротства физического лица показал положительные результаты для экономической системы в целом.

1. Российский институт банкротства: этапы становления и деформализации / Е. В. Гососен [и др.] // Вестник КемГУ. 2009. № 4. С. 111–115. [Вернуться к статье](#)

2. Сафронов И. А., Волков А. В. Современное состояние института несостоятельности в США и Великобритании // Дайджест-финансы. 2001. № 3 (75). С. 34–39. [Вернуться к статье](#)

3. Королев В. В., Чупрова А. Ю. Особенности законодательства о банкротстве в США и Великобритании: сравнительно-правовой аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 1. С. 43–47. [Вернуться к статье](#)

4. Попов Е. Ю. Банкротство физического лица: эволюция и перспектива институционального формирования в современной России // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 8. С. 51–59. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

Б. Б. Казак

заведующий кафедрой правоохранительной деятельности,
уголовного права и процесса,
доктор юридических наук, профессор,
Псковский государственный университет (Россия)
e-mail: kafoppd@rambler.ru

Я. А. Третьякова

аспирант, Псковский государственный университет (Россия)
e-mail: yanatretyakova@list.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые аспекты информационно-аналитической работы в уголовно-исполнительных инспекциях.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная инспекция, информационно-аналитическая работа, документооборот, совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы.*

***Annotation.** The article examines some aspects of information and analytical work in penitentiary inspectorates.*

***Keywords:** criminally-executive inspection, information-analytical work, document circulation, improvement of activity of the penal-executive system.*

Прежде всего необходимо отметить, что потребность уголовно-исполнительных инспекций в информации диктуется поставленными в процессе управления ими задачами, важностью и сложностью принимаемых решений, возможным состоянием уголовно-исполнительных инспекций, внутренними и внешними возмущениями, исходящими в адрес управляемой системы, характеризующими реализуемую ими правоохранительную деятельность.

Важность и значение информации в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, объясняется и тем, что управление уголовно-исполнительными инспекциями невозможно без информации, поскольку оно предусматривает процесс подготовки, принятия и осуществления цепи последовательных решений руководителем на основе информации, отражающей состояние уголовно-исполнительных инспекций и окружающей среды, степень исполнения принятых управленческих решений.

Информационно-аналитическая деятельность является процессом в сфере управления, представляющим собой поиск, определение, сбор, формулирование и переработку необходимой информации в целях ее использования.

Организация функционирования и управления деятельностью системы неразрывно связана с теми информационными процессами, которые происходят как внутри организуемой системы, так и вне ее. Значит, справедливо утверждение о том, что информационные процессы составляют основу управления (любой управленческий цикл осуществляется в пределах поступающей в систему информации).

Таким образом, необходимость и важность информации в деятельности уголовно-исполнительных инспекций как социальной системы не может вызывать сомнений [1, с. 25].

Отметим, что в целях обеспечения достижения поставленных перед уголовно-исполнительными инспекциями задач используемая в их деятельности информация должна отвечать определенным требованиям, в числе которых своевременность, полнота, достоверность и важность.

Для определения мер, направленных на повышение эффективности информационно-аналитической работы в уголовно-исполнительных инспекциях, следует учитывать, что она зависит не от количества обрабатываемой информации и технического обеспечения, а от четкой постановки задач и целей, а также обеспечения непосредственного взаимодействия с другими субъектами. Качество информации, полученной в результате аналитической обработки, в большей степени обуславливается уровнем квалификации сотрудника, что определяет повышение требований к уровню его подготовленности.

Исходя из результатов правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций, можно констатировать, что повышение эффективности, оперативности, надежности и устойчивости управления уголовно-исполнительными инспекциями возможно только при постоянном развитии различных автоматизированных информационных систем обработки информации и банков данных, создании общей инфраструктуры, включающей в себя информационные системы и ресурсы. Получение любого эффекта состоит в преобразовании имеющегося потенциала (ресурсов) организации в конечный результат в виде продукта, информации или услуги, который может обеспечить один или несколько видов эффекта [2, с. 92].

Важными принципами построения информационно-аналитической работы являются целенаправленность, инициативность, соответствие ресурсному обеспечению уголовно-исполнительной инспекции, а также ее целям.

В настоящее время при организации информационно-аналитической работы в уголовно-исполнительных инспекциях используются современные технологии, с помощью которых эта деятельность выполняется эффективнее, а именно:

программный комплекс автоматизированного картотечного учета спецконтингента в уголовно-исполнительных инспекциях — реализует функции по обеспечению автоматизации хранения информации в ходе реализации текущей деятельности уголовно-исполнительных инспекций за счет накопления и обработки данных о лицах, состоящих на учете;

ведомственная электронная почта — обеспечивает быстроту и своевременность осуществления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с другими подразделениями уголовно-исполнительной системы;

справочные правовые системы «Консультант Плюс»® и «Гарант» — необходимы для получения правовой информации;

система электронного документооборота — предназначена для комплексной автоматизации служб документационного обеспечения уголовно-исполнительной системы и обмена информацией между участниками рабочих процессов в части учета и формирования единого электронного информационного документационного пространства (управленческих, учетных и других документов), а именно процессов регистрации, хранения, представления (в том числе публикации) и рассылки документации, выдачи и контроля исполнения заданий по связанным с ними резолюциям и поручениям, а также архивного хранения документации.

В качестве основных задач системы электронного документооборота в уголовно-исполнительных инспекциях можно выделить следующие:

создание единой автоматизированной информационно-поисковой системы документооборота для повышения эффективности осуществления электронного документооборота;

создание единообразного банка данных для хранения различных электронных документов, образующихся в процессе деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению меры пресечения в виде домашнего ареста;

разграничение прав доступа сотрудников уголовно-исполнительных инспекций к служебным документам;

повышение надежности хранения документов за счет использования надежных механизмов обеспечения их сохранности;

организационное обеспечение контроля за документооборотом и учетно-регистрационной дисциплиной в подразделениях и органах уголовно-исполнительной системы в целях исключения случаев проявлений должностных и коррупционных преступлений при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста.

Современные технологии находят все большее применение в повседневной деятельности уголовно-исполнительных инспекций, что упрощает решение

определенных задач, однако образует ряд вопросов, без разрешения которых нельзя в полной мере их выполнить.

Стоит отметить, что, несмотря на введение технических средств, которые позволили усовершенствовать информационно-аналитическую работу в уголовно-исполнительных инспекциях, способы ее ведения, которые использовались 10–20 лет назад, в настоящее время не потеряли свою актуальность.

В заключение отметим, что концептуальными положениями развития уголовно-исполнительной системы закрепляются направления повышения эффективности управления ею с использованием инновационных разработок и научного потенциала, которые позволяют четко, структурировано и надежно организовать информационно-аналитическую работу в уголовно-исполнительной системе в целом и в уголовно-исполнительных инспекциях в частности.

1. Организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : учеб. пособие / И. Н. Смирнова [и др.]. Псков : ЛОГОС, 2017. 160 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ломонос А. А., Третьякова Я. А. Некоторые аспекты информационно-аналитической работы в уголовно-исполнительных инспекциях // Закон и право. 2017. № 5. С. 92–94. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.132

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. И. Каралёк

курсант факультета милиции,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: yovakaralek@mail.ru

А. В. Скоробогатый

оперуполномоченный отдела уголовного розыска
криминальной милиции Жлобинского РОВД (Беларусь)
e-mail: aleksandr.skorabagaty@mail.ru

***Аннотация.** В статье выделены проблемы правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности, предложены пути устранения законодательных коллизий и пробелов.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, совершенствование законодательства.*

***Annotation.** Problems of legal regulation of the undercover investigation are emphasized in the article, proposals on improvement of legislation are made.*

***Keywords:** undercover investigation, confident, improvement of legislation.*

Преступность является одним из дестабилизирующих факторов, препятствующих формированию правового государства. Одним из способов противодействия данному фактору является оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД).

Первые правовые нормы, регламентирующие данную деятельность, относятся к 1960 г., когда в ст. 46 и 116 Уголовно-процессуального кодекса БССР указывалось о возможности проведения розыскной деятельности и принятие мер оперативно-розыскного характера [1, с. 128]. Однако открытого нормативного правового акта, регламентирующего данные меры, на тот момент не существовало. В конце 80-х гг. XX в. были подготовлены и предоставлены на рассмотрение проекты законов СССР «Об оперативной деятельности органов внутренних дел», «Об оперативной деятельности органов государственной безопасности», «Основы оперативной деятельности правоохранительных органов ССР и республик», Федеральный оперативный кодекс [1, с. 276]. В связи с распадом СССР эти проекты не были рассмотрены. Таким образом, в оперативно-розыском нормотворчестве на рассматриваемый период имелось два взгляда на способ правового регулирования в рассматриваемой сфере: подготовка законопроектов, регламентирующих негласную деятельность, для каждого ведом-

ства, осуществляющего ОРД, и формирование единого закона для всех компетентных ведомств.

Вопрос о целесообразности регулирования единым законом разведывательной, контрразведывательной работы органов безопасности и ОРД органов внутренних дел и иных правоохранительных органов представляется спорным [3, с. 107]. Обуславливается это значительными различиями между указанными видами деятельности, спецификой каждой из них, что требует самостоятельного законодательного урегулирования. Принятие законодательных актов, регламентирующих осуществление каждой из этих видов деятельности, видится более обоснованным, чем принятие единого закона, который не способен должным образом охватить правоотношения, которые возникают вследствие осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности органов безопасности и ОРД правоохранительных органов.

Приняв данный подход, был разработан проект Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), единого для всех субъектов, который был принят Верховным Советом Республики Беларусь 12 ноября 1992 г. [1, с. 277].

В 1999 году была принята новая редакция Закона об ОРД, которая претерпела ряд изменений и дополнений. Аргументированность принятия данного закона заключалась в развитии белорусского государства и возникшей потребностью в развитии оперативно-розыскного законодательства [4, с. 3].

Своеобразной вершиной оперативно-розыскного нормотворчества стало принятие закона об ОРД 2015 г. Его существенное отличие от прежней редакции состоит в более полном раскрытии содержания и порядка осуществления ОРД. Например, в прежнем законе об ОРД содержалось 26 статей, а в Законе об ОРД 2015 г. — 74 статьи. Это свидетельствует о тщательной разработке на законодательном уровне ряда проблемных вопросов правовой регламентации.

Нашли закрепление ряд терминов, которые ранее не использовались в открытой печати. Так, в ст. 2 Закона об ОРД впервые дается понятие «легендируемая организация». Под данным термином понимается «организация, созданная органом, осуществляющим ОРД, для выполнения задач ОРД с сохранением в тайне такого использования».

В Законе об ОРД 2015 г. расширен перечень задач ОРД. В числе новых задач, закрепленных в законе, названы: установление персональных данных граждан, которые погибли (умерли), а также граждан, которые в силу состояния здоровья или возраста не могут сообщить о себе сведения; установление имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе; обеспечение безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, и их близких, а

также сохранности их имущества от преступных посягательств, обеспечение безопасности иных граждан; сбор сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам, к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья граждан и окружающей среды, к участию в ОРД, к содействию на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД.

Принятие нового закона исключило противоречие с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее — УПК) в части использования терминов «результаты ОРД» и «материалы ОРД». В новой редакция ст. 2 закона об ОРД используется термин «материалы ОРД», под которым понимаются оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и сведения, полученные при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении ОРД. Раскрыто содержание понятия «оперативно-служебные документы», к которым относятся постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия, специальное задание, справка, рапорт, акт, письменный запрос органа, осуществляющего ОРД. Единство подходов с УПК можно отметить и в части использования протокольной формы оформления материалов ОРД.

Исходя из этого можно предположить, что отмеченные новации могут послужить предпосылкой для возможного появления новой отрасли законодательства.

Ряд проблемных аспектов не нашли своего разрешения в новой редакции Закона об ОРД. Стоит отметить, что ч. 4 ст. 10 Закона об ОРД 1999 г. предусматривала возможность вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам личности или государства должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, при этом причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Действующая редакция в ч. 8 ст. 19 Закона об ОРД содержит то же положение, что и Закон об ОРД 1999 г., однако остался неразрешенным вопрос толкования данной нормы. В научной литературе отмечается, что с данным аспектом тесно связан вопрос о соотношении провокационных действий с правомерными оперативно-розыскными мероприятиями (далее — ОРМ), о пределах допустимой провокации в ОРМ. Данные вопросы неопределенны, по-разному понимаются в разных органах, осуществляющих уголовное преследование [5; 6]. Целесообразным путем разрешения данного вопроса является углубленная теоретическая разработка проблемы с определением ясных и четких критериев различия провокации и правомерных действий в ОРД с их закреплением в открытом нормативном правовом акте [7].

Следует отметить некоторые противоречия новой редакции Закона об ОРД. Так, одним из новшеств стало введение в ст. 2 Закона об ОРД понятия «гражданин, оказывающий содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД». Рассматривая содержание данного термина, законодатель закрепил, что в качестве субъекта, с которым установлено сотрудничество, выступает гражданин. При этом не учитывается то обстоятельство, что в процессе осуществления ОРД конфиденциальное сотрудничество может быть установлено не только с гражданами Республики Беларусь, но и с иностранными гражданами и лицами без гражданства. Например, в ст. 51 Закона об ОРД закреплено равенство в праве заключения контракта на конфиденциальной основе независимо от гражданства. Налицо правовая коллизия, которая, на наш взгляд, требует корректировки определения понятия «гражданин, оказывающий содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД» [7, ст. 562].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что принятие Закона об ОРД 2015 года разрешило ряд проблем, касающихся правовой регламентации ОРД, поставив на повестку дня вопрос о дальнейшем совершенствовании оперативно-розыскного законодательства. В частности, предлагается изложить понятие «гражданин, оказывающий содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД» в следующей редакции: «лицо, оказывающее содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, — гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства, привлеченный органом, осуществляющим ОРД, к сотрудничеству на конфиденциальной основе независимо от их пола, имущественного, социального и должностного положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений, который, не являясь должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, участвует или участвовал на конфиденциальной основе в ОРМ либо содействует или содействовал на конфиденциальной основе его подготовке и (или) проведению — на контрактной или бесконтрактной основе либо по заявлению лица в соответствии с настоящим Законом».

На основании углубленной теоретической разработки проблемы вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРД необходимо сформулировать границы его допустимости, определить ясные и четкие критерии различия провокации и правомерных действий в ОРД с их закреплением в открытом нормативном правовом акте.

Требуется принять отдельный закон, регламентирующий применение негласных мер при осуществлении разведывательной и контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности.

1. Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Комментарий / под ред. А. Ю. Шумилова. М. : Юрид. лит., 1994. 128 с. [Вернуться к статье](#)
2. Гайдельцов В. С. Основные тенденции развития оперативно-розыскного законодательства в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. : [материалы V междунар. науч. конф. состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3–4 мая 2019 г.] / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск, 2019. С. 276–283. [Вернуться к статье](#)
3. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник для юридических вузов / под ред. В. Б. Рушайло. СПб. : Изд-во «Лань», 2002. 720 с. [Вернуться к статье](#)
4. Горшенков С. А. Новации в оперативно-розыском законодательстве Республики Беларусь // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч, практ. конф., 25–26 сент. 2014 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар, ун-та МВД России; под общ. ред. канд. соц. наук В. А. Сосова. Краснодар : Издательский Дом — Юг, 2014. С. 60–64. [Вернуться к статье](#)
5. Харевич Д. Л., Бородич С. В. Проблемные вопросы совершенствования оперативно-розыскной деятельности // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск, 2006. С. 267–270. [Вернуться к статье](#)
6. Шаматульский И. А. Особенности риска в деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса: тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 7 июня 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 130–132. [Вернуться к статье](#)
7. Харевич Д. Л., Шабанов В. Б. Провокация преступления в ФРГ: проблемы теории и практики // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 3(28). С. 53–60. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.7

ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ

Е. И. Климова

доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
филиал учреждения образования
«Российский государственный социальный университет»
в г. Минске Республики Беларусь,
email: evkliv@yandex.ru

***Аннотация.** Рассматриваются факторы, влияющие на планирование расследования уголовных дел о хищениях государственного и общественного имущества, совершаемых должностными лицами.*

***Ключевые слова:** хищение государственного и общественного имущества, совершаемое материально ответственными и должностными лицами; планирование расследования.*

***Annotation.** Factors affecting the planning of the investigation of criminal cases on embezzlement of state and public property committed by officials are considered.*

***Keywords:** theft of state and public property committed by materially responsible and official persons; investigation planning.*

Планирование как вид мыслительной деятельности следователя нередко было предметом исследования ученых и практиков. Анализом проблем его совершенствования занимались А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, А. М. Ларин, Н. А. Якубович, Л. А. Сергеев, Л. А. Соя-Серко, И. М. Лузгин и многие другие. Р. С. Белкин под техникой планирования понимал материализацию тактического замысла следователя, определяющего характер и очередность следственных действий и организационно-технических мероприятий, взаимодействие со специалистами, оперативными сотрудниками, общественностью [1, с. 714]. Для успешного расследования преступления мало умения обнаруживать улики и использовать свидетельские показания. Необходимо анализировать материалы, сопоставлять факты, видеть их во взаимосвязи [2, с. 145]. Этот вид деятельности связан с планированием расследования, выступает условием его успешного осуществления.

Планирование по делам о хищениях, совершенных должностными лицами, отличается рядом особенностей: оно неизбежно включает в себя элементы организационного характера; является необходимым с самого начала следствия, причем план первоначальных следственных действий строится на сведениях, отличных от информации, полученной при осуществлении дальнейшего расследования; версии в планах не всегда играют определяющую роль, как по большинству уголовных дел других категорий. Видится оправданной попытка

анализа факторов, влияющих на планирование расследования хищений. После ознакомления с условиями работы соответствующей организации (учреждения) и выполнения первоначальных следственных действий следователь на основе добытых данных приступает к составлению развернутого плана следствия. В первую очередь он выдвигает версии, вытекающие из имеющихся материалов, для установления обстоятельств совершенного хищения, объяснения отдельных фактов и выявления виновных, доказывания их участия в преступлении.

План расследования имеет полифункциональный характер. Он не строится только в направлении проверки версий о способах хищения, так как нередко перед следователем стоит задача установить, ограничиваются ли хищения только теми эпизодами (фактами), по поводу которых возбуждено уголовное дело, и по объему преступной деятельности, и по числу участвующих в них лиц, поскольку такие преступления в силу их специфики носят многоэпизодный характер. Так как расследование должно быть конкретным, стержнем плана выступает эпизод дела. Расследование каждого из эпизодов целесообразно планировать отдельно. В плане расследования по эпизоду намечаются вопросы, подлежащие выяснению, и следственные действия, при помощи которых возможно их исследовать. При всей внешне кажущейся простоте планирование является очень трудоемким видом деятельности, поскольку призвано обеспечить полное выяснение всех фактических сведений по расследуемому преступлению.

Особенности рассматриваемых противоправных действий и обстановки их совершения не исключают определенных существенных присущих им типичных обстоятельств. Они же выступают факторами, обуславливающими специфику планирования.

Важнейшим обстоятельством, напрямую связанным с событием преступления, являются источники хищения — совокупность денежных средств, ценностей, имущества, на которые направлены замыслы расхитителей. Их установление создает условия для доказывания характера и размера ущерба, причиненного преступлением, и обстоятельств, способствовавших его совершению. Информация об источниках хищений обычно указывает на возможных его участников. При наличии недостачи, отраженной на балансе, речь может идти о хищении учтенного имущества, установление источников которого в такой ситуации не представляет особого труда, поскольку при этом исследуются учетные данные. Трудности чаще всего возникают при выявлении источника хищения ценностей, не отраженных в балансе. Если расхищается оприходованное по документам имущество, преступники маскируют свои действия путем подлогов, фальсификации документов. В такой ситуации для выявления источников

хищений особое значение приобретает обнаружение признаков подделки документов, внесения в них фиктивных сведений, расшифровка недостоверных учетных записей, с помощью которых замаскированы преступные действия.

Восстановление достоверных сведений позволит отследить движение ценностей и определить источники хищений. В случае хищения неоприходованного имущества выявить его источники возможно путем установления приемов, способов и конкретных фактов создания неучтенных резервов ценностей, имущества и денег.

В качестве доказательства события преступления рассматриваются также само похищенное имущество и обстоятельства его реализации. Такое имущество может быть обнаружено непосредственно у расхитителей (что бывает сравнительно редко); в иных, на первый взгляд, никак не связанных с расхитителями местах; при транспортировке, в момент доставки к месту реализации и непосредственно при ее осуществлении.

Предметом хищения обычно выступает имущество, обладающее потребительской ценностью. Поскольку хищения совершаются длительно, к моменту их выявления обнаружить похищенное имущество не всегда удается, так как оно уже использовано по назначению. Похищаемое имущество в первую очередь значимо в качестве товара, который может быть реализован за деньги, а выявить их еще сложнее. Эта особенность обусловила тот факт, что по рассматриваемым хищениям в роли соучастников нередко выступают работники торговли, реализующие похищенное имущество, превращающие его в деньги. Похищенное имущество трудно разыскать еще и по причине его существенного видоизменения в процессе реализации и при подготовке к ней. При организованных хищениях, в которых участвуют работники смежных предприятий, реализация похищенного имущества может осуществляться как в форме его реального сбыта, так и путем превращения его в денежные средства за счет различных махинаций и ухищрений.

Преступное завладение предметом хищения включает всю совокупность действий, которые делают возможным изъятие имущества из государственного (общественного) владения и неправомерный его переход во владение отдельных лиц. Криминальные приемы превращения похищенного имущества в деньги напрямую связаны с деятельностью торговых, заготовительных организаций, финансовых и иных компаний.

В качестве поисковых признаков замаскированных хищений целесообразно рассматривать следующие: необоснованное начисление заработной платы за работы, которые фактически не выполнялись, и присвоение начисленных сумм; необоснованное начисление и выплату премий за выполнение и перевыполнение плановых заданий; умышленное завышение в платежных ведомостях

итогах и присвоение денег, составляющих разницу между завышенной и фактически выплаченной суммами; присвоение денежных сумм при совершении депонентских операций; хищения денежных средств, маскируемые фиктивными операциями по приобретению различных товаров и оказанию услуг. Расхитители, присваивая полностью или частично поступающие в кассу организации средства, с целью сокрытия их хищения прибегают к подлогам в подлинных документах или к составлению заведомо подложных документов, как банковских, так и данной организации.

Размеры похищенного имущества, его вид непосредственно относятся к факторам, влияющим на планирование расследования, — событию преступления и размеру ущерба, причиненного хищением. Конкретизация обвинения требует определения вида похищенного имущества и его количества; исчисления размеров похищенного в суммарном выражении, если установлен вид похищенных ценностей (наличные деньги, подотчетное имущество, готовые изделия, швейные, ткацкие, трикотажные, кондитерские, мясопродукты и т. д.); наличия относимых, допустимых и достоверных доказательств (показаний обвиняемых, свидетелей, заключений экспертов, документов, вещественных доказательств), в своей совокупности достаточных для предъявления обвинения. При этом должны быть исчерпаны все возможности установления вида и размера похищенного имущества по каждому эпизоду. Такой подход к определению размеров похищенного возможен при наличии следующих условий: систематичности совершения хищений неоприходованного имущества организованной группой на протяжении определенного времени; доказанности конкретных эпизодов хищения имущества, способов завладения им, в частности, источников хищений и приемов реализации похищенного; в качестве основы исчисления общих размеров похищенного рассматриваются не отвлеченные расчеты, а собранные и проверенные в установленном порядке доказательства.

Состав преступной группы, характеристика ее участников и их роль в хищениях устанавливаются в процессе выяснения события преступления, способов его осуществления, а также обстоятельств, характеризующих личность расхитителей. При этом одновременно устанавливаются обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности каждого обвиняемого.

Образ жизни расхитителей и конкретные факты, устанавливаемые в связи с этим обстоятельством, в сочетании с другими доказательствами по делу имеют существенное значение для выяснения и события преступления, и размеров похищенного, определения роли отдельных участников преступной группы. Имущество, ценности, нажитые расхитителем преступным путем, могут служить доказательством виновности, средством обеспечения возмещения ущерба, причиненного хищениями. Существенным является выяснение по делу обстоя-

тельств приобретения этого имущества, в частности времени в сопоставлении с периодом совершения хищений. В тех случаях, когда ценности, имущество обнаруживаются не у самого расхитителя, а у его родственников или доверенных лиц, устанавливаются действительного владельца обнаруженных ценностей.

Условия деятельности предприятия, связанные с обеспечением сохранности имущества, непосредственно относятся к событию преступления, обстановке, в которой оно совершено, к обстоятельствам, подтверждающим виновность конкретных лиц. Выяснение таких условий связано с организацией приемки, хранения и выдачи имущества; с состоянием учета хозяйственных, денежных и других операций; с организацией контроля ввоза и вывоза имущества с территории предприятия и осуществлением администрацией предприятия (учреждения) контроля сохранности государственного (или общественного) имущества; с организацией и проведением инвентаризаций и контрольно-ревизионной деятельности; с подбором кадров на должности, связанные с материальной ответственностью; с распоряжением имуществом, учетом и контролем его сохранности; производственными, финансовыми и иными связями данного предприятия с различными организациями.

По делам о хищениях при составлении плана учитывается необходимость согласования последовательности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Характер предусматриваемых в плане поручений определяется особенностями каждого дела, но можно рекомендовать наиболее типичные из них: проверку фактов участия в совершении хищения тех или иных лиц; выявление свидетелей по отдельным операциям или по фактам получения, выдачи партий материалов, имущества, товаров, по перевозке их и т. п.; проверку личности обвиняемых и иных лиц, подозреваемых в совершении преступления: образа жизни, прошлой деятельности, преступных связей и т. д.; выявление места нахождения определенных документов, в том числе подложных; активный розыск расхитителя путем установления возможного его местопребывания и т. д.; проведение обысков, особенно групповых, в целях обнаружения похищенного имущества и ценностей как совместно со следователем, так и самостоятельно, по постановлению следователя; задержание преступников (особенно при проведении одновременного задержания ряда лиц по одному и тому же делу); допрос отдельных свидетелей; розыск похищенных ценностей; выявление мест хранения похищенного имущества, ценностей и имущества, на которые может быть наложен арест.

Изучение уголовных дел позволяет выделить некоторые негативные тенденции: допросы подозреваемых лиц более чем в 60 % случаев должным образом не планируются, в частности предварительно не составляется его психологическая характеристика, не выясняются особенности мышления, памяти и во-

левых качеств, что приводит к неполноте либо необъективности фиксации даже правдивых показаний; допрос проводится без определения блоков информации, подлежащей обязательному выяснению, проработки тактических схем проверки показаний допрашиваемых в ходе следственного действия, формирования условий для сопоставления полученных фактических данных с другими доказательствами; допросы проводятся тактически неправильно, являются непродолжительными по времени, что не позволяет установить необходимый контакт с допрашиваемым и нейтрализовать его противодействие, практически по делам данной категории не используются научно-технические средства фиксации показаний. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о необходимости тщательного планирования допроса виновных лиц, результаты которого служат определенным залогом успешного расследования уголовного дела.

Умение правильно определить цели и приемы планирования способствует глубокому аналитическому исследованию имеющихся материалов, целенаправленному планированию расследования, облегчает оценку полученных доказательств.

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2001. 837 с. [Вернуться к статье](#)

2. Попов И. А. Применение методических приемов расследования отдельных видов преступлений // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2018. № 5. С. 143–146. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.951

**РОЛЬ ТОВАРИЩЕСКИХ СУДОВ И СОВЕТОВ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПУНКТОВ ОХРАНЫ
ПРАВОПОРЯДКА В ПРОФИЛАКТИКЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ
СЕМЕЙНО- БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Ю. А. Колотилкин

начальник кафедры административной деятельности
факультета милиции,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

***Аннотация.** Автор статьи исследует роль товарищеских судов и советов общественных пунктов в профилактике правонарушений.*

***Ключевые слова:** товарищеские суды, советы общественных пунктов охраны правопорядка, семейно-бытовые отношения, правонарушение, семья, насилие.*

***Annotation.** The author of the article explores the role of comradesly courts and councils of public points in crime prevention.*

***Keywords:** friendly courts, councils of public law enforcement agencies, family and domestic relations, offense, family, violence.*

Проблема воспитания человека и гражданина в обществе во все времена считалась одной из ключевых с древнейших времен и остается актуальной в настоящее время. Криминогенные факторы правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, и все, что с ними связано, оказывают значительное влияние на преступность в целом, подпитывают явления и процессы, формирующие причины угроз демографической и национальной безопасности, в их перечне негативные явления: развал института семьи, падение рождаемости, сиротство, безнадзорность и беспризорность детей, алкоголизация и наркотизация населения [1].

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь государство ответственно перед гражданином, а гражданин ответственен перед ним за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него [2].

Белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям, пройдя длительный путь становления, приняло достаточно четкие очертания, определив не только составы преступлений, административных правонарушений, но и четкую работу всех субъектов профилактики правонарушений. Немаловажную роль в этом как в советском государстве времен СССР, так и в белорусском государстве является воспитание человека через общество, общественность.

Во времена СССР большую роль в борьбе с антиобщественными поступками играли товарищеские суды, главной ролью в работе которых было предупреждение любых нарушений. В борьбе с антиобщественными явлениями использовали мнение трудового коллектива, печати, а также методы убеждения, сила закона и другие средства воспитания.

Товарищеские суды являлись выборными, их работа была направлена на предупреждение правонарушений и проступков, наносящих вред обществу. Воспитание они осуществляли методом убеждения и общественного воздействия на уровне поселка, села, домоуправления, улицы, предприятия (на крупных предприятиях — цеха), коллективного хозяйства. Товарищеские суды сыграли активную роль в укреплении правопорядка, в воспитании людей в духе точного и неуклонного исполнения законов, предупреждении антиобщественных поступков. В те времена большинство граждан советского государства работали на предприятиях, занимались общественно полезным трудом. Руководство критиковало трудоспособных граждан, не желавших честно трудиться, уклоняющихся от общественно полезного труда и получавших нетрудовые доходы, и это оказывало профилактическое воздействие на значительное количество населения, проживавшего в стране [1].

В соответствии с Положением о товарищеских судах от 11 марта 1977 года, они рассматривали дела о(об): оскорблении; клевете; побоях и легких телесных повреждениях, не повлекших расстройства здоровья, если эти деяния совершены впервые; о сквернословии; о невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями опекунами или попечителями обязанностей по воспитанию детей; о недостойном поведении в семье, о недостойном поведении к женщине.

К мерам воздействия, принимаемым товарищескими судами, относились меры общественного воздействия, т. е. порицания неправомерных действий от имени общественности, меры морального влияния, имущественные взыскания и меры, сочетающие общественное и дисциплинарное воздействия.

На современном этапе, в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», указанную работу проводят советы общественных пунктов, которые организуют усилия добровольных дружин, организаций и граждан в деятельности по охране общественного порядка и профилактике правонарушений, а также их взаимодействие с другими органами, формируются из числа граждан с их согласия, в том числе из числа должностных лиц и осуществляют свою деятельность под общим руководством местных исполнительных и распорядительных органов. Решение об их образовании и упразднении принимаются соответствующими ис-

полнительными и распорядительными органами, определенными Советом Министров Республики Беларусь [3].

В их полномочия входит обсуждение вопросов по укреплению порядка, поведения граждан, лиц, привлеченных к административной, уголовной ответственности, на заседаниях, собраниях граждан по их месту жительства или месту пребывания, учебы или работы с внесением соответствующих рекомендаций субъектам профилактики правонарушений. Решения разрабатывают и вносят субъектам в соответствии с их компетенцией, они носят рекомендательный характер, касаются вопросов порядка на территории, закрепленной за советом, и в дальнейшем, после принятия, решения берутся на контроль соответствующими субъектами. Вопросы насилия в семье находятся на постоянном контроле работы советов. Они оказывают психологическую помощь гражданам, уведомляют о совершенном насилии в другие субъекты профилактики правонарушений согласно их компетенции, представляют информацию о гражданах, пострадавших от насилия, гражданах, совершивших насилие в семье, и гражданах, которым оказана медицинская помощь [3].

Таким образом, пройдя длительный путь становления, белорусское законодательство в сфере противодействия семейно-бытовым правонарушениям приняло достаточно четкие очертания, в вопросах профилактики правонарушений определив не только составы преступлений и административных правонарушений, но и роль общественного воспитания гражданина.

1. Товарищеские суды : учеб. пособие / А. Б. Сахаров [и др.]. 2-е изд., перераб. М. : Знание, 1978. 208 с. [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 10-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. 62 с. [Вернуться к статье](#)

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 453-З : в ред. от 09.01.2018 г., № 91-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.16

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ

Л. Ф. Лазутина

профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: lazutina59@bk.ru

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности прокурорского надзора на досудебных стадиях и принятие решений при выполнении субъектами уголовного процесса определенных процессуальных действий.*

***Ключевые слова:** прокуратура, прокурорский надзор, дознание, предварительное следствие, процессуальный контроль.*

***Annotation.** This article discusses the features of Prosecutor's supervision at pre-trial stages and decision — making when the subjects of the criminal process perform certain procedural actions.*

***Keywords:** Prosecutor's office, Prosecutor's supervision, inquiry, preliminary investigation, procedural control.*

Гражданам в Республике Беларусь статьей 60 Конституции гарантируется судебная защита их прав и свобод [1].

Прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми субъектами в Республике Беларусь определяется как одна из самостоятельных форм государственной деятельности, обеспечивающая реализацию задач по укреплению законности и правопорядка, осуществление и соблюдение конституционных принципов.

Здесь речь идет в том числе и о реализации надзорной функции прокуратуры за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Эта деятельность по своему содержанию, назначению и процедуре ее осуществления имеет ряд особенностей, отличающих ее от полномочий органов прокуратуры на иных стадиях уголовного процесса.

Осуществление надзора за соответствием закону судебных решений по уголовным делам, а также поддержание обвинения в судах имеют сходство в том, что как поддержание обвинения, так и опротестование решений суда происходят при непосредственном участии третьего лица (арбитра), определяющего справедливость занятой органом прокуратуры позиции, которым выступает суд.

Функция надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия фактически представляет собой ту же обязанность арбитра справедливости только в досудебных стадиях уголовного процесса. Суд, согласно уголовно-процессуальному закону, может присутствовать на

этих стадиях при обращении участников процесса в суд для проверки того или иного решения в строго определенных уголовно-процессуальным законом случаях, в частности статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК).

На досудебных стадиях прокурор обладает государственно-властными полномочиями и его процессуальное положение в уголовном процессе отчасти регламентировано ст. 34 УПК Республики Беларусь, в силу которой прокурор является должностным лицом, в пределах своей компетенции осуществляющим от имени государства уголовное преследование и поддерживающим государственное обвинение в суде [2].

Вместе с тем следует отметить, что прокурор осуществляет и надзорную функцию за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Важность деятельности прокуратуры по надзору за исполнением закона в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования predetermined самой значимостью этих очень ответственных и однозначно сложных стадий уголовного процесса.

Одним из важных средств предупреждения и выявления нарушений прав и законных интересов участников уголовного процесса и других граждан, оперативного принятия мер к устранению выявленных нарушений является непосредственное участие прокурора в производстве дознания и предварительного следствия. Принять участие в производстве отдельных следственных действий прокурор может лично, независимо от того, в чьем производстве находится уголовное дело. Вместе с тем необходимо отметить, что прокуратура все же выполняет надзорную функцию, и она является приоритетной.

Президент Республики Беларусь на совещании 20 августа 2019 года по вопросам качества работы правоохранительных органов эти приоритеты определил следующим образом: защита жизни, здоровья и прав граждан Беларуси, соблюдение законности. Глава государства подверг критике деятельность указанных органов, обозначив существенные недостатки, — нарушение законности, проявления бездушного отношения к судьбам людей. Критике подверглись и оценочные критерии количественных показателей [3].

Следует отметить некоторые тенденции и особенности деятельности прокурора в плане выполнения отдельных процессуальных действий. Так, при осуществлении уголовного преследования в ходе досудебного производства по материалам и уголовному делу прокурор возбуждает, принимает уголовное дело к своему производству и расследует его в полном объеме, пользуясь при этом полномочиями следователя, или поручает его расследование нижестоящему прокурору либо соответствующему органу предварительного следствия; от-

казывает в возбуждении уголовного дела; осуществляет надзор за возбуждением и расследованием уголовных дел органом дознания, следователем; осуществляет процессуальное руководство и надзор за деятельностью нижестоящего прокурора, производящего предварительное следствие.

Безусловно, что при проверке закона на досудебных стадиях прокурором практически всегда выявляется ряд нарушений, недостатков и упущений в работе.

Как отмечает Генеральный прокурор Республики Беларусь, недостатки имеют место быть по таким значимым направлениям деятельности, как неполнота доследственных проверок, а это влечет принятие незаконных и необоснованных решений органом дознания. За полугодие 2019 года каждое шестое решение органов внутренних дел об отказе в возбуждении уголовного дела прокуратурой отменялось. В связи с неполнотой проверок прокуроры ежегодно отменяют около 20 тысяч постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных органами внутренних дел, удельный вес которых составляет 16–17 %.

Выявлены факты нарушения уголовно-процессуальных норм при собирании доказательств, необоснованного и немотивированного применения мер пресечения, в частности содержание под стражей и расследования следователями уголовных дел с нарушением сроков, предусмотренных УПК.

Так, в сравнении с 2018 годом в 2019 году ухудшилась оперативность расследования, т. е. произошло нарушение процессуальных сроков расследования уголовных дел, с превышением двухмесячного срока окончено 8 821 уголовное дело, или 18,1 % от общего количества оконченных дел [4].

Следовательно, в данном направлении на современном этапе усилен прокурорский надзор за законностью принятия следователями процессуальных решений о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении и приостановлении предварительного следствия. Количество отмен прокурорами таких решений возросло.

В 2019 году прокуроры направили в суд 3 197 уголовных дел, принципиально подходя к их изучению. Результат следующий: следователям возвращено 744 уголовных дела для производства дополнительно предварительного расследования [4].

Немаловажно отметить и тот аспект, что надзор за исполнением законов в процессе применения мер пресечения, применяемых органами предварительного расследования, всегда был и остается приоритетным направлением в деятельности прокуроров.

Во исполнение поручения Президента Республики Беларусь органы прокуратуры продолжают работу по оптимизации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу как самой суровой мере пресечения.

Результат не заставил себя ждать. Так, количество лиц, к которым применили эту меру пресечения, снизилось в 2018 году: санкционировано 11 640 таких постановлений, что на 8,5 % меньше, чем в 2017 году.

При этом прокуроры в 2018 году 554 раза отказали следователям в даче санкции на применение меры пресечения в виде заключения под стражу [5].

Практика применения меры пресечения в виде заключения под стражу — число лиц, в отношении которых избрана такая мера, в 2019 году уменьшилась с 11 640 до 9 846, или на 15,4 % [4].

В целях наиболее эффективного устранения нарушений закона, допускаемых при производстве предварительного расследования, прокурор наделен важнейшим полномочием — правом отменять незаконные и необоснованные постановления следователей и лиц, производящих дознание.

Так, в 2019 году количество материалов, возвращенных из подразделений Следственного комитета в органы дознания для проведения дополнительных проверочных мероприятий, сократилось с 3 166 до 2 964, или на 6,4 %.

Каждое четвертое выявленное прокурорами нарушение допущено органами внутренних дел по материалам о мошенничестве.

Из 8 248 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по данной категории прокуроры отменили 4 289 постановлений, или 52 %, в том числе с одновременным возбуждением — 33. По результатам дополнительных проверок впоследствии возбуждено 262 уголовных дела [4].

Для того чтобы прокурорский надзор был эффективным, необходим постоянный контроль прокуратуры за исполнением актов реагирования.

К основным средствам устранения нарушений законности относятся письменные указания прокурора о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, о квалификации преступления, производстве отдельных следственных действий и розыске лиц, совершивших преступления, выполнении неотложных следственных действий органом дознания.

Специфической и арбитражной, по сути, является роль прокурора в случае разногласий органа дознания и органа предварительного следствия при направлении органом дознания заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему в орган предварительного следствия.

По поступившим от органа следствия для возвращения органу дознания заявлению или сообщению о преступлении и материалам проверки по нему прокурор принимает решение о направлении заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему в орган дознания либо одно из ре-

шений (о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде уголовное дело частного обвинения ч. 2 ст. 173-2 УПК [2]).

Таким образом, функция прокуратуры здесь заключается в определенном фильтре материалов проверок по заявлениям и сообщениям, их допуске на следующую стадию досудебного производства — возбуждение уголовного дела, и далее — предварительное следствие.

В 2019 году количество материалов, возвращенных из подразделений Следственного комитета в органы дознания для проведения дополнительных проверочных мероприятий, сократилось с 3 166 до 2 964, или на 6,4 % [4].

За производством такого предварительного следствия в органах прокуратуры, как и в других случаях в силу требований Конституции, также осуществляется надзор подразделениями прокуратуры.

Процедура предварительного следствия, осуществляемого органами прокуратуры, не имеет особых процессуальных отличий от порядка осуществления предварительного следствия иными уполномоченными государственными органами, за исключением того, что функции процессуального контроля в данном случае определены также за органами прокуратуры (по подобию ведомственного контроля в иных случаях).

Существенным отличием в плане надзорных полномочий в случае, когда предварительное расследование уголовного дела или руководство следственной группой осуществлялись прокурором, является отсутствие отдельной стадии оценки дела после передачи его прокурору для направления в суд.

Часть 4 статьи 266 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь определяет, что при вышеуказанных обстоятельствах после уведомления об окончании предварительного расследования участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, ознакомления их с уголовным делом, заявления и разрешения поступивших от них ходатайств, вместо вынесения постановления о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, прокурор немедленно своим постановлением направляет уголовное дело в суд по подсудности.

Данное обстоятельство, в том числе отсутствие возможности возврата дела для осуществления дополнительно предварительного следствия предполагает, с одной стороны, более высокие требования к качеству предварительного следствия, осуществляемого прокуратурой, а с другой — более высокий уровень текущего процессуального контроля и надзора со стороны вышестоящих органов прокуратуры непосредственно на стадии предварительного следствия.

В этой связи следует отметить важность еще одного надзорного полномочия прокурора, а именно право и обязанность принимать решение по уголовному делу, поступившему для направления в суд.

Это еще один фильтр между стадиями процесса (в данном случае предварительного следствия и судебного разбирательства), призванный контролировать качество результатов предварительного следствия.

Кроме осуществления надзора по факту уже вынесенных органами дознания и предварительного следствия процессуальных решений, существует текущий надзор при реализации полномочий прокурора по рассмотрению вопроса дачи санкции на отдельные процессуальные действия.

Таким образом, особенности прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь определяются:

- безусловной обязанностью проверки на предмет законности и обоснованности каждого процессуального решения, выносимого органами дознания и предварительного следствия;
- координацией процессуальных действий органов предварительного следствия и дознания в спорных ситуациях;
- обязанностью разрешения жалоб на действия органов дознания и предварительного следствия;
- наличием у органов прокуратуры властных полномочий по отмене незаконных и необоснованных решений органов дознания и предварительного следствия;
- санкционированием отдельных, определенных уголовно-процессуальным законом, процессуальных действий органов дознания и следствия.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп. принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. 62 с. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Конюк А. О приоритетах надзорной деятельности // Законность и правопорядок. 2019. № 4. С. 10. [Вернуться к статье](#)

4. На заседании коллегии Генеральная прокуратура подвела итоги работы за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/sobytiya-i-meropriyatiya/nazasedanii-kollegii-generalnaya-prokuratura-podvela-itogi-raboty-za-2019-god/> (дата обращения: 08.03.2020). [Вернуться к статье](#)

5. На заседании коллегии Генеральная прокуратура подвела итоги работы за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/february/32427/> (дата обращения: 08.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О РОЛИ АДВОКАТА ПО ОКАЗАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ

А. И. Леонов

старший преподаватель кафедры профессиональных дисциплин,
кандидат исторических наук,
Самарский юридический институт ФСИН России
e-mail: kseniia.borchenko@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению основных моментов в деятельности адвоката, осуществляющего право осужденных на юридическую помощь и защиту. А также анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие основу деятельности адвокатуры в работе с осужденными.*

***Ключевые слова:** адвокат; осужденные; юридическая помощь; свидания с адвокатом; полномочия адвоката.*

***Annotation.** The article is devoted to the main points in the activity of a lawyer who exercises the right of convicts to legal assistance and protection. It also analyzes the legal acts that regulate the basis of the bar's activity in working with convicts.*

***Keywords:** lawyer; convicts; legal aid; visits with a lawyer; attorney's authority.*

Адвокатура является одним из фундаментальных правовых институтов любого государства, который обеспечивает защиту конституционных прав граждан, в том числе и осужденных. Именно по уровню развития института адвокатуры, его месту и роли в обществе можно судить о том, насколько государство демократично и обеспечивает права и свободы человека и гражданина.

Адвокатура играет основную роль в обеспечении прав осужденных с целью оказания им юридической помощи в исправительных учреждениях. В соответствии со ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) содержится норма, которая регламентирует право осужденных на оказание юридической помощи, в том числе от адвокатов [1].

Значимость адвокатуры состоит в том, что именно адвокат может оказать профессиональную помощь ограниченным в свободе людям, которые находятся в исправительных учреждениях, не могут лично защищать свои интересы [2]. Более того, получение юридической помощи осужденными может быть ограничено определенными трудностями, так как порядок оказания юридической помощи, кроме УИК РФ, регулируется и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, где строго регламентированы правила проведения данных консультаций.

Свидания с адвокатами осуществляются на основании письменного заявления от осужденного, в случаях с несовершеннолетними осужденными заявление подается от лица законных представителей. Каких-либо других ограничений для предоставления осужденному свиданий с адвокатом в законе не предусмотрено. Таким образом, достаточно волеизъявления осужденного для получения права на свидания с адвокатом [3, с. 165–166].

Следует отметить, что законодатель поместил в УИК РФ в одну статью наравне право осужденного на свидания с близкими родственниками и свидания с адвокатом (ст. 89 УИК РФ). Однако такого рода свидания отличаются по правовому назначению и содержанию. Так, свидания с близкими родственниками должны способствовать сохранению социально полезных связей в жизни осужденного, они зависят от назначенного осужденному режима и являются своего рода льготой, в то время как свидания осужденного с адвокатом являются реализацией конституционного права граждан на оказание квалифицированной юридической помощи.

Как уже отмечалось, достаточно волеизъявления осужденного для получения права на свидания с адвокатом. Адвокаты же заключают соглашение о защите интересов осужденного непосредственно с ним как с клиентом либо с его родственниками, а также адвокат может осуществлять работу по поручению начальника адвокатского бюро или консультации, если в такую организацию обращается руководитель исправительного учреждения.

Выполнение работы адвоката начинается с предоставления ордера должностным лицам в исправительном учреждении об оказании юридической помощи осужденному [4, с. 43]. Ордер выступает подтверждением законности деятельности адвоката. На основании ордера адвокат имеет право осуществлять такие действия, как:

- сбор сведений, необходимых для оказания юридической помощи по конкретному делу (запрашивать какие-либо справки, характеристики с места работы и места жительства и иные документы);

- привлечение лиц, обладающих специальными познаниями в той или иной сфере (специалистов) для разъяснения некоторых вопросов в рамках рассматриваемого дела;

- фиксация информации, которая содержится в материалах рассматриваемого дела, с правом использования технических средств. При этом важным условием является соблюдение государственной и иной охраняемой законом тайны;

- совершение иных действий, которые не противоречат законодательству РФ.

Право осужденного на получение юридической помощи также закреплено в пп. 5 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В данной норме говорится о таком полномочии адвоката, как беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, в том числе в период его содержания под стражей.

Помимо вышесказанного, в ч. 4 ст. 89 УИК РФ регламентируется такой важный принцип, как конфиденциальность. Принцип заключается в том, что встречи адвоката с осужденным должны проводиться наедине, беседы не должны прослушиваться какими-либо техническими средствами и быть услышаны третьими лицами. Гарантией выполнения данного принципа является наличие специальных помещений в исправительных учреждениях, которые предназначены для таких консультаций с адвокатами [5, с. 37–38].

Также получение юридической помощи осужденным может осуществляться на бесплатной основе. Данное право гарантировано в ст. 48 Конституции, в ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в ст. 20 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», где содержится исчерпывающий перечень категорий граждан, которым может предоставляться бесплатная юридическая помощь.

Так, юридическая помощь оказывается бесплатно в случаях, если:

- среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации;
- одиноко проживающие граждане, доходы которых ниже величины прожиточного минимума;
- гражданин инвалид I и II группы;
- гражданин является ветераном Великой Отечественной войны, Героем Российской Федерации, Героем Советского Союза, Героем Социалистического Труда, Героем Труда Российской Федерации;
- дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, и их законные представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей;
- граждане, признанные судом недееспособными, а также их законные представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких граждан;

– граждане пожилого возраста и инвалиды, проживающие в организациях социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме, и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что услуги адвокатов являются основополагающей формой оказания профессиональной и квалифицированной юридической помощи осужденным. Кроме того, значимость адвокатуры также выражается и в том, что осужденные, находясь в исправительных учреждениях, не могут лично защищать свои интересы и именно адвокат выполняет эту функцию. Более того, адвокат обладает широким спектром полномочий в защите интересов осужденного, чем и обеспечивается конституционное право всех граждан на защиту.

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 8 янв. 1997 г., № 1-ФЗ : в ред. от 27.12.2019 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

[Вернуться к статье](#)

2. Основные положения о роли адвокатов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений, Нью-Йорк, 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения: 24.02.2020).

[Вернуться к статье](#)

3. Тарло П. Г. Роль адвокатуры в системе обеспечения конституционного права на юридическую помощь. М., 2001. С. 165–166. [Вернуться к статье](#)

4. Борсученко С. А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. М., 2005. С. 43. [Вернуться к статье](#)

5. Соболева А. Бесплатная юридическая помощь: стандарты Совета Европы и российская практика // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 37–38. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

В. В. Литвинов

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: valcom.77@ukr.net

***Аннотация.** Рассматривается процессуальный порядок применения к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного характера. Проведен анализ норм УПК и УК Украины которые регулируют применение этих мер. В ходе анализа выделены разные виды процессуальных решений, которыми применяются принудительные меры воспитательного характера. На основании исследования предложены изменения в УПК Украины.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетний обвиняемый, принудительные меры воспитательного характера, освобождение от уголовной ответственности.*

***Annotation.** The procedural procedure for applying compulsory educational measures to a minor accused is considered. The analysis of the norms of the Code of Criminal Procedure and the Criminal Code of Ukraine that regulate the application of these measures. In the course of the analysis, different types of procedural decisions were identified, which apply coercive educational measures. Based on the study, a change to the Code of Criminal Procedure of Ukraine is proposed.*

***Keywords:** minor accused, compulsory educational measures, exemption from criminal liability*

Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее — УПК Украины) предусматривает возможность применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в случае, когда уголовное правонарушение совершено несовершеннолетним. Это решение может быть принято с учетом особого порядка уголовного производства.

Осуществление досудебного расследования относительно несовершеннолетних является специфической процессуальной деятельностью, которая урегулирована в главе 38 УПК Украины. Статьей 497 УПК Украины указанной главы предусмотрена возможность применения к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного характера. Применить эту норму вправе прокурор на стадии досудебного расследования. Установив в ходе досудебного расследования основания, предусмотренные ч. 1 ст. 497 УПК Украины, проку-

пор составляет «Ходатайство о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного характера», после чего направляет его в суд [1].

В статье 497 УПК Украины регламентируется порядок применения принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетнему, который находится в процессуальном статусе обвиняемого. Нормами УПК Украины предусмотрено решение о применении таких мер также и в отношении несовершеннолетнего, который не достиг возраста уголовной ответственности. Такое решение применяется в отношении лица, которое на момент совершения общественно опасного деяния достигло одиннадцатилетнего возраста, но не достигло возраста уголовной ответственности, то есть 14 или 16 лет. В случае установления таких обстоятельств досудебное расследование заканчивается принятием решения, которое предусматривает ч. 5 ст. 499 УПК Украины. Согласно этой статье следователь составляет ходатайство о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера, которое утверждается прокурором. Также это решение прокурор вправе принять самостоятельно [1].

Процессуальное решение, предусмотренное ст. 497 УПК Украины (ходатайство о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного характера), похоже по названию с процессуальным решением, предусмотренным ч. 5 ст. 499 УПК Украины (ходатайство о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера). Но несмотря на схожесть, эти решения разные по их юридической конструкции. Применение к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного характера может быть осуществлено только путем принятия процессуального решения об освобождении от уголовной ответственности. Окончание досудебного расследования принятием этого решения свидетельствует о применении механизма уголовно-правового реагирования на совершенное преступление [2, с. 318]. Кроме этого, условия освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности предусмотрены законом Украины об уголовной ответственности. В соответствии со ст. ст. 97, 105 Уголовного кодекса Украины (далее — УК Украины) принудительные меры воспитательного характера применяются как решение об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности либо же как освобождение от наказания.

Учитывая вышеуказанные особенности, решение о применении принудительных мер воспитательного характера, согласно ст. 499 УПК Украины, нельзя назвать альтернативным процессуальным решением. Обосновывается это также и тем, что согласно ч. 5 ст. 499 УПК Украины по указанной категории уголовных производств на стадии досудебного расследования принимаются два про-

цессуальных решения: 1) ходатайство о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного характера согласно ч. 5 ст. 499 УПК Украины; 2) прекращение уголовного производства согласно ч. 5 ст. 499 и ст. 284 УПК Украины.

В статье 497 УПК Украины регламентирован порядок применения принудительных мер воспитательного характера только в отношении несовершеннолетнего, который находится в процессуальном статусе обвиняемого. В связи с этим решение о применении принудительных мер к несовершеннолетнему обвиняемому должно быть альтернативным к решению составления обвинительного акта. Такая альтернативность проявляется в том, что как для первого, так и для второго решения необходимо установить виновность лица в совершении преступления. Ю. В. Баулин, исследуя институт освобождения от уголовной ответственности, справедливо указывает на то, что для освобождения от уголовной ответственности необходимо сначала установить факт совершения преступления, установить действия, которые поощряются государством, и лишь потом принять соответствующее решение [3, с. 205].

Несмотря на то, что в статье 497 УПК Украины не упоминается о решении об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, системный анализ вышеупомянутой статьи приводит к выводу, что ее применение соответствует условиям ст. 97 УК Украины. Последней предусмотрен альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта путем освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Согласно ст. 97 УК Украины, несовершеннолетний может освобождаться от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера только тогда, когда будут установлены условия применения этого решения: 1) несовершеннолетний впервые совершил преступление небольшой тяжести или неосторожное преступление средней тяжести, 2) его исправление возможно без применения наказания [4]. Учитывая, что вышеупомянутая норма относится к институту освобождения от уголовной ответственности, ее процессуальное применение должно соответствовать ст. 285–289 УПК Украины, которыми предусмотрен процессуальный порядок освобождения лица от уголовной ответственности. В таком случае, согласно ч. 2 ст. 286 УПК Украины, после проведения досудебного расследования прокурором составляется ходатайство об освобождении от уголовной ответственности, которое направляется в суд.

Учитывая нормы УК Украины, применение ст. 497 УПК Украины прежде всего означает принятие решения об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Этим процессуальным решением несовершеннолетнее лицо, которое совершило уголовное правонарушение, освобождается от обязанности нести ответственность перед обществом и государством за его со-

вершение в связи с установлением во время досудебного расследования условий, при наличии которых возможно принять это решение. Одним из таких условий освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности является применение относительно него принудительных мер воспитательного характера. Учитывая такие особенности, можно говорить, что это решение есть альтернативой составлению обвинительного акта. Для принятия законного и обоснованного решения следователь, прокурор должны установить достаточный объем доказательств, совокупность которых даст возможность его принять. Поэтому следует согласиться с предложением о необходимости дополнить ст. 286 УПК Украины частью 5, которую изложить в следующей редакции: «Перед составлением ходатайства прокурор обязан доказать основания для освобождения от уголовной ответственности» [5, с. 143].

Опираясь на проведенное исследование, можно сделать вывод о том, что применять ст. 497 УПК Украины необходимо с учетом требований ст. 285–289 УПК Украины, которые предусматривают процессуальный порядок освобождения лица от уголовной ответственности. Для этого в ч. 1 ст. 497 УПК Украины необходимо уточнить название процессуального документа, который составляет прокурор по окончании досудебного расследования. Название документа изложить в следующей редакции: «Ходатайство об освобождении несовершеннолетнего обвиняемого от уголовной ответственности и применения к нему принудительных мер воспитательного характера».

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 13 апр. 2012 г., № 4651-V. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17> (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)
2. Устрицька Н. І. Механізм кримінально-правового реагування на вчинення злочину // Наук. вісник Львів. держ. ун-ту внутр. справ. 2016. № 2. С. 311–320. [Вернуться к статье](#)
3. Баулін Ю. В. Звільнення від кримінальної відповідальності // Вісник Асоціації кримінального права України. 2013. № 1 (1). С. 185–207. [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 5 апр. 2001 г., № 2341-III. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)
5. Красій М. В. Звільнення від кримінальної відповідальності як основа в Кримінальному кодексі України і процедура в Кримінальному процесуальному кодексі України // Национальный юридический журнал : теория и практика. 2016. № 4. С. 140–144. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.14

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Л. Г. Лифанова

профессор кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент,

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

e-mail: laliy@mai.ru

***Аннотация.** Расширение процессуальных полномочий лиц, осуществляющих следственную проверку сообщений о преступлении в уголовно-процессуальном законодательстве России, явилось серьезным шагом на пути демократизации закона. Однако практические работники при реализации новых норм столкнулись с определенными трудностями, а граждане, вовлеченные в процесс следственного производства, лишены возможности в полной мере реализовать свои права. Анализ обозначенных норм и их совершенствованию посвящена данная статья.*

***Ключевые слова:** возбуждение уголовного дела, заявитель, потерпевший, следственные действия, процессуальные действия, участие защитника, следователь.*

***Annotation.** The extension of the procedural powers of persons performing pre-investigation verification of reports of a crime in the criminal procedure legislation of Russia was a serious step towards the democratization of the law. However, practitioners faced certain difficulties when implementing the new rules, and citizens involved in the pre-investigation process are deprived of the opportunity to fully exercise their rights. This article is devoted to the analysis of these norms and their improvement.*

***Keywords:** initiation of a criminal case, the applicant, the victim, investigative actions, procedural actions, participation of the defender, the investigator.*

Научная дискуссия о производстве следственных и процессуальных действий на этапе следственной проверки приобрела особую активность после внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство России Федеральным законом от 04.03.2013 г. «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 23-ФЗ [1], который существенным образом расширил процессуальные полномочия должностных лиц на данном этапе.

Реакция юридической общественности, особенно практических работников, была ожидаемо положительной, так как невозможность производства отдельных следственных действий в рамках следственного производства являлась значимым препятствием для принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или его отказа в его возбуждении. Однако процессуаль-

ные пробелы регламентированного характера проведения проверочных мероприятий, по сути, обесценили возможность получения доказательств в ходе доследственной проверки.

Помимо этого, значимым оказался вопрос реализации процессуальных прав участниками доследственного производства: лица, в отношении которых проводится проверка и заявителя.

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы, вправе пользоваться услугами защитника. Защитник, как следует из части первой данной статьи, — лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. До возбуждения уголовного дела отечественное уголовно-процессуальное законодательство не наделяет лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений каким-либо статусом. Таким образом, обнаруживается юридическая неточность: лицо, не являющееся обвиняемым или подозреваемым, наделяется правом иметь защитника. Каким образом должны строиться отношения между данным лицом и защитником? Каковы права защитника на этапе доследственной проверки, если УПК РФ регламентирует полномочия данного субъекта с момента вступления в уголовное дело? И самое главное, каков комплекс прав самого лица, в отношении которого проводится доследственная проверка?

Аналогичные вопросы возникают и по поводу лица, претерпевшего вред от преступления, но не признанного потерпевшим. Процессуальный статус данного субъекта также законом не определен, хотя участие его в процессуальных и следственных действиях закон предусматривает. Так же как и лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, обозначенный субъект вправе пользоваться услугами адвоката. В связи с чем возникают аналогичные вопросы: какие правила регламентируют участие адвоката на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности?

Кроме возможности названных субъектов пользоваться квалифицированной юридической помощью в лице адвоката, как лицо, претерпевшее вред от преступления, так и субъект, в отношении которого проводится доследственная проверка, имеют право:

– участвовать в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, в том числе давать объяснения (ч. 1, ч. 1.1. ст. 144 УПК);

– не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ (ч. 1.1. ст. 144 УПК);

- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, указанных в законе (ч. 1.1. ст. 144 УПК);
- на обеспечение безопасности при приеме сообщения о преступлении (ч. 1.1. ст. 144 УПК, ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Лицо, обратившееся с заявлением о совершенном преступлении (ст. 141 УПК), помимо этого, полномочно получать на руки талон-уведомление (ч. 4 ст. 144 УПК РФ); обращаться с жалобой к прокурору в случае отказа в приеме его заявления (ч. 5 ст. 144 УПК РФ); быть уведомленным о принятом по его обращению решении и обжаловать его (ч. 2 ст. 145 УПК РФ, ч. 4 ст. 148 УПК РФ); в случае отмены прокурором решения о возбуждении уголовного дела или признании его судьей незаконным или необоснованным, быть извещенным о данном факте (ч. 4 ст. 146 УПК РФ, ч. 7 ст. 148 УПК РФ).

Участник, в отношении которого проводится доследственное производство, должен быть уведомлен о возбуждении в отношении него уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

К сожалению, нередко законодательная регламентация прав лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений на этапе доследственной проверки, на практике не реализуется. Это, в частности, касается предусмотренного в ч. 4 ст. 148 УПК РФ права заявителя получать копию постановления об отказе возбуждении уголовного дела и обжаловать данное решение. В деятельности правоохранительных органов распространены случаи, когда следователь не направляет заявителю копию данного постановления. Заявитель узнает о нежелательном для него решении, самостоятельно проявляя активность. В материалах доследственной проверки копия уведомления заявителя об отказе в возбуждении уголовного дела имеется, а факт неполучения данного уведомления заявителем объясняется огрехами в работе почтовой связи. Кроме этого, законом не предусмотрено право заявителя знакомиться с материалами доследственной проверки. Данное обстоятельство лишает заявителя обоснованно и объективно обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела. Уместно в этой связи привести позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой должностные лица доследственного производства не вправе «... разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела без проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств и установление обстоятельств события, в связи с которым поступило сообщение о преступлении, позволяющих дать ему обоснованную и квалифицированную оценку на предмет наличия или отсутствия признаков преступления, что необходимо для решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела» [2]. Представляется, что заявителю затруднительно использовать

свое право на обжалование отказа в возбуждении уголовного дела, если он не владеет информацией о перечне и результатах проверочных действий.

Полагаем необходимым предусмотреть в законе обязанность следователя (дознателя, органа дознания, руководителя следственного органа) знакомить заявителя с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела «под подпись», разъясняя при этом порядок обжалования данного решения. При наличии ходатайства заявителя необходимо предоставлять возможность знакомиться с материалами доследственной проверки. Такое нововведение на данном этапе станет в определенной степени гарантией конституционного принципа о доступе потерпевших к правосудию (ст. 52 Конституции РФ).

Предусмотренный законом комплекс прав лиц, претерпевших вред от преступления и в отношении которых проводится доследственная проверка, ничего не говорит об их полномочиях при получении образцов для сравнительного исследования и назначении и производстве судебной экспертизы, когда данные следственные действия проводятся в рамках доследственного производства. Вправе ли обозначенные субъекты отказаться от участия в данных следственных действиях? Предполагается, что да, вправе. По крайней мере, законодатель предусматривает ответственность за отказ потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (ст. 308 УК РФ), а на лицо, официально не признанное потерпевшим, данная норма не распространяется. В законе также ничего не сказано о возможности неблагоприятных последствий для лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, если он откажется от участия в названных следственных действиях.

В то же время для следователя не предусмотрена обязанность знакомить заявителя и лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, с постановлением о назначении экспертизы, как то предусмотрено для потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Следственной практике известны случаи, когда экспертиза назначалась по ходатайству заявителя, однако с заключением экспертизы заявитель ознакомлен не был. Полагаем, необходимо законодательно закрепить обязанность следователя знакомить заявителя и лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, с постановлением о назначении экспертизы и с ее заключением в случаях, когда она назначается по их ходатайству. Это, с одной стороны, защитит права обозначенных субъектов, а с другой — послужит препятствием после возбуждения уголовного дела заявлять необоснованные ходатайства о производстве повторной экспертизы в соответствии ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ.

Помимо сказанного, негативным образом в правоприменительном процессе отражается процессуальная неопределенность в статусе лиц, от которых в ходе доследственной проверки получается объяснение. Информация, содержащаяся в объяснениях, в соответствии с ч. 1.2 ст. 144 и ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, может иметь доказательственное значение. Однако законодатель не регламентирует порядок получения объяснений. Изучение текста закона не позволяет сделать категоричный вывод о том, должно ли получение объяснений соответствовать порядку производства допроса? Допустимо ли отбирать объяснения у несовершеннолетних и малолетних лиц? А если допустимо, то необходимо ли присутствие педагога или психолога при получении объяснений от лиц, не достигших возраста 16 лет, как это предусмотрено при допросе? Возможно ли применение технических средств фиксации при получении объяснений? И если да, то будет ли это иметь доказательственное значение?

Ответить на поставленные вопросы и разрешить выявленные проблемы относительно получения объяснений, назначения и производства экспертизы, предоставления образцов для сравнительного исследования и других, имеющих место на стадии возбуждения уголовного дела, возможно путем внесения изменений в нормы УПК, регламентирующие порядок производства названных следственных и процессуальных действий. Однако более правильным представляется полный отказ от стадии возбуждения уголовного дела, что исключит необходимость дифференцированного порядка и дублирования одних и тех же процессуальных и следственных действий, проводимых до и после возбуждения уголовного дела, и также освободит следователя от необходимости продлевать сроки доследственной проверки, а высвобожденное время будет направлено на организацию расследования преступлений.

За основу законодательного реформирования предлагается взять опыт уголовно-процессуального законодательства Казахстана. Согласно ст. 179 УПК Республики Казахстан, «началом досудебного расследования является регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие». Причем регистрация возможна с использованием средств связи, а неотложным может являться любое следственное действие, предусмотренное УПК.

Иными словами, получив информацию о преступлении, следователь немедленно приступает к расследованию, будучи не ограничен в выборе сил и средств, предоставленных УПК. Он лишен необходимости дублировать объяснения допросами, перед ним не встает вопрос о повторных экспертизах только ввиду того, что исследование было проведено до возбуждения уголовного дела.

В Казахстане отказались от возбуждения уголовного дела в 2014 году и положительная практика применения нового порядка начала расследования свидетельствует о правильности такого решения.

Подытоживая сказанное, следует вспомнить ст. 6 УПК РФ, согласно которой назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Реальные гарантии реализации прав лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений на этапе доследственной проверки, должны быть обеспечены в полной мере. Нормы закона, касающиеся правовых статусов обозначенных участников, должны исключать неоднозначное толкование и не допускать пробельность.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 4 марта 2013 г., № 23-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

2. По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 г. № 578-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.132

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОСМОТР»

И. Ю. Мазинский

курсант факультета милиции,
Академия МВД Республики Беларусь

О. В. Савчук

старший преподаватель кафедры оперативно-
розыскной деятельности факультета милиции,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: ilyucha.m@mail.ru

***Аннотация.** На основе анализа законодательства Республики Беларусь, регламентирующего проведение оперативного осмотра, вносятся предложения по изменению норм, регламентирующих проведение указанного ОРМ.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, оперативный осмотр, вред, приостановление оперативно-розыскного мероприятия, прекращение оперативно-розыскного мероприятия, совершенствование законодательства.*

***Annotation.** On the basis of the analysis of the legislation of the Republic of Belarus regulating carrying out operational inspection proposals are made to change the legislation of the given operational search activity.*

***Keywords:** operational detective activities, operational search activity, operational inspection, harm, suspension of the operational search activity, termination of the operational search activity, improvement of the legislation.*

В соответствии со ст. 28, 29, 44 Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция) государство гарантирует защиту тайны личной жизни, в том числе тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, чести и достоинства, а также неприкосновенность собственности, жилища и иных законных владений граждан. Согласно ст. 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [1]. Нормативным правовым актом, устанавливающим порядок и случаи ограничения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).

Нормативным правовым актом, регулирующим проведение оперативного осмотра, является вышеупомянутый Закон об ОРД, в ст. 26 которого дано его определение: «обследование жилища и иного законного владения гражданина, помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, иных объектов и территорий организации, участка местности в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности» [2].

Определим объем понятия «обследование», пределов проведения указанного ОРМ, причинения возможного ущерба и возмещения вреда гражданам при ведении ОРД. Обследование — это ознакомление, изучение, осмотр объектов. Действия субъектов ОРД не предполагают нанесения ущерба имуществу гражданина в ходе проведения оперативного осмотра.

Гласная форма оперативного осмотра имеет схожие признаки со следственным осмотром, а также такими следственными действиями, как обыск и выемка, но между ними существуют значительные различия. Во-первых, в отличие от следственных действий, большинство которых проводится лишь после возбуждения уголовного дела, проведение оперативного осмотра не ограничивается вышеуказанным обстоятельством. Во-вторых, оперативный осмотр более разнообразен тактически. В-третьих, сведения, полученные в ходе обследования, являются оперативно-розыскными, оформляются иными документами. В-четвертых, не всегда требуется получение санкции прокурора. При проведении следственных действий может причиняться физический, моральный, имущественный вред, рамки причинения вреда не конкретизированы, но при этом должны соблюдаться принципы Уголовно-процессуального законодательства. В ст. 460 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее — УПК) прописано, что вред возмещается только в случаях незаконного проведения следственных действий [3]. Что же касается причинения вреда при осуществлении ОРД, то его объемы регулируются основными принципами Закона об ОРД с соблюдением прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. В ст. 14, 19 Закона об ОРД указано, что должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, при подготовке и проведении ОРМ может использовать средства, не наносящие ущерба жизни и здоровья граждан и не причиняющие вреда окружающей среде [2]. Как видно, норма не детализирована столь подробно, как в УПК, поэтому ее применение, на наш взгляд, на практике проблематично.

При проведении оперативного осмотра может осуществляться копирование, изъятие предметов и документов для их последующего изучения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [4, с. 53]. Довольно часто возникает проблема при негласном проведении данного ОРМ с копированием или изъятием предметов и документов на осматриваемом объек-

те. К примеру, это может быть обусловлено небольшим количеством вещества; нахождением файлов, представляющих оперативный интерес, на защищенных средствах компьютерной техники; опасностью предмета для жизни граждан; риском нарушения принципа конспирации или невыполнением задач ОРД при изъятии и копировании предметов (документов). Указанные проблемы можно разрешить путем непосредственного проведения исследования, полной или частичной замены предметов и документов в ходе оперативного осмотра (по аналогии с ч. 2 ст. 29 Закона об ОРД). В связи с вышеуказанным считаю необходимым внести следующие дополнения. В ст. 26 Закона об ОРД следует добавить норму о том, что при проведении оперативного осмотра для копирования, изъятия и (или) изучения предметов и документов на месте могут привлекаться граждане, обладающие специальными знаниями. Предметы и документы, представляющие повышенную опасность для здоровья граждан и окружающей среды или служащие орудием совершения преступления, могут быть полностью или частично изъяты или заменены.

В абзаце 10 ст. 19 Закона об ОРД указано, что для проведения оперативного осмотра должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, может по специальному заданию привлекать граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД. Согласно ч. 1 ст. 10 Закона об ОРД граждане имеют право согласиться на оказание содействия органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, или отказаться от оказания такого содействия. В Законе не предусмотрены случаи, когда лицо, оказывающее содействие, дало заблаговременное согласие на участие в ОРМ, однако перед непосредственным выполнением поставленных перед ним задач отказалось от их исполнения. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь нельзя заставить лицо осуществлять подобные действия вопреки его воле. В данной ситуации мы считаем нецелесообразным прекращать проведение ОРМ, необходимо его приостановить и подобрать иное лицо, которое окажет содействие. Однако оснований для приостановления ОРМ в таких случаях не предусмотрено, а в перечень ОРМ, которые могут быть приостановлены (статья 44 Закона об ОРД), не входит оперативный осмотр. Предлагаем расширить перечень ОРМ, которые могут быть приостановлены, и добавить в него указанное основание для приостановления проведения ОРМ.

Для прекращения проведения оперативного осмотра и иных ОРМ имеется закрытый перечень оснований, который изложен в ст. 46 Закона об ОРД. Там не прописаны обстоятельства, которые могут быть обусловлены невозможностью достижения цели проведения ОРМ. Некоторые из этих оснований указаны в качестве основания для приостановления ОРМ в ст. 44 Закона об ОРД, однако перечень мероприятий, к которым данные основания применимы (наблюдение,

слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений, оперативное внедрение), не учитывает ОРМ, приведенных в ч. 2 ст. 46 данного Закона (оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент). Проведение последних ОРМ предусматривает, как правило, единичный характер и направлено на решение конкретной задачи. Многим из представленных свойственен негласный характер, являющийся первичным фактором успешного решения данной задачи, поэтому изменение оперативного обстоятельства дела, принятие противодействующей стороной мер препятствования, появление опасности для жизни и здоровья лиц, принимающих прямое участие в проведении ОРМ, или иных лиц могут привести к потребности досрочного прекращения мероприятия. К примеру, при появлении угрозы жизни или здоровью лица, участвующего в ОРМ, инициатор мероприятия вынужден принимать меры по защите жизни, здоровья граждан и прерывать дальнейшее проведение ОРМ, несмотря на отсутствие предусмотренных законом оснований для этого [5, с. 101].

Оперативный осмотр, проводимый гласно, предусматривает уведомление должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданина, в отношении которого оно проводится, и получение согласия этого гражданина. В ходе ОРМ лицо, в отношении которого оно проводится, может отказаться от дальнейшего его проведения. В данном случае очевидно, что такое ОРМ должно быть прекращено. Отсутствие оснований, предусматривающих такую необходимость, ставит инициатора проведения ОРМ перед необходимостью нарушения требований законодательства. В связи с этим полагаем целесообразным расширить перечень оснований для прекращения оперативного осмотра и иных указанных выше ОРМ с учетом приведенного обстоятельства.

На основании проведенного нами анализа законодательства считаем целесообразным внести ряд изменений и дополнений в Закон об ОРД. В ст. 44 Закона об ОРД перечень ОРМ, которые могут быть приостановлены, дополнить ОРМ «оперативный осмотр», а к основаниям для приостановления этих ОРМ добавить следующее: «отказ или явное уклонение лица, привлеченного к содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность».

Расширить ст. 46 Закона об ОРД за счет нормы следующего содержания: «Основанием для прекращения проведения оперативного опроса, сбора образцов, оперативного осмотра, проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного внедрения, оперативного эксперимента, кроме оснований, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, являются: 1) возникновение опасности сохранения в тайне оперативно-розыскного мероприятия, проводи-

мого негласно; сведений о должностных лицах органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, которые участвуют в оперативно-розыскном мероприятии; гражданах, привлеченных органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, к подготовке проведения оперативно-розыскного мероприятия и (или) участию в нем; 2) возникновение угрозы жизни и здоровью людей; 3) отказ от ранее данного согласия лица, в отношении которого ОРМ проводится с его согласия».

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 17 окт. 2004 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. 62 с. [Вернуться к статье](#)

2. Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2019 г. № 171-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Шабанов В. Б., Харевич Д. Л. К вопросу о сущности и наименовании оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» // Вестн. Сибир. юрид. ин-та ФСКН России. 2015. № 2. С. 52–56. [Вернуться к статье](#)

5. Харевич Д. Л. О совершенствовании некоторых норм Закона об оперативно-розыскной деятельности // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2019. № 1. С. 100–103. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.01

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л. Л. Мельник

следователь по особо важным делам,
главное следственное управление
Следственного комитета Республики Беларусь
e-mail: l_melnik@sk.gov.by

Аннотация. В статье на основе анализа практического опыта следователей центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь определены особенности тактики проведения обыска при расследовании преступлений против информационной безопасности, способствующие ее совершенствованию.

Ключевые слова: компьютерная техника, тактика проведения обыска, электронные следы, носители электронной информации, доказательство.

Annotation. Based on the analysis of the practical experience of investigators of the Investigative Committee of the Republic of Belarus, the author identifies the features of the search tactics during the investigation of the crimes against information security that contribute to its improvement.

Keywords: computer equipment, search tactics, electronic tracks, electronic information carriers, evidence.

Состояние криминогенной обстановки по направлению деятельности подразделений МВД Республики Беларусь в сфере высоких технологий за 2019 г., в сравнении с предыдущими периодами, указывает о значительном увеличении (в 2,2 раза; с 4 741 до 10 539) количества зарегистрированных киберпреступлений [1]. Значительный рост данных преступлений требует повышения качества расследования, одной из мер которого является совершенствование тактики производства обыска по вышеуказанным уголовным делам.

Главной особенностью проведения обыска по таким уголовным делам являются объекты, подлежащие изъятию, которые имеют «цифровое» происхождение и в дальнейшем при наличии оснований могут являться «электронными» доказательствами.

Перед проведением обыска на его подготовительном этапе лицо, которое его будет осуществлять, с целью получения и сохранности «электронных» доказательств обязано провести ряд действий и мероприятий, направленных на получение необходимого материального обеспечения, на предварительное изучение личности лица, у которого будет производиться обыск, а также на изучение обстановки места его проведения, в том числе:

- обеспечить наличие необходимого оборудования (отвертки, антистатические пузырчатые обертки, иные упаковочные материалы (следует избегать пенопласта, так как он вызывает статическое электричество), служебные съемные жесткие диски, устройства для предотвращения внесения непреднамеренных изменений на жесткий диск (для целей работы с данными на месте обыска), фото- и видеокамеры для съемки места обыска и изображений на экране устройств), перчаток;

– планировать количество сотрудников, участвующих в обыске, позволяющее выполнить задачу по сохранности изымаемой техники, контроля окружающей обстановки, для пресечения попытки сокрытия лица, у которого производится обыск;

– изучить нахождение компьютерной техники по месту предполагаемого проведения обыска, на которой, по мнению следствия, могут иметься «электронные» доказательства. Данный аспект является важным при проведении обысков в момент пользования преступником компьютерной техникой, в том числе при доступе в сеть Интернет, так как задержка с обеспечением сохранности данной техники и сведений на ней в момент начала проведения обыска может повлечь уничтожение доказательств.

Далее лицу, проводящему обыск, на поисковом этапе его проведения, необходимо:

– запретить доступ к компьютерной технике, а также к ее источникам питания лицам, по месту нахождения которых проводится обыск;

– использовать защитные перчатки, чтобы избежать уничтожения следов человека, а также обеспечить успешный сбор следов, пригодных для идентификации личности по следам рук и ДНК, в случае если это будет вызвано необходимостью по уголовному делу;

– используя эффект неожиданности, выяснить у лиц, находящихся по месту производства обыска, реквизиты доступа к мобильным телефонам, компьютерной технике, которая находится в месте его проведения, наличие зашифрованной информации на данной технике, пароли доступа к указанной информации;

– проверить рабочее состояние компьютерной техники (к указанной категории в данном случае относятся стационарные ПЭВМ и ноутбуки). Если компьютерная техника выключена, ее включать не надо, так как ее запуск приведет к изменению данных на ней и может уничтожить доказательства. В случае, если компьютерная техника выключена, необходимо извлечь из нее кабель питания, при этом не следует его извлекать первоначально из розетки и подготовить таким образом ее к изъятию. Что касается действий следователя при обнаружении ноутбука, то необходимо достать из него батарею. В некоторых устрой-

ствах есть дополнительные батареи, которые находятся в многофункциональном отсеке на месте оптического дисковода, их также следует извлекать. Операционные системы Windows Server, Unix, Linux, macOS, по возможности необходимо выключить с помощью специальной команды shutdown;

– в случае если компьютерная техника работает, проверить ее подключение к сети Интернет. Далее необходимо зафиксировать посредством фотовидеосъемки снимок экрана монитора, в том числе работающие программы. Затем действия лица, производящего обыск, зависят от следственной ситуации, которая сложилась к данному моменту.

При первой следственной ситуации, когда подозреваемый выражает согласие на сотрудничество со следствием и своими действиями подтверждает это, а также имеются основания полагать, что «электронные» доказательства на компьютерной технике будут в сохранности и не будет запрета на доступ к ним, с компьютерной техникой следует произвести те же действия, как и в случае если бы она была выключена.

Вторая следственная ситуация возникает, когда у лица, которое проводит обыск, появляются основания предполагать, что «электронные» доказательства на обнаруженной компьютерной технике могут быть уничтожены, или оно больше не получит доступ к ним при их дальнейшем осмотре после изъятия. Данные основания возникают в следующих случаях: 1) лицо, у которого производится обыск, категорически отрицает ранее достоверно установленные факты своей преступной деятельности или пользования компьютерной техникой, обнаруженной по месту проведения обыска; 2) у лица, производящего обыск, имеются основания полагать об утаивании лицом, у которого производится обыск, какой-либо информации по делу; 3) имеются сведения об иных соучастниках или осведомленных лицах, которые могут удаленно уничтожить «электронные» доказательства на обнаруженной компьютерной технике или в сети Интернет; 4) в ходе визуального осмотра монитора компьютера установлено, что его операционная система, возможно, зашифрована специальными компьютерными программами (Veracrypt, Truecrypt или иными), а пароль доступа к ней не обнаружен. При наличии вышеуказанных оснований следует предпринять действия по сохранению доказательств, находящихся на компьютерной технике. С этой целью посредством специального оборудования — аппаратного или программного блокираторов (например, торговой марки Tableau), которое позволяет не вносить каких-либо изменений на исследуемый носитель информации, осуществить присоединение к данной компьютерной технике служебного носителя электронной информации без каких-либо сторонних записей на нем, после чего осуществить копирование на него информации в объемах, необходимых для сохранения всех возможных «электронных» доказательств по уго-

ловному делу. После окончания копирования в протоколе обыска необходимо указать объем скопированной информации, ее контрольную сумму. Затем компьютерная техника может быть выключена вышеуказанным способом. Служебный носитель информации с записанными на него сведениями описывается в протоколе обыска и подлежит изъятию.

Частным случаем второй следственной ситуации является использование в преступной деятельности удаленных интернет-ресурсов и учетных записей на них, информация на которых может быть уничтожена или доступ к ней может быть заблокирован без оперативного ее сохранения. Примером этой ситуации может служить обнаруженная на компьютерной технике переписка в интернет-мессенджере Telegram, в связи с чем необходимо вышеуказанным способом осуществить выгрузку данных сведений на служебный носитель информации.

При обнаружении и изъятии RAID-систем (представляют собой аппаратные решения для хранения данных: выделенное аппаратное оборудование для хранения данных с двумя или более дисками (HDD, SSD, SSHD), обычно конфигурируемые в матрице RAID) лицу, производящему обыск на поисковом этапе, следует:

– осуществить поиск кабелей сети передачи данных и кабелей питания, в том числе в других помещениях обыскиваемых помещений или в подозрительных зонах. Как правило, этот тип решений для хранения данных чаще всего используется в центрах обработки данных, однако из-за упрощенного подключения его также можно найти в частных помещениях, в изолированных областях (чердаки, подвалы, поддельные стены и т. д.), требующие только кабель питания и, возможно, также кабель для передачи данных для подключения к сети (если оборудование не обеспечивает беспроводную связь);

– изъять запоминающие устройства вместе с аппаратным устройством, в котором они установлены.

При обнаружении и изъятии мобильных устройств (мобильные телефоны, планшеты) лицу, производящему обыск, следует:

– если устройство мобильной связи выключено, не включать его. Проверить наличие SIM-карты и указать в протоколе ее серийный номер. Аналогичны действия к картам памяти (miniSD, microSD), а также номерам IMEI.

– если устройство мобильной связи включено, следует переключить его в режим «полета», чтобы минимизировать непреднамеренное изменение записей в его памяти, а также избежать удаленной блокировки и удаления информации, содержащейся на нем.

Важным в ходе обыска является определение и иных, на первый взгляд, не представляющих значение объектов — носителей «электронных» доказательств. Определить данные объекты можно как физические устройства, со-

держащие встроенную электронику, которая подключает это устройство удаленно или через сеть к локальной сети, сети Интернет или обоим (Интернет вещей). Примерами данных объектов являются: аппаратура «умный дом», промышленные роботы, системы сигнализации, датчики / системы управления движением. Большинство таких устройств предоставляют, по крайней мере, информацию о том, когда они использовались. В некоторых случаях данные сведения помогут понять образ действий, их последовательность, иногда (не) проверять алиби лиц.

При обнаружении и изъятии объектов, относящихся к Интернету вещей, лицу, производящему обыск, необходимо осуществить следующие действия:

– ввиду того, что некоторые устройства создают свои собственные незащищенные точки доступа Wi-Fi или пытаются подключиться через Bluetooth, следует, чтобы все лица, участвующие при проведении обыска, отключили функции Wi-Fi и Bluetooth на своих собственных мобильных устройствах. В противном случае их устройства могут подключаться к незащищенным сетям и изменять данные (например, создавать новые записи журнала, перезаписывать старые записи журнала устройств) или даже инициировать действия;

– если это возможно, проанализировать информацию о данных устройствах во время их работы, поскольку большинство таких устройств теряют часть своих данных при выключении.

Как показывает практика, кроме источников «электронных» доказательств, поиск иных предметов и документов может предоставить следствию данные для последующего анализа устройств — источников «электронных» доказательств. Это могут быть «неэлектронные», но связанные с ними доказательства, такие как: пароли и другие заметки, отображенные на бумажных носителях информации, руководства по использованию аппаратного и программного обеспечения, бумажные кошельки для криптовалют, банковские платежные карточки. В совокупности указанные объекты способствуют установлению новых обстоятельств, в том числе предоставляют доступ к «электронным» доказательствам.

На заключительном этапе обыска следует уделить особое внимание упаковке изымаемых предметов. Ввиду их хрупкости вышеуказанные носители «электронных» доказательств следует упаковывать в картонные коробки или бумажные пакеты, а не в пластиковые материалы, и отдельно от других доказательств.

Таким образом, использование вышеуказанных тактических мер следователями и сотрудниками органа дознания при проведении обыска у лиц, совершивших преступления против информационной безопасности, будет способствовать получению доказательств по уголовному делу, которые в своей сово-

купности будут являться основанием для привлечения к установленной законом ответственности виновных лиц и тем самым способствовать в борьбе с указанными преступлениями.

1. Статистика УРПСВТ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/statistika-urpsvt> (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 347.242

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НЕНАДЛЕЖАЩИМ ЛИЦОМ

Д. И. Михайлов

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
УО «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины» (Беларусь)
e-mail: Dimin.Mitr@yandex.by

***Аннотация.** В данной статье анализируются нормы гражданского и земельного законодательства, на основании которых рассматриваются иски о признании права собственности на недвижимый объект, возведенный собственником земельного участка без участия остальных собственников. Значительное внимание уделяется правовым последствиям удовлетворения такого искового требования.*

***Ключевые слова:** общая долевая собственность, собственник, единство юридической судьбы, недвижимый объект, земельный участок, раздел, иск о признании права собственности, участие в строительстве.*

***Annotation.** This article analyzes the norms of civil and land legislation, on the basis of which claims for recognition of ownership of an immovable object erected by a co-owner of a land plot without the participation of other co-owners are considered. Considerable attention is paid to the legal consequences of satisfying such a claim.*

***Keywords:** shared ownership, co-owner, unity of legal fate, immovable object, land plot, division, claim for recognition of ownership, participation in construction.*

Оформление права собственности и иных вещных прав лицом, которое в действительности не совершало действий, являющихся основаниями приобретения данных прав, влечет за собой право субъекта, совершившего такие действия на иск о признании права собственности. Однако признание права собственности или иного вещного права за лицом, которое в действительности создало новую вещь, предоставило материалы для переработки или совершило необходимую для приобретения права собственности сделку, еще не означает восстановление нарушенного права. В результате оформления вещного права ненадлежащим лицом законному правообладателю могут быть причинены убытки, возмещение которых зависит от толкования норм об обязательствах из неосновательного обогащения. Признание права собственности на недвижимый объект за лицом, фактически создавшим его, порождает ряд проблем, обусловленных наличием долей нескольких лиц в праве на земельный участок.

Целью настоящей работы является анализ гражданско-правовых последствий незаконного оформления вещных прав ненадлежащим лицом на создан-

ный без его участия недвижимый объект в аспекте защиты частных интересов законного правообладателя.

Правовые последствия оформления вещных прав ненадлежащим лицом во многом определяются характером основания возникновения прав у другого лица — законного правообладателя. Кроме того, правовые последствия указанного деяния определяются степенью добросовестности ненадлежащего лица, оформляющего соответствующие права.

Первоначальные основания приобретения права собственности на новые недвижимые вещи (ст. 219, 220 и 223 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее — ГК)) предполагают совершение ряда административных процедур и соблюдения норм земельного законодательства, основанных на принципе единства юридической судьбы земельного участка и строения. При этом может иметь место несовпадение лиц, фактически участвующих в строительстве недвижимых объектов для собственных нужд, и лиц, обращающихся за совершением таких административных процедур, как получение разрешения на строительство, ввод в эксплуатацию и государственную регистрацию недвижимого объекта (права на него). В то же время реализация принципа единства юридической судьбы земельного участка и строения, который закреплен в ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-3 (далее — КоЗ), в отсутствие конкретизирующих его норм, может повлечь за собой сложности в определении надлежащего правообладателя при несовпадении в одном лице правообладателя земли, заявителя административной процедуры и субъекта, фактически создавшего недвижимый объект для собственных нужд [1]. Например, два гражданина, являющиеся сособственниками земельного участка, предназначенного для строительства жилого дома, получили разрешение исполкома на строительство соответствующего недвижимого объекта. Однако фактическое строительство дома осуществлялось только одним сособственником по причине непредоставления другим согласованной суммы денежных средств. Ввод в эксплуатацию объекта был осуществлен исполкомом по заявлению обоих сособственников земельного участка, что повлекло за собой государственную регистрацию права долевой собственности обоих граждан, несмотря на неучастие одного из них в строительстве. При рассмотрении иска гражданина, единолично создавшего недвижимый объект для собственных нужд, о признании его права собственности перед судом возникнет вопрос об обоснованности возникновения права собственности на строение только у данного лица, исходя из принципа единства юридической судьбы строения и земельного участка, принадлежащего нескольким гражданам на праве общей собственности. Признание права собственности в рассматриваемой ситуации будет также осложнено обращением за разрешением на строи-

тельство и ввод в эксплуатацию строения всеми сособственниками (совладельцами) земельного участка.

С одной стороны, правила ст. 219, 220, 246 и 247 ГК ставят размер долей в праве собственности на создаваемое строение в зависимость от степени участия каждого совладельца земельного участка в создании этого строения, а не от размера их долей в праве на данный участок. С другой стороны, получение разрешения на строительство и ввод в эксплуатацию строения по заявлению нескольких землевладельцев существенно осложняет признание права собственности на строение в связи с его возведением по воле одного лица для его собственных нужд. В отсутствие конкретизирующих правил принцип единства юридической судьбы земельного участка и строения может иметь несколько вариантов толкования применительно к рассматриваемой ситуации.

При участии в создании строения всех сособственников земельного участка в разной степени их доли в праве собственности на это строение могут не совпасть с долями в праве на земельный участок. Принцип единства юридической судьбы земельного участка и строения предполагает совпадение правообладателей земельного участка и строения, а объем этих прав может отличаться в зависимости от сущности оснований возникновения прав на участок и строение. Возможен и другой вариант уяснения принципа единства юридической судьбы, исходя из которого доли в праве собственности на строение должны совпадать с долями в праве на земельный участок, так как назначением участка является строительство и обслуживание жилого дома. Однако в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2011 г. № 9 констатирована недопустимость изменения размеров долей в праве на земельный участок с учетом увеличения площади строения и изменения размеров долей в праве собственности на него в связи с таким увеличением [2]. Это разъяснение с некоторыми оговорками может быть экстраполировано на отношения, складывающиеся по поводу возникновения права собственности в связи с созданием недвижимого объекта несколькими лицами, обладающими долями в праве на земельный участок, размер которых не совпадает со степенью участия каждого из них в создании строения [2]. Например, в постановлении Президиума Минского областного суда об отмене постановлений нижестоящих инстанций отмечается, что суд первой инстанции не учел, что изменение размера долей сторон в праве собственности на жилой дом и взыскание денежной компенсации за отступление от равенства долей в праве на дом не является основанием для изменения размера долей сторон в праве собственности на земельный участок, а также то, что изменение размера долей в праве собственности на жилой дом произошло в результате невозможности раздела дома в идеальных долях [2].

Однако констатация соответствия принципу единства юридической судьбы участка и строения существенно усложняется в случае, при котором один из участников права долевой собственности (пожизненного наследуемого владения) вообще не приобретет доли в праве собственности на строение в связи с его неучастием в строительстве этого недвижимого объекта. Данная сложность обусловлена тем, что персональный состав правообладателей земельного участка и строения при этом не совпадет. Особенно затруднительной будет констатация соблюдения принципа единства юридической судьбы строения и земельного участка в том случае, когда в результате неучастия одного из собственников земли в создании недвижимого объекта на него возникнет не право общей долевой собственности, а право собственности лишь одного из собственников земли. Применительно к несовпадению персонального состава обладателей права собственности на один земельный участок и на строение указанные сложности в констатации соблюдения принципа единства юридической судьбы могут быть преодолены относительной обособленностью права собственности на землю от права собственности на строение. Как справедливо отмечает Е. С. Снитко, в соответствии с правилом ст. 55 КоЗ при переходе прав на капитальные строения или долей в праве на данные объекты к их приобретателям переходят права на земельные участки, на которых они расположены только в случае регистрации таких строений [3]. При этом признание права собственности на вновь созданный недвижимый объект в связи с неучастием собственников земли в его строительстве не следует рассматривать как аналог перехода права собственности, который предполагает законность предшествующей регистрации. Однако если у одного из обладателей права пожизненного наследуемого владения на земельный участок не возникнет доли в праве собственности на строение в связи с неучастием в его строительстве (возведении), то доля в праве пожизненного наследуемого владения этого правообладателя должна быть прекращена в пользу собственника строения.

Таким образом, удовлетворение иска долевого сособственника (совладельца) земельного участка о признании его права индивидуальной собственности на недвижимый объект, в связи с неучастием другого сособственника участка в создании этого объекта, зависит от толкования принципа единства юридической судьбы земельного участка и строения.

В случае отказа в удовлетворении иска гражданина, единолично создавшего строение на участке, принадлежащем ему на праве общей долевой собственности, будет иметь место государственная регистрация права общей долевой собственности на строение всех землевладельцев, несмотря на отсутствие участия одного из них в создании новой вещи. В данной ситуации имуществен-

ные интересы долевого землевладельца, единолично создавшего строение, могут быть защищены посредством иска из неосновательного обогащения.

При удовлетворении иска сособственника (совладельца) земли о признании его индивидуального права собственности на созданное исключительно им строение возникнет вопрос о компенсации имущественных потерь остальных сособственников (совладельцев) земельного участка, которые в этом случае, оставаясь сособственниками земли, будут лишены возможности использовать принадлежащий им участок по целевому назначению. Согласно ст. 12 и 14, а также ч. 2 ст. 52 Кодекса о земле, исходя из целевого назначения земельного участка, предназначенного для строительства и обслуживания жилого дома, на данном участке может быть возведен только один дом, несмотря на возникновение права долевой собственности на этот участок. Следовательно, в случае признания права собственности на жилой дом только за одним сособственником (совладельцем) земельного участка, остальные уже не смогут использовать этот участок по его целевому назначению. При этом защита их интересов возможна посредством реализации права на раздел земельного участка, находящегося в общей долевой собственности. В отличие от участка, принадлежащего нескольким гражданам на праве пожизненного наследуемого владения (ином ограниченном вещном или обязательственном праве), участок, принадлежащий нескольким лицам на праве общей долевой собственности, может быть разделен по соглашению сособственников. Однако для этого необходима как воля лица, в пользу которого признано право собственности на жилой дом, так и признание земельного участка делимым с точки зрения признаков, закрепленных в ч. 1 ст. 10 КоЗ. Кроме того, правило ч. 2 ст. 10 КоЗ запрещает раздел земельного участка, предоставленного для строительства и (или) обслуживания многоквартирных, блокированных жилых домов, за исключением случаев, связанных с разделом этих домов. По этой причине раздел земельного участка, принадлежащего нескольким лицам на праве общей долевой собственности, несмотря на соответствие его признакам делимости, станет невозможным в связи с признанием права собственности на многоквартирный дом за одним из сособственников. В зависимости от толкования данная запрещающая норма может быть распространена на двух и более квартирные дома, возведенные на участках, поступивших в долевую собственность, в связи с возникновением права собственности на соответствующие строения не у всех сособственников участков. Такой раздел земельного участка по требованию заинтересованных сособственников с целью обретения возможности возводить другие жилые дома, при несогласии признанного судом собственника строения, представляется недостаточно обоснованным. Согласно п. 3 ст. 255 ГК при недостижении участниками долевой собственности соглашения о способах и условиях раздела

общего имущества или выдела доли одного из них участник долевой собственности вправе в судебном порядке требовать выдела в натуре своей доли из общего имущества. Однако данная норма ограничивает это право в связи с невозможностью выдела без несоразмерного ущерба долевному имуществу и в связи с несоответствием выдела действующему законодательству. По нашему мнению, участок, предоставленный на праве частной собственности для строительства и обслуживания только одного жилого дома, в результате раздела (выдела) в значительной степени утратит свои потребительские качества, что может быть квалифицировано как причинение участку несоразмерного ущерба выделом из него другого участка. Кроме того, запрет на выдел земельного участка, так же как и на его раздел, не только по требованию заинтересованного сособственника, но и по соглашению сторон может быть усмотрен и исходя из содержания правила ч. 2 ст. 52 КоЗ. Согласно данному правилу наследник доли в праве собственности на земельный участок, который не унаследовал дом (долю в праве), расположенный на нем, вправе требовать от наследников капитальных строений выплаты компенсации. К отношениям, сложившимся в связи с признанием права собственности на недвижимый объект только за одним из сособственников земельного участка, данная норма может применяться по аналогии с учетом ограничений, предусмотренных п. 3 ст. 5 ГК Беларуси. На наш взгляд, применение данного правила по аналогии будет соответствовать правилу п. 3 ст. 5 ГК, с учетом того, что следствием применения указанного запрета по аналогии станет возложение на сособственника земли, который не приобрел долю в праве собственности на дом, не дополнительной обязанности или меры ответственности, а права на компенсацию взамен права требования о выделе.

Удовлетворение иска о признании права собственности на недвижимый объект, в строительстве которого не принимал участия, как минимум, один сособственник земельного участка, в значительной степени зависит от толкования принципа единства юридической судьбы строения и участка, а также от обоснованности применения правила ч. 2 ст. 52 КоЗ по аналогии. Для минимизации вероятности формирования разнонаправленной судебной практики представляется целесообразным восполнение пробела в земельном законодательстве правилом, конкретизирующим реализацию указанного принципа в отношении долей в праве собственности на землю, принадлежащих сособственникам, не принимавшим участие в строительстве недвижимого объекта. Единственным обоснованным способом защиты интересов добросовестного сособственника земельного участка, который не приобрел долю в праве собственности на недвижимый объект, является требование о компенсации стоимости доли в праве собственности на землю в связи с невозможностью реализации данного права. В то же время выплата такой компенсации недобросовестному сособственнику

земли, на наш взгляд, нарушит баланс интересов собственника, единолично построившего жилой дом, а также собственника, умышленно уклонявшегося как от участия в строительстве дома, так и от заключения соглашения о разделе участка до получения разрешения на строительство дома.

1. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-3 : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. О практике рассмотрения судами земельных споров [Электронный ресурс] : постановлением Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 дек. 2011 г., № 9 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. О практике применения судами земельного законодательства (по материалам обзора) [Электронный ресурс] : подготовлен Судебной коллегией по гражданским делам и Управлением обобщения судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь. URL: https://www.etalonline.by/document/?regnum=s012c0005&q_id=1618578 (дата обращения: 18.03.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Снитко Е. С. Отдельные вопросы при разрешении споров по разделу недостроенного жилого дома — имущества супругов. URL: https://www.etalonline.by/document/?regnum=u01902222&q_id=1622314 (дата обращения: 18.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

П. А. Михеенко

старший следователь,
следственное управление УСК Республики Беларусь
по Могилевской области
e-mail: zhizn_sport@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие и сущность антикоррупционной политики Республики Беларусь на современном этапе.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, антикоррупционная политика, государственная программа.

Annotation. The article discusses the concept and essence of the anti-corruption policy of the Republic of Belarus at the present stage.

Keywords: corruption, anti-corruption laws, anti-corruption policy, the state program.

Термин «коррупция» происходит от латинского *corruptio* и переводится как «подкуп». Упоминание о коррупции присутствует во всех крупных религиях мира. Найти подтверждение этому факту можно в Коране и в Библии. В современном мире под термином «коррупция» принято понимать негативное социальное явление, которое выражается в совокупности аморальных действий, административно-правовых правонарушений, гражданских деликтов, дисциплинарных проступков, преступлений, совершенных государственными служащими из корыстных побуждений, должностными лицами, представителями власти в преступных интересах.

Борьба со взяточничеством в современных условиях существенно затруднена противодействием расследованию преступлений данного вида, оказываемым со стороны их участников и иных заинтересованных в безнаказанности преступников лиц противодействием, которое, как и само взяточничество, приобрело системный характер.

Согласно ежегодному рейтингу уровня коррупционности среди государств мира, составленному международной организацией Transparency International в 2018 году, Республика Беларусь занимает 69 место (из 180) наравне с Ямайкой [1].

Правовую основу антикоррупционной политики Республики Беларусь составляет антикоррупционное законодательство с учетом его отраслевой дифференциации. Развитие антикоррупционного законодательства за 20 лет позволило выработать функционирующую на данный момент систему мер с конкретными организационными, предупредительно-профилактическими мероприятиями и механизмами борьбы с коррупцией, устранением последствий коррупци-

онных правонарушений, а также закреплением уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Так, Конституцией Республики Беларусь граждане страны наделяются равными политическими, экономическими, социальными и культурными правами и свободами, им гарантируется правовая защита личности от посягательств, в том числе и коррупционного характера.

Утвержденные Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь закрепляются в качестве одного из них предупреждения, выявления и пресечения коррупции [2]. Данным документом определяется коррупция как потенциальный вред национальной безопасности Республики Беларусь.

Среди иных нормативных правовых актов, посвященным вопросам борьбы с коррупцией, прежде всего следует выделить Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее — Закон № 305-З) [3].

Так, Законом № 305-З определяется, что антикоррупционное законодательство, основываясь на Конституции Республики Беларусь, состоит из данного закона и иных актов законодательства, а также международных договоров Республики Беларусь. При этом ответственность за коррупционные правонарушения и преступления устанавливается КоАП Республики Беларусь, УК Республики Беларусь и иными законодательными актами.

Меры противодействия коррупции, предусматриваемые отраслевыми программами, можно разделить на две большие группы. Первую группу объединяют меры противодействия внешним факторам коррупции, уже существующим проявлениям коррупции, конкретными лицами, замешанными в коррупции, вторую — меры противодействия институциональным предпосылкам, обуславливающим коррупцию, потенциальной коррупции. Кроме того, можно выделить также подгруппу компенсационных мер — мер по устранению последствий коррупции.

Первую группу мер характеризует карательная направленность, выражающаяся в ужесточении государственного контроля. При этом некоторыми исследователями отмечается, что карательная направленность вместо противодействия коррупции является одной из причин ее расцвета в развивающихся странах. Этому способствуют следующие факторы:

– карательная направленность мер ведет к увеличению разрыва между прибылью должностного лица и уровнем наказания потенциального коррупционера, что является основным «показателем» коррупционности;

– объектом карательных мер является физическое лицо (коррупционер), а не коррупция как социальное явление.

Вторую группу предупредительных мер составляют превентивные меры, направленные на дискредитацию как объективных, так и субъективных причин коррупции.

К данным мерам относятся, например, законодательно закреплённая обязанность государственных служащих декларировать имущество; конституционное гарантирование свободы информации; обеспечение достойной оплаты труда государственным служащим и др.

Статистические данные свидетельствуют, что за последние 5 лет (2015–2019 гг.) наметился усиленный рост осуждения по коррупционным преступлениям. Особенно резкий рост можно констатировать в 2017 году. По данным МВД, несмотря на все предпринимаемые меры, реальная коррупция в стране растёт. При этом наибольшее количество осуждений по ст. 430 УК («Получение взятки») в 2019 году — по части второй. Однако при осуждении за дачу взятки преобладает основной состав.

Кроме того, анализируя статистические данные за 2019 год, можем отметить, что коррупция — это преимущественно «городские» преступления. Так, 66,8 % осуждённых за коррупционные преступления — жители городов. При этом среди совершивших коррупционные преступления в 2019 году немалое количество женщин (21,5 %). В группе совершали коррупционные преступления 22,8 % осуждённых, из них 7,3 % — в организованной группе.

Следует отметить, что коррупционное преступление — преступление «среднего возраста». Наибольшее количество осуждённых за данные преступления в возрасте от 30 до 49 лет (53,5 %).

Таким образом, можем сделать вывод, что антикоррупционная политика представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность институтов государства и гражданского общества, связанную с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также с устранением причин и условий (детерминант), способствующих ее возникновению. Правовую основу антикоррупционной политики составляет антикоррупционное законодательство с учетом его отраслевой дифференциации. В Республике Беларусь принят и действует перечень нормативных правовых актов, определяющих систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, устранение последствий коррупционных правонарушений, а также предусматривающих уголовную ответственность за коррупционные преступления.

1. Corruption Perceptions Index 2018. — Transparency International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/cpi2018/results> (дата обращения: 05.01.2020). [Вернуться к статье](#)
2. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. № 275-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)
3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.54

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТНОШЕНИЙ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. И. Михновец

инспектор отделения по гражданству и миграции,
отдел внутренних дел Солигорского райисполкома (Беларусь),
магистр юридических наук
e-mail: ymihovec@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются общественно-правовые отношения, которые возникают в процессе усыновления (удочерения) ребенка, оставшегося без опеки родителей, являющиеся объектом уголовно-правовой охраны. Особое внимание уделяется уголовно-правовой охране тайны усыновления (удочерения).

Ключевые слова: усыновление, удочерение, тайна усыновления, семья, уголовное право.

Annotation. This article examines the social and legal relations that arise in the process of adoption of a child left without parental care, which are the object of criminal legal protection. Special attention is paid to the criminal law protection of the secret of adoption.

Keywords: adoption, adoption, secret of adoption, family, criminal law.

Одним из важнейших направлений правовой охраны социальных ценностей белорусское государство объявило защиту семьи и интересов ребенка. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые воспитываются в семьях, за последние 5 лет увеличилось (это число превышает 3 500 детей) [1]. За 2017 год было усыновлено (удочерено) 617 детей [2].

Усыновление (удочерение) — приоритетная форма устройства в семье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В соответствии со ст. 119 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье усыновление (удочерение) является юридическим актом, основанным на решении суда, в силу которого между усыновителем и усыновленным возникают те же права и обязанности, что и между родителями и детьми [3].

Учитывая специфику общественных отношений, возникающих в связи с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, в семью, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) устанавливает ответственность за раскрытие тайны усыновления (ст. 177 УК) и незаконные действия по усыновлению детей (ст. 177 УК) [4]. Состав, предусмотренный статьей 177 УК, обеспечивает уголовно-правовую защиту тайны усыновления, гарантированного ст. 136 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [3].

Для того чтобы уточнить вопросы применения статьи 177 УК и в целях более полной защиты прав граждан, необходимо провести различие между понятиями «усыновление» и «процесс усыновления».

Процесс усыновления проходит в несколько этапов: отбор кандидатов в усыновители; выбор ребенка; сбор документов для подачи заявления в суд; рассмотрение заявления и постановления суда; контроль за условиями жизни и воспитания ребенка. Таким образом, процесс усыновления можно разделить на три стадии: досудебную, судебную и контрольную (надзорную).

Досудебная стадия включает в себя этапы отбора приемных родителей и ребенка, а также сбор документов для подачи заявления в суд. На этапе отбора усыновителей проверяют их здоровье и финансовое положение, а также психологическую готовность удовлетворять жизненные потребности детей. На данном этапе только медицинская тайна и информация о частной жизни подлежат защите в рамках уголовного законодательства. Разглашение другой тайны, известной лицу в связи с его служебной или профессиональной деятельностью, влечет административную ответственность [5].

После того как суд примет решение об усыновлении, информация, содержащаяся в регистрационных журналах по полученному заявлению о желании усыновить ребенка, станет тайной усыновления. Представляется, что независимо от того, будет ли ребенок усыновлен или нет, эта информация должна быть защищена как профессиональная тайна. В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение понятия «профессиональная тайна». Законодатель называет лишь сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией и законами Республики Беларусь [6]. Мнения большинства юристов сводятся к тому, что под профессиональной тайной следует понимать личную и семейную тайну, доверенную представителям некоторых профессий в силу исполнения последними своих профессиональных обязанностей и защищаемую от разглашения законом [6].

Можно сказать, что понятие «профессиональная тайна», с одной стороны, охватывает сведения, касающиеся частной жизни лица, доверившего такую информацию, а с другой — имеет законодательное закрепление за определенными профессиями: врачебная тайна, адвокатская тайна, банковская тайна, нотариальная тайна, тайна усыновления и др.

После положительного заключения суда идет отбор ребенка. Усыновители имеют право обратиться в Национальный центр усыновления, который обязан их зарегистрировать, провести отбор ребенка в республиканском банке данных об усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [5].

Кандидат в усыновители знакомится с личной карточкой ребенка, которая содержит информацию о состоянии здоровья, возможном прогнозе развития, социальном и правовом статусе, информацию о родителях, наличии братьев, сестер, родственников ребенка, их здоровье и т. д. Должностные лица органов опеки и попечительства, других уполномоченных организаций за невыполнение обязанностей, предоставление заведомо ложных сведений о сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, и о детях, находящихся в социально опасном положении, а также за другие действия, направленные на сокрытие ребенка от устройства для воспитания в семью, несут ответственность по ст. 9.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [7], а если эти действия повлекли значительный ущерб правам, свободам и законным интересам гражданина, ответственность наступает по ст. 204 УК [3].

На данном этапе законодательство Республики Беларусь устанавливает запрет на посредническую деятельность в процессе усыновления. Законом Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. действующий УК дополнен ст. 177¹, которая устанавливает ответственность за незаконную деятельность по подбору и передаче детей для усыновления (удочерения) от имени или в интересах лиц, желающих усыновить (удочерить) их, осуществляемую лицом, не уполномоченным законодательством Республики Беларусь, совершенная в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, а равно склонение этим лицом к согласию на усыновление (удочерение) детей из корыстных побуждений [3].

С момента принятия решения об усыновлении начинается сбор документов для обращения в суд. Здесь уже участвуют лица, которые знают о факте усыновления: опекун, попечитель, усыновитель, дающий согласие на усыновление; секретарь суда; супруг (супруга) при усыновлении другим. Существует проблема сохранения тайны усыновления на досудебной стадии. Законодатель не принял во внимание, что усыновление — это целый процесс, растянутый во времени. Поэтому, на наш взгляд, необходимо установить уголовную ответственность за разглашение тайны усыновления с момента, когда кандидат в усыновители принимает решение об усыновлении конкретного ребенка.

Все участники процесса предупреждаются об уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления согласно ст. 177 УК Республики Беларусь [3].

Контрольный (надзорный) этап включает в себя мероприятия по мониторингу условий жизни и воспитанию усыновленных детей. Для каждого усыновленного ребенка по месту его фактического проживания управление (отдел) образования формирует личное дело [5].

Таким образом, понятия «усыновление» и «процесс усыновления» соотносятся следующим образом. Если усыновление, предусмотренное законом в качестве юридического акта, является по своей сути материальным правоотношением, то процесс усыновления представляет собой совокупность правовых норм по осуществлению этого акта. Противоречие возникает при сравнении философского и правового понимания вышеуказанных категорий.

Если мы рассмотрим все действия, направленные на помещение ребенка в семью усыновителей, и возникновение в связи с этими действиями тех же прав и обязанностей, что и между родителями и детьми, то совокупность этих действий есть «усыновление» в философском понимании. Закон, однако, делает данную концепцию уже и привязывает понятие «усыновление» к факту вынесения судом положительного решения об усыновлении. Таким образом, понятие «усыновление» в философском понимании более широкое, чем в законодательном [6].

На наш взгляд, необходимо ввести понятие «процесс усыновления» в научный оборот и, что более важно, закрепить его на законодательном уровне, чтобы надлежащим образом квалифицировать деяния, анализировать действующее уголовное право и его нормы о защите отношений усыновления.

Отсутствие законодательно защищенной тайны усыновления может мешать созданию нормальной семейной обстановки и значительно усложнить процесс воспитания ребенка. Раскрытие такой тайны может причинить моральные страдания ребенку и приемным родителям, вызвать серьезные психологические травмы и другие нарушения развития личности. Поэтому наличие в законодательстве Республики Беларусь института тайны усыновления и его уголовно-правовой защиты является одной из государственных гарантий защиты семьи от преступных посягательств и обеспечения нормального воспитания детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки.

При анализе статьи 177¹ УК можно сделать вывод, что субъектами преступления являются лица, не уполномоченные совершать действия, связанные с усыновлением в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Таким образом, в нормах национального законодательства круг субъектов, подлежащих ответственности, довольно узок. В этой ситуации при совершении преступления лицами, уполномоченными помещать в семью детей, оставшихся без попечения родителей, такое деяние должно квалифицироваться в соответствии с общими правилами как преступление против интересов службы. Однако, учитывая непосредственный объект данного преступления, считаем, что вред наносится, прежде всего, не интересам службы, а интересам ребенка, незаконно помещенного в семью или помещенного в семью исходя из корыстных мотивов. Из этого следует, что в статье 177¹ УК должен быть расширен круг

субъектов, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за осуществление посредничества при усыновлении из корыстных побуждений: к ним должны быть отнесены не только лица, не уполномоченные на это законодательством Республики Беларусь, но и любые другие лица, осуществляющие действия, описанные в ст. 177¹ УК из корыстных побуждений.

Кроме того, учитывая общественную опасность посредничества при усыновлении на международном уровне, специфику процедуры возвращения ребенка из-за границы, степень душевных и моральных страданий, необходимо зафиксировать в национальном законодательстве наказание за совершение таких противоправных действий, как передача органов ребенка за вознаграждение, использование детей в противозаконном производстве наркотических средств и психотропных веществ и торговле ими, жестокое обращение с ребенком в семье и др. Таким образом, очевидно, что предстоит сделать многое в направлении приведения национального законодательства в соответствие с нормами международного права, а также для повышения эффективности сотрудничества Республики Беларусь с другими государствами в рамках уголовно-правовой охраны усыновленных (удочеренных) детей.

Однако в то же время следует отметить, что в дальнейшем необходима доработка ст. 177 УК с учетом изменений, происходящих в обществе, а также в целях повышения эффективности борьбы с преступлениями против личности. В связи с вышеизложенным следует отметить, что требуется введение специальных составов преступлений, субъектом которых будут являться вышеуказанные должностные лица, а также иные лица, уполномоченные на совершение действий по устройству детей-сирот.

Также требуется совершенствование алгоритма международного усыновления (удочерения). Особенности квалификации преступных деяний в области уголовно-правовой охраны отношений усыновления (удочерения) играют особую роль, так как именно верная квалификация скажется на размере наказания, а также его справедливости в отношении конкретного лица. При сборении информации о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия и разглашении тайны усыновления (удочерения) должностным лицом с использованием своих служебных полномочий содеянное квалифицируется по совокупности ст. 177 и ч. 2 ст. 179 УК. Обратим внимание на то, что при совершении указанных деяний лицом, занимающим ответственное положение, признаки субъекта не охватываются ч. 2 ст. 179 УК. В связи с этим необходимо применять ч. 3 ст. 424 УК. Полагаем, что выработанные правила квалификации помогут избежать ошибок в следственно-судебной практике при квалификации разглашения тайны усыновления (удочерения).

Считаем целесообразным дополнить ст. 177 УК, изложив ее в следующей редакции:

«1. Умышленное разглашение тайны усыновления (удочерения) против воли усыновителя, усыновленного (удочеренной), совершенное лицом, которое обязано хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом, — наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года.

2. Умышленное разглашение тайны усыновления (удочерения) против воли усыновителя, усыновленного (удочеренной), совершенное лицом, которое обязано хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом, из корыстных или иных низменных побуждений — наказывается штрафом или исправительными работами на срок до двух лет».

При этом новая норма однозначно подлежит отнесению к делам частного публичного обвинения, которые возбуждаются только по заявлению потерпевшего.

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 16.01.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Семья в Республике Беларусь : статист. сб. / Нац. статистический комитет Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. Минск, 2017. 114 с. [Вернуться к статье](#)

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 3 июня 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900278#load_text_none_1 (дата обращения: 16.01.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Положение о порядке передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями жизни и воспитания детей в семьях усыновителей на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 февр. 2006 г., № 290 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Левшук И. Н. Усыновление по законодательству Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 ; БГУ. Минск, 2011. 22 с. [Вернуться к статье](#)

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобрен Советом Республики 2 апр. 2003 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.412.8

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДАТКА КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ДОГОВОРЕ

А. Н. Мурашкина

магистрант кафедры правового обеспечения
экономической деятельности,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

e-mail: myrashkina2@gmail.com

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме использования задатка для обеспечения исполнения обязательств в предварительном договоре. Автор анализируется правовая природа задатка, его функции, а также вопрос соблюдения требований о его форме. Делается вывод об отсутствии единого мнения относительно правомерности применения задатка в предварительном договоре. Обосновывается необходимость внесения изменений в ст. 351 Гражданского кодекса Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** задаток, предварительный договор, договор купли-продажи, способ обеспечения исполнения обязательства.*

***Annotation.** The article is devoted to the problem of using the deposit to ensure the fulfillment of obligations in the preliminary contract. The author analyzes the legal nature of the deposit, its design and functions, as well as the issue of compliance with the requirements for its form. It is concluded that there is no consensus on the legality of applying the deposit in the preliminary contract. The necessity of making amendments to art. 351 of the Civil Code of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** deposit, preliminary contract, contract of sale, method of ensuring fulfillment of the obligation.*

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь (далее — ГК) одним из способов обеспечения исполнения обязательств является задаток (п. 1 ст. 310).

Несмотря на простоту конструкции и универсальность задатка, в действующем законодательстве Республики Беларусь и доктрине гражданского права применение данного правового инструмента является дискуссионным вопросом.

Универсальность задатка заключается в возможности его применения в различных договорных отношениях. В качестве примера можно привести наиболее часто используемый в повседневной практике — предварительный договор купли-продажи объектов недвижимости.

Исходя из вышесказанного, представляется необходимым рассмотреть особенности правового применения задатка как механизма реализации купли-продажи, включая противоречия правомерности его обеспечительных функций,

а также предложить рекомендации по совершенствованию данного правового института.

В соответствии с п. 1 ст. 351 ГК задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения.

Из вышеуказанного определения следует, что задаток выполняет несколько функций: обеспечительную, удостоверяющую и платежную, чем и объясняется его отличие от других способов обеспечения исполнения обязательств. Кроме того, в теории гражданского права существует еще одна функция задатка — компенсационная, суть которой заключается в обязательствах стороны, виновной в неисполнении обязательства, возместить другой стороне убытки, непокрытые размером задатка.

Статья 352 ГК гласит, что если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны. Если за неисполнение договора ответственна сторона, получившая задаток, она обязана уплатить другой стороне двойную сумму задатка. Сверх того, сторона, ответственная за неисполнение договора, обязана возместить другой стороне убытки с зачетом суммы задатка, если в договоре не предусмотрено иное.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь определило задаток как надежный способ гарантии исполнения сделки, предоставляющий возможность сторонам, в случае отсутствия положительного результата, компенсировать свои убытки.

Однако важно отметить, что задатком может обеспечиваться только обязательство, основанное на договоре (купли-продажи, подряда и т. п.). Это означает, что деликтные и иные внедоговорные обязательства обеспечиваться задатком не могут. В этой связи необходимо рассмотреть правовую природу предварительного договора.

Предварительным договором является соглашение между сторонами, согласно которому стороны обязуются заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных предварительным договором (ст. 399 ГК). Смысл заключения предварительного договора состоит в необходимости установления правовой связи (предварительного обязательства) между сторонами будущего (основного) договора, когда невозможно его немедленное заключение (при наличии обстоятельств, препятствующих продавцу или покупателю совершить сделку в данный момент: отсутствие у продавца документов, необходимых для отчуждения объекта, приобретение недвижимости в кредит или с привлечением семейного капитала и т. п.) [1, с. 9].

Таким образом, предварительный договор представляет собой специальную договорную конструкцию, суть которой заключается в возникновении обязанностей сторон заключить основной договор на заранее оговоренных условиях. Заключая предварительный договор, стороны тем самым принимают на себя обязательство в срок, предусмотренный предварительным договором, окончательно оформить свои договорные отношения путем заключения соответствующего (основного) договора.

Законодательно применение условий о задатке в предварительном договоре не запрещено, что ведет к повсеместному применению данного механизма в процессе купли-продажи (к примеру, предварительный договор купли-продажи недвижимости). Однако в то же время предварительный договор по своей природе является организационным договором, по которому одна сторона не может передавать другой имущество, деньги, если только заключение основного договора не требует дополнительных затрат.

Судебная практика в данном вопросе идет по пути признания того, что задаток как способ обеспечения противоречит правовой природе предварительного договора, признавая данное условие ничтожным. Предварительный договор как организационное соглашение не содержит в себе денежных обязательств, т. к. они еще не возникли. Соответственно, отсутствуют и денежные обязательства, которые могли бы обеспечивать задаток в предварительном договоре, а значит, условие о задатке является ничтожным и денежные средства, внесенные по предварительному договору, не могут рассматриваться в качестве задатка. В правоприменительной практике встречается рекомендация использовать при задатке формулировку в предварительном договоре как «обеспечительный взнос» или «обеспечительный платеж» [2, с. 20].

Вместе с тем судебная практика в ряде случаев противоположна. Так, судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь указала: условие предварительного договора о способе обеспечения исполнения договора в виде задатка не противоречит требованиям действующего законодательства. Если такое условие согласовано сторонами договора, оно является законным, а предварительный договор в данной части действительным. Стороны руководствуются принципом диспозитивности, свободы договора, выбирая способ обеспечения обязательств в виде задатка в предварительном договоре. Запрета в законодательстве на это нет [3, с. 75].

Подобная правоприменительная коллизия была решена в Российской Федерации с внесением в 2015 году изменений в ст. 380 Гражданского кодекса Российской Федерации путем прямого разрешения использования в предварительном договоре задатка в качестве способа обеспечения обязательств по заключению основного договора.

Другой проблемой применения задатка на практике является вопрос соблюдения требований о его форме (п. 2 ст. 351 ГК). Обязательная письменная форма в ряде случаев понимается сторонами как необходимость составления простой расписки о получении (выдаче) задатка, которая не может свидетельствовать о соблюдении законодательного требования. Письменная форма задатка считается соблюденной только путем оформления документа о договоренности, т. е. путем заключения соглашения о задатке, договора о задатке, либо посредством включения в текст обеспечиваемого задатком договора соответствующих условий.

Согласно ч. 3 ст. 351 ГК, в случае сомнения в отношении того, является ли сумма, уплаченная в счет причитающихся со стороны по договору платежей, задатком, эта сумма считается уплаченной в качестве аванса, если не доказано иное. В отличие от задатка аванс имеет исключительно платежную функцию и не является способом обеспечения обязательств. В случае незаключения основного договора такой платеж подлежит возврату покупателю без учета вины сторон.

На основании вышесказанного логичным представляется внести изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь и дополнить действующую статью 351 пунктом 4 в следующей редакции:

«4. Если иное не установлено законом, по соглашению сторон, задатком может быть обеспечено исполнение обязательства по заключению основного договора на условиях, предусмотренных предварительным договором».

Данные меры позволят сделать вопрос применения задатка в качестве обеспечительного способа единообразным и соответственно надежным, а также в большей степени приблизят теоретические нормы к практике существующего гражданского оборота.

1. Сергеенко М. Зачем нужен предварительный договор купли-продажи // Аргументы и Факты. 2016. № 1. С. 9. [Вернуться к статье](#)

2. Бандык О. Обеспечительный платеж: понятие и сферы применения // Юридический мир. 2016. № 10. С. 20. [Вернуться к статье](#)

3. Королева Н. В. Предварительный договор и условие о задатке: новое направление судебной практики // Промышленно-торговое право. 2016. № 11. С. 74–79. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.1:347

ПРАВО НА ДОЛЮ В УСТАВНОМ ФОНДЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ ИНВЕСТОРА НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКОЙ ДОКТРИНЫ

Н. А. Нагорная

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: natali_mla@mail.ru

Аннотация. Автор в своей статье сделал попытку на примере германской доктрины изучить правовую природу доли и дать свое определение понятию «доля». В немецкой правовой доктрине к концу XIX века сложилась классическая теория, объясняющая правовую природу доли, сущность этого правового явления.

Ключевые слова: доля, уставной фонд, хозяйственное общество, общая собственность.

Annotation. The author in his article made an attempt on the example of the German doctrine to study the legal nature of the share and give its definition of the concept of "share". In the German legal doctrine, by the end of the 19th century, a classical theory had developed that explained the legal nature of the share, the essence of this legal phenomenon.

Keywords: share, authorized capital, business company, common property.

Наиболее актуальным в осуществлении хозяйственной деятельности был и остается вопрос о привлечении с минимальной имущественной ответственностью достаточного капитала для достижения в максимально короткие сроки поставленной цели. Решением проблемы привлечения с минимальной имущественной ответственностью достаточного капитала в бизнес занимались многие ученые Европы в XIX веке. Это было в первую очередь связано с тем, что в 1892 году в Германии в связи с ужесточением нормативного регулирования акционерных отношений и нежеланием многих мелких и средних предпринимателей организовываться в форме хозяйственных товариществ, был принят Закон об обществе с ограниченной ответственностью (далее — Закон об ООО). Законодательно закреплялось право лиц на объединение капиталов и внесение их в качестве долей в уставной фонд новой организации — общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО), позволяющей лицу (лицам, супругам и т. д.), имеющему в собственности (в общей собственности) небольшой капитал, с незначительным риском наступления имущественной ответственности в случае финансовой несостоятельности (в отличие от участия, например, в дея-

тельности полного хозяйственного товарищества) заниматься предпринимательской деятельностью «с уверенностью в завтрашнем дне». ООО получили такое признание среди предпринимателей, что уже к 1911 г. в Германии насчитывалось около 20 тысяч предприятий данной формы [1, с. 111]. Согласно характеристике ученых-правоведов возникновение ООО представляло собой «триумф корпоративного права» [2, с. 292]. Связано это с широкой популярностью ООО и отношениями, возникающими как в самом обществе, так и иных лиц по отношению к нему. На этой волне законодательных реформ в хозяйственной сфере в Германии с связи с возникновением понятия «доля в уставном фонде ООО» немецкими учеными были сформулированы почти все принципиальные идеи основных теорий, объясняющих конструкцию общей собственности и правовой природы доли в ней. В дальнейшем сформулированные идеи получили развитие, при этом придумать что-то принципиально новое стало практически невозможно.

Юридические конструкции общей собственности на инвестиционное имущество и объекты инвестиционной деятельности, например на долю в уставном фонде ООО (ОДО), актуализируют целесообразность обоснования возможности осуществления права собственности в отношении одной доли в уставном фонде общества несколькими субъектами. Дополнительной задачей является выявление связи между субъектами и объектом (долей), а также выявление возможности владения, пользования и распоряжения ею.

В этой связи анализ немецкой правовой доктрины и законодательства о праве на долю в уставном фонде хозяйственного общества нами выбран не случайно. Законодательство Германии всегда отличалось стабильностью и планомерностью развития, демонстрируя возможность оперативного и адекватного реагирования на потребности гражданского оборота. Германскому законодательству на протяжении всего периода своего развития удалось создать такую правовую конструкцию для существования хозяйственного общества в различных ее формах, чтобы в случае возникновения неблагоприятных для общества ситуаций, например, финансовой несостоятельности (банкротства), общество всегда имело возможность сохранить баланс интересов участников общества и его кредиторов.

В статье мы рассмотрим труды двух немецких ученых-теоретиков, проводивших свои исследования примерно в один период времени. Один из них, Б. Шнайдер, в своих трудах уделял внимание теории делимости или неделимости общего объекта собственности [3, с. 22]. В поисках объяснения возможности осуществления владения одним общим объектом множествами субъектов он, объединив все существующие на этот счет теории, условно разделил их на три группы: 1) теория деления заключается в том, что нескольким субъектам

противопоставляется несколько объектов; 2) теория неделимости основана на идее неделимости (множество собственников воспринимается как единый субъект); 3) третья теория базируется на идее конкуренции. У каждого сособственника существует право на вещь, которое ограничено лишь наличием аналогичных прав у других лиц. Для другого немецкого ученого-современника Б. Шнайдера К. Энглендера теория общности собственников изначально была неприемлема. К. Энглендер не признавал унификации права, когда несколько частей, составляющих одну общую собственность, путем передачи прав образуют другую общность (например, при передаче имущества из общей совместной собственности супругов в качестве доли в уставной фонд ООО). Им была выдвинута новая теория, заключающаяся в том, что множество субъектов проектируются на содержание самого вещного права. За счет этого было сохранено единство права без обращения к теории членства.

Для К. Энглендера правовая общность являлась «формой компетентности правового содержания, в которой несколько относительно несамостоятельных аналогичных юридических позиций (долей) объединяются внутренним порядком в систему долей права» [4, с. 163]. Согласно теории К. Энглендера, доли права, на которые делится все содержание права и через которые оно исполняется, не являются субъективными частичными правами, с которыми данное право бы распалось, а представляют собой составные части формы компетентности одного юридического содержания. Общее право проявляется как множество долей права, объединенных особым видом правового синтеза, что приводит к одной форме компетентности общего права. Этот особенный законный синтез К. Энглендер называет внутренним порядком общего права [4, с. 164].

Для рассмотрения понятия «доля в уставном фонде хозяйственного общества» представляется необходимым отметить ее присутствие не только в вещном праве, но и в обязательственном. Иначе говоря, доля в праве как частноправовая категория может быть определена не только в вещном праве, а именно в общей собственности, но также и в обязательственных правах на общее имущество. Причем вещно-обязательственный характер доли в обладании одной вещью выражается в различных проявлениях общих прав. Это может быть, например, право на долю в совместно арендованном недвижимом имуществе, когда на стороне арендаторов несколько субъектов, либо в праве безвозмездного пользования неделимым имуществом, возникшем на основании договора ссуды, либо в праве залога у нескольких кредиторов-залогодержателей, заключивших договор с залогодателем-должником или залогодателем — третьим лицом, либо других общих правах, в том числе в праве инвестора на участие в ООО.

Преимуществом теории К. Энглендера, на наш взгляд, является то, что в ней говорится о синтезе долей, что она работает на уровне всех правомочий в целом, а не только на уровне распоряжения. После сказанного общность сособственников может быть охарактеризована как любая другая правовая общность, в которой особый вид сплетений порождает взаимосвязанное взаимодействие и столкновение долей. Как следствие синтеза долей существует внутренний порядок, создающий право отдельного сособственника и ограничивающий отношения владельцев внутри общности, упорядочивая пользование, распоряжение всей вещи в целом. «Внутренний порядок» внутри общей собственности для ее элементов является самым важным критерием различия индивидуального права и коллективного.

К. Энглендер считал, что доля не может представлять собой полного права, хотя и обладает ее признаком, а именно эластичностью [4, с. 164]. Но как измерить содержание права собственности, складывающееся из правомочий, которые не могут быть измерены? Нельзя сказать, что одному собственнику принадлежит право владения, а второму только право пользования либо одному собственнику общей собственности принадлежит право распоряжения. Практически, если несколько лиц являются сособственниками одного объекта, разделить их правомочия, выделив одному одно, а другим другое, не реализуемо. Каждый собственник заинтересован в осуществлении всех трех правомочий, а не в каком-то одном. Разделение содержания права невозможно, поскольку при этом доли будут разные по качеству, а вот разделить право по объему можно, при таком разделе часть права одного сособственника представляет собой самостоятельное право на вещь в целом.

Таким образом, на примере германской правовой науки о правовой природе доли можно прийти к следующему выводу: для полноты юридической конструкции общей собственности, в том числе общей собственности на инвестиционное имущество, следует конкретизировать понятия «доля», «доля в общей собственности», а также «доля в уставном фонде хозяйственного общества». Если долю невозможно объяснить через институт общей собственности, то все, что содержит доля, необходимо объединить в самостоятельный институт и через эту призму рассматривать как саму долю, так и сплетение долей. Содержание доли зависит от права в целом, но вследствие синтеза долей возникает особая ситуация, указывающая, что совокупность долей собственности — это не то же самое, что индивидуальное право.

Анализируя мнения современных ученых-цивилистов о правовой природе доли в уставном фонде хозяйственного общества, в научной статье «Права и доля участника в уставном фонде хозяйственного общества» нами высказыва-

лась точка зрения, схожая, например, с точкой зрения Д. И. Михайловым [5, с. 44], о доле в уставном фонде хозяйственного общества, а именно, что «отношения, основанные на доле, являются обязательственными, так как они возникают между вкладчиком и юридическим лицом, а право на саму долю — это вещная составляющая и принадлежит только как абсолютное право только одному субъекту — вкладчику» [6, с. 103].

1. Петросян А. А. Общества с ограниченной ответственностью в Германии: история возникновения и развития // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 11, Право. 2012. № 2. С. 110–121. [Вернуться к статье](#)

2. Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник : в 2 т. / М. А. Андрианова [и др.] ; отв. ред. А. С. Комаров [и др.]. М. : Статут, 2019. Т. 1. Общая часть. 560 с. [Вернуться к статье](#)

3. Филатова У. Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России) : сравнительно-правовое исследование : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2015. 36 с. [Вернуться к статье](#)

4. Филатова У. Б. Концепция развития института общей собственности в России и за рубежом : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. 222 с. [Вернуться к статье](#)

5. Михайлов Д. И. Защита прав работников и инвесторов с учетом их интересов как направление социальной политики государства // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. 2016. № 2. С. 43–48. [Вернуться к статье](#)

6. Нагорная Н. А. Права и доля участника в уставном фонде хозяйственного общества // Известия Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины : Социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 99–103. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Л. Никитин

профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: gakan73@mail.ru

Аннотация. В публикации рассматривается роль и значение законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности для обеспечения прав человека в этой сфере.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности, обеспечение прав человека в оперативно-розыскной деятельности.

Annotation. The publication examines the role and importance of legislative regulation of operational investigative activities to ensure human rights in this area.

Keywords: operational investigative activities, legislative regulation of operational investigative activities, ensuring human rights in operational investigative activities.

Права человека как юридическая категория являют собой сложное и многомерное правовое явление. В своем развитии они прошли непростой и достаточно длительный путь историко-правового признания [1, с. 21–24].

В Российской Федерации конституционно-правовое и законодательное закрепление прав человека, введение в законотворческий процесс устоявшегося понятия «прав и свобод человека и гражданина» стало происходить с 1991 года, когда Верховным Советом РСФСР была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина [2]. Впоследствии на ее основе была разработана вторая глава Конституции РФ.

Формирование новой российской государственности и, как следствие, существенные изменения в ее правовой системе предполагали новые подходы в правовом регулировании во многих сферах жизни общества и государства. Судебная реформа понималась широко, включая изменения правовой регламентации деятельности не только суда, но и всех правоохранительных органов — прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности и др. Направление реформы были определены в Концепции судебной реформы Российской Федерации (далее — Концепция) [3], принятой Верховным Советом РФ 24 октября 1991 года. Согласно данной Концепции к приоритетным направлениям

реформы, помимо повышения значения и роли судебной власти и введения судебного контроля во всех социально-значимых сферах, относилось и изменение института предварительного расследования, прокурорской и оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). При разработке новых законодательных актов предполагалось создать механизм гарантий охраны и защиты основных прав и свобод человека и гражданина. Отдельно в Концепции указывалось на необходимость признать основным источником права на территории нашего государства закон как высший по юридической силе нормативный правовой акт. Таким образом, деятельность любого государственного органа, в том числе наделенного правом осуществления ОРД, затрагивающая права и свободы человека и гражданина, должна быть регламентирована только на уровне закона — «актом, принятым Верховным Советом РСФСР или Съездом народных депутатов РСФСР в надлежащем порядке».

В дальнейшем принятая на всенародном референдуме Конституция РФ (1993 г.) провозгласила приоритет прав и свобод человека и гражданина по отношению к иным ценностям государственной власти. В ней человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита объявляются обязанностью государства (ст. 2). Аналогичные процессы формирования конституционной основы категории прав человека происходили и в других странах постсоветского пространства [4, с. 209]. Эти мировоззренческие правовые парадигмы определяют условия и порядок правовой регламентации деятельности всех органов государственной власти, принципы их работы.

Принятие первого в истории России Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992), а затем и второго, ныне действующего Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995) позволило в целом обозначить правовые границы деятельности органов, осуществляющих ОРД, указать виды разрешенных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), нормативно гарантировать соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ, ввести различные формы надзора и контроля за соблюдением прав и свобод человека в этой сфере государственной деятельности. Согласно Конституции РФ (ч. 3 ст. 55) органы, осуществляющие ОРД, имеют право производить действия и принимать решения, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина. Указанные действия возможны только на основании судебного решения и в порядке, установленном Федеральным законом.

Однако проведенные теоретико-правовые исследования и анализ правоприменительной практики свидетельствуют о явно недостаточном законодательном регулировании ОРД в части установления и реализации гарантий со-

блюдения прав и свобод человека и гражданина, что негативно влияет на функционирование институтов охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в этой сфере. Многие специалисты сходятся во мнении, что реальный механизм, позволяющий предотвращать, эффективно выявлять и пресекать нарушение прав и свобод граждан, гарантировать их охрану и своевременную защиту в ОРД, до настоящего времени находится в процессе становления. Основным препятствием для его полноценного и всемерного использования служит пробельность законодательного материала, наличие значительного количества общих и неконкретных норм, отсутствие четкой системы законодательных и подзаконных актов, иные дефекты оперативно-розыскного законодательства. Существующая грань между должной и порочной нормативной регламентацией этой области государственной деятельности весьма тонка. Несовершенство российского законодательства, регулирующего ОРД, подчеркивал и Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ). Так, в Постановлении ЕСПЧ «Дело “Роман Захаров против Российской Федерации”» [5] прямо говорится, что законодательство Российской Федерации не предоставляет адекватных и эффективных правовых гарантий в сфере ОРД. В результате Суд постановил, что законодательство Российской Федерации не отвечает критериям «качества закона» и не способно ограничить применение негласных методов наблюдения только теми случаями, когда это «необходимо в демократическом обществе».

Специалистами теории ОРД ее правовое регулирование определяется в качестве специфической деятельности государства, его органов и должностных лиц по упорядочиванию возникающих, длящихся и прекращающихся оперативно-розыскных отношений в данной сфере путем воздействия на них согласованных и взаимодействующих юридических средств, установленных нормативными правовыми актами различной юридической силы [6, с. 6]. Однако сейчас специфика законодательного (нормативного) регулирования ОРД в России предполагает, что именно в положениях подзаконных актов ограниченного доступа, в том числе секретного и совершенно секретного характера, конкретизируются установки Закона, определяются механизмы исполнения его конкретных норм. При этом, содержание этих подзаконных норм прямо определяет порядок проведения ОРМ, ограничивающих права и свободы человека и гражданина. Например, статьи 6, 8, 9, 10 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предполагают конкретизацию их положений в ведомственных нормативных актах либо содержат отсылочные нормы. Многие нормы указанного Закона носят общий и, по сути, в значительной мере неопределенный характер, а потому требуют соответствующего толкования. Причем в интересах правоприменительной деятельности сложилась различная практика толкования этих норм как представителями оперативных служб, так и органами

судебной власти. Кроме того, следует констатировать наличие существенных пробелов в российском оперативно-розыскном законодательстве, влияющих на процедуры обеспечения прав и свобод человека и гражданина, которые требуют своего устранения.

Например, в силу ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ, ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в суде. Вместе с тем ни Федеральный закон «Об ОРД», ни какой-либо иной нормативно-правовой акт (закон) не определяют такой порядок судебной защиты. В частности, в Постановлении ЕСПЧ «Дело “Аванесян против Российской Федерации”» [7] сделан вывод об отсутствии возможности судов Российской Федерации предоставить средство правовой защиты от необоснованно проведенных ОРМ, поскольку судебный контроль в рамках рассмотрения дела, возникшего из публичных правоотношений, в действующих редакциях Закона об ОРД и ГПК РФ не влияет на законность судебного решения на право проведения этих мероприятий, а судья, рассматривающий такое дело, не может ни пересмотреть судебный акт по существу, если он не был обжалован, ни отменить его.

В проведенных в рамках теории ОРД научных исследованиях выявлена прямая зависимость между уровнем правового регулирования той или иной области ОРД и общим состоянием ее законности, включая соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Недостаточный уровень правового регулирования существенно повышает роль субъективного фактора, что, как правило, негативно сказывается на законности и эффективности деятельности всех оперативно-розыскных органов [8, с. 29]. Таким образом, российское оперативно-розыскное законодательство не в полной мере отвечает современным потребностям и нуждается в дальнейшем совершенствовании, что предлагает пересмотр его основных положений [9, с. 80–86], в том числе путем расширения сферы законодательного регулирования.

К основным направлениям процесса совершенствования российского оперативно-розыскного законодательства следует отнести:

четкое закрепление системы юридических гарантий и определение механизма обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД органами прокуратуры и судом (ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»);

устранение законодательного пробела в части определения понятий и содержания разрешенных ОРМ, в том числе ограничивающих права и свободы человека и гражданина, с целью оценки их законности (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»);

введение правила обязательного информирования прокурора о проведении ОРМ, ограничивающих права и свободы человека и гражданина (ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»);

установление порядка документирования результатов ОРМ (виды, форма и содержание документов, порядок и сроки составления) (ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

1. Общая теория прав человека / И. А. Карташкин [и др.] ; отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма, 1996. 520 с. [Вернуться к статье](#)

2. Декларация прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР, 22 нояб. 1991 г., № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Концепция судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР, 24 окт. 1991 г., № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Хлус А. М. Механизм реализации прав и свобод человека в сфере оперативно-розыскной деятельности // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. [Вернуться к статье](#)

5. Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. «Дело «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации» (жалоба № 47143/06) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Железняк Т. И. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 23 с. [Вернуться к статье](#)

7. Постановление ЕСПЧ от 18 сентября 2014 г. «Дело «Аванесян против Российской Федерации» (жалоба № 41152/06). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Жаров С. Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. [Вернуться к статье](#)

9. Аتماжитов В. М. О сущности и правовой основе оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов Всерос. круглого стола, 3 нояб. 2011 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб. : ИД «Петрополис». 2012. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.143

ПРАВОВЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. А. Отаровначальник кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

email: examiner81@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость закрепления в УПК РФ возможности использования современных средств электронной связи для вызова на допрос в деятельности следственных органов, как это предусмотрено для судебных органов.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, допрос, вызов на допрос, средства электронной связи.

Annotation. The article substantiates the need to enshrine in the Code of Criminal Procedure the possibility of using modern electronic means of communication for calling for questioning in the activities of investigative bodies, as provided for by the judicial authorities.

Keywords: criminal trial, preliminary investigation, interrogation, call for interrogation, electronic communication means.

Вызов лица на допрос повесткой — это общее правило, предусмотренное УПК РФ. Безусловно, нет ничего лучше повестки, врученной лично адресату под подпись. Такая форма вызова на допрос исключает любые сомнения относительно факта и своевременности вызова на допрос. Однако УПК РФ предусматривает возможность передачи повестки с помощью средств связи (ч. 2 ст. 188 УПК РФ). Современные технологии позволяют расширить число не менее эффективных средств уведомления и вызова лица на допрос. В настоящее время, помимо ставших традиционными почтовой, факсимильной и проводной телефонной связи, возникли такие средства, как электронная почта, беспроводная (онлайн) видеосвязь, сотовая телефонная связь, СМС-сообщения, отправляемые через сотового оператора, сообщения, отправляемые посредством так называемых мессенджеров, а также социальные сети. Не вдаваясь в подробности преимуществ всех этих средств, отметим, что всех их объединяет широкое распространение у населения, а главное, скорость и эффективность передачи информации. Причем каждый человек может обладать одновременно несколькими источниками получения информации, что позволяет дублировать сообщения и «для верности» направлять их на все каналы связи, открытые адресатом и доступные следователю.

Представляется, что данные возможности законодатель опрометчиво обделяет своим вниманием. Основная проблема, связанная с применением указанных средств в качестве средства вызова на допрос, связана с неоднозначностью технической возможности идентификации исходящего абонента и подтверждения факта получения извещения входящим абонентом. Так, голосовая телефонная (проводная и беспроводная) связь дает возможность связаться с абонентом и сообщить ему всю необходимую информацию о месте и времени допроса, при необходимости в режиме реального времени уточнить дополнительную информацию (обоими абонентами). Однако остается проблема идентификации обоих абонентов по голосу и фиксации факта извещения (хотя последнее может быть подтверждено запросом оператору связи с получением информации об абонентах, времени и длительности разговора, что тем не менее не подтверждает содержания разговора). Беспроводная видеосвязь дает возможность обоюдной визуальной идентификации абонентов, но только при условии, что они ранее были знакомы — выход на связь и извещение по поручению следователя, с одной стороны, могут быть восприняты адресатом как розыгрыш, а с другой — может быть заявлено о том, что разговор происходил с посторонним адресатом. Текстовые сообщения в любых формах (электронное письмо, СМС-сообщение, сообщение в мессенджер) также мгновенно доставляются адресату, однако полной гарантии подтверждения факта их получения также нет, даже с учетом наличия функции извещения о поступлении сообщения абоненту и индикатора о «прочтении» — сообщение может прочитать посторонний человек, а при его удалении исходящий абонент об этом не узнает. Наконец, аккаунт в социальной сети может быть просто не признан его создателем (фейк).

При таких обстоятельствах внедрение современных средств извещения проходит чрезвычайно трудно. Безусловно, обходить их вниманием невозможно — средства связи давно и прочно стали частью повседневной жизни. По этой причине направленная в обычном порядке повестка зачастую дублируется оповещением с помощью средств связи. Нередко следователи обходятся без повестки в отсутствие конфликта с тем или иным лицом, когда вызов возможен через средства связи. Однако и повестка не всегда решение всех проблем, поскольку она может быть утеряна на почте или извлечена из почтового ящика посторонним лицом. Более того, даже при личном вручении повестки, расписываться в корешке повестки о вызове на допрос вызываемое лицо не обязано, никто к этому принудить не может [1]. Поэтому нам представляется, что признание в законе одной формы вызова на допрос и игнорирование других форм являются недальновидным упущением.

Судебная практика уже идет по пути цифровизации оповещения участников судопроизводства — разработан и введен в действие Регламент организации извещения участников судопроизводства (далее — Регламент) посредством СМС-сообщений [2], который устанавливает общие порядок и правила организации извещения участников судопроизводства о дате, времени и месте рассмотрения дела в судах общей юрисдикции. Данный Регламент определяет обязательные условия извещения посредством СМС-сообщений (наиболее важным из которых является согласие лица на получение извещения посредством СМС-сообщений с указанием для этого любого номера мобильного телефона любого оператора сотовой связи, действующего на территории Российской Федерации), порядок подготовки и отправки СМС-сообщений и другие вопросы.

Данная практика, на наш взгляд, могла бы с успехом применяться и органами предварительного расследования [3]. Подписку с согласием лица на получение СМС-сообщения с вызовом к следователю можно было бы отбирать еще на стадии возбуждения уголовного дела. Полагаем, у большинства участников это не вызывало бы возражений. Как отмечено в вышеуказанном Регламенте, добровольное согласие и предоставление номера телефона абонентом означают, что он будет считаться извещенным с момента поступления на указанный им номер мобильного телефона СМС-сообщения. Факт доставки СМС-извещения подтверждается отчетом о его доставке (информация о дате и времени отправки СМС-сообщения, текст отправленного СМС-сообщения, дата и время доставки СМС-сообщения адресату), который может распечатываться на бумажном носителе и храниться в уголовном деле.

Аналогично этому варианту нуждам следствия при необходимости могли бы быть подчинены и другие средства связи. Полагаем, что практика судов общей юрисдикции требует своего закрепления в УПК РФ в виде положения о возможности вызова субъекта уголовного процесса к следователю, в том числе с использованием современных средств связи. В настоящее время УПК РФ оперирует формулировкой, означающей передачу повестки лицу, вызываемому на допрос, с помощью средств связи. В таком виде закон допускает только направление бумажного документа — повестки адресату посредством почтового сообщения или факсимильной связи. Полагаем, для получения возможности использования современных электронных средств связи для решения рассматриваемой задачи (при условии создания необходимых условий для регистрации, фиксации и хранения направленного сообщения) требуется введение в ст. 188 УПК РФ части 2.2 следующего содержания: «Сведения, указанные в части первой настоящей статьи могут быть сообщены лицу, вызываемому на допрос, в любой доступной для восприятия форме с помощью средств электросвязи, позволяющих сохранять и воспроизводить сведения о факте поступления со-

общения адресату.» При наличии такой формулировки полагаем, часть вторая данной статьи может остаться без изменений.

1. Повестка о вызове на допрос [Электронный ресурс]. URL: <http://lawyers-law.ru/2017/07/10/povestka-o-vyizove-na-dopros/> (дата обращения: 12.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 г. № 257 : в ред. от 27.08.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Байбиков Р. Р. Актуальные проблемы допроса в досудебном производстве по уголовному делу и пути их совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 9А. С. 217. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.734

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БАНКОВ В НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Л. Г. Полякова

старший преподаватель кафедры гражданского
и хозяйственного права,
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова (Беларусь)
e-mail: rplg2009.sk@yandex.ru

***Аннотация.** В статье исследуется статус банков второго уровня банковской системы Республики Беларусь в налоговых правоотношениях. Акцент делается на правовой проблематике публично-правовых обязанностей указанных субъектов в налоговой сфере.*

***Ключевые слова:** банки, налоговые правоотношения, правосубъектность, плательщик налогов, налоговый агент, финансовый посредник.*

***Annotation.** The article examines the status of second-tier banks of the belarusian banking system in tax relations. The focus is made on the legal issues of public law obligations of the entities in tax matters.*

***Keywords:** banks, tax relations, legal standing, ratepayer, withholding agent, financial intermediary.*

В современных условиях продолжают оставаться актуальными вопросы исследования правового статуса банков, что обусловлено, как отмечает О. М. Олейник, воплощением в правовом статусе банков единства двух статусов — частного юридического лица и субъекта публичного права, участвующего в денежном процессе государства, обслуживающего этот денежный процесс [1, с. 80].

В этой связи представляется интересным положение банков в налоговых правоотношениях, где, на наш взгляд, наиболее четко прослеживается сочетание частноправовых и публично-правовых аспектов в статусе банков.

В настоящем исследовании под банками мы будем понимать собственно банки второго уровня банковской системы Республики Беларусь. При этом заметим, что в Налоговом кодексе Республики Беларусь (далее — Налоговый кодекс) для целей его применения, если из содержания данного нормативного правового акта не следует иное, используется сокращение «банк», которое, кроме банков, включает в себя небанковские кредитно-финансовые организации, а также специализированные финансовые организации Республики Беларусь, которые не являются банками, но действуют на основании законодательного акта, в соответствии с которым осуществляют бухгалтерский учет согласно нормативным правовым актам Национального банка Республики Беларусь

(ОАО «Белорусская валютно-фондовая биржа», ОАО «Банк развития Республики Беларусь» и др.) [2, ст. 13].

Банкам принадлежит особая роль в налоговой деятельности государства. Банк как участник налоговых правоотношений обладает спецификой содержания налоговой правосубъектности, которая обусловлена тем, что в указанных правоотношениях банк выступает не только как плательщик налогов, налоговый агент, но и как финансовый посредник между государством и иными плательщиками налогов (организациями и физическими лицами), обеспечивающий исполнение их налоговых обязательств.

В налоговых правоотношениях банк, прежде всего, выступает как плательщик налогов, основными обязанностями которого являются обязанность уплачивать установленные законодательством налоги; представлять в налоговые органы и их должностным лицам налоговые декларации (расчеты), а также другие документы и сведения, необходимые для налогообложения [2, ст. 22]. Обязанность банка как плательщика налогов уплачивать какой-либо налог возлагается на него с момента возникновения обстоятельств, установленных налоговым законодательством и предусматривающих уплату конкретного налога, т. е. объекта налогообложения. Конкретные объекты, с возникновением которых банки признаются плательщиками налогов, определены в Особенной части Налогового кодекса.

Самостоятельным элементом правосубъектности банков в налоговых правоотношениях выступает обязанность исполнять функции налоговых агентов по исчислению, удержанию у плательщика и перечислению в бюджет налогов, сборов (пошлин) [2, ст. 23]. Данную функцию банки выполняют, например, в отношении своих работников при выплате заработной платы или вкладчиков — при выплате процентов по договору банковского вклада.

Следует отметить, что правовой статус банков в налоговых правоотношениях значительно отличается от других субъектов — организаций, которые также в данных правоотношениях выполняют функции плательщиков налогов и налоговых агентов, что обусловлено возложением на банки ряда публично-правовых обязанностей в налоговой сфере. При этом следует отметить, что публично-правовой аспект в налоговом статусе банков обусловлен спецификой его деятельности — банковской, основу которой составляют операции, связанные с привлечением денежных средств на счета и во вклады, их размещением от своего имени и за свой счет, открытием и ведением банковских счетов [3, ст. 8].

Одной из таких публично-правовых обязанностей, вытекающих из сущности банковской деятельности, является обязанность по исполнению поручений на перечисление налоговых платежей в бюджет. Возложение на банки дан-

ной обязанности обусловлено тем, что организации уплачивают налоги посредством банковского счета. Открытие и ведение счетов, как уже было отмечено, составляет основу деятельности банков. В данном случае банк выступает в качестве финансового посредника между своим клиентом (в нашем случае плательщиком налогов) и государством в лице фискальных (налоговых и таможенных) органов.

В отношениях по перечислению налоговых платежей в бюджет, по мнению С. Г. Пепеляева, банк действует не как представитель налогоплательщика, а как представитель публичных интересов государства, принимающий от плательщика исполнение публичной обязанности по уплате налогов [4, с. 238].

Обязанность банков по исполнению платежных инструкций на уплату налогов закреплена в статье 43 Налогового кодекса (Общая часть). Действующее законодательство к таким инструкциям, наряду с платежными поручениями плательщиков, относит и решения налогового или таможенного органа о взыскании налога за счет денежных средств плательщика или дебиторов плательщика [2, ст. 43].

Исполнение данных обязанностей банками способствует надлежащему исполнению (своевременно и в полном объеме) налоговых обязательств плательщика. При этом, по общему правилу, банк не наделяется функциями контроля за уплатой налогов. Вместе с тем отдельные положения действующего налогового законодательства предусматривают выполнение банками, по сути, функций контроля в сфере налогообложения. Так, согласно статье 267 Налогового кодекса (общая часть) установлена обязанность банков осуществлять перевод денежных средств, при перечислении которых подлежит уплате оффшорный сбор, только после уплаты резидентами Республики Беларусь оффшорного сбора, что, по сути, представляет собой реализацию функции контроля за уплатой оффшорного сбора [5].

С осуществлением банками операций по открытию и ведению банковских счетов у банков возникают и иные обязанности в сфере налогообложения, имеющие ярко выраженную публично-правовую составляющую, например, обязанности, связанные с предоставлением налоговым органам информации о клиентах банков (плательщиках налогов), в частности, сведений о банковских счетах, (их открытии и закрытии), об электронных кошельках плательщиков, об операциях по счетам (о движении денежных средств по счетам) и др. [2, ст. 86; 3, ст. 121].

Реализация указанной обязанности предусматривается и на уровне международного сотрудничества. Так, в соответствии с п. 5 ст. 86 Налогового кодекса (Общая часть) банки обязаны представлять в Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь сведения, которые подлежат передаче налоговому

органу иностранного государства на основании международного договора, в том числе составляющие банковскую тайну организаций и физических лиц о счетах, открытых иностранными организациями и физическими лицами в банках, и операциях по таким счетам.

Предоставляемая банками информация используется налоговыми органами для осуществления контроля за надлежащим исполнением плательщиками налогового обязательства и своевременностью их уплаты, а в отдельных случаях и для принуждения плательщиков выполнить свою конституционную обязанность перед государством относительно уплаты налогов.

В части содействия налоговым органам в принуждении плательщика налогов выполнять свои обязательства перед государством следует рассматривать такую публично-правовую обязанность банков, как исполнение решений налоговых органов о приостановлении операций по счетам [2, ст. 56]. Приостановление операций предусматривает прекращение всех расходных операций по счету за исключением операций, связанных с осуществлением платежей в бюджет и государственные внебюджетные фонды. Кроме того, данный способ обеспечения исполнения налоговых обязательств запрещает банку открывать новые счета клиентам, в отношении которых вынесено решение о приостановлении операций по счетам.

Отметим, что, возлагая на банки публично-правовые обязанности в налоговой сфере, законодатель отдает приоритет именно обязанностям банков в сфере обеспечения поступления налоговых платежей в бюджет. Следует отметить, что неисполнение банком указанных обязанностей влечет применение к банку, его должностным лицам административной ответственности.

Надлежащему исполнению налогового обязательства плательщиков (клиентов банка) способствует и предусмотренный налоговым законодательством механизм обеспечения уплаты налоговых платежей — банковская гарантия [2, ст. 60]. При этом отношения, связанные с выдачей банковской гарантии и выполнением банком-гарантом обязательств по банковской гарантии, регламентированы нормами банковского и гражданского законодательства.

По банковской гарантии банк обязуется перед налоговым органом исполнить налоговое обязательство плательщика и (или) уплатить пени, в том числе начисленные за период действия банковской гарантии, если плательщик не исполнит налоговое обязательство, не уплатит пени в течение срока действия банковской гарантии, который не должен превышать более трех месяцев [2, ст. 60, ст. 54].

В основе указанного и иных, предусмотренных налоговым законодательством способов обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов усматривается дополнительная возможность для плательщиков по надлежащему ис-

полнению налогового обязательства, а также гарантия соблюдения интересов государства [6, с. 36].

Подводя итог изложенному, отметим, что анализ действующего налогового законодательства Республики Беларусь позволяет заключить, что банки второго уровня обладают особым правовым статусом, который обусловлен тем, что публично-правовые обязанности банков в налоговой сфере включены в частноправовую природу правоотношений между банком и клиентом.

В этой связи банки следует рассматривать как специальный субъект налоговых правоотношений, которые одновременно выступают и плательщиками по своим налоговым обязательствам, и финансовыми посредниками между конкретными плательщиками налогов и государством, способствующими уплате налогов. Во всех случаях банки решают задачи публично значимого характера — содействуют надлежащему исполнению конституционной обязанности по уплате налоговых платежей.

1. Олейник О. М. Основы банковского права : курс лекций. М. : Юрист, 1997. 424 с.

[Вернуться к статье](#)

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Налоговое право : учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М. : Альпина Паблишер, 2015. 796 с. [Вернуться к статье](#)

5. Лазарь М. В. Роль банков в налоговых правоотношениях [Электронный ресурс] [по состоянию на 30.04.2015 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Новицкая Н. Ф. Залог имущества, поручительство, банковская гарантия как способы обеспечения исполнения налогового обязательства и (или) уплаты пеней // Налоги Беларуси. 2019. № 18. С. 31–37. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.73

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

С. В. Приходько

магистрант 1 курса специальности
«Государственное управление и право»,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
главный бухгалтер ООО «Идеал-Стом»
e-mail: aputita@mail.ru

***Аннотация.** Рассматривается практика применения законодательства о налогах и сборах; анализируется влияние нормативных правовых актов.*

***Ключевые слова:** налоговая политика, налоговый кодекс, налоговая оптимизация, добросовестное исполнение налоговых обязательств.*

***Annotation.** The practice of applying legislation on taxes and fees; analyzes the impact of normative legal acts.*

***Keywords:** tax policy, tax code, tax optimization, diligent fulfillment of tax obligations.*

Налоговая политика является неотъемлемой частью социально-экономической политики страны и поэтому развивается и изменяется вместе с приоритетами государства. Основной задачей налоговой системы является выполнение доходной части бюджета государства, и из года в год данная задача успешно решается посредством системы налогов и сборов. При этом каждый субъект предпринимательской деятельности с целью сокращения налоговой нагрузки применяет методы налоговой оптимизации. Но данный метод не должен осуществляться с нарушением действующего налогового законодательства, ведь закон отражает общие интересы: как государства, так и субъектов хозяйствования.

Основными источниками права, на которые опирается практика применения законодательства в области налоговых правоотношений, являются следующие:

Директива Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (далее — Директива № 4) [1];

Декрет Президента Республики Беларусь 23.11.17 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (далее — Декрет № 7) [2];

Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее — Декрет № 8) [3];

Налоговый Кодекс [4].

На практику применения законодательства в области налоговых правоотношений оказывают существенное влияние нормативные правовые акты, кото-

рые определяют в том числе выбранный курс и направления развития государства. Так, в целях дальнейшей либерализации белорусской экономики, повышения ее конкурентоспособности и создания благоприятных условий для динамичного и устойчивого развития была принята Директива № 4, в которой впервые был озвучен принцип принятия решений в пользу субъектов предпринимательской деятельности в случае неясности или нечеткости актов законодательства во всех сферах правоотношений. Необходимость применения данного принципа получила свое отражение в Декрете № 7, который определил основной принцип взаимодействия бизнеса и государства — принцип презумпции добросовестности. Во исполнение Директивы № 4 и Декрета № 7 были приняты дополнительно нормативные правовые акты по предоставлению льгот и освобождения от налогов отдельных категорий плательщиков; по приданию налоговому законодательству характера, стимулирующего добросовестное исполнение обязательств по налогам и сборам; по обеспечению электронного документооборота в системе уплаты налогов.

Все эти мероприятия существенно повлияли на практику применения законодательства в области налоговых правоотношений.

Проанализируем, как принятие данных актов воздействовало на практику применения законодательства в области налоговых правоотношений.

С принятием Директивы № 4 государством начались предприниматься шаги для сближения с субъектами хозяйствования, в том числе и в сфере налоговых правоотношений. В частности, этот нормативный правовой акт направлен на предоставление льгот и освобождение от налогов отдельных категорий плательщиков; на обеспечение электронного документооборота в системе уплаты налогов; на придание налоговому законодательству стимулирующего добросовестное исполнение налоговых обязательств характера; плановые проверки в отношении добросовестно исполняющих обязательства перед бюджетом, а также не имеющих фактов нарушений законодательства субъектов предпринимательской деятельности должны проводиться не чаще одного раза в пять лет.

Важным является закрепление в подпункте 9.1 пункта 9 Директивы № 4 нормы о том, что «в случае неясности или нечеткости предписаний актов законодательства суды, другие государственные органы и иные государственные организации, должностные лица принимают решения в пользу субъектов предпринимательской деятельности и граждан».

Принцип презумпции добросовестности отражен также в Налоговом кодексе в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 30.12.18 г. № 159-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь», что на законодательном уровне дает возможность бизнес-сообществу опереться на законодательную базу.

После принятия Декрета № 7 экономические суды стали исходить из того, что недобросовестность налогоплательщика должна быть установлена безусловными и однозначно истолковываемыми доказательствами. Действия субъекта хозяйствования, направленные на получение налоговой выгоды, должны быть экономически оправданными, при этом сведения, содержащиеся в налоговых декларациях и бухгалтерской отчетности, — достоверными. Доказательства обоснованности возникновения у него налоговой выгоды наряду с доказательствами налоговых органов, характеризующими обратное, должны быть исследованы судом.

В настоящий момент можно воспользоваться положениями пункта 1 статьи 13 Налогового кодекса: «Термины гражданского и других отраслей права, используемых в нем, применяются в тех же значениях, в каких они используются в этих отраслях права, если иное не установлено настоящим Кодексом».

Кроме того, утратил силу Указ Президента Республики Беларусь от 23.10.2012 г. № 488 «О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств», подвергавшийся критике бизнес-сообщества. Нормы, направленные на обеспечение полноты уплаты налогов, сегодня закреплены непосредственно в Налоговом кодексе (в ст. 33).

Правоприменительная практика по Указу № 488 была неоднозначной. Сегодня ситуация существенным образом изменилась, и суд устанавливает фактические обстоятельства хозяйственной операции, факт передачи товарно-материальных ценностей, невзирая на недочеты в оформлении первичного учетного документа, которым эта операция оформлена. Такой подход экономических судов к рассмотрению дел заставляет менять подходы к оценке действительности хозяйственной операции и контролирующие органы.

Меры по предупреждению налогового правонарушения предусмотрены в новой редакции Налогового Кодекса. Причем очевидным фактом является то, что государством взят новый курс в решении проблем, связанных с незаконной минимизацией сумм налоговых обязательств [5]. И это приведет к коренным изменениям в практике применения налогового законодательства.

Однако существенным недостатком действующего Налогового кодекса, в сравнении с Указом № 488, является отсутствие хотя бы намеков на порядок проведения корректировок налоговых обязательств плательщика, которым будут руководствоваться проверяющие. Но ведь плательщикам должно быть разъяснено, по каким критериям будет происходить оценка сделок, и каким образом будет оцениваться ее цель. Целесообразно будет определить схемы взаимодействия субъектов хозяйствования, виды сделок, при использовании которых проверяющими органами будет сделан вывод о том, что основной целью является неуплата налога.

В связи с отсутствием критериев закрепления их на законодательном уровне можно предположить, что подходы к проведению корректировок будут вырабатываться практикой применения, в т. ч. судебной, а также надеяться, что формирование правоприменительной практики по ст. 33 Налогового кодекса на данном этапе не получит широкого применения.

В действующем Налоговом кодексе представлен расширенный перечень основных принципов налогообложения: законность, обязательность, равенство, справедливость и экономическая обоснованность налогообложения, презумпция добросовестности плательщика налогов, сборов (пошлин). Декретом Президента Республики Беларусь № 7 «О развитии предпринимательства» принцип добросовестности субъектов хозяйствования определен как один из основных принципов при взаимоотношениях государственных органов, их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Декрет № 7 предусматривает абсолютно полное изменение механизмов взаимодействия бизнеса и государства, сокращает вмешательство должностных лиц в работу хозяйствующих субъектов, усиливает механизмы саморегулирования бизнеса, его ответственность за свою работу перед обществом. При этом все же сохраняется минимально необходимый уровень контроля со стороны государства.

Абсолютным новшеством является то, что налоговый орган теперь не вправе взыскивать неуплаченный налог, если прошло 5 лет со дня, когда он должен быть уплачен (до вступления в силу Декрета № 7 налог мог быть предъявлен к уплате или взысканию за любой период).

Положения Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» включают: продление срока действия специального режима Парка высоких технологий, сохранение действующих льгот для компаний-резидентов Парка высоких технологий, включая отмену налога на прибыль, вместо него применяется взнос в 1 % от валовой выручки в пользу администрации Парка, расчет максимальных взносов в ФЧСЗН, исходя из размера средней заработной платы по стране, освобождение иностранных компаний, оказывающих маркетинговые, рекламные, консультационные и иные услуги резидентам Парка высоких технологий, от уплаты НДС, а также от уплаты налога на доходы, что способствует конкурентоспособности IT-продуктов отечественных компаний на внешних рынках.

Подводя итог, следует отметить, что для стабилизации нормативно-правового регулирования сферы налогообложения, сокращения количества правонарушений, связанных с уклонением от уплаты налогов, формирования единой судебной практики разрешения споров, касающихся вопросов добросовестности действий налогоплательщиков и своевременного обеспечения внесения налогов в государственный бюджет, на законодательном уровне нужно за-

крепить определение добросовестности налогоплательщика, обозначить такие критерии; определить схемы взаимодействия хозяйствующих субъектов, виды сделок, при использовании которых контролирующими органами будет сделан вывод о том, что их основной целью является неуплата налогов.

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой Представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 февр. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

5. Звороно Н. Ф. Реинкарнация Указа № 488 // Главный бухгалтер. 2019. № 4. С. 15–21. [Вернуться к статье](#)

УДК 346.57

ОСОБЕННОСТИ ОПЛАТЫ ТРУДА ВРЕМЕННЫХ (АНТИКРИЗИСНЫХ) УПРАВЛЯЮЩИХ

Н. В. Пушко

доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: natap1980@tut.by

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные составляющие доходов временных (антикризисных) управляющих, а также проведен анализ особенностей оплаты их труда и выплаты им вознаграждения, в зависимости от отнесения их к определенной категории.*

***Ключевые слова:** антикризисный управляющий, банкротство, экономическая несостоятельность, вознаграждение, оплата труда.*

***Annotation.** The article considers the main components of the income of temporary (anti-crisis) managers, as well as analyzes the features of their remuneration and remuneration, depending on their classification in a certain category.*

***Key words:** anti-crisis Manager, bankruptcy, economic insolvency, remuneration, remuneration..*

Эффективное развитие рыночных отношений в современных условиях невозможно без института банкротства в связи с тем, что угроза экономической несостоятельности является для субъекта хозяйствования таким же действенным стимулом для активизации его деятельности, как и возможность получить максимум прибыли. К сожалению, многие предприятия не справляются со сложными условиями работы в кризисные времена, поэтому в период банкротства или финансового оздоровления предприятия им руководит временный (антикризисный) управляющий, права и обязанности которого определены Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон № 415-3) [1].

Всех управляющих можно условно разделить на две категории, имеющих свои особенности в оплате труда.

I. «Частные» управляющие — юридические лица или индивидуальные предприниматели, назначаемые экономическим судом для реализации процедур банкротства негосударственных организаций. Порядок оплаты их работы установлен Положением о порядке назначения и выплаты вознаграждения временному (антикризисному) управляющему в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве), утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.02.2007 г. № 260 (далее — Постановление № 260) [2].

Если у должника достаточно имущества, то вознаграждение «частному» управляющему выплачивается за счет его средств и включает в себя следующие составные части:

1. Минимальное вознаграждение, ежемесячно начисляемое управляющему в размере 1 базовой величины за календарный день за выполнение своих обязанностей.

2. Дополнительное ежеквартальное вознаграждение, размер которого рассчитывается по формуле:

$$V_{де} = V_{\min \text{ кв}} \times \text{Пр}_{\text{сум}} / 100,$$

где $V_{де}$ — дополнительное ежеквартальное вознаграждение, руб.;

$V_{\min \text{ кв}}$ — суммарный размер минимального вознаграждения за квартал, руб.;

$\text{Пр}_{\text{сум}}$ — сумма процентов дополнительного ежеквартального вознаграждения, установленного по следующим основаниям в размерах: если среднесписочная численность работников у должника на конец квартала более 50 чел. — до 80 %; если стоимость имущества на балансе должника на конец квартала более 10 тыс. базовых — до 60 %; при возврате управляющим имущества должника — до 100 %; а при возврате управляющим имущества его собственникам — до 50 %; по иным основаниям, усложняющим выполнение обязанностей, — до 50 %.

Выплата производится ежеквартально после вынесения экономическим судом определения об установлении данного вознаграждения и его размере.

3. Дополнительное вознаграждение по итогам дела, зависящее от суммы удовлетворенных требований кредиторов, в размерах: 30 % от суммы денежных средств до 10 млн руб.; 3 млн руб. +20 % от суммы денежных средств от 10 млн до 50 млн руб.; 11 млн руб. и 10 % от суммы денежных средств от 50 млн до 100 млн руб.; 16 млн руб. и 5 % от суммы денежных средств свыше 100 млн руб.

В случае, если у должника вообще отсутствует имущество, то вознаграждение управляющему устанавливается судом в размере 15 базовых величин за каждое дело после завершения ликвидационного производства и выплачивается за счет средств республиканского бюджета, а если имущества только недостаточно, то вознаграждение будет установлено как разница между 15 базовыми и стоимостью имущества должника, предназначенного для выплаты вознаграждения.

II. «Государственные» управляющие (назначаются при банкротстве градообразующих или приравненных к ним госорганизаций, а также организаций с долей государственной собственности, субъектов хозяйствования, имеющих государственные и (или) международные заказы) — физические лица, с кото-

рыми государственным органом, представившим его кандидатуру со дня его назначения экономическим судом, заключается контракт.

Общеизвестно, что условия оплаты труда являются обязательными условиями контракта, но для управляющих они законодательством не определены: ни примерная форма контракта с временным (антикризисным) управляющим, установленная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 мая 2013 г. № 344 [3], ни Положение о размере и порядке выплаты заработной платы временным (антикризисным) управляющим, осуществляющим деятельность на основании контракта, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 января 2013 № 60 (далее — Положение № 60) [4], не содержат конкретных указаний о тарифном окладе, доплатах, надбавках и поощрительных выплатах.

Заработная плата управляющему определяется государственным органом, заключившим с ним контракт по следующей формуле:

$$ЗП_{упр} = ЗП_{нм} \times K_{кор},$$

где $ЗП_{упр}$ — заработная плата управляющему, руб.;

$ЗП_{нм}$ — номинально начисленная среднемесячная заработная плата работников Республики Беларусь, рассчитываемая Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в целом по республике, за месяц, предшествующий месяцу начисления, руб.;

$K_{кор}$ — коэффициент корректировки, значение которого и период установления, определяются государственным органом, который заключил контракт с управляющим. В зависимости от значимости и масштабов производства, численности работников должника и от процедуры экономической несостоятельности (банкротства) и данный корректирующий коэффициент дифференцируются в следующих пределах: защитный период — от 1,0 до 4,0; конкурсное производство — от 2,0 до 4,5; санация — от 3,0 до 4,5; ликвидационное производство — от 2,0 до 3,0.

При этом государственный орган может пересмотреть данный коэффициент в ходе производства по делу о банкротстве в зависимости от результатов деятельности управляющего.

Законодательно также установлено, что оплата труда управляющих производится ежемесячно вне очереди за счет средств должника. Если денежные средства у должника отсутствуют или их недостаточно, то выплаты управляющему производятся за счет средств соответствующего местного бюджета, с последующим их возмещением должником.

Все это значительно упрощает порядок начисления заработной платы «государственным» управляющим, но в то же время усиливают их зависимость от государственных органов, заключающих с ними контракты.

Поэтому, исходя из вышеизложенного, корректирующий коэффициент может рассматриваться в качестве показателя, выполняющего функцию надбавки как выплаты стимулирующего характера, с учетом характера и сложности труда управляющего при осуществлении определенной процедуры банкротства в отношении конкретного должника, но не связанной с результатами деятельности. В этом случае корректирующий коэффициент мог бы выполнять функцию премии, бонуса или ежемесячного вознаграждения, но такая практика отсутствует в связи с тем, что невозможно совместить в одном показателе функции надбавки, не связанной с конкретными результатами деятельности, и премии, зависящей от этих результатов.

Таким образом, в настоящее время оплата труда антикризисного управляющего — это многогранная проблема. При этом, если провести сравнение с Российской Федерацией, то там даже дело о банкротстве не будет возбуждено, если у предприятия-должника или у кредитора нет средств на выплату вознаграждения управляющему. Кроме того, арбитражные управляющие могут в рамках процессуального дела привлекать к работе дополнительных экспертов, для которых также предусмотрена оплата за счет средств должника.

Проанализировав составляющие расходов, связанных с деятельностью арбитражного управляющего в Российской Федерации, видно, что его денежное вознаграждение состоит из основного и дополнительного, что закреплено в самом Законе РФ о банкротстве. В Республике Беларусь только в проект закона от 2016 г. «О несостоятельности (банкротстве)» была включена норма о вознаграждении управляющего, а в действующем Законе № 415-З она не присутствует. Между тем отсутствие такой четко обозначенной законодательной нормы не позволяет сделать процедуру банкротства более открытой и прозрачной, что обеспечивается в том числе и наличием четко прописанного правила о выплате вознаграждения управляющему по результатам процедур банкротства.

Кроме того, существуют не достаточно четко урегулированные законодательством моменты по выплате дополнительного вознаграждения управляющему, которое в настоящий момент составляет 5 % от суммы погашенных требований. Но на практике суды эту норму часто игнорируют, уменьшая размер данного вознаграждения, руководствуясь тем, что норма о 5 % не отражена в Законе № 415-З. Все это дает возможность контролировать деятельность антикризисного управляющего не только регулятору, но и кредиторам.

Анализ проблем института антикризисного управления и банкротства позволяет сделать также вывод о том, что одной из причин банкротства многих предприятий является проблема «принципал–агент», сущность которой состоит в том, что в связи с процессами отделения функций управления предприятием от права собственности на ее активы объективно возникает конфликт интересов

юридических собственников компании (акционеров, государства) и ее менеджеров. Так, если собственник кризисного предприятия, выступающий в роли принципала, имеет своей целью выживание принадлежащей ему организации, восстановление ее эффективного функционирования и максимизации прибыли, то антикризисный управляющий (агент) может преследовать иные интересы и использовать свои полномочия для осуществления инсайдерских операций, не совпадающих с задачами возглавляемой компании.

Таким образом, действующая система оплаты труда временных (антикризисных) управляющих нуждается в совершенствовании. В ней не используются в полном объеме возможности стимулирования труда, предусмотренные трудовым законодательством. Повышение эффективности антикризисного управления в данном аспекте сводится к реализации мер по стимулированию управляющих действовать в интересах предприятия-банкрота, способного справиться с кризисом, и созданию институтов, препятствующих осуществлению инсайдерских операций. К числу таких мер можно отнести совершенствование системы оплаты труда временного (антикризисного) управляющего, связанное с переходом от повременной ее формы с дополнительными мерами, направленными на стимулирование возврата долгов, к получению им вознаграждения в процентах от чистой прибыли предприятия, прошедшего процедуру финансового оздоровления, что позволило бы нацелить управляющего на повышение эффективности функционирования предприятия в целом, а не только на выплату долгов кредиторам.

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З : в ред. от 24.10.2016 г., № 439-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты вознаграждения временному (антикризисному) управляющему в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 28 февр. 2007 г., № 260 : в ред. от 12.07.2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Примерных форм контрактов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 мая 2013 г., № 344 : в ред. от 20.12.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Положения о размере и порядке выплаты заработной платы временным (антикризисным) управляющим, осуществляющим деятельность на основании контракта [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 янв. 2013 г., № 60 : в ред. от 30.06.2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ СПОРЫ, ОСОБЕННОСТИ ИХ РАССМОТРЕНИЯ В СУДАХ И НЕСУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

М. В. Рыжкевич

специалист по обеспечению основной деятельности,
Региональный центр правовой информации Гродненской области
e-mail: mashenkaryzhkevich@gmail.com

***Аннотация.** Транспарентность (доступность, открытость, публичность, официальность, гласность), законность правосудия, имеющая свое закрепление в Конституциях большинства государств Европы и мира, выступает локомотивом развития современных высокотехнологических форм отправления правосудия. Конституция Республики Беларусь провозглашает, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» (ст. 2); «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» (ст. 22); «каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки» (ст. 60); «разбирательство дел во всех судах открытое» (ст. 114). Именно данные положения Основного Закона государства должны быть отправной точкой любых нововведений в судебную систему, в том числе и при разработке и закреплении концепции электронного правосудия.*

***Ключевые слова:** споры, суды.*

***Annotation.** Transparency (accessibility, openness, publicity, officiality, publicity) the legality of justice, which is enshrined in the Constitutions of most countries of Europe and the world, acts as a locomotive for the development of modern high-tech forms of administration of justice. The Constitution of the Republic of Belarus proclaims that “a person, his rights, freedoms and guarantees of their implementation are the highest value and goal of society and the state” (Article 2); “All are equal before the law and have the right, without any discrimination, to equal protection of their rights and legitimate interests” (Article 22); “Everyone is guaranteed the protection of his rights and freedoms by a competent, independent and impartial court within the time periods specified by law” (Article 60); “The proceedings in all courts are open” (Article 114). It is these provisions of the Basic Law of the State that should be the starting point of any innovations in the judicial system, including in the development and consolidation of the concept of electronic justice.*

***Keywords:** disputes, courts.*

Электронное правосудие понимается по-разному, как с теоретических, так и с практических позиций. Современные подходы к информатизации судебной власти, к внедрению информационных ресурсов и технологий в судебный процесс включают в себя несколько основополагающих аспектов, в основе которых лежат конституционные принципы судопроизводства. Одни из важнейших принципов доступности судебной защиты, законности и публичности,

состязательности и равноправия и открытости судопроизводства обеспечивают соблюдение конституционных гарантий каждому на защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом. Конституционные принципы правосудия могут быть рассмотрены сквозь призму преимуществ и проблем электронного правосудия.

Конституция гарантирует доступ к правосудию всем без исключения лицам [1]. Эффективность судебной системы как важнейшего института демократического социально-правового государства зависит не только от количества судей, их профессиональной подготовки, надлежащего финансирования и т. д., но и от активности граждан в защите своих прав, их приверженности правовым формам разрешения конфликтов. Подача заявлений и жалоб в суды через Интернет значительно упрощает процедуру обращения в суд, сокращая время доставки заявлений и расходов, в том числе в соответствии с международными договорами Республики Беларусь в международные суды и межгосударственные органы для защиты прав и свобод человека, если внутренние средства исчерпаны правовой защитой. Конституционный принцип доступа к судебной защите для всех гарантирует практически в любое удобное время для официального применения при соблюдении определенных правил компетентный орган, суд для защиты нарушенных прав и свобод с помощью интернет-технологий. Однако есть проблемы, которые могут быть полностью решены в будущем. Например, проверка подлинности обращения участников процесса. На данный момент проблема компенсируется обязательным предоставлением всех документов на традиционных бумажных носителях традиционными способами доставки. Ключом к эффективному функционированию электронного правосудия является внедрение автоматизированных информационных систем, которые позволяют суду принимать заявки к рассмотрению, информировать заявителей о защите и ходе рассмотрения дела.

Еще одним преимуществом является уведомление сторон с помощью электронных повесток (уведомлений, повесток). Проблемы надлежащего уведомления участников процесса возникают при установлении надежности доставки из-за отсутствия соответствующего правового регулирования, а также из-за отсутствия достоверных данных о прочтении электронной почты адресатом — физическим или юридическим лицом. С государственными органами, имеющими официальные веб-сайты и соответствующие электронные письма, проблема несколько ослаблена, но она не решается однозначно в законе.

Обязательным условием функционирования электронной системы правосудия в настоящее время является ведение дел как на знакомой бумаге, так и в электронной версии (все документы по делу отсканированы и внесены в базу данных, которая составляет электронную базу данных судебных органов). Пре-

имущества, конечно, включают очевидную экономию времени и денег, автоматизацию делопроизводства и сокращение технического персонала. В этом случае нет необходимости запрашивать дела в других судах, а также тратить деньги на копирование материалов. Кроме того, хранение файлов в электронном виде также способствует их более компактному и экономичному сохранению, образуя небольшой электронный архив, который не требует специальных условий хранения и защиты. Однако основной проблемой является вероятность утечки, фальсификации, повреждения, потери информационных ресурсов из-за несанкционированного доступа. В настоящее время при сканировании дел требуются определенные расходы, как в архивах судов, так и в новых делах. В целом доступ процессуальных сторон к ознакомлению с материалами дела был значительно упрощен, а возможности для эффективной судебной подготовки к рассмотрению дела были расширены.

При реализации этого аспекта электронного правосудия необходимо учитывать конфиденциальность определенной информации, содержащейся в материалах дела. Если вы откроете доступ к материалам дела для всех, то в некоторых случаях могут быть затронуты личные права человека, могут быть раскрыты коммерческие секреты субъекта предпринимательской деятельности или будет дискредитирована деловая репутация. В то же время необходимо соблюдать баланс между требованием обеспечить максимальную защиту прав участников процесса и принципом прозрачности процесса. Однако конфиденциальность судебных материалов может быть гарантирована, например, с помощью криптографических средств защиты информации (электронная цифровая подпись, открытые ключи / закрытые ключи) или путем «обезличивания» личной информации. Проблема заключается в отсутствии комплексных правовых мер, направленных на разработку единого национального подхода к определению стандартов раскрытия судебной информации, ограничений на доступность такой информации; наиболее подходящих механизмов для электронной публикации судебных актов и других принципиальных позиций в этом контексте.

Если бы было возможно ознакомиться с материалами дела через Интернет, участники процесса, а также другие заинтересованные стороны могли бы ознакомиться с судебной практикой в конкретной категории споров. Это также значительно облегчит доступ к материалам дела для всех заинтересованных сторон, включая студентов, практикующих юристов, правительственные учреждения и ученых, что окажет положительное влияние на подготовку кадров для системы правосудия, адвокатуры, правительственных учреждений и организаций. Принцип конкурентоспособности и равных прав сторон в процессе может быть реализован с использованием доказательств в электронной форме (электронных доказательств), что дает сторонам равные возможности для защиты

защищаемых ими прав. Проблема заключается в отсутствии законодательно установленной процедуры применения основных положений процессуального института доказывания к электронным средствам доказывания. Сегодня нет возможности аутентификации и идентификации электронных доказательств при условии, что они допустимы в качестве доказательств в процессе. Преимущества использования информационных ресурсов и технологий в процессе доказывания очевидны, но законодательная деятельность государства и теоретические разработки ученых все еще находятся на начальной стадии решения проблем доказывания с использованием электронных средств.

Конституционный принцип открытого судебного разбирательства воплощен в консолидации судебного разбирательства на цифровых камерах и микрофонах, установленных в зале суда. Таким образом, все, что происходит во время судебного разбирательства, записывается в виде судебного аудио-, видеопотока. В случае установки специального автоматического оборудования фальсификация результатов видеозаписи становится практически невозможной. Из недостатков следует отметить высокую стоимость оборудования. Открытое судебное разбирательство дела через Интернет без непосредственного вызова сторон в суд — это высшая стадия электронного правосудия и фактически представляет собой формирование так называемого электронного суда (cybercourt, e-court). Это, конечно, самый прогрессивный, но самый дальний этап от внедрения электронного правосудия, требующий значительной подготовки как сотрудников, так и сторон, участвующих в деле, а также наличия генерируемых электронных ресурсов и доступных высоких технологий для всего населения. Преимущества этого этапа невозможно переоценить: все процессуальные действия выполняются с использованием Интернета, партия также узнает о действиях процессуального противника из сети, значительной экономии времени и денег, доступности и открытости судебного правосудия в любом уголке. Несомненным преимуществом является усиление антикоррупционного компонента электронного правосудия из-за отсутствия реальной возможности коррумпированного влияния на судей. Проблемы также значительны, решение которых связано с финансово-экономическим положением государства, его электронной готовностью и развитием соответствующей правовой базы.

Учитывая общеправовой принцип законности, вытекающий из положений Конституции, вся судебная деятельность основана на соблюдении закона, его применении в целях восстановления нарушенного закона. Суд применяет как материальное, так и процессуальное право. Отсутствие правового регулирования электронного правосудия фактически является ограничивающим фактором для развития прогрессивных и востребованных, как показывает практика, форм судопроизводства и судебной системы в целом.

Комплексный анализ состояния информатизации белорусского правосудия как современной основы конституционных гарантий судебной защиты свидетельствует о положительных тенденциях развития технической составляющей этого процесса.

На основании правового анализа Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь сделан вывод о недостаточности правовых знаний по вопросам государственного управления процессом сбора и использования информации, формирования национального информационного ресурса [2]. В настоящее время нет систематического анализа потребностей гражданина, общества и государства в электронных услугах. Эта проблема остро стоит и в судебной системе Республики Беларусь. Конечно, по сравнению с традиционно представленной информацией на бумаге наблюдается рост доминирования электронных информационных ресурсов и информационно-коммуникационных технологий, что создает нежелательные конфликты в правовом регулировании судебного процесса.

Важность внедрения информационных ресурсов и технологий в судебную систему и исполнительное производство также подчеркивалась в документах Второго международного форума судейского сообщества по судебной защите прав, который состоялся в Минске 22 февраля 2012 года.

Официальные веб-сайты представлены в сегменте национальной правовой информации судебной системы Республики Беларусь: веб-сайт Конституционного Суда (<http://www.kc.gov.by/>), веб-сайт Верховного Суда (<http://www.supcourt.by/>), а также областные суды и города Минска. До недавнего времени действовал самый «продвинутой» сайт Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (<http://court.gov.by/>) и хозяйственных судов областей и города Минска.

Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» определены тенденции развития общих судов Республики. В Беларуси действуют фиксированные условия, в соответствии с которыми, в частности, необходимо обеспечить: разработку специального банка данных судебных решений, интегрированных в информацию-поисковую систему «ЭТАЛОН», для судов, прокуроров, адвокатов, других организаций и граждан [3].

Правовые проблемы электронного правосудия также носят трансграничный характер, решение которых во многом зависит от правовой системы государства, традиционных форм осуществления правосудия, электронной готовности страны и т.п.

В настоящее время в Беларуси наблюдается активное, но, к сожалению, эпизодическое формирование законодательства в сфере информатизации су-

дебной власти. Прежде всего, следует признать отсутствие теоретически обоснованной системы правового регулирования электронного правосудия (electronic justice), что создает проблемы правоприменительной и судебной практики в части единообразного и унифицированного судебного процесса.

Серьезно стоит вопрос об идентификации в широком смысле субъектно-объектного состава правоотношений в системе «электронного правосудия». Требуют проработки такие новые правовые категории, как электронный правовой статус и электронный правовой режим элементов структуры правоотношений в сфере отправления правосудия на основе информационных технологий.

Правовая защита информационных ресурсов и технологий электронного правосудия должна быть ориентирована на обеспечение информационной безопасности судебной системы в целях предоставления оперативного доступа к целостной, актуальной, достоверной и непротиворечивой судебнопроцессуальной информации, как для внешних пользователей, так и для внутреннего использования. Важнейшая проблема, требующая быстрого разрешения, кроется в нормативно-правовом обеспечении конституционных принципов открытости и доступности электронного правосудия с учетом ограничения законом доступа к определенной информации (информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу, коммерческая тайна, государственные секреты, персональные данные, частная жизнь и т. п.). На повестку дня совещания по вопросу совершенствования деятельности судов и органов юстиции Главой государства поставлена задача реформирования судебной системы Беларуси посредством объединения системы хозяйственных судов с общими судами, выделения службы судебных исполнителей в самостоятельную государственную структуру и др., что, безусловно, окажет значительное прогрессивное влияние на формирование системы электронного правосудия с учетом накопленного положительного опыта Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. Это далеко не полный перечень проблем и задач, требующих эффективного правового регулирования в сфере электронного правосудия, позволяющего по-новому взглянуть на конституционные принципы судопроизводства. Использование информационных ресурсов и технологий в судебной деятельности объективно способно укрепить конституционные гарантии судебной защиты прав, свобод и законных интересов каждого.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996г. и 17 октября 2004 г.). Минск : Амалфея, 2007. 25 с. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19402875&p2={NRPA}> (дата обращения : 30.10.2019). [Вернуться к статье](#)

2. О национальной стратегии устойчивого развития [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 июня 2003 г., № 863 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 2013. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C20300863&p2=%7BNRPA%7D> (дата обращения: 30.10.2019). [Вернуться к статье](#)

3. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 2013. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21001174&p2=%7BNRPA%7D> (дата обращения: 30.10.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985.4

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

А. А. Рясов

профессор кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
e-mail: identifiks@mail.ru

***Аннотация.** Залогом успеха при расследовании преступлений является использование специальных знаний в ходе производства следственных действий. Одним из наиболее распространенных и значимых следственных действий является следственный осмотр. В этой связи статья посвящена техническим и тактическим вопросам применения специальных познаний при производстве следственного осмотра.*

***Ключевые слова:** расследование преступлений, следственный осмотр, осмотр места происшествия, специалист, специальные познания, технико-криминалистические средства и методы.*

***Annotation.** The key to success in the investigation of crimes is the use of special knowledge during the production of investigative actions. One of the most common and significant investigative actions is an investigative inspection. In this article, the article is devoted to technical and tactical issues of applying special knowledge in the production of investigative inspection.*

***Keywords:** investigation of crimes, investigative inspection, inspection of the scene, specialist, special knowledge, technical and forensic tools and methods.*

Обеспечение раскрытия и расследования преступлений — одна из основных задач правоохранительных органов, среди которых основной объем этого вида деятельности приходится на органы внутренних дел [1, с. 9–14]. Достижения научно-технического прогресса всегда выступали важнейшим источником совершенствования технико-криминалистических методов и средств получения, изучения и применения информации доказательного либо розыскного характера в различных целях. Улучшить степень эффективности, с которой реализуется изучение места совершения преступного деяния, можно за счет ликвидации разрыва между уровнем развития разработок научного характера, который является достаточно высоким, и уровнем знаний, которые непосредственно применяются при осмотре места происшествия (является низким).

С точки зрения направленности и содержания, криминалистическое обеспечение является взаимосвязанным с решением организационных, правовых, научно-технических, методических вопросов при расследовании преступных

деяний, которые взаимно обуславливают друг друга и развиваются без отрыва друг от друга.

Одним из наиболее важных источников получения доказательств является такое следственное действие, как следственный осмотр. Производство данного следственного действия зачастую сопряжено с использованием значительного количества технико-криминалистических средств и методов, что в свою очередь порождает необходимость привлечения к участию в осмотре специалистов, обладающих специальными познаниями.

Приборы поиска, средства фиксации следов и иной работы с ними, приборы освещения, фотографирующая и аналитическая техника — вот лишь неполный перечень видов оборудования, которое может использоваться при изучении обстановки на месте преступления. Рассматриваемое мероприятие следственного характера — одно из немногих, которое не поддается точному прогнозу номенклатуры технических средств, которые могут быть использованы при производстве работ. То, что конкретный прибор обязательно необходим для получения или фиксации соответствующей информации, может выясниться непосредственно в ходе осмотра. Именно поэтому одной из основных задач на подготовительном этапе является комплектация набора средств технического оснащения.

Большая номенклатура технических средств для обнаружения, фиксации следов или необходимых для проведения иных операций с найденными следами обуславливается разнообразием задач, которые нужно решить при изучении следов. Основные задачи в целях обнаружения оставленных на месте происшествия следов, для решения которых требуется техника криминалистического назначения, представляют собой:

- 1) поиск следов и иных доказательств вещественного характера;
- 2) предварительное исследование вещественных доказательств для определения того, относятся ли они к расследуемому событию и дают ли какую-либо ценную информацию о происшествии.

Чтобы применять технические средства при работе со следами непосредственно на месте, где было совершено преступное деяние, нужно осуществить тщательную подготовку, состоящую из принятия решения о выборе номенклатуры нужной техники, проверку пригодности выбранного оборудования к решению задач, с которыми предстоит столкнуться в ходе осмотра места происшествия, постановки перед специалистом в работе с криминалистической техникой конкретной задачи [2, с. 408].

В случае обнаружения на месте происшествия множества следов необходимо фиксировать все, даже если в последующем они не будут иметь отношения к делу.

Специалист при принятии решения о применении тех или иных технических средств должен понять, смогут ли выбранные средства криминалистической техники приблизить к достижению поставленных задач и целей, а также определить, будет ли работа на месте совершения преступления при условии использования технических средств выбранной номенклатуры более эффективной. Другими словами, специалист должен понять, будут ли избранные им технические средства полезными в работе. Если уверенности в этом нет, то лучше не пользоваться соответствующими техническими средствами, они будут только мешать решению задач [3].

Помимо всего прочего, специалисты обязательно должны учитывать при выборе перечня используемых средств факторы, потенциально способные исключать возможность применения технических средств (либо как-то препятствовать их функционированию). Возможные ограничения: трудности технического характера (например, в месте, которое нужно осмотреть, не имеется доступных источников питания для прибора), сложности организационного характера (например, во время проведения осмотра места совершения преступления специалист, умеющий использовать конкретный прибор, недоступен), сложности правового характера (средства, способные нанести урон здоровью или жизни человека, применяться не могут). Так, принимая решение о целесообразности использования того или иного вида техники, следователь должен понимать, какие меры потребуются предпринять, чтобы свести к нулю вероятность угроз жизни и здоровью людей, возникающих из-за работы прибора [4, с. 85].

Комплектация используемых технических средств — еще один важный момент, который обязательно должен быть учтен при подготовительных работах. Наиболее оптимальный вариант — применение передвижной лаборатории, в которой есть все необходимое техническое оснащение (в том числе сложные крупногабаритные устройства), однако использовать ее в силу объективных причин представляется возможным далеко не всегда. Более того, следователи, дознаватели испытывают сегодня проблемы даже с транспортным обеспечением при необходимости выезда на место происшествия.

Непосредственно на месте проведения исследования средства технико-криминалистического назначения комплектуются либо следователем, дознавателем, либо специалистом в области криминалистики, который должен быть участником этого процесса. Практически все наборы технических приспособлений, которые сегодня централизованно внедряются с целью их применения при изучении мест происшествий, разрабатывались так, чтобы быть универсальными (при их формировании принималась во внимание некоторая средняя потребность, которая мало изменяется в зависимости от особенностей проведе-

ния процедуры). Криминалистические чемоданы часто содержат предметы, которые не нужны при абсолютном большинстве криминалистических исследований, однако многие нужные приспособления в их состав не включены. Критерии для выбора инструмента и материалов, которые будут находиться в криминалистическом чемодане: вид преступления, которое было совершено, особенности проведения процедуры (его условия); характер специфичных для конкретного вида преступлений объектов (например, следов, которые удастся обнаружить при исследовании места преступления) [5, с. 188–193].

Далее рассмотрим требования тактического плана, предъявляемые к работе, связанной с обнаружением следов преступления. К их числу относятся:

а) тщательность и полнота;

б) неукоснительное соблюдение последовательности, в которой должны использоваться методы и средства, необходимые для обнаружения следов совершенного преступления или следов, оставленных преступником на месте происшествия.

Чтобы обнаружить следы, следует особенно внимательно осмотреть те участки, где преступник точно находился, а также те предметы, на которые он точно воздействовал. Как правило, именно эти объекты и места нахождения содержат следы лица, совершившего преступление. Кроме того, необходимо тщательно изучать предметы, которые, на первый взгляд, не видоизменились, однако какие-либо их признаки позволяют судить о высокой вероятности того, что они являлись объектами воздействия преступника.

В зависимости от того, какими свойствами обладают следы и поверхность, на которой они были обнаружены, используются различные средства и приемы работы с ними. Специалист в ряде случаев может ограничиться визуальным осмотром как самой поверхности, так и непосредственно обнаруженного следа, и этого может быть достаточно для получения нужной информации. В других случаях для извлечения необходимых сведений требуется использование технических приспособлений. Те средства и приемы, которые не видоизменяют объект (например, изменение условий освещения или визуальное изучение), применяются сначала. Если после этих методов была получена недостаточная информация, то применяются методы, в результате которых носитель следа или сам след видоизменяются (например, средства, которые окрашивают бесцветные следы рук). Если в арсенале специалиста имеется несколько методов обнаружения и изучения следа, причем каждый из них изменяет либо сам след, либо его носитель, то нужно выбирать такую последовательность методов изучения, которая позволяет свести к нулю отрицательное влияние на результативность (тем более возможность) предыдущих методов изучения на последующие.

ющие. Следы после обнаружения и до изъятия тщательно осматриваются следователем, дознавателем.

Таким образом, в связи с необходимостью применения в ходе следственного осмотра технико-криминалистических средств зачастую решающее значение для расследования преступления имеет наличие у субъектов технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия знаний о современных возможностях этих средств и оснований правильного выбора их совокупности в каждом конкретном случае проведения осмотра места происшествия [6, с. 163–165], что будет способствовать быстрому их развертыванию и применению на месте происшествия.

1. Аветисян А. Д., Чернова А. С. Особенности разрешения проблем следователем в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе : сб. ст. материалов межведомственного научно-практического круглого стола / под ред. А. Д. Аветисян. Ставрополь. 2016. С. 9–14.

[Вернуться к статье](#)

2. Бастрыкин А. И. Криминалистика. Техника. Тактика и методика расследования преступлений : учебник. М. : Проспект, 2011. С. 408.

[Вернуться к статье](#)

3. Демин К. Е. Некоторые аспекты организационной составляющей функционирования преступных формирований, специализирующихся в совершении заказных убийств // Современные тенденции и проблемы развития экономики, управления и права : сб. науч. трудов по материалам международной научно-практической конференции «Законодательство России и зарубежных стран: проблемы правоприменения» 31 мая 2014. Ставрополь: Ставропольский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС, Издательско-информационный центр «Фабула», 2014.

[Вернуться к статье](#)

4. Васильев А. Л. Осмотр места происшествия : учеб. пособие. М. : Изд. юрид. литер., 1960. С. 85.

[Вернуться к статье](#)

5. Мартынов А. И., Куфтерин А. Н., Рудавин А. А. Криминалистические особенности осмотра мест происшествий по фактам взрыва // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики сборник научных трудов, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Рязань, 2016. С. 188–193.

[Вернуться к статье](#)

6. Зайцева Е. А. Заключение специалиста — «Процессуальный клон»? // Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан : сб. ст. по материалам конференции. Казахстан, 2018. С. 163–165.

[Вернуться к статье](#)

УДК 343.5

**ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В КУРЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ
ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 173 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

А. П. Семинская

соискатель Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
старший следователь Сморгонского районного отдела
Следственного комитета Республики Беларусь
e-mail: seminskaya777@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена некоторым аспектам объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 173 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В статье высказываются предложения по расширению перечня деяний, которые могут быть отнесены к формам антиобщественного поведения. Обращается внимание на возможность установления при криминализации вовлечения в иные формы антиобщественного поведения административной преюдиции.*

***Ключевые слова:** вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение, аддиктивное поведение, спиртные напитки, криминализация, табакокурение, административная преюдиция.*

***Annotation.** The article deals with some aspects of the objective aspect of the crime provided for in article 173 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The article proposes to expand the list of acts that may be classified as forms of anti-social behaviour. Attention is drawn to the possibility of establishing administrative prelude in the criminalization of involvement in other forms of anti-social behaviour.*

***Keywords:** involvement of a minor in anti-social behavior, addictive behavior, alcohol, criminalization, tobacco smoking, administrative prelude.*

Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение является одним из компонентов комплексной системы преступных посягательств, установление ответственности за которые в Уголовном кодексе Республики Беларусь направлено на обеспечение охранительной функции уголовного права в отношении ребенка, нуждающегося, как это признано на международно-правовом уровне, в особой защите.

В статье 173 Уголовном кодексе Республики Беларусь дан исчерпывающий перечень антиобщественных действий. Термин «антиобщественный» определяется как «противоречащий общественным интересам, наносящий вред обществу». Приставка «анти-» обозначает направленность против чего-либо, борьбу с чем-либо, а также противоречие или противоположность чему-либо.

В криминологии понятие «антиобщественный» употребляется для обозначения осознанного человеком противоречия его поведения и личностных характеристик правам и законным интересам других лиц, а также общественным и государственным интересам. Разновидностью антиобщественного поведения является преступление как наиболее опасное для общества. В юридической литературе правильно отмечается, что не всякое общественно опасное поведение может оцениваться как антиобщественное. Примером является поведение невменяемого, который «сознательно не противопоставляет себя интересам общества, интересам других лиц» [1, с. 101–102].

Некоторые ученые полагают, что термин «антиобщественный» не может достаточно точно охарактеризовать такие явления, как систематическое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ. Так, Ю. Е. Пудовичкин считает, что указанное поведение несовершеннолетнего в первую очередь опасно для него самого, нежели для общества [2, с. 123–124]. По мнению Б. А. Мкртычяна, суть названных явлений более полно проявляет понятие «аддиктивное (отклоняющееся) поведение», которое уже достаточно прочно закрепилось в отечественной и зарубежной литературе [1, с. 104].

Другие ученые считают, что перечень уголовно наказуемых антиобщественных действий должен быть расширен. Так, В. Н. Зырянов высказывает точку зрения о том, что настало время криминализировать вовлечение несовершеннолетних в курение, что можно сделать путем дополнения соответствующей статьи. При этом следует изменить название статьи, дополнив его указанием на приобщение несовершеннолетних к действиям, порождающим вредные для духовного и физического здоровья привычки [3]. По мнению С. Ш. Ахмедовой, общественная опасность вовлечения малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность заключается в нарушении процесса формирования их личности, их права на правильное нравственное и психофизическое развитие, нормальный образ жизни. Соответственно, и перечень антиобщественных действий должен охватывать только такие из них, занятие которыми потенциально способно оказать негативное влияние на формирование личности малолетнего и несовершеннолетнего, развить у него асоциальные и антисоциальные свойства [4, с. 60]. Некоторые специалисты указывают, что не следует ограничивать в законе формы антиобщественного поведения, и предлагают в диспозиции статьи указать на иные формы антиобщественного поведения, за которые установлена уголовная или административно-правовая ответственность [5]. Отмечается, что оптимальной была бы дифференциация оценки общественной опасности вовлечения в различные формы антиобщественного поведения. С данной позицией согласна А. В. Осипьян, по мнению которой, необходимо установить наказуемость систематического скло-

нения несовершеннолетнего к иным формам антиобщественного поведения [6, с. 94].

К иным формам антиобщественного поведения можно отнести табакокурение как хроническую интоксикацию организма. Никотин, содержащийся в табаке, относится к классу наркотических соединений. Он не вызывает состояния эйфории, свойственного другим наркотическим веществам, но способность оказывать физическое и психическое привыкание у него такая же, как и у других наркотиков. Поэтому в международной классификации болезней табачная зависимость, наряду с алкогольной и наркотической, включена в категорию «Умственные и поведенческие расстройства, обусловленные использованием психоактивных соединений». Яды табака поступают в организм курильщика, в клетках тканей проявляется их разрушительное действие, однако многие курильщики на протяжении многих лет не чувствуют особых изменений в самочувствии. Коварство табакокурения заключается в том, что тяжкие последствия развиваются постепенно и незаметно для самого курильщика [7, с. 90]. Медицинские исследования указывают на явную связь табакокурения с такими заболеваниями, как рак и эмфизема легких, заболеваний сердечно-сосудистой системы, а также других проблем со здоровьем. По данным ВОЗ, за весь XX век табакокурение явилось причиной преждевременной смерти 100 миллионов человек по всему миру, а в XXI веке их число возрастет до миллиарда. Никотин является одним из веществ с сильным аддиктивным потенциалом [8]. В отличие от лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, люди, употребляющие табачные изделия, не склонны к антиобщественному поведению, правонарушениям. Основные негативные последствия табакокурения сводятся к влиянию на здоровье. Следует также отметить, что хотя большинство людей и считают курение социально приемлемой привычкой в обществе, однако для несовершеннолетнего это во многом акт протеста. А само состояние протеста, как известно, нередко предшествует правонарушениям [9].

Кроме того, вызывает беспокойство отсутствие ответственности за вовлечение в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ (например, снюс — вид табачного изделия, представляющий собой измельченный увлажненный табак, который помещают между верхней губой и десной на длительное время — от 30 до 60–70 минут, при этом никотин из табака поступает в организм) [10].

Установив исчерпывающий перечень уголовно наказуемых антиобщественных деяний, белорусский законодатель оставил без внимания иные формы антиобщественного поведения. Таким образом, на наш взгляд, назрела необходимость криминализировать вовлечение в иные формы антиобщественного поведения, в том числе вовлечение несовершеннолетнего в курение. Представля-

ется оправданным установление в данном случае административной преюдиции, что предполагает установление административной ответственности за вовлечение в иные формы антиобщественного поведения.

1. Мкртычян Б. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Челябинск, 2003. 172 л. [Вернуться к статье](#)

2. Пудовичкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 293 с. [Вернуться к статье](#)

3. Зырянов В. Н. попустительство преступлениям, посягающим на права человека и гражданина // Конституционные гарантии прав и свобод человека : сб. науч. ст. Ставрополь, 1999. С. 15. [Вернуться к статье](#)

4. Ахмедова С. Ш. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Волгоград, 2001. 196 л. [Вернуться к статье](#)

5. Миньковский, Г. М. Повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Летучих, А. И. Марцева. Омск, 1984. С. 45–47. [Вернуться к статье](#)

6. Осипян А. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов-н/Д, 2004. 183 л. [Вернуться к статье](#)

7. Гоголева А. В. Аддиктивное поведение и его профилактика. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во МПО «МОДЭК», 2002. 240 с. [Вернуться к статье](#)

8. Табакокурение — Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.m.wikipedia.org> (дата обращения: 25.07.2019). [Вернуться к статье](#)

9. Бровка Н. В. Совершенствование нормативного регулирования в сфере защиты несовершеннолетних от вовлечения в совершение антиобщественных действий // Юрист-Правовед. 2018. № 2 (85). С. 113–116. [Вернуться к статье](#)

10. Снюс — Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.m.wikipedia.org> (дата обращения: 25.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 341

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ С УЧЕТОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

Н. В. Сидорова

доцент кафедры правового регулирования
экономических отношений,
кандидат юридических наук, доцент,
Карагандинский экономический университет
Казпотребсоюза (Казахстан)
e-mail: nsidorova75@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные аспекты противодействия преступности на Евразийском пространстве. Предлагается модель перспективного институционального механизма сотрудничества в Евразийском экономическом союзе.*

***Ключевые слова:** Евразпол, Европол, противодействие преступности, полиция, международное сотрудничество, интеграция, Евразийское пространство, международный опыт.*

***Annotation.** The article discusses relevant aspects of combating crime in the Eurasian space. A model of a promising institutional mechanism for cooperation in the Eurasian Economic Union is proposed.*

***Keywords:** Euraspol, Europol, crime prevention, police, international cooperation, integration, Eurasian space, international experience.*

На Евразийском пространстве сотрудничество государств по противодействию преступности осуществляется на двусторонней и многосторонней договорной основе, а также в рамках институциональных механизмов, к которым можно отнести Содружество Независимых Государств (далее — СНГ), Шанхайскую организацию сотрудничества (далее — ШОС), а также иные механизмы. Именно обозначенные институты в современный период играют основную координирующую роль по противодействию преступности на Евразийском пространстве и являются эффективной формой сотрудничества государств.

Накопленный положительный опыт работы СНГ и ШОС по противодействию преступности имеет одну особенность — это координация деятельности правоохранительных органов и обеспечение их эффективного взаимодействия. В то же время остаются нерешенными проблемы более тесного взаимодействия правоохранительных органов на уровне прямых контактов.

Следует отметить, что в современный период все большую актуальность получает проблема противодействия преступности в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). В соответствии с уставными документами данного интеграционного объединения государств основными целями организа-

ции являются исключительно экономические формы сотрудничества и включают вопросы унификации и гармонизации законодательства в области гарантирования четырех свобод передвижения (товаров, капиталов, услуг и рабочей силы). В то же время данные свободы могут играть негативную роль в процессах транснационализации преступности. То есть «одновременно с этим будет создано единое евразийское пространство и для транснациональных криминальных структур с присущими им преступлениями: терроризмом, организованной преступностью, торговлей наркотиками, незаконной миграцией, преступлениями в сфере экономики и другими. Как следствие — возникают благоприятные условия для развития и роста преступности на едином евразийском пространстве» [1, с. 254].

Однако, исходя из особенностей функционирования ЕАЭС и его права, вопросы противодействия преступности не входят в повестку дня данной организации. В то же время имеющиеся договорные и институциональные формы сотрудничества государств по противодействию преступности СНГ или ШОС не могут распространяться автоматически на криминальные явления (правонарушения), совершаемые субъектами различных видов деятельности в ходе осуществления основных свобод ЕАЭС. В этой связи на повестке дня стоит вопрос о разработке эффективных механизмов противодействия преступности на пространстве ЕАЭС.

Это актуализирует проблему создания институционального механизма противодействия преступности в рамках дальнейшего развития и совершенствования Евразийского экономического союза — Евразийской полиции (далее — Евразпол). Необходимость создания нового механизма полицейского взаимодействия в рамках ЕАЭС обозначалась еще в 2012 году Н. А. Назарбаевым [2].

Сегодня в мире уже имеются примеры таких международных механизмов полицейской интеграции — Интерпол, Европол, Америкпол. Ранее автор исследовал имеющиеся модели полицейского взаимодействия и обосновал позицию, что наиболее приемлемой для создания Евразийской полиции будет модель Европейской полиции (далее — Европол) [3, с. 144]. Подобная модель Евразпола была предложена В. Ф. Гапоненко и В. В. Падалка [1, с. 255].

Полагаем, что новый механизм полицейского сотрудничества на Евразийском пространстве — Евразпол может быть сформирован при соблюдении следующих аспектов:

Во-первых, членство в Евразполе должно быть автоматическое для всех государств — членов ЕАЭС, без дополнительного подтверждения вступления в данную структуру.

Во-вторых, финансирование. По аналогии с Европоллом, который финансируется из общего бюджета Европейского союза, деятельность Евразпола не должна быть дополнительным финансовым бременем для государств — членов ЕАЭС. Данная «полицейская структура» должна быть полностью интегрирована в организационный механизм ЕАЭС, в том числе и по вопросам финансирования.

В-третьих, цели Евразпола должны быть направлены на: информационное сопровождение всех видов деятельности полиции по борьбе с преступностью; непосредственную оперативную поддержку при раскрытии и расследовании преступлений, а также экспертное сопровождение; координацию и коммуникационные технологии.

В-четвертых, функции Евразпола, исходя из обозначенных целей, должны включать:

- сбор информации, ее обработку и хранение, в случае необходимости анализ информации и ее предоставление заинтересованным сторонам;
- незамедлительное информирование заинтересованных сторон о фактах и событиях, которые затрагивают их интересы, в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений;
- оказание оперативной, процессуальной и координационной помощи в процессе раскрытия и расследования преступлений;
- обращение к компетентным органам государств с ходатайством о возбуждении уголовного дела, проведении расследования, создании совместных следственно-оперативных групп, координации расследования и по другим основаниям;
- оперативное сопровождение и помощь государствам при проведении крупных международных мероприятий;
- оценка имеющихся угроз в регионе, анализ оперативной обстановки, подготовка докладов, аналитических обзоров, отражающих состояние преступности [3].

В-пятых, организационная структура Евразпола должна строиться по классическому принципу и включать: орган управления; руководителя; специализированные структуры, занимающиеся борьбой с определенными видами преступлений (например, незаконная миграция, терроризм, коррупционные преступления и др); национальные представительства.

В-шестых, юрисдикция Евразпола, скорее всего, должна иметь наднациональный и экстерриториальный характер, то есть не ограничиваться юрисдикцией государства и государственными границами в случаях проведения мероприятий по горячим следам или иных оперативных разработок.

В-седьмых, рассмотреть механизмы оперативного и стратегического сотрудничества с другими международными организациями, а также третьими государствами, не входящими в ЕАЭС. В настоящий момент сложилась практика закрепления такого механизма сотрудничества на договорном уровне.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует отметить, что предложенная в статье модель Евразпола в большей степени коррелирует с моделью Европола. Полагаем, что это наиболее приемлемая концепция создания данного институционального механизма на Евразийском пространстве.

Сегодня вопрос о создании Евразпола и кооперации правоохранительных органов государств — членов ЕАЭС дискуссионный и потребует немало времени для воплощения данной идеи, однако объективная реальность диктует свои правила игры, главными игроками которой выступают криминальные структуры, с одной стороны, и правоохранительные органы — с другой.

1. Гапоненко В. Ф., Падалка В. В. Нужна ли Евразийская полиция (Евразпол) для единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза? // Экономические науки. 2015. № 12. С. 253–257. [Вернуться к статье](#)

2. Назарбаев Н. А. Социально-экономическая модернизация — главный вектор развития Казахстана : Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана, 27 янв. 2012 г. // Казахстанская правда. 28 янв. 2012 г. № 32 (26851). [Вернуться к статье](#)

3. Сидорова Н. В., Нургалиев Е. Е. Евразпол — перспективная площадка полицейского взаимодействия // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4–3. С. 144–148. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.98 (476)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В. П. Скобелев

доцент кафедры гражданского процесса и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет
e-mail: s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье исследуются некоторые вопросы подведомственности и подсудности дел, возникающих из налоговых правоотношений, в контексте разъяснений Пленума Верховного Суда. Автор обосновывает, что указанные разъяснения не в полной мере соответствуют действующему законодательству и практике его применения.

Ключевые слова: суд, подведомственность, подсудность, дела, возникающие из налоговых правоотношений.

Annotation. The article examines some issues of subject competence and jurisdiction of cases arising from tax legal relations in the context of clarifications of the Plenum of the Supreme Court. The author substantiates that these explanations do not fully comply with the current legislation and the practice of its application.

Keywords: court, subject competence, jurisdiction, cases arising from tax law-relations

19 декабря 2019 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление № 6 «О применении судами законодательства при рассмотрении экономических и гражданских дел, возникающих из налоговых правоотношений» (далее — постановление № 6). Постановление №6 содержит разъяснения по широкому кругу вопросов, связанных с рассмотрением судами экономической и неэкономической компетенции дел, возникающих из налоговых правоотношений, в том числе и по вопросам подведомственности и подсудности названных дел. Разъяснения по последнего рода вопросам обращают на себя особое внимание, поскольку не в полной мере отвечают действующему законодательству и практике его применения.

В п. 5 постановления № 6 приводится примерный перечень экономических и гражданских дел, возникающих из налоговых правоотношений, которые исходя из положений ст. 42 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК) и ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК), подведомственны судам, а именно дела «о признании недействительными полностью или частично решений налоговых, иных уполномоченных органов; о признании незаконными (неправомер-

ными) действий (бездействия) налоговых, иных уполномоченных органов, их должностных лиц; об оспаривании исполнительного или иного документа, по которым взыскание производится в бесспорном порядке; о взыскании налогов, сборов (пошлин), пеней, в том числе за счет имущества плательщика (иного обязанного лица); о возврате из бюджета сумм налогов, сборов (пошлин), пеней».

Приведенные положения изложены таким образом, будто каждая из входящих в указанный перечень категорий дел характерна одновременно и для гражданского, и для хозяйственного судопроизводства. Однако это не в полной мере соответствует действующему законодательству.

Так, дела «о признании недействительными полностью или частично решений налоговых, иных уполномоченных органов» (абз. 2 ч. 1 п. 5 постановления № 6) именно в такой редакционной формулировке присущи лишь хозяйственному судопроизводству, поскольку только ХПК использует оборот «признание недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица» (см. абз. 2 ст. 42, главу 25). В §6 главы 29 ГПК выражение «признание недействительным решения» не используется (но это не значит, что по правилам §6 главы 29 ГПК не могут обжаловаться решения госорганов, просто в судебной практике термин «действия», применяемый в §6 главы 29 ГПК, толкуется расширительно и охватывает собою также решения [1, с. 40–41]).

Дела же «о признании незаконными (неправомерными) действий (бездействия) налоговых, иных уполномоченных органов, их должностных лиц» (абз. 3 ч. 1 п. 5 постановления № 6) в терминологическом плане больше соответствуют гражданскому судопроизводству (см. терминологию §6 главы 29 ГПК), т. к. в ХПК речь идет о делах «об обжаловании действий (бездействия) государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица» (см. абз. 3 ст. 42, главу 25).

Изложенное свидетельствует о том, что приводить в постановлении № 6 перечень подведомственных судам дел, возникающих из налоговых правоотношений (по крайней мере дел абз. 2 ст. 42, главы 25 ХПК и дел §6 главы 29 ГПК), в целях обеспечения точности терминологии и исключения ошибок в правоприменительной практике следовало, по-видимому, отдельно для гражданского и отдельно для хозяйственного судопроизводства, а не посредством конструирования общих для обоих видов правосудия разъяснительных норм. В данном случае подобные обобщения недопустимы, т. к. они способны только ввести в заблуждение как судей, так и участников гражданских и экономических дел.

Попутно заметим, что аналогичная неточность была допущена Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь и в постановлении от 29 марта 2018 г. № 1 «О некоторых вопросах рассмотрения судами экономических и гражданских дел с участием таможенных органов» (далее — постановление № 1). Так, в ч. 1 п. 3 постановления среди подведомственных судам, согласно ст. 41, 42 ХПК и ст. 37, 335 ГПК, дел с участием таможенных органов тоже названы дела «о признании недействительным полностью или частично решения таможенного органа; о признании незаконными действий (бездействия) таможенного органа или его должностного лица».

Отдельно следует остановиться на делах, названных в абз. 4 ч. 1 п. 5 постановления № 6, — «об оспаривании исполнительного или иного документа, по которым взыскание производится в бесспорном порядке» (точно такая категория дел названа и в абз. 6 ч. 1 п. 3 постановления № 1). Термин «оспаривание» указывает на то, что все эти дела подлежат рассмотрению судами в исковом производстве, что сложно признать верным. Ведь если речь идет о несогласии плательщика с иным документом, по которому взыскание производится в бесспорном порядке (например, решением руководителя налогового органа о бесспорном списании средств со счетов организации), то такое дело подлежит рассмотрению по правилам главы 25 ХПК, о чем, собственно, указано даже в самом постановлении № 6 (по смыслу п. 12 постановления № 6 в соответствии с главой 25 ХПК в судебном порядке проверяется законность решений налоговых, иных уполномоченных органов, их должностных лиц в том числе о взыскании налогов, сборов (пошлин), пеней).

Если же плательщик желает оспорить исполнительный документ (под которым в первую очередь подразумевается исполнительная надпись нотариуса о взыскании с физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, задолженности по налогам, сборам и пошлинам), то требование заинтересованного лица, на наш взгляд, действительно подлежит разрешению в исковом производстве, но называться требование будет уже не «об оспаривании исполнительной надписи», а «о признании исполнительной надписи не подлежащей исполнению» (см. абз. 5 ст. 42 ХПК) или «о признании исполнительной надписи недействительной» (в случае, когда исполнительная надпись уже была исполнена). Примечательно, что далее по тексту постановления № 1 Пленум Верховного Суда соответствующие дела называет уже совсем иным образом, а именно, как дела «о признании не подлежащим исполнению исполнительного или иного документа, по которому списание производится в бесспорном порядке» для хозяйственного судопроизводства (ч. 3 п. 6 постановления № 1) и как дела «о признании недействительной исполнительной надписи нотариуса» для гражданского судопроизводства (ч. 2 п. 7 постановления № 1).

В ч. 2 п. 5 постановления № 6 сказано, что «законодательными актами к компетенции судов могут быть отнесены и иные дела, возникающие из налоговых правоотношений» (идентичное правило закреплено также в ч. 2 п. 3 постановления № 1: «Суды вправе рассматривать и другие категории дел с участием таможенных органов, если такие дела законодательными актами отнесены к подведомственности судов общей юрисдикции»). Получается, что подведомственность судов поставлена в полную зависимость от предписаний тех или иных законодательных актов: если в соответствующем законодательном акте прямо не оговорено право на обращение в суд по определенному делу (вопросу), затрагивающему интересы налогоплательщика, то такое дело судам не подведомственно. Подход очень сомнительный. Думается, что при определении подведомственности судов следует ориентироваться на норму ч. 1 ст. 60 Конституции, гарантирующую каждому судебную защиту его прав и свобод.

Аналогичная некорректность была допущена высшей судебной инстанцией и в п. 12 постановления № 6. Так, перечислив в ч. 1 п. 12 постановления № 6 наиболее часто встречающиеся на практике виды решений налоговых и иных органов, их должностных лиц, правомерность которых может быть проверена в судебном порядке (о приостановлении операций по счетам, электронным кошелькам, о наложении ареста на имущество и др.), Пленум Верховного Суда в то же время в ч. 2 п. 12 постановления № 6 указал, что законность других решений налоговых, иных уполномоченных органов, их должностных лиц может быть проверена судом «в случаях, предусмотренных законодательством». Получается, что иные решения (помимо названных в ч. 1 п. 12 постановления № 6) можно обжаловать в суде, только если это прямо допускает акт законодательства. Но такой подход как ограничивающий право налогоплательщиков на судебную защиту противоречит ч. 1 ст. 60 Конституции и применяться не должен.

В п. 8, ч. 1, 2 п. 9 постановления № 6 разъяснено, когда взыскание налогов, сборов (пошлин) должно осуществляться в нотариальном, а когда в судебном порядке. Положения ч. 1, 2 п. 9 постановления № 6 возражений не вызывают, поскольку они воспроизводят предписания абз. 2,3 ч. 2 п. 1 ст. 61, п. 1 ст. 65 НК. Более подробно необходимо остановиться на содержании п.8 постановления №6. В этом пункте внимание судов обращено на то, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, налогового обязательства по уплате налогов, сборов (пошлин) и пеней их взыскание осуществляется путем обращения налоговых органов к нотариусу с заявлением о совершении исполнительной надписи (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» (далее — Указ № 366)), а

в случае отказа нотариуса в совершении исполнительной надписи налога, сборы (пошлины) и пени подлежат взысканию с физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, в судебном порядке.

Фактически из смысла п. 8 постановления № 6 следует, что взыскать с индивидуального предпринимателя задолженность по налогам, сборам (пошлинам), пеням через суд можно только в том случае, если нотариус отказал в совершении исполнительной надписи по соответствующему требованию. Такой подход зиждется на позиции, которая была высказана Верховным Судом еще в разъяснении 2015 г. «Об отдельных вопросах судебной практики при взыскании денежных сумм» [2] (там говорилось, что если требование может быть удовлетворено путем совершения исполнительной надписи, то в исковом порядке в суде оно рассмотрению не подлежит в соответствии с ч. 2 ст. 164 ХПК). Между тем ХПК (в отличие от ч. 5 ст. 6 ГПК) не предусматривает запрета на обращение в суд, если у заинтересованного лица имеется возможность взыскания средств в нотариальном порядке. Не закреплено подобного ограничения и в Указе № 366 (п. 2 Указа № 366 запрещает судам рассматривать предусмотренные им требования лишь в порядке приказного производства). Поэтому мы полагаем, что в описанной ситуации у налогового органа в полной мере сохраняется право выбора формы защиты — обратиться за взысканием с индивидуального предпринимателя налоговой задолженности в суд или к нотариусу.

В ч. 1 п. 6 постановления № 6 содержится ошибочное утверждение о том, что «при определении подсудности экономических и гражданских дел, возникающих из налоговых правоотношений, судам следует руководствоваться правилами подсудности, установленными соответственно ХПК и ГПК». На основании правил подсудности, закрепленных в ХПК (ст. 48–53) и ГПК (глава 5), невозможно определить, какие дела подлежат рассмотрению в хозяйственном судопроизводстве (т. е. судами экономической компетенции), а какие — в гражданском (т. е. судами неэкономического профиля). Сделать это можно только с помощью правил ХПК (ст. 39–47) и ГПК (глава 4) о подведомственности. Другими словами, разграничение подсудности между судами экономической и неэкономической юрисдикции должно осуществляться на основе критериев, предусмотренных правилами о подведомственности [3].

Такой вывод обусловлен следующими обстоятельствами. Суды экономической компетенции (экономические суды областей, г. Минска, судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда) и суды неэкономического профиля (районные, городские, областные, Минский городской суды, судебные коллегии Верховного Суда по гражданским делам и по делам интеллектуальной собственности) при рассмотрении дел по первой инстанции руководствуются разными процессуальными регламентами — соответственно ХПК и ГПК. При-

знаки дел, которые подлежат разбирательству по правилам каждого из названных кодексов, оговорены в закрепленных этими кодексами нормах о подведомственности. Поэтому сфера применения ХПК и ГПК, а значит, и пределы компетенции (т. е. подсудность) разных типов судов могут быть разграничены только с помощью правил подведомственности.

Данный факт признает и сам Пленум Верховного Суда, поскольку при решении указанного вопроса обращается к правилам ГПК и ХПК о подведомственности, а не о подсудности. В частности, высшей судебной инстанцией было отмечено, что разграничение подсудности между судами двух разных типов должно осуществляться «с учетом субъектного состава участников и характера спорного правоотношения» (ч. 1 п. 6 постановления № 6) и что «дела с участием физических лиц, ранее обладавших статусом индивидуального предпринимателя, подсудны суду, рассматривающему экономические дела, ... в случаях, когда спорные налоговые правоотношения возникли из осуществлявшейся этими лицами предпринимательской деятельности» (ч. 2 п. 6 постановления № 6).

1. Скобелев В. П. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел, связанных с обжалованием действий государственных органов и должностных лиц в сфере земельных правоотношений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2019. № 1. С. 32–49. [Вернуться к статье](#)

2. Об отдельных вопросах судебной практики при взыскании денежных сумм // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: http://court.gov.by/ru/ekonomicheskij/sud/minskoj/oblasti/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/2a5d26cdc99f40bf.html (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Скобелев В. П. О некоторых вопросах разграничения подсудности гражданских и экономических дел на современном этапе развития правовой системы Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2019. № 3. С. 49–63. [Вернуться к статье](#)

УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ В РОССИИ

И. Н. Смирнова

профессор кафедры организации режима и ОРД в УИС,
доктор юридических наук, доцент,
Псковский филиал Академии ФСИН России
e-mail: irina_smi69@mail.ru

Л. Ю. Буданова

старший преподаватель кафедры организации режима и ОРД в УИС,
кандидат юридических наук,
Псковский филиал Академии ФСИН России
e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

***Аннотация.** В статье раскрываются актуальные вопросы организации и правового обеспечения правоохранительной деятельности в сфере исполнения наказания в виде принудительных работ в современных условиях. На основе результатов проведенного исследования предлагаются меры по их решению.*

***Ключевые слова:** исправительный центр, принудительные работы, законность в деятельности исправительных центров, трудоустройство осужденных к принудительным работам.*

***Annotation.** The article reveals the current issues of the organization and legal support of law enforcement in the field of the execution of sentences in the form of forced labor in modern conditions. Based on the results of the study, measures are proposed to address them.*

***Keywords:** correctional center, forced labor, legality in the activities of correctional centers, employment of convicts to forced labor.*

В настоящее время в числе приоритетных направлений деятельности территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний можно выделить исполнение нового вида наказания — принудительных работ [1]. Его правовая природа состоит в том, что это наказание выступает альтернативной лишению свободы мерой воздействия на преступника в случаях, предусмотренных уголовным законодательством, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, при этом рассматриваемое наказание назначается на срок от двух месяцев до пяти лет, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со статьей 80 УК РФ.

Закрепляется, что, если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами.

Специфика исследуемого альтернативного лишению свободы наказания предопределила выбор тех категорий лиц, которым этот вид нового наказания без изоляции от общества не назначается, так, законодателем установлено следующее: принудительные работы не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим.

Исследование позволяет констатировать, что в целях регламентации правоохранительной деятельности в области исполнения нового вида наказания в виде принудительных работ подготовлен и издан ряд нормативных правовых актов, однако в настоящее время с учетом выявленных пробелов в указанной области принимаются меры, связанные с совершенствованием нормативно-правового обеспечения функционирования специализированных государственных органов в сфере исполнения этого альтернативного лишению свободы вида наказания [2, с. 12].

Как показывает анализ практики исполнения принудительных работ и данных официальной статистики, для обеспечения эффективности правоохранительной деятельности в исследуемой сфере требуется решение ряда проблем, в частности, таких как:

1. Незанятость осужденных трудовой деятельностью, при этом важно отметить, что смысл рассматриваемого наказания состоит именно в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Кроме того, предусматривается производство удержаний из заработной платы осужденного в размере 5–20 % (этот факт определяет некоторую схожесть принудительных работ с другим наказанием, не связанным с лишением свободы, — исправительными работами).

Можно выделить несколько причин непривлечения осужденных к принудительным работам к труду, в частности:

- 1) отсутствие у осужденных документов, необходимых для трудоустройства. На практике также отмечаются случаи отсутствия каких-либо сведений о состоянии здоровья осужденных к принудительным работам, некоторые осужденные по прибытии в исправительный центр не имеют полиса обязательного медицинского страхования.

Этот факт, наряду с проблемой отсутствия иных необходимых документов, отрицательно сказывается на результативности процесса трудоустройства осужденных и соответственно достижении цели наказания в виде принудительных работ, а также на реализации права таких лиц на социальное, медицинское

обеспечение и страхование, в том числе на получение пенсий и социальных пособий;

2) отказы организаций в приеме осужденных на работу, приводящие к невозможности длительного трудоустройства осужденных [3, с. 14–15].

С учетом изложенного можно констатировать, что в дальнейшем решение указанной проблемы может обусловить необходимость уточнения организационно-правовой формы организаций и объектов, где могут отбывать наказание осужденные к принудительным работам.

2. Организационного характера, обусловленные, в частности, изменениями федерального законодательства [4], которые привели к значительному расширению практики применения судами замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами и соответственно существенному росту количества осужденных этой категории.

Таким образом, в целях эффективной реализации задач по исполнению принудительных работ потребуется расширение сети исправительных центров, в том числе создание нескольких в рамках одного региона. В свою очередь, это обусловит необходимость дополнительных бюджетных ассигнований, которые потребуются для осуществления строительных и ремонтных работ для открытия исправительных центров в регионах.

3. Связанные с соблюдением законности в деятельности специализированных государственных органов в заявленной сфере деятельности.

Это обусловлено тем, что имеются нарушения, касающиеся вопросов трудоустройства осужденных к принудительным работам и в итоге вопросов, связанных с выплатами заработной платы, производством из нее удержаний в доход государства, а также с возмещением расходов по содержанию осужденных [5, с. 19–20].

В заключение отметим, что решение этого вопроса можно обеспечить:

1) благодаря соответствующим образом организованному ведомственному контролю за деятельностью исправительных центров, который по праву считается важным условием эффективности их функционирования. В управленческой деятельности контроль выступает прежде всего как самостоятельная функция процесса управления, иными словами, как вид управленческой деятельности субъекта управления, осуществляемой при решении всех управленческих задач.

В этом случае, будучи функцией управления, контроль направлен в конечном счете на повышение устойчивости функционирования специализированных государственных органов применительно к рассматриваемой нами сфере правоохранительной деятельности, позволяет оценить выполнение сотрудниками работы, выявить отклонения в их деятельности и на этой основе внести

необходимые коррективы, поскольку процесс управления в исправительных центрах как в сложной социальной системе осуществляется в постоянно изменяющихся условиях внутренней и внешней среды и нуждается в адекватном реагировании в каждом конкретном случае.

В практической деятельности в рамках контроля следует учитывать, что повышению результативности контрольной деятельности во многом способствует подход, направленный на срабатывание системы контроля лишь в случае заметных отклонений от стандартов, что, однако, сопряжено именно с установлением по-настоящему важных отклонений.

В специальной литературе имеется методика по определению критических точек, заслуживающих особого внимания, реализация которой предусматривает установление показателей, отражающих наилучшим образом цели конкретного подразделения; признаков, позволяющих судить о невыполнении целей; оптимальных методов оценки серьезных отклонений; источников и способов получения необходимой информации о лицах, которые несут ответственность за определенные неполадки; для каких данных сбор информации экономически оправдан. Не меньшее значение, как показывает практика, имеет качество контрольной информации;

2) благодаря тщательному рассмотрению актов прокурорского реагирования, а также каждого факта нарушения законности в деятельности исправительных центров с дальнейшей выработкой мер по выявлению причин и устранению условий, способствующих таким нарушениям;

3) в рамках систематического проведения совместных с органами внутренних дел совещаний по проблемам взаимодействия. Важно отметить, что большое значение в эффективности межведомственного взаимодействия играют принципы, на основе которых оно строится: принцип законности (закреплен в Конституции Российской Федерации); принцип компетенции (его сущность состоит в предоставлении, с одной стороны, возможности каждой стороне в пределах своей компетенции принимать по своему усмотрению любые решения по использованию имеющихся ресурсов на любых условиях, с другой — недопустимости ими в рамках совместной деятельности ущемлять инициативу друг друга, поскольку нарушение этого принципа может привести на практике к нарушениям законности). Его соблюдение позволяет осуществить правильную оценку деятельности, а также выделить лиц, ответственных за решение конкретных задач, способствует повышению эффективности функционирования в нашем случае исправительных центров; принцип научности (важно акцентировать внимание на том, что он, однако, имеет определенные особенности применительно к функционированию специализированных государственных органов — исправительных центров); принцип максимального использования возможно-

стей субъектов взаимодействия (предполагает на основе предварительного изучения учет имеющихся сил и средств субъектов взаимной работы, а также ожидаемого результата их деятельности);

4) благодаря совершенствованию ресурсного обеспечения исправительных центров, в том числе кадрового обеспечения;

5) за счет более тщательного подхода судов к избранию наказания в виде принудительных работ как альтернативы лишению свободы, основанного на твердой убежденности суда в возможности подсудимого исправиться без изоляции от привычной социальной среды, но в условиях применения соответствующего исправительного воздействия и мер реагирования;

6) благодаря усилению ответственности осужденных к принудительным работам. В настоящее время закрепляется ответственность осужденного к принудительным работам за уклонение от отбывания принудительных работ либо при признании его злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ: в этих случаях неотбытая часть наказания заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ;

7) за счет организации должным образом информационного обеспечения правоохранительной деятельности в сфере исполнения принудительных работ. Его целевое предназначение можно обозначить как обеспечение эффективной системы, предусматривающей сбор, обработку, анализ, распределение и хранение информации, которая требуется для качественной реализации задач, стоящих перед указанной системой. Применительно к правоохранительной деятельности исправительных центров необходима и создается собственная система информации (совокупность всех видов информации, используемой в процессе управления специализированными государственными органами); соответствующим образом организованные информационные связи, позволяющие обеспечить целесообразное движение потоков информации в исправительных центрах; средства и формы организации информационного процесса;

8) за счет обеспечения высокого уровня подготовки кадров, исполняющих наказание в виде принудительных работ.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон, 7 дек. 2011 г., № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362. [Вернуться к статье](#)

2. Честно и добросовестно служить Закону и народу! (интервью с начальником УО-ИНИО ФСИН России Е. А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 5. С. 3–14. [Вернуться к статье](#)

3. Лукьянец Е. В. Основные итоги деятельности по исполнению уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией

осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России, 19–21 июля 2017 г., г. Пушкин. Пушкин, 2017. С. 5–16. [Вернуться к статье](#)

4. О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 дек. 2018 г., № 540-ФЗ // Pravo.gov.ru. URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/552050439/modid/99>. (дата обращения: 30.01.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Савосин В. М. Практика прокурорского надзора за исполнением наказаний без изоляции от общества // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России, 19–21 июля 2017 г., г. Пушкин. Пушкин, 2017. С. 17–22. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.01

ИНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Соколов

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России
e-mail: sasha_sokol95@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются некоторые основания освобождения от отбывания наказания, подпадающие под понятие «иные». Проводится сравнительный анализ законов России и Беларуси, регулирующих уголовно-исполнительные правоотношения. Выявляются проблемные вопросы правоприменения и пути их решения.*

***Ключевые слова:** освобождение от уголовного наказания, иные основания освобождения от отбывания наказания, Модельный уголовно-исполнительный кодекс стран — участниц СНГ.*

***Annotation.** This article discusses some grounds for exemption from serving a sentence that fall under the concept of «other». A comparative analysis of the laws of Russia and Belarus regulating penal relations is carried out. Problematic issues of law enforcement and ways to solve them are identified.*

***Keywords:** exemption from criminal punishment, other grounds for exemption from serving a sentence, model penal code of the CIS member States.*

Неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина является одной из целей создания Союзного государства Российской Федерации (далее — РФ) и Республики Беларусь [1]. Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство рассматриваемых государств предусматривает важные принципы применения норм права, такие как законность, справедливость, гуманизм, равенство граждан перед законом, рациональное применение мер принуждения (ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ), ст. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее — УИК Республики Беларусь)). В РФ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС РФ) до 2020 года [2] и Концепции федеральной целевой программы «Развитие УИС (2017–2025 годы)» [3] предусматривают курс на гуманизацию отбывания наказания.

Институт освобождения от наказания имеет большое социальное значение, заключающееся в возможности корректировать объем уголовной репрессии. Как отмечает Л. В. Яковлева [4, с. 3], он является одним из способов даль-

нейшей гуманизации уголовного права. Институт освобождения от отбывания наказания закреплен в главах 21 УИК рассматриваемых стран. При формировании национальных законодательств РФ и РБ были использованы как международные нормы, так и научные разработки исторического предшественника — СССР. Также следует отметить положения Модельных УК [5] и УИК [6] стран-участниц СНГ, которые были использованы при разработке соответствующих национальных кодексов. Данные документы носят рекомендательный характер, при этом в должной степени учитывают особое географическое, политическое положение, историческое развитие и свой специфичный менталитет народов, проживающих в рассматриваемых государствах.

Пункт 7 ст. 172 Модельного УИК стран — участниц СНГ указывает, что освобождение возможно и по иным основаниям, предусмотренным законом. Данная формулировка предполагает открытый перечень таких оснований. Бланкетный характер изложения позволяет применять нормы, не указанные в вышестоящих пунктах ст. 172. Таким образом, понятие «иные основания освобождения от отбывания наказания» нормативно не закреплено, что в совокупности с различными формулировками смежных терминов и их разнообразным толкованием (легальным и доктринальным) порождает определенные правовые коллизии.

Законодатель в Республике Беларусь вышеуказанное обстоятельство попытался решить путем введения предела такой формулировки. Так, институт «иных оснований освобождения от отбывания наказания» ограничен Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь). Однако, как указывает В. С. Шабаль, «на практике возникают определенные сложности, так как правоприменители ... не всегда правильно понимают какой нормой руководствоваться...» [7, с. 259] вследствие разнородности формулировок при определении терминов «досрочное освобождение» и «освобождение от отбывания наказания». В РФ применительно к рассматриваемой группе норм права официального толкования в виде постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее — ПП ВС РФ), иных федеральных законов и подзаконных нормативно-правовых акта недостаточно для конкретизации института иных оснований освобождения от отбывания наказания. Существующие доктринальные разъяснения в виде комментариев к УИК РФ, на наш взгляд, имеют несистемный характер и требуют дополнения, расширения и приведения к общему виду. Так, под иными основаниями освобождения от отбывания наказания в РФ понимаются:

1) изменение уголовного закона, которое улучшает положение осужденного (ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ));

2) освобождение от отбывания оставшейся неотбытой части наказания лиц, к которым ранее была применена отсрочка отбывания наказания (ч. 3 ст. 82 УК РФ, ч. 3 ст. 82.1 УК РФ);

3) постановление прокурора об освобождении из мест лишения свободы лица, содержащегося там без законных оснований (ч. 2 ст. 33 Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ»));

4) отмена приговора с прекращением уголовного дела (гл. 18 УПК РФ);

5) освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ);

б) освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ).

Таким образом, в отличие от законодательства Республики Беларусь в РФ возможно освобождение от отбывания наказания и по основаниям, предусмотренным в иных нормативно-правовых актах.

Значительная часть оснований для освобождения от отбывания наказания в законодательстве двух стран имеет аналогичную правовую природу: схожие институты условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом, освобождение вследствие амнистии, помилования, тяжелой болезни или инвалидности, истечения сроков давности обвинительного приговора, отсрочка отбывания наказания с последующим освобождением. Следует обратить внимание на специфичные основания освобождения от отбывания наказания, предусмотренные УК Республики Беларусь и регулирующие освобождение от отбывания наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств. В соответствии со ст. 94 УК Республики Беларусь «лицо, осужденное за преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от наказания, если ввиду пожара или стихийного бедствия, тяжелого заболевания или смерти единственного трудоспособного члена семьи или других чрезвычайных обстоятельств его отбывание наказания способно повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи». Данное основание освобождения от отбывания наказания в законодательстве РФ отсутствует. При этом ст. 398 УПК РФ закреплено право осужденных на отсрочку исполнения приговора в связи с «тяжкими последствиями...», вызванными пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами». Следует отметить, что срок такой отсрочки не может превышать 6 месяцев. Характер разрушений от стихийных бедствий может быть значительным, и время для восстановления утраченных материальных ценностей, необходимых для нормальной жизнедеятельности, фактически может превы-

шать период отсрочки, а восполнить утрату единственного кормильца (помимо осужденного, которому отсрочено исполнение наказания) невозможно. Учитывая вышеизложенное, а также принимая во внимание закрепленные в законодательстве РФ принципы гуманизма, справедливости, рационального применения мер государственно принуждения, представляется возможным рассмотреть вопрос о введении иного основания освобождения от отбывания наказания в РФ — освобождение вследствие чрезвычайных обстоятельств.

Еще одним специфичным для УК РБ является положение об осуждении с отсрочкой исполнения наказания. Применительно к рассматриваемому нами институту освобождения от отбывания наказания отметим п. 1 ч. 7 ст. 77 УК Республики Беларусь: «По истечении срока отсрочки исполнения наказания суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, или по заявлению осужденного в зависимости от его поведения в течение установленного судом срока отсрочки исполнения наказания может освободить осужденного от назначенного по приговору суда наказания, если в период отсрочки осужденный законопослушным поведением доказал свое исправление. В этом случае осужденный освобождается от отбывания дополнительных наказаний». Данная норма предусматривает обязательное освобождение от отбывания дополнительного наказания. В УК РФ нет аналогичной нормы. При этом в ПП ВС РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» закреплено, что при условно-досрочном освобождении от основного наказания осужденного, которому было назначено дополнительное наказание, либо замене неотбытого наказания более мягким видом наказания судам надлежит обсуждать вопрос о возможности освобождения осужденного полностью или частично и от дополнительного наказания. В РФ вопрос об освобождении от дополнительного наказания подлежит рассмотрению судами. Данное обстоятельство идет в разрез с принципом рационального применения мер карательного воздействия государства, так как после принятия решения об освобождении от дальнейшего отбывания наказания государство имеет возможность и дальше применять к гражданину «меры» уголовной ответственности.

Ограничение пределов применения оснований освобождения от отбывания наказания только Уголовным кодексом в п. 7 ст. 186 УИК Республики Беларусь может также породить определенные правовые противоречия. Так, ч. 3 ст. 35 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» закрепляет обязанность надзирающего прокурора «немедленно освободить своим постановлением лиц, незаконно содержащихся под стражей и в лечебно-трудовых профилакториях, отбывающих наказание в виде

ареста, ограничения свободы, лишения свободы, пожизненного заключения...». Налицо конкуренция правовых норм.

Таким образом, несмотря на значительное сходство в правовом регулировании института освобождения от отбывания наказания в РФ и Республике Беларусь, существуют специфичные для каждой из стран иные основания. С учетом вектора на дальнейшее развитие Союзного государства РФ и Республики Беларусь ученым обоих государств следует продолжить подробно изучать коллизии в правовом регулировании и пробелы в практике применения различных институтов уголовного и уголовно-исполнительного права. Совместное исследование проблем позволит найти положительные возможности для их решения в будущем.

1. О создании Союзного государства [Электронный ресурс] : Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения 10.02.2020).

[Вернуться к статье](#)

2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации, 14 окт. 2010 г., № 1772-р // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения 10.02.2020).

[Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации, 23 дек. 2016 г., № 2808-р // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения 10.02.2020).

[Вернуться к статье](#)

4. Яковлева Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2002. 196 с. [Вернуться к статье](#)

5. Модельный Уголовный кодекс (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ постановлением № 7–5 от 17 февраля 1996 года) // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/2566472/> (дата обращения 10.02.2020).

[Вернуться к статье](#)

6. Шабаль В. С. Некоторые вопросы досрочного освобождения осужденных в Республике Беларусь и Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(1–4). № 3. С. 257–262. [Вернуться к статье](#)

7. Модельный Уголовно-исполнительный кодекс для государств-участников СНГ (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 2 ноября 1996 г.) // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/2566934/> (дата обращения 10.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 346.3

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНЦЕССИОННОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. В. Становая

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: my_jobbox@tut.by

***Аннотация.** Статья посвящена анализу современного опыта внедрения и правового регулирования государственно-частного партнерства на основе концессий на примере стран с высокоразвитой экономикой: Англией, Францией, США. Сделан вывод о необходимости использования наиболее перспективных концессионных схем в национальном законодательстве Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** государственно-частное партнерство, концессии, концессионное соглашение, концедент, концессионер, концессионный проект.*

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of modern experience in the implementation and legal regulation of public-private partnerships based on concessions on the example of countries with highly developed economies: England, France, the USA. It is concluded that it is necessary to use the most promising concession schemes in the national legislation of the Republic of Belarus.*

***Keywords:** public-private partnerships, concessions, concession agreements, concessors, concessionaires, concession projects.*

Концепция государственно-частного партнерства (далее — ГЧП), основанная на концессии, достаточно активно применяется в зарубежной экономической практике, так как является одним из наиболее развитых рыночных механизмов привлечения иностранных инвестиций для реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов. Изучение опыта внедрения концессионного механизма в различных странах, с различными правовыми и экономическими системами, а также эффективности правового регулирования концессионных отношений позволит определить дальнейшие направления совершенствования концессионного законодательства в Республике Беларусь. В свою очередь формирование и укрепление механизмов ГЧП внутри страны окажут содействие интеграции Республики Беларусь в мировое экономическое пространство, позволят активнее привлекать зарубежные ресурсы для реализации инфраструктурных проектов и в то же время обеспечат полноценное участие белорусского бизнеса в проектах такого же плана за рубежом.

В исторической ретроспективе концессионные соглашения были одной из первых форм сотрудничества государства и частных предпринимателей, целью которого являлось развитие экономики страны, которая доказала свою функциональность и прибыльность на практике. Результатом такого взаимодействия в 1256 году в Испании стала первая концессия по освоению полезных ископаемых, в 1400 году в Италии — концессия по добыче нефти в медицинских целях, в 1554 году во Франции первая концессия была предоставлена предпринимателю Адаму де Крапону для строительства канала в долине Кроу, который существует в настоящее время и носит его имя; благодаря второй концессии в 1666 году началось строительство еще одного масштабного концессионного объекта — Южного канала, соединившего побережье Атлантики со Средиземным морем.

На основе концессий в XVII веке во Франции и Англии была выстроена сеть железных дорог для расширения внутренних и внешних торговых связей, передвижения национальных вооруженных сил страны. Итогом такого грандиозного строительства явилось инициирование цепной реакции внедрения концессий в народное хозяйство по всей Европе, а также на территории России. Две альтернативные концепции правового регулирования взаимоотношений между государством и частным инвестором, близкие к современному пониманию концессий, были выработаны именно в Англии и Франции. «Английская концессионная схема», регулирующая концессионные отношения преимущественно нормами частного права, была впоследствии воспринята в большинстве англосаксонских стран, например, в США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. «Французская концессионная схема» относит концессионный механизм к актам уполномоченного государственного органа, который регулируется нормами публичного права, получила распространение в странах романского права (Германии, Швейцарии, Испании, Португалии, Италии) и странах смешанного типа (Аргентине и Венесуэле и др.).

В настоящее время концессионный механизм ГЧП применяется как альтернатива приватизации, позволяющая наиболее эффективно использовать бюджетные средства и государственное имущество. Исследования применения концессий в мировой практике, проводимые В. Г. Варнавским, В. С. Букатиным, А. В. Багдасаровой, И. С. Вахтинской, С. Е. Мжачих, а также другими учеными-правоведами, показали, что концессионная сфера является одной из наиболее динамично развивающихся систем мировой экономики в последнее десятилетие.

Сводных данных о концессионных проектах во всех странах мира нет, однако наиболее полную информацию предоставляет Мировой банк и Институт Мирового банка. За 1990–2000-е годы в мире было реализовано огромное

количество успешных концессионных проектов, начиная от самого грандиозного — «Евротуннель» стоимостью 15 млрд. долларов США до муниципальных контрактов стоимостью в несколько тысяч долларов США [1, с. 22].

В странах — участницах Европейского союза (далее — ЕС) концессионные соглашения относят к категории правительственных контрактов. По праву ЕС правительственный контракт — это заключенный в письменной форме имущественный контракт, сторонами которого являются экономический оператор (операторы) и преследующий публичный интерес, подчиняющийся нормам публичного права властный орган, предметом данного контракта может быть проведение работ, поставка продукции или оказание услуг [2, с. 194–195].

Контракт на проведение общественных работ — это правительственный контракт, предметом которого является проведение работ либо проектирование и проведение работ по строительству, реконструкции, сносу объектов контракта, а также исполнение работ в соответствии с указанием властного органа. Правительственный контракт поставки — это контракт, предметом которого является покупка товара, сдача в аренду или прокат. Контракт на оказание услуг — это правительственный контракт, предметом которого является оказание услуг согласно установленному перечню, например, транспортные услуги, курьерская доставка, туристические услуги, проведение научно-исследовательских работ и т. д. Анализ документов ЕС, регламентирующих концессионную деятельность, показал огромное разнообразие трактовок концессии в национальном праве различных государств, что не содействует точному разъяснению правовой регламентации рассматриваемого института, однако Комиссия в Комитете о концессиях в праве Сообщества определяет концессию как акт государства, согласно которому орган публичной власти посредством договорного или одностороннего акта поручает своему контрагенту, с согласия последнего, полное или частичное управление службой (оказание услуг), за которую обычно отвечает данный орган власти, при этом риски эксплуатации такой службой возлагаются на контрагента властного органа.

Таким образом, в странах — участниках ЕС правовая природа концессионного соглашения не определена. Содержание концессионного соглашения, выбор средства разрешения концессионных споров, оставлены на усмотрение национального законодательства стран-участниц. Однако право ЕС предусматривает право публичного органа, заключающего контракт (концессию) оказания общественных услуг, давать односторонние предписания концессионеру в целях обеспечения общественного интереса и при условии выплаты оператору компенсации (убытков), связанных с исполнением данных предписаний.

Французская концессионная схема, получившая распространение в странах континентальной правовой системы, имеет свои отличительные черты в

плане комплексного характера концессии, когда концессионер, выигравший тендер одновременно на все виды работ и услуг, разрабатывает и реализует все виды мероприятий, необходимых для создания или модернизации объекта концессии, что в значительной степени отличает данную модель от англо-американской схемы взаимодействия, где проводится три отдельных тендера: на проектирование, строительство и эксплуатацию (содержание) объекта. Французские концессионные компании в настоящее время входят в число лидеров, использующих в своей деятельности концессионные механизмы ГЧП. Однако единого закона, регулирующего концессионные отношения, во Франции не имеется, каждая форма регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, а также нормами административного и гражданского права.

Необходимо отметить, что единого закона, который объединял бы в себе все формы ГЧП, во Франции нет. Каждая форма регулируется различными нормативно-правовыми актами и нормами административного и гражданского права. В соответствии с правовым регулированием в рамках ЕС концессионные формы договоров занимают особое место в практике ГЧП прежде всего за счет увеличения финансовых обязательств государства, в результате чего концессионные механизмы чаще всего стали использоваться в крупномасштабных инфраструктурных проектах, в транспортном секторе и электроэнергетике.

В настоящее время успешно используют концессионные механизмы ГЧП компании Areva и EDF для строительства и эксплуатации АЭС как на территории Франции, так и за рубежом. Так, EDF при поддержке Правительства Франции, с использованием технологий Areva и при участии консорциума крупных энергопотребителей Exeltium получила концессию на сооружение третьего блока АЭС «Фламанвилль», впоследствии с компаниями консорциума были заключены долгосрочные соглашения по продаже электроэнергии [3, с. 20].

С целью повышения энергоэффективности во Франции концессионные проекты достаточно успешны в сфере коммунальной инфраструктуры. Например, компания GDF Suez управляет проектами в сфере ЖКХ на 30 млрд евро. Инвестиционный проект предусматривает работы по производству энергии, дистанционной регулировке оборудования, текущий и капитальный ремонт в 14 лицах региона.

Используя усовершенствованную «английскую концессионную схему», в Великобритании стали передаваться в частные руки объекты, которые государство не готово приватизировать и которыми не способно эффективно управлять. Английское концессионное законодательство отличается детализацией, достаточно подробно регламентируются вопросы подготовки и проведения тендеров по концессиям с целью пресечения злоупотреблений, обеспечения добросовестной конкуренции и высокой эффективности проектов. По наиболее

крупным, стратегическим и социально значимым объектам для реализации концессионного проекта необходимо получить разрешение Парламента, в котором отдельно оговариваются вопросы землеотводов, взимания платы за пользование объектом.

В качестве примера подобного сотрудничества можно привести Лондонский метрополитен, где большинство линий функционируют на базе концессионных схем ГЧП. Согласно данной программе лондонское метро перешло в частный сектор и управляется компанией Opsco и тремя инфраструктурными компаниями под общим названием Infracos. Opsco подчиняется транспортной системе Лондона Transport for London, которая является основной компанией, управляющей всей транспортной системой Лондона и возглавляемой председателем Управы Большого Лондона (Greater London Authority) [4, с. 32]. В данной схеме «Opsco» обеспечивает управление и запуск новых поездов и станций, предоставляет необходимые услуги, а также устанавливает тарифные ставки. Infracos отвечает за финансирование, обновление, поддержание на должном уровне поездов, станций, путей, гражданских объектов и средств связи, и предоставляет услуги Opsco в обмен за плату.

Еще одним успешным примером внедрения концессий в Великобритании является рынок водоснабжения, который одновременно разделили более 15 региональных компаний, получивших концессию на данный вид деятельности. Данные компании работают на основе сравнительной конкуренции по показателям технической и экономической эффективности. Компании, не выдерживающие данной конкуренции, имеют меньшую доходность, стоимость их акций падает, и, как следствие, они становятся целью для поглощения и вынуждены привлекать капитал в реструктуризацию, что на выходе значительно повышает качество товаров, услуг, работ, предоставляемых потребителям. Данный процесс воспроизводится приблизительно раз в пять лет для смены неэффективного собственника.

Еще в 20–30 годы XX века в США была создана нормативно-правовая база, обеспечивающая регулирование концессионных отношений. Также, как и в Европе, в настоящее время в США концессия является правительственным контрактом, т. е. разновидностью франшизы, заключаемой на конкурсной основе, на который не распространяется принцип свободы договора, а включение любых условий в концессионное соглашение является правом публичной стороны. Данный контракт понимается как соглашение между властным органом и частным лицом, имеет признаки подлинной концессии, и, в соответствии с которым, последний получает право на осуществление квазиправительственной деятельности в общественных интересах, например, водоснабжение населения, энергоснабжение, освещение улиц. Условия заключения соглашения с победи-

телем торгов образуют условия, содержащиеся в объявлении о проведении торгов и входящей заявке. Американское право запрещает включать в правительственные контракты условия, не предусмотренные законом, увеличивающие стоимость затрат на выполнение работ, а также направленные против общественного интереса. Учитывая тот факт, что в праве США нет четкого разграничения на публичное и частное, по общему правилу к правительственным контрактам применяются нормы обычного контрактного (частного) права, однако с изъятиями, описанными выше. Некоторые изъятия являются аналогичными, как и в странах, где концессионное соглашение является административным актом, например, отказ от соглашения в целях защиты общественных интересов, в случае приостановления оказания услуг пользователем франшизы без согласия государственного органа, к нему могут быть применены штрафные санкции. Таким образом, если бы американское право возможно было разделить на публичное и частное, концессионное соглашение по своей правовой природе определялось как частно-правовой институт с изъятиями.

Традиционно в США концессионные механизмы наиболее активно используются местными органами власти и самое широкое распространение получили в сфере дорожного и жилищно-коммунального хозяйства. Характерной особенностью данного опыта внедрения концессий стало не только привлечение иностранных инвестиций в сферу управления при передаче объектов инфраструктуры, но и повышение эффективности действующих муниципальных служб. Проекты в транспортной инфраструктуре не имели такого глобального значения, как в Европе. С 2017 года испанская инфраструктурная компания Ferrovial, возглавляющая консорциум международных инвесторов, подписала концессионное соглашение на реновацию крупнейшего в США по площади аэропорта Денвер с городскими властями сроком на 30 лет, согласно условиям которого концессионер произведет капитальные работы над объектом, после чего будет отвечать за управление терминалом. Ранее данной компанией были заключены аналогичные соглашения по лондонским аэропортам Хитроу и Стэнтед, аэропорты в Саутгемптоне, Эдинбурге, Глазго и Абердине [5]. Необходимо отметить, что добыча нефти в США строится как на административно-правовой основе с предоставлением лицензий либо гражданско-правовой с заключением концессионного соглашения, соглашения о разделе продукции, риск-сервисных контрактов. Особенностью законодательного регулирования недропользовательских концессий в США является существование требования о том, что добытые жидкие углеводороды должны оставаться на территории США.

Исследование механизмов управления государственным имуществом на основе концессионного механизма в странах с развитой экономической систе-

мой позволяет выделить основные преимущества данной формы сотрудничества государства и частного бизнеса, определить возможные сферы внедрения механизма концессий, которые позволят добиться экономического эффекта при более прогрессивном использовании финансовых ресурсов, а также будут способствовать сохранению и развитию материально-технического потенциала и расширению доходной базы. Международный опыт правового регулирования концессионных отношений может быть в перспективе использован для совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей институт концессии в Республике Беларусь.

1. Варнавский В. Г. Использование механизмов доверительного управления и концессий для повышения эффективности управления государственной и муниципальной собственностью // Управление собственностью. 2012. № 5. С. 19–29. [Вернуться к статье](#)
2. Багдасарова А. В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2009. 244 л. [Вернуться к статье](#)
3. Захаров А. Н., Овакимян М. С. Использование зарубежного опыта государственно-частного партнерства в решении экономических задач России (на примере Франции) // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 6. С. 12–24. [Вернуться к статье](#)
4. Кабашкин В. А., Потеряев А. М. Основные преимущества концессии в современной хозяйственной жизни России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 35. С. 29–39. [Вернуться к статье](#)
5. В США реновация аэропорта Денвера пройдет по концессии [Электронный ресурс] // Концессии и инфраструктурные инвестиции : экспертный журнал. URL: <https://investinfra.ru/mezhdunarodnaya-praktika/v-ssha-renovaciya-aeroporta-denvera-proydet-po-koncessii.html> (дата доступа: 04.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.343.6

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»
(статья 23.29 КОАП Республики Беларусь)**

Д. В. Ткачева

аспирант кафедры международного экономического права,
Белорусский государственный экономический университет
e-mail: tkachevadeena@yandex.by

***Аннотация.** Статья посвящена законотворческой и правоприменительной практики в сфере административного процесса в органах пограничной службы Республики Беларусь. В данной статье рассматриваются вопросы депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, а так же меры ответственности за правонарушения против пограничной безопасности.*

***Ключевые слова:** административный процесс, участники административного процесса, административное правонарушение, депортация, штраф, предупреждение.*

***Annotation.** The article is devoted to law-making and enforcement practice in the field of administrative process in the bodies of the border service of the Republic of Belarus. This article discusses the deportation of foreign citizens and stateless persons, as well as measures of responsibility for offenses against border security.*

***Keywords:** administrative process, participants in the administrative process, administrative offense, deportation, fine, warning.*

Ежедневно органы пограничной службы Республики Беларусь в пределах своей компетенции выполняют определенные задачи, такие как предупреждение, выявление и пресечение нарушений Государственной границы. Тем самым пограничные войска Республики Беларусь обеспечивают охрану Государственной границы и пограничную безопасность. Пограничная безопасность является частью национальной безопасности страны. Сотрудники органов пограничной службы осуществляют административную и уголовную деятельность, тем самым активно противодействуя незаконному пересечению Государственной границы Республики Беларусь. Административная и уголовная деятельность осуществляется на основе строгого соблюдения действующего законодательства. Это позволяет противостоять угрозам пограничной безопасности.

Проблемой незаконного пересечения Государственной границы занимались такие ученые, как А. Н. Крамник, А. Ю. Чернолевский, А. В. Шидловский, А. А. Смяян и др. Однако у перечисленных ученых вопросы незаконного пересечения Государственной границы отражены не всесторонне и не в полном объеме. В 2018 г. было издано комплексное и системное исследование под редакцией Н. Н. Борейко, В. В. Тропина, И. И. Лузгина «Уголовно-

процессуальные основы деятельности органов пограничной службы. Порядок производства по материалам, уголовным делам и делам об административных правонарушениях связанным с незаконным пересечением Государственной границы». Данное исследование основано на анализе правоприменительной практики органов пограничной службы, особенностей ведения административного процесса, учета практического опыта.

За умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь может наступить уголовная ответственность. В свою очередь покушение на незаконное пересечение границы влечет за собой предупреждение с депортацией либо наложение штрафа в размере от десяти до ста базовых величин с депортацией или без депортации.

Однако данная статья не распространяется на такие случаи, как прибытие в Республику Беларусь с нарушением правил пересечения Государственной границы Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, которые ходатайствуют о предоставлении статуса беженца, а так же иностранных граждан и лиц без гражданства, нуждающихся в дополнительной защите, либо в убежище в Республике Беларусь. Необходимо учитывать одно условие, что данная категория граждан без промедления должна обратиться с таким ходатайством.

В настоящее время законодательством Республики Беларусь за незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь предусмотрена административная ответственность по ст. 23.29 КоАП Республики Беларусь. Следует отметить, что для незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь используются механические транспортные средства, судна внутреннего плавания (самоходного), судна смешанного (река–море) плавания (самоходного), маломерные моторные судна, судна с подвесным двигателем, гидроциклы, воздушные судна с двигателем. Необходимо указать, что за совершенное в течение года после наложения административного взыскания умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь за такое же нарушение предусмотрена и уголовная ответственность по ст. 371 УК Республики Беларусь. Даже если незаконное пересечение границы было совершено иным способом.

Ответственность, предусмотренная ст. 23.29 КоАП Республики Беларусь, наступает за умышленное незаконное пересечение Государственной границы. Данное деяние не влечет уголовной ответственности. В свою очередь, влечет предупреждение с депортацией. А так же возможно наложение штрафа в размере от десяти до ста базовых величин с депортацией или без депортации. Согласно ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь депортация — это административное выдворение за пределы Республики Беларусь, которое применяется в отно-

шении иностранного гражданина и лица без гражданства [1]. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства из Республики Беларусь, а также возмещение расходов, связанных с их депортацией, регулируется нормативно-правовым актом.

Иностранец или лицо без гражданства, в отношении которого вынесено постановление о депортации, может обратиться с заявлением в суд. Орган, вынесший данное постановление, может предоставить ему право добровольно и за счет собственных средств покинуть пределы Республики Беларусь.

Исполнение постановления о депортации в добровольном порядке не допускается, когда существуют основания полагать, что иностранец или лицо без гражданства может уклониться от исполнения постановления о депортации. В случае уклонения иностранного гражданина или лица без гражданства от добровольного выезда в указанный срок органу, ведущему административный процесс, необходимо принять меры по задержанию иностранного гражданина или лица без гражданства с санкции прокурора. Иностранцы подлежат задержанию на срок, который необходим для исполнения постановления о депортации. Согласно ч. 3 ст. 20.1 ПИК_оАП Республики Беларусь постановление о депортации приводится в исполнение органом, ведущим административный процесс [2].

В соответствии с постановлением о депортации иностранец может быть депортирован в одно из следующих государств:

- государство гражданской принадлежности;
- государство обычного места жительства;
- государство, с территории которого он прибыл в Республику Беларусь;
- государство, изъявившее желание его принять;
- государство, ходатайствующее о его выдаче;
- государство, с которым Республика Беларусь заключила соглашение о реадмиссии. Рeadмиссия — это соглашение о приеме и возврате незаконных мигрантов, выявленных на территории сопредельных государств.

Иностранному гражданину в случае его депортации въезд в Республику Беларусь может быть запрещен на срок от одного года до пяти лет. Срок запрета въезда в Республику Беларусь устанавливается с учетом определенных обстоятельств, которые явились основанием для принятия решения о депортации. Иностранец подлежит обязательной государственной дактилоскопической регистрации.

Сотрудники органов пограничной службы, которые исполняют постановление о депортации, конвоируют депортируемого гражданина. В постановлении о депортации проставляется отметка (печать) о выезде депортируемого иностранного гражданина за пределы Республики Беларусь. Либо уполномо-

ченное должностное лицо органов пограничной службы вносит запись об исполнении постановления о депортации.

В соответствии с КоАП Республики Беларусь депортация является смешанным административным взысканием. Депортация совмещается, как правило, со штрафом. За правонарушения против пограничной безопасности применение депортации возможно и с наложением предупреждения.

Анализ правоприменительной практики органов пограничной службы показывает, что основными нарушениями Государственной границы являются факты незаконного пресечения: пересечение границы вне установленных мест ее пересечения (вне пункта пропуска), пересечение границы без прохождения пограничного контроля, предъявление для прохождения паспортного контроля заведомо подложных документов, уклонение от проверки документов находясь в пункте пропуска, попытка обойти проходимость паспортного контроля. В целях профилактических мер необходимо разработать памятку с разъяснением о правовых последствиях депортации иностранцу.

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 342.2:338.242.4 (476)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БЕЛАРУСИ

А. А. Трипузова

старший научный сотрудник НИИ ТПГУ,
аспирант кафедры конституционного и административного права,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: antonina.ttt@mail.ru

***Аннотация.** Автором рассматриваются актуальные вопросы реализации конституционно-правовых норм в сфере противодействия монополистической деятельности. Анализируются конституционные запреты и гарантии защиты и развития конкуренции. Поднята проблема осуществления принципа эффективного взаимодействия антимонопольных и правоохранительных органов.*

***Ключевые слова:** реализация конституционно-правовых норм, противодействие монополистической деятельности, защита и развитие конкуренции, антимонопольное регулирование, антимонопольный орган.*

***Annotation.** The author discusses current issues of the implementation of constitutional law in the field of countering monopolistic activities. The constitutional prohibitions and guarantees of the protection and development of competition are analyzed. The problem of implementing the principle of effective interaction between antitrust and law enforcement agencies has been raised.*

***Keywords:** implementation of constitutional law norms, counteraction to monopolistic activity, protection and development of competition, antitrust regulation, antitrust authority.*

Конституционно-правовые нормы пронизывают все сферы жизни общества и правоприменительной практики. Основными формами их реализации являются соблюдение, исполнение, использование и применение права и законодательства.

Специфика реализации названных норм обусловлена особенностями содержания функций Конституции. Это нормы права, учреждающие фундаментальные положения Основного закона государства и общества. Одновременно они охраняют общественные отношения, определяя конституционные ценности и цели общественного развития, выступают в качестве правовых стандартов и нормативных ориентиров в законодательной и правоприменительной деятельности для всех государственных органов, их должностных лиц, граждан и общества в целом.

Основы экономической системы Республики Беларусь получают свое развитие, реализуются в конституционных правах и свободах. Важную роль в осуществлении охранительной и социально-экономической функций Конституции Республики Беларусь выполняют гарантирующие нормы и запреты в сфере противодействия монополистической деятельности.

В статье 13 Конституции Республики Беларусь закреплено, что государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Отмечено, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях [1].

Данная конституционная норма получила дальнейшее развитие в специальном законодательстве, в том числе антимонопольном. В свою очередь, функцию защиты государством конкуренции призвано осуществлять антимонопольное регулирование, которое является важной составной частью правовой и экономической систем, а также основным механизмом государственной антимонопольной политики. Главная цель такой политики — пресечение монополистических злоупотреблений и развитие конкуренции.

Антимонопольная политика включает комплекс правовых, экономических, психологических и иных мер по преодолению монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, созданию, поддержке, защите равной и добросовестной конкуренции.

Значимое место в национальном антимонопольном законодательстве занимает Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее — Закон), целью которого является обеспечение условий для развития конкуренции, создания и эффективного функционирования товарных рынков. Закон определяет организационные и правовые основы противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Он содержит принципы антимонопольной политики, круг ее субъектов, очерчивает полномочия антимонопольного органа, устанавливает запреты и закрепляет основные виды монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, систему государственного контроля, порядок установления факта наличия (отсутствия) антимонопольного нарушения [2].

Государственная антимонопольная политика основывается на следующих принципах: равенства в применении норм законодательства; недопустимости антиконкурентных действий государственных органов; обеспечения эффективного контроля за экономической концентрацией; эффективности санкций за со-

вершение антиконкурентных действий; информационной открытости; эффективного сотрудничества [2, ст. 5].

Непосредственным проводником указанных конституционно-правовых норм и антимонопольной политики, регулятором в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции является специально созданный антимонопольный орган — Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее — МАРТ).

Необходимо отметить, что субъектами государственной антимонопольной политики также являются: Глава государства, который определяет ее; правительство, обеспечивающее ее проведение; иные государственные органы, которые в пределах своей компетенции также должны содействовать реализации данной политики [2, ст. 4].

Конституционные гарантии защиты и развития разных форм собственности обеспечиваются посредством установления в Законе запретов и ограничений на осуществление определенных действий на товарных рынках.

Законодатель выделяет две основные группы незаконных действий: монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию.

Запрещается монополистическая деятельность в трех формах: злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением; ограничивающие конкуренцию соглашения, согласованные действия хозяйствующих субъектов; ограничивающие конкуренцию акты и действия (бездействие), соглашения, согласованные действия государственных органов.

Названные правовые запреты установлены законодателем не произвольно, а на основе перечисленных конституционных норм и принципов, и согласуются со ст. 23 Конституции, допускающей ограничение прав и свобод личности в интересах национальной безопасности, прав и свобод других лиц. Приведенные действия запрещены правомерно, поскольку они нарушают правопорядок в сфере конкуренции, противоречат интересам других хозяйствующих субъектов и потребителей, государства и общества в целом.

Ключевой целью противодействия монополистической деятельности является предупреждение и пресечение ограничения конкуренции.

За нарушение антимонопольного законодательства предусмотрена гражданско-правовая ответственность в форме возмещения убытков (ст. 14, 15 Гражданского кодекса), административная и уголовная ответственность (ст. 11.24–11.26 Кодекса об административных правонарушениях, ст. 245, 250 Уголовного кодекса). Юридическая ответственность может реализовываться и через специальные антимонопольные институты, к примеру, предупреждение и предписание антимонопольного органа (ст. 43, 45 Закона). Последний уполномочен также подать в суд иск о принудительном разделении хозяйствующего

субъекта, признании недействительными сделок, действий по осуществлению экономической концентрации (ст. 50, 51 Закона).

В мировой практике одними из самых опасных видов антиконкурентных соглашений и антимонопольных правонарушений в целом, причиняющих существенный вред интересам государства в экономической сфере, признаны картели. К примеру, на протяжении последних лет антимонопольным органом Российской Федерации — Федеральной антимонопольной службой России (далее — ФАС) ежегодно возбуждается свыше 300 дел о картелях и иных антиконкурентных соглашениях. При этом из общего числа выявленных картелей более 80 % — это сговоры на торгах, ущерб от которых достигает в ряде случаев до 40 % от начальной (максимальной) цены контракта [3].

В Беларуси практика выявления картелей (соглашений, которые приводят или могут привести к определенным законом последствиям, например, разделу товарного рынка) отсутствует.

Однако это не означает, что такой проблемы для нашей страны не существует. В частности, рынки сбыта сельскохозяйственной продукции нередко контролируются крупными монополистами, а формирование ценовой политики не всегда носит прозрачный характер. Сложно доказать и ценовой сговор производителей. Так, в июне 2018 года наблюдался рост цен на мясо птицы, по отдельным торговым объектам — до 28 %, причем за счет цены производителей. Одновременно ее подняли 7 крупных предприятий. МАРТ усмотрело в их действиях признаки сговора и начал проверку, однако в дальнейшем не смог доказать его [4].

Актуальной проблемой является нарушение антимонопольных запретов в сфере государственных закупок, которое сформировало в настоящее время особую институализированную форму коррупции.

Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость принятия дополнительных мер, наиболее полно обеспечивающих реализацию приведенных конституционно-правовых норм.

Представляется, что в качестве одной из таких важных мер может стать полноценная реализация конституционной охранительной функции государства в лице уполномоченных органов, воплощенной в установленном Законом принципе эффективного сотрудничества. Данный принцип предполагает осуществление взаимодействия антимонопольного органа с иными государственными органами в той мере, в какой это необходимо для проведения эффективной государственной политики в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции (ст. Закона).

Незначительное количество выявляемых ежегодно МАРТ антимонопольных нарушений (в среднем 20), отсутствие случаев доказанного ценового сго-

вора и картелей [5] дают основания для вывода о недостаточной реализации принципа эффективного сотрудничества с правоохранительными органами, призванного обеспечить антимонопольному органу необходимую поддержку при осуществлении своих функций.

Противодействие монополистической деятельности непосредственно и неразрывно связано с правоохранительной сферой. Все органы законодательной, исполнительной и судебной власти, обеспечивая соблюдение, исполнение и применение конституционно-правовых норм (гарантий и запретов) в данной сфере, тем самым косвенно участвуют в правоохранительной деятельности, способствуют защите конкуренции, т. е. охране права от антимонопольных нарушений.

Однако необходимо учитывать, что наиболее полным арсеналом средств по защите прав и свобод граждан, собственности, интересов государств от преступных и иных противоправных посягательств обладают правоохранительные органы, для которых это основная задача.

В связи с этим представляет интерес опыт Российской Федерации. Между ФАС и МВД России еще в 2004 году было заключено соглашение о совместной работе по борьбе с нарушениями антимонопольного законодательства. Данная работа продолжается и в настоящее время. С 2015 года ФАС, МВД и Следственным комитетом Российской Федерации разработаны и начали внедряться эффективные механизмы взаимодействия, обмена информацией, передачи материалов уголовных дел и результатов оперативно-розыскных мероприятий. Практически во всех субъектах Российской Федерации между территориальными органами ФАС и правоохранительными органами заключены соглашения о взаимодействии и созданы рабочие группы [3].

Представляется, что взаимодействие МАРТ и правоохранительных органов также позволит эффективнее реализовывать свои функции и совместно решать проблемные вопросы. Заключение соглашений о взаимодействии придаст новый импульс и целенаправленный характер работе по выявлению и пресечению антимонопольных нарушений в сфере государственных закупок.

Подводя итог, отметим, что выбор инструментов и конкретных способов реализации конституционно-правовых норм в сфере противодействия монополистической деятельности должен позволять государству эффективно осуществлять охранительную функцию, защиту и развитие всех форм собственности, в том числе обеспечивать организацию равного доступа субъектов хозяйствования к товарным ресурсам.

Объединение усилий МАРТ и правоохранительных органов по пресечению сговоров, завышения цены закупки и нецелевого использования бюджет-

ных средств будет способствовать их экономии, снижению коррупции, развитию конкуренции.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-З : в ред. от 08.01.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

3. Доклад по правоприменительной практике, статистике типовых и массовых нарушений обязательных требований с разъяснением от 05.03.2018 г., утв. ФАС России [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Цены выросли на треть. МАРТ заподозрил семь крупнейших производителей мяса птицы в ценовом сговоре [Электронный ресурс] / Белорусский портал TUT.BY. Новости Беларуси и мира. URL: <https://finance.tut.by/news602020.html> (дата доступа: 20.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. URL: <https://mart.gov.by/> (дата доступа: 22.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343. 125

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВРЕМЕННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЦА В ПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОМ

В. М. Федченко

профессор кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: mixayluz@ukr.net

***Аннотация.** В статье исследуются отдельные правовые аспекты условий и оснований применения временного ограничения в пользовании специальным правом как одной из мер обеспечения уголовного производства, предусмотренной уголовным процессуальным законодательством Украины. Вносятся предложения по совершенствованию положений действующего УПК Украины по вопросам применения этой меры.*

***Ключевые слова:** меры обеспечения уголовного производства, подозреваемый, условия, основания применения, следователь, прокурор, следственный судья.*

***Annotation.** The article examines certain legal aspects of the conditions and grounds for applying the temporary restriction in the use of special law, as one of the measures to ensure criminal proceedings provided for by the criminal procedural legislation of Ukraine. Suggestions are made to improve the provisions of the current Code of Criminal Procedure regarding the application of this measure.*

***Keywords:** measures to ensure criminal proceedings, suspect, conditions, grounds for application, investigator, prosecutor, investigating judge.*

Одними из составляющих выполнения задач уголовного судопроизводства являются требования закона охранять права и законные интересы участников уголовного производства, а также обеспечить быстрое, полное и беспристрастное расследование уголовного производства (ст. 3 УПК Украины).

Но не вызывает сомнения, что быстрое, полное и беспристрастное уголовное производство осуществить уполномоченные на это органы досудебного расследования будут не в состоянии, если не привлекут к этому процессу и других (свидетеля, потерпевшего и т. д.) его участников, которые должны в нем принимать активное участие, способствуя успешному выполнению указанных выше задач. Если же данные участники не выполняют возложенные на них законом обязательства, к ним по решению следственного судьи могут быть применены меры, направленные на обеспечение уголовного производства. А инициировать их применение во время досудебного расследования может следователь по согласию с прокурором либо прокурор, обратившись с соответствующим ходатайством к следственному судье.

По своей сути данные меры носят характер уголовного процессуального принуждения, поскольку заставляют определенного законом участника уголовного процесса выполнять возложенные на него обязанности, начиная с необходимости явиться к следователю, прокурору, следственному судье, суду и заканчивая возможностью применения иных принудительных мер вплоть до взятия под стражу.

Учитывая юридическую природу мер обеспечения уголовного производства, их определение можно сформулировать следующим образом. Меры обеспечения уголовного производства — это предусмотренные законом разновидности мер уголовного процессуального принуждения, которые применяются в уголовном производстве соответствующими субъектами уголовного процесса на определенный законом срок в четко определенном порядке в отношении участников, привлекаемых к такому производству, с целью побуждения их к исполнению возложенных на них законом обязанностей и при наличии соответствующих оснований и условий, с целью обеспечения действенности такого уголовного производства.

В системе мер обеспечения уголовного производства нормами действующего УПК Украины (далее — УПК) предусмотрена и такая мера, как временное ограничение в пользовании специальным правом, которое удостоверяется соответствующими разрешительными документами (ст. 148–153 УПК).

По своему содержанию данная мера обеспечения уголовного производства направлена на предотвращение или прекращение противоправной деятельности подозреваемого, пытающегося воспрепятствовать расследованию, в том числе на обеспечение возмещение причиненного преступлением вреда. В этом случае, законодатель позволяет следователю, а также иному уполномоченному законом должностному лицу получив на это разрешение следственного судьи, ограничить подозреваемого в пользовании некоторыми специальными правами, а именно: 1) управлением транспортным средством или судном; 2) правом охотиться; 3) осуществлять предпринимательскую деятельность; 4) правом владения и ношения оружия.

В рамках реализации указанной меры предполагается и изъятие определенных специальных документов, которые свидетельствуют о наличии у данного лица такого специального права. К тому же если изъятие произошло, то в сроки до 2 дней закон обязывает следователя по согласованию с прокурором или лично прокурора обратиться к следственному судье с ходатайством для получения решения на ограничение подозреваемого в пользовании этим специальным правом. Срок такого ограничения не может превышать 2 месяцев, хотя закон предусматривает и возможность его продления.

Однако если в указанный срок такое ходатайство следственному судье не было подано, то изъятые документы подлежат возврату.

Следует отметить, что порядок рассмотрения следственным судьей данного ходатайства зависит от двух правовых аспектов. А именно, если вышеупомянутые документы, удостоверяющие пользование специальным правом, предварительно у подозреваемого временно изъяты следователем, то рассмотрение ходатайства может происходить при участии такого подозреваемого, хотя категорического требования о необходимости его участия в рассмотрении ходатайства закон не содержит.

Про отсутствие императивного требования закона относительно обязательного участия подозреваемого вовремя рассмотрения такого ходатайства говорит и М. А. Макаров, который предлагает дополнить положения ст. 151 УПК нормой о необходимости лишь уведомления подозреваемого и его защитника о дате, месте и времени рассмотрения следственным судьей ходатайства о временном ограничении в пользовании специальным правом. И если указанные участники не явились, то данный факт не может препятствовать рассмотрению такого ходатайства [1, с. 184].

Говоря о втором правовом аспекте, он имеет место тогда, когда документы, удостоверяющие специальное право, следователем еще не изымались. Следует отметить, что если такие документы предварительно не были еще изъяты, то рассмотрение ходатайства о временном их изъятии должно происходить при обязательном участии подозреваемого, а при наличии защитника — и при его участии также.

Про необходимость соблюдения следственными судьями указанного порядка рассмотрения данных ходатайств отмечается и в обобщениях судебной практики Высшего специализированного суда Украины от 7 февраля 2014 года [2].

Проанализировав положения, которые регламентируют порядок применения указанной меры обеспечения уголовного производства, отметим, что основания для ее применения закон почему-то не определяет. Кстати, такие мысли уже высказывались в юридической литературе [3, с. 187]. В то же время следует заметить, что законодатель отождествляет следующие основания в рамках иной меры обеспечения уголовного производства, а именно: временного изъятия имущества, к которому относит и документы (ст. 167 УПК). Кроме этого связывает эти основания с такой кратковременной мерой пресечения, как задержание уполномоченным должностным лицом лица подозреваемого в совершении уголовного преступления (ст. 208 УПК), когда во время личного обыск у такого лица изымаются документы, удостоверяющие возможность использования им одного или более вышеуказанных специальных прав. Именно в случае задержания лица в порядке ст. 208 УПК закон четко определяет, что ос-

нованиями решения вопроса об ограничении подозреваемого в пользовании специальным правом является необходимость предотвращения или прекращения противоправной его деятельности, направленной на препятствование расследованию, в том числе на обеспечение возмещения, причиненного преступлением вреда (ч. 1 ст. 148 УПК).

Принятие решения, которое по своей сути лишает лицо сроком на два месяца (предусмотрено и его продление) возможности использовать предоставленные Конституцией определенные права, а последствием такого ограничения может быть не только лишение подозреваемого, но и членов его семьи возможности получения от единственного источника определенных доходов, в том числе и доходов, которые позволили бы возместить ему причиненные убытки в результате совершения преступления.

Сложившаяся правовая ситуация не дает четкого ответа на вопрос: какие основания для обращения к следственному судье с ходатайством об ограничении в пользовании специальным правом, если такое лицо не задержано по подозрению в совершении преступления и не было осуществлено временное изъятие документов, удостоверяющих пользование им таким специальным правом?

Поэтому существует необходимость в УПК предусмотреть соответствующую норму, в которой прописать следующее. Если лицо не задержано по подозрению в совершении преступления, а также временно не изъяты документы, удостоверяющие факт пользования лица специальным правом, то обращение к следственному судье с ходатайством об ограничении лица в пользовании специальным правом возможно при условии, когда такому лицу было сообщено о подозрении и есть подтверждающие доказательства того, что нелишение подозреваемого возможности пользоваться специальным правом на управление транспортным средством или судном, правом охотиться, осуществлять предпринимательскую деятельность, а также правом владеть и носить оружие содержит риски невозможности предотвращения или прекращения противоправной деятельности подозреваемого, направленной для предотвращения расследования, в том числе для обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда.

1. Макаров М. А. Прийняття слідчим суддею рішення про тимчасове обмеження в користуванні спеціальним правом // Право і суспільство. 2015. Ч. 3/15. № 6. С. 182–187. [Вернуться к статье](#)

2. Узагальнення судової практики щодо розгляду слідчим суддею клопотань про застосування заходів забезпечення кримінального провадження від 07.02.2014 р. [Електронний ресурс] // Законодавство України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0001740-14/paran21#n21> (дата доступу: 29.12.2019) [Вернуться к статье](#)

3. Пархоменко Я. О. Підстави застосування тимчасового обмеження у користуванні спеціальним правом // Наук. вісн. Ужгород. нац. ун-ту. 2017. Вип. 43. Т. 2. С. 186–188. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.54

ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ УКРАИНЫ

В. В. Фурса

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)
e-mail: vvf09@ukr.net

Аннотация. В статье на основе анализа теоретических положений уголовного права та кодифицированных актов некоторых зарубежных стран исследуются проблемы урегулирования уголовным законодательством Украины половых отношений между несовершеннолетними.

Ключевые слова: сексуальное насилие, развращение несовершеннолетних, развратные действия, половые преступления.

Annotation. Based on an analysis of the theoretical provisions of criminal law and the codified acts of some foreign countries, the article examines the problems of regulating sexual relations between minors by the criminal legislation of Ukraine.

Keywords: sexual intercourse, abuse of minors, dissuasive actions, sexual crimes.

Законом Украины от 14 марта 2018 года № 2334-VIII «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно защиты детей от сексуальных злоупотреблений и сексуальной эксплуатации» была изменена редакция ст. 155 и 156 УК Украины. В частности, законом предложена новая редакция ст. 155 УК Украины. В части первой статьи законодатель изменил оценочное понятие «половая зрелость» на конкретный возраст — 16 лет, а также закрепил положение о том, что уголовной ответственности за совершение естественных или неестественных половых сношений с лицом, не достигшим 16 лет, подлежат только совершеннолетние лица. В части второй статьи перечень специальных субъектов преступления заменен общим понятием «близкие родственники или члены семьи». Также статья дополнена примечанием, которое отсылает к иному нормативному акту. Изменений в ст. 156 УК Украины гораздо меньше — в ч. 2 статьи по аналогии с изменениями в ч. 2 ст. 155 УК Украины перечень специальных субъектов преступления заменен общим понятием «близкие родственники или члены семьи».

Фактически указанными изменениями законодатель выполнил требования ст. 18 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. Статьей 18 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия закреплено пред-

ложение странам-участницам определить возраст, до достижения которого запрещены половые отношения с ребенком даже при добровольном согласии последнего. Также положения ст. 18 Конвенции указывают, что указанные действия с ребенком являются уголовно наказуемыми исключительно в тех случаях, когда они совершены совершеннолетними, то есть действие ст. 18 Конвенции не распространяется на урегулирование половых отношений между несовершеннолетними, если эти отношения строятся на взаимном согласии несовершеннолетних. То есть фактически ст. 18 Конвенции устанавливает ответственность взрослых лиц перед детьми.

В подавляющем большинстве развитых стран, с учетом норм Конвенции, установлен возраст сексуального согласия. Так, по законодательству Испании возраст сексуального согласия составляет 13 лет; 14 лет — в Австрии, Эстонии и Хорватии; 15 лет — во Франции, Дании, Греции, Исландии, Македонии, Молдове, Чехии, Швеции, Словакии, Словении, Монако, Польше, Румынии; 16 лет — в большинстве стран: в Великобритании, Израиле Канаде, Литве, Беларуси, Латвии, Нидерландах, Таджикистане и др. В некоторых странах, например, в Ирландии и на Кипре, возраст сексуального согласия достигает 17 лет, а в Мальте — 18 лет. Законодатель Украины установил возраст сексуального согласия для несовершеннолетних — 16 лет.

Что касается рекомендации Конвенции о необходимости установления ответственности совершеннолетних перед несовершеннолетними, то они выполняются по-разному. Так, например, согласно УК Республики Беларусь, уголовной ответственности за половые сношения, иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и развратные действия подлежат исключительно совершеннолетние лица — лица, достигшие 18 лет [1].

В статье 13 УК Швеции указано, что уголовной ответственности не подлежат лица, совершившие сексуальные действия в отношении ребенка, если существует незначительная разница в возрасте и степени развития между такими лицами [2].

Согласно ст. 187 УК Швейцарии, уголовной ответственности за сексуальные действия в отношении лица моложе 16 лет не подлежат лица, с разницей в возрасте менее 3 лет [3, с. 207]. Аналогичные нормы содержатся в законодательстве Австрии, Румынии, Италии и прочих [4].

Возраст сексуального согласия в ФРГ — 14 лет. Однако добровольные половые отношения с 14–15-летними лицами разрешены только в том случае, если партнер сам не старше 21 года. Если же старшему по возрасту партнеру уже исполнилось 21 год, то за такие отношения последний уже подлежит уголовной ответственности. Сексуальные отношения с 16–17-летними разрешены

в случае однозначного, осознанного согласия и если эти несовершеннолетние не находятся в беспомощном состоянии [5].

Таким образом, законодатели разных стран не только не вмешиваются в «уголовное» урегулирование половых отношений между несовершеннолетними, но и пытаются минимизировать вмешательство в становление отношений, которые возникают на границе между несовершеннолетием и вступлением во взрослую жизнь. Особого внимания заслуживают нормы, которые исключают ответственность за добровольные половые отношения между лицами с законодательно определенной разницей в возрасте. Считаем, что указанные нормы требуют дополнительного изучения для возможной имплементации в украинское законодательство.

Также приходится констатировать факт, что законодатель Украины, внося изменения в ст. 155–156 УК Украины, допустил ошибку, которая вызывает трудности при урегулировании половых отношений между несовершеннолетними. Так, естественные или неестественные половые сношения между несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет не будут признаваться преступлением, в то время как любые сексуальные действия, не связанные с проникновением в тело человека, должны квалифицироваться как преступление, предусмотренное ст. 156 УК Украины. Такая коллизия вызвана тем, что, внося изменения в ст. 155 УК Украины в части установления ответственности за естественные или неестественные половые сношения с несовершеннолетними исключительно совершеннолетних лиц, законодатель почему-то не внес аналогичные изменения в ст. 156 УК Украины. Таким образом, уголовной ответственности за сексуальные действия между несовершеннолетними, которые УК Украины признаются развратными, подлежат 16-летние лица, в силу ст. 22 УК Украины. Указанный факт, по меньшей мере, нелогичен, поскольку существует колоссальная разница между половыми сношениями в естественной или неестественной форме и действиями сексуального характера, кроме половых сношений.

Для приведения законодательства в соответствие с международными стандартами и для нормального урегулирования половых отношений между несовершеннолетними необходимо внести изменения в ст. 156 УК Украины по аналогии со ст. 155 УК Украины установив ответственность за развратные действия исключительно для совершеннолетних лиц.

1. Кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://xn----ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/glava-20/> (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Швеции. Принят в 1962 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/_ugolovnyj_kodeks_shvecii/ (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред., предислов. и пер. с нем. канд. юрид. наук А. В. Серебренниковой. СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. 350 с. [Вернуться к статье](#)

4. Возраст сексуального согласия в Европе [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Возраст_сексуального_согласия_в_Европе/ (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Що вважають сексуальним злочином в Німеччині? Що можна, що не можна? [Електронний ресурс]. URL: <http://cripo.com.ua/processes/?p=250267/> (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.2/7

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Н. А. Шелегова

доцент кафедры административной деятельности,
кандидат технических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: Shelegova.natasha@yandex.ru

П. П. Смирнов

старший преподаватель кафедры административной деятельности,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

***Аннотация.** Целью научной работы является исследование социально-правовых основ противодействия коррупции в Республике Беларусь, а также системы антикоррупционных мер, реализуемых органами внутренних дел. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией мер органами внутренних дел по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** коррупция, противодействие, меры, органы внутренних дел.*

***Annotation.** The purpose of the scientific work is to study and criminological characteristics of measures to prevent corruption in the Republic of Belarus. The object of research is public relations, folding in connection with the implementation of measures for the prevention, detection and suppression of corruption offenses in the Republic of Belarus. The subject of research is the work of actors in the field of combating corruption.*

***Keywords:** corruption, opposition, measures, internal affairs bodies.*

Важную роль в антикоррупционной работе органов внутренних дел Республики Беларусь играет национальное законодательство, соответствующее установленным международным нормам, определяющим тенденцию развития усилий мирового сообщества по преодолению коррупции.

Для эффективного правового обеспечения антикоррупционной работы должны разрабатываться и приниматься законы, регулирующие различные отрасли экономической деятельности: внешнеэкономические операции, кредитование, банковскую деятельность, регистрацию юридических лиц, лицензирование и пр., — чтобы исключить произвол и злоупотребления должностных лиц, осуществляющих контрольные, разрешительные, управленческие функции.

Повышение уровня законодательного регулирования экономических отношений, несомненно, будет способствовать уменьшению масштабов коррупционности чиновничьего аппарата. Субъекты экономических отношений (как юридические лица, так и граждане) смогут рассчитывать на предсказуемое

поведение чиновников, что облегчит обжалование их неправомερных действий и повлечет снижение коррупционности [1].

Например, модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» имеет функционально-ориентировочный характер. В нем раскрыто содержание антикоррупционной политики, определены ее цели, задачи, принципы, приоритетные сферы правового регулирования. Особое внимание в модельном законе уделено системе мер ответственности за совершение коррупционных правонарушений, дается понятие коррупционных правонарушений и их классификация.

Так, глава 2 «Система мер реализации антикоррупционной политики» регламентирует меры по предупреждению, пресечению коррупционных правонарушений, меры ответственности за коррупционные правонарушения, меры по возмещению вреда, причиненного коррупционными правонарушениями, что непосредственно связано с антикоррупционной деятельностью органов внутренних дел.

Следует отметить, что возникает определенная проблема применения органами внутренних дел Республики Беларусь действующего антикоррупционного законодательства.

Установленные законом ограничения для государственных служащих, бесспорно, должны были бы свести к минимуму коррупцию.

Тем не менее на практике приходится убеждаться в том, что государственные служащие весьма ловко обходят запреты и пополняют свой бюджет за счет авторитета занимаемой должности [2].

С точки зрения совершенствования законодательства Республики Беларусь, целесообразно согласиться с классификацией, предложенной Анатолием Климом [3]. По мнению ученого, проблемой для правоохранительных органов, в том числе для органов внутренних дел, в сфере антикоррупционной деятельности является разработка специализированных программ по борьбе с коррупционной преступностью.

Так, например, Республиканским координационным совещанием утверждена очередная Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2019–2021 годы. В данной программе указывается, что борьба с преступностью и коррупцией по-прежнему требует проведения согласованной политики, основанной на планировании и координации деятельности государственных органов и иных организаций.

Целью Программы остается дальнейшее снижение уровня преступности посредством совершенствования системы борьбы с преступностью и коррупцией в Республике Беларусь.

Хотелось бы обратить внимание, что в программах, как правило, не ставятся вопросы об изменении стратегии или тактических приемов борьбы с преступностью. Исходя из криминогенной обстановки.

Это не позволяет органам внутренних дел Республики Беларусь исполнять программы наиболее эффективно и полно.

Еще одной существенной проблемой правового обеспечения эффективности антикоррупционной работы органов внутренних дел является необходимость оптимизации деятельности специализированных подразделений по борьбе с коррупцией, выработка новых критериев оценки их деятельности, а также совершенствование системы их взаимодействия.

Как уже отмечалось ранее, в соответствии с Законом «О борьбе с коррупцией» к антикоррупционным относятся органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности [4].

Прокуратура Республики Беларусь определена как государственный орган, ответственный за организацию борьбы с коррупцией, а на Межведомственную комиссию по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь возложена координация деятельности всех государственных органов, осуществляющих и участвующих в борьбе с коррупцией, что является не совсем целесообразным для антикоррупционной деятельности органов внутренних дел, так как функция ответственности и функция координации должны быть сосредоточены в одном государственном органе.

Во-вторых, считаем необходимым на законодательном уровне в органах внутренних дел, прокуратуре и органах государственной безопасности Республики Беларусь для каждого специализированного подразделения по борьбе с коррупцией определить конкретно основные их цели и задачи. Ведь на сегодняшний день среди специализированных подразделений органов внутренних дел, прокуратуры и органов государственной безопасности Республики Беларусь по многим направлениям их оперативно-розыскной деятельности происходит дублирование.

По данным ранее проведенных исследований, наиболее коррумпированными являются правоохранные, контролирующие и исполнительно-распорядительные органы [5].

В этой связи считаем целесообразным на органы государственной безопасности Республики Беларусь возложить борьбу с коррупцией в правоохранных и судебных органах, на подразделения Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь — борьбу с коррупцией в контролирующих органах и органах государ-

ственной власти и управления, а на подразделения УБЭП МВД — борьбу с коррупцией в отраслях народного хозяйства.

На наш взгляд, оценка работы специализированных подразделений органов внутренних дел по борьбе с коррупцией должна строиться не на количестве возбужденных уголовных дел, а на количестве осужденных и отстраненных от занимаемой должности лиц по компрометирующим основаниям.

Особого внимания в антикоррупционной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь заслуживает проблема правового обеспечения эффективности совершенствования системы финансового контроля за доходами и расходами государственных служащих и иных категорий должностных лиц.

Так, уже на протяжении 17 лет действует Закон Республики Беларусь от 4 января 2003 года № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов, имущества и источников денежных средств» [6].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 года № 408 образован Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь, основными задачами которого являются: принятие эффективных мер по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путем, и финансирования террористической деятельности; создание и обеспечение функционирования автоматизированной системы учета, обработки и анализа информации о финансовых операциях, подлежащих особому контролю; осуществление международного сотрудничества по вопросам предотвращения легализации доходов, полученных незаконным путем, и финансирования террористической деятельности [7; 8].

Действующий Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» определил меры, направленные на обеспечение финансового контроля со стороны государственных служащих и членов их семьи [4].

Вместе с тем нет еще четко выработанной системы по контролю за соответствием расходов должностных лиц их доходам. Финансовый контроль из категории формального должен перейти в категорию реального.

Правоохранительные органы, в том числе и органы внутренних дел Республики Беларусь, лишены возможности получения достоверной и полной информации из других государств о наличии недвижимости и финансовых средств в отношении должностных лиц, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений.

Поэтому работа по совершенствованию системы финансового контроля, а также и по расширению международного сотрудничества с зарубежными государствами в сфере борьбы с коррупционной преступностью и легализацией

преступных доходов является одной из актуальных проблем правового обеспечения эффективности антикоррупционной работы органов внутренних дел.

Наряду с дальнейшим совершенствованием уголовно-правовых средств в борьбе с коррупцией необходимо задействовать и другие отрасли права, которые регулируют различные сферы общественных отношений, где сосредоточены основные детерминанты, способствующие совершению коррупционной преступности.

Так, не менее важными проблемами правового обеспечения эффективности антикоррупционной работы органов внутренних дел является назревающая необходимость последовательно совершенствовать законодательство с целью упразднения специального уголовно-процессуального статуса депутатов и судей при совершении ими коррупционных преступлений (депутатский и судейский иммунитет в таких случаях не должен применяться), а также необходимость разработки и внедрения правовых норм, направленных на обеспечение безопасности лиц, осуществляющих борьбу с должностными и коррупционными преступлениями, а также членов их семей.

1. Гриб В. Г., Окс Л. Е. Противодействие коррупции : учеб. пособие. М. : Московская финансово-промышленная академия, 2011. 192 с. [Вернуться к статье](#)
2. Борьба с преступностью в Беларуси: научные основы и концептуальные решения / О. И. Бажанов [и др.] // Право и экономика. 2005. № 4. С. 298–299. [Вернуться к статье](#)
3. Клим А. Специальные меры предупреждения взяточничества [Электронный ресурс] // Аналитическая правовая система «Бизнес-Инфо»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)
4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // Аналитическая правовая система «Бизнес-Инфо»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)
5. Шардаков А. А. Коррупция в Республике Беларусь: масштабы и характер проявлений // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НИ-ИПККиСЭ МЮ Республики Беларусь. Минск. 2003. Вып. 17. С. 32–38. [Вернуться к статье](#)
6. О декларировании физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2003 г., № 174-3 // Аналитическая правовая система «Бизнес-Инфо»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)
7. Об образовании Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 сент. 2003 г., № 408 // Аналитическая правовая система «Бизнес-Инфо»: Беларусь / ООО «Профессиональные правовые системы». Минск, 2020. [Вернуться к статье](#)
8. Шелегова Н. А., Смирнов П. П. К вопросу реализации антикоррупционного законодательства Республики Беларусь // Академическая мысль : сетевое издание // Академия управления МВД России. 2019 г. № 2 (7). С. 77–81. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.4

ДОГОВОР АУТСТАФФИНГА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. В. Шелков

доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: shelkov07@tut.by

***Аннотация.** Одной из инновационных и действенных технологий последнего времени является аутстаффинг персонала. Проведенный в статье анализ действующего в этой сфере законодательства позволил сформулировать правовые условия для того, чтобы в Республике Беларусь аутстаффинг стал бизнесом, соответствующим требованиям, принятым в большинстве стран мира, а его участники получили надежную правовую защиту.*

***Ключевые слова:** аутстаффинг, компания-аутстаффер, компания-клиент, персонал.*

***Annotation.** One of the innovative and effective technologies of recent times is staff outstaffing. The analysis of the legislation in force in this area made it possible to formulate the legal conditions so that outstaffing in the Republic of Belarus becomes a business that meets the requirements adopted in most countries of the world, and its participants receive reliable legal protection.*

***Keywords:** outstaffing, outstaffer company, client company, staff.*

Каждый владелец бизнеса постоянно работает над оптимизацией всех своих расходов для увеличения прибыли, достижения иных экономических и социальных результатов. С этой целью разрабатываются и применяются новые инновационные бизнес-решения и технологии. Одной из таких действенных технологий последнего времени является аутстаффинг персонала.

Аутстаффинг как один из способов кадрового администрирования помогает бизнесу сосредоточиться исключительно на реализации бизнес-проекта, освободившись от юридических и социальных обязательств по отношению к работникам. Эту функцию в таком случае выполняет агентство, как правило, частной формы собственности, которое подбирает и затем передает персонал субъектам хозяйствования для использования в их собственных интересах.

Следует учитывать, что в мире модель аутстаффинга существует давно.

При использовании аутстаффинга персонал из штата компании переходит в штат компании-аутстаффера. В результате чего сотрудники или рабочие продолжают работать на прежнем рабочем месте и выполнять прежние функции, но роль и обязанности работодателя официально переходят сторонней компании-аутстафферу. Официальным работодателем в таком случае является аутстаффинговая компания, которая оформляет с работниками трудовые отношения и выполняет такие функции работодателя, как ведение кадрового учета

сотрудников, прием на работу и увольнение, уплату налогов, выплату заработной платы, оплату больничных, страхование, взаимодействие с госорганами и т. п. Это вид аутстаффинга без оказания услуги по подбору персонала.

В современных условиях, особенно, в сфере информационных технологий, более широко используется аутстаффинг с оказанием услуги по подбору персонала. Такой аутстаффинг предполагает первоначальный подбор персонала определенной квалификации специализированной компанией-аутстаффером и оформление с отобранными сотрудниками трудовых отношений. Затем персонал, отвечающий требованиям ИТ-компании или какой-либо другой компании, предоставляется для выполнения краткосрочных или длительных задач в интересах компании-клиента на основании договора аутстаффинга, заключенного между компанией-аутстаффером и компанией-клиентом.

Компания-клиент, в свою очередь, устанавливает задачи и задания для нанятых аутстаффером в ее интересах работников, не вступая с ними в какие-либо трудовые отношения. Нанятые работники берут на себя обязательство выполнить весь спектр требований и работ, прописанных в трудовом соглашении, которое они заключают с компанией-аутстаффером.

Кроме этого, необходимо учитывать, что на практике аутстаффинг может различаться сроком предоставления сотрудников для компании-клиента. Это «лизинг персонала», когда договорные отношения возникают между заказчиком и исполняющей организацией на срок более трех месяцев, и «временный штат», когда потребность во временном персонале возникает на срок до 3 месяцев или же возникает необходимость кратковременной замены штатного сотрудника.

Таким образом, при любом виде аутстаффинга формально сотрудники числятся в штате одного предприятия, но по факту выполняют работу для другого предприятия.

Что касается Республики Беларусь, то и в нашей стране применение широко используемого на практике субъектами хозяйствования договора аутстаффинга также является эффективным способом временного привлечения дополнительных сотрудников. Вместе с тем многие отечественные предприниматели считают, что у нас аутстаффинг не разрешен, а возможно и запрещен. Что нужно знать о белорусском законодательстве, чтобы иметь возможность на законных основаниях пользоваться услугами предпринимателей, которые передают персонал в аренду бизнесу?

Гражданский кодекс (далее — ГК) Республики Беларусь не содержит определения договора аутстаффинга (или договора по предоставлению персонала). Однако следует учитывать содержание п. 1 ст. 7 ГК Республики Беларусь, в соответствии с которым гражданские права и обязанности возникают из

оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Следовательно, между субъектами гражданских правоотношений допускается заключение любого договора, не запрещенного законодательством.

Вместе с тем договор аутстаффинга может быть квалифицирован как гражданско-правовой договор возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК). Кроме того, такой договор может содержать элементы различных договоров, предусмотренных законодательством, и в данном случае будет рассматриваться как смешанный договор (ст. 391 ГК), что допустимо с позиции ГК Республики Беларусь.

Исходя из этого, можем сделать вывод о том, что услуга аутстаффинга абсолютно легальна и законна, запретов на ее применение в действующем законодательстве не существует. На практике эта услуга реализуется, как правило, через субъекты хозяйствования, предоставляющие находящийся в их штате персонал, временно не имеющий работы, другим предпринимателям для решения, как правило, временных задач.

Однако для того, чтобы в Республике Беларусь аутстаффинг стал бизнесом, соответствующим требованиям, принятым в большинстве стран мира, а его участники имели надежную правовую защиту, необходимо создать и организационные, и правовые условия.

За основу применяемого в Республике Беларусь аутстаффинга следует взять его классическую модель, причем как без оказания услуги по подбору персонала, когда персонал из штата компании-клиента сразу переходит в штат компании-аутстаффера, так и с оказанием услуги по подбору персонала.

Такой (классический) аутстаффинг предполагает первоначальный подбор персонала определенной квалификации специализированной компанией-аутстаффером и оформление с подобранными сотрудниками трудовых отношений. Затем персонал, отвечающий требованиям компании, заказавшей такую услугу, предоставляется для выполнения краткосрочных или длительных задач в интересах компании-клиента на основании договора аутстаффинга, заключенного между компанией-аутстаффером и компанией-клиентом. Компания-клиент, в свою очередь, устанавливает задачи и задания для нанятых аутстаффером в ее интересах работниках, не вступая с ними в какие-либо трудовые отношения.

Для расширения практического применения в Республике Беларусь аутстаффинга и обеспечения правовых гарантий участников этого процесса необходимо в первую очередь расширить правовой статус действующих

агентств занятости, имеющих статус юридического лица, которые в настоящее время оказывают услуги поиска и подбора персонала для действующих на территории нашей страны белорусских, российских и иностранных компаний.

С этой целью требуется предоставить агентствам занятости дополнительные права. Во-первых, право оказания услуги по найму работников с целью предоставления их в распоряжение третьей стороны, которая может быть как физическим, так и юридическим лицом (далее — предприятие-пользователь), устанавливает им рабочие задания и контролирует их выполнение. Во-вторых, право агентства занятости при этом стать стороной в трудовых отношениях — работодателем для отобранных для предприятия-пользователя сотрудников, оформляя с ними трудовые договоры в соответствии с действующим трудовым законодательством.

В свою очередь, отношения между агентством занятости и предприятием-пользователем должны строиться на основании заключаемого между ними договора аутстаффинга, носящего гражданско-правовой характер.

В последующем, на наш взгляд, в Республике Беларусь право оказания услуг аутстаффинга должно быть предоставлено исключительно юридическим лицам, аккредитованным в качестве частного агентства занятости — провайдера услуг аутстаффинга. Для этого необходимо определить: что именно представляет из себя частное агентство занятости, каким условиям оно должно соответствовать и каким образом оно может получить аккредитацию на аутстаффинг.

Оценка целесообразности заключения международных правовых документов, регламентирующих сферу занятости населения, объективно предполагает, что в качестве правовой основы деятельности частных агентств занятости следует взять Конвенцию Генеральной конференции Международной организации труда «О частных агентствах занятости» от 19 июня 1997 г. № 181, вступившую в силу 10 мая 2000 г.

К сожалению, Беларусь эту конвенцию до сих пор не ратифицировала, но если это произойдет, то многие вопросы с легкостью решатся.

Также с целью регламентации в ГК Республики Беларусь аутстаффинга как разновидности договора возмездного оказания услуг — договора аутстаффинга (договора оказания услуг по подбору и найму персонала) статью 733 ГК Республики Беларусь следует дополнить новым пунктом 3 следующего содержания: «По договору аутстаффинга организация-исполнитель (аутстаффер) осуществляет подбор и предоставляет за плату специалистов необходимой квалификации, являющихся ее работниками, организации-заказчику (клиенту) для выполнения определенных функций в интересах заказчика на обусловленный в договоре срок.»

Таким образом, сегодня одним из лучших источников для аутстаффинг-вендоров является Республика Беларусь, прекрасно воплощающая отличное соотношение цены и качества предоставляемых сотрудников, которое ищет любой менеджер. При успешной реализации вышеуказанных организационных и правовых условий работа с белорусской командой станет весьма удобной и эффективной для компании-клиента любой страны мира, имеющей проект больших масштабов и долгосрочной перспективы, а также квалифицированных менеджеров, которые могут успешно управлять подобранной аутстаффером командой.

УДК 343.140.01

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ЕГО ПО ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ, КОМПЕТЕНЦИИ

Ж. А. Шилко

старший преподаватель кафедры,
уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: shilko.zhanna@mail.ru

Аннотация. В статье комплексно рассматривается регламентация деятельности органов дознания при принятии решений о возбуждении уголовных дел, закрепленная уголовно-процессуальным законодательством, а также иными локальными актами правоохранительных органов.

Ключевые слова: орган дознания, возбуждение уголовного дела, заявления и сообщения о преступлении, подследственность, компетенция.

Annotation. The article comprehensively examines the regulation of the activities of inquiry bodies when making decisions on the initiation of criminal cases, enshrined in the criminal procedure legislation, as well as other local acts of law enforcement agencies.

Keywords: inquiry agency, criminal proceedings, allegations and reports of crime, jurisdiction, competence.

После проведения в 2011–2013 гг. в Республике Беларусь реформы правоохранительных органов практика принятия органами дознания решений о возбуждении уголовных дел оказалась весьма скромной. Как показывает статистика, удельный вес уголовных дел, возбужденных органами дознания Республики Беларусь в последние годы, колеблется в пределах 1,5–2 % от таких решений, принимаемых органами уголовного преследования по республике. Вместе с тем, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), при наличии признаков преступления орган дознания передает заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной ст. 182 УПК, или возбуждает уголовное дело.

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению порядка возбуждения уголовных дел органом дознания, считаем необходимым довести до сведения отдельные требования межведомственного постановления «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в ходе досудебного производства», утвержден-

ного в декабре 2016 года [1], которые детализируют деятельность органов дознания Республики Беларусь, в частности при завершении проверки по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлении и принятии соответствующего решения, предусмотренного ч. 1 ст. 174 УПК.

Так, в соответствии с вышеуказанным постановлением, при наличии оснований к возбуждению уголовного дела по заявлению, сообщению о преступлении орган дознания незамедлительно возбуждает уголовное дело или направляет его (т. е. заявление или сообщение) вместе с материалами проверки в соответствующее подразделение Следственного комитета, либо орган государственной безопасности, либо прокурору. В пределах одного населенного пункта материал проверки передается в соответствующее подразделение Следственного комитета, либо орган государственной безопасности, либо прокурору не позднее одних суток с момента принятия такого решения.

Кроме этого, для территориальных органов внутренних дел Республики Беларусь, в соответствии с п. 39 Инструкции о порядке приема, регистрации и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях [2], непосредственно регламентирующей порядок приема, регистрации и учета органами внутренних дел Республики Беларусь заявлений и сообщений о преступлениях, при наличии оснований к возбуждению уголовного дела по заявлению, сообщению о преступлении, начальник ОВД незамедлительно направляет его вместе с материалами проверки в соответствующее подразделение Следственного комитета, либо орган государственной безопасности, либо прокурору или возбуждает уголовное дело.

Подобная ситуация, при которой только начальник органа дознания вправе лично принимать два из четырех решений, предусмотренных ч. 1 ст. 174 УПК (о возбуждении уголовного дела и о передаче заявления, сообщения по подследственности (компетенции)), лишь частично коррелирует с компетенцией начальника органа дознания, установленной ч. 5 ст. 38 УПК. Соответствие имеет место только в части вынесения постановления о передаче заявления, сообщения о преступлении по подследственности, компетенции. Согласно приведенной уголовно-процессуальной норме, начальник органа дознания утверждает в числе прочих постановления о возбуждении уголовного дела, то есть постановления, вынесенные лицом, производящим дознание, которым, в соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК является должностное лицо, уполномоченное органом дознания на осуществление досудебного производства [3]. Таким образом, особенностью белорусского уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок принятия органом дознания решений о возбуждении уголовного дела и о передаче заявления, сообщения по подследственности, компетен-

ции, является то, что решение о передаче заявления, сообщения по подследственности, компетенции вправе принимать только начальник органа дознания.

Таким образом, при наличии поводов и оснований, предусмотренных ст. 166 и 167 УПК, орган дознания, следователь либо прокурор выносят постановление о возбуждении уголовного дела, относящегося к публичному обвинению, по одному из двух вариантов:

1) по факту совершенного преступления — независимо от того, установлено ли лицо, совершившее преступление, на момент возбуждения уголовного дела;

2) в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления (в отношении отдельных категорий должностных лиц, указанных в ч. 1 ст. 468¹ УПК, предусмотрен особый порядок возбуждения уголовных дел с учетом общих правил УПК, касающихся порядка возбуждения уголовных дел).

Уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются органом дознания, следователем или прокурором в соответствии с общими правилами УПК не иначе как по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законного представителя, представителя юридического лица. Если сообщение о каком-либо преступлении, отнесенном законодателем к частно-публичному обвинению, затрагивает существенные интересы государства или общества либо если лицо, пострадавшее от преступления, в силу беспомощного состояния, зависимости от лица, совершившего преступление, или по иным причинам не в состоянии защитить свои права и законные интересы, прокурор вправе возбудить уголовное дело и при отсутствии заявления.

В вводной части постановления о возбуждении уголовного дела указываются время и место его вынесения, кем оно составлено, повод и основание к возбуждению дела, статья уголовного закона, по признакам которой оно возбуждается, данные о лице, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В постановлении о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения лица статья Уголовного кодекса не указывается.

В случае если постановление о возбуждении уголовного дела вынесено лицом, производящим дознание, которому было поручено рассмотрение заявления или сообщения о преступлении, то такое постановление, в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 38 УПК, утверждается начальником (либо его заместителем) соответствующего органа дознания с обязательным указанием даты утверждения. Эта дата и будет считаться датой вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, и только после утверждения постановления, составленного лицом, производящим дознание, оно приобретает юридическую силу.

Копия постановления о возбуждении уголовного дела в течение 24 часов направляется надзирающему прокурору. В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 175 УПК, о принятом решении сообщается заявителю, которому в дополнение к требованиям ч. 3 ст. 174 и ч. 1 ст. 139 УПК также разъясняется право на обжалование данного решения.

В соответствии с требованиями п. 71 ранее упомянутого межведомственного постановления о взаимодействии в ходе досудебного производства, в случае возбуждения уголовного дела в отношении военнослужащего по признакам преступления, совершенного вне расположения воинской части и не при исполнении обязанностей воинской службы, орган дознания в течение 24 часов информирует руководство воинского формирования (воинской части, организации).

После вынесения постановления о возбуждении уголовного дела:

1) прокурор направляет уголовное дело в соответствии с подследственностью, определенной ст. 182 УПК, или нижестоящему прокурору либо приступает к производству предварительного следствия;

2) начальник следственного подразделения поручает производство предварительного следствия следователю либо приступает к производству предварительного следствия;

3) следователь приступает к производству предварительного следствия;

4) орган дознания после производства неотложных следственных и других процессуальных действий, но не позднее десяти суток со дня возбуждения уголовного дела, направляет уголовное дело для производства предварительного следствия.

Белорусским уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены пределы деятельности органов дознания по возбужденным ими уголовным делам, которые условно можно обозначить следующим образом:

временные — 10-суточный срок, установленный ч. 3 ст. 186 УПК, со дня возбуждения уголовного дела;

процессуальные — исчерпывающий перечень неотложных следственных и других процессуальных действий для установления и закрепления следов преступления.

И в первом, и во втором из обозначенных нами случаев орган дознания вправе самостоятельно определять момент окончания своей деятельности в рамках возбужденного уголовного дела, то есть как в отношении продолжительности, так и в определении объема своей процессуальной деятельности. Положения ст. 186 УПК оставляют право выбора за органом дознания, в какой именно момент из предусмотренного УПК 10-суточного срока необходимо принимать решение о передаче уголовного дела следователю для дальнейшего

расследования в форме предварительного следствия. Представляется, что ключевыми факторами, влияющими на определение органом дознания таких границ, могут являться:

- истечение отведенного законодательством 10-суточного срока;
- выполнение всех возможных для каждого в отдельности случая следственных и процессуальных действий.

Если в первом случае границы временного периода производства неотложных следственных и процессуальных действий по возбужденному органом дознания уголовному делу строго оговорены уголовно-процессуальным законом, то во втором случае такие границы определяются по усмотрению лица, производящего дознание, в чьем производстве находится уголовное дело. Разумеется, первоначальный этап предварительного расследования, в рассматриваемом нами случае осуществляемого в форме дознания, по каждому уголовному делу индивидуален, и какие именно неотложные следственные и иные процессуальные действия будут проведены, точно определить либо перечислить не представляется возможным. Главное, что вся процессуальная деятельность, проводимая органом дознания по возбужденному уголовному делу, нацелена на установление и закрепление следов преступления с тем, чтобы не допустить утраты доказательств, получение которых на более поздних периодах расследования уголовного дела будет попросту невозможно.

Далее уголовные дела, возбужденные органом дознания, по истечении срока дознания и выполнения неотложных следственных и иных процессуальных действий передаются в соответствующее подразделение Следственного комитета Республики Беларусь либо орган государственной безопасности по правилам делопроизводства в подшитом и пронумерованном виде с описью имеющихся в них документов, изъятыми предметами, документами, вещественными доказательствами или с указанием места их нахождения (хранения) [4].

Таким образом, безупречное знание и применение правовых предписаний уголовно-процессуального законодательства в комплексе с положениями локальных актов позволяют реализовывать компетенцию органов дознания по своевременному принятию решений о возбуждении уголовных дел с целью безотлагательного проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление и закрепление следов преступления, и формирования базиса для проведения предварительного следствия.

1. Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства: постановление Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерством обороны, Комитетом государственного контроля, Комитетом государственной

безопасности, Государственным пограничным комитетом, Государственным таможенным комитетом, Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь от 26.12.2016 № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Инструкция о порядке приема, регистрации и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях [Электронный ресурс]: утв. постановлением М-ва внутр. дел Респ. Беларусь 08 янв. 2019 г., № 5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм и доп. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Инструкции о взаимодействии государственных органов при изъятии, учете, хранении и передаче вещественных доказательств, предметов, запрещенных к обращению, денежных средств, ценностей, ценных бумаг, наград, документов и иного имущества по материалам и уголовным делам: постановление Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля, Следственного комитета, Комитета государственной безопасности, государственного пограничного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, Министерства внутренних дел, Министерства здравоохранения, Министерства обороны, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства финансов Республики Беларусь от 13.09.2016 № 26/4/200/19/11/18/21/261/104/21/57/84 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.7

ФИШИНГ-АТАКА КАК МЕТОД НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫМ ДАННЫМ

Д. И. Шнейдерова

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: galuzodi@mail.ru

Д. С. Захаров

курсант 2-го курса факультета милиции,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: dima_zakharov_123@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена анализу механизмов реализации различных видов фишинг-атак, являющихся методом несанкционированного доступа к конфиденциальным данным пользователя. Авторами дается определение фишинг-атак, приводятся их классификация и меры предупреждения.*

***Ключевые слова:** фишинг, Интернет, несанкционированный доступ, конфиденциальные данные, электронная почта, вредоносное программное обеспечение.*

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of mechanisms for implementing various types of phishing attacks, which are a method of unauthorized access to confidential user data. The authors provide a definition of phishing attacks, their classification and prevention measures.*

***Keywords:** phishing, Internet, unauthorized access, confidential data, email, malicious software.*

Внедрение интернет-пространства и продуктов научно-технического прогресса в повседневную жизнь современного общества приводит к развитию усовершенствованных видов киберпреступности, направленных в большей степени на завладение личными данными пользователей глобальной сети и их собственностью. Согласно данным информационного центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь самым распространенным видом преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, является хищение путем использования компьютерной техники, сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации, а именно к конфиденциальным данным пользователей сети Интернет. Так, за 2019 год по Республике Беларусь было зарегистрировано 3 573 преступления, по которым возбуждены уголовные дела по частям 2–4 ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь с указанным квалифицирующим признаком. По сравнению с 2018 годом, количество рассматриваемых преступлений увеличилось к 2020 году на 3 393 факта (т. е. в 19,9 раз; прирост составил 1 885 %).

Одним из методов несанкционированного доступа к конфиденциальной информации пользователей является фишинг-атака, которая представляет собой способ противоправного получения личных данных пользователей (логинов, паролей, приватных ключей и других) путем внедрения вредоносного программного обеспечения на используемые устройства (компьютеры, мобильные телефоны) или побуждения посредством обмана к вводу данных для авторизации на фальшивых сайтах-близнецах в сети Интернет. Конфиденциальные данные позволяют преступникам осуществить беспрепятственный доступ к электронным и криптовалютным кошелькам, банковским картам, мобильным и интернет-банкигам с целью хищения денежных средств пользователя, в том числе виртуальных (криптовалюты, токенов).

Следует отметить, что фишеры в рамках своей преступной деятельности используют различные методы психологического воздействия, делая упор на такие черты личности, как доверчивость, жадность, лень, чувство сострадания, поспешность в принятии важных решений, желание получить «легкий» заработок или приумножить свое благосостояние. При этом в большинстве случаев киберпреступники прикрываются именами и логотипами крупных знаменитых компаний, почтовых сервисов, массовых социальных сетей, работников органов исполнительной власти, банков, партнеров по бизнесу и других.

Фишинговые атаки могут осуществляться посредством интернет- или SMS-рассылок писем из различных виртуальных источников, информация составляющая которых побуждает пользователя следовать указаниям и совершать необходимые преступнику действия. Приведем классификацию фишинговых атак и рассмотрим механизмы их реализации.

Возможность доступа к конфиденциальным данным пользователя может быть получена посредством создания «сайтов-близнецов», внешне схожих с оригинальными как по интерфейсу, так и по URL-адресу (т. е. адресу сайта в сети Интернет). Например, пользователю приходит уведомление на почтовый ящик о необходимости пройти повторную авторизацию, для чего следует перейти по ссылке и ввести свои учетные данные. Открыв в браузере указанную ссылку, пользователь попадает на страницу хорошо знакомого сайта с окном для авторизации, ничего не подозревая, вводит свои данные, после чего страница либо автоматически перезагружается, и появляется все то же окно авторизации, либо перенаправляет пользователя далее в учетную запись для ввода иной личной информации. При этом стоит обратить внимание, что для регистрации адреса поддельного сайта достаточно скопировать оригинальное название, заменив в нем всего лишь одну букву или символ.

По статистике, 27 % попыток всех фишинговых атак происходит через электронную почту. При этом пострадавшими оказываются не только обману-

тые пользователи, но и корпорации, владеющие знаменитыми брендовыми интернет-ресурсами. В 2019 году наблюдалось ранжирование фишинговых страниц в зависимости от устройств, использующих выход в глобальную сеть. Например, через мобильные устройства в основном распространялись фишинговые страницы социальных сетей и банков. Через электронную почту, как правило, распространялись фишинговые письма, приуроченные к периоду распродаж, например таких, как черная пятница в ноябре 2019 года. Согласно отчету израильской компании Check Point (компания занимается разработкой программ в сфере обеспечения кибербезопасности) в 2019 году больше всего пострадали такие интернет-ресурсы как Facebook (18 % фишинговых атак в мире), Yahoo (10 %), Netflix (5 %), PayPal (5 %), Microsoft (3 %), Apple (2 %), Google (2 %) и др. [1].

Еще одним способом фишинговой атаки является переход по активной ссылке, которая не перенаправляет на поддельную страницу сайта, а инициирует процесс автоматической загрузки на компьютер или мобильное устройство вредоносного программного обеспечения, способного считывать личные данные пользователя, сохраненные как в текстовых файлах, памяти браузера или интернет-банкинга, так и непосредственно вводимые через клавиатуру после загрузки вируса. Такие программы могут нарушать общий режим работы устройства, блокировать доступ к другим программам или файлам, однако в некоторых случаях они остаются фоновыми и незаметными для пользователя.

Следует отметить, что вредоносное программное обеспечение может передаваться также посредством вложенных в электронное письмо текстовых или pdf-файлов. Так пользователь получает сообщение от администрации сайта или знакомого человека с текстом, обращающим внимание на необходимость ознакомления с вложенными файлами для получения детальной информации, открытие которых активизирует загрузку вируса.

Таким образом, можно говорить о том, что в основе механизма фишинга лежит два основных способа получения конфиденциальных данных, дающих возможность злоумышленнику похитить денежные средства: либо собственноручный ввод данных на поддельных сайтах, либо загрузка вирусного программного обеспечения путем перехода по ссылке или скачивания документов различных форматов.

Несмотря на то что механизмов работы фишинга не так уж и много, хакеры совершенствуют свою деятельность в данном направлении и внедряют новые способы обмана. В связи с чем фишинг может быть классифицирован также и по адресатам, которым предназначены письма-ловушки.

Самую большую группу в данной классификации составляет спам-рассылка, рассчитанная на неограниченный круг случайно определенных поль-

зователей. Спам-сообщения могут приходиться как на почтовый ящик, так и в аккаунтах социальных сетей и иметь различное смысловое содержание. Например, сообщение о рекламе розыгрыша дорогостоящих призов, о бонусах и акциях брендовых магазинов, о предоставлении купона с большой скидкой на товар, о попытках взлома аккаунта с чужого устройства, о дополнительной проверке безопасности, о получении денежного выигрыша или пополнении счета и др. Для привлечения дополнительного внимания преступники часто используют фотографии знаменитых людей и рекламируют поддельные сайты от их имени или бренда.

Противоположным спаму является целенаправленный фишинг, рассчитанный на обман определенного человека или группы людей, объединенных общими интересами. При данном виде фишинг-атак текст сообщения в большинстве случаев содержит обращение к пользователю по его имени и фамилии, имеет четко сформулированную просьбу или требование, не вызывающие сомнений. Например, требование о проверке достоверности личных данных, о блокировке взломанного электронного кошелька, о подтверждении перевода денег на банковскую карту, об оплате задолженности по какому-либо обязательству с указанием реквизитов, просьба от имени хорошо знакомого человека о денежной помощи с предоставлением данных платежной карты, о поддержке в конкурсе путем проставления «лайка» или «голоса», просмотре фотографий, требующие перехода по ссылке, и другие.

Популярным является пример письма от иностранного адвоката, сообщаящего пользователю печальное известие о смерти дальнего родственника, оставившего для него большое наследство, для получения которого требуется либо переход по ссылке, либо дальнейшая переписка и отправка конфиденциальных данных.

Разновидностью целенаправленного фишинга является уэйлинг (Whaling), который направлен на обман знаменитых публичных людей, руководителей крупных организаций, банков, государственных органов с целью хищения личных данных, информации о сотрудниках и денежных средств. Примерами могут служить ссылки на жалобы клиентов, судебные повестки или другая информация. Уэйлинговые письма чаще всего используют вложенные документы, так как их наличие не вызывает сомнения у пользователя о реальности намерений бизнес-партнера или подчиненного работника.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день хакеры применяют фишинговые схемы не только в рамках интернет-пространства, но и посредством мобильных сетей. Такой вид фишинг-обмана получил название Смишинг (SMiShing). Он концептуально очень схож с обычным фишингом, но реализует-

ся путем рассылки текстовых SMS-сообщений, содержащих ссылки на подставные сайты или зараженные вирусом мобильные приложения.

Таким образом, анализ механизмов и способов реализации фишинговых атак позволяет определить основные меры по предупреждению хищений путем использования компьютерной техники, сопряженных с несанкционированным доступом к конфиденциальным данным:

1. При получении подозрительного письма от администрации хорошо знакомого сайта, даже если по внешним признакам он идентичен настоящему, целесообразно убедиться в правильном написании как доменного имени сайта (URL-адреса), так и самого отправителя, так как чаще всего они отличаются лишь на одну-две буквы (символа). Только после этого можно вводить свои личные данные, открывающие доступ к денежным ресурсам.

2. Следует внимательно ознакомиться и с содержанием письма. В большинстве случаев злоумышленники требуют активных действий от пользователя под угрозой ограничения его прав по использованию конкретного ресурса, что никогда не будут делать сотрудники реальной администрации. В данном случае целесообразно связаться с представителями сайта или организации и уточнить полученную информацию.

3. Внимания требуют и стилистические признаки изложения текста. Некоторые преступники составляют сообщения на иностранных языках, знакомых не всем пользователям. Такие письма сопровождаются неграмотным техническим переводом, при котором перед пользователем появляется несвязный текст с низкой смысловой нагрузкой. Кроме того, настораживающим является и отсутствие факта посещения когда-либо пользователем сайтов на незнакомом языке.

4. Необходимо обеспечить и техническую защиту устройства, с которого пользователь осуществляет выход в Интернет посредством установления антивирусных программ с функцией выявления и блокировки фишинговых атак, а также осуществлять периодическую проверку файлов, хранящихся на устройстве, на наличие скрытых угроз и фоновых процессов.

5. Если дело касается взаимоотношений между знакомыми людьми, то лучше лишний раз убедиться в необходимости оказания человеку помощи посредством телефонной связи или личной встречи.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что на сегодняшний день безопасность конфиденциальных данных, предоставляющих доступ к денежным и виртуальным средствам, зависит в большей степени от самих пользователей. Однако представляется целесообразным правоохранительным органам проводить информационно-аналитическую работу с гражданами посредством участия с докладами в рамках дней информирования трудовых коллекти-

вов и учащихся образовательных учреждений, а также размещать информацию предупреждающего характера на информационных стендах и сайте ведомства.

1. Названы самые «опасные» бренды, которыми прикрываются интернет-мошенники [Электронный ресурс] // Новостной интернет-портал «News-Life». URL: <https://news-life.pro/234105171/> (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 378 (075.8)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ

А. С. Андрианова

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

e-mail: andrian-anna@yandex.ru

***Аннотация.** Развитие академической компетентности курсантов является актуальной задачей подготовки высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь. В статье рассматривается один из способов решения данной проблемы: применение в образовательном процессе учреждения высшего образования метода проектов.*

***Ключевые слова:** академическая компетентность курсантов, образовательный процесс, метод проектов, модульное обучение.*

***Annotation.** The development of academic competence of cadets is an urgent task of training highly qualified personnel for the internal Affairs bodies of the Republic of Belarus. The article considers one of the ways to solve this problem: the use of the project method in the educational process of higher education institutions.*

***Keywords:** academic competence of cadets, educational process, project method, modular training.*

Изменения в государстве и обществе ориентируют проектирование образовательного процесса на всестороннее развитие личности, что детерминирует переход от традиционных форм обучения к использованию инновационных технологий. Как следствие, возникает потребность определить конечные результаты образования, в качестве которых выступают компетенции и компетентности.

В Республике Беларусь образовательными стандартами предусмотрено формирование у обучающихся трех групп компетентностей: академической, социально-личностной, профессиональной. Особо следует обратить внимание на формирование и развитие у обучающихся академической компетентности, которая выступает базисом для формирования и развития профессиональных и социально-личностных компетенций.

Специфика образовательного процесса учреждений высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее — УВО МВД) актуа-

лизирует необходимость акцентирования внимания на развитии у курсантов академических компетенций. Одним из способов решения данной задачи является применение в образовательном процессе УВО МВД метода проектов.

Метод проектов относится к комплексным методам обучения, суть которых состоит в декомпозиции содержания обучения по выделенным объектам (Ж. Жакото, П. Робен, Н. Ф. Гебарт, Дж. Дьюи, К. Д. Ушинский). В ходе планирования и выполнения проектов, в качестве которых выступают постепенно усложняющиеся задания, имеющие практически-жизненную направленность, обучающиеся приобретают новый опыт.

Следует отметить, что метод проектов широко использовался в советской школе 20–30-х годов XX века, но не прижился, поскольку знания и умения, получаемые обучающимися, были не систематизированными, отрывочными. Однако в настоящее время данный метод приобрел новое содержание и используется в педагогической науке в следующем понимании:

1. Учебные проекты не вместо учебных дисциплин, а в дополнение к ним.

2. Модульное обучение, предполагающее распределение учебного материала на отдельные модули. Как правило, единица-модуль разрабатывается для каждой темы, предусмотренной учебной программой дисциплины, и включает цель и задачи ее изучения, а также требования к знаниям и умениям обучающихся, теоретический материал и практические задания для формирования компетентностей, систему заданий для самооценки и оценки знаний, умений и компетенций курсантов. Данное положение реализуется при создании электронных учебно-методических комплексов дисциплин.

Последовательность разработки единиц-модулей, составляющих проект, следующая:

1. Стадия проектирования.
2. Технологическая стадия.
3. Рефлексивная стадия.

На стадии проектирования разработчик проекта проводит анализ программной документации (образовательного стандарта по специальности, типовой программы учебной дисциплины, учебной программы дисциплины) и источников, к которым обучающийся должен обратиться при изучении учебной дисциплины (нормативных правовых актов, учебной и научной литературы), устанавливает внутрипредметные и межпредметные связи. Также на данной стадии происходит структурирование учебного материала и подбор средств, необходимых для его продуктивного изучения. Как правило, в качестве единиц-модулей выделяются темы, предусмотренные учебной программой дисциплины.

Технологическая стадия является наиболее затратной по времени и наиболее трудоемкой, поскольку на данной стадии разработчиком обрабатывается теоретический материал, разрабатываются задания, позволяющие, с одной стороны, сформировать у обучающихся компетенции по применению теории для решения практических задач, а с другой — оценить уровень знаний и умений курсантов.

Проект представляет собой мини-цикл продуктивной деятельности, а потому следует акцентировать внимание на этапе определения критериев, по которым обучающийся самостоятельно сможет оценить правильность решения учебной задачи. Реализация многоуровневого подхода к составлению заданий актуализирует необходимость определения содержания уровней деятельности курсантов:

1. Операционный уровень, для которого характерно выполнение обучающимися отдельных операций, решение частных задач.

2. Тактический уровень, на котором обучающиеся демонстрируют успешное использование всего спектра средств и способов деятельности для решения предлагаемых задач с учетом изменяющихся условий. При этом каждый из курсантов быстро ориентируется в изменяющихся условиях, владеет общими алгоритмами рационального планирования и построения действий, умениями пользования нормативными правовыми актами, научной и учебной литературой, распределения ролей при коллективной организации деятельности.

3. Стратегический уровень характеризуется умением обучающегося свободно ориентироваться в изменяющихся жизненных условиях, общественных отношениях, самостоятельно определять место и цели деятельности в соответствии с общими целями коллектива. Данный уровень предполагает наличие у курсантов высокого уровня развития познавательных умений, творческой активности, умения самоанализа процесса и результатов деятельности, широкого кругозора, коммуникативности и др.

Рефлексивная стадия, по мнению академика А. М. Новикова, представляет собой «осмысление, сравнение, оценку исходных и конечных состояний» [1, с. 11]. Следовательно, оценка качества работы над единицей-модулем включает в себя отметку, полученную по результатам выполнения контрольных заданий, и рефлексии обучающимся собственной деятельности. Проведение курсантом рефлексии предполагает сформированность у него рефлексивного компонента академической компетентности, включающего такие компетенции, как:

1. Способность к самоанализу и самооценке. Немаловажную роль в формировании данной компетенции играет оценка себя как субъекта деятельности, поскольку осознание собственных действий создает основу для формирования

профессионально значимых личностных качеств курсанта, позволяет будущему сотруднику органов внутренних дел адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей действительности. Л. Н. Бережнова определяет самоанализ как «стратегию концепции собственного будущего, стратегию самости» [2, с. 99]. Данная стратегия представляет собой алгоритм становления профессионализма, включающий структурные и функциональные составляющие, позволяющие курсанту проектировать себя [2, с. 99–100]. Самооценка формируется под влиянием внутренних (физиологических и психологических) и внешних факторов (оценка окружающих, результаты учебной и служебной деятельности) и предопределяет успешность процесса обучения курсанта. Адекватная самооценка является предпосылкой для развития умений эмоциональной саморегуляции.

2. Навыки самоконтроля, т. е. способность контролировать свои чувства и действия, оценивать свое поведение с целью выявления новых качеств характера и борьбы с недостатками. Говоря о самоконтроле в процессе обучения, следует отметить его значение для глубокого и прочного усвоения учебного материала. Данная функция самоконтроля реализуется через проверку и оценку курсантами своих знаний, что положительно сказывается на осмыслении изучаемого материала, способствует эффективному и рациональному осуществлению обучения, а в будущем — качественному решению профессиональных задач.

3. Система внутренней самоорганизации по усвоению новых знаний, умений и навыков, направленной на собственное всестороннее развитие (самообразование) [2, с. 101]. Потребность в самообразовании — актуальное качество будущего сотрудника органов внутренних дел, поскольку постоянно изменяющееся, совершенствующееся законодательство предполагает самостоятельное изучение нормативных правовых актов, а также актов толкования, изданных государственными органами, т. е. получения новых знаний, необходимых для качественного выполнения своей профессиональной функции.

4. Умение управлять процессом самосовершенствования согласно поставленным целям, имеющимся идеалам и убеждениям, осмысление собственного поведения и деятельности, определение причин успехов и неудач [3, с. 146]. Развитие у курсантов навыков самоуправления способствует совершенствованию как психических свойств личности (внимания, памяти, воли, мышления и др.), так и личностных качеств (ответственности, самостоятельности, нравственности и др.).

Подводя итог, отметим, что формирование и развитие академической компетентности курсантов как основы для формирования и развития остальных компетентностей, предусмотренных образовательными стандартами Республики Беларусь, является одной из задач УВО МВД, решить которую возможно путем применения в образовательном процессе метода проектов (модульного

обучения). Наличие такого недостатка модульного обучения, как сложность в систематизации теоретических знаний, предопределяет ограничение применения данного метода. Метод проектов целесообразно применять в случае, когда на основе систематизированного образования человеку необходимо освоить новый объект деятельности (переподготовка специалиста) либо новые действия с каким-либо объектом (практическая отработка определенных технологических операций, например, фиксация следов в курсе криминалистики, заполнение уголовно-процессуальных документов в курсе уголовного процесса и др.).

1. Новиков А. М. Структура образовательной деятельности обучающихся // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2010. № 4. С. 3–12. [Вернуться к статье](#)
2. Бережнова Л. Н. Формирование навыков профессионального самоанализа у студента // Армия и общество. 2014. № 4 (41). С. 97–106. [Вернуться к статье](#)
3. Основы педагогики : учеб. пособие / А. И. Жук [и др.] ; под общ. ред. А. И. Жука. Минск : Аверсэв, 2003. 349 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.923

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

В. В. Андросова

делопроизводитель кафедры правовых дисциплин,
магистр психологических наук,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: ronyaveronya_90@mail.ru

***Аннотация.** Под состоянием психологической готовности в структуре личности человека следует подразумевать непростое, направленное выражение личности. Существует множество подходов к тому, что считать элементами готовности в структуре личности человека.*

Для осмысления сути психологической готовности важно понимать не только структуру частей, однако и их структуризацию.

***Ключевые слова:** психологическая готовность, личность, профессиональная деятельность, структура личности.*

***Annotation.** The state of psychological readiness in the structure of a person's personality should be understood as a complex, directed expression of personality. There are a large number of approaches to what to regard as elements of readiness in the structure of a person's personality.*

In order to understand the essence of psychological readiness, it is important not only to understand the structure of the parts, but also their structuring.

***Keywords:** psychological readiness, personality, professional activity, personality structure.*

Психологическая готовность активно исследовалась в отечественной психологии и педагогике, что обнаруживает ряд проблем теоретического и прикладного характера. При этом готовность изучается в плоскости разных теоретических и практических подходов.

Психологическая готовность в структуре личности человека различными учеными рассматривается как состав, главные элементы. Исследование этой проблемы началось в 50-е годы XX века в связи с потребностью высококлассного обучения людей разным типам работы. Более широкое определение звучит следующим образом: готовность — это требование эффективного исполнения деятельности, которая обязана формироваться, а также стремиться к совершенству как лично человеком, так и целой системой событий, проводимых государством в целом [1, с. 230].

В психологическом словаре готовность трактуется как установка, нацеленная на осуществление того либо другого воздействия [2, с. 169]. Данная установка подразумевает присутствие конкретных познаний, умений, способностей; стремление к противодействию образующимся в ходе исполнения дей-

ствия препятствиям; присвоение какого-либо индивидуального значения исполняемому воздействию.

К более раннему осмыслению психологической готовности в структуре личности возможно причислить подходы, авторы которых оценивают готовность как положение оперативной опции к грядущему функционированию.

Под состоянием психологической готовности в структуре личности человека следует подразумевать непростое, направленное выражение личности. Оно обладает динамической структурой, среди компонентов которой имеются многофункциональные связи [3, с. 180].

Состав и место психологической готовности в структуре личности в психологии изучались в космической (Е. А. Лебедев), авиационной (В. Л. Марищук, Б. Л. Покровский), технической психологии (М. И. Дьяченко, В. А. Пономаренко). Были получены важные опытные сведения, которые при этом не применимы к осмыслению психологической готовности, так как разрабатывались проблемы своевременной готовности, настроенности на осуществление единичного воздействия, стремление постигалось как определенное интенсивное положение, необходимое для высококачественного выполнения собственных обязательств или, по формулировке М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович, «активно-действенное состояние личности, отражающее сущность встающей проблемы и условия будущего ее выполнения» [4, с. 150].

П. А. Рудик, рассматривая понятие «готовность», свидетельствует о значимости индивидуального подхода к исследованию состояния готовности, представляет в нем непростое психическое формирование. Автор приписывает важную роль познавательным психологическим действиям, отражающим основные края исполняемой работы, психологических частей, которые, в свою очередь, имеют все шансы увеличивать либо уменьшать динамичность человека, волевых компонентов, подсобляющих совершению результативных операций по достижению миссии. Чем существеннее причина и чем правильнее она показана, тем точнее формируются наиболее подходящие требования в целях развития готовности. Высокоструктурный аспект психологической готовности значительно расширяет понимание о данном представлении, что у данных создателей выступает уже не как однокомпонентное либо идентичное другому, наиболее изученному суждению, а как непростая структура, заключающаяся из единого строя частей [5, с. 80].

Существует большое число подходов к тому, что считать элементами готовности в структуре личности человека. Вероятно, любой перечень компонентов готовности будет неполноценным, так как накапливающиеся исследования в данной сфере демонстрируют, что на готовность могут воздействовать различные психологические свойства — от отличительных черт восприятия вплоть

до нравственно-моральных качеств. С другой стороны, высокоструктурный аспект эмоциональной готовности, увеличивая границы данного определения, в то же время и «размывает» его.

Д. Н. Узнадзе опытным путем выявил воздействие конструкции на результат деятельности. Согласно его концепции психологическая готовность в структуре личности считается готовностью персоны к деятельности в конкретном течении, а также появляется на базе взаимодействия важной необходимости человека и внешней среды, что оказывает большое влияние на человека в этот период. В соответствии с его концепцией, психологическая готовность не осознается личностью, предшествует психически осмысленным действиям, которые формируются на ее базе. Он акцентировал внимание на том, что это явление считается целым образованием, что определяет индивидуальное положение субъекта, на базе которого появляется деятельность конкретного характера и ориентированности [6, с. 500].

Следующим подходом относительно установления места психологической готовности в структуре личности может быть изучение психологами трудности взаимоотношения как одного из стабилизирующих элементов действия лица, а также его деятельности. Относительно установления единых и своеобразных черт конструкции, а также взаимоотношения, В. М. Мясищев подмечает, что они не считаются природными, но приобретаются в ходе личного навыка.

Отношение может быть рассмотрено как одна из характеристик готовности, поскольку оно представляется как интенсивная, встроенная, селективная готовность [7, с. 68].

В. Д. Шадриков, рассматривая психологическую готовность в широком значении, отмечал, что она представляет собой непростой единый процесс личности и характеризуется: твердой, полной уверенностью лица в собственных силах попыткой стремительно, с абсолютной эффективностью сражаться вплоть до окончания за достижение конкретной миссии; наилучшим уровнем психологического возбуждения; значительной степенью психологической стойкости к разнообразным, также важным для лица отрицательно функционирующим наружным и внутренним условиям; возможностью свободно управлять собственными поступками, эмоциями, действием в переменчивых, тяжелых обстоятельствах. В узком значении слова положение психологической готовности, по суждению автора, возможно охарактеризовать уверенностью, мобилизованностью, легкостью, психологическим ростом, значительным сосредоточением интереса, конструкцией в выражение свободы, напряжением специального восприятия [8, с. 200].

Разобраться в структуре психологической готовности, то есть в составе ее частей, стремятся авторы наиболее поздней категории подходов, которую воз-

можно причислить к следующей стадии формирования взглядов о психологической готовности в структуре личности человека. Один из первых внес предложение в структуру готовности экспериментатор психологии спорта А. Ц. Пуни. Стремление к психологической готовности понимается им как большое количество — компонентная и многомерная структура, содержащая идеологическую, нравственную, многофункциональную, особую готовность. Общепсихологический элемент готовности формируется из уверенности в собственных силах, желания показать себя и добиться победы, рационального психологического возбуждения, значительной помехоустойчивости, возможности свободно регулировать собственным действием. По суждению А. Ц. Пуни, положение готовности представляет собою динамическую концепцию частей, в которой в связи с определенными обстоятельствами основную значимость осуществляет какой-либо единственный из выделенных компонентов [9, с. 420].

Таким образом, авторы определяют положение психологической готовности личности как содержательное представление, что символизирует собой: физиологическую готовность организма; эмоционально-волевую готовность; интеллектуальную готовность, а также выражается в сосредоточении физиологических и дополнительных способностей организма человека, его психологических действий, в единой мобилизованности, уверенности в себе, эмоциональном росте, а также в возможности реализовывать полученный потенциал.

Обобщая разнообразные комбинации вопроса психологической готовности в контексте установления ее свойств, сути в структуре личности, можно говорить, что все без исключения данные комбинации не пребывают в состоянии противоречия, также не ликвидируют друг друга, более того, они обостряют и расширяют понимание сложности и многогранности этого вопроса. Для осмысления сути психологической готовности важно понимать не только структуру частей, но и их структуризацию. Частота обращения ученых к этому либо иному компоненту говорит о представлении ими его важности в содержании психологической готовности в структуре личности человека.

1. Вайнштейн Л. А. Психология труда: курс лекций. Минск : БГУ, 2008. 234 с.

[Вернуться к статье](#)

2. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 480 с. [Вернуться к статье](#)

3. Губорева Л. И., Будкевич Р. О., Агаркова Е. В. Психофизиология : учеб. пособие для студ. вузов. М. : ВЛАДОС, 2007. 188 с. [Вернуться к статье](#)

4. Талайко С. В. Психология личности : курс лекций : учеб.-метод. пособие. 2-е изд. Мозырь : Белый ветер, 2007. 198 с. [Вернуться к статье](#)

5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000. 512 с. [Вернуться к статье](#)

6. Основы психологии : практикум / ред. сост. Л. Д. Столяренко. 8-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 704 с. [Вернуться к статье](#)

-
7. Вайнштейн Л. А. Психология управления и основы лидерства : учеб. пособие. Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. 279 с. [Вернуться к статье](#)
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с. [Вернуться к статье](#)
9. Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека: учебник. 4-е изд., испр. М. : Смысл, 2010. 448 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.2

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА, ПЕРЕПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Г. Апенюк

младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
магистр юридических наук,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
e-mail: karpovich-nastasia@mail.ru

***Аннотация.** В статье представлен анализ основных проблемных аспектов правового регулирования профессионального обучения работников. Обозначена необходимость деления профессионального обучения на подготовку, осуществляемую в специальных организациях, и подготовку, реализуемую самостоятельно нанимателем на производстве.*

***Ключевые слова:** профессиональная подготовка, переподготовка, повышение квалификации, работник.*

***Annotation.** The article presents an analysis of the main problematic aspects of legal regulation of professional training of employees. The necessity of dividing professional training into training carried out in special organizations and implemented independently by the employer in the workplace is indicated.*

***Keywords:** professional training, re-training, professional development, employee.*

Значение института профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации нельзя переоценить. Применяемый в сфере образования принцип «непрерывного профессионального обучения» диктует актуальность рассматриваемого вопроса. Получаемые в период обучения знания имеют свойства устаревать и трансформироваться, это, в свою очередь, требует от граждан адаптации и приспособления к новым условиям. Отметим, что для современного мира в наибольшей степени характерна изменчивость и мобильность. В условиях развития информационного общества человек должен не только усваивать знания по определенной отрасли, но также быть готовым к постоянному изучению новых. Бесспорно, существуют сферы, характеризующиеся большей стабильностью, нежели другие, например, медицина. Однако даже такие области подвержены вызовам в нашем мире, решение которых невозможно без постоянного профессионального роста людей, осуществляющих такую деятельность.

Наличие высокого уровня образования, в том числе дополнительного, является неотъемлемым элементом развития всего государства. От того, насколько

ко развит кадровый потенциал государства, зависит производительность труда, доход государства и в конечном счете вся экономика страны.

Несмотря на обозначенное выше значение профессионального обучения, действующая в Республике Беларусь система характеризуется разрозненностью, отсутствием системности, необходимого уровня правового регулирования, а также единообразной правоприменительной практики.

Проблемы развития рассматриваемого института можно условно разделить на три группы: теоретические, правовые и правоприменительные. При этом проблемы каждой из указанных групп последовательно порождают проблемы другой. Так, существующая уже более 70 лет дискуссия о месте отношений по профессиональному обучению порождает правовую неопределенность в части их законодательного опосредования, что в свою очередь отрицательным образом сказывается на практике применения и ведет к возможным нарушениям законодательства о труде.

Еще один немаловажный момент, который должен приниматься во внимание при рассмотрении проблематики профессионального обучения, — необходимость деления института на две группы: профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации, осуществляемые в специальных организациях, и реализуемые самостоятельно нанимателем (как принято в трудовом законодательстве — обучение на производстве). Рассматриваемая классификация имеет принципиальное значение. Подходы к правовому регулированию в зависимости от избираемой группы значительно разнятся, что подтверждается конкретными нормами законодательства о труде (п. 1 ч. 1 ст. 4 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК РБ)).

Одним из ключевых вопросов, которые по настоящее время задают ученые-трудовики, по праву считается вопрос об отраслевой принадлежности отношений по профессиональному обучению и его месте в трудовых правоотношениях.

В науке трудового права сложилось несколько подходов к рассматриваемой проблематике. Условно имеющиеся позиции можно разделить на следующие группы: об отнесении рассматриваемых отношений к предмету трудового права; о гражданско-правовой природе правоотношений; идея о межотраслевом характере отношений по профессиональному обучению; учебно-трудовая природа отношений.

Отношения по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации работников непосредственно на производстве советские ученые-правоведы включали в предмет трудового права на том основании, что они имеют неразрывную связь (не только внутреннюю, но и внешнюю) с тру-

дом в конкретной организации, являющимся объективной основой правовых норм, образующих отрасль трудового права [1, с. 45].

В пользу трудового характера отношений, которые возникают в период профессионального обучения, свидетельствует тот факт, что их реализация осуществляется в процессе труда, т. е. для профессионального обучения лицо вовлекается в хозяйственную сферу работодателя, в сферу, где последний имеет работодательскую или, как ее еще называют в литературе, «хозяйскую» власть», которой ученик обязан подчиняться (внутренний распорядок, трудовая дисциплина и т. п.); на учеников распространяются принятые работодателем локальные правовые акты [2, с. 23].

Трудовое право Республики Беларусь столкнулась с аналогичной проблемой по определению отраслевой принадлежности отношений, возникающих в процессе профессионального обучения. При этом в настоящее время она осложнена практически полным отсутствием на уровне ТК РБ норм, направленных на регламентацию данных отношений. Только в рамках ст. 55, 102, 205, 220-1 ТК РБ [3] в том или ином аспекте упоминается профессиональное обучение. В части правовой регламентации профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации непосредственно на производстве направлены нормы, содержащиеся в ст. 278 и 280 ТК.

Несмотря на общую дискуссионность отраслевой принадлежности отношений по профессиональному обучению большинство ученых (Л. Я. Гинцбург, С. А. Иванов, Р. З. Лившиц, Ю. П. Орловский, А. Е. Пашерстник и др.) придерживаются мнения о трудовом характере таких отношений. При этом следует отметить, что трудовое право включает в состав сложный набор отношений. Реализуя свое право на труд, у работника параллельно могут возникать иные правоотношения, которые существуют постольку, поскольку существует непосредственно трудовое право.

Отметим, что трудовые отношения, по сути, определяют все другие правоотношения, которые возникают в сфере трудового права. Отношения, тесно связанные с трудовыми, возникают постольку, поскольку это необходимо непосредственно трудовым отношениям. Как отмечал Н. Г. Александров, «под производными от трудовых правоотношений надо понимать такие правоотношения, наличие которых предполагает существование в настоящем, в будущем или прошлом трудовых правоотношений, без которых бытие этих (производных) отношений было бы лишено смысла или вообще невозможно» [4, с. 174].

Подход белорусского законодателя к рассматриваемому вопросу состоит в следующем. Отношения по профессиональной подготовке работников на производстве, согласно ст. 4 ТК РБ, отнесены к отношениям, связанным с трудовыми. При этом, полагаем, в данном случае законодатель исходил из суще-

ствующего в юридической литературе широкого подхода к определению термина «профессиональная подготовка», включающего в себя и переподготовку, и повышение квалификации. В обоснование нашей позиции можно привести положения двух единственных статей ТК РБ, упоминающих обучение на производстве (ст. 278 и 280). В обеих статьях речь идет о «профессиональном обучении», которое, как отмечалось ранее, включает в себя профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации.

Таким образом, законодателем было определено, что отношения, связанные с профессиональным обучением на производстве, относятся к производным от трудовых. В части отношений, которые касаются профессионального обучения за пределами производства, их отраслевая принадлежность до сих пор остается неразрешенной. При этом в отличие от законодательства о труде Российской Федерации, в котором правовое опосредование отношений по профессиональному обучению осуществляется через ученический договор, заключаемый не только с работниками, но также с лицами, ищущими работу (ч. 1 ст. 198 ТК Российской Федерации [5]), в Республике Беларусь применяется механизм приема на работу лиц, не имеющих соответствующей квалификации (разряда, класса) по профессии. Следовательно, в данном случае мы можем сделать вывод о том, что любое направление на профессиональное обучение осуществляется, в отличие от подхода Российской Федерации, только в отношении субъекта, состоящего с нанимателем в трудовых отношениях (т. е. с работником). В силу чего справедливо возникает вопрос о характере таких отношений: можно ли по аналогии с отношениями по профессиональному обучению, отнести указанные отношения к связанным с трудовыми? Имеются ли в данном случае достаточные основания для дифференциации подходов к таким отношениям?

Мы исходим из того факта, что при организации обучения и непосредственно на производстве, и путем направления к иному субъекту заключается трудовой договор (контракт) с обучающимся лицом, и он имеет статус работника. Следовательно, и в первом, и во втором случаях существует основное трудовое отношение, которое может быть осложнено иными правоотношениями. При этом появление связанных отношений не прекращает само трудовое. Направление работника на обучение за пределами производства, да и, собственно, подготовка на производстве, не влияют на состояние трудового отношения, в отличие от факта непрохождения обучения. В силу этого справедливо возникает вопрос, каким образом факт обучения на производстве или за его пределами влияет на характер отраслевой принадлежности. Ведь при направлении работника на обучение в иную организацию трудовое отношение продолжается на тех же условиях, наниматель заключает с обучающей организацией договор в сфере образования, в котором работник обозначается как субъект, в

интересах которого заключается такой договор. Несомненно, вопросы, которые связаны непосредственно с процессом обучения (организация, осуществление и т. д.), должны регулироваться нормами законодательства об образовании. Однако такое же действие в указанной части данные нормы имеют и в отношении обучения на производстве (например, положение о том, что обучение включает в себя теоретическую и практическую часть). Нарушение работником требований, установленных для образовательного процесса (пропуск без уважительной причины занятия и др.), рассматривается как несоблюдение исполнительской и трудовой дисциплины, и соответственно, влечет за собой применение мер дисциплинарного взыскания.

Таким образом, правовая природа отношений, возникающих между нанимателем и работником, реализующим свое право на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации, носит дискуссионный характер. Подходы законодателя в части определения отраслевой принадлежности отношений по профессиональному обучению разнятся в зависимости от того, направляется ли работник для обучения в специальную организацию или оно осуществляется в рамках производства нанимателя. Во втором случае, согласно ст. 4 ТК РБ, отношения по обучению относятся к отношениям, связанным с трудовыми. В первом случае вопрос остается нерешенным. При этом приведенные выше позиции не позволили нам выявить каких-либо обоснованных причин применения дифференцированного подхода в отношении профессионального обучения. Отношения, возникающие в процессе подготовки за пределами производства, по нашему мнению, могут быть также отнесены к производным от трудовых отношений.

Существующая проблематика отношений профессиональному обучению во многом подкреплена недостаточным правовым регулированием. В законодательстве отсутствует единый комплексный подход к регламентации рассматриваемых отношений. Таким образом, к основным проблемам правового регулирования профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников в самом общем виде можно отнести:

1. Практически полное отсутствие на уровне ТК норм, направленных на правовую регламентацию отношений по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации.

2. При регулировании профессионального обучения законодателем не принимается во внимание один из основных и принципиальных моментов – осуществление обучения на производстве или за его пределами.

3. Не выработана надлежащая форма опосредования отношений по ученичеству между нанимателем и работником. Выше нами были приведены положения, аргументирующие данную позицию.

4. Существование дихотомии между законодательством о труде и законодательством об образовании в части регламентации профессионального обучения.

5. Не до конца определены подходы к установлению условий о сроке обязательной работы после профессиональной подготовки. Это, в свою очередь, обусловлено отсутствием единой законодательной формы, в которую облакаются такие отношения.

6. Отсутствует единообразный подход также в части определения гарантий. В рассматриваемом аспекте главной проблемой выступает понижение уровня социальной защищенности работника.

7. Также дополнительной правовой регламентации требует вопрос обеспечения и организации руководства при прохождении профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников.

1. Пашков А. С. Правовое регулирование подготовки и распределения кадров. Некоторые вопросы теории и практики. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1966. 188 с. [Вернуться к статье](#)

2. Глебов В. Г. Ученический договор : монография // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

4. Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова [и др.]. М. : Юрид. лит., 1972. 576 с. [Вернуться к статье](#)

5. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федер. 26 дек. 2001 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

378.147 (378.6) + 372.834

МЕТОДИКА РОЛЕВОЙ ИГРЫ: ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВЫСШЕМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Р. Г. Валеев

доцент кафедры тактико-специальной подготовки,

кандидат педагогических наук,

Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)

e-mail: osvitne.pravo@gmail.com

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме повышения эффективности лекционных и семинарских занятий по юридическим дисциплинам. Автор описывает и анализирует опыт разработки и использования методики универсальной ролевой игры. Описаны методическое обоснование, психологический механизм, правила и этапы ролевой игры. Даны практические советы по внедрению. Методика влияет на аффективные, когнитивные процессы и компетентности.*

***Ключевые слова:** высшее юридическое образование, универсальная ролевая игра «Детектив», лекционные и семинарские занятия.*

***Annotation.** The article is devoted to the problem of increasing the effectiveness of lectures and seminars in juridical disciplines. The author describes and analyzes the experience of design and using the universal role-playing game technique. The methodological grounding, the psychological mechanism, the rules and stages of the role-playing game are described. Practical implementation tips are given. The technique affects affective, cognitive processes, as well as competencies.*

***Keywords:** higher legal education, universal role-playing game "Detective", lecture and seminar classes.*

Юридическое образование в последние годы в странах постсоветского пространства переживает бум. Однако наряду с высокой востребованностью на рынке труда выпускников юридических специальностей наблюдается значительная критика уровня их компетентности. Невысокий уровень компетентности обусловлен рядом факторов, но среди них едва ли не важнейший — определенное доминирование в обучении теоретической составляющей. При этом по ряду причин высшее юридическое образование не может пока отказаться от таких форм занятий, как лекции и семинары. В свою очередь, такой эффективный метод юридической педагогики, как case study, органично внедряется в практические занятия, но с трудом вписывается в концепцию лекционных и семинарских занятий. Поэтому мы поставили целью осветить опыт использования метода ролевой игры на лекциях и семинарах по юридическим дисциплинам.

При этом предлагаемая методика и сценарий ролевой игры носят универсальный характер и легко адаптируются к теме любого занятия. Сущность методики заключается в распределении и выполнении ролевых задач, некоторые из которых адаптированы из широкой педагогической практики, а некоторые специфические роли специально разработаны для игры и выполняют в ней ключевую функцию, определяя ее концепцию.

Методологической основой данной авторской дидактической ролевой игры является так называемый закон парадоксальных интенций великого экзистенциального психолога Виктора Франкла в трактовке современного педагога Вячеслава Гузеева: «Смысл закона заключается в том, что реально усваивается и присваивается надолго не та информация, на которой сосредоточены усилия, а та, что является побочной, возникает спонтанно, между делом. Та же информация, которая соответствует цели, на усвоение которой направлены действия, попадает лишь в кратковременную память и довольно быстро забывается. Этот парадокс кажется странным и изначально противоречит всему, чему нас до сих пор учили, но опровергнуть его не удастся» [1, с. 108]. Мы считаем, что этот закон уже давно рефлексировался образованием и сошлемся на авторитет Яна Амоса Коменского, который осмыслил следующую дидактическую закономерность: тот, кто учит, учится большему по сравнению с тем, кого он учит [цит. по: 2, с. 786]. Считаем, это частный случай вышеприведенной закономерности: учитель не ставит первоочередной целью своей профессиональной деятельности собственное образование, но неизменно достигает ее.

Другой частный случай применения закона парадоксальных интенций иллюстрирует, по нашему мнению, использование игровых методик и приемов. В них первоочередными целевыми установками студенты считают успешное выполнение ролевых задач, а не усвоение содержания образования. Таким образом, первоочередные цели образовательной деятельности (формирование знаний, умений, ценностей и компетенций) камуфлируются целями игровой деятельности (успешное выполнение ролевых заданий), отодвигаются ими «на второй план интенций».

Методика использовалась нами в учебном процессе университетов МВД Украины, что отчасти обусловило ее концепцию и предложенное название — «Детектив». Опишем правила ролевой игры: в начале занятия каждый курсант получает карточку с ролевым заданием (рисунок), с содержанием которого немедленно знакомится и в течение семинара обеспечивает выполнение соответствующего задания (кратко охарактеризованы в таблице 1), но прямо не разглашает его сущность к концу занятия (до того момента, как его роль будет разгадана детективами). Участники игры готовятся к выполнению ролевого задания во время развернутого доклада одного из курсантов (на лекции — освеще-

ния учебного вопроса преподавателя), а по окончании доклада (лекционного вопроса) выполняют задание. Согласно правилам отказаться от немедленного выполнения задания могут только курсанты, получившие роли детективов и судей.



Примеры карточек с основными ролевыми задачами

После рассмотрения учебных вопросов на завершающем этапе занятия происходит «битва детективов», которые попытаются определить ролевые задания других участников. Последним этапом игры является «вердикт судей», которые определяют, насколько каждый курсант справился со своими ролевыми заданиями и учебными задачами занятия.

Таблица 1 — Краткая характеристика различных ролевых заданий

Название роли	Сущность ролевого задания
1. Простой секретарь	Составляет на слух простой план доклада (выступления, сообщения, лекционного вопроса)
2. Серьезный секретарь	Составляет на слух сложный (развернутый, с подпунктами) план доклада (выступления, сообщения, лекционного вопроса)
3. Критик содержания	Находит в докладе (выступлении, сообщении) недостатки, связанные с содержанием изложенного материала
4. Критик формы	Находит в докладе (выступлении, сообщении) недостатки, связанные с формой представления (изложением) материала
5. Защитник содержания	Находит в докладе (выступлении, сообщении) положительные признаки, связанные с содержанием изложенного материала; защищает от соответствующей критики

Окончание таблицы 1

Название роли	Сущность ролевого задания
6. Защитник формы	Находит в докладе (выступлении, сообщении) положительные признаки, связанные с формой представления (изложением) материала; защищает от соответствующей критики
7. Простой журналист	Адресует докладчику простые информационные вопросы
8. Серьезный журналист	Адресует докладчику сложные, проблемные вопросы (на которые есть несколько правильных ответов)
9. Детектив	Определяет, кто какую роль выполняет; <i>обязан</i> принять участие в «битве детективов»; в течение занятия <i>может</i> выполнить любую другую роль
10. Судья	Определяет, кто какую роль выполняет; <i>обязан</i> принять участие в «вердикте судей»; в течение занятия <i>может</i> выполнить любую другую роль
11. Палач	Находит в докладе (выступлении, сообщении) негатив, связанный как с содержанием, так и с формой доклада, и может даже преувеличить недостатки
12. Лыстец	Находит в докладе (выступлении, сообщении) положительные моменты, связанные как с содержанием, так и с формой доклада, и может даже преувеличить позитив
13. Мафиози	Определяет, кто из курсантов в течение семинара выполняет роль детектива, и может исключить его (их) из «битвы детективов», если верно угадает

Приведем несколько практических советов, сформулированных при обобщении опыта использования предложенной методики.

1. Формы ролевых заданий в карточках могут быть разные. Стандартный набор включает карточки 1–10 (см. таблицу 1). Поддерживает интерес постепенное внедрение новых ролей (карточки 11–13 (таблица 1)). Не в полной мере оправдал себя включение таких дополнительных ролей: специалиста, который должен дополнить доклад; случайного журналиста, который адресует вопрос на ранее изученные учебные темы; эксперта по критикам, который дает оценку выступлениям тех учеников, которых он считает критиками, и т. п.

2. Для поддержания благоприятного психологического климата в академической группе необходимо предоставлять выступавшим курсантам право ответить на критику в свой адрес.

3. Удобной формой «битвы детективов» является поочередное высказывание ими предположений о роли того или иного однокурсника, причем после первой же ошибки «детектив» может выбывать из дальнейшего соревнования (по крайней мере, пока не останется только два «детектива»). Это позволяет естественно осуществить ранжирование других участников в соответствии с их «убедительностью» (т. е. «детективы» начнут угадывать тех, в ком наиболее

уверены, кто наиболее ярко выполнил свою роль). На этапе «битвы детективов» в случае ошибки «детективов» курсант, роль которого не угадали, не раскрывает ее, предоставляя возможность определить роль другим «детективам».

4. Указанное естественное ранжирование участников также облегчает дальнейшую оценку судьями. Этап «вердикт судей» при дефиците учебного времени можно ограничить только выражением мыслей о наиболее и наименее «убедительных» участниках.

5. Рекомендуем ввести правило, согласно которому курсанты выполняют ролевые задания, когда один из них (или лектор) находится на трибуне, в противном случае все могут выполнить различные формы работы (дополнить, адресовать вопросы и т. д.), несмотря на роль, которую получили.

Примеры выполнения задач приведены в видеопрезентации игры по адресу: <http://www.youtube.com/watch?v=8usm-m6GS8Q>.

Положительное влияние методики мы попытались обобщить в таблице 2.

Таблица 2 — Позитивное влияние методики

Объект воздействия	Характер влияния	Фактор влияния
Эмоционально-мотивационная сфера	Повышает учебную мотивацию, формирует интерес к ходу занятия. Выполнение ролевого задания психологически позволяет раскрепостить личность, без внутреннего дискомфорта (и опасения межличностных конфликтов) осуществлять критику, задавать вопросы, давать оценку чужим выступлениям	Оригинальность формы занятия. Связь с популярной детективной тематикой. Низкий порог вхождения в правила. Высокая реиграбельность в силу randomness распределения ролей и универсальности (разных содержательных тем)
волевая сфера	Методика заставляет более тщательно готовиться к собственным докладам (выступлениям)	Осознание повышенного внимания к твоим выступлениям
когнитивная сфера	Обеспечивает концентрацию произвольного внимания курсантов на чужих выступлениях. Обеспечивает тренинг умственных умений и навыков	Элемент состязательности. В то же время элемент состязательности является второстепенным, а не доминирующим. Он не создает психологический дискомфорт для личности, достигается разницей ролевых задач, которые нельзя непосредственно сравнить

Окончание таблицы 2

Объект воздействия	Характер влияния
Комплексные личностные новообразования	Развивает не только специальные профессиональные компетентности, но и коммуникативные, когнитивные компетентности, в частности навыки и умения: публичного выступления, последовательного изложения материала; восприятия и анализа устных выступлений, структуризации их основных положений; определения положительных и отрицательных сторон публичных выступлений; формулировки вопросов и ответов на них; ведения дискуссии и т. п.

Таким образом, мы разделяем позицию специалистов, которые считают, что резервами образования является привлечение подсознательных, имплицитных, неподконтрольных вниманию и воли психических процессов. Несмотря на формальную новизну проблемы, эти психические механизмы активно используются в образовании на протяжении веков. Одним из возможных вариантов применения психологических закономерностей в целях повышения качества преподавания юридических дисциплин является универсальная дидактическая ролевая игра, описанная в данной статье и других наших материалах [3].

1. Гузеев В. В. Контуры гуманитарного прорыва в образовании // Материалы V Лихачевских чтений. СПб : СПбГУП, 2005. [Вернуться к статье](#)

2. Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. СПб : Питер, 2006. 1096 с. [Вернуться к статье](#)

3. Валеев Р. Г. Використання універсальної рольової дидактичної гри на семінарських заняттях з юридичних дисциплін // Інноваційні процеси у сучасному просторі юридичної освіти: реалії, тенденції, перспективи : матер. III Всеукраїн. наук.-практ. конф. Дніпропетровськ : Інновація, 2016 р. С. 103–107. [Вернуться к статье](#)

УДК 37.011

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОГО И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Л. В. Вонсович

заведующий кафедрой социально-гуманитарных
и психологических основ физической культуры,
кандидат исторических наук, доцент,
ИППК УО «Белорусский государственный университет
физической культуры»
e-mail: lora_lora@tut.by

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме воспитания нравственно-правовых и гражданско-правовых качеств студенческой молодежи, необходимых для становления личности патриота и гражданина, активно участвующего в общественно-политической жизни.*

***Ключевые слова:** высшая школа, образование, правовое воспитание, традиционные ценности, идеология белорусского государства.*

***Annotation.** The article is devoted to the problem of educating the moral and civil qualities of students, they are necessary for the formation of the personality of a patriot and citizen who is actively involved in public and political life.*

***Keywords:** higher school, education, legal education, traditional values, ideology of the Belarusian state.*

Процессы модернизации, протекающие в белорусском обществе, актуализируют проблему формирования высоконравственной, грамотной в политическом и правовом плане личности, в основе жизнедеятельности которой обозначены такие ценности, как уважительное отношение к закону, гражданственность, справедливость. Воспитательная среда системы образования — общеобразовательной и высшей школы, дополнительного образования взрослых — является ключевой в развитии нравственно-правовой культуры, необходимой гражданам Беларуси при выполнении своей основной социальной роли — человека, способного строить гуманные отношения с другими людьми и обществом в целом.

Одним из важнейших элементов образовательного процесса в высшей школе Республики Беларусь является нравственно-правовое, гражданско-правовое воспитание. Оно осуществляется в процессе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла на основе «традиционных для белорусов ценностей», в которых сфокусировано все то, что было собрано народом за всю его многовековую историю, закреплено в стандартах и моделях поведения, состав-

ляет духовную подоснову общественного сознания государства, а также индивидуального сознания и самосознания каждого индивида. Именно традиционные ценности белорусов и в прошлом, и сегодня выступают в качестве мобилизующего мировоззренческого начала, являются одним из наиболее существенных элементов политической, правовой, идеологической системы государства. Они отражают социальную реальность, моделируют процессы движения Беларуси в постиндустриальное, информационное будущее.

Наиболее значимой ценностью белорусского народа является Отечество. Любовь к родной земле, воспитанная такими социальными институтами, как семья, школа, вуз, направляет активность человека в русло защиты целостности и суверенитета Родины, формирует патриотические качества молодого поколения граждан Беларуси. При этом педагоги сегодня должны делать акцент на то, что истинный патриотизм исключает эгоистический национализм, абсолютизацию собственной национальной исключительности, неуважительное отношение к другим этническим общностям. Молодые граждане Беларуси должны ориентироваться на патриотизм как на гармоничное единство чувств, идей и действий, которое воплощается в почитании своей малой родины, национальных традиций, знании и уважительном отношении к родному языку, истории, обычаям своего народа. Идея служения и преданности гражданам своему государству должна красной нитью проходить через совокупность лекционных и практических занятий, через систему воспитательной работы в высшей школе и стать основой гражданского самосознания молодых белорусов. Это будет способствовать консолидации общества, станет основой укрепления фундамента белорусской государственности.

Еще одной ценностью, на которую традиционно ориентируются многие поколения белорусов, является толерантность. Она предполагает уважительное отношение к людям, которые имеют отличный от нашего национальный характер, другое миропонимание, иные религиозные убеждения. Толерантность, передающаяся от поколения к поколению на генетическом уровне, поддерживаемая и воспитываемая современными общественными институтами, настраивает на доброжелательные отношения с другими этносами, на признание и уважение их права на собственную самобытность.

Кроме этого, система духовно-нравственных ценностей белорусов ориентирует нынешнее поколение молодых граждан на миролюбие, законопослушание, доброжелательность, рассудительность, справедливость без насилия, терпимость. Воспитание подобных качеств осуществляется сегодня через систему социально-гуманитарных знаний, транслируемых педагогами высшей школы в процессе преподавания таких дисциплин, как философия, политология, социология, правовых дисциплин, основы идеологии белорусского государства. Про-

граммы данных курсов ориентированы на трансляцию основной идеи, зафиксированной в идеологии Белорусского государства. В ней воплощено стремление нынешних поколений граждан Беларуси развивать независимое и процветающее государство, способное обеспечить благополучие, достаток, уверенность в завтрашнем дне. Эта идея, как и многие другие, составляющие суть идеологической доктрины современной Беларуси, базируется на ценностях народа, зафиксированных в его генетическом коде. Сегодня ориентиром для молодого поколения белорусов является воспроизводство исторического процесса в контексте гармоничного единства традиций и новаций, верность памяти народа, последовательная политика по сохранению и развитию культурного наследия белорусов, белорусского национального характера, ориентация на принципы справедливости, трудолюбия, неприятия насилия, умеренности. Все обозначенные выше ориентиры лежат в основе государственного курса Республики Беларусь.

Беларусь находится на перекрестке культур, цивилизаций, политических центров силы. Это усиливает внешнее воздействие на национальную культуру, меняет ее очертания, отдельные черты. Духовные, нравственные установки и ценности белорусов, таким образом, проверяются на прочность. В силу этого в качестве одной из целей, к реализации которой стремится Республика Беларусь, является цель сохранения для будущих поколений духовного наследия белорусского народа. Если отсутствует понимание особенностей своего этноса, специфики его национальной культуры, проявлений менталитета и характера, сложно выбрать правильный путь развития. Поэтому важным представляется в сознании молодых граждан Беларуси усиливать идею государственного суверенитета, в которой сконцентрировано стремление многих поколений белорусов к свободе, процветанию, взаимному уважению, к сохранению и развитию своей культуры, к гражданской ответственности за судьбу своего государства.

В условиях процессов глобализации, протекающих сегодня в мире, в обстановке напряженности и недоверия, складывающихся в отношениях между отдельными странами и Республикой Беларусь, значительно повышается требование, в том числе и в системе высшей школы, к культуре педагогической деятельности, к морально-нравственным качествам профессорско-преподавательского состава. Важным сегодня является «взаимодействие педагог-студент — одно из приоритетных компонентов инновационной культурно-образовательной среды» [1, с. 190], поскольку именно нравственно-правовая культура лежит в основе жизнедеятельности индивида, обозначает его эмоциональную составляющую. Она включает в себя действенную систему правовых и нравственных взглядов, позволяющих человеку иметь гражданскую позицию,

осуществлять общественно-политическую деятельность, выполнять свои обязанности по отношению к государству и его институтам.

Современное общество заинтересовано в человеке образованном, в нравственном интеллектуале, ориентирующемся на общечеловеческую систему ценностей, традиции и культуру своего народа, обладающим чувством собственного достоинства и способностью принимать самостоятельные решения. Все это делает особенно значимой личность преподавателя, его моральную и правовую позицию, его отношение к действительности, к людям, к процессам и явлениям современного мира. Именно преподавателю высшей школы принадлежит ведущая роль в развитии личности студента и в формировании не только профессиональных компетенций, но и его личностных ориентиров, нравственно-правовой и гражданско-правовой культуры. Исторический опыт свидетельствует о том, что успешность формирования ценностных ориентаций обучающихся будет выше, если педагог сочетает свои глубокие профессиональные знания и умения передачи информации и общей культурой, действуя культуросообразно в плане формирования политической, правовой, гражданской культуры студента.

Актуальным сегодня в системе высшей школы является вопрос самосовершенствования, саморазвития, непрерывного образования педагогов как людей, реализующих и воплощающих в процессе преподавания так называемый социальный заказ общества. Профессорско-преподавательский состав вузов должен пополняться высококвалифицированными кадрами с высоким уровнем общей, профессионально-педагогической, политической и нравственно-правовой культуры. Ставя задачи формирования определенных компетенций студентов, следует учитывать закономерности усвоения ими содержания программ высшего образования, особенности формирующегося профессионального мышления будущих специалистов. Сегодня следует акцентировать внимание на том, что эффективность педагогической работы будет значима, если получаемая в рамках образовательного процесса информация соотносится с опытом и интересами каждого обучаемого.

На современном этапе развития системы высшей школы в Беларуси, ее важной образовательной и воспитательной составляющей «является гуманитаризация образования» [2, с. 347]. Ее особенность состоит в том, что преподавание каждой дисциплины должно иметь глубокий нравственный смысл, ее содержание должно быть обращено к человеку, его потребностям и интересам, должно иметь соответствующий воспитательный заряд. То большое количество информации, которую студенты сегодня черпают из многочисленных источников, иногда меняет их собственное самосознание, осознание ими своей национальной, культурной, политической и иной идентичности. Это в отдельных

случаях оборачивается отсутствием избирательности, способности различать в информационных потоках позитивное и негативное отображение действительности, что часто воплощается в действиях молодых граждан, противоречащих закону.

Таким образом, воспитание граждан, в том числе нравственно-правовое, гражданско-правовое, должно осуществляться на основе традиционных ценностей народа, которые являются итогом, смыслом и основным ресурсом прогрессивного развития общества. Модернизация страны, так необходимая в Беларуси, по большому счету начинается с воспитания личности, способной ее осуществлять. Национальный воспитательный идеал и цель современного высшего образования могут быть реализованы в тесном единстве личности, общества и государства.

1. Юртаева Т. Б. Педагог высшей школы в процессе формирования нравственно-правовой культуры в вузе // Молодой ученый. 2010. № 8. Т. 2. С. 190–192. [Вернуться к статье](#)

2. Вонсович Л. В. Основные аспекты воспитательной работы со студенческой молодежью в современных условиях // Высшая школа: проблемы и перспективы : материалы 13-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 20 февр. 2018 г. В 3 ч. Ч. 2. Минск : РИВШ, 2018. С. 342–348. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕВИАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

А. А. Дыжова

профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: anna-d77@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальной в настоящее время проблемы формирования правовой культуры и правосознания в молодежной среде, существования среди юношей и девушек такого явления, как правовой нигилизм и, как следствие, проявления деструктивной девиации среди молодежи. В статье используются данные результатов опроса, проводимого в рамках научно-исследовательской темы: «Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: проблемы и пути их решения».

Ключевые слова: правовая культура, правовой нигилизм, деформация правосознания, юношей и девушек, девиантное поведение, деструктивная девиация.

Annotation. The article is devoted to the study of the current problem of the formation of legal culture and legal awareness among young people, the existence among young men and women of such a phenomenon as legal nihilism, and as a result, the manifestation of destructive deviation among young people. The text uses data from the results of a survey conducted as part of a research topic: “Legal culture and legal nihilism of students: problems and solutions”.

Keywords: legal culture, legal nihilism, deformation of justice, boys and girls, deviant behavior, destructive deviation.

Гендер можно считать основой вхождения молодых людей во взрослую жизнь. Очень многие достижения и проблемы подросткового и раннего молодежного возраста связаны именно с гендерными особенностями юношей и девушек. Если мы говорим о поведении человека, то можно определить его как образ жизни, действий и поступков людей. Бытует мнение, что поведение отдельного человека — это его личное дело. Однако, живя в обществе, любой человек постоянно взаимодействует с другими членами общества. И здесь, если мы говорим о поведении, нарушающем социальные нормы общества, которое выражается в противоправных поступках, мы имеем в виду деформацию правового сознания и, как следствие, девиантное (отклоняющееся) поведение.

Деформация (от лат. *deformatio* — «искажение») правового сознания предполагает некоторый изначальный запас правовых по своей природе взглядов, знаний, установок, которые в силу различных причин превратились в какие-то иные, неправовые конструкции или остались правовыми лишь номи-

нально или частично. Деформация правового сознания — это социальное явление, характеризующееся изменением его состояния, при котором у носителей формируются определенные идеи, представления, взгляды, знания, чувства и настроения, переживания и эмоции, которые искаженно отражают юридическую действительность и выражают отрицательное отношение к действующему праву, законности и правопорядку [1].

Что касается девиантного поведения, то в нашем исследовании мы исходили из социологического понимания девиантного поведения и относили к нему правовую девиацию — правонарушения и преступления и социальную — нарушение социальных норм (безбилетный проезд, алкоголизм, наркомания, аморальное поведение и т. п.).

Прежде чем изучить степень опасности проявления девиантного поведения в молодежной среде, определимся с самим понятием. Так, девиантное поведение (также социальная девиация, отклоняющееся поведение) — это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм [2].

В ходе проводимых исследований мы решили выяснить степень проявления деструктивной девиации юношами и девушками, обучающимися в высших учебных заведениях нашей страны. В статье были проанализированы данные по молодежной выборке респондентов в возрасте от 18 до 31 года.

Основные деформации практического сознания лежат преимущественно в сфере отношений молодых людей к социальным и правовым ценностям. Особенно незащищенным от негативного воздействия является молодое поколение с несформировавшейся системой ценностей и норм, с неустойчивым представлением о должном поведении. Неумение противостоять внешнему воздействию, критически оценивать происходящие события и личный опыт приводит к тому, что многие молодые люди под давлением тех или иных обстоятельств, становятся правонарушителями. К сожалению, как показывают результаты проведенного социологического опроса, опасность обсуждаемой проблемы заключается в том, что потенциальная девиация значительно превышает реальную. Как видим в таблице 1, многие юноши и девушки допускают возможным нарушить закон, если их вынудят обстоятельства.

Таблица 1 — Распределение ответов на вопрос: «Допускаете ли Вы для себя возможность нарушить закон?», в %

Варианты ответа	Юноши	Девушки
Да, при любом удобном случае	0,8	0,5
Да, если вынудят обстоятельства	43,4	43,2
Да, если будет выгодно	7,0	4,9
Нет, ни при каких обстоятельствах	48,1	49,5

Также результаты наших исследований показывают, что многие молодые люди, хотя и осведомлены в основных юридических вопросах и знают о возможности наступления наказания за противоправные действия, все-таки их совершают. Результаты отражены на рисунке 1.

Как видно на рисунке 1, по собственной инициативе совершали противоправные действия 12,0 % женщин и 24,2 % мужчин. При этом против своей воли преступления совершили 20,2 % мужчин и 8,8 % женщин.



Рисунок 1. — Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам совершать какие-либо противоправные действия?» (данные за 2013–2014 гг., в %)

Аналогичные исследования были проведены и в 2016–2018 гг. Результаты показывают, что число молодых людей, совершающих противоправные действия по собственной инициативе, снизилось (рисунок 2).

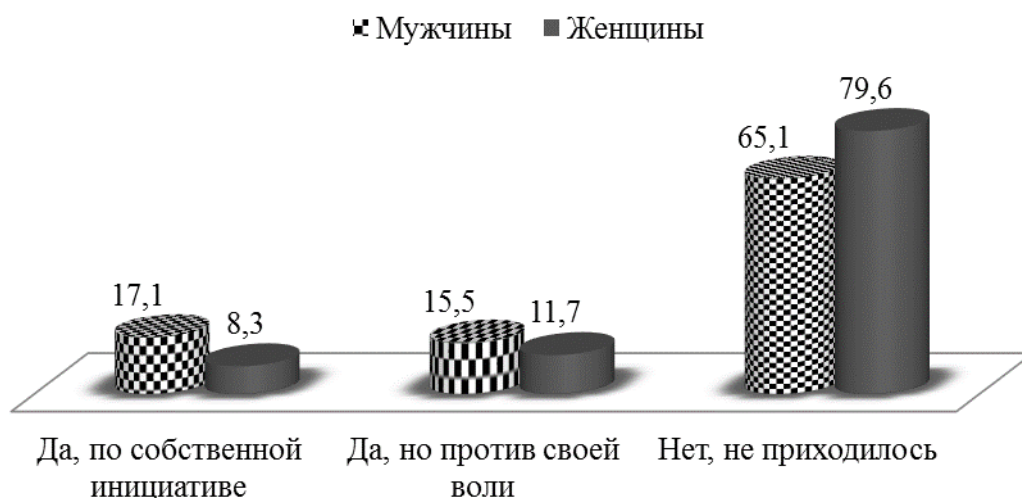


Рисунок 2 — Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам совершать какие-либо противоправные действия?» (данные за 2016–2018 гг., в %)

Как видно из диаграммы, в два раза больше правонарушений совершается именно мужчинами, при этом из количества мужчин, которые совершили правонарушения, 15,5 % указывают, что совершили их против своей воли, количество же таких женщин составило 11,7 %. То есть из общего числа совершенных правонарушений именно женщины больше совершают преднамеренных и обдуманных правонарушений, чем мужчины.

Конечно же, нас заинтересовал вопрос о причине совершения молодыми людьми противоправных действий. При рассмотрении такого явления, как потенциальная девиация, наиболее важным моментом является ее изучение с целью корректировки возможного противоправного поведения молодых людей в сторону правового. И в этой связи необходимо понять, каковы же причины, по которым молодые люди становятся на скользкий и опасный путь правонарушений. Наиболее популярные ответы отражены на рисунке 3.

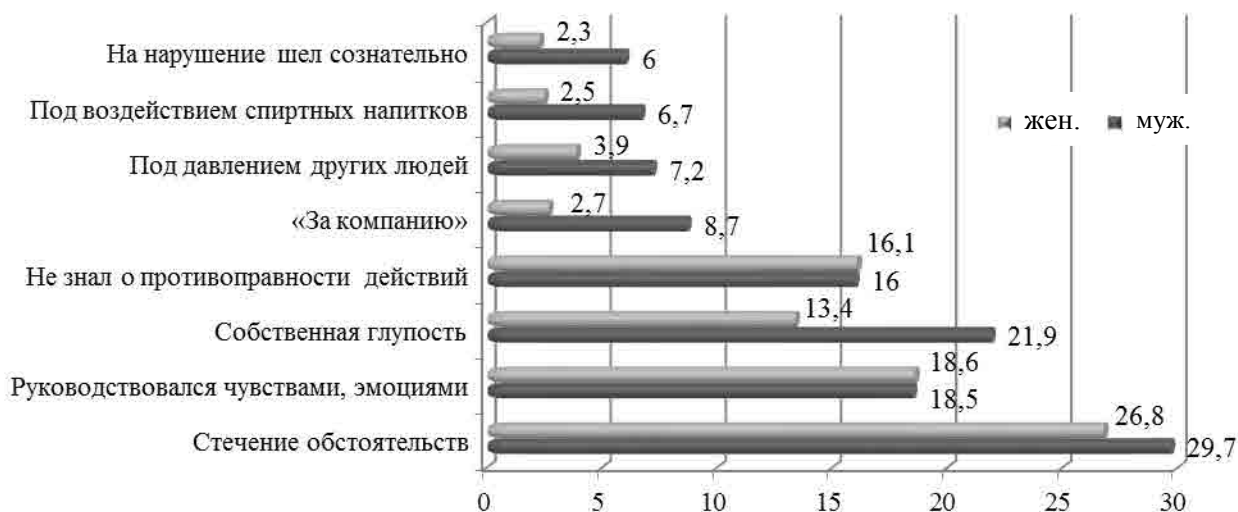


Рисунок 3 — Распределение ответов на вопрос:
«Что является причиной совершения Вами противоправных поступков?»
(данные за 2013–2014 гг., в %)

Примечание. В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Из рисунка 3 видно, что по собственной глупости совершают противоправные действия 21,9 % юношей и 13,4 % девушек. Под воздействием спиртных напитков правонарушения совершают 6,7 % респондентов мужского пола и только 2,5 % женского, «за компанию» — 8,7 % и 2,7 % опрошенных соответственно.

Полагаем, что группа лиц, относящихся к так называемой группе риска, требует особого внимания со стороны общественных институтов, деятельность которых направлена на формирование правового сознания молодежи (семья,

образование, органы государственного управления, СМИ). Правовое воспитание должно способствовать тому, чтобы молодые люди начали задумываться над своими поступками, научились оценивать их, сдерживать в необходимых случаях свои порывы. Необходимо учиться управлять собственными побуждениями, противостоять отрицательным влияниям на них со стороны других людей. Недооценка значимости формирования уважительного отношения к законам приводит к их нарушению и, как следствие, привлечению к ответственности.

Что касается гендерного различия, то результаты анализа данных за 2016–2018 гг. выглядят следующим образом (рисунок 4).



Рисунок 4 — Распределение ответов на вопрос: «Что является причиной совершения Вами противоправных поступков?», данные за 2016–2018 гг., в %

Примечание — В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма может составлять более 100 %.

Как видно на диаграмме, на нарушение шли сознательно 1,9 % женщин и 4,7 % мужчин. Количество правонарушений под воздействием спиртных напитков среди мужчин (9,3 %) выше, чем среди женщин (1,5 %). На незнание о противоправности своих действий указали 15,5 % мужчин и 10,2 % женщин.

Можно отметить, что определяющее влияние на поведенческий аспект правовой культуры оказывает не только знание правовых норм и их беспрекословное исполнение, но и особенности морального выбора при совершении того или иного поступка. И здесь необходимо отметить, что этот выбор молодой человек делает не только и не столько на основе юридической информации, сколько под воздействием и благодаря своей нравственной, моральной позиции, внутреннему убеждению, которые формируются при непосредственном воздействии семьи и ближайшего социального окружения. Отметим, что среди сдерживающих факторов совершения противоправных поступков в молодеж-

ной среде безусловным лидером является воздействие норм морали и нравственности, а также личностные установки. Безусловно, это является положительной тенденцией и должно учитываться при изучении правовой культуры современной белорусской молодежи и выработке мер, направленных на ее формирование [3].

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов. Изд. 3-е. М. : Юриспруденция, 2000. 528 с. [Вернуться к статье](#)

2. Девиантное поведение [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Дыжова А. А. Особенности формирования правового сознания молодежи // IV Машеровские чтения : матер. Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учен., Витебск, 28–29 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. Витебск, 2010. Ч. 2. С. 71–77. [Вернуться к статье](#)

UDC 37+94(574)

**INFLUENCE OF RELIGIOUS
AND SECULAR EDUCATION IN THE FORMATION
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
AS A SECULAR STATE IN THE 19th CENTURY**

D. R. Kozhambekov

PhD student of Faculty of Social Sciences,
Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish
University (Kazakhstan, Turkestan),
e-mail: kozhambekov@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАК СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В XIX ВЕКЕ**

Д. Р. Кожамбеков

PhD докторант кафедры «Правоведение» факультета социальных наук,
Международный казахско-турецкий университет
имени Х. А. Ясауи (Казахстан, Туркестан)

Annotation. Article is dedicated to the problem of religious and secular education in Kazakhstan in the 19th century and the interaction between institutions themselves. According to the comparative method studied religious and secular education. The research focuses on the study of historical significance of this period for the creation of the modern secular state. This article points out the factors that influenced on creating a secular education in Kazakhstan.

Keywords: religious education, secular education, education, secular schools, secular state, public education, Kazakhstan in the 19th century.

Аннотация. Статья посвящена проблеме религиозного и светского образования в Казахстане в XIX в., а также проблеме взаимодействия этих институтов между собой. По сравнительно-историческому методу изучено религиозное и светское образование. Исследование сосредоточено на изучении исторического значения данного периода для создания современного светского государства. В данной статье впервые выделяются факторы, которые повлияли на становление светского образования в Казахстане.

Ключевые слова: религиозное образование, светское образование, образование, светские школы, светское государство, народное просвещение, Казахстан в XIX веке.

Education is very important for every modern society. This article considers problems of history of interaction between religious and secular education in Kazakhstan. The relationship between the religious and the secular elements in a society also determines how education might develop.

Secular education is the system of public education in countries with a secular government or separation between religion and state. Today, secular may mean different things to different people. In secular usage, religious education is the teaching

of a particular religion and its varied aspects: its beliefs, doctrines, rituals, customs, rites, and personal roles. In Western and secular culture, religious education implies a type of education which is largely separate from academia, and which regards religious belief as a fundamental tenet and operating modality, as well as a prerequisite for attendance.

The secular concept is substantially different from societies that adhere to religious law, wherein “religious education” connotes the dominant academic study, and in typically religious terms, teaches doctrines which define social customs as «laws» and the violations thereof as “crimes”, or else misdemeanors requiring punitive correction.

In the 19th century the territory of Kazakhstan was in structure of various administrative centers of the Russian Empire. New specialists, first of all translators and interpreters were necessary for development of the relations between Russia and Asia. Establishment of educational institutions was the call of the times.

In March, 1801 Alexander I comes to the throne, and among the most important actions of the government there was an educational reform. The integrated systems of general education, the higher and secondary schools were established in the country.

In the 19th century the education in Kazakhstan developed in two directions: religious and secular. The religious direction was generally represented by maktab (schools) and madrasas financed by parents. Training was conducted on the basis of the Arabic alphabet. It was that period when interest in a problem of choosing the education mode has become aggravated. Educational institutions of secular character began to be established after joining of Kazakhstan to Russia. They prepared officials, translators, teachers and physicians for the imperial power.

The history of one of the attention getting educational institutions, belonged to the end of the 18th century was one of the first educational institutions of the Omsk city, named as Omsk Asian School. Omsk at that time was one of the large educational centers for all Kazakhstan. The idea about establishment of this educational institution belonged to the founder of the second Omsk fortress, the commander of the Siberian corps, the general lieutenant I. I. Shpringer, and the major general Shtandman has realized it in 18 years after I. I. Shpringer's death.

The main mission of school was training the Russian and Kyrgyz personnel for management and education of the Kyrgyz people. The school trained specialists of east languages, translators, interpreters and topographers. In the 17–18th centuries, translators called those who dealt with written translation, and tolmach (tilmash) — interpreters.

Originally the school was completed with children pupils only from of Kazakh families. And at the beginning of 19th century the Kazakh aristocracy has begun to

send the children to this educational institution, and also educational institutions of Omsk. So, in 1827 the son of Uali khan, Chingis Sultan has come to school of the Siberian Military Kazakh Forces. In the Manifesto August 19, 1827 it was indicated that the subjects studying and teaching methods as possible were according to the future pupil's mission, and each pupil didn't try to overcome his estate [1].

At this school except the Russian literacy and fundamentals of mathematics, Tatar, Turkish, Arab and Persian languages were taught. Over time at the same school the office has been opened for training of leaseholders and topographers.

This educational institution was granted the right to send the best pupils for education continuation to Kazan University.

Almost to the middle of the 19th century training Kazakh children were carried out in the madrasas and maktab. The functions of teacher were carried out mainly by the mullah. Muslim maktab and madrasas were generally visited by boys that became one of the reasons of high level of female illiteracy.

The first Kazakh secular school has begun to function since 1841 in the Bokei Horde on the Zhangir Khan's initiative. The seven-year school in case of the Border commission in Orenburg (Orynbor) became the following educational institution for the Kazakh children. In 1850 in case of the Orenburg Border commission other secular school has opened. In 19 years of existence 48 people graduated this place. In 1857 Ybyrai Altynsarin successfully graduated the school. In the last third of the 19th century city schools, parochial schools, pro-gymnasiums, the Russian-Kazakh specialized schools and schools, schools of primary literacy were opened. They were supported at the expense of the state and carried out a role of primary educational institutions. In the Bokei Horde rating schools were founded. The teachers of those schools were Kazakh graduated two-form school and passed examinations in teacher's seminary on titles of teacher. From 1898 to 1914 the number of elementary schools in Kazakhstan has grown with 730 to 1988, and the number of pupils in them — from 29,1 thousand to 101 thousand people. The Turkistan teacher's seminary founded in 1879 and the Orenburg Kazakh teacher's school (1883) was the first professional educational institutions. Later teacher's seminaries have opened in Aktobe, Verny, Semipalatinsk, Uralsk. These educational institutions have prepared for all pre-October period of 300 Kazakh teachers. In the 19th century agricultural and medical assistant's schools have opened from where there were specialists with secondary education.

Officials of Imperial Russia were especially disturbed by Muslim educational institutions which more and more began to be shown as alternative system, with special ideology of training. In this regard it should be noted the largest and authoritative centers of new-method training. In 1891 merchant brothers Ahmed, Ghani and Makhmut Khusainovs have built the mosque in Orenburg and in case of it they based

the maktab and madrasas as “Husainiya” without religious scholasticism. In this educational institution of new type they have invited the best teachers who studied the secular training program. The training program of madrasa of “Husainiya” had reformatory character. Children learnt Tatar, Russian, Arabic languages, studied history, mathematics, geography, physics, chemistry, pedagogics, civil jurisprudence, calligraphy, drawing. Teachers used education guidance and books of foreign editions [2]. The madrasah of “Husainiya” had rich library with art, philosophical, pedagogical literature and periodic editions on Russian, Tatar, Arab, Persian and other languages. Learners of “Husainiya” madrasas founded “Society of studying of Kazakh” which purpose was studying of monuments of the Kazakh national literature, publishing textbooks for schools and madrasas in Kazakh, assistance to publishers of future newspapers.

Many graduates of this madrasa became eminent state and public figures, poets, writers, representatives of science and culture of Kazakhstan subsequently. Consequently, in a basis of ideology of “Husainiya” madrasa has put a possibility of expansion of an outlook, direct acquaintance to spiritual achievements, modern eras and development of ideas of free-thinking.

It is necessary to tell that each of people living in Kazakhstan during the considered period looked for the niche in welfare and economic life of edge. It aimed to keep the originality that caused difficulties during establishing the public schools for non-Russian children. We think that the problem of our research can represent scientific and practical interest for the people involved in education as on documentary material on history of education. It is possible to trace development of two various approaches of the Imperial government to creation of the state educational institutions network for the non-Russian people. Now, in connection with fundamental rethinking of all history of Kazakhstan, one of the most principles of national history is the objective studying the most essential moments of education development in Kazakhstan which was the integral link in all-Russian process of the education system formation.

To the period since the beginning of the 19th century there was a process of gradual creation of integrated educational space. N. Ilminsky supported by orthodox clergy was at the head of this idea. N. Ilminsky has offered the system to the organization of national schools which had to be embodied in national suburbs of Russia. According to this he provided for the following scheme:

- 1) Primary schools with the biennial term of training;
- 2) One-year schools with a four-year course;
- 3) Two-years schools with a six-year course with limited use of national languages.

N. I. Ilminsky's ideas, for full studying of system, have been analyzed by many researchers. His views of education are estimated ambiguously. Establishment of the Rus-

sian-Kazakh schools, certainly, was not a charity action of tsarism. It quite kept within a framework of the government policy directed to acceleration of economic and cultural integration of the nomadic population living in Steppes border included in the Russian Empire. At the same time statement of school case, undoubtedly, facilitated access to younger generation from Kazakh families for gaining the primary knowledge. In post-reform Russia the aspiration of people to literacy, plunge into the scientific knowledge, literature and art amplifies. In realization of this requirement advanced Russian intellectuals played the big role which established various educational organizations at Zemstvo (elective district council in pre-revolutionary Russia) and scientific organizations, and also new out-of-school forms of education. More capable graduates of Russian-Kazakh schools had an opportunity to continue education in secondary, and then and in higher educational institutions of Russia, forming a kernel of Kazakh intellectuals. Thereby development of the Russian education among the Kazakh population of Steppes are promoted cultural rapprochement of two nations.

In this regard we support the opinion of G. S. Sultangaliyeva who writes: “Historical development of the people of the Volga region, South Ural and the Western Kazakhstan at the end of 19th, the beginning of the 20th centuries was characterized by formation of new type of cultural interaction and their intellectual elite, formation of the general bases of ideology of national revival of Turkic communities of the region. Factors which favored and caused the movement in this direction are development on idea of revival of the people on the basis of their all-round education and enlightenment, coming the culture up in native language, establishments of equality and an equal share of the Turkic-Muslim and Slavic-Christian people in state political system of Russia” [3]. During the period of modernization of the Russian Empire society religious education and secular education had undergone a significant evolution.

Finally, we need to look at how a country defines the nature and purpose of religious and secular education. We as certain that debates in modern Kazakhstan regarding the importance of religion education in the educational environment of secular society indicate that this problem has not been solved and demand historical analysis of the experience of 19th century period which is characterized by the official functioning of the system of religious education in secular schools on the one hand, and by continuous discussions about this issue on the other. The Republic of Kazakhstan proclaims itself a democratic, secular, legal and social state whose highest values are an individual, his life, rights and freedoms. Kazakhstan is multiethnic, with a long tradition of tolerance and secularism. Kazakhstan will continue to remain a secular state which respects the rights of all faiths [4].

We can argue that the influence of religious and secular education in the XIX century was a very important historical moment in the formation of the Republic of Kazakhstan as secular state.

1. Shakhovskiy D. Universal education in Russia. M., 1902. 204 p. [Вернуться к статье](#)
2. Gosudarstveny arhiv Jrenburskoy oblasti. 27-1 delo., 12 p. [Вернуться к статье](#)
3. Sultangalyeva G. S. Jdadidizm I vzaymodeystvye tyurkoyazychnih narodov Uralo-Povoljya, Kazakhstana (konets – nachalo XX v). // Vestnik KazGU im. Al-Farabyi. Ser. Istor. 2001. № 3(22). 36 p. [Вернуться к статье](#)
4. Constitution of Kazakhstan. Almaty. 1995. [Вернуться к статье](#)

УДК 351.856:351.856.2:37.015.31:34(477)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАГРАЖДЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ (опыт Украины)

Т. А. Коломоец

декан юридического факультета,
Запорожский национальный университет,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
член-корреспондент НАПрН Украины,
e-mail: t_deputy@ukr.net

И. В. Ковбас

доцент кафедры публичного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Черновицкий национальный университет
имени Юрия Федьковича
e-mail: kovbasigor@ukr.net

***Аннотация.** Государственное награждение рассматривается как инструмент правового воспитания, эффективность использования которого зависит от нормативно-правового урегулирования материально-правового и процедурного его аспектов. На примере опыта Украины выделяются достоинства и недостатки наградной практики, влияющие на условия, показатели и критерии эффективности государственного награждения как вида поощрения, убеждения в современных реалиях правового воспитания.*

***Ключевые слова:** государственное награждение, награда, процедура, наградная практика, правовое воспитание, эффективность, законодательство.*

***Annotation.** The state award is considered as an instrument of legal education, the effectiveness of which depends on the legal regulation of its substantive and procedural aspects. On the example of the experience of Ukraine, the positives and shortcomings of award practices are highlighted that affect the conditions, indicators and criteria for the effectiveness of state awards as a form of encouragement, belief in the modern realities of legal education.*

***Keywords:** state award, award, procedure, award practice, legal education, efficiency, legislation.*

В условиях поиска новых инструментов правового воспитания, применение которых благодаря их полифункциональности, существенно повышало бы эффективность последнего, повышенное внимание ученые-юристы уделяют исследованию ресурса государственного награждения как комплексного правового явления, сочетающего как материально-правовой (сущность, виды, функции государственных наград), так и процедурный (определение статуса государственных наград, их нормативное закрепление, процедура представления к

награде и непосредственно награждение) аспекты. Государственное награждение рассматривается как особенный вид поощрения, убеждения, как «мягкий» инструмент правового воспитания. Благодаря сочетанию специфических признаков (а) реакция на значительные достижения, «сверхдостижения», подвиг и т. д.; б) индивидуальная и социальная редкость; в) символизм; г) атрибутивность; д) системность; е) статусность; ж) внешняя выразительность; з) престижность; и) процессуальная формальность) государственное награждение существенно отличается от всех остальных «традиционных» инструментов правового воспитания и выполняет одновременно целый ряд функций — политическую, социальную, идеологическую, воспитательную, стимулирующую, символическую и др. Степень унормированности материально-правового и процедурного аспектов государственного награждения позволяет влиять на использование его, на эффективность и результативность такого использования. Степень детализации, определенности и унификации нормативно-правовых оснований использования ресурса государственного награждения способствует формированию позитивной наградной практики и наоборот — дефектность такой регламентации обуславливает «искусственность» государственного награждения, его фиктивный характер.

Важным представляется урегулирование нормы-дефиниции «государственная награда» и закрепление такого видового разнообразия государственных наград, которое бы обеспечило адекватную реакцию на любые проявления «выдающихся достижений», «особых заслуг», «подвига», «мужество» и т. д. При этом важно не только предусмотреть разнообразие таких наград, но и унормировать их иерархичность в зависимости от степени проявления заслуг. В этом аспекте наградная практика Украины отличается не только унормированностью основ в «базовом» законодательном акте «О государственных наградах Украины» и детализацией их в нескольких подзаконных нормативно-правовых актах (указах Президента «О Порядке представления к награждению и вручения государственных наград», об утверждении статуты и положений об отдельных государственных наградах) хотя некоторые их положения и не в полной мере согласованы, но и закреплением 38 государственных наград (звание Героя Украины, ордена, медали, отличие «Именное огнестрельное оружие», почетное звание, государственные премии Украины, президентское отличие), иерархично расположенных и в своей совокупности формирующих систему государственных наград Украины. Такое разнообразие государственных наград с абсолютной определенностью оснований применения каждой позволяет использовать весь ресурс награждения как вида поощрения, убеждения и в аспекте морального (орден, медаль), материального (отличие «именное огнестрельное оружие»), смешанного (почётное звание с ежегодной выплатой

надбавок к должностному окладу) воздействия, и в аспекте разового (Государственная премия Украины), длительного, а точнее, длящегося (почетное звание с ежемесячной надбавкой) воздействия, и учета специфики сферы заслуг (награды для военнослужащих, шахтеров, ветеранов войны, женщин и др.), и стимулирования к перспективным «сверхзаслугам» (степенное деление орденов, медалей, иерархия государственных наград).

Однако такое разнообразие не может быть безграничным, что обуславливает необходимость унормирования наградных цензов для награждения их лиц и наградного квотирования (желательно использование квотирования с привязкой к временному периоду, хотя в мировой наградной практике используется и глобальное квотирование с привязкой к количеству лиц, подлежащих награждению). Отсутствие таких «наградных фильтров» существенно снижает престиж и ценность государственного награждения, проявления которых, по мнению экспертов, появились в наградной практике в Украине в период 2015–2018 годов с необоснованно значительным количеством награжденных лиц и снижением социального восприятия государственного награждения как адекватного средства реагирования государства на значительные достижения в деятельности лица. Именно использование, а точнее, заимствование позитивной наградной практики квотирования (например, опыт Германии, Италии, Великобритании), способствует усовершенствованию критериев эффективности награждения, что, в свою очередь, обуславливает модификацию показателей эффективности государственного награждения.

Важно унормировать не только статус государственных наград, но и саму процедуру государственного награждения с широкими возможностями для проявления транспарентности и партисипатизма оптимальным субъектным составом (без дублирования полномочий, привлечением ответственности, сосредоточением полномочий окончательного принятия решения у главы государства). Такая процедура не должна быть затянутой во времени, но и не должна быть поспешной (граничные сроки обеспечиваемого устранения предпосылок для затягивания), должна сформировать «фильтры» для позитивного использования (временные рамки для очередного награждения в Украине определены тремя годами), предполагать обоснованность оснований (перечень и содержание наградных документов), возможность лишения и восстановления государственной награды и, несомненно, деликтный аспект (административную и уголовную ответственность за нарушение наградного законодательства). Несмотря на унормированность процедуры государственного награждения, в Украине степень эффективности последнего зависит и от дискреционных проявлений, непосредственно связанных с применением именно процедурных предписаний. Чрезмерное разнообразие субъектов представления к государственной награде,

субъектов согласования в сочетании с избытком оценочных понятий в наградном законодательстве, а следовательно, с субъективным подходом к их толкованию и применению не способствуют унификации наградной практики в Украине, а следовательно, ведут к снижению престижа и ценности государственного награждения как инструмента правового воспитания в Украине.

Именно поэтому приоритетным направлением усовершенствования наградного дела в Украине в его нормативном аспекте является систематизация всех положений актов народного законодательства с использованием ее наивысшей формы-кодификации (разработка и принятие Наградного кодекса Украины), абсолютной определенностью понятия, видов, иерархии государственных наград, их соотношения с проявлением заслуг (основанием), оптимизацией (не более трех) субъектов наградной процедуры, наградными «цензами», «фильтрами», видовым разнообразием юридической ответственности за нарушение наградного законодательства. Такой подход в случае практической реализации направления будет способствовать унификации наградного законодательства, наградного применения (практики), а следовательно и использованию ресурсов государственного награждения как инструмента правового воспитания, повышению эффективности такого использования.

УДК 378.6.14: 614.21

СУЩНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В. В. Кравец

адъюнкт кафедры публичного управления и администрирования,
Национальная академия внутренних дел (Украина)
e-mail: strel1977@ukr.net

***Аннотация.** В статье дана характеристика профессиональной культуры и профессиональной этики в процессе формирования профессионально-этической культуры персонала в сфере медицинского обслуживания населения.*

***Ключевые слова:** этика, культура, сфера, медицинское обслуживание, медицинские работники, медицинская этика, медицинская культура.*

***Annotation.** The article describes the professional culture and professional ethics in the process of forming a professional and ethical culture of personnel in the field of medical care for the population.*

***Keywords:** ethics, culture, sphere, medical services, medical workers, medical ethics, medical culture.*

Исследование взаимосвязи и взаимозависимости профессиональной культуры и профессиональной этики в процессе формирования профессионально-этической культуры медицинского персонала требует выяснения сущности понятия «этика» (от греч. *ethikos*, которое является производным от слова *ethos* — характер, обычай, традиция).

Быть нравственным означает придерживаться поведения, соответствующего принятым в обществе нормам. Термин «этика» употребляется во многих значениях, в частности как синоним термина «нравственность». Этика как наука является философским учением о морали как форме общественного сознания и специфической сферы общественной жизни. Иногда термин «этика» («этический») используют для оценки поведения [1, с. 93] и понимают под ним упорядоченный сбор правил поведения, который акцептуется какой-то особой или группой людей.

Специфическим видом профессиональной этики является медицинская этика, которая помогает работникам медицинского обслуживания населения осознать ответственность за жизнь больного. Отношения между врачом и пациентом выходят за пределы обычных межличностных отношений. Они требуют не только профессиональных знаний медиков, надлежащей правовой базы в сфере здравоохранения, но и соблюдения работниками медицинского обслуживания населения морально-этических норм.

Медицинская этика изучает специфику морали работника медицинского обслуживания населения, одновременно выполняя особо важную роль в формировании принципов, на которых основывается моральный кодекс работников системы здравоохранения. Несомненно, не существует отдельных этических категорий относительно поведения врача, фельдшера, медицинской сестры или санитарки. Этические принципы в медицине — это единственное и неизменное целое. Хотя каждая отдельная медицинская специальность имеет свои этические различия, преобладают всеобъемлющие моральные правила и общие этические установки.

Медицинская этика имеет внутреннюю связь с компетентностью, классификации врачей, медицинских сестер по их деловым качествам. Г. И. Царегородцев отмечал, что медицинская этика представляет собой совокупность принципов регулирования и норм поведения медиков, обусловленных особенностями их практической деятельности, положением и ролью в обществе [2, с. 36–37]. Поэтому принципы этики, общей и профессиональной, находятся в состоянии единства и взаимодополнения. Особенностью их является то, что они рассматривают не только отношение персонала медицинского обслуживания населения к конкретному пациенту, но и к здоровью человека в целом.

Профессиональная этика как совокупность нравственных принципов, связанных с поведением человека в профессиональной сфере, изучает особенности норм, принципов, понятий общечеловеческих нравственных ценностей, а профессиональная мораль конкретизирует их в определенных профессиях. Будущие специалисты должны осознавать ответственность за свои поступки, которые морально оцениваются [3, с. 244]. Нравственная оценка профессиональной деятельности определяется по двум основным критериям: 1) объективно дает профессия для общественного развития; 2) субъективно дает профессия индивиду в смысле нравственного воздействия на него, поскольку разные профессии имеют неодинаковое моральное воздействие на людей.

Предметом исследования профессиональной этики медицинских работников являются объективные основания, сущность, специфика, структура и основные функции морали работников медицинской сферы деятельности [4, с. 201]. Профессиональная медицинская этика имеет соответствующие кодексы определенных положений о трудовой деятельности, которые способствуют выработке у медицинского персонала способности к нравственной ориентации в сложных ситуациях, требующие морально-деловых и социальных качеств. Нравственная культура медицинских работников является одним из эффективных механизмов предсказания и разрешения противоречий и конфликтов, которые возникают в этой сфере [5].

По мнению Л. Е. Клос, профессиональная этика содержит важнейшие положения профессионального поведения специалиста медицинской сферы в процессе практической деятельности. Она является обобщением полученного опыта, так как этическая осведомленность — необходимая составляющая квалифицированной профессиональной практики каждого работника [6, с. 85].

В течение веков в процессе оказания медицинской помощи больным формировались основные этические нормы, которые были обобщены и сформированы учеными-медиками разных эпох. Ведущая роль в определении основных проблем медицины как нравственной деятельности принадлежит основателю научной медицины Гиппократу. Он составил список правил о том, что врачи должны применять свои умения только на благо пациентов [7, с. 163]. Этот список известен как «Клятва Гиппократа», в которой четко сформулирован профессиональный долг врача — «честно и непорочно осуществлять свою жизнь и творить свое искусство», а также основные положения медицинской этики Гиппократа [8, с. 34–45]: «Клянусь ... выполнять честно, в соответствии с моими силами и пониманием следующую присягу и письменное обязательство: уважать лицо, которое научило меня врачебному искусству, наравне с моими родителями... Я направлю режим больных их выгоду, в соответствии с моими силами и моего понимания, воздержусь от причинения всякого вреда и несправедливости. ... В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, свободный от всего злонамеренного...». Этика Гиппократа, построенная на принципах гуманизма, получила признание во многих странах мира и сотни лет является основой, на которой базируется медицинская этика (Этика Персиваля, 1703; Кодекс Американской Медицинской Ассоциации, 1848; Женевская декларация, 1948; Присяга врача Советского Союза, 1971 и т. д.) [9, с. 93]. По предложению голландского врача Тульп Тульпиуса (1599–1674) эмблемой медиков стала горящая свеча. Внутренний смысл этого символа выражен в лозунге: «Светя другим, сгораю сам», что подчеркивает приоритет нравственного долга медика над всем остальным.

Итак, медицинская этика оперирует постулатами о врачебном долге, слове врача, врачебной тайне, добре и зле, нравственными и философскими категориями и приоритетами в здравоохранении. Именно этические законы и позиции в сфере медицинского обслуживания населения являются взглядами и знаниями, которые наглядно интегрируют моральные основы личности медицинских работников и в целом медицинского обслуживания населения, теорию и практику отношений с больными, обществом и коллегами и т. п.

1. Szczepaniak A. Etyka zawodowa // Сучасні інформаційні технології та інноваційні методики навчання у підготовці фахівців : методологія, теорія, досвід, проблеми : зб. наук.

- пр. / ред. кол. : І. А. Зязюн (гол.) [та ін.]. К. ; Вінниця : ДОВ “Вінниця”, 2008. Вип. 20. С. 93–98. [Вернуться к статье](#)
2. Царегородцев Г. И., Губанов Н. И. Социальные и психогигиенические проблемы семьи. М. : Знание, 1982. 64 с. [Вернуться к статье](#)
3. Фіцула М. М. Педагогіка вищої школи : навч. посіб. К. : Академвидав, 2006. 352 с. [Вернуться к статье](#)
4. Нарижный Ю. А. Введение в этику : учеб.-метод. пособие. Дніпропетровськ : ВАТ «Дніпрокнига», 2005. 447 с. [Вернуться к статье](#)
5. Психічні і моральні якості медичного працівника [Електронний ресурс]. URL: <http://ukrref.com.ua/download.php?Zip&id=otuwoq%3D%3D> (дата звароту: 02.02.2020). [Вернуться к статье](#)
6. Клос Л. Професійна адаптація студентів спеціальності «соціальна робота» // Психолого-педагогічні основи професійної адаптації майбутніх фахівців : монографія / за ред. Г. П. Васяновича. Львів : СПОЛОМ, 2008. С. 74–112. [Вернуться к статье](#)
7. Cox F. K., Greenblatt M., Seaberg S. S. Human heritage. A world history. Columbus : Ohio : Charles E. Merrill Publishing Co., A Bell & Howell Company, 1981. 660 p. [Вернуться к статье](#)
8. Верхратський С. А., Заблудовський П. Ю. Історія медицини : навч. посіб. 4-те вид., випр. і допов. К. : Вища школа, 1991. 431 с. [Вернуться к статье](#)
9. Вековшиніна С. В., Кулініченко В. Л., Коваленко Н. В. Сучасна медична етика : від Гіпократата до біоетики // Український медичний часопис. № 5(37). IX / X 2003. С. 93–96. [Вернуться к статье](#)

УДК 303.01

О ПРОБЛЕМАХ КРИТЕРИЕВ НАУЧНОСТИ И ОРИГИНАЛЬНОСТИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ

М. В. Кулагина

магистрант факультета внебюджетной подготовки,
Самарский юридический институт ФСИН России
e-mail: masiania584@yandex.ru

Аннотация. В статье автором рассматривается проблема выявления на всех этапах научной деятельности недобросовестных действий, направленных на подмену реально проводимых научных работ и исследований их фальсификацией или заимствованием.

Ключевые слова: научная новизна, научная деятельность, оригинальность, самоцитирование, фальсификация.

Annotation. In the article, the author considers the problem of revealing at all stages of scientific activity unscrupulous actions aimed at replacing the actual research work and research with their falsification or borrowing.

Keywords: scientific novelty, scientific activity, originality, self-citation, falsification.

Одной из наиболее актуальных проблем науки на современном периоде ее развития продолжает оставаться выявление на всех этапах научной жизни недобросовестных действий, направленных на подмену реально проводимых работ и исследований их фальсификацией либо заимствованием. Указанные действия, осуществляемые в целях извлечения выгод и преимуществ — карьерного роста, научного признания, получения выплат, надбавок и грантов, не только приводят к неэффективному расходованию средств бюджетов всех уровней, учреждений, предприятий и организаций, но и препятствуют нормальному развитию российской науки и дискредитируют ее на международной арене.

Основными способами осуществления вышеуказанной противоправной деятельности являются неправомерное заимствование и цитирование (плагиат), а также фальсификация научной деятельности в различных формах. Для гуманитарных наук, в том числе юриспруденции, наиболее актуальной является именно проблема плагиата как в форме прямого цитирования без указания источника (авторства), в том числе и самоцитирования, так и путем перефразирования ранее написанных научных работ без внесения научно полезного содержания [1, с. 174].

Таким образом, не вызывает сомнения, что в целях исключения вышеуказанных негативных явлений необходимо осуществить своевременную и полную

оценку всего объема научных работ на предмет научности и оригинальности (новизны).

Долгое время указанные показатели являлись предметом экспертной оценки со стороны рецензентов, членов диссертационных советов, иных специалистов. Это, с одной стороны, позволяло применять дифференцированный подход в целях оценки корректности либо некорректности заимствований и других нарушений научной этики, авторского права и т. д., однако порождало существенную субъективность данной оценки, а также в большинстве случаев не позволяло установить источник заимствования ввиду большого количества научных текстов.

Ситуация особенно обострилась с развитием сети негосударственных образовательных и научных учреждений, получающих доход от вышеуказанных недобросовестных представителей науки [2, с. 4–8].

Однако, если оценка научности работ продолжает оставаться прерогативой научного сообщества, то с развитием цифровых и сетевых технологий, а также тотальной оцифровки результатов научной деятельности оценочная работа в части установления фактов плагиата была по большей части автоматизирована.

Изначально в основу работы автоматизированных систем были положены простые поисковые алгоритмы, позволяющие выявить большие массивы текста, некорректно заимствованные автором из ресурсов сети Интернет. Однако в дальнейшем такие алгоритмы были существенно усложнены, в том числе с применением технологий нейросетей. Наиболее известной является система «Антиплагиат», основанная одной из коммерческих организаций в 2005 году. С 2007 года при участии Рособнадзора и Минобрнауки России система поэтапно внедрялась в аттестационных комиссиях и вузах, и в настоящее время проверка научных и квалификационных работ любого уровня на оригинальность с ее использованием является обязательной [3, с. 50–57].

На первом этапе внедрения системы ее применение приводило к сугубо положительному результату. Было практически искоренено крупноблоковое заимствование текста из литературных и научных источников, а также многократное самоцитирование в различных научных изданиях и диссертационных исследованиях, что существенно снизило долю недобросовестно выполненных научных работ и необоснованно присвоенных ученых степеней.

Однако впоследствии в ходе дальнейшего совершенствования указанных компьютерных систем, а также развития механизма интерпретирования результатов их работы и соответствующей организационной инфраструктуры научного сообщества в данных явлениях обнаружены значительные негативные факторы и тенденции, не только препятствующие нормальному развитию россий-

ской науки, но и формирующие определенные угрозы безопасности России в научной сфере.

В частности, стремление максимально увеличить оригинальность рассматриваемых научных работ привело к развитию оценки данного параметра по интегрированному, машиноопределяемому показателю, а именно индексу оригинальности, оцениваемому компьютерной системой «Антиплагиат» и ее аналогами без учета специфики работы [4, с. 47]. С учетом модуля поиска перефразирований, а также иных компонентов система снижает показатель оригинальности за счет общераспространенных лексических форм, а также объективно необходимых лексических единиц, не подлежащих произвольной замене. Применительно к юриспруденции, например, к категории некорректных заимствований системой относятся наименование статьи УК РФ, терминология теории государства и права («санкция предусматривает...», «подлежит квалификации...»), сформированные практикой устойчивые словосочетания («результаты оперативно-розыскной деятельности предоставляются...»), самостоятельно собранная исследователем статистика (ввиду формализованности статистических категорий) и т. д. В ряде случаев вызывает определенные вопросы также обоснованность линейного снижения индекса оригинальности при использовании надлежащим образом оформленных цитат. Если в общем случае избыточное цитирование даже при надлежащем оформлении свидетельствует о недостаточной оригинальности научной работы, то в работах по определенным тематикам и дисциплинам (в сфере юриспруденции — например, работы по сравнительному правоведению, философии права, истории политико-правовых учений) цитирование является обоснованным ввиду принадлежности цитированных текстов к источникам и объектам исследования, что не учитывается при исключительно автоматизированной оценке. Следует отметить, что если ранее модуль поиска в сети Интернет осуществлял поиск преимущественно среди вторичной информации (научных работ, монографий и т. д.), то в настоящее время увеличивается степень присутствия в виде цифровых распознанных образов и первичных текстов, вследствие чего данная проблема становится все более актуальной для широкого круга исследователей [5, с. 92]. Отдельным вопросом является учет в качестве цитат библиографического модуля, который уменьшает общий индекс оригинальности за счет корректно распознаваемого системой списка использованной литературы и текстов сносок, что является объективно недостоверным показателем, т. к. с учетом традиций советской (российской) научной школы широкая проработка библиографических источников является не только допустимым, но и обязательным элементом любой научной работы.

В качестве причин, обуславливающих стремление авторов системы «Антиплагиат» к внедрению максимального уровня поиска цитирований и заим-

ствований, следует отметить в том числе принадлежность оператора системы к коммерческим организациям, что обуславливает необходимость «демонстрации результата» платным пользователям. Кроме того, создатели системы, являющиеся представителями научной школы РАН, по своей научной деятельности знакомы преимущественно с точными науками, что приводит к недостаточному учету специфики гуманитарных наук.

Вышеизложенные негативные факторы приводят к применению существенно различающихся критериев оценки оригинальности работ. Так, различными изданиями допускается публикация научных статей по гуманитарным наукам с индексом оригинальности от 50 %.

Кроме того, данная формальная система оценки оригинальности стимулирует авторов к бессмысленной деятельности по повышению оригинальности путем применения синонимов, замены словоформ и т. д.

Вместе с тем сама по себе система «Антиплагиат» является лишь инструментом и предоставляет проверяющему лицу развернутый отчет, изучение которого позволяет сделать обоснованный вывод о наличии либо отсутствии плагиата в каждом конкретном случае. Кроме того, процедура проверки научных работ зачастую не содержит конкретно прописанных процедурных критериев (например, в ряде случаев проверка осуществляется без учета сносок или библиографического списка, а в других случаях — полным файлом, даже с титульным листом). Таким образом, принципиальным вопросом является процедура учета результата проверки, а не сама ее информационно-техническая часть. Однако, опасаясь обвинения в пропуске работ, содержащих недопустимую долю плагиата, большинство ответственных лиц и коллегиальных органов стремятся учитывать максимально недружественный к автору индекс оригинальности.

Неудивительно, что внедрение подобных систем и процедур повлекло за собой их использование в целях, не отвечающих интересам российской науки.

Так, на базе результатов работы системы «Антиплагиат», а также аналогичной авторской системы осуществляет деятельность по проверке обоснованности присвоения ученых степеней общественное сообщество «Диссертнет», в которое на общественных началах вошли различные научные активисты. На первом этапе деятельности активисты действительно выявили широкий ряд вопиющих фактов плагиата и, возможно, «платных» фактов получения ученых степеней лицами, не проводившими какой-либо научной работы [6, с. 3383]. В связи с этим активисты «Диссертнет» (в т. ч. и не имеющие значимых заслуг в науке) вошли в состав официальных коллегиальных органов, в том числе в комиссию РАН по противодействию фальсификации научных исследований, обладающую широким кругом полномочий. Однако впоследствии активисты

«Диссертнет» перешли к деятельности по целенаправленной дискредитации в СМИ (в т. ч. от имени указанной комиссии РАН) на основе рассмотренных выше особенностей научной деятельности широкого круга российских научных деятелей, в т. ч. из числа руководства государственных вузов, причем впоследствии выводы данных активистов в ряде случаев были признаны необоснованными и послужили основанием для реагирования в рамках действующего законодательства, в т. ч. и уголовного [7, с. 76].

Следует отметить, что деятельность сообщества «Диссертнет» имеет явные признаки зарубежного влияния. Так, основной сайт сообщества зарегистрирован на территории США (по последним данным, сервер может располагаться на территории Голландии). Активные связи «Диссертнет» поддерживал (поддерживает) с фондами «Династия» (признан на территории России иностранным агентом) и «Эволюция» (является перерегистрированным продолжателем первого фонда). Отдельные активисты «Диссертнет» принимали активное участие в деятельности деструктивной оппозиции. Таким образом, мотивация ряда представителей «Диссертнет» вызывает существенные вопросы.

В настоящее время решается вопрос об обновлении состава указанной комиссии РАН, в ходе чего присутствие в составе представителей «Диссертнет» может быть подвергнуто сомнению.

Однако традиции формального подхода к оценке оригинальности научных исследований укоренены в российском научном сообществе. Так, РИНЦ на основании формальных показателей системы «Антиплагиат» регулярно осуществляет ретроактивное снятие с индексации не только отдельных статей, но и изданий целиком (вместе с добросовестными публикациями без их постатейного анализа), что приводит к закономерным проблемным ситуациям в научном сообществе.

При этом на второй план уходит основной практический показатель, а именно практическое значение научной деятельности.

Таким образом, практика применения системы «Антиплагиат» нуждается в изучении и нормативном регулировании с учетом специфики и особенностей конкретных наук.

1. Мирский Э. М., Барботько Л. М., Войтов В. А. Наука и бизнес. Этнос фронта. М., 2008. 174 с. [Вернуться к статье](#)

2. Абрамов Е. Г., Кириллова О. В. Публикационная этика в научно-исследовательском процессе / Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 5(11). С. 4–8. [Вернуться к статье](#)

3. Мартишина Н. И. Место системы «Антиплагиат» в саморегуляции научной деятельности // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 6. С. 50–57. [Вернуться к статье](#)

4. Хардвиг Дж. Роль доверия в познании // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение. 1993. № 1. С. 46–51. [Вернуться к статье](#)

5. Шмелева Е. Д. Плагиат и списывание в российских вузах // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 84–103. [Вернуться к статье](#)
6. Чиркин Е. С. Использование систем антиплагиата в образовании // Вестник ТГУ. 2013. Т. 18. Вып. 6. С. 3380–3387. [Вернуться к статье](#)
7. Маршакова-Шайкевич И. В. Россия в мировой науке : учеб.-метод. пособие. М., 2008. 227 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.64

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Д. П. Лямин

старший преподаватель кафедры 121,
исследователь в области социальной психологии,
Военная академия Республики Беларусь
e-mail: d.turizm@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор раскрывает некоторые особенности правового воспитания молодежи, а также противодействия деструктивным источникам информации в этой сфере. Особое внимание уделяется возможности использования современных информационных технологий в работе с установками личности, что является перспективным направлением в работе с подростками. Материал основан на проведенных психологических исследованиях в рамках диссертационной работы.

Ключевые слова: правовое воспитание, законность, профилактика, источник информации, социальный объект, социальная установка, социальное восприятие, мировоззрение, Окно Овертона, социальная группа.

Annotation. In this article, the author reveals some features of legal education of young people, as well as counteraction to destructive sources of information in this area. Special attention is paid to the possibility of using modern information technologies in working with personal settings, which is a promising direction in working with teenagers. The material is based on psychological research conducted in the framework of the dissertation.

Keywords: legal education, legality, prevention, source of information, social object, social attitude, social perception, worldview, Overton Windows, social group.

Правовое воспитание — это формирование правового поведения населения, одна из задач социальной политики государства, которая направлена на формирование у граждан законопослушного поведения и является превентивным действием предотвращения преступной деятельности среди населения.

Основными целями данной деятельности можно считать:

достижение необходимого уровня правовых знаний;

выработку глубокого уважения к закону и привычки точного соблюдения его требований на основе личного убеждения;

укрепление законности и правопорядка в обществе [1].

Обобщенно субъектами правового воспитания можно считать правоохранительные органы, образовательные учреждения и некоторые общественные организации.

Работу в этой сфере наиболее целесообразно вести по двум направлениям:
борьба с информационным воздействием на сознание молодежи со стороны деструктивных источников;
пропаганда правовой культуры общества.

В настоящее время можно наблюдать повышение активности негативного воздействия на сознание населения со стороны различных деструктивных источников, открыто пропагандирующих противозаконную деятельность преступных сообществ. Немалое внимание уделяется вопросам воспитания молодежи в рамках приверженности различным т. н. воровским законам (идеям, понятиям). В Интернете, особенно в социальных сетях, создан и достаточно активно функционирует ряд аккаунтов подобной направленности с большим количеством подписчиков («АУЕ» — 240 000 подписчиков, «АУЕ — Бандитский квартал» — 110 000 подписчиков и т. д.).

Для того чтобы эффективно противостоять такому негативному влиянию на сознание населения, а также успешно формировать позитивные установки правового поведения граждан, необходимо четко представлять механизмы формирования социального восприятия различных социальных объектов (в том числе органов государственной власти) и процессов. В дальнейшем под термином «объект» будем подразумевать любое явление, в отношении которого необходимо сформировать или изменить общественное мнение.

Одним из наиболее действенных и проверенных способов изменения общественного мнения с использованием массмедиа считается технология «Окно Овертона», позволяющая управлять массовым сознанием, в том числе больших социальных групп [2]. Однако применение данной технологии требует больших материальных и временных затрат и, как правило, нацелено на изменение определенных моральных либо правовых основ общества в целом. Методика уже достаточно хорошо известна и при должном контроле медийного пространства в стране со стороны органов государственной власти легко отслеживается и пресекается. В связи с этим для деструктивного воздействия на население (особенно на молодежь) используются другие технологии, в том числе с использованием ресурсов, предоставляемых сетью Интернет. Согласно теории отношений В. М. Мясищева [3] социальное восприятие условно состоит из трех компонент:

когнитивной, т. е. закрепившихся в сознании индивида представлений о социальном объекте;

эмотивной, т. е. чувств индивида в отношении объекта;

поведенческой, которая определяет поведение индивида в отношении объекта.

Данные компоненты тесно взаимосвязаны между собой, и изменение одной компоненты под воздействием внешних факторов, безусловно, приведет к изменению других (наличие отношений обусловленности). Таким образом, становится видно, что изменив когнитивную и эмотивную составляющую человека, можно изменить и его поведение в отношении требуемого объекта, что в итоге может привести к различным сбоям функционирования общественно-социальных систем.

Фундаментом когнитивной составляющей социального восприятия человека можно считать социальную установку, формирующую образ объекта в сознании индивида. Данный феномен является динамическим и изменяется в зависимости от приобретаемых знаний об объекте, социального и личного опыта. Структурно установку можно представить как совокупность представлений человека об объекте и ожиданий в отношении него [4]. Изучение групповых установок позволит выявить общие понятия об объекте, воздействие на которые даст возможность управлять общественным мнением, охватить максимально возможную аудиторию в кратчайшие сроки. Для этой цели предлагается использовать опросники, разработанные на основе метода свободных ассоциаций, достаточно надежные и валидные. Проанализировав полученные результаты, можно определить общие представления об объекте (позитивные и негативные), приняв их в качестве пиковых значений, на которые необходимо будет сосредоточить информационное воздействие с целью их усиления или ослабления.

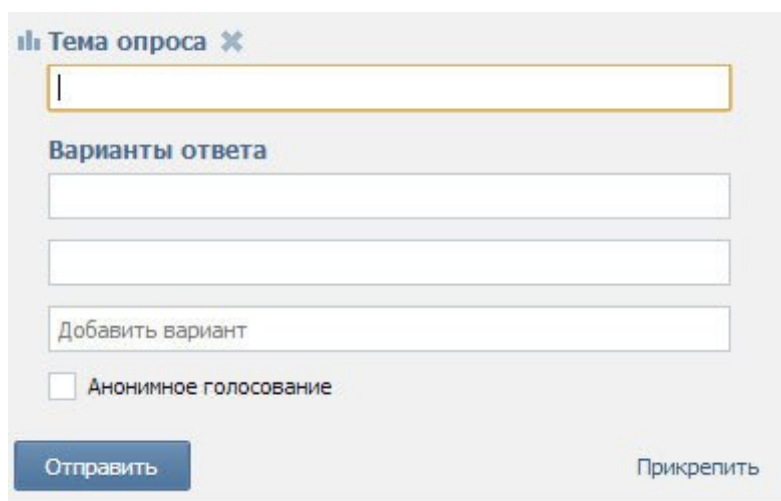
При формировании положительных установок правового поведения населения необходимо учитывать, что формирование мировоззрения личности происходит преимущественно в период с 15 лет до 21 года [5]. В дальнейшем основные жизненные принципы индивида остаются неизменными и поддаются только небольшой коррекции. В этой связи активную работу по формированию правового поведения наиболее целесообразно вести с подростками, используя при этом наиболее популярные в молодежной среде источники информации.

Согласно теории С. Московичи [6] скорость и глубина формируемой (корректируемой) установки напрямую зависит от источника информации, к которому предъявляются требования, основными из которых являются надежность, профессиональная компетентность, беспристрастность, объективность, бескорыстность.

Результаты проведенного психологического исследования среди школьников выпускных классов средних школ г. Минска, г. Бреста и г. Орши показали, что наибольшим доверием в качестве источника информации у молодежи пользуется Интернет («Интернет» — 71,9 %, «ничему» — 16,2 %, «своему опыту» — 8,5 %, «печатная пресса» — 3,4 %). При этом при работе с интернет-

ресурсами (сайтами, социальными страницами и личными аккаунтами информационных лидеров) следует уделять внимание таким показателям, как обновляемость портала, профессионализм, использование профессиональной лексики, высокая актуальность предоставляемой информации.

Наиболее простым, но в то же время эффективным путем формирования положительного социального восприятия населения можно считать работу с социальными установками представителей малых социальных групп с использованием ресурсов, предоставляемых социальными сетями. К примеру, с помощью предлагаемых опросников в сети «ВКонтакте» можно с высокой степенью эффективности провести работу по выявлению пиковых значений групповых установок (рисунок). При этом результат будет отличаться высокой степенью достоверности, так как позволит охватить большое количество респондентов, объединенных по различным признакам: профессиональным, возрастным, гендерным, хобби и т. д.



The image shows a screenshot of a poll creation interface. At the top, there is a title field labeled 'Тема опроса' with a close icon. Below it is a large empty text input box. Underneath, there is a section titled 'Варианты ответа' containing two empty text input boxes and a button labeled 'Добавить вариант'. Below this is a checkbox labeled 'Анонимное голосование'. At the bottom left is a blue button labeled 'Отправить', and at the bottom right is a button labeled 'Прикрепить'.

Поле для проведения опросов

Это в значительной степени облегчает работу по формированию информационных лидеров, наделенных идиосинкразическим кредитом доверия со стороны пользователей (т. е. утверждения которого принимаются без доказательств большинством). В данном случае можно выявить особенности коммуникации, лингвистических оборотов, используемых для общения в группе, применять их в дальнейшем в диалогах, обсуждениях и в новостной ленте. Сформированный информационный лидер не обязательно должен являться реальной личностью, а может представлять интересы любой организации, в том числе ставящей цели разрушения идеалов и норм, пропагандируемых в группе.

Далее, выявив пиковые значения когнитивной составляющей установки, можно приступать к информационному воздействию по снижению или усилению ее значения в восприятии объекта. К примеру, опрос показал, что одним из негативных (в то же время положительных) пиковых значений установки на

преступные группировки у подростков является «братство». Следовательно, в первую очередь следует сосредоточить усилия на снижении у целевой аудитории этой ассоциации, показывая все реалии «воровской романтики». При этом необходимо соблюдать стиль общения, принятый в группе, уходя от использования формальных фраз и банальных примеров.

При этом следует учитывать общие закономерности подачи материала в социальных сетях и других мессенджерах, используемых молодежью. К основным можно отнести следующие:

- логичность и четкая структурированность предлагаемого материала;
- практикоориентированность;
- использование различных фото- и видеоматериалов (посты, мотиваторы, видеоролики), при этом длительность видео по возможности не должна превышать полторы минуты;
- краткость, лаконичность предложений;
- грамотное использование юмора;
- использование эмоджи (смайлы, эмоджи, изменение шрифта, переход на заглавные буквы, использование знаков препинания).

По такой же методике можно вести работу по выявлению и корректировке эмотивной составляющей восприятия, определяя чувства и эмоции, возникающие в отношении к объекту (страх, опасение, гордость и т. д.). Например, на некоторых деструктивных сайтах ведется активная информационная работа по снижению у населения, в частности у подростков, страха перед пенитенциарной системой наказания («общак», «грев с воли» и т. д.).

Таким образом, в настоящее время интернет-технологии используются уже во всех сферах общественной жизни и в том числе являются перспективным направлением для работы по привитию молодежи норм правового поведения в обществе, формированию высокого уровня правосознания и правовой культуры, а также по профилактике преступлений и правонарушений.

1. Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник с учебно-методическими материалами. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2009, 545 с. [Вернуться к статье](#)

2. The Overton Window. Mackinac Center for Public Policy Информационный портал [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения: 22.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Мясищев В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений // Психологическая наука в СССР. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т. II. С. 110–125. [Вернуться к статье](#)

4. Лямин Д. П. Изменение социальных установок населения в ходе психологической войны // Вестник ВА РБ. № 4. 2015. [Вернуться к статье](#)

5. Годфруа Ж. Что такое психология. М., 1992. [Вернуться к статье](#)

6. Московичи С. Социальная психология. 7-е изд. СПб. : Питер, 2007. 592 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю. А. Михайлова

заместитель начальника филиала по учебной и научной работе,
кандидат филологических наук,
Псковский филиал Академии ФСИН России
e-mail: mihailova_1617@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность формирования правовой культуры у курсантов ведомственных образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы. Автор выделяет основные составляющие системы формирования правовой культуры у курсантов-юристов.

Ключевые слова: правовая культура, курсант, юрист, профессиональная деятельность, уголовно-исполнительная система, антикоррупционная подготовка.

Annotation. The article substantiates the relevance of the formation of legal culture among cadets of departmental educational institutions of higher education that train personnel for the criminal Executive system. The author identifies the main components of the system of formation of legal culture among legal cadets.

Keywords: legal culture, cadet, lawyer, professional activity, criminal enforcement system, anti-corruption training

В настоящее время все шире обсуждаются вопросы правового, духовно-нравственного и патриотического воспитания современной молодежи. Важность формирования правовой культуры сегодня не вызывает никаких сомнений. Об этом в том числе свидетельствуют статистические данные о совершенных преступлениях. Так, по официальным данным, в России в течение 2019 года несовершеннолетними совершено 41 548 зарегистрированных преступлений, учащимися и студентами — 40 910 зарегистрированных преступлений [1, с. 9, 43].

Безусловно, средства массовой информации не способствуют формированию правовой культуры молодежи: современный школьник, а затем и студент зачастую имеют ложные жизненные ориентиры, которые навязываются ему средствами массовой информации, а также видеоматериалами, размещенными в сети Интернет. Все это зачастую формирует неверную модель поведения подростка.

Следует признать, что современная школа не в полном объеме справляется с формированием правовой культуры. На наш взгляд, это связано с отсут-

ствием единого механизма (системы) развития правовой культуры школьника. Как правило, это обусловлено тем, что в школе реализуются отдельные элементы такой системы: правовое воспитание в рамках изучения таких учебных предметов, как «История», «Обществознание»; патриотическое воспитание; моделирование правильного жизненного поведения и т. д.

Результаты анкетирования курсантов 1 курса показали низкий уровень правовой культуры у 65 % опрошенных, средний — у 30 %, высокий — у 5 % опрошенных.

Наблюдение показало, что курсанты 1 курса проявляют средний или ниже среднего интерес к освоению образовательной программы, мало интересуются проводимыми в вузе научными и иными мероприятиями.

Приведенные данные свидетельствуют об актуальности темы и необходимости разработки модели формирования правовой культуры у курсантов ведомственных образовательных организаций высшего образования юридического профиля. Это связано в первую очередь с тем, что правовая культура находится в тесной взаимосвязи с законностью, пронизывает процесс укрепления законности [2, с. 161].

Особую важность приобретает формирование правовой культуры не просто юриста-профессионала, а юриста — сотрудника правоохранительных органов, в частности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

И это можно объяснить как минимум двумя причинами. Во-первых, уголовно-исполнительная система России является неотъемлемым участником механизма обеспечения безопасности государства. Во-вторых, профессия сотрудника уголовно-исполнительной системы связана с риском, ежедневно сотруднику приходится работать с лицами, преступившими закон, совершившими преступления, в том числе и тяжкие. Подобные условия труда приводят к профессиональной деформации сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Высокий уровень правовой культуры снижает (замедляет) процессы деформации сотрудника уголовно-исполнительной системы, делает сотрудника более устойчивым к трудностям профессиональной деятельности: наряду со специальной подготовкой самовоспитание молодых юристов-профессионалов является способом профилактики деформации сознания и личности и поддержания на должном уровне профессионализма [2, с. 159].

Выделим основные составляющие системы формирования правовой культуры у курсантов-юристов.

1. Основной этап формирования правовой культуры курсантов — это освоение основной образовательной программы высшего образования. Содержание этого этапа определяется федеральными государственными образова-

тельными стандартами высшего образования по специальностям или направлениям подготовки (ФГОС ВО).

В соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки «Юриспруденция» в результате освоения образовательной программы у выпускника должны быть сформированы профессиональные компетенции в той сфере деятельности, к которой готовится выпускник [3]:

нормотворческая деятельность (разработка нормативных правовых актов и их подготовка к реализации);

правоприменительная деятельность (обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм; составление юридических документов);

правоохранительная деятельность (обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства; охрана общественного порядка; предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование правонарушений; защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности);

экспертно-консультационная деятельность (консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы документов).

Специфика подготовки сотрудников для уголовно-исполнительной системы предполагает изучение в основном дисциплин юридического профиля. Таким образом формируется теоретическая база, накапливаются знания, выстраиваются междисциплинарные связи; формируется умение работать с юридической литературой, анализировать нормативные правовые акты, а также применять их.

2. Выработка у курсантов зрелого юридического мышления и вовлечение их в правовую деятельность. Это возможно реализовать при помощи юридических клиник и взаимодействия с другими правоохранительными органами и прокуратурой.

Участие в работе юридической клиники не только позволяет курсанту применить свои знания на практике, развивает умение работать с юридической и справочной литературой при поиске ответа на обращение, но и вырабатывает у курсанта чувство ответственности.

Кроме того, в качестве положительного опыта следует отметить соглашение, заключенное между нашей образовательной организацией и Прокуратурой Псковской области, в рамках действия которого курсанты и студенты под руководством опытных сотрудников вуза проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов.

3. Формирование устойчивого антикоррупционного мировоззрения и поведения.

Как отмечают исследователи, коррупция как социальное явление, государственная антикоррупционная политика, методы противодействия коррупции, общественные механизмы борьбы с коррупцией, вред, причиняемый общественным отношениям в связи с различными формами коррупционного поведения, законодательство о противодействии коррупции и ответственность за коррупционные правонарушения становятся предметом образовательной деятельности независимо от направленности и уровня образовательной программы. Являясь одной из острейших социальных проблем на современном этапе развития Российского государства, коррупция становится предметом нравственной и правовой оценки: происходит осмысление личного опыта и информационного фона, соответствующее преломление приобретает изучение истории, литературы, вопросов устройства общества и государства, развития правовой системы и т. д. [4].

В связи с этим особую важность приобретает формирование устойчивого антикоррупционного мировоззрения у курсантов — будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы.

4. Вовлечение курсантов в научную деятельность — участие курсантов в научных конкурсах и научных мероприятиях создают условия для творческой самореализации личности.

5. Патриотическое воспитание курсантов, которое нацелено на развитие нравственных и патриотических чувств, приобщение к отечественной истории и культуре.

6. Вовлечение курсантов в волонтерскую работу. Именно в этом направлении реализуется принцип инициативности курсантов в выборе способов самореализации; формируется позиция и отношение курсантов к тем или иным событиям и ситуациям, что имеет особую важность как для социума, так и для самой личности курсанта.

Предлагаем следующие критерии, которые позволяют оценить уровень правовой культуры курсанта:

- курсант овладел необходимым объемом правовых знаний, умеет анализировать и обобщать правовую информацию, способен анализировать нормативные правовые акты;
- курсант способен правильно оценивать социальные явления с точки зрения правовых норм;
- курсант обладает устойчивой гражданской позицией;
- курсант умеет дифференцировать правовые и общечеловеческие ценности;
- курсант знает основы правопослушного поведения, умеет применять правовые знания на практике;

– курсант способен выстраивать отношения с другими людьми (сверстниками, курсантами других курсов, преподавателями и т. д.).

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года : сборник сведений. М. : Генеральная прокуратура РФ, 2019. 52 с. [Вернуться к статье](#)

2. Семенов В. Е. Актуальные проблемы теории правосознания и правовой культуры молодежи // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. 2005. № 4. С. 158–166. [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс] : приказ Минобрнауки России, 1 дек. 2016 г., № 1511 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Формирование антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов : науч.-исслед. работа ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» [Электронный ресурс]. URL: <http://msal.ru> (дата обращения: 20.12.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Т. А. Морозова

старший преподаватель кафедры предварительного расследования,
кандидат юридических наук,
Нижегородская академия МВД России

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению вопросов правового воспитания и правового образования и их роли в формировании правовой культуры личности и общества, а также уделяется внимание правовому обучению, под которым понимаем целенаправленный, планомерный и организованный процесс формирования и дальнейшего развития правовых знаний, навыков, умений активной правомерной деятельности в их системности и совокупности.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, правовое образование, правовая культура личности, правовая культура общества.*

***Annotation.** The article is devoted to the issues of legal education and legal education and their role in the formation of the legal culture of the individual and society, and also pays attention to legal training, which is understood as a purposeful, systematic and organized process of formation and further development of legal knowledge, skills, and abilities of active legal activity in their system and totality.*

***Keywords:** legal education, legal education, legal culture of the individual, legal culture of society.*

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о правовом воспитании и правовом образовании в формировании правовой культуры личности, поговорим о правовом обучении, под которым понимаем целенаправленный, планомерный и организованный процесс формирования и дальнейшего развития правовых знаний, навыков, умений, активной правомерной деятельности в их системности и совокупности. Исходя из определения, выделим следующие признаки правового обучения:

– целенаправленный процесс, конечным результатом которого является правовая обученность личности, ориентированная на получение общегражданских, профессиональных знаний и навыков;

– планомерный процесс, осуществляемый по заранее составленному учебному плану, программам, в соответствии с которыми процесс обучения распределяется на этапы;

– организованный процесс, при котором определены срок обучения, перечень дисциплин, подлежащих освоению, виды занятий и форма контроля;

– формирование и развитие правовых знаний, навыков и умений в системе, при которой дается целостное представление о правоведении как о много-

гранной науке, так и учебной дисциплине, при этом необходимо не меньшее внимание уделять формированию и развитию правовых навыков и умений практической деятельности;

– сопровождение констатацией наличия у обучающегося образовательного уровня и выдачей ему по итогам обучения соответствующего документа.

Правовое воспитание — это систематическая деятельность лиц и социальных институтов, направленная на передачу нравственно-правовых идеалов, ценностей и опыта правомерного поведения с целью дальнейшего формирования и развития правовой активности личности, которая в итоге раскрывает не только «букву права», но и «дух права», показывая их истинное предназначение в обществе.

К признакам правового воспитания отнесем следующие:

– систематичность деятельности — правовое воспитание осуществляется постоянно, непрерывно, начиная с детского возраста и длится на протяжении всей жизни;

– проведение социальными институтами и лицами — правовыми воспитателями выступают органы законодательной, исполнительной, судебной власти, прокуратура, полиция, образовательные учреждения и общественные организации;

– направленность на передачу нравственно-правовых идеалов, ценностей и опыта правового поведения;

– направленность на развитие внутренней готовности к активной правомерной деятельности.

Основными принципами правовой воспитательной работы выступают принципы научности, плановости, систематичности, последовательности, дифференцированности, комплексности подхода.

Правовое воспитание своей целью ставит, во-первых, повышение авторитета закона как непреложной социальной ценности, уважения к нему, решительное преодоление правового нигилизма и цинизма; во-вторых, создание у граждан устойчивой ориентации на правомерное поведение, формирование установок и привычек законопослушания, создание атмосферы нетерпимости ко всем случаям его нарушения, неотвратимости ответственности и, в-третьих, достижение прочных знаний о законодательстве, правах и обязанностях личности.

Эти общие цели определяют и задачи правового воспитания, к которым отнесем следующие:

– формирование знаний о системе действующего права, а также правильного понимания и уяснения смысла правовых предписаний;

– формирование глубокого внутреннего уважения к праву;

- формирование умения самостоятельно применять правовые знания на практике;
- формирование привычки поведения в точном соответствии закону;
- формирование установки на правомерное поведение и отрицательного отношения к совершению любых нарушений правовых норм.

В результате правового воспитания у личности должны сформироваться как зрелое нравственно-правовое мировоззрение, мышление, система нравственно-правовых ценностей и принципов, так и уважительное отношение к морали, праву, закону, органам представительной и исполнительной власти, суду, правоохранительным органам, способность отличать правомерное поведение от неправомерного и, наконец, негативное отношение к правонарушениям и правонарушителям.

Отметим, что организация процесса правового воспитания — сложный и до конца по-настоящему не решенный вопрос, поскольку воспитание в общем и правовое воспитание в частности недостаточно регламентируются и конкретизируются нормативно-правовыми актами и не находят четкого отражения в учебных планах и программах. Если сравнивать с воспитанием, то обучению в законе, где регулируются содержание, система, форма и организация процесса обучения, уделяется большее внимание. В этом вопросе, думается, можно говорить об обучающем воспитании и воспитывающем обучении. В этой связи полагаем, что правовое обучение и правовое воспитание составляют две стороны единого процесса правового образования.

Правовое образование есть неотъемлемая часть общей культуры гражданина, условие формирования правосознания. Жизнь в гражданско-правовом обществе формирует правовое сознание (позитивное или негативное) независимо от того, происходит ли это стихийно или целенаправленно в рамках правового образования. Но правовое образование является залогом того, что право станет регулятором жизни индивида, а не препятствием на его пути реализации своих личных задач. В современных условиях именно правовое образование может стать важнейшим фактором развития личности, становления гражданского общества и демократического правового государства в современной России, граждане которого смогут жить в социально-правовом согласии друг с другом и с государством.

К основным задачам правового образования можно отнести:

- обеспечение первого знакомства с правом и ролью юристов в обществе, привитие интереса к правовым явлениям;
- обеспечение практического понимания права, которое может быть использовано учениками в их повседневной жизни, в том числе и после окончания школы;

– заложение основ понимания фундаментальных принципов и ценностей, таких как права человека, демократия, правое государство, рыночная экономика, и других, лежащих в основе Конституции, законов, правовой системы и общества в целом;

– способствование воспитанию правовой культуры и становлению эффективной гражданской позиции, активному участию в развитии гражданского общества и правовой системы Российского государства;

– развитие базовых навыков, включая критическое мышление, рефлексию, умение рассуждать, общаться, наблюдать, разрешать проблемы.

В структуре правового образования выделяется профессиональное и гражданское правовое обучение и воспитание, где к первому относится подготовка юристов по программам разного уровня профессионального образования, тогда как ко второму относится правовое воспитание граждан, которое начинаться должно с дошкольного возраста, продолжаться в школе, техникуме и т. д.

Только при таком подходе общество будет иметь грамотных граждан, участвующих в решении вопросов местного, регионального, государственного значения, способных со знанием дела осуществлять правовые роли потребителя, избирателя, налогоплательщика и др.

Элементы правового обучения и воспитания могут быть представлены в формах правового просвещения и индивидуально-разъяснительной работы.

Правовое просвещение охватывает как население страны в целом, так и его отдельные группы: пенсионеры, молодежь, работники различных отраслей хозяйства и т. д. Оно проводится государственными органами (Министерством юстиции, прокуратурой и т. д.), общественными объединениями, такими как, к примеру, союз потребителей, и должностными лицами (судьями, нотариусами и т. д.). Особое место и значение в структуре правового просвещения имеют средства массовой информации — печать, телевидение, радио.

Индивидуально-разъяснительная работа осуществляется посредством объяснения конкретному человеку необходимости использования принципов и норм права, законности и обоснованности принятого решения и т. д., которое широко применяется во время приема посетителей по личным вопросам в органах власти, в процессе судебного разбирательства и после вынесения приговора, определенного решения. Важное место и роль здесь отводится адвокату.

В заключение скажем, что важным условием развития гражданского общества является воспитание граждан, способных к социализации, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью, проявляющих национальную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов. Право на образование является одним из важней-

ших основных прав личности, при этом правовое образование выступает разновидностью образования. Соответственно, любому гражданину принадлежит юридическая возможность на получение гражданского правового образования, в котором важную роль играет общеобразовательная школа. Программы гражданского правового обучения и воспитания должны реализовываться в образовательных учреждениях начального общего образования, основного общего образования и среднего полного общего образования, где правовые знания, навыки должны даваться в зависимости от возрастных особенностей, правдееспособности обучающихся с учетом требований, предъявляемых к каждой ступени образовательного процесса. Гражданское правовое образование не заканчивается школой, а как любое образование, длится всю жизнь. Оно также должно быть постоянным и непрерывным.

УДК 340.1

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL MOTIVATION OF A LAWYER THROUGH THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGES

N. V. Pavlova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Criminalistics,
Forensic Medicine and Psychiatry department,
Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs (Ukraine)
e-mail: Pavlova_Natalia_vvv@ukr.net

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ЮРИСТА ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Н. В. Павлова

доцент кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии,
кандидат юридических наук, доцент,
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел (Украина)

***Аннотация.** Знание иностранных языков, особенно английского, который признан интернациональным, является крайне важным не только для формирования личности, но и для формирования профессионала-юриста. Акцентируется, что в контексте расширения международных отношений между странами и распространения транснациональной преступности, формирование коммуникативной англоязычной компетенции приобретает особое значение.*

***Ключевые слова:** формирование личности, профессиональная мотивация, профессионал-юрист, англоязычная компетенция.*

***Annotation.** Knowledge of foreign languages, especially English, which is recognized as international, is extremely important not only for the formation of personality, but also for the formation of a professional lawyer. It is emphasized that in the context of the expansion of international relations between countries and the spread of transnational crime, the formation of communicative English-language competence is of particular importance.*

***Keywords:** personality formation, professional motivation, professional lawyer, english competency.*

The process of learning foreign languages has gained considerable activity of late. The changes that have taken place in the country since the independence of Ukraine was proclaimed came first among all the reasons that influenced the process of boosting. On the one hand, it is caused by the expansion of foreign-language contacts in professional activity and personal life, on the other hand, by radical changes in life

and the direction towards Euro-integration, also thanks to international experience and maintaining international relations.

The fact that Ukraine has set a course for Europe promotes acquiring a number of languages. Meanwhile, despite the equality of all EU languages, nobody can deny that three languages dominate: German, French and English. At the same time, any other language may be used depending on the situation.

In general, English is the official language of international business and trade, the Internet and technology, science and the arts. The English language is used while filling out questionnaires, writing a resume, in business and private correspondence. English is the mother tongue for 500 million inhabitants of the planet and it is the second national language for 1 billion people. All in all, more than 2 / 3 of people speak English [1].

It testifies to the fact that English is essential for both employees of private structures and for representatives of public authorities. Because of necessity of using a foreign language in professional activity in the context of expanding international relations of our state with other countries in various spheres of economic and socio-cultural activity, special attention is being paid to the formation of a foreign language communicative competence of law enforcement officers.

First of all, this necessity arises due to the urgency of effective cooperation with specialists from other countries on the background of transnational crime and international crimes (terrorism, trafficking in persons, legalization (laundering) of money and other property obtained by criminal means through offshore zones, etc. Every year in the world the danger posed by organized crime groups operating on an international scale is increasing. The above mentioned stipulates the necessity of studying not only the legislation of Ukraine, but also the legal base of other states by law enforcement officers, as well as the skills of communication with law enforcement agencies of other states in the framework of international cooperation.

L. M. Grindneva, defending the position of forming a foreign language communicative competence among law enforcement officers, has defined three levels of a foreign language mastery : communicative (ability to define strategy and tactics of a foreign language communication, communicative skills of the person and ability to speak, read, write (business correspondence) in a foreign language, cognitive — understanding foreign language texts of professional orientation, knowledge of the norms of business correspondence and professional dialogue in a foreign language; socio-cultural (skills to interpret and describe the facts of foreign culture, knowledge of the features of culture of foreign language oral and written speech) [2, p. 12].

In addition, professional communication also includes getting to know the specifics of law-enforcement activities in different countries (structure, tasks, functions), types of misconduct, types of crimes and offenses, the work of the police depart-

ments, the investigation of crimes, types of punishment and penalties, problems of organized crime, legal proceedings, international cooperation in the legal sphere, and so on. [3, p. 88]. Such an approach will increase the quality of the work and will lead the officer to a more professional level.

Extension of foreign-language communicative competence of law enforcement officers is relevant if the communication with the representatives of other languages and cultures is urgent. Despite the duty of an investigator to provide an interpreter to a person who does not understand the language of criminal proceedings, he will look more professionally if he also perceives the information from a foreigner. Undoubtedly, an interpreter cannot always convey all the “subtleties” of communication with a person. In addition, there is no psychological contact of the investigator with the interrogator in case of a double interpretation of events.

If a policeman, to whom a representative of another state has addressed, knows a foreign language, it is sure to form a positive image of police.

To master a foreign language at a professional level must be accompanied by strong motivation. The leading motive should be, first of all, the awareness of the need to know a foreign language for successful professional activity, which implies taking into account the prospects for professional development.

In addition, possession of special legal terms is dominant for a lawyer. Therefore, the possession of special legal terms will help to avoid mistakes and inaccuracies in the translation, which, in the long run, can result in large financial losses and even international conflicts. Knowledge of professional terminology will assist the lawyer in compiling and maintaining legal and financial documentation, translating it from his native language into a foreign language.

In general, a police office is always in contact with people who have a large amount of information. The information may not always be available in the state language. A foreign language communicative competence, firstly, promotes the development of professional motivation, secondly, the perception of the experience of a foreign-language speaking colleagues in other countries, and, finally, the use of experience in combating crimes. However, the most important thing is that learning foreign languages contributes to the development of a personality as it broadens the outlook and strengthens motivation.

1. The most popular languages of the world. URL: <http://helendoron.ua/wp-content/uploads/2014/05/slide2-1911.png> (application date: 14.09.2018). [Вернуться к статье](#)

2. Gridneva L. M. Formation of foreign-language communicative competence of future law enforcement officers : author's abstract of Dissertation: 13.00.04. Lugansk National University named after Taras Shevchenko. Lugansk, 2010. 22 p. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98.067

ПРЕПОДАВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. П. Пацкевич

доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь
e-mail: Packevich_Alex@tut.by

***Аннотация.** Анализируются проблемы современной криминалистической науки, а также точки зрения ряда авторов на систему криминалистики как учебной дисциплины. В публикации рассматриваются основные тенденции развития криминалистической науки в современных условиях.*

***Ключевые слова:** криминалистика, обучаемые, специалист, орган уголовного преследования, система курса, организация раскрытия и расследования преступлений.*

***Annotation.** The article Analyzes the problems of modern forensic science as well as the views of a number of authors on the system of criminology as a discipline. The publication discusses the main trends in the development of forensic science in modern conditions.*

***Keywords:** forensic science, the trainees, the expert, the criminal prosecution body, the system of course, organization of disclosure and investigation of crimes.*

В настоящее время в условиях фундаментальных изменений в системе образования значительно возрастает роль практико-ориентированного обучения будущих юристов в нашей стране. При этом многие ученые высказывают мнение о необходимости перевода преподавания криминалистики из теоретической в практическую плоскость ее применения и о необходимости выработки у будущих юристов практических навыков уже на стадии обучения в учреждениях высшего образования. На наш взгляд, это не совсем оправдано, ведь прежде чем отрабатывать практические навыки и умения, обучаемый должен обладать соответствующими теоретическими знаниями по рассматриваемому разделу криминалистики. Не усвоив теоретические знания о предмете, системе, методах криминалистики, структуры и содержания ее отдельных частей и их взаимосвязи между собой, на наш взгляд, трудно, а порой и невозможно получить целостное представление о криминалистике вообще и безошибочные знания по ее частным вопросам.

И вот здесь возникает парадокс: с одной стороны, сокращаются учебные часы, выделяемые на данную учебную дисциплину, с другой — постоянно возрастает объем криминалистических знаний, используемых сотрудниками правоохранительных органов, которыми они должны обладать в пределах своей компетенции.

В последнее время все чаще в юридической литературе стало появляться много публикаций, связанных преподаванием криминалистики. В основном авторы, как российские (В. П. Бахин [1, с. 3–10], А. В. Бычков [2, с. 17–22], Т. С. Волчецкая [3, с. 349–353], Ю. П. Гармаев [4, с. 322–327; 5, с. 47–54], Н. В. Карепанов [6], В. Я. Колдин [7, с. 106–110], В. Д. Корма [8, с. 7–18], И. П. Можаяева [9, с. 25–27; 10], Е. Р. Россинская [11, с. 2–6], А. В. Ткачев [12, с. 36–37], Н. П. Яблоков [13, с. 4–9] так и белорусские В. М. Логвин [14, с. 55–63], М. В. Савич [15, с. 86–90], М. П. Шруб, В. Б. Шабанов, Г. А. Шумак, касались ряда проблем, возникающих в процессе обучения криминалистике будущих юристов в высших учебных заведениях нашей страны: качеству преподавания, количеству учебного времени, отводимого на изучение отдельных тем учебного курса, качеству типовых учебных программ, связям теории с практикой, а также сложившейся традиционной системе преподавания криминалистики.

О месте криминалистики в системе подготовки будущего юриста излагают свое мнение не только ученые или педагоги. Ряд критических, а порой и необоснованных замечаний об уровне подготовки юристов, в том числе и по криминалистике, высказывалось в дискуссиях, возникающих в Интернете бывшим выпускником, впоследствии и бывшим следователем УСК по г. Минску Е. Юшкевичем [16].

И здесь хотелось бы остановиться еще на одной проблеме, которая активно продвигается рядом российских криминалистов (В. В. Степанов, А. Г. Филиппов). Эти авторы предлагают пересмотреть сложившуюся исторически традиционную систему курса криминалистики. Речь идет о расширении курса криминалистики за счет разделения ее на общую и особенную части.

На наш взгляд, это мнение ошибочно, т.к. она нарушает историческую традиционную систему криминалистики, попытки переключить систему учебного курса отвлекают от решения теоретических вопросов, решение которых важно для правоприменительной деятельности, изменяет системно-структурный подход к изучению объектов, сложившихся в криминалистике.

Другая группа ученых, среди которых доктора юридических наук Т. С. Волчецкая и И. П. Можаяева, ратуют за введение пятого раздела, условно называемого «Организация раскрытия и расследования преступлений».

В этот раздел предлагается включить отдельные темы, в настоящее время детально не изучаемые криминалистикой в учреждениях высшего образования. К этим темам относятся: «Розыскная деятельность следователя и органа дознания»; «Информационные основы раскрытия и расследования преступлений»; «Криминалистическое изучение личности участников уголовного процесса»; «Взаимодействие следователя с органом дознания и иными правоохранитель-

ными органами при раскрытии и расследовании преступлений»; «Профилактическая деятельность следователя»; «Приемы и методы деятельности следователя и работников органа дознания в доследственной проверке материалов»; «Использование помощи общественности, средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений».

К слову сказать, часть этих тем ранее освещались в ведомственных учебниках, издаваемых авторскими коллективами средне-специальных и высших учебных заведений МВД СССР.

Действительно, вопросы, связанные непосредственно с организационной деятельностью следователя и органа дознания по раскрытию и расследованию преступлений, подробно в учебниках по криминалистике, издаваемых в последнее время как у нас в республике, так и в странах дальнего и ближнего зарубежья, детально не освещаются. Порой это связано с тем, что авторы учебников по криминалистике касаются отдельных вопросов, связанных с деятельностью следователя и органа дознания по раскрытию и расследованию преступлений, рассматривая вопросы выдвижения версий и планирования расследования в разделе «Криминалистическая тактика».

Конечно, этого явно недостаточно, чтобы рассмотреть все аспекты работы следователя по расследуемому уголовному делу. Но ведь и не каждый выпускник будет работать в должности следователя или оперативного сотрудника в органах уголовного преследования.

С другой стороны, никто не запрещает учебным заведениям юридического профиля более подробно рассматривать эти темы при изучении специальных курсов, как это делается в Академии МВД Республики Беларусь. Изучают вышеуказанные темы на кафедре расследования преступлений, где ведется преподавание криминалистики будущим следователям Следственного комитета Республики Беларусь, а также на факультете повышения квалификации.

Еще одной проблемой, требующей решения, является увеличение учебного времени на изучение криминалистики. В свою бытность, будучи слушателем Минской высшей школы МВД СССР, нами изучалась криминалистика в объеме 360 часов, и это не считая отдельных спецкурсов.

Программа спецкурса должна, по нашему мнению, быть разработана применительно к тем практическим проблемам, на изучение которых нацеливает заказчик, в роли которого выступают органы уголовного преследования, иные правоохранительные органы и т. д.

К проведению различных учебных занятий, в том числе и при изучении отдельных теоретических положений криминалистики, шире следует привлекать магистрантов и адъюнктов (аспирантов), которые занимаются в ходе под-

готовки своих диссертационных исследований изучением отдельных направлений в деятельности органов уголовного преследования.

Хорошо себя зарекомендовал опыт отдельных кафедр криминалистики (Белорусского государственного университета, Академии МВД Республики Беларусь, Академии управления при Президенте Республика Беларусь), когда отдельные лекции проводятся иностранными коллегами из Евросоюза, стран СНГ. По нашему глубокому убеждению, криминалисты должны всемерно использовать этот опыт, несмотря на то, что в Европе и отдельных странах СНГ отличаются подходы к преподаванию криминалистики и научно-исследовательской работе. Весьма интересен опыт Германии, особенно в части организации самостоятельной работы студентов, где обучаемые не только самостоятельно изучают предмет, но им создаются определенные условия, когда, например, выдается большой по объему и разнообразный по содержанию материал, который помогает им готовиться как к практическим занятиям, так и к лекциям.

Совершенствование системы подготовки специалистов для работы в правоохранительных органах невозможно без повышения качества криминалистических знаний. Причем эти знания должны отражать современные достижения науки и техники в области раскрытия и расследования преступлений, потребности практики. Общеизвестно, что полученная информация быстро устаревает, поэтому желательно дать выпускнику относительно широкую подготовку и научить его пополнять, обновлять криминалистические знания, умения и навыки по мере необходимости.

1. Бахин В. П. Задачи и пути совершенствования преподавания криминалистики в учебных заведениях МВД СССР // Материалы конференции по вопросам совершенствования криминалистики в учебных заведениях МВД СССР. Омск, 1971. С. 3–10. [Вернуться к статье](#)

2. Бычков А. В., Гармаев Ю. П. Практическая составляющая обучения в профессиональной стратегии студента-юриста уголовно-правовой специализации // Юридическое образование и наука. 2010. № 2. С. 17–22. [Вернуться к статье](#)

3. Волчецкая Т. С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. С. 349–353. [Вернуться к статье](#)

4. Гармаев Ю. П. Принцип состязательности и необходимость реформы дидактики в юридических вузах России // Б-ка криминалиста. 2012. № 1. С. 322–327. [Вернуться к статье](#)

5. Гармаев Ю. П. Составление процессуальных документов как элемент практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики и иных юридических дисциплин // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. 2017. № 25. С. 47–54. [Вернуться к статье](#)

6. Карепанов Н. В. Методика преподавания криминалистики в условиях уровневой системы образования с применением инновационных методов (в свете новых требований стандарта) [Электронный ресурс] // Новые образовательные технологии в вузе : материалы X междунар. науч.-метод. конф. Екатеринбург, 2013. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/26728/> (дата обращения: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

7. Колдин В. Я. Профессиональная подготовка правоведа и специальные дисциплины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. № 1. С. 106–110. [Вернуться к статье](#)

8. Корма В. Д., Образцов В. А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 2 (46). С. 7–18. [Вернуться к статье](#)
9. Можаяева, И. П., Степанов В. В. Организационные основы деятельности по раскрытию и предупреждению преступлений как структурный элемент криминалистики // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 1(13). С. 25–27. [Вернуться к статье](#)
10. Можаяева И. П. Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 251с. [Вернуться к статье](#)
11. Россинская Е. Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 2–6. [Вернуться к статье](#)
12. Ткачев А. В. Использование новых организационных структур при преподавании криминалистики в высших учебных заведениях // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 36–37. [Вернуться к статье](#)
13. Яблоков Н. П. Есть ли необходимость в коренном изменении системы криминалистики и ее учебного курса? // Вестн. криминалистики. 2004. Вып. 1 (9). С. 4–9. [Вернуться к статье](#)
14. Логвин В. М. Криминалистическая подготовка как элемент профессиональной подготовки следователя // Предварительное расследование. 2018. № 1 (3). С. 55–63. [Вернуться к статье](#)
15. Савич М. В., Елётнов В. И. Внедрение и использование в образовательном процессе электронного программного комплекса «Габитоскопия — словесный портрет» // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 1. С. 86–90. [Вернуться к статье](#)
16. Бывший топ-следователь о деятельности СК: как работает, чем болеет и как меняется к лучшему [Электронный ресурс]. URL: <https://theworldnews.net/by-news/byvshii-top-sledovatel-o-deiatel-nosti-sk-kak-rabotaet-chem-boleet-i-kak-meniaetsia-k-luchshemu/> (дата обращения: 02.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 378 (075.8)

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СОСТАВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ — БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Л. А. Рябцева

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: hpkf1983@mail.ru

***Аннотация.** Автором рассматривается структура акмеологического компонента в составе профессионально-коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел.*

***Ключевые слова:** акмеологический компонент, профессионально-коммуникативная компетентность, система личностных характеристик, система профессиональных компетенций.*

***Annotation.** The author considers the structure of the acmeological component as part of the professionally-communicative competence of cadets — future employees of the internal affairs bodies.*

***Keywords:** acmeological component, professional and communicative competence, system of personal characteristics, system of professional competencies.*

Профессионально-коммуникативная компетентность представляет особый интерес с точки зрения подготовки специалистов, осваивающих образовательные программы высшей школы. Содержание обозначенной компетентности определяется как перечнем изучаемых учебных дисциплин в разрезе получаемой специальности, так и требованиями, сформированными с учетом потребностей рынка труда и предъявляемыми к выпускнику как к единице кадрового резерва государства, перспектива включения в который касается и курсантов как будущих сотрудников органов внутренних дел. Их профессионально-коммуникативная компетентность отличается от одноименной компетентности иных специалистов как своей сущностью, так и структурой, содержанием отдельных ее составляющих. Так, наличие акмеологического компонента в составе профессионально-коммуникативной компетентности обусловлено во многом позицией самого государства, которое обоснованно признает органы внутренних дел составной частью обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, которая достигается служебно-профессиональной деятельностью каждого сотрудника ОВД.

Учитывая то, что успешность выполняемых задач во многом зависит от того, насколько хорошо будущий и действующий сотрудник может организо-

ваться для работы над собственными «общественно и объективно значимыми и лично и субъективно значимыми профессиональными “акме”» [1], следует и обозначать структуру акмеологического компонента в составе профессионально-коммуникативной компетентности курсанта ведомственного учреждения высшего образования. Придерживаясь обозначенной классификации профессиональных «акме», автору представляется необходимым вывести две базовые составляющие акмеологического компонента: систему личностных характеристик и систему профессиональных компетенций. Их взаимозависимость является важным условием целостности существования акмеологического компонента в структуре профессионально-коммуникативной компетентности, ввиду чего их не следует считать автономными. Содержание каждой системы подчинено тем задачам, которые определяются для сотрудника ОВД в качестве ключевых Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел» [2].

Опишем каждую из выделенных систем применительно к служебно-профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

Система личностных характеристик — это перечень качеств, свойств, имеющих значение для достижения профессионального роста личности. Возможные качественные изменения способны происходить в условиях выполнения профессиональных обязанностей большинством категорий специалистов. Что касается личности сотрудника правоохранительных органов, то следует отметить нетипичность протекания данного процесса. Она состоит в фактическом наличии ряда сопутствующих факторов в виде отсутствия нормированного графика рабочего времени, воздействия стрессоров различной интенсивности, необходимости ведения деятельности в режиме многозадачности, интерактивного взаимодействия со всеми категориями граждан. В контексте обозначенного становится очевидным значение следующих профессионально обусловленных свойств личности сотрудника органов внутренних дел: стрессоустойчивость, организованность, дисциплинированность, ответственность.

Каждая из представленных единиц, входящих в систему личностных характеристик акмеологического компонента профессионально-коммуникативной компетентности, характеризует служебно-профессиональную деятельность сотрудника как требующую максимальной сконцентрированности на качестве выполняемых действий. Высокий уровень проявления выделенных свойств в комплексе — это есть «акме», вершина профессионального личностного успеха сотрудника. С момента поступления в учреждение высшего образования данные качественные характеристики видоизменяются, трансформируются с учетом условий пребывания, форм учебно-воспитательного воздействия, совершенствования организационно-исполнительной дисциплины. Вместе с тем очевидна и поспешность выводов о том, что, приобретая статус выпускника ведом-

ственного УВО, бывший курсант достигает эталонного уровня владения обозначенными свойствами, входящими в систему личностных характеристик, и, приступая к реальной служебно-практической деятельности в подразделениях МВД, более не нуждается в работе над ними. При этом следует осознавать, что уровень проявления системообразующих качеств напрямую зависит от предшествующего опыта их использования. Это означает, что чем чаще субъект оказывается в ситуациях, создающих условия для их проявления, тем активнее происходит личностный рост такого специалиста.

Траектория личностного роста — необходимая составляющая, способная оказать положительное влияние на систему профессиональных компетенций сотрудника ОВД. В отношении данной составляющей акмеологического компонента исследуемой компетентности стоит отметить полное отсутствие отдельных из них у лиц, определившихся в выборе профессии. То есть на начальном этапе обучения курсант не является в полной мере носителем ни одной из профессиональных компетенций сотрудника правоохранительных органов. Ввиду этого, приступая к процессу их формирования, лицо, непосредственно задействованное в реализации ряда образовательных программ по перечню изучаемых в рамках данной специальности дисциплин, должно иметь четкое представление о компетенциях, которые выполняют роль ведущих в системе профессионально значимых компетенций сотрудника органов внутренних дел, и соответственно с этим осуществлять подбор оптимальной методики преподавания.

Система профессиональных компетенций в большинстве своем есть совокупность взаимосвязанных способностей и умений сотрудника ОВД, направленных на безупречное исполнение профессиональных обязанностей. В нее, с точки зрения автора, входят способность анализировать ситуацию, умение аргументировать, умение самостоятельно принимать решение, умение работать в команде. Все обозначенные свойства могут быть присущи и представителям иных профессий. Однако их содержание отличается друг от друга. Каждое из них можно разбить на более мелкие составляющие, конкретизируя контекстное наполнение умения или способности, вместе с тем предусмотреть все частные составляющие отдельной единицы, входящей в систему профессиональных компетенций сотрудника ОВД, не представляется целесообразным и возможным.

Так, характеризуя способность анализировать ситуацию, возможно лишь определить отдельные формы ее проявления в служебно-профессиональной деятельности сотрудника. К таковым следует отнести способность анализировать различные версии установления обстоятельств совершения общественно опасного или общественно вредного деяния, выделять главное, имеющее значение для выяснения произошедшего, умение осуществлять отбор материала, диффе-

ренцировать его в порядке приоритетности обработки его содержания и т. п. Данная компетенция неразрывно связана с умением аргументировать выбранную позицию, точку зрения с опорой на положения нормативных правовых актов.

Умение работать в команде также относится к профессионально значимым компетенциям, поскольку во многом определяет результативность деятельности как отдельно взятого сотрудника, так и подразделения в целом. Обозначенная характеристика проявляется в слаженности и согласованности действий, умении договариваться, нацеленности на успех общего дела, способности осуществлять оперативное взаимодействие в условиях ограниченности во времени и многозадачности. На этих общих началах базируется как внутриведомственное взаимодействие, так и сотрудничество с иными государственными органами и учреждениями. Вместе с тем в ряде случаев сотрудник органов внутренних дел бывает лишен возможности подобной интеракции. В такой ситуации несение службы при наличии определенных обстоятельств требует от сотрудника самостоятельного единоличного принятия решения.

Умение самостоятельно принимать решение — та характеристика, формирование которой происходит в процессе учебно-служебной деятельности курсанта как будущего сотрудника ОВД. Безусловным является тот факт, что решения, принимаемые курсантом ведомственного УВО, отличаются уровнем своего влияния на ход реально существующих событий, обстоятельств, процессов. Однако готовность понести ответственность в случае, если решение, принятое представителем власти, к категории которых относится и сотрудник правоохранительных органов, окажется несостоятельным и неправомерным, вырабатывается у курсанта уже в период обучения в вузе. Это вызывается необходимостью существующих реалий служебно-профессиональной деятельности и содержит указание на относительность свободы принимаемого решения любым сотрудником ОВД, поскольку последнее должно быть обоснованным и законным.

Таким образом, наличие акмеологического компонента в составе профессионально-коммуникативной компетентности курсантов как будущих сотрудников органов внутренних дел определяется важностью профессионального саморазвития, самосовершенствования, профессионального роста сотрудника как в устремлении к профессиональным достижениям, так и овладении профессиональными умениями и способностями. Представленный компонент занимает одно из ведущих мест в системе компонентов профессионально-коммуникативной компетентности и имеет свою собственную структуру в виде системы личностных характеристик и системы профессиональных компетенций. Каждая из обозначенных систем распадается на ряд частных качеств, ха-

рактических умений, способностей, существующих во взаимодействии и испытывающих влияние иных компонентных составляющих исследуемой компетентности. Курсант как будущий сотрудник ОВД при соблюдении определенных условий способен стать их полноценным носителем.

1. Деркач А. А. Акмеология [Электронный ресурс] : учебник. М. : РАГС, 2002. URL: [http://gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Doc/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%20\(pdf\)/%D0%90%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%20%D0%9F%D0%BE%D0%B4%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%20%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B0%20%D0%90.%D0%90.pdf](http://gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Doc/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%20(pdf)/%D0%90%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%20%D0%9F%D0%BE%D0%B4%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%20%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B0%20%D0%90.%D0%90.pdf) (дата обращения: 01.03.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Об органах внутренних дел [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. № 231-З // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.97/.99

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ КАНДИДАТОВ В СУДЬИ

И. К. Трифоновасоискатель Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Аннотация. В статье проанализированы требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, порядок отбора и подготовки кандидатов в судьи, в том числе специальная подготовка, проведено сравнение с требованиями, предъявляемыми к кандидатам в судьи Российской Федерации.

Ключевые слова: судья, статус судьи, стажер судьи, квалификационный экзамен, критерии отбора.

Annotation. The article analyzes the requirements for candidates for the position of judge, the procedure for selecting and preparing candidates for judges, including special training, and compares them with the requirements for candidates for judges in the Russian Federation.

Keywords: the judge, the status of judges, trainee judges, qualifying examination selection criteria.

Даже при самой совершенной нормативной правовой базе и организационной структуре сущность и эффективность правосудия определяют люди. Поэтому личность судьи требует наличия не только профессиональных качеств и умения реализовать их в отношении правосудия, но и строгого соблюдения правил поведения этического характера, установленных Кодексом чести судьи Республики Беларусь [1].

Первый Заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. Л. Калинин отмечал: «Мы заинтересованы в том, чтобы привлекать в ряды судейского корпуса наиболее достойных представителей разных юридических профессий. Новые критерии призваны не формализовать этот процесс, а напротив, создать базу для более глубокого изучения личности кандидатов. Многолетний опыт показывает, что лишь сформировавшаяся личность, человек с устойчивыми жизненными установками и позицией имеет шансы состояться в качестве судьи или же руководителя суда, то есть в публичной профессии» [2, с. 3].

Особый статус судей в Республике Беларусь был установлен законодательно в 1992 году и затем закреплён на конституционном уровне, после чего был поднят вопрос о подготовке кадрового состава судей.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь каждому гражданину гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определённые законом сроки [3].

Успешное осуществление правосудия в целом, отношение населения к суду не как к карающему органу, а как к высшей справедливой инстанции в разрешении конфликтных ситуаций и при защите нарушенных прав напрямую зависят от профессионализма и морально-этических качеств каждого судьи.

Судья, имея статус государственно служащего, — больше чем чиновник. Он является представителем судебной ветви власти, по результатам деятельности которого судят о соблюдении законности в государстве. Статус судьи требует наличия не только юридического образования, но и взаимосвязанных элементов биографических данных, возрастного параметра, стажа работы и других составляющих.

По мнению В. Г. Голованова: «Настоящий судья, преданный своему государству и народу, обязан быть всесторонне развитой личностью» [4, с. 17].

Выполнение стоящих перед судом задач с каждым годом требует более высокого уровня профессионализма, наличия жизненного опыта, личной ответственности и высоких моральных качеств судьи.

Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (далее — Кодекс) был принят Парламентом и вступил в действие с 13 января 2007 года [5].

Кодекс для кандидатов на судейскую должность повысил требование к обязательному стажу работы по юридической специальности, ввел значительно больший обязательный стаж работы судей для назначения на должность руководителей судов всех уровней.

Если ранее ст. 62 Закона «О судоустройстве и статусе судей» 1995 г. содержала такие требования к кандидату, как гражданство, высшее юридическое образование, несовершение порочащих поступков, стаж работы по специальности не менее двух лет, или прохождение стажировки в установленном порядке на протяжении двух лет, сдача квалификационного экзамена с получением рекомендации квалификационной коллегии судей, то в ст. 94 Кодекса в редакции 2007 года дополнительно предусматривались владение белорусским и русским языками, стаж работы по специальности не менее трех лет (вместо двух), а также прохождение в установленном порядке специальной подготовки на должность судьи. В Кодексе определен единый минимальный возраст для кандидатов в судьи — 25 лет. Исправлено явное занижение возраста для судей по административным делам и исполнительному производству, для которых ранее был установлен возраст 23 года (ст. 62 Закона «О судоустройстве и статусе судей»), несмотря на сложность и серьезность дел, рассматриваемых этими судьями (о нарушении налогового и таможенного законодательства, проведении несанкционированных митингов, шествий и демонстраций и т. д.).

Следует отметить, что в Кодексе закреплён основополагающий принцип судебной системы — судьи всех судов обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями. В нём заложены совокупность методов, форм и средств управления судебной деятельностью, системный подход к подбору, подготовке отслеживанию и поддержанию высоких профессиональных и личностных качеств судьи.

Кодексом нормативно закреплён ряд других обязательных критериев для кандидатов на должность судьи, а также многоступенчатая система отбора и процедура назначения судей.

Основными критериями зачисления кандидата в резерв являлись:

- результаты его практической деятельности на занимаемой должности;
- деловые и личностные качества кандидата, его способности к предстоящей работе, потенциальные возможности;
- результаты тестирования и последней аттестации кандидата;
- возраст кандидата и состояние его здоровья.

В настоящее время согласно ст. 76 Кодекса кандидатом на должность судьи суда общей юрисдикции может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 25-летнего возраста, владеющий белорусским и русским языками, имеющий высшее юридическое образование с присвоением квалификации «Юрист» и (или) «Юрист со знанием экономики», стаж работы по специальности не менее трех лет, порядок исчисления которого устанавливается Советом Министров Республики Беларусь или уполномоченным им органом, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен на должность судьи.

Также указанная статья содержит ограничения при назначении на должность судьи суда общей юрисдикции. Так, на должность судьи суда общей юрисдикции не может быть назначено:

лицо, в отношении которого имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор суда;

лицо, не способное по состоянию здоровья исполнять обязанности судьи, что подтверждается медицинским заключением;

лицо, признанное ограниченно дееспособным или недееспособным решением суда, вступившим в законную силу.

Аналогичные требования содержатся и в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», где указано, что судьей может быть гражданин Российской Федерации:

1) имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция»

денция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»;

2) не имеющий или не имевший судимости либо уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям;

3) не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства;

4) не признанный судом недееспособным или ограниченно дееспособным;

5) не состоящий на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств;

6) не имеющий иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи [6].

В соответствии со ст. 76 Кодекса в целях оценки уровня профессиональных знаний, умений и навыков лиц, претендующих на занятие должности судьи, их деловых и морально-психологических качеств проводится квалификационный экзамен на должность судьи.

Квалификационный экзамен на должность судьи проводится экзаменационной комиссией при Верховном Суде Республики Беларусь, которая создается для приема квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на занятие должности судьи суда общей юрисдикции.

Подбор лиц, претендующих на занятие должности судьи суда общей юрисдикции, представление их кандидатур экзаменационной комиссии осуществляются Верховным Судом Республики Беларусь, областными (Минским городским) судами, экономическими судами областей (города Минска).

Положительный результат квалификационного экзамена является основанием для зачисления кандидатом в судьи и действителен в течение трех лет с момента его сдачи.

Процедура назначения на должность судьи, предусмотренная Кодексом, усложнена по сравнению с ранее предусмотренной Законом Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей». С учетом специфики деятельности считаем данные изменения оправданными. Квалификационный экзамен кандидата в судьи должен быть организован и проводиться в качестве серьезной проверки его профессиональной пригодности. Проверка знаний действующего материального и процессуального законодательства, знаний теории и судебной, а также иной правоприменительной практики должна проводиться не на уровне

государственного экзамена в УВО, а на уровне, соответствующем требованиям к лицам, претендующим на занятие должности судьи.

Также указанная проверка должна быть лишь частью, причем не главной, комплексной экзаменационной проверки. Самое же важное состоит в том, чтобы установить наличие и уровень способностей у экзаменуемого выполнять многокомпонентные функции судьи. Экзаменационная комиссия должна убедиться, что по уровню совокупной профессиональной подготовки, т. е. по уровню знания законодательства, предметных теории и практики, способности их применять, кандидат в судьи выше среднестатистического юриста.

В настоящее время разработан примерный перечень вопросов по различным отраслям права, в который включено около 250 вопросов.

Сам экзамен проводится по билетам, содержащим три вопроса из разных отраслей права. Однако для более глубокой оценки деловых качеств претендентов на должность судьи, наличия навыков и умения применить закон на практике, способности к аналитическому мышлению комиссия предлагает претенденту ответить на широкий спектр дополнительных вопросов. Лицам, сдавшим экзамен, выдается свидетельство установленного образца.

В случае несдачи экзамена претендент может повторно обратиться с заявлением о сдаче экзамена не ранее чем через год.

Заявление о зачислении кандидатом в судьи с приложением документов, подтверждающих соответствие заявителя требованиям, предъявляемым к кандидату в судьи, направляется в соответствующую квалификационную коллегию судей и рассматривается ею в течение одного месяца с момента подачи заявления на заседании квалификационной коллегии судей с участием лица, обратившегося с таким заявлением.

Квалификационная коллегия судей дает оценку деловым и морально-психологическим качествам заявителя и осуществляет функции конкурсной комиссии.

По результатам рассмотрения заявления принимается решение о регистрации в качестве кандидата в судьи или об отказе в регистрации в качестве кандидата в судьи, которое объявляется заявителю (ст. 79 Кодекса).

И лишь при наличии в суде вакантной должности судьи квалификационная коллегия судей рекомендует зарегистрированного ею кандидата в судьи для назначения на вакантную должность судьи.

Статьей 80 Кодекса предусмотрена обязательная специальная подготовка кандидата в судьи к последующей судейской работе.

Специальная подготовка на должность судьи включает обучение до одного года в специализированном учреждении образования с совмещенной стажир-

ровкой в одном из судов республики под руководством судьи, назначенного соответственно Председателем Верховного Суда Республики Беларусь.

Условия прохождения специальной подготовки на должность судьи суда общей юрисдикции определяются Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь.

Подготовка предусматривает обучение кандидата по определенной программе в Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белгосуниверситета, затем стажировка до года.

Обучение в институте осуществляется по следующим направлениям: изучение судебной системы, организации работы судов и судьи, подготовки и организации судебного процесса, прикладных проблем теории права (преодоление коллизий нормативных правовых актов, пробелов в праве, толкование норм права и т. д.), углубленное изучение материального и процессуального законодательства и практики его применения, выработка практических навыков ведения судебного процесса, психологии, риторики, этики судебной деятельности и судебной культуры.

Стажировка осуществляется в одном из районных (городских) судов республики, где имеется вакантная должность судьи, в который стажер судьи направлен для прохождения специальной подготовки, под руководством судьи, назначенного Председателем Верховного Суда Республики Беларусь, и руководителя практики от института. Следует отметить, что руководство стажировкой осуществляют опытные, высококвалифицированные судьи.

Информация о прохождении специальной подготовки стажером судьи направляется в Верховный Суд Республики Беларусь.

Прохождение стажером судьи специальной подготовки является основанием для представления его на заседании Комиссии по рассмотрению кадровых вопросов в системе судов Республики Беларусь.

При неудовлетворительных результатах прохождения специальной подготовки заключение направляется в Верховный Суд Республики Беларусь и квалификационную коллегия судей для решения вопроса об исключении такого лица из числа кандидатов в судьи.

После того как документы представлены в Администрацию Президента Республики Беларусь, каждый кандидат проходит собеседование у заместителя Главы Администрации Президента Республики Беларусь. Окончательное решение о назначении на должности судей принимает Президент Республики Беларусь.

Как видно, с принятием и внесением изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей значительно усложни-

лась процедура назначения на данную должность. В свою очередь, конечно же, прохождение данной процедуры потребует дополнительных затрат времени и усилий со стороны кандидата, но значительно улучшит качество рассмотрения дел, обеспечит более высокий уровень защиты интересов государства и личности.

1. Кодекс чести судьи Республики Беларусь: принят на 1-м съезде судей Республики Беларусь, 5 декабря 1997 г. // Судовы веснік. 1998. № 1. С. 16–17. [Вернуться к статье](#)

2. Второй съезд судей Республики Беларусь документы и материалы. Минск : Белорусский Дом печати, 2002. 192 с. [Вернуться к статье](#)

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). Минск : Амалфея, 2005. 48 с. [Вернуться к статье](#)

4. Голованов В. Г. Укрепление имиджа судьи — составляющая совершенствования правосудия // Юстиция Беларуси. 2008. № 10. С. 15–17. [Вернуться к статье](#)

5. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федер., 26 июня 1992 г., № 3132-1. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 378.02:[001.102:004](043.3)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА КУРСАНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Н. Хуторова

преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности,

магистр педагогических наук,

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

e-mail: teacher-507@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируются основные составляющие профессиональной деятельности сотрудника, разработан алгоритм информационной деятельности сотрудника с применением правовых информационных систем.*

***Ключевые слова:** органы внутренних дел, информационные технологии, правовые информационные системы, информационная подготовка.*

***Annotation.** The article analyzes the main components of an employee's professional activities, an algorithm for employee information activities using legal information systems has been developed.*

***Keywords:** internal affairs bodies, information technologies, legal information systems, information preparation.*

Увеличение результативности профессиональной деятельности правоохранительных органов невозможно без внедрения современных информационных технологий. Планомерное накопление достоверной, описывающей оперативную обстановку информации, ее актуальный и качественный анализ являются одним из основных условий продуктивной борьбы с преступностью. Практическая деятельность показывает, что умение уверенно действовать в современной информационной среде, ориентироваться в потоках информации, получать и обрабатывать информацию — важный фактор, обеспечивающий эффективность профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел. Специальные научные исследования в области обучения студентов юридической специальности гражданских учреждений высшего образования и, тем более, курсантов учреждений высшего образования МВД Республики Беларусь информатике и применению информационных технологий в профессиональной деятельности достаточно редки.

Нами были выделены следующие цели информационной подготовки курсантов учреждений образования МВД Республики Беларусь:

а) формирование у курсантов фундамента современной информационной культуры;

б) раскрытие теоретических основ информатики; ее роли в развитии научно-технического прогресса и правоохранительной деятельности;

в) рассмотрение общих закономерностей, информационных процессов в природе, обществе и технических системах;

г) развитие у курсантов умения строить и исследовать готовые информационные модели изучаемых объектов и систем;

д) формирование у курсантов умения организовывать поиск информации, необходимой для решения профессиональных задач;

е) формирование навыков обращения к компьютеру при решении задач из различных предметных областей;

ж) подготовка будущих офицеров к использованию информационных технологий в своей профессиональной правоохранительной деятельности;

з) развитие у обучаемых стремления к самостоятельному расширению знаний и умений по применению компьютерной техники и современных информационных технологий в правоохранительной деятельности.

Анализ профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов осуществлялся нами на основе литературных источников, бесед со специалистами, наблюдения за их деятельностью в течение рабочего дня, изучения должностных инструкций и квалификационной характеристики специалиста. Даже такой краткий анализ позволяет выделить следующие основные составляющие профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов:

а) работа с социально-правовой информацией (ее поиск, оценка, отбор, систематизация, изучение, анализ, переработка и пр.);

б) уяснение задачи, оценка ситуации с учетом ее предполагаемых изменений и выдвижение гипотез;

в) определение оптимальных и рациональных способов и средств выполнения поставленной задачи;

г) осуществление межличностных контактов (беседы, допросы, обсуждения и т. д.);

д) знание особенностей структуры потоков информации, обеспечивающей профессиональную деятельность сотрудника правоохранительных органов;

е) анализ (логический, профессиональный) исходных данных и доказательств;

ж) умение работать с профессионально важной информацией (осуществлять ее поиск, отбор, оценку, систематизацию, обработку и т. п.);

з) умение применять средства и методы защиты компьютерной информации;

и) принятие решений;

к) подготовка документов (протоколов, справок, решений и др.);

л) контроль исполнения и законности;

м) знание и соблюдение норм деятельности в профессиональной среде;

н) творческое отношение к профессиональной деятельности.

Для обобщения рассмотренных выше аспектов профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов приведем алгоритм его информационной деятельности с применением правовых информационных систем:

- а) постановка задачи (условие задачи, исходные документы);
- б) структурирование условия задачи (раскрытие неявно заданных условий и ограничений; выделение ключевых понятий и условий, от которых можно абстрагироваться; формулировка цели на языке решения).
- в) формирование модели задачи на основе выделенных понятий;
- г) поиск правовой информации;
- д) отбор, систематизация и сохранение информации в соответствии со структурой задачи;
- е) поиск, выделение и фиксация значимых фрагментов в текстах правовых документов;
- и) правовая оценка информации;
- к) формирование правовой позиции;
- л) компоновка и оформление итоговых документов (решений, заключений, отчетов, обзоров и т. п.).

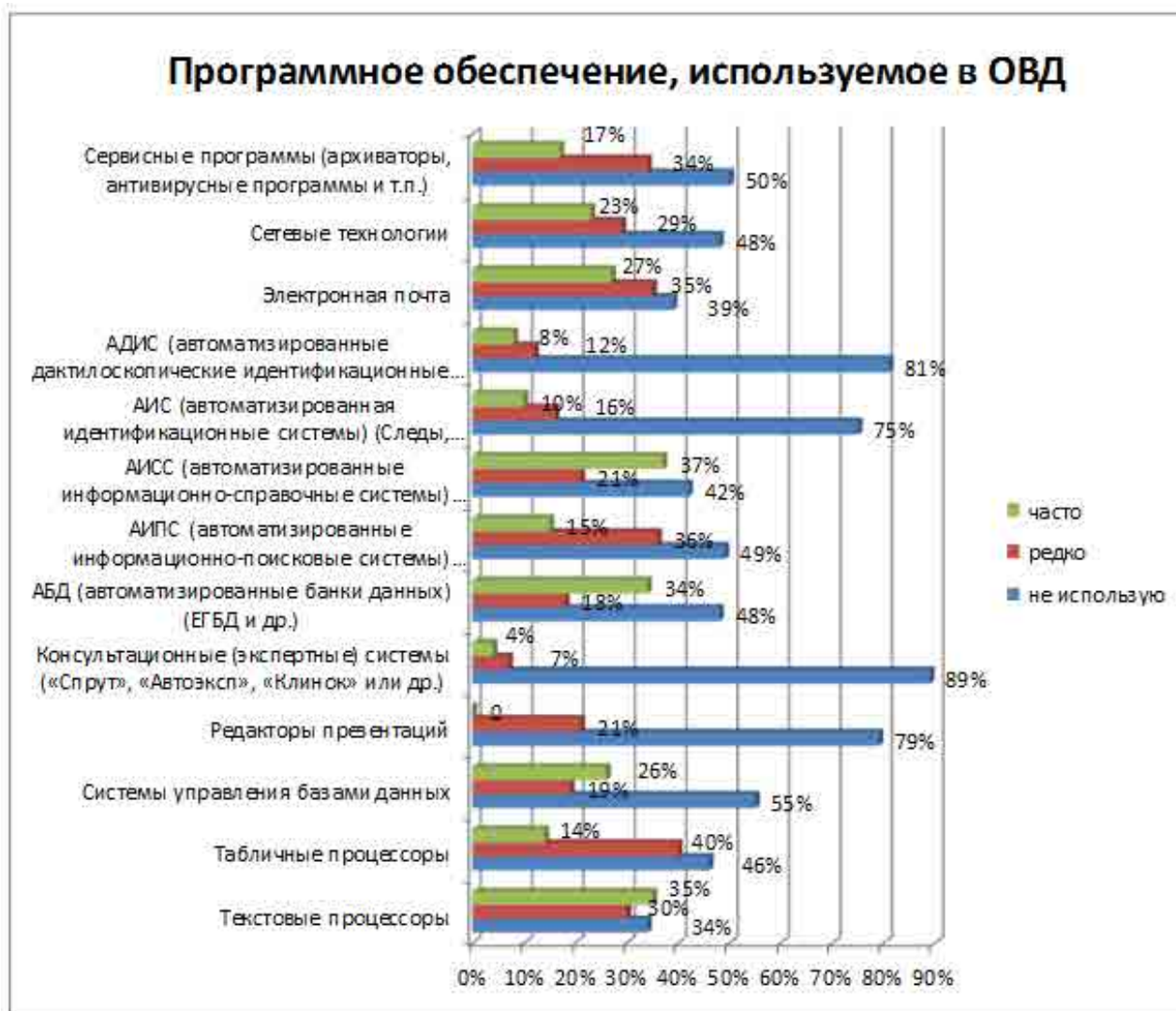
Информационную основу профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел составляют функции поиска, планирования, прогнозирования, анализа, принятия решений, межличностных коммуникаций и контроля, которые реализуются при выполнении практически всех трудовых операций. На основе своевременно собранной и проанализированной информации строится информационная модель преступления и принимаются необходимые решения. Таким образом, информационное обеспечение служит сердцевинной юридической деятельности [1].

Например, с помощью информационно-правовой системы «Эталон» возможно организовать весь цикл информационной деятельности сотрудников правоохранительных органов с помощью банков правовой информации. Можно выделить ряд типовых операций, необходимых для грамотной работы в данной информационно-правовой системе:

- 1) поиск документов в базах по реквизитам;
- 2) поиск документов по ключевым понятиям, правовым проблемам;
- 3) поиск документов с использованием слов, входящих в текст, а также контекстных выражений;
- 4) поиск понятий (терминов, определений) в словарях;
- 5) поиск документов в специализированных базах;
- 6) анализ ретроспективы поиска;
- 7) сохранение документов;
- 8) сортировка и систематизация списков документов;

- 9) контекстный поиск значимых фрагментов в тексте документа;
- 10) фиксация значимых фрагментов в виде системы закладок;
- 11) компоновка значимых фрагментов с интеграцией в текстовый процессор;
- 12) техника работы со ссылками, справками, аннотациями и другой дополнительной информацией;
- 13) компоновка итоговых документов.

На базе Могилевского института МВД было проведено анкетирование 100 сотрудников органов внутренних дел. Анкетирование решало следующую задачу: установить, какие программные средства используются сотрудниками в профессиональной деятельности наиболее часто. Проанализировав ответы сотрудников органов внутренних дел, были выделены информационные технологии, необходимые в работе сотрудника правоохранительных органов. Результаты представлены на рисунке 1.



Программное обеспечение, используемое в ОВД

Из представленной диаграммы мы можем отметить, что часто и редко применяется сотрудниками органов внутренних дел следующее программное

обеспечение: текстовые процессоры — 65 %; электронная почта — 62 %; АИСС (автоматизированные информационно-справочные системы) (АИС Паспорт, ГАИ-Центр и др.) — 58 %; табличные процессоры — 54 %; АБД (автоматизированные банки данных) (ЕГБД и др.) — 52 %; сетевые технологии — 52 %; АИПС (автоматизированные информационно-поисковые системы) («КонсультантПлюс», «Эталон», «Бизнес-Инфо» и др.) — 51 %; сервисные программы (архиваторы, антивирусные программы и т. п.) — 51 %; системы управления базами данных — 45 %; АИС (автоматизированная идентификационные системы) (Следы, Анализ телефонных соединений и др.) — 26 %; редакторы презентаций — 21 %; АДИС (автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы) — 20 %; консультационные (экспертные) системы («Спрут», «Автоэксп», «Клинок» или др.) — 11 %.

При обучении курсантов вузов МВД информационным технологиям необходимо учитывать полученные данные.

1. Жукова П. Н., Насонова В. А. Направления улучшения информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности / Белгород. юрид. ин-т МВД России им. И. Д. Путилина». Белгород, 2018. № 3. С. 21–24. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.147

ИГРОВАЯ ФОРМА ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

И. Н. Чеботарева

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет (Россия)
e-mail: cheb_irina@mail.ru

О. С. Пашутина

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет (Россия)
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

А. В. Лясковец

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет (Россия)
e-mail: skalabor@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы применения игровых технологий в образовательном процессе студентов-юристов, акцентируется внимание на их дидактической эффективности.*

***Ключевые слова:** познание, геймификация, правовое явление, процесс обучения, игра.*

***Annotation.** The article deals with the use of game technologies in the educational process of law students, focuses on their didactic effectiveness.*

***Keywords:** cognition, gamification, legal phenomenon, the process of learning the game.*

Правовые явления — это внешние выражения всякого рода субъективных и объективных обстоятельств, процессов и факторов, влияющих на сознание и правовое поведение людей, именно с которыми нормы права связывают установление, изменение и прекращение правоотношений [1, с. 193]. Их научно-юридическое познание в процессе обучения студентов-юристов направлено на получение обучающимися доктринально обоснованных знаний по предмету какой-либо правовой науки, формирование у них надлежащей базы теоретических знаний, которая позволит в дальнейшем разрешать проблемные вопросы правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Возможно ли приобретение знания о правовых явлениях, постижение их закономерностей через игру? Да. В настоящее время целый ряд влиятельных направлений современной философской и научной мысли определяют игру как преимущественный способ свершения (раскрытия) истины [2, с. 21–22]. Попро-

сы разработки теории игры, определения ее социальной природы и значения для развития обучаемого уже много лет находятся в центре внимания исследователей. Существует немало работ, посвященных вопросам использования игровых механик и элементов в неигровом контексте в образовательной среде: Y. Attali, M. Arieli-Attali [3], Lee, Hammer [4], Muntean [5], Khaled [6], К. М. Карр [7], Б. П. Дьяконов [8], О. В. Орлова, В. Н. Титова [9], Л. П. Варенина [10], Н. Л. Караваев, Е. В. Соболева [11], Ю. П. Олейник [12] и др.

Игровое познание, смысловая нагрузка которого переносит на себя своеобразные особенности игры и сопряжена с имитацией и моделированием событий с условным переводом их в ранг действительных, относится к одному из древнейших способов человеческого освоения мира [13, с. 155]. Современный процесс образования уже достаточно сложно представить себе без применения специально разработанных игровых моделей (сценариев), в которых проигрываются разнообразные варианты течения сложных процессов и решения научно-практических проблем. Игры нашли широкое применение на всех уровнях общего и профессионального образования.

Значение игровых технологий как в жизни человека в целом, так и в образовательной деятельности в частности нельзя переоценить. Познавательные возможности игр заключаются в том, что когда они применяются с целью осознания и разрешения играющим определенной проблемы, именно познание становится конечной целью игры.

Целесообразность внедрения игровых технологий в образовательное пространство не вызывает сомнений. Естественно, их применение в учебной деятельности студентов-юристов никоим образом не рассматривается как альтернатива устоявшемуся академическому образованию и не подразумевает отказа от традиционных источников информации — лекций, учебников, монографий. Однако нельзя не признать, что система обучения, которая сводится только к получению «голой» информации, усвоению учебного материала, приводит к тому, что применение полученных обучающимися знаний откладывается в долгий ящик. В такой ситуации студенты не до конца осознают, где и как они смогут это сделать, и все это, в свою очередь, снижает их мотивацию к учебе. Активные же методы обучения, к которым и относятся игровые технологии, наоборот, стимулируют активизацию познавательной деятельности студентов, формируя у них стремление к изучению правовых закономерностей, составляющих предмет конкретной юридической науки, получению необходимой информации, которая непосредственно и сразу используется ими. Результатом такой активности становится надлежащее усвоение обучающимися учебного материала.

Согласимся с утверждением о том, что формирование полноценной профессиональной деятельности возможно только на основе совокупности игровой и учебной деятельности. Это обусловлено тем, что учение направлено, в частности, на освоение такими абстракциями и обобщениями, которые подразумевают наличие у студента воображения и символической функции, как раз и формирующихся в игре [14, с. 137]. Как показывают результаты проведенного нами опроса среди студентов и профессорско-преподавательского состава Юго-Западного государственного университета, 100 % опрошенных нами респондентов из числа обучающихся и 95,7 % респондентов из числа студентов ответили, что они не представляют себе современный образовательный процесс без использования игровых технологий.

Но что будет интересно современному студенту? Какие из существующих в настоящее время обучающих средств, способных существенно повысить качество и интенсифицировать процесс обучения, выбрать? Какие формы игровых технологий в настоящее время представляются более перспективными? На наш взгляд, повысить уровень образовательного процесса в первую очередь позволит использование потенциала игровых информационных технологий, которые основаны на базе компьютерной игры, и которым в XXI веке отдают заслуженное первенство. Это обусловлено тем, что жизнь современного студента концентрируется вокруг компьютера с игровыми программами. В этой связи именно компьютерные игры являются наиболее перспективными в осуществляемом в ходе учебной деятельности процессе познания явлений, имеющих значение для установления, изменения или прекращения правоотношений.

Компьютерные игры образовательного характера, развивая логику, память, внимание и способность обучающихся принимать решения в сложных ситуациях, будут не только содействовать обогащению этапа мотивации студентов к познавательной деятельности, но и повысят вероятность достижения поставленной педагогической цели.

Преимущества применения компьютерной игровой деятельности в процессе познания студентами правовых явлений заключаются в следующем:

– Становясь психологически зависимыми от процесса познания, обучающиеся глубже и эмоциональнее вовлекаются в него. Эмоциональная вовлеченность в игру, получение возможности непосредственно апробировать приобретенный опыт на практике и оценивать результаты личных усилий обеспечивают прочность усвоения учебного материала.

– Овладение знаниями в рассматриваемой нами активной форме обучения благотворно влияет на запоминание и восприятие поступающей студенту информации. Исследования показывают, что события, переживаемые каждым

участником игрового взаимодействия, сохраняются в его памяти на значительно долгое время [15, с. 163].

– Использование компьютерных игр минимизирует негативные коннотации с учебным процессом.

– Их применение в учебной деятельности будет способствовать несознательному самообразованию, которое по своей сути является следствием использования возможностей игрового мира.

Компьютерные игры имеют большой потенциал и открывают много возможностей для студентов-юристов. Их использование не только приведет к повышению активности последних, вызвав интерес к изучаемым явлениям, раскроет внутренний потенциал и способности обучающихся, но и будет способствовать развитию у них определенных практических навыков и умений, требуемых для дальнейшей эффективной повседневной практической деятельности, и надлежащему овладению ими.

А что же говорят по этому поводу сами студенты — наша потенциальная аудитория? Обратимся к результатам проведенного нами анкетного опроса и расположим их по степени возрастания. Итак, на вопрос о том, какое значение имеет использование игровых технологий в процессе образования, респонденты ответили следующим образом (всего было опрошено 115 студентов, которым предлагалось выбрать один или несколько вариантов ответа либо предложить свой):

– «понижает градус формализма в образовательном процессе» — 25,2 %;

– «актуализирует полученные в ходе лекционных занятий знания» — 36,5 %;

– «повышает мотивацию к изучению учебной дисциплины (спекурса)» — 49,6 %;

– «способствует отработке приобретенных в процессе обучения навыков» — 49,6 %.

– «снижает напряжение во время учебного процесса» — 53,9 %;

– «побуждает интерес к учебной дисциплине (спекурсу)» — 74,8 %.

Как мы видим, полученные ответы подтверждают, что качество обучения только выиграет от использования обучающимися компьютерных игр, так как последние, являясь гибкой формой обучения, и функции, которые они выполняют, будут обеспечивать повышение первого.

Особенностью современных образовательных игр должен стать их междисциплинарный характер. Сложность и многогранность правовых явлений обуславливается разнообразием наук, их изучающих, в связи с чем их познание должно в большей степени опираться на все достижения последних. Поэтому именно междисциплинарность будет способствовать более плодотворному по-

знанию студентами сущности способов актуализации норм права, позволит им исследовать каждое конкретное правовое явление в его целостности, объединить данные, полученные специалистами различных дисциплин, обеспечив тем самым построение качественного корпуса научных знаний.

1. Головкин Р. Б. Понятие и конструкция правовых явлений // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 189–193. [Вернуться к статье](#)
2. Философия науки в вопросах и ответах : Учебное пособие для аспирантов / В. П. Кохановский [и др.]. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 352 с. [Вернуться к статье](#)
3. Attali Y., Arieli-Attali M. Gamification in assessment: Do points affect test performance? // Computers & Education. 2015. Vol. 83. P. 57–63. [Вернуться к статье](#)
4. Lee J. J., Hammer J. Gamification in education: What, how, why bother? // Academic Exchange Quarterly. 2011. Vol. 15(2). P. 146–151. [Вернуться к статье](#)
5. Muntean C. I. Raising engagement in e-learning through gamification // Proceedings of 6th International Conference on Virtual Learning ICVL (October 28–29, 2011). Bucharest University Press, 2011 P. 323–329. [Вернуться к статье](#)
6. Khaled R. It's Not Just Whether You Win or Lose: Thoughts on Gamification and Culture // CHI 2011. Vancouver, BC: ACM, 2011. URL: <http://gamificationresearch.org/wp-content/uploads/2011/04/16-Khaled.pdf> (дата обращения: 17.12.2019). [Вернуться к статье](#)
7. Кapp Karl M. The Gamification of Learning and Instruction: Game-based Methods and Strategies for Training and Education. Implications and Importance to the Future of Learning. Pfeiffer Publ., 2012. 336 p. [Вернуться к статье](#)
8. Дьяконов Б. П. Геймификация в асинхронном образовательном процессе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 6. № 1/1. С. 143–147. [Вернуться к статье](#)
9. Орлова О. В., Титова В. Н. Геймификация как способ организации обучения // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2015. № 9 (162). С. 60–64. [Вернуться к статье](#)
10. Варенина Л. П. Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6–2 (28). С. 314–317. [Вернуться к статье](#)
11. Караваев Н. Л., Соболева Е. В. Анализ программных сервисов и платформ, обладающих потенциалом для геймификации обучения // Концепт. 2017. № 8. С. 14–25. [Вернуться к статье](#)
12. Олейник Ю. П. Игрофикация в образовании: к вопросу об определении понятия // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 476. [Вернуться к статье](#)
13. Лешкевич Т. Г. Смысл и специфика игрового познания в человеческой жизни // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 2. С. 155–162. [Вернуться к статье](#)
14. Дуркин П. К., Лебедева М. П. Игры как средство обучения и воспитания студентов // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 134–143. [Вернуться к статье](#)
15. Пыхтеев Ю. Н., Виноградова А.В. Игровые технологии как элемент проектно-ориентированного обучения в условиях модернизации высшего профессионального образования // Успехи современного естествознания. 2015. № 6. С. 163–167. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.352 (476)

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. Швед

заместитель начальника отдела, кандидат юридических наук, доцент,
Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
e-mail: nadezhdas@tut.by

***Аннотация.** Антикрупционное образование может выступать в качестве эффективного и перспективного направления противодействия коррупциии и реализации антикрупционной политики государства. Формирование антикрупционного мировоззрения является важным компонентом повышения правовой культуры граждан.*

***Ключевые слова:** правовая культура, коррупция, антикрупционное образование, противодействие коррупциии.*

***Annotation.** Anti-corruption education can be considered as an effective and perspective course of combating corruption and of the state anti-corruption policy implementation. Anti-corruption world view development is an important component of the improvement of citizens' legal culture.*

***Key words:** legal culture, corruption, anti-corruption education, combating corruption.*

В соответствии с абзацем 12 пункта 27 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом от 9 ноября 2010 г. № 575, коррупционные проявления являются одной из основных угроз национальной безопасности.

Антикрупционное образование является одним из направлений правового просвещения. Его цель — специализированное обучение и воспитание кадров по вопросам предупреждения коррупциии, формирование у них антикрупционного мировоззрения, а также повышение уровня самосознания и правовой культуры. Вопросы антикрупционного просвещения населения, по мнению П. А. Кабанова, являются наиболее востребованными в сфере реализации государственной политики противодействия коррупциии [1, с. 40].

Не случайно в статье 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупциией» среди системы мер борьбы с коррупциией указано проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупциии (антикрупционное образование и воспитание).

Решением Республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупциией от 18 декабря 2019 г. № 20 утверждена Программа по борьбе с преступностью и коррупциией на 2020–2022 годы, где в числе

мероприятий по профилактике коррупционных правонарушений предусмотрена организация системной работы по повышению уровня правосознания обучающихся, в том числе антикоррупционное воспитание в учреждениях общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования. Также важность антикоррупционного образования признается при изучении требований антикоррупционного законодательства и для отдельных групп, например, для членов комиссий по противодействию коррупции, работников кадровых и иных служб.

О важности антикоррупционного образования говорят и на международном уровне. Так, в частности, в качестве одной из рекомендаций ГРЕКО для Республики Беларусь является обеспечение обучения по единой программе через равные промежутки времени работников правоохранительных органов, специализирующихся на предупреждении и выявлении коррупции, по вопросам типологии коррупции, предупреждения и выявления коррупционных преступлений [2].

В последнее время все больше внимания уделяется такой мере антикоррупционной профилактики, как информирование населения по вопросам противодействия коррупции [3, с. 39; 4, с. 198; 5, с. 114].

Проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционное образование и воспитание), является одним из направлений правового просвещения — деятельности по духовно-нравственному и правовому воспитанию граждан, повышению уровня правового сознания и правовой культуры населения. Следует стремиться к тому, чтобы граждане, постоянные участники особых общественных отношений, во-первых, хорошо знали правовые нормы, которые регулируют антикоррупционные отношения, и, во-вторых, полно и четко представляли свои юридические права и обязанности, способы их осуществления, а также предвидели связанные с этим последствия.

Основными задачами антикоррупционного информирования как одного из видов антикоррупционного просвещения являются:

а) доведение до сведения официальных нормативных правовых актов и решений по вопросам противодействия коррупции;

б) адекватная интерпретация состояния коррупции, ее причин и результативности антикоррупционной деятельности;

в) доведение до сведения заинтересованных лиц инструментов, механизмов и возможностей противодействия коррупции;

г) выявление заинтересованных лиц и их привлечение к антикоррупционной деятельности;

д) выявление наиболее сложных проблем в сфере противодействия коррупции;

е) обеспечение обратной связи между субъектами противодействия коррупции и населением.

В качестве субъектов антикоррупционного информирования выделяют организаторов и исполнителей [1, с. 41]. В качестве организаторов антикоррупционного информирования обычно выступают органы публичной власти, их структурные подразделения либо уполномоченные на то должностные лица. В качестве исполнителей антикоррупционного информирования довольно часто выступают различные субъекты противодействия коррупции (органы прокуратуры, органы внутренних дел, средства массовой информации, учреждения образования и др.). Так, в пп. 1.12 постановления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. № 30/1257/2/260 «Об утверждении критериев оценки деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями» к критериям оценки деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями отнесены активность проведения мероприятий по антикоррупционному образованию и воспитанию (проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции, и т. п.).

В качестве объектов информационного воздействия выделяют: государственных служащих; государственных должностных и приравненных к ним лиц, студентов высших учебных заведений и др.

Важным условием надлежащего и эффективного антикоррупционного образования субъектов информирования является наличие профессиональной антикоррупционной компетентности, знание действующего законодательства, практики его применения. В этой связи целесообразно привлечение к реализации образовательных антикоррупционных мероприятий компетентных специалистов, занимающихся на высоком методологическом уровне исследованиями в сфере противодействия коррупции, обладающих знаниями в области правоприменительной практики, реализующих образовательные программы по вопросам государственного управления, противодействия коррупции.

Отмечается, что в условиях цифровизации появляются возможности для широкого вовлечения общественности в процесс борьбы с коррупцией, в том числе путем дистанционного антикоррупционного обучения и просвещения, обратной связи с уполномоченными государственными органами посредством использования информационных платформ (сайтов, порталов) [6, с. 317].

В Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» предусмотрены основные

формы и способы реализации правового просвещения граждан, которые успешно используются в антикоррупционном образовании и воспитании:

конференции, круглые столы, семинары, лекции и выступления по вопросам профилактики правонарушений, в том числе в коллективах работников (учащихся, военнослужащих) и по месту жительства граждан;

размещение (распространение) информации, направленной на формирование законопослушного поведения и здорового образа жизни граждан, в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений и иных организаций.

С 2016 года все студенты, получающие высшее образование по специальностям «право», «экономика» и «управления», изучают специальный курс по противодействию коррупции. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь совместно с Министерством образования Республики Беларусь подготовлена и утверждена типовая программа учебного курса по противодействию коррупции на основе обобщения практики обучения студентов. Кроме того, сотрудниками Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее — НПЦ Генеральной прокуратуры) в соответствии с новой программой подготовлено учебное пособие по противодействию коррупции для студентов. Кроме того, практико-ориентированные занятия по противодействию коррупции проводятся в вузах на всех курсах повышения квалификации по специальностям «право», «экономика» и «управления».

Следует отметить положительный опыт антикоррупционного образования в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Так, в рамках программ повышения квалификации управленческих кадров предусмотрено среди прочего и информирование слушателей о мерах противодействия коррупции в Республике Беларусь и современном мире. С ноября 2018 года в академии успешно стартовал и оказался весьма востребованным отдельный недельный курс повышения квалификации для управленческих кадров по противодействию коррупции. Программа курса достаточно насыщенная и направлена на повышение компетенций в сфере противодействия коррупции. Полученная обратная связь свидетельствует о высоком интересе, проявленном со стороны слушателей к данному курсу, высокой оценке предоставленной информации о противодействии коррупции, высоком уровне профессионализма лекторов.

В Республике Беларусь получило широкое распространение проведение обучающих семинаров по антикоррупционной тематике. Так, например, Институтом экономики Национальной академии наук Республики Беларусь на посто-

янной основе проводятся семинары, в том числе и выездные, по актуальным вопросам противодействия коррупции для сотрудников государственных организаций, специалистов кадровых служб и др.

Сотрудники органов прокуратуры и НПЦ Генеральной прокуратуры регулярно выступают с лекциями по антикоррупционной тематике в трудовых коллективах.

НПЦ Генеральной прокуратуры выступил инициатором и организатором проведения международной научно-практической конференции «Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией», проведение которой планируется в мае 2020 года.

Таким образом, не вызывает сомнения важность антикоррупционного образования как в сфере противодействия коррупции, так и в целом в повышении уровня правовой культуры и правовой грамотности населения. В Республике Беларусь проводится большая работа в этом направлении, что свидетельствует о значимости.

1. Кабанов П. А. Антикоррупционное информирование как форма антикоррупционного просвещения: понятие и содержание // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 40–46. [Вернуться к статье](#)

2. Summary of the Evaluation Report on Belarus: Joint First and Second Evaluation Rounds [Electronic resource] / Group of States against Corruption URL: www.coe.int/en/web/greco/evaluations/belarus (date of access: 10.01.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 39–46. [Вернуться к статье](#)

4. Рочева Е. А. Правовая культура как основа антикоррупционного образования и воспитания // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч.ст. / Э. А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. Минск, 2016. Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. С. 195–201. [Вернуться к статье](#)

5. Патова Е. М. Антикоррупционное образование государственных и муниципальных служащих как мера противодействию коррупции // Третьи юридические чтения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Сыктывкар, 26–27 нояб. 2015 г. : в 2 ч. / СГУ им. Питирима Сорокина ; отв. ред. В. У. Хатуаев. Сыктывкар, 2016. Ч. 2. С. 114–118. [Вернуться к статье](#)

6. Юрашевич Н. М., Трипузова А. А. Антикоррупционное образование как основа эффективной комплаенс-системы // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. , специальное тематическое издание / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред, А. В. Солтанович. Минск : Изд. центр БГУ, 2019. Вып. 12. С. 311–319. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.01:349

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВА ДОСТУПА В ИНТЕРНЕТ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В. С. Шемет

научный сотрудник НИИ теории
и практики государственного управления,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: v.s.shemet@mail.ru

***Аннотация.** В статье исследуются идеологические и международные аспекты права доступа в Интернет в контексте достижения Целей в области устойчивого развития. Сформулирован вывод о том, что в состав идеологии входит международно-правовое сознание. Вместе с тем принципы и нормы международного права в сфере информационно-коммуникативных технологий, а также практика их реализации оказывают непосредственное влияние на идеологию.*

***Ключевые слова:** доступ в Интернет, идеологическое влияние, информационное общество, принципы международного права, устойчивое развитие.*

***Annotation.** The article examines the ideological and international aspects of internet access rights in the context of achieving the Sustainable Development Goals. The conclusion is made about the international legal consciousness is included in the ideology. At the same time, the principles and norms of international law in the field of information and communication technologies, as well as the practice of their implementation have a direct impact on ideology.*

***Keywords:** access to the Internet, ideological influence, information-oriented society, principle of international law, sustainable development.*

В первой четверти XXI века львиная доля общественных отношений регулируется с использованием информационного пространства, что в условиях «сетевое» общества следует рассматривать как закономерный процесс, требующий совершенствования идеологических, правовых и организационно-управленческих механизмов.

В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, отмечается: «В настоящее время состояние информационной сферы в Республике Беларусь характеризуется высоким уровнем доступа населения страны к массовой информации. Количество национальных средств массовой информации (далее — СМИ) и интернет-ресурсов неуклонно увеличивается, формируется при участии государства и в негосударственном

секторе. Белорусское информационное пространство открыто для активной работы иностранных СМИ и интернет-ресурсов» [1].

Глобальное «наступление» Интернета, являющегося важнейшим из детерминантов развития информационного общества, порождает и новые проблемы, связанные с различным толкованием права доступа во «всемирный разум». Причем это право неразрывно связано с идеологическими установками как на национальном уровне, так и на международном.

На национальном уровне идеологические ценности закрепляются в формате программных документов. Так, в Республике Беларусь приоритет развития информационного общества сформулирован в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 2 мая 2017 г. В документе акцентируется внимание на том, что «в прикладном плане модель устойчивого развития — это способ организации и функционирования общества, государства, экономики на принципах устойчивости, важнейшими из которых являются: человек — цель прогресса; уровень человеческого развития — мера зрелости общества, государства, его социально-экономической политики» [2]. Именно эти принципы и выступают идеологическими ориентирами формирования модели устойчивого социально-экономического развития Беларуси.

В процессе реализации поставленных целей устойчивого развития, несомненно, значительно возрастает роль идеологии, которая неразрывно связана с аспектами национальной государственности, тенденциями и перспективами развития информационного общества.

В данном контексте представляется правомерной точка зрения А. И. Хуснутдинова, который, рассматривая идеологические аспекты права доступа в Интернет, выделяет субъективные и объективные факторы:

место Интернета в жизни конкретного индивида определяется его собственными интеллектуальными, культурными, экономическими, физическими и другими возможностями и потребностями (субъективный фактор);

государство выступает субъектом, оказывающим заметное идеологическое влияние на доступ в сеть Интернет (объективный фактор) [3, с. 109–123].

Международные принципы создания информационного общества, базирующиеся на идеологических постулатах мирного развития, приоритета общечеловеческих ценностей и всеобъемлющего соблюдения прав человека, а также подходы к его созданию определены в Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.), Декларации принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 г.), Же-

невском плане действий (2003 г.), Тунисской программе для информационного общества (2005 г.) и ряде других.

Программным документом, на который ссылаются большинство государств при формировании национальной политики в области развития интернет-технологий, является Окинавская хартия, принятая 22 июля 2000 г. на саммите лидеров стран G8. Вместе с тем справедливо отмечают юристы-международники: «отсутствует упоминание об Интернете. Документ посвящен общим представлениям лидеров стран о возможностях информационных технологий» [4, с. 4]. Кроме того, саммиты G8 позиционируются как «клуб по интересам», декларации которого не являются юридически значимыми международными актами.

Тем не менее в идеологической плоскости документ представляется принципиально важным. Тезисы, изложенные в статьях 9 («Каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям») и 10 («Ключевой составляющей нашей стратегии должно стать непрерывное движение в направлении всеобщего доступа для всех») [5], являются логическим продолжением идеологической установки на обеспечение всеобъемлющего соблюдения прав человека.

Важное практическое значение для продвижения идеологии устойчивого развития имеет Форум Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (далее — ВВУИО), который предоставляет возможность для обмена передовым опытом, определения стратегий развития информационного общества в планетарном масштабе.

В ходе проведения первого этапа ВВУИО (г. Женева, 10–12 декабря 2003 г.) была принята Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» (далее — Декларация). В пункте 24 документа найдено подтверждение приверженности мирового сообщества основным принципам соблюдения прав человека в информационной сфере: «Обеспечение каждому возможности иметь доступ к информации, идеям и знаниям и вносить в эти области свой вклад является необходимым элементом открытого для всех информационного общества» [6].

На форуме в Женеве также был утвержден План действий (далее — План), в котором конкретизированы руководящие принципы Декларации. В частности, пункт 1 Плана определяет, что «информационное общество, создание которого предусматривается в Декларации принципов, будет строиться в условиях сотрудничества и солидарности органами государственного управления и всеми другими заинтересованными сторонами», а пункт 25 закрепляет положение о том, что «информационное общество должно опираться на общепризнанные ценности и заботиться об общем благе, а также предотвращать

злоупотребления при использовании ИКТ» [6]. Фактически формулировка «опираться на общепризнанные ценности и заботиться об общем благе» есть ни что иное, как идеологическая установка на обеспечение должного уровня человеческого развития как фактора зрелости общества.

В ходе проведения второго этапа ВВУИО (Тунис, 16–18 ноября 2005 г.) были подведены промежуточные итоги реализации Женевского Плана действий и принята Тунисская программа для информационного общества (далее — Программа).

В отношении идеологических аспектов права доступа в Интернет показателен пункт 29 Программы: «Мы вновь подтверждаем провозглашенные во время Женевского этапа в декабре 2003 года принципы, согласно которым Интернет превратился в общедоступный глобальный инструмент и управление его использованием должно стать одним из основных вопросов повестки дня информационного общества. Организация использования Интернет на международном уровне должна иметь многосторонний, прозрачный и демократический характер при полном участии правительств, частного сектора, гражданского общества и международных организаций. Она должна гарантировать справедливое распределение ресурсов, облегчать доступ для всех и обеспечивать стабильное и безопасное функционирование Интернет с учетом многоязычия» [7]. Другими словами, идеология информационного общества в целом и права доступа в Интернет в частности определяется потребностями жизни общества, которые могут быть удовлетворены лишь в результате широкого сотрудничества государств независимо от существующих между ними различий.

Анализ основных положений Программы позволяет констатировать, что ее идеологическая платформа тесно связана с такими общепризнанными принципами международного права, как принцип уважения прав и свобод человека, принцип сотрудничества государств.

В заключение целесообразно акцентировать внимание на том, что в состав идеологии входит международно-правовое сознание, детерминирующее функционирование международного права в целом. Вместе с тем нельзя забывать, что принципы и нормы международного права, а также практика их реализации оказывают непосредственное влияние на идеологию.

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «Эталон». [Вернуться к статье](#)

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] : одобрена Президиумом Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., протокол № 10 // Министерство экономики Респ. Беларусь. URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

3. Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109–123. [Вернуться к статье](#)
4. Бочков, С. И., Макаренко Г. И., Федичев А. В. Об Окинавской хартии глобального информационного общества и задачах развития российских систем коммуникаций // Правовая информатика. 2018. № 1. С. 4–14. [Вернуться к статье](#)
5. Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901770887> (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)
6. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» [Электронный ресурс] / документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R, 12.12.2003 URL: http://www.itu.int/net/wsis/documents/doc_multi.asp?lang=en&id=1161|0 (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)
7. План действий [Электронный ресурс] / документ WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R, 12.12.2003. URL: http://www.itu.int/net/wsis/documents/doc_multi.asp?lang=en&id=1160|0 (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)
8. Тунисская программа для информационного общества [Электронный ресурс] / документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R. URL: http://www.itu.int/net/wsis/documents/doc_multi.asp?lang=en&id=2266|2267 (дата обращения: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА

В. Е. Шинкевич

профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
доктор социологических наук, доцент,
Сибирский юридический институт МВД России
e-mail: Vlashink@yandex.ru

***Аннотация.** В статье анализируется социальная ценность феномена правового сознания для современного общества. Автор обращает внимание на особенность правосознания как фактора оценки социального здоровья общества, значимость высокой правовой культуры для сотрудников органов внутренних дел, обозначает некоторые направления формирования правового сознания и правовой культуры в условиях современного общества.*

***Ключевые слова:** правосознание, правовая культура, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, перерождение правосознания, правовое воспитание, деформация правосознания, предупреждение преступлений.*

***Annotation.** Social value of the phenomenon of legal awareness for the modern society is analyzed in the article. The author pays attention to the specific features of the legal awareness as a factor of the assessment of social health of society as well as to the significance of high legal culture for law enforcement officers and emphasizes some trends in formation of legal awareness and legal culture in the conditions of the modern society.*

***Keywords:** legal awareness, legal culture, legal nihilism, legal infantilism, regeneration of legal awareness, legal education, deformation of legal awareness, crime prevention.*

Демократическое правовое государство с республиканской формой правления как социальный организм может существовать и соответствовать заявленному типу государства только в одном случае — когда каждый его гражданин будет четко осознавать предоставляемые ему права вкупе с ответственностью за поддержание и соответствие заявленной декларации. Совокупность индивидуальных сознаний продуцирует общественное сознание как психическое отражение окружающей каждого и одновременно всех объективной реальности. В то же время данная реальность не всегда и не всеми воспринимается и оценивается однозначно с точки зрения личностных пристрастий, мнений, убеждений и осознания последствий. Однако при этом человек, скорее, признает преимущества демократического режима, чем тоталитарного, и особенно в исторической ретроспективе, когда он отвечает самому себе на вопрос, в каком обществе он хотел бы жить.

Надо признать, что идеальную модель взаимодействия власти и общественного сознания мировая политическая, правовая и нравственная практики еще не выработали, да и, в принципе, это очень сложно сделать ввиду многогранности и разнообразия по своим природно-территориальным, национальным, историческим составляющим самих обществ. В этих условиях идеальная модель может быть воспринята при практической ее реализации лишь как утопия. Но близкую к идеальной модели взаимодействия власти с общественным сознанием можно принять как пример функционирования политически стабильных и демократически развитых государств. Для этих государств характерно справедливое развитие позитивного права, закрепляющего равенство всех перед законом и обеспечивающего развитие социального государства в полном смысле этой политико-правовой конструкции, где не только граждане несут ответственность перед своим государством, но и государство несет ответственность за уровень жизнедеятельности своего населения.

Не исключая элементы манипулятивных технологий во взаимодействии власти и общества, для демократических обществ значимо одно: без учета состояния общественного мнения во властных структурах не решается ни один сколь-нибудь важный вопрос, затрагивающий жизненные интересы различных слоев и групп населения.

Эта особенность функционирования характерна для любого современного социума, отдающего предпочтение цивилизованному направлению своего дальнейшего развития. Поэтому, говоря о необходимости формирования общественного сознания, нужно признать всю сложность и многогранность не только данного социально-психологического и социально-философского феномена и его носителей, но и каждой его формы, в которой оно проявляется в современном обществе: нравственной, политической, экономической, религиозной, исторической, правовой и других формы сознания. В качестве метода, модели общественного сознания выступает мораль как условная общественно значимая концепция принципов, правил, оценок, норм, базирующихся на принятии концепции оценок зла и добра, которая сформировалась в определенный период времени, и идеология как система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики. Ничего социально значимого в обществе не происходит без участия разума, воли, чувств, человеческой души, без оценки наблюдаемого события, явления или отдельного факта сознанием человека. Каждая из форм общественного сознания: нравственное, политическое, экономическое, религиозное, правовое, культурно-эстетическое и пр., — отражает все происходящее под своим углом зрения, с учетом особенностей своего проявления и функционирования в социуме. Системное взаимодействие различных форм общественного

сознания позволяет не только воссоздавать более или менее полную картину состояния объективной реальности, но и своевременно вырабатывать управленческие решения по стабилизации и дальнейшему развитию гуманитарной сферы общества. Не случайно общественное сознание является объектом изучения ряда общественных наук: философии, политологии, социологии, юриспруденции и др.

Правосознание как самостоятельная форма общественного сознания, выражает субъективное отношение людей к праву, правоприменительной юридической практике, правомерному и противоправному поведению. Оно позволяет давать адекватную оценку праву в исторической ретроспективе, определить его ценность и признание обществом, особенности применения в прошлом, настоящем и будущем. От уровня правосознания как основы правовой культуры в прямой зависимости находится и уровень преступности.

Правосознание, как и общественное сознание, многогранно и представляет исследовательский интерес не только для юристов [1; 2; 3], но и для философов [4], социологов [5], политологов [6]. С учетом того, что правосознание — это форма общественного сознания, можно сделать вывод, ему присущи как свойства (активность, целостность, избирательный характер, константность, индивидуальный характер, динамичность, способность к рефлексии и др.), так и черты (интенциональность, мотивационность, включенность в качестве необходимого элемента в социальные структуры и др.), характерные сознанию вообще. Вместе с тем правосознание в системе общественного сознания, элементом которого оно является, имеет свой самостоятельный объект отражения и исследования — право и предмет — связанные с ним явления: юридическая практика, законность, правопорядок, правомерное и противоправное поведение и т. д.

Давая оценку особенностям проявления и функционирования правосознания необходимо отметить следующие состояния, в которых оно может протекать: рациональное, рефлексивное, наивное, обыденное, мистическое, патологическое (от простого помрачения до полного выключения). В этом ключе можно говорить о социальном здоровье общества, готово ли оно поддержать и оценить реформы, какие-то общественно значимые нововведения, ощутить удовлетворение теми общественными процессами, которые сопутствуют процессам изменения социума, или настроены в большинстве критически, в том числе и агрессивно, ко всему, что исходит от власти, от системы правового регулирования процессов, протекающих в различных сферах общества.

В любом случае правосознание лежит в основе формируемой правовой культуры как отдельного гражданина, так и общества в целом, является активным актором профилактики преступности в социуме, формирования правопо-

слушного общества. По мнению некоторых исследователей, изучающих феномен правосознания и правовой культуры в обществе, уровень криминальности социальной среды находится в прямой зависимости от уровня правового сознания граждан, а «деформация правового сознания выступает в качестве дестабилизирующих факторов, которые в конечном счете ведут к гибели социума и могут привести к уничтожению государства изнутри. Игнорирование духовного правового сознания приводит к упадку национальной правовой традиции, государственности и в конечном итоге к их гибели, т. к. в таких условиях правовая культура перестает быть ценностью общественного сознания, растворяясь в неправовом поведении граждан» [7, с. 88]. Правовое сознание способствует тому, что право из вынужденной необходимости преобразуется в осознанную необходимость, а продуктом творческой реализации правосознания является система позитивного права, реализующая свои потенции в социуме и его основном социальном институте — государстве. Ведь соблюдение норм права, а равно и нравственных норм, как вынужденная необходимость — более неустойчивая социальная перспектива, нежели осуществление этого осознанно, как следствие результативной правовой социализации человека как в социуме в целом, так и в отдельном его социальном институте в частности.

Правосознание, проявляющееся в оценке правовой реальности, способно формировать и формирует правовые чувства как некий комплекс душевных переживаний отдельных людей, групп, общества в целом по поводу принятия, использования и реализации нормативных правовых документов, оценки их общественно значимой ценности, правовой и нравственной оценки фактов противоправного поведения. Правосознание формирует отношение самих сотрудников органов внутренних дел не только к исполнению своих профессиональных обязанностей, но и к выбору форм, методов их реализации.

Как следствие, в процессе правоохранительной деятельности службы в равных условиях и при относительно идентичных ситуациях разные сотрудники в условиях морального выбора могут поступать по-разному.

С эмоционально-чувственного восприятия начинается осознание правовой реальности, в дальнейшем проявляющееся в конкретной форме принятия решения и деятельности. Одни сотрудники, ориентируясь прежде всего на требования норм права и правовые ценности, исходят в первую очередь из требований законов и приказов, осознанно поддерживая суждение, что законно, то и однозначно нравственно. Другие сотрудники, для которых высшими ценностями являются нормы морали и нравственности при принятии решения относительно оценки правонарушения, как, впрочем, и любого другого поступка, в том числе гипотетически общественно одобряемого, будет ориентироваться на соблюдение принципов справедливости и гуманизма, на свои нравственные

убеждения. Третьи, ориентируются на корпоративные ценности, отдают при принятии решения предпочтение служебной целесообразности, они верны профессиональному долгу, являются государственниками по внутренней сути. Четвертые видят прежде всего необходимость любыми средствами достичь цели, они сторонники делать то, что принесет выгоду. Они во всем и всегда ищут целесообразность, не являются сторонниками принятия спонтанных решений ни в чем и никогда. Пятые отличаются исполнительностью, ориентируются на указания руководства, как правило, не оценивают уровень законности данных указаний, непосредственно стараются не участвовать в выработке управленческих решений, а в случае необходимости принятия таковых ссылаются на указания «сверху» (необходимостью отчетности перед вышестоящими инстанциями, контролем выполнения поставленной задачи начальниками и т. п.).

С учетом ценности феномена правосознания для дальнейшего развития современного общества, исповедующего приверженность идеям демократии, гражданственности, свободы, необходимо, во-первых, совершенствование имеющихся и изыскание новых форм и методов повышения правовой культуры как основы осознания информационно-правовых потребностей как государственных и общественных структур, так и отдельных граждан на основе эффективной организации и использования информационных правовых ресурсов для выстраивания правовых отношений в обществе между всеми его субъектами, выделяемыми по различным структурным основаниям: институциональным, стратификационным, социально-классовым и пр. Во-вторых, правосознание должно способствовать активизации процесса реализации ценностей правовой культуры, базирующейся прежде всего на духовных ценностях, что будет способствовать как эффективному противодействию использованию любых неоправданных форм насилия для обеспечения правопорядка в обществе, так и формированию у граждан и руководителей всех уровней власти уважительного отношения к праву как социальному феномену. В-третьих, для повышения уровня правового сознания и, как следствие, правовой культуры общества необходимо развивать и совершенствовать систему правового образования населения, повышения правовой грамотности. Уважительное отношение к праву должно формироваться с детства. В-четвертых, учитывая то, что практика реализации различных норм права постоянно совершенствуется, адаптируется к конкретным потребностям практики, необходимо создать тщательно продуманную и эффективную систему правовой пропаганды, способствовать повышению уровня правосознания граждан. В-пятых, для исключения диссонанса правового сознания граждан в целом и представителей органов внутренних дел, для профилактики и предупреждения дисгармонии и конфликта по поводу реализации профессиональных и общегражданских прав в социуме целесообразно

поднять уровень не только специальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, но и специальной гуманитарной подготовки. Важнейшей воспитательной задачей в образовательном процессе является привитие навыков оптимального сочетания своих прав и прав, предоставленных государством в контексте исполнения профессиональных задач, с правами и обязанностями других лиц, на которых направлена правоохранительная деятельность.

1. Антонова Ж. Д. Правовое сознание в механизме защиты прав и свобод граждан (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2015. [Вернуться к статье](#)
2. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. [Вернуться к статье](#)
3. Сафронов В.В. Правосознание гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. [Вернуться к статье](#)
4. Науменкова К. В. Российское правосознание: специфика, структура, динамика : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2013. [Вернуться к статье](#)
5. Руденко К. И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в. : дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2015. [Вернуться к статье](#)
6. Славина М. В. Общественное сознание как объект воздействия средств массовой информации : дис. ... канд. политол. наук : 10.01.10, М., 2007. [Вернуться к статье](#)
7. Телегина Е. Г., Лукиева М. А. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия преступности // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4. [Вернуться к статье](#)

УДК 378.147

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ЮРИСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ В АКТИВНОЙ И ИНТЕРАКТИВНОЙ ФОРМЕ

В. Ф. Ядренцев

старший преподаватель кафедры юриспруденции,
Вологодский государственный университет (Россия)

e-mail: vareich1966@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы формирования правовой культуры будущих юристов в связи с реформированием системы образования и развитием новых образовательных технологий, с применением активных и интерактивных форм обучения.*

***Ключевые слова:** правовая культура, юридическое образование, интерактивная форма.*

***Annotation.** The article deals with the formation of the legal culture of future lawyers in connection with the reform of the education system and the development of new educational technologies, using active and interactive forms of training.*

***Keywords:** legal culture, legal education, interactive form.*

Правовая культура в современном обществе отражает уровень правовой активности индивидуума и проявляется в его желании принять участие в общественно-правовой жизни, осуществляя и защищая права человека и гражданина. Как справедливо отмечает А. С. Бондарев, правовая культура отражает качественное состояние общества через понимание и отношение к праву, правовым ценностям, традициям, действующему законодательству [1, с. 8]. Следовательно, процесс построения правового государства в Российской Федерации предполагает обязательное условие: ликвидацию правового нигилизма и повышение уровня правовой культуры в современном российском обществе.

Принудительной силой государства правовая культура индивидуума не может быть изменена, поэтому следует согласиться с позицией, высказанной А. В. Куприяновой: «Невозможно принять закон, обязывающий граждан изменить свое отношение к праву» [2, с. 4]. Вместе с тем со стороны государства должны предприниматься конкретные меры по осуществлению развития правовой культуры конкретно граждан и общества в целом.

Одной из таких мер выступает правовое воспитание, которое предполагает формирование правовой культуры на основе образования, нравственности, соблюдения этических норм, правовых воззрений и общечеловеческих ценностей. Поэтому представляется верной позиция исследователей, которые полагают, что правовое воспитание развивает у каждого человека способность утверждать собственные требования свободы и справедливости [3, с. 26],

осмысление роли права и правовой культуры как одной из высших ценностей [2, с. 6].

Формирование и развитие правовой культуры происходит также в процессе правового образования, которое осуществляется на соответствующих уровнях: 1) общее образование, которое закладывает основы правовой культуры; 2) профессиональное образование, где одновременно с правовым воспитанием происходит формирование правовой культуры.

Профессиональное образование направлено прежде всего на подготовку специалистов, обладающих профессиональными компетенциями, соответствующими видам профессиональной деятельности; удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования. Уровни профессионального образования установлены в части 5 статьи 10 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [4].

В настоящее время происходит реформирование системы образования, разрабатываются и применяются новые образовательные технологии, что влечет за собой совершенствование методов правового образования в целях формирования правовой культуры, соответствия современным тенденциям и процессу подготовки специалистов в различных областях, в том числе и в сфере юриспруденции.

Действующий федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) [5] вступил в силу с 1 сентября 2017 года. Разработчики данного стандарта установили ряд профессиональных компетенций, которыми должен обладать выпускник, освоивший программу бакалавриата по направлению подготовки, одной из которых является способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры.

Поэтому важное место в подготовке юристов занимает одновременное формирование правовой культуры и определенной суммы знаний по базовым учебным дисциплинам, которые, согласно действующему стандарту, являются обязательными. Например, семейное право относится к базовой части программы бакалавриата и является обязательным для освоения обучающимся вне зависимости от направленности (профиля) программы бакалавриата, которую он осваивает.

Учитывая опыт преподавания ряда юридических дисциплин, в том числе семейного права, следует констатировать, что усвоение знаний, наработка умений и навыков будущими юристами по данной учебной дисциплине невозможно без использования активных и интерактивных форм проведения практических занятий, которые реализуются в различных формах: в режиме совместного

диалога, в виде дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, дискуссий по группам, учебного игрового процесса (например, рассмотрение дела о расторжении брака) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития правовой культуры и профессиональных умений и навыков обучающихся. Таким образом, в процессе обучения внимание должно быть обращено как на изучение норм семейного права в неразрывной связи с нормами гражданского процесса, так и на привитие общекультурных ценностей и правовой культуры, а также нравственное и духовное воспитание будущих юристов.

Также важно при чтении лекций концентрировать внимание обучающихся на наиболее сложных, узловых вопросах, создавая условия для активизации их познавательной деятельности и оказывая содействие формированию творческого мышления и правовой культуры. При этом предпочтительно проводить чтение лекций с применением обратной связи, проблемные и программированные лекции [6, с. 34]. К сожалению, такой процесс доведения информации не всегда приводит к желаемому результату, поскольку обучающиеся имеют разные уровни подготовленности и способности к восприятию учебного материала.

Для формирования у обучающихся творческого мышления и правовой культуры целесообразно проводить семинарские и практические занятия в интерактивной форме. Это позволяет разрешать возникающие в ходе занятия вопросы через совместные действия, совместное проблемное обучение, когда обучающийся выступает в роли объекта и одновременно принимает активное участие в поиске путей решения поставленной проблемы. Например, при изучении темы «Личные и имущественные отношения между супругами», следует вовлекать обучающихся в дискуссию, т. к. при совместной работе в коллективе происходит обсуждение различных сложных вопросов совместной собственности супругов, а также собственности каждого из супругов. В ходе дискуссии обучающиеся высказывают собственное мнение, подкрепляя и аргументируя это ссылками на действующее законодательство, практику деятельности правоприменительных органов, а также научные разработки по рассматриваемым вопросам. Данная форма проведения занятия способствует развитию навыков ведения диалога, формирует общекультурные и профессиональные компетенции, что в конечном итоге направлено на повышение уровня правовой культуры обучающихся.

Немаловажное значение в формировании правовой культуры при проведении занятий имеет также применение методики выполнения творческих заданий.

Например, при изучении темы «Правовые основы брака» обучающимся предлагается самостоятельно составить практические задания по изучаемым

вопросам занятия. Исходя из опыта проведения таких занятий, преподавателю необходимо установить обязательные требования к содержанию практического задания: в частности, субъектами, которых обучающиеся указывают в практическом задании, могут быть герои известного произведения, которое изучалось ранее в процессе получения среднего общего образования (например, романа Л. Н. Толстого «Война и мир»), текст практического задания не должен превышать десяти предложений. После составления практического задания обучающиеся обмениваются ими в рамках учебной группы, и разрешают правовую ситуацию, применяя нормы материального и процессуального закона. Как показывает практика, выполнение творческих заданий и их последующее решение способствует формированию общекультурных и профессиональных компетенций будущих юристов.

Междисциплинарная ролевая игра, проводимая по теме «Судебное рассмотрение дела о расторжении брака», предполагает как выполнение индивидуального задания с последующим распределением ролей (когда обучающиеся выступают в роли судьи, секретаря судебного заседания, истца и ответчика, свидетелей и др.), так и слаженную работу в коллективе. В процессе подготовки и проведения ролевой игры у обучающихся формируются умения дискутировать, выступать перед аудиторией, вырабатываются навыки совместной работы, поиска информации, анализа, оценки, происходит развитие языковой и коммуникативной компетенций, самостоятельности, гибкости, диалектичности мышления.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что применение активных и интерактивных форм в процессе изучения юридических дисциплин направлено на формирование у бакалавров общекультурных и профессиональных компетенций, создание условий для формирования правовой культуры обучающихся как профессионалов в области правоприменительной деятельности.

1. Бондарев А. С. Правовая культура и продукты правовой культуры в их соотношении // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 2 (8). С. 8–12. [Вернуться к статье](#)
2. Куприянова А. В. К вопросу о правовой культуре с позиций культурологического подхода к изучению уголовного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 3–7. [Вернуться к статье](#)
3. Ахметов А. С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 25–27. [Вернуться к статье](#)
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон, 29 дек. 2012 г., № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. [Вернуться к статье](#)
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) : приказ Минобрнауки России, 1 дек. 2016 г., № 1511 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата доступа: 28.02.2020). [Вернуться к статье](#)

6. Андропова Т. А., Тарасенко О. А. Активные и интерактивные формы проведения занятий для бакалавров и магистров // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 33–36. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.542.1:[316.472.4+004.738.52]

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ю. А. Яроцкая

государственный судебный эксперт
отдела культурологических экспертиз
управления сложных судебно-психиатрических экспертиз
главного управления судебно-психиатрических экспертиз
центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз,
кандидат культурологии
e-mail: iarockaia@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правонарушений, связанных с распространением порнографических материалов посредством сети Интернет. Приводятся трактовки понятий «распространение», «рекламирование», «трансляция» и т. д. Автором предлагаются меры по профилактике преступлений в социальных сетях глобальной сети Интернет.

Ключевые слова: правовая культура, порнографический материал, социальная сеть, распространение, ответственность.

Annotation. The article deals with review of delinquency which related of the propagation the pornographic matters by social network Internet. It is given the explanation of the terms «propagation», «advertising», «broadcasting» and others. The author proposes the measures for the prevention of the crimes by social networks.

Keywords: legal culture, pornographic matter, social network, propagation, responsibility

Большинство правонарушений, связанных с распространением порнографических материалов, совершается в сети Интернет — это репосты порнографических материалов на персональную страницу в социальных сетях, находящуюся в открытом доступе, либо пересылка данных материалов в личных сообщениях. Увеличению количества контента, содержащего порнографический материал в открытом доступе в социальных сетях, способствует низкая правовая культура интернет-пользователей: незнание нормативных правовых актов, а также возрастного порога привлечения к ответственности за распространение порнографических материалов, что приводит в конечном итоге к попаданию интернет-пользователей в поле зрения оперативных сотрудников. Кроме того, в некоторых социальных сетях отсутствует строгий контроль над содержанием контента, что также способствует формированию в сознании пользователя понимания о «дозволенности» размещения любых материалов.

В Уголовном кодексе (далее — УК) Республики Беларусь от 9 июня 1999 года имелась ст. 343 «Распространение порнографических материалов или предметов», главными особенностями которой являлось отсутствие ответственности за распространение «детской порнографии» и совершение преступления посредством глобальной сети Интернет, а также административная ответственность за совершенное преступление (лишение свободы не предусматривалось). В качестве наказания были предусмотрены общественные либо исправительные работы, штраф, арест до 3 месяцев либо ограничение свободы [1, с. 182].

В 2008 году Законом Республики Беларусь № 451-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» введена ст. 343-1 УК Республики Беларусь, связанная с уголовной ответственностью за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего.

Статья 343 УК Республики Беларусь «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера» подразумевает:

«1. Изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение, рекламирование, трансляция или публичная демонстрация порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера — наказываются общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом.

2. Те же действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой или с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи, а равно распространение, рекламирование, трансляция или демонстрация заведомо несовершеннолетнему порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, — наказываются лишением свободы на срок от двух до четырех лет» [2, с. 211].

В редакции УК Республики Беларусь 2019 года ст. 343, а именно ч. 2, была смягчена. Была введена альтернатива лишению свободы в виде ограничения свободы на срок от 2 до 4 лет за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера.

Первым способом деяния, согласно ст. 343 УК Республики Беларусь, является распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера. Само понятие «распространение информации» содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Согласно данному Закону «распространение информации — действия, направленные на ознакомление с информацией неопределенного круга лиц» [3].

Следующим способом деяния является рекламирование. Определение термина «реклама» имеется в Законе Республики Беларусь от 10.05.2007 № 225-З «О рекламе» (ст. 2). Под «рекламой» подразумевается «информация об объекте рекламирования, распространяемая в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке» [4]. В большинстве случаев рекламирование порнографических материалов происходит именно посредством глобальной сети Интернет.

Определение термина «трансляция» содержится в модельном законе «О трансграничном спутниковом телевизионном и радиовещании и международном спутниковом информационном обмене», принятом в 1998 году в Санкт-Петербурге и утвержденном постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 11-11. В статье 2 этого закона указывается, что «трансляция — первоначальная передача сигнала (информации), осуществляемая наземным передатчиком через космический спутник любого вида в закодированной или в незакодированной форме, предназначенная для его приема потребителем» [5].

В настоящее время определение термина «публичная демонстрация» в белорусском законодательстве отсутствует. В Кодексе Республики Беларусь о культуре (ст. 200) имеется термин «показ»: «Показ фильма — демонстрация (публичное исполнение) фильма, которая осуществляется в кинозалах либо других специально оборудованных помещениях (местах), а также по телевидению, посредством глобальной компьютерной сети Интернет либо другими техническими средствами» [6].

Кроме того, в Законе Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (ст. 4) имеется определение термина «публичный показ». Под данным термином подразумевается «демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно или показ в виде фотографии, слайда, кино-, телекадра на экране либо с помощью другого технического устройства или любым иным способом (в отношении аудиовизуального произведения — показ отдельных кадров вне их последовательности) в местах, где присутствуют или могут

присутствовать лица, не принадлежащие к обычному кругу семьи или близким знакомым семьи лица, осуществляющего или организующего такой показ» [7].

Таким образом, размещение порнографических материалов на персональных страницах социальных сайтов глобальной сети Интернет в открытом доступе расценивается законом как действие, направленное на рекламирование, распространение и публичную демонстрацию порнографических материалов, и влечет за собой уголовную ответственность.

В соответствии со ст. 343 УК Республики Беларусь не имеет значения, самостоятельно ли изготовлены порнографические материалы лицом, разместившим их на своей персональной странице в социальной сети. Уголовная ответственность наступает в связи с тем, что данные материалы находятся в открытом доступе и любой пользователь социальной сети может с ними ознакомиться.

Необходимо отметить, что среди несовершеннолетних также отсутствует понимание того, что ответственность за совершение преступления наступает по достижении ими шестнадцатилетнего возраста.

Основными мерами по профилактике распространения порнографических материалов в социальных сетях глобальной сети Интернет видятся следующие:

- правовое просвещение граждан в учреждениях образования (в виде проведения информационных часов и др.);
- мониторинг родителями социальных сетей своих несовершеннолетних детей с соответствующим правовым просвещением;
- правовое информирование граждан посредством печатных изданий — брошюр, буклетов и т. д., и их размещение в общественных местах, организациях, учреждениях и т. д.;
- контроль над содержанием контента со стороны транслирующих организаций;
- общая профилактика, особенно в средствах массовой информации и в трудовых коллективах, по разъяснению уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 343 УК Республики Беларусь;
- введение предупреждающих баннеров при загрузке порнографических материалов через глобальную сеть Интернет.

1. Федоров Г. В., Боровик П. Л. Предпосылки зарождения, становления и развития правового регулирования проблемы противодействия детской порнографии // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. 2012. Сер. D. № 6. С. 178–185. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 5 янв. 2016 г. Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 320 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
5. О модельном законе «О трансграничном спутниковом телевизионном и радиовещании и международном спутниковом информационном обмене» (принято 15 июня 1998 г. в г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 11-11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 г., № 413-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
7. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ АСПЕКТЕ

УДК 94(476)(091)

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1870 г. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ МЕЩАН

М. М. Атрушкевич

доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: maratmih@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена изучению изменений в городском законодательстве на территории белорусских земель в составе Российской империи в 70-е гг. XIX в. и их влияния на правовую культуру мещан. В ней идет речь об особенностях реализации Городового положения 1870 г. на территории Беларуси в данный период. Автор статьи раскрывает основные положения данной городской реформы, действовавшей в белорусских городах во второй половине XIX в.*

***Ключевые слова:** белорусские земли, город, правовая культура, законодательство, право, городская дума, суд, управа благочиния, Российская империя.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of changes in the city's legislation on the territory of Belarus in the Russian Empire in the 70 of the XIX century. The work deals about the specific city regulations in 1870 on the territory of Belarus in this period. The author reveals the basic provisions of the urban reform, which operated in the Belarusian cities in the second half of the XIX century.*

***Keywords:** Belarusian land, city, legislation, law, City Council, court, city government, Russian empire.*

В 60–70-е гг. XIX в. в Российской империи императором Александром II были осуществлены реформы различных сфер общественной жизни. Произошла отмена крепостной зависимости крестьян. Были осуществлены судебная, земская и военная реформы. Все это подготовило почву для преобразований в сфере городского управления и самоуправления. В марте 1862 г. было принято «Высочайшее повеление о безотлагательном принятии мер по улучшению городского общественного управления» [1, с. 24]. Были созданы специальные ко-

миссии. Они приняли решение отказаться от сословного принципа в формировании органов городского управления и самоуправления в Российской империи. Далее комиссии договорились положить в основу принадлежности к городскому обществу только имущественный ценз и несение городских повинностей [2, с. 163, 167, 183].

В 1864 г. закончилось составление проекта новой городской реформы. Он прошел обсуждение в Государственном совете Российской империи. 16 июня 1870 г. Городовое положение было подписано царем Александром II [3, с. 821–839]. Однако далеко не на всей территории Российской империи данная городская реформа была введена сразу. Так, например, на территории белорусских губерний Городовое положение 1870 г. начало действовать только с 20 апреля 1875 г., то есть спустя пять лет [4, с. 481]. Это связано в первую очередь с событиями 1863–1864 гг. на территории Беларуси и Польши и свидетельствует о том, что царские власти опасались повторения волнений. В этой связи городская реформа 1870 г. была осуществлена в белорусских губерниях несколько позже, чем в губерниях центральной России. Таким образом, принятые нормативные правовые акты обязывали жителей белорусских городов во второй половине XIX в. жить на основе нового российского городского законодательства, что оказывало влияние в целом на формирование их правовой культуры.

Городовое положение 1870 г. внесло большие изменения в организацию органов городского самоуправления на территории Беларуси по сравнению с Жалованной грамотой городам Екатерины II 1785 г. Основные изменения заключались в том, что городская дума в целом стала бессословной, а компетенция ее была значительно расширена. В значительной мере увеличился контингент городских избирателей (мещан).

Право участия в городских выборах на территории Беларуси, помимо горожан (мещан), предоставлялось разным ведомствам, учреждениям, обществам, компаниям, товариществам, а также монастырям и церквям при условии, что они владели в городах недвижимым имуществом, с которого взимался в пользу города сбор, или уплачивались в пользу города установочные платежи с документов за право торговли и промыслов. Городовое положение 1870 г. также исключало в белорусских городах из числа избирателей (кроме лиц вообще неполноправных или устранимых от общественной деятельности в силу своего служебного положения) всех тех горожан, на которых числилась недоимка городских сборов и подвергшихся суду мещан или находящихся под следствием, а также лишенных государственной должности или церковного духовного сана [3, с. 825].

На территории Беларуси городским законом 1870 г. вводился новый для западных губерний бессословный орган городского самоуправления — город-

ская дума, которая, как и городская реформа в целом, начала действовать только в 1875 г. В Российской империи городские думы возникли сразу же с момента принятия Екатериной II Жалованной грамоты городам 1785 г., то есть в конце XVIII в. [5, с. 86]. Таким образом, как уже отмечалось ранее, при организации органов городского управления и самоуправления на территории белорусских губерний со стороны царского правительства действовала политика двойных стандартов. Некоторые органы, как например городские думы, не были сразу введены. Затем «подлило масла в огонь» польское восстание 1830–1831 гг., проходившее и на территории Беларуси. В период восстания декабристов и особенно после восстания 1830–1831 гг. политическая обстановка в Беларуси стала еще более напряженной. Основной задачей царизма было укрепление здесь своих политических позиций, окончательное искоренение национально-освободительного движения. Проводилась политика, направленная на разжигание национальных противоречий между поляками и белорусами. В сфере политической жизни был проведен целый ряд мер, направленных на замену польского влияния русским, а также в целом на русификацию Беларуси, особенно после восстания 1830–1831 гг. Белорусский язык был запрещен. Все делопроизводство в государственных органах, органах власти и управления, а также преподавание в учебных заведениях переводилось на русский язык. На протяжении всего XIX в. не существовало условий для успешного развития белорусской национальной культуры. В связи с введением в белорусских губерниях черты еврейской оседлости, а также насильственным переселением евреев из сельской местности в городах Беларуси большую половину населения составляли евреи, что не способствовало формированию белорусской нации.

Российский царизм опасался отсутствия лояльности среди представителей городских сословий (мещан) западных губерний к своему режиму, а также к мероприятиям, проводимым на территории Беларуси. Усугублял состояние и тот факт, что значительная доля жителей городов (мещан), а также представителей дворянства были католиками и смотрели больше в сторону Польши, а не России. Хотя, как известно, территория Речи Посполитой была разделена в 1772, 1793 и 1795 гг. между Россией, Австрией и Пруссией. Но в целом польское дворянство не оставляло идей возрождения польской национальной государственности на протяжении всего XIX в.

Таким образом, жителям городов на территории Беларуси необходимо было действовать на основе норм нового российского городского законодательства, что в свою очередь оказывало значительное влияние на формирование их правовой культуры в целом.

Крупным недостатком городской реформы 1870 г. было введение трехразрядной избирательной системы, заимствованной из опыта Прусской монар-

хии. Так, в соответствии с новым городским законом все лица, проживающие в городах и имеющие право на участие в выборах, вносились в списки в том порядке, в котором они следовали по сумме причитающихся с каждого сословия сборов в доход города. Далее они были разделены на три основных избирательных разряда: к первому причислялись крупнейшие владельцы имущества, которые выплачивали одну треть общей суммы налогов; ко второму разряду относились владельцы средних капиталов и имущества, которые также вносили одну треть общей суммы налогов; третий разряд составляли мелкие владельцы капитала. Каждый разряд составлял особое городское избирательное собрание под руководством городского головы и выбирал одну треть гласных в городскую думу [3, с. 826]. Так, например, в Петербурге по первому разряду насчитывалось 275 избирателей, по второму — 849, по третьему — 16 355. Каждый разряд избирал по 64 гласных и, таким образом, в первом разряде на одного гласного приходилось всего три избирателя, во втором — 10, а в третьем — 195, то есть, другими словами, голос избирателя первого разряда имел в 65 раз больше веса, чем голос избирателя третьего разряда [6, с. 53].

Отсутствие наличных денежных средств являлось наиболее слабым звеном в деятельности органов городского управления и самоуправления на территории Беларуси. В связи с этим они вынуждены были занимать деньги у других органов местного управления. Во многих городах Беларуси из-за нехватки денег на городские расходы существовали только ратуши с ограниченным числом чиновников, заменяя тем самым городские думы и магистраты и выполняя их функции. Собирая налоги, органы городского самоуправления на территории Беларуси не имели права распоряжаться ими и должны были все сдавать в казну.

Хозяйственная жизнь городов на территории Беларуси во второй половине XIX в. находилась в тяжелом состоянии. Доходы городов не покрывали всех лежащих на них расходов, и ежегодный дефицит денежных средств постоянно возрастал. Несмотря на то, что Городовое положение 1870 г. устанавливало определенный городской бюджет, состоящий из строгой регламентации доходов и расходов, за соблюдением которых постоянно следили вышестоящие органы (казенные палаты, губернаторы), расходы все равно преобладали и денег не хватало. В исследуемый период царскому правительству так и не удалось решить эту проблему.

Таким образом, мещанам белорусских городов необходимо было действовать на основе нового российского законодательства, что в свою очередь оказывало значительное влияние на формирование их правовой культуры в целом.

На территории Беларуси городская дума действовала в Вилейской, Витебской, Минской и Могилевской губерниях, но только с 1875 г. городская дума как выборный распорядительный орган городского самоуправления избирала из своего состава подотчетный ей исполнительный орган — городскую управу. На территории Беларуси городские управы избирались, в основном, только в губернских городах (Минске, Вильно, Гродно и др.). Председателем городской думы и управы был городской голова, избирающийся на думских собраниях (ранее на выборных сословных собраниях) и утверждавшийся министром внутренних дел в губернских городах, а во всех остальных — губернатором [7, с. 157].

На территории Беларуси городской закон 1870 г. Российской империи провозглашал самостоятельность в делах общественного управления [3, с. 825]. Правительственные установления, сословные учреждения на территории Беларуси были обязаны оказывать содействие в исполнении законных требований городского общественного управления, на котором лежала обязанность контроля в отношении вышеназванных установлений и учреждений.

Городская дума имела право рассматривать городские сметы и отчеты о расходовании города, рассматривать предложения о займах и иных обязательствах от имени города, принимать в пользу города пожертвования, ходатайствовать о нуждах города перед правительством. В ведении городской думы на территории Беларуси находились все основные отрасли городского хозяйства и благоустройства: мосты, переправы, каналы, мостовые, тротуары, водопровод, сточные трубы, уличное освежение, общественные сады и бульвары [8, с. 41].

В целом правовая культура — показатель уровня и особенностей правового развития общества и государства, зеркало его правосознания [9]. Правосознание представляет собой область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях. В том числе и в сфере городского законодательства.

В целом, по городской реформе 1870 г., в обязанности городской думы на территории Беларуси входили: «попечение об ограждении и развитии местной торговли и промышленности, об устройстве пристаней, бирж и кредитных учреждений (дела, касающиеся благосостояния городского населения; меры по обеспечению продовольствием, устройство рынков и базаров и др...)» [3, с. 832].

Таким образом, еще с 30-х гг. XIX в. особенно после восстания 1830–1831 гг., царизм стал осуществлять унификацию городской жизни на территории Беларуси согласно законодательству Российской империи, однако этот

процесс затянулся вплоть до середины XIX в., обусловив тем самым частичное сохранение местных норм и особенностей. Так, в 1831 г. в Витебской и Могилевской, а в 1840 г. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях было отменено действие Статута Великого княжества Литовского 1588 г. На территории Беларуси вводилось общероссийское законодательство. Все делопроизводство в органах городского самоуправления должно было вестись только на русском языке. На должности городских голов в белорусские города назначались только отставные русские офицеры. В 30-е гг. XIX в. в белорусских городах активно формировались городские думы, которых до этого времени было очень мало. Все эти мероприятия проходили в рамках расширения влияния российского законодательства на западные губернии.

Органы самоуправления, введенные Городовым положением 1870 г. в белорусских городах, практически с самого начала были подчинены жесткому контролю и административной опеке губернского правления, губернаторов и казенных палат. По мере усиления власти Российской империи на территории Беларуси этот контроль возрастал. Это происходило несмотря на то, что в Городовом положении 1870 г. в законодательном порядке были закреплены принципы всеобщности и самоуправления городской жизни. Органы самоуправления белорусских городов непосредственно подчинялись губернским магистратам и выполняли указы губернских правлений, казенных палат, генерал-губернаторов и губернаторов. Магистраты выполняли все требования городских голов, городских правлений, а также городских дум.

Таким образом, городские законодательные акты, действовавшие в Беларуси во второй половине XIX в., были далеко не однозначными и по своей сути. Так, в первые десятилетия XIX в. царизм организовал городское самоуправление в белорусских городах на их основе с учетом местного законодательства и норм обычного права. Однако в 30–60-е гг., особенно после восстаний 1830–1831 гг., 1863–1864 гг., началось введение общероссийских принципов городской жизни на территории Беларуси. Сначала, особенно в первой половине XIX в., законодательные акты в белорусских городах носили ярко выраженный запретительный и реакционный характер и были направлены на усиление налогового гнета на все слои городского населения (гильдейская реформа Е. Ф. Канкрин). Затем, в 50–60 гг. XIX в., произошел обратный процесс, связанный с некоторым улучшением имущественного положения горожан, выразившимся в отмене наиболее реакционных статей Гильдейского положения 1824 г.

Однако, несмотря на большую законодательную базу, регулировавшую жизнь белорусских городов во второй половине XIX в., городское хозяйство в них находилось в целом на низком уровне. Из этого можно сделать вывод о

том, что реально действующее Городовое положение 1870 г. не могло существенно исправить положение вещей. Все это происходило потому, что многие законодательные акты, благотворно влиявшие на городскую жизнь, так и остались «на бумаге». Выборные сословные органы городского самоуправления, учрежденные на основе Городового положения 1870 г., так и не стали самоуправляемыми в полном смысле этого слова, так как были полностью подчинены казенным палатам, губернскому правлению и губернаторам.

По своей сути органы городского самоуправления в Беларуси во второй половине XIX в. были далеко не свободными в своей деятельности и на самом деле не могли самостоятельно решать многих вопросов. Окончательное решение по делам, рассматриваемым органами городского самоуправления на территории Беларуси, полностью находилось в руках высших органов государственной власти Российской империи. В итоге, вся целенаправленная система сдерживающих и ограничительных мер царского правительства в сфере городского самоуправления принесла свои горькие плоды. Органы городского самоуправления являлись лишь дополнительным придатком царской администрации и не могли серьезно влиять на городскую жизнь на территории Беларуси во второй половине XIX в. В 1892 г. императором Александром III была проведена городская реформа (контрреформа) 1892 г., которая практически полностью отменила все прогрессивные преобразования, введенные Городовым положением 1870 г.

В целом городская реформа 1870 г., действовавшая на территории Беларуси, оказала существенное влияние на формирование правовой культуры мещан белорусских городов во второй половине XIX в.

1. Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. 115 с. [Вернуться к статье](#)
2. Дитятин И. И. Столетие Санкт-Петербургского городского общества. СПб. : Типография Шредера. 1885. 403 с. [Вернуться к статье](#)
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2: Т. 45. Отд. первое. 1870. № 48498. [Вернуться к статье](#)
4. Люты А. М. Гарадская рэформа 1870-х гадоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 2. Беліцк — Гімн / рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1994. 537 с. [Вернуться к статье](#)
5. Пичета В. И. Городская реформа 1870 г. // Три века. Т. 6. М., 1913. С. 68–74. [Вернуться к статье](#)
6. Семенов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901. 257 с. [Вернуться к статье](#)
7. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (Городовое Положение 16 июня 1870 г.). Т. 1. СПб., 1877. С. 483–484. [Вернуться к статье](#)
8. Калинин В. Д. Из истории городского самоуправления в России (XVII — начале XX вв). М. : РАН, 1994. 92 с. [Вернуться к статье](#)
9. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов [и др.]. М. : Инфра-М, 2001. 790 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.096

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК КРИТЕРИЙ ПРОГРЕССА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. Н. Вабищевич

юрисконсульт,

общество с ограниченной ответственностью «ФБК-Бел»

e-mail: vabishchevich_98@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы теоретического осмысления правовой культуры современного белорусского общества. Определяется значимость систематического повышения уровня правовой культуры.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правосознание, общество, право, законность, правопорядок, гражданское общество.*

***Annotation.** The present article discusses the issues of theoretical understanding of legal culture of modern Belarusian society. The significance of systematic increase in the level of legal culture is determined.*

***Keywords:** legal culture, legal consciousness, society, law, legality, rule of law, civil society.*

Одной из основополагающих задач Республики Беларусь является построение правового государства и гражданского общества. Понятие «правовая культура» применяется с целью оценки качества правовой жизни общества, его сравнения с правовой культурой иного исторического этапа государства, идеалами и ценностями [1, с. 11].

В настоящее время в Республике Беларусь важное практическое значение имеют вопросы теоретического осмысления правовой культуры общества, так как знание основ права, возможность в достаточной мере ориентироваться в правовом поле, знания и умения защищать свою гражданскую позицию необходимо каждому человеку XI века.

Республика Беларусь сталкивается с характерными изменениями в политической и экономической, социальной и духовной системах общества, что приводит к формированию новейших ценностей и ценностных ориентаций в правовом поле. Очевидно, что высокий уровень правовой культуры граждан, коллективов, классов, слоев и социальных групп в целом влияет на прогрессивное развитие общества.

Особенно актуальным является вопрос об укреплении правовой культуры каждого гражданина в государстве. Преодоление недостатков, переориентация ценностей в процессе формирования и развития правовой культуры приобретают особое значение в современном белорусском обществе [1, с. 12].

Следует сказать, что правовая культура является важнейшим элементом правовой системы общества, обязательным условием благоприятного взаимоотношения субъектов общественной жизни с правом.

Единого толкования правовой культуры, ее структуры, функций и содержания в теории государства и права не существует, так как это понятие является многогранным.

По мнению В. Н. Карташова, М. Г. Баумова, правовая культура — разновидность материально-духовной культуры, представляющей совокупность юридических ценностей, а также отражающей качественное состояние белорусской правовой системы, уровень правового развития личности, законность и правопорядок, прогрессивно влияющих на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных социальных групп, организаций и коллективов, всего населения в целом [2, с. 33].

С. И. Ожегов в словаре русского языка толкует культуру как достижение человечества в общественном и умственном, а также производственном отношении; высокий уровень чего-либо [3].

По мнению Р. А. Ромашова, Е. Г. Шукшина, правовая культура — характеристика уровня развития правовых явлений на отпределенном этапе развития общества или качественная характеристика восприятия права и правового поведения отдельной личности [4, с. 5].

Одним из вариантов толкования правовой культуры в информационно-семиотическом смысле является мнение Е. В. Клейменовой, К. А. Моралевой, что правовая культура представляет собой правовую информацию, которая имеет свойство накапливаться, сохраняться и передаваться в обществе посредством знаковых систем, создаваемых людьми [5, с. 50–56].

Правовую культуру, по мнению автора, можно охарактеризовать как прогрессивно-ценностную часть правовой системы современного гражданского общества Республики Беларусь. Ввиду чего правовая культура формирует социальные, культурные, политические и экономические основы правосознания гражданского общества, чья деятельность непосредственно проявляется и выражается в правовой деятельности государства: правотворческой, правоприменительной и правоохранительной.

Правовая культура отражает состояние правовой жизни общества во всех сферах жизнедеятельности, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, законодательных актах, правосознания в общем, в том числе в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека.

Каждый гражданин включен в систему норм и культурных традиций общества. Правовая культура гражданского общества связана с правом как с целостным социальным институтом, его становлением и функционированием, в том числе с развитием. Можно сказать, что как общество оказывает влияние на

правосознание отдельных граждан, так и граждане посредством правовых знаний и навыков формируют правовую культуру государства в целом [6, с. 89].

Исходя из вышесказанного, по мнению автора, следует выделить характерные черты правовой культуры:

- 1) является отражением конкретного этапа исторического развития государства, общества и права;
- 2) показывает уровень развития правосознания гражданского общества, отдельных социальных групп и общества в целом;
- 3) представляет совокупность накопленных ценностей в правовом поле общественных отношений;
- 4) включает такие понятия, как правосознание, право, законность, правопорядок, правовые отношения;
- 5) отражает особенности национальной государственности, правовой системы.

Согласно изучению научной литературы отечественных правоведов, таких как В. И. Каминская, А. П. Семитко, Н. Л. Гранат, А. Р. Ратинов, Н. М. Кейзеров, В. П. Сальников, В. Н. Синюков и др., принято выделять три вида (уровня) правовой культуры: обыденная, профессиональная, теоретическая.

Так, обыденный вид формируется в рамках повседневной жизни, характеризуется отсутствием системных правовых знаний, в том числе юридического опыта, имеет поверхностный характер. Такой уровень правовой культуры зачастую затрудняет осуществление прав и обязанностей и защиту законных интересов общества.

Профессиональный уровень подразумевает специалистов, непосредственно профессионально осуществляющих деятельность в правовом поле: юристы, адвокаты, судьи, сотрудники правоохранительных органов. Практические работники характеризуются высокой правовой культурой, так как это является основным видом их деятельности.

Теоретический или, можно сказать, научный уровень правовой культуры включает высокий уровень понимания правовых ценностей, механизмов и свойств права. Такой уровень культуры вырабатывается коллективными усилиями научных работников, что приводит к совершенствованию законодательства, развитию науки и подготовке юридических кадров.

Таким образом, по мнению автора, следует в наибольшей степени уделить внимание правовому воспитанию граждан обыденного уровня правовой культуры. Правовое воспитание — целенаправленная деятельность по передаче правовых ценностей, опыта и идеалов, механизмов разрешения конфликтов в

правовом поле. Правовое воспитание направлено на развитие правового сознания граждан и правовой культуры общества в целом.

Белорусскому законодателю следует приобщать граждан обыденного уровня правовой культуры посредством усиленных педагогических механизмов к знаниям о государстве и праве, правах и свободах личности, законности и правопорядке, что в целом будет способствовать устойчивой ориентации на законопослушное поведение.

Современными социально-активными гражданами являются студенты и учащиеся средних школ. В молодежной среде остается актуальной проблема слабой правовой грамотности общества: незнание основополагающих конституционных прав и неуважение законов приводит к неумению отстаивать свои интересы и иметь активную гражданскую позицию в обществе. Таким образом, такие обстоятельства приводят к негативным явлениям в правовой системе среди молодежи: недоверие к власти и социальная напряженность в обществе [7].

Так, правовая культура, по мнению автора, является прогрессивно ценностной частью правовой системы современного гражданского общества Республики Беларусь. Ввиду вышесказанного государственной задачей сегодня является повышение уровня правовой культуры, которая соответствует экономическим и социально-культурным реалиям Республики Беларусь.

1. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : Материалы круглого стола, 3–5 февраля 2005 г. Минск : МИТСО, 2005. С. 10–15.

[Вернуться к статье](#)

2. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции : монография ; Яросл. гос. ун-т. Ярославль : ЯрГУ, 2008. 200 с. [Вернуться к статье](#)

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. 944 с. [Вернуться к статье](#)

4. Ромашов Р. А., Шукшина Е. Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. М. : Юрист, 2006, № 2. С. 2–8. [Вернуться к статье](#)

5. Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 50–56. [Вернуться к статье](#)

6. Юридическая этика: учебно-методический комплекс / авт.-сост. О. К. Романенко, Т. Л. Янченко. Минск : Изд-во МИУ, 2009. 168 с. [Вернуться к статье](#)

7. Певцова Е. А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи. Ярославль ; М., 2012. С. 149. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.26

ДРЕВНЕЙШЕЕ ИЗГНАНИЕ КАК ПЕРВООБРАЗ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Т. И. Егорова

докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров,
кандидат юридических наук,
Академия ФСИИ России
E-mail: madamti62@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыты особенности изгнания как древнейшего вида наказания и его взаимосвязи с современным институтом лишения свободы. Отмечена карательная сущность рассматриваемого воздействия, связанного с ограничением общения осужденного с обществом.

Ключевые слова: изгнание, древнейшее наказание, лишение свободы, месть.

Annotation. The article reveals the features of exile as the oldest type of punishment and its relationship with the modern institution of deprivation of liberty. The author notes the punitive nature of the considered impact related to the restriction of the convicted person's communication with society.

Keywords: exile, ancient punishment, imprisonment, revenge.

Большинству правовых систем стран мира традиционно присуще наказание в виде лишения свободы. Оно является одной из наиболее строгих мер уголовно-правового воздействия, имеющей глубокие исторические корни, основанные на определенном предубеждении в устойчивости аддиктивного поведения лиц, совершивших преступление. В длительной изоляции возникают негативные состояния, препятствующие реабилитации и ресоциализации осужденных по отбытии определенного судом срока наказания. Именно разобщенность осужденных и общества, продолжение их конфронтации, возникшей в связи с совершением лицом преступления, создает предпосылки для еще большего отчуждения их друг от друга.

Очевидно, что принудительное объединение совершенно различных по социально-демографическим и уголовно-правовым признакам людей в одном изолированном пространстве создает достаточно сильное психологическое напряжение и конфликтную атмосферу, препятствуя таким образом осуществлению позитивного пенитенциарного процесса. В связи с этим Б. С. Утевский отмечал: «Колония, тюрьма — самое неблагоприятное место для воспитательной работы», поскольку принципы педагогики «трудно применять, одновременно и непрерывно карая» [1, с. 30].

Возможно высказать предположение, что подобное отчуждение обществом лиц, совершивших преступление, имеет некоторые объективные причины,

при наличии которых возникает необходимость изолировать от социального общения лиц, утративших доверие в связи с грубым нарушением норм поведения.

Древнее уголовное наказание, по единодушной оценке ученых, являлось одной из дрящущихся мер воздействия. Обращение, например, к изучению телесных наказаний дает основание полагать, что за совершение наиболее тяжких преступлений, связанных с нарушением родовой субординации, наказания были увечающие или позорящие.

Для древнейших законодательных сводов была характерна жестокость в выборе меры наказания, предписывающей «отрезать нос, уши, язык, нижнюю губу (за целование чужой жены)» [2, с. 159–160] и т. д.

Осужденные к подобным наказаниям перманентно находились в состоянии изгоев в связи с ограниченными физическими возможностями или правами участия в жизни социального образования.

Исходя из темы исследования, мы не будем останавливаться на значимости вопросов кровной мести для разработки учения о наказании. Очевидно, что данные явления основываются на уровне развития архаичного индивидуального логического мышления и общественного сознания, в условиях оторванности от познания истинности объективного бытия, в условиях мифологического мировоззрения [3, с. 138]. Указанные предпосылки позволяют рассматривать месть как «жестокую и беспощадную расправу, как правило, со смертельным исходом» [4, с. 37].

Непосредственно близким к лишению свободы видом древнейшего наказания являлось изгнание. Указанные виды принуждения обладают схожими пространственно-временными характеристиками, способными воздействовать на наиболее чувствительные интересы осужденного.

В условиях изгнания создавались сильнейшие нравственные страдания в связи с разрывом с семьей и страхом неопределенности физического выживания вне родового образования. Здесь отражена определенная изошренность мести древнего общества преступнику. Вместе с тем применение указанной меры предполагало наличие некоторой возможности сохранения личности в условиях изгнания, ее изменения (или исправления).

Отметим, что для древних цивилизаций изгнание приравнивалось к смертной казни. Примечательно, что, например, в уголовном законодательстве открытого в прошлом веке города Угарит, существовавшего около 2000 лет до н. э., «смертный приговор значится в городском архиве всего один раз, причем за государственную измену; в остальном максимальное наказание — изгнание» [5, с. 132].

Первым из известных человечеству видом наказания стало изгнание из рая. Совершив первый грех, человек был проклят и изгнан из рая: «И изгна его

Господь Богъ изъ рая сладости делати землю, от неяже взять бысть. И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости...» (Быт. 3:22–24).

Однако первообразом современного преступления является деяние, совершенное Каином. «После вторжения в мир человека зла речь идет и об опыте зла, об опыте преступления, чей негативный пример должен быть раз и навсегда впечатан в память последующих поколений» [6, с. 135]. Каин был изгнан Богом с лица земли: «стения и трясыйся будеси на земли» (Быт. 4:12) и на него была наложена печать (Быт. 4:15).

Очевидно, что данное скитальческое состояние, хотя и не было связано с нахождением в конкретном месте, лишало человека свободы, изолировало его на бессрочный период от общения с Богом или другими людьми.

Этот обычай, закрепленный в нормах права, существовал довольно долго, а впоследствии был вытеснен публичным правом и перерос в возмездие, кару от имени государства (общества).

Осуществляя историческую ретроспективу, отметим, что в системе восточнославянского судопроизводства также широко использовалось вневременное и внепространственное лишение свободы преступника. Виновного изгоняли из общины, создавая реальную опасность гибели при обитании вне племенного образования. Так называемый поток мог быть связан не только с перемещением на границу территории, но также с клеймением, заключением в оковы (цепи) или помещением в подземелье (погреб). Лишение свободы как мера принуждения, предусматривающая наказание в форме «потока», приобрела на Руси массовое распространение еще со времен Русской Правды, где она представляла собой особый способ принуждения не только к виновному в преступлении, но и к его близким.

Карательная составляющая наказания в данный период была основана на отвлеченных от личности моральных ценностях, связанных с интересами семьи, рода, племени. В этом смысле частное лицо, индивидуум, не имело никакого самостоятельного значения.

Таким образом, так же, как древнейшее изгнание, современное лишение свободы возникло в связи с желанием общества ограничить осужденного в общении с другими людьми. По сравнению с карательной эксклюзией осужденных, характерной для увечащих и позорящих наказаний, в пространственно-временном воздействии отчуждения обществом создавались условия для исправления осужденного. Современный гуманитарный взгляд на лишение свободы концентрирует внимание именно на успешной реабилитации осужденных в связи с отбытием назначенного судом наказания и дальнейшей эффективной ресоциализацией.

2. Кахилл Т. Дары евреев: Как племя, кочующее по пустыне, изменило образ мышления всего мира / пер. с англ. Т. Гутман. СПб., 2005. 268 с. [Вернуться к статье](#)
3. Корсаков К. В. Причины и условия возникновения институтов кровной мести и изгнания в социальной практике // Российский юридический журнал. 2005. № 4 (48). С. 137–142. [Вернуться к статье](#)
4. Рассказов Л. П, Упоров И. В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999. 490 с. [Вернуться к статье](#)
5. Москати, С. Цивилизации Древнего Востока / пер. с англ. Н. И. Лисовой. М., 2010. 316 с. [Вернуться к статье](#)
6. Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета) : учеб. пособие для студ. филолог. фак-тов вузов. Минск, 1998. 471 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.99:342.1

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ВЫСШИХ ОРГАНОВ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Е. Ф. Ивашкевич

заведующий кафедрой истории и теории права,
кандидат педагогических наук, доцент,
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова (Беларусь)
e-mail: elena.ivashkevich@bk.ru

***Аннотация.** Работа посвящена анализу основных положений конституционной регламентации статуса высших органов судейского сообщества в зарубежных странах, их роли как дополнительного гаранта реализации принципа независимости судов и внутреннего контроля против нарушений законодательства со стороны «служителей Фемиды». Значительное место в европейских конституциях уделено способам формирования, структуре и компетенции высших органов судебного сообщества, моральным и профессиональным требованиям, предъявляемым к членам данных органов. Источниковедческой базой данной статьи было конституционное законодательство ряда европейских стран, а именно Бельгии, Франции, Италии, Испании, Польши, Болгарии и других.*

***Ключевые слова:** судебная власть, высшие органы судейского сообщества, способы формирования и полномочия органов судейского сообщества.*

***Annotation.** The work is devoted to the analysis of the main provisions of the constitutional regulation of the status of the highest judicial bodies in foreign countries, their role as an additional guarantor of the implementation of the principle of independence of the courts and internal control against violations of law by «servants of Themis». A significant position in European constitutions is given to the method of formation, structure and competence of the highest bodies of the judicial community, moral and professional requirements for members of these bodies. The source study of this article was the constitutional legislation of several European countries, namely, Belgium, France, Italy, Spain, Poland, Bulgaria and others.*

***Keywords:** judicial authority, the highest bodies of the judicial community, methods of formation and powers of the judicial community.*

Значительное место в европейских конституциях уделено способам формирования, структуре и компетенции высших органов судейского сообщества, моральным и профессиональным требованиям, предъявляемым к членам данных органов. Судебная власть — это разновидность государственной власти, осуществляемой судами в рамках установленной законом процедуры по рассмотрению дел о конституционности нормативных актов, разрешению уголовных, гражданских, административных и иных споров [1, с. 457]. Основные принципы судоустройства и судопроизводства закреплены в международных актах. Так, в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека, закрепившей принципы

равенства перед законом, презумпцию невиновности, право на справедливое и гласное судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом, а также Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., гарантирующим осуществление этих прав, Генеральной Ассамблеи ООН приняты Основные принципы, по которым независимость суда гарантируется государством и закрепляется в конституции и законах. Документ, с одной стороны, ограждает судебные органы от несанкционированного вмешательства в процесс правосудия, с другой — требует от них обеспечения справедливого ведения судебного разбирательства и соблюдения прав сторон. В дополнение к общим принципам обеспечения независимости судебных органов документ содержит нормы, непосредственно относящиеся к статусу судей, что позволяет гарантировать независимость и беспристрастность судов не только со стороны третьих лиц, но и обеспечить принятие судьями законных и обоснованных решений по рассматриваемым делам (требуется определенная квалификация кандидатов на должность судьи, оговариваются условия службы, срок полномочий, охрана профессиональной тайны, иммунитет судьи, способы наказания, отстранение от должности и увольнение судей) [2].

Одной из основных тенденций развития судебной власти в европейских странах является создание системы специальных органов судейского сообщества, в компетенцию которых входят вопросы назначения на судейские должности, дисциплинарной ответственности, реорганизации судов, представительство и защита интересов сообщества и пр. В большинстве европейских конституций эти структуры закреплены как институты судейского самоуправления, не имеющие собственно судебных функций (Высший совет магистратуры во Франции, Италии, Португалии, Румынии, Молдове; Высший совет юстиции в Албании, Генеральный совет судебной власти в Испании; Высший судейский совет в Болгарии, Всепольский судейский совет в Польше; Государственное судебное вече в Хорватии), являющиеся одним из показателей демократизации общества и государства.

Примером конституционного оформления статуса органа судейского сообщества — Высшего совета правосудия — является Бельгия. В ст. 151 Конституции закреплены его полномочия: «Выдвижение кандидатов на судейские должности или чиновничьи должности прокуратуры; ... подготовка судей и чиновников прокуратуры; дача заключений и предложений, касающихся общего функционирования и организации судейского корпуса; общий надзор и содействие использованию средств внутреннего контроля; за исключением любых дисциплинарных и уголовных полномочий: получение и обеспечение движения жалоб, касающихся деятельности судейского корпуса, — проведение расследования деятельности судейского корпуса». Совет состоит из франкоязычной и

голландскоязычной коллегий, имеющих равное количество членов, включающих судей и служащих прокуратуры, избранных их коллегами, иных членов, назначаемых 2/3 голосов Сената. Члены Совета (всего 44) занимают пост 4 года с правом быть переизбранными или назначенными еще на один срок [3].

Во Франции Высший Совет магистратуры возглавляется Президентом республики, а Министр юстиции — вице-председатель Совета. Статус Совета сильно изменен в результате конституционного пересмотра 27.07.1993 г. и принятия Органического закона от 5.02.1994 г. Он включает две палаты: одна компетентна в отношении судей, вторая — в отношении прокуроров (ст. 65 Конституции). Первая палата включает (кроме Президента и Министра юстиции) 5 судей и прокурора, государственного советника, назначаемого Госсоветом, и трех лиц, не входящих в состав Парламента, в органы судебной власти и назначаемых соответственно Президентом республики, председателем Национального собрания и председателем Сената (ст. 65). Срок полномочий членов — 4 года без права повторного переизбрания. Основные задачи Совета — рекомендации при назначении судей Кассационного суда, назначении первого председателя Апелляционного суда и назначений председателей судов большой инстанции, наложение дисциплинарных взысканий, вспомогательная роль при Президенте как «гаранта независимости судебной власти» [4, ст. 64].

Для обеспечения автономии и независимости судебной власти создан и Высший совет магистратуры Италии (ст. 104, 105 Конституции), который стремится помешать административному влиянию правительства на самостоятельность как судебной власти в целом, так и каждого магистрата. С 2002 г. в него входят 16 магистратов (общее наименование для судей, прокуроров и следователей), 8 профессоров и адвокатов со стажем не менее 15 лет и 3 члена по должности (Президент Республики, первый председатель Верховного кассационного суда, Генеральный прокурор Верховного кассационного суда). Дисциплинарная ответственность магистратов за нарушение судебных обязанностей, подрывающее престиж суда в глазах граждан, существует, наряду с их уголовной и гражданской ответственностью за правонарушения при исполнении своих функций по Закону 1988 г., за ущерб, причиненный гражданину путем лишения его личной свободы вследствие отказа в правосудии, умышленных действий или грубой неосторожности. Потерпевший может получить возмещение от государства, которое вправе взыскать с виновного магистрата компенсацию ущерба, ограниченную 1/3 его годовой зарплаты (кроме случаев умышленной вины). Акты ВСМ принимают форму декретов Президента республики и подвергаются проверке административным судом области Лацио и Госсоветом как апелляционной инстанцией [5].

Согласно Конституции Польши 1997 г. новым конституционным институтом стал Всепольский судейский совет, состав и способ формирования которого определены в ст. 187 (Закон принят 27.07.2001). Он вносит Президенту предложения о кандидатурах судей, «стоит на страже независимости судов и судей» (ст.186 Конституции), имеет право обращения в Конституционный трибунал с запросом о проверке конституционности НПА, касающихся независимости судов; рассматривает вопросы об отставке судей, принципах их профессиональной этики и контроля за их соблюдением, критериях оценки кандидатов на судебные должности, о награждении судей, обучении кандидатов на должности, проведении экзаменов и др. [6].

Своеобразно определяет место и роль Генерального совета судебной власти Испанская Конституция, согласно ст. 122 которой он является руководящим органом судейско-прокурорского сообщества. Правовой статус органа закреплен также в Органическом законе о Генеральном совете судебной власти 1980 г. и Органическом законе о судебной власти 1985 г. Ежегодно он направляет Генеральным Кортесам и Правительству Испании доклады о состоянии и деятельности органов судебной власти в стране. К числу упомянутых ранее характерных функций и полномочий относятся инспектирование судов и трибуналов, осуществление полномочий в отношении Центра судебных исследований; разработка предварительного проекта собственного бюджета, принятие большинством 3/5 своего состава положений о собственном персонале, официальное опубликование собрания судебной практики Верховного трибунала и др.

Генеральный совет судебной власти Испании включает председателя Верховного трибунала и 20 членов, назначаемых Королем на 5 лет (12 — из числа судей и магистратов всех судебных категорий, 4 — по предложению Конгресса депутатов, 4 — по предложению Сената из профессиональных юристов со стажем более 15 лет). Королевский декрет о назначении контрассигнуется Министром юстиции. Следует отметить, что претендентами могут быть адвокаты и иные юристы, «чья компетентность общепризнана», проработавшие не менее 15 лет (п. 3 ст. 122) [7].

В Болгарии Высший судебный совет принимает решения о повышении или понижении в должности, перемещении и освобождении от должности судей, прокуроров и следователей. Согласно ст. 130 Конституции он состоит из 25 членов: председатели Верховного кассационного суда, Верховного административного суда и главный прокурор являются его членами по праву; 11 членов Высшего судебного совета избираются Народным собранием, 11 — органами судебной власти. Членами совета могут быть только юристы, обладающие высокими профессиональными и нравственными качествами, с юридическим

стажем не менее 15 лет. Срок нахождения на должности составляет 5 лет без права повторного переизбрания в последующие 2 срока [8].

В Словакии функции органа судейского сообщества осуществляются в соответствии со ст. 141а Судебным советом Словацкой Республики. К его компетенции относятся права: вносить предложения Президенту Словакии о назначении председателя Верховного Суда Словацкой Республики и его заместителя и об их отзыве, о кандидатах для назначения судьями, а также об отзыве судей, принимать решения об их назначении и перемещении; вносить предложения Правительству Словацкой Республики о кандидатах в судьи, которые могли бы представлять страну в международных судебных органах; избирать и отзывать членов и председателей дисциплинарных сенатов; высказываться по предложению о количестве судов республики при составлении проекта госбюджета. Для принятия постановления Судебного совета необходимо согласие более 1/2 всех членов. В состав данного органа входят 18 членов: 8 судей, избираемых и отзываемых судейским корпусом Словацкой Республики; 3 члена от Национального совета; 3 члена, назначаемых и отзываемых Главой государства; 3 члена, назначаемых Правительством Словацкой Республики. Членом Судебного совета может стать лицо, имеющее безупречную репутацию, высшее юридическое образование и стаж по специальности не менее 15 лет. Председателем данного органа является председатель Верховного Суда. Срок полномочий членов совета — 5 лет с правом переизбрания или назначения на должность вновь, но не более двух раз подряд [9, ст. 141а].

Республиканский судейский совет в Республике Македония (ст. 105 Конституции), помимо традиционных функций, наделяется также правом оценивать профессионализм и добросовестность судей в процессе осуществления их полномочий, предлагать двух кандидатов в Конституционный Суд страны [10]. Согласно Конституции Республики Кипр Верховный Суд страны является одновременно и Верховным судебным советом, в компетенцию которого входит назначение, повышение, перевод на другую должность, прекращение службы и увольнение судей, а также прочие дисциплинарные меры по отношению к ним (ст. 157).

Таким образом, в конституциях зарубежных стран последнего поколения особое внимание уделено высшим органам судейского самоуправления, которые являются дополнительным гарантом независимости судебной власти, а также средством внутреннего контроля, предотвращающим случаи нарушения законодательства страны служебными лицами указанной ветви власти. Данные органы обладают широким кругом полномочий в отношении судейского корпуса, участвуют в разработке законодательства по функционированию судебной власти.

1. Василевич Г. А., Кондратович Н. М., Приходько Л. А. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов. Минск : Кн. Дом, 2006. 480 с. [Вернуться к статье](#)
2. Основные принципы независимости судебных органов [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml. (дата обращения: 16.01.2020). [Вернуться к статье](#)
3. Конституция Бельгии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uristys.ru/Zakonodatelstvo/Konstitycia.htm> (дата обращения: 24.01.2020). [Вернуться к статье](#)
4. Конституция Французской Республики от 4.10.1958 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/france/france-r.htm (дата обращения: 05.01.2020). [Вернуться к статье](#)
5. Закон Италии о Высшем совете магистратуры [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=901&page=2> (дата доступа: 04.01.2020). [Вернуться к статье](#)
6. Конституция Польши от 02.04.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=112> (дата обращения: 10.01.2020). [Вернуться к статье](#)
7. Конституция Испании от 27.12.1978 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=149> (дата обращения: 11.01.2020). [Республики Беларусь](#)
8. Конституция Болгарии от 13.07.1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=120> (дата обращения: 14.01.2020). [Вернуться к статье](#)
9. Конституция Словакии от 01.09.1992 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=110> (дата обращения: 16.01.2020). [Вернуться к статье](#)
10. Конституция Северной Македонии [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=113> (дата обращения: 16.01.2020). [Вернуться к статье](#)

УДК 338.2(476)

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКРУПНЕНИЯ И НОВОГО АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ БССР

С. Б. Кавцевич

преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: kavtsevitch.serega@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы расширения территории БССР в рамках изменения исторических границ и созданию новых экономических регионов

Ключевые слова: БССР, территория, население, присоединение, административное деление, район, округ.

Annotation. The article deals with the issues of expanding the territory of the BSSR within the framework of changing historical borders and creating new economic regions

Keywords: BSSR, territory, population, accession, administrative division, district, district.

К началу 1921 г. территорию БССР составляли шесть уездов (Минский, Слуцкий, Борисовский, Игуменский, Бобруйский и Мозырский) бывшей Минской губернии. Западные районы страны, захваченные польскими войсками, по Рижскому мирному договору отошли к буржуазной Польше. Ряд уездов, где белорусы составляли большинство населения, входили в состав Витебской, Гомельской и Смоленской губерний РСФСР.

Задачи укрепления государственности, восстановления экономики и развития национальной культуры Беларуси в связи с переходом к мирной жизни обусловили необходимость присоединения к территории республики уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний РСФСР, тяготевших к ней как в силу их национальной общности, так и в связи с исторически сложившимися хозяйственными отношениями.

Объединение территорий с преобладанием белорусского населения отвечало не только требованиям национальной политики, но и задачам создания единого экономического района на западе страны. Установление территории государства в ее этнографических границах имело также большое политическое значение для населения Западной Беларуси, находившегося под польской оккупацией.

Летом 1921 г. обсуждался проект создания единого экономического района в составе Витебской, Гомельской, Смоленской, Брянской губерний и тогдашней территории ССРБ. Предполагалось, что центром нового района станет Смоленск. Правительство ССРБ внесло в Совет Труда и Оборона и Госплан РСФСР предложение о создании хозяйственного района за счет расширения

территории с центром в г. Минске. При этом предлагалось включить в состав республики Гомельскую, Витебскую (кроме некоторых волостей) и часть Смоленской губерний, населенных в основном белорусами и однородных с ССРБ в хозяйственном отношении.

VII съезд Компартии Белоруссии, проходивший 20–26 марта 1923 г., обратился к ЦК РКП(б) с просьбой рассмотреть вопрос о расширении территории республики [1, с. 93–96]. В мае 1923 г. ЦК РКП(б) принял постановление о присоединении смежных районов РСФСР с большинством белорусского населения.

3 декабря 1923 г. Президиум ВЦИК признал желательной передачу Белорусской республике части территории РСФСР с преобладающим белорусским населением и просил Президиум ЦИК СССР создать комиссию под председательством А. С. Енукидзе для детальной подготовки этого вопроса и определения границы между РСФСР и БССР. Представителями от РСФСР в комиссию рекомендовались А. П. Смирнов и Т. В. Сапронов. От Белорусской ССР в ее состав вошли В. А. Богущкий и М. И. Мороз. 7 декабря 1923 г. Президиум ЦИК СССР утвердил состав Комиссии и предложил ей в двухнедельный срок подготовить конкретные предложения по изменению границы между РСФСР и БССР [2, с. 16].

В результате присоединения к БССР новых уездов и ряда волостей ее территория увеличилась с 52,3 тыс. до 110,5 тыс. км кв., т. е. более чем в два раза, а население — с 1 544 670 до 4 171 900 человек [2, с. 17].

Необходимость дальнейшего совершенствования государственного управления потребовала коренной перестройки административно-территориального деления республики и разнородных по своей величине и характеру территориальных единиц. Волости, присоединенные к БССР без своих уездных центров, временно присоединялись к ближайшим белорусским. Весьма затруднительным было также руководство сельскими Советами.

Во второй половине ноября 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) признало необходимым проведение в Беларуси деления на округа и районы. Разработка проекта нового административно-территориального деления республики поручалась ЦИК БССР и СССР. 29 ноября 1923 г. это решение было одобрено Политбюро ЦК РКП(б). Проведение административно-территориального деления Беларуси позволяло, таким образом, накопить опыт соответствующих преобразований в масштабе целой союзной республики.

VI Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов, руководствуясь решениями XII съезда партии и указаниями Политбюро ЦК РКП(б), поручил ЦИК БССР разработать план нового административно-территориального деления республики и провести его к началу нового бюджетного года.

24 марта 1924 г. Совнарком БССР утвердил специальную комиссию по районированию при Госплане БССР, поручив ей разработку общих принципов нового административно-хозяйственного деления республики на округа и районы. На местах учреждались окружные и районные комиссии по административно-территориальному делению. Окружные комиссии разрабатывали проект районирования округа, а районные — проект определения территорий сельских Советов внутри административного района [3].

При составлении проекта нового административно-территориального деления Белорусской ССР учитывались хозяйственные особенности территорий административных районов, их экономическая мощь, количество, плотность и национальный состав населения, тяготение его к определенным политическим, хозяйственным и культурным центрам, направление и характер путей сообщения. Принималась в расчет и необходимость приближения государственного аппарата к массам, центральных государственных органов — к местным органам власти, возможность размещения государственных учреждений во вновь создаваемых административных центрах [4].

Важным принципом проводившегося в стране районирования являлся учет намечающихся перспектив специализации хозяйства районов. Соблюдение этого условия должно было обеспечить необходимые предпосылки для улучшения планового руководства народным хозяйством и быстрее развития экономики советских республик.

Однако в Беларуси, как отмечалось, осуществить этот принцип в полной мере не удалось. Дело в том, что промышленность в БССР развивалась слабо и во время войны была сильно разрушена. Сельское хозяйство носило преимущественно натурально-потребительский характер. Поэтому хозяйственная специализация районов в то время рельефно не выделялась. Тем не менее новое административно-территориальное деление страны проводилось с учетом уже имеющихся научных данных и в максимально возможной степени приближалось к задачам и методам экономического районирования.

В конце мая 1924 г. комиссия по районированию при Госплане БССР детально обсудила проекты организации округов и районов и признала целесообразным образовать в республике 10 округов и 100 районов. Подготовленный комиссией проект обсуждался на совещании представителей всех уездов и в президиуме Госплана БССР. В июне 1924 г. он был одобрен Совнаркомом и Президиумом ЦИК БССР.

Вторая сессия ЦИК БССР VI созыва, проходившая 10–17 июля 1924 г., законодательно закрепила новое административно-территориальное деление республики, упразднила уезды и волости и утвердила округа и районы. Были созданы Минский, Витебский, Бобруйский, Оршанский, Полоцкий, Могилев-

ский, Мозырский, Калининский (окружной центр Климовичи), Борисовский, Слуцкий округа, делившиеся на 100 районов. В решении сессии предусматривалось создание национальных сельских Советов [5].

К середине сентября 1924 г. новые административные единицы были сформированы, окружные и районные организации приступили к работе.

Выполняя постановление второй сессии ЦИК БССР VI созыва «Об административном делении БССР» от 17 июля 1924 г. и Президиума ЦИК «О проведении в жизнь нового административно-хозяйственного деления» от 8 августа 1924 г., Президиум ЦИК и Совнарком БССР 2 января 1925 г. утвердили деление БССР на округа, районы и сельсоветы. Этим постановлением запрещались изменения как в территориальном составе, так и в расположении центров новых административных единиц в течение 1924/25 бюджетного года. Однако окружным исполнительным комитетам предлагалось проверить правильность районирования республики, чтобы на основании выяснившихся потребностей к 1 октября 1925 г. можно было провести необходимые изменения в составе административных единиц. Народному комиссариату внутренних дел республики было поручено объединить всю дальнейшую работу по изучению районирования и предложения по результатам изучения представить Совнаркому БССР [6].

VII Всебелорусский съезд Советов (май 1925 г.) признал, что административно-хозяйственное районирование республики вполне себя оправдало. Вместе с тем на съезде отмечались такие недостатки, как большое удаление отдельных деревень от центров сельских Советов и чрезмерная укрупненность некоторых сельсоветов. Совнарком БССР утвердил предложения Народного комиссариата внутренних дел республики о частичных изменениях в административно-территориальном делении. В результате из округа в округ было передано 109, из сельсовета в сельсовет — 537 населенных пунктов. За счет укрупнения было упразднено семь и организовано 29 новых сельсоветов.

Новое административно-территориальное деление позволило создать стройную систему обслуживания населения, сократило административные расходы, ускорило восстановление экономики республики.

Округ представлял собой территорию, объединенную вокруг экономически развитого культурного центра. Территория округа составляла в среднем 11 300 км кв., а население — 420 тыс. человек. Это вдвое больше площади и населения бывшего уезда. Территория района составляла в среднем 1 130 км кв., а число жителей — 42 тыс., что в 2,5 раза больше площади и населения бывшей волости [2, с. 17].

1. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях Съездов и Пленумов ЦК : в 3 т. Т. 1. (1918–1928) / ред. Л. В. Аржаева [и др.]. Минск : Беларусь. 1973. 360 с. [Вернуться к статье](#)

2. Экономическая география СССР / М. В. Довнар-Запольский ; под ред. М. Б. Вольфа, Г. А. Мебиуса. М. : Ленинград, 1928. 109 с. [Вернуться к статье](#)
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. № 2–3. 7 февр. 1925 г. Ст. 12. С. 1. [Вернуться к статье](#)
4. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. № 2–3. 7 февр. 1925 г. Ст. 12. С. 2–30. [Вернуться к статье](#)
5. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. № 16. 12 апр. 1925 г. Ст. 22. С. 133. [Вернуться к статье](#)
6. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. № 44. 28 дек. 1925 г. Ст. 7. С. 358. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Л. В. Карнаушенко

начальник кафедры теории и истории права и государства,
доктор исторических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
e-mail: karnl@mail.ru

***Аннотация.** Процесс формирования правовой культуры имеет первостепенное значение для стабильного функционирования института государства. Именно поэтому процесс правовой социализации длится на протяжении всей жизни человека, представляя собой социальную коммуникацию между государственной властью и гражданами, содержанием которой выступает трансляция социокультурного содержания права.*

***Ключевые слова:** общество, государство, право, правовая культура, правовая социализация, социальная коммуникация, социокультурное содержание.*

***Annotation.** The process of forming a legal culture is of paramount importance for the stable functioning of the institution of the state. That is why the process of legal socialization lasts throughout a person's life, representing a social communication between the state power and citizens, the content of which is the translation of the socio-cultural content of law.*

***Keywords:** society, state, law, legal culture, legal socialization, social communication, socio-cultural content.*

Ключевая роль правовой культуры в социальной системе не вызывает сомнений. Именно правовая культура выполняет ряд важных функций, обеспечивая актуальность классического «общественного договора», согласно которому граждане сознательно делегируют властно-принудительные полномочия институту государства, добровольно подчиняясь требованиям норм права во имя достижения социального порядка, гармонии, стабильности. Однако достичь позитивного эффекта, связанного с добровольным подчинением нормам права, подавляющему большинству людей непросто — здесь критически важное значение имеет правовая социализация, позволяющая сформировать в сознании людей ряд культурно-правовых конструктов, одним из которых выступает именно правовая культура. Напротив, разрушение правовой культуры, ее дезорганизация как на индивидуальном, так и на групповом и массовом уровнях угрожает правовому порядку и в целом институту государства. В этой связи важное значение процесса формирования правовой культуры граждан не вызывает сомнений. Вместе с тем данный процесс серьезно отличается в зависимости от того или иного исторического, цивилизационного контекста, зависит от уровня развития социума, прежде всего, его духовной культуры.

В научной литературе представлены различные варианты трактовки понятия «правовая культура». Достаточно распространена точка зрения о том, что правовая культура является элементом системы культуры общества. В этой связи исследователи указывают, что «правовая культура является частью общечеловеческой культуры, создаваемой постепенным, преемственным общественным развитием, совокупной работой сменяющих друг друга поколений. Правовая культура функционирует в органическом взаимодействии с другими ее областями и сферами: экономической, политической, нравственной, религиозной и т. д., испытывая на себе их обратное воздействие, которое нередко является определяющим» [1, с. 203–217].

По мнению О. И. Анненко, «правовая культура — это сфера свободы, позволяющая человеку реализовать свои способности, интересы, потребности. Одновременно с этим правовая культура воспитывает дисциплину и ответственность, без которых свобода в обществе невозможна» [2, с. 3–4].

Л. А. Петручак и А. В. Корнев обращают внимание на то, что правовая культура связана с исторической и цивилизационной динамикой социума. Именно правовая культура «материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» [1, с. 203–217].

Как полагает Е. К. Кибизова, в отличие от других социокультурных элементов, правовая культура «немыслима без идейных основ, которые либо вырабатываются сознательно, в том числе посредством государства, либо формируются стихийно» [3, с. 83–88].

В широком спектре научного понимания правовой культуры целесообразно выделить два основных направления. Первый непосредственно связывает правовую культуру с социально-историческим и цивилизационным контекстом, и в этом ракурсе анализа правовая культура объективно обуславливается значительным числом факторов, одна часть из которых носит объективный, а другая — субъективный характер. Второй позиционирует правовую культуру в узком контексте, во взаимосвязи с институтом государства, его социально-правовой системой. При этом правовая культура предстает как один из действенных инструментов государства по продуцированию правомерного поведения и противодействию деликтам. Соответственно, в зависимости от того или иного подхода к пониманию сущности правовой культуры, изменяется и представление об особенностях ее формирования. Такое положение несколько затрудняет междисциплинарный анализ правовой культуры.

В частности, те исследователи, которые рассматривают правовую культуру в контексте соответствующей политики института государства, вполне зако-

номерно полагают, что ее генезис и развитие непосредственно связаны с государством. М. К. Дзаногова и М. М. Бетеева полагают, что «воспитание личности с высокой гражданской позицией, личности, которая будет уважать законы и активно участвовать в жизни страны — первоочередная задача государства» [4, с. 69–71]. При таком подходе ключевую роль играет именно характер «взаимосвязи между государством и человеком. В ходе реализации государственной политики необходимо максимально снять препятствия, сделать “прозрачным” диалог между государственной властью, ее структурами, должностными лицами, негосударственными органами и организациями с одной стороны и гражданином с другой» [4, с. 69–71].

Более широкое, социокультурное рассмотрение данной проблемы предполагает анализ воздействия, которое оказывают различные сферы и подсистемы общества на социализирующуюся личность, прежде всего, именно в правовом аспекте. Это более сложный и противоречивый путь, который, однако, представляется более перспективным на сегодняшний день. Например, если мы рассматриваем правовую культуру как элемент общей системы культуры общества, нам необходимо констатировать, что представления современных россиян о праве, их восприятие права детерминируются сложным комплексом факторов, связанных с различными сферами, подсистемами, институтами общества, которые могут быть непосредственно не связанными с политической сферой.

В частности, в современных российских условиях важное значение имеет духовная сфера (подсистема) общества, включающая ряд важных структурных элементов: религию, мораль, искусство, науку, образование и др. В своей совокупности данные элементы воздействуют на сознание социализирующейся личности, формируя ее систему социокультурных координат, где важное место занимают идеалы правомерного поведения. Однако взаимодействие элементов обыденного, религиозного, научного и другого сознания далеко не всегда оказывается способно сформировать логически стройную модель правовой культуры; напротив, зачастую государственное позиционирование правовой культуры и актуальные для граждан личностные правовые идеалы оказываются связаны с различными полюсами духовной сферы, имеют противоречивое содержание. В настоящее время ситуация осложняется воздействием массовой культуры, которая проникает во все сферы жизни общества и во многом оказывает влияние на структурные элементы духовной жизни. Особое беспокойство вызывает индустрия кинематографа (сериалы, художественные фильмы), сюжетные линии которого нередко связаны с антиправовыми ценностями, идеями, картинами мира. Так, многие голливудские фильмы, а также современные российские сериалы педалируют идею самосуда как некоего правового идеала и едва ли не единственного способа достижения поставленных целей. Именно

агрессия, культ силы, эгоизм как смысл произведений массовой культуры оказывают непосредственное влияние на восприятие людьми правовой реальности, их отношение к государству и праву. В сложившихся условиях воздействие системы культуры на личность носит противоречивый характер, в том числе и в аспекте формирования правовой культуры.

Исследователи также обращают внимание на ряд других особенностей российской правовой культуры. Беспокойство вызывает положение молодежи как наиболее уязвимого субъекта правовой социализации. В частности, распространена точка зрения о том, что «в современной России развился и закрепился мозаичный, несистемный тип культуры, составленной из разнородных, плохо согласующихся между собой, дисгармоничных фрагментов. Правовая культура молодежи отражает общий мозаичный характер культуры, включает в себя локальные фрагменты деформированного правосознания, неправовых ориентаций и мотиваций. Важной ее характеристикой является обесценивание правомерного поведения как универсальной модели, нарастание социальной резигнации по отношению к распространенному противоправному поведению» [2, с. 5].

Серьезную обеспокоенность исследователей в аспекте формирования правовой культуры россиян вызывает феномен правового нигилизма. Как отмечают В. С. Бялт и А. В. Демидов, «для российского общества все еще характерно наличие неких элементов правового нигилизма, который негативно сказывается на процессе формирования правовой культуры в стране. Правовая культура будет сформирована только в том случае, когда общество начнет использовать правила, способы, методы в своих целях, во блага общества и государства» [5, с. 19–26].

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что формирование правовой культуры жителей современной России представляет собой сложный процесс, на результат которого прямо или косвенно воздействуют различные факторы. Сказывается как объективная социально-культурная обстановка (криминогенная ситуация, социальные мифы, стереотипы, ценности, идеологии и т. п.), так и ряд факторов внешней и внутренней среды общественной жизни. Оценка процесса формирования правовой культуры россиян также детерминирована концептуальным пониманием места и роли института государства в данном процессе. При этом ни одна из точек зрения правоведов, философов, социологов, политологов, психологов не является исчерпывающей, оптимальной. С одной стороны, государство серьезно заинтересовано в формировании устойчивой правовой культуры граждан, особенно подрастающего поколения — без этого возрастают риски транзита покорений и, как следствие, под угрозой оказываются основные функции государства. С другой стороны, чрезмерное усиление государственной власти, его произвольное вмешательство в

социокультурную сферу (цензура в мягком или жестком виде), в том числе и в процесс генезиса правовой культуры, потенциально угрожает возрождением тоталитарного политического режима с его весьма специфическим подходом к позитивному праву. Аргументы сторонников и противников различных точек зрения о генезисе правовой культуры в настоящее время не выглядят исчерпывающими и подвергаются достаточно серьезной критике. Именно поэтому сейчас состояние правовой культуры россиян, а также процесс ее формирования у подрастающих поколений в ходе социализации выглядят неоднозначными, нуждаются в дополнительной научно-теоретической и эмпирической верификации. Положение осложняется устойчивой потребностью системы государственного управления в получении научно обоснованной информации, позволяющей осуществить стратегические и тактические действия как по формированию правовой культуры, так и противодействию нежелательным эффектам, угрожающим деформацией правовой культуры. Однако такая потребность на сегодняшний день не может быть удовлетворена наукой в полном объеме, так как это исключает сама суть гносеологического противоречия.

1. Петручак Л. А., Корнев А. В. Современный российский социум и формирование правовой культуры молодежи // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. Образование и педагогические науки. 2018. № 5. С. 203–217. [Вернуться к статье](#)
2. Анненко О. И. Правовая культура современной российской молодежи: философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007. [Вернуться к статье](#)
3. Кибизова Е. К. Проблема формирования правовой культуры молодежи // Инновационная наука. 2017. № 4. С. 83–88. [Вернуться к статье](#)
4. Дзаногова М. К., Бетева М. М. Правовая культура общества. Формирование и проблемы // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 36 (78). С. 69–71. [Вернуться к статье](#)
5. Бялт В. С., Демидов А. В. Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 19–26. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.314

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ЧАСТЬ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

А. Ф. Свиб

доцент кафедры юриспруденции,
кандидат юридических наук, доцент,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
e-mail: asvib@mail.ru

***Аннотация.** Правовая культура государственных служащих является одним из определяющих факторов правовой культуры любого общества и государства, в том числе белорусского. Правовая культура обеспечивает эффективность функционирования белорусского государства. Поэтому качество подготовки кадров государственных служащих постоянно требует совершенствования, поиска новых направлений деятельности.*

***Ключевые слова:** государственная служба, государственный служащий, совершенствование, эффективность, кадровая политика, идеология, профессионализм, совершенствование.*

***Annotation.** The legal culture of civil servants is one of the determining factors of the legal culture of any society and state, including the Belarusian one. The legal culture ensures the effectiveness of the functioning of the Belarusian state. Therefore, the quality of training of civil servants constantly requires improvement, search for new areas of activity.*

***Keywords:** civil service, civil servant, improvement, efficiency, personnel policy, ideology, professionalism, improvement.*

Историко-правовой аспект становления правовой культуры белорусского общества свидетельствует, что государственная служба всегда направлена на обеспечение эффективного функционирования государства, а уровень ее развития напрямую влияет на темпы и результаты преобразований во всех сферах государственной и общественной жизни, поэтому от ее качества и эффективности зависит положение дел в стране. Следует отметить, что совершенствование государственной службы не должно останавливаться на достигаемых результатах, поскольку это постоянный и обязательный процесс, который необходим для укрепления механизма реализации государственно-властных полномочий. При этом невозможно создание какого-либо одного действенного пути совершенствования, поскольку обществу свойственно постепенно меняться, следовательно, меняются привычные ценности и приоритеты, а также законодатель-

ство, что в конечном итоге приводит к необходимости поиска путей решения новых проблем и задач, возникающих при осуществлении государственной службы.

Эффективность государственной службы во многом зависит от ее качественного кадрового состава. Поэтому изначально необходимо осуществлять строгий отбор кандидатов на государственную службу при соблюдении установленных законодательством условий. Так, при отборе кандидатов следует руководствоваться принципом меритократии, согласно которому на должность должен быть назначен наиболее способный человек, независимо от его социального происхождения и имущественного положения. В данном случае целесообразно делать упор на личные и деловые качества потенциального служащего, которые могут быть выявлены в ходе индивидуального или группового собеседования. При этом следует особое внимание обратить на реальное уравнивание в праве доступа на государственную службу женщин и мужчин, т. к. нередки случаи предпочтительного отбора мужчин на государственные должности (особенно высшие).

Одним из требований для лиц, впервые поступающих на государственную службу, является сдача квалификационного экзамена, который проводится с целью установления соответствия уровня их профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной работы в государственных органах. Такой экзамен включает в себя проверку знаний Конституции Республики Беларусь, основ государственной службы в Республике Беларусь, государственной кадровой политики, идеологии белорусского государства, государственного регулирования экономики, делопроизводства. Важно отметить, что правом поступления на государственную службу обладает лицо, владеющее государственными языками Республики Беларусь. Однако на практике при поступлении на государственную службу владение белорусским и русским языками не всегда проверяется. Отсюда случаи невысокой филологической культуры и квалификации государственных служащих, с которыми, к сожалению, приходится иногда сталкиваться. К тому же профессионализм государственного служащего должен обеспечиваться наличием знаний в политической области и умений управленческого характера по специальности, поэтому целесообразно дополнить названный перечень вопросами по основам политики, науки управления и филологии. Особое внимание стоит уделить практическим заданиям. Для определения масштабности и направленности мышления следует добавить задания, не содержащие однозначного ответа. Все это позволит определить уровень профессиональных умений и навыков потенциального кандидата на должность государственного служащего.

Следует отметить, что при оценке качеств кандидата в настоящее время наиболее распространен метод анализа характеристик, предоставляемых из мест учебы или предыдущего места работы. Однако, как справедливо отмечает И. О. Чуприс, при их составлении отмечается формальный подход, который не отражает реальных сильных и слабых сторон характеризуемого лица, его личностных и профессиональных качеств [1]. Иногда имеют место случаи местничества, семейственности, протекционизма. Поэтому единый подход к содержанию характеристик лиц, поступающих на государственную службу и находящихся на ней, позволил бы сформировать их целостный образ как профессионала и личности, создать условия для реального сравнения и оптимального выбора наиболее достойного кандидата.

Повышение качества работы государственных служащих должно осуществляться не только путем закрепления в законодательстве ряда нововведений, связанных с приемом на государственную службу, но и путем поиска потенциальных кандидатов. Так, формирование качественного состава государственных служащих может осуществляться посредством определения лучших студентов учебных заведений среди юридических специальностей с последующим проведением профориентации по вопросам поступления на государственную службу. Приоритет необходимо отдавать наиболее успешным и заинтересованным в учебе студентам. Таким способом будут выявлены наиболее перспективные учащиеся в раннем возрасте, и в результате государственная служба будет обеспечена наиболее трудолюбивыми, активными и компетентными специалистами своего дела.

Немаловажным для государственного служащего является соответствие моральному облику. Однако в законодательстве Республики Беларусь единые этические требования к государственным служащим все еще не выработаны. В то же время возрастающая роль государственной службы в жизни белорусского общества требует повышенного внимания к этому вопросу. Данному вопросу уделили внимание зарубежные страны. Так, в Российской Федерации разработан и действует с 2010 года Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, который призван повысить эффективность выполнения государственными служащими возложенных на них должностных обязанностей. В данном кодексе изложены основные принципы и правила служебного поведения, которыми надлежит руководствоваться государственным и муниципальным служащим. Ввиду этого на территории Российской Федерации обеспечивается действие единой нравственно-нормативной основы поведения государственных и муниципальных служащих [2]. Таким образом, для устранения противоречий и обеспечения единства понимания соответствия морально-

нравственным нормам видится целесообразным на законодательном уровне путем принятия соответствующего нормативного правового акта закрепить основные этические требования, которыми должны руководствоваться государственные служащие Республики Беларусь. Это, в свою очередь, повысит не только профессиональную культуру государственных служащих, но и правовую культуру белорусского общества.

Совершенствование государственной службы напрямую зависит от стимулирования государственных служащих к качественному исполнению своих должностных обязанностей. Значительную роль в стимулировании более быстрого и эффективного исполнения возложенных обязанностей играет материальное обеспечение. В государственных органах размер вознаграждения всегда зависит от общей экономической ситуации в стране. Как правило, эти размеры являются фиксированными и редко подвергаются корректировке. Поэтому система мотивации может предполагать повышение оплаты труда государственных служащих в зависимости от результатов деятельности (например, по итогам выполнения годовых индивидуальных или стратегических планов). При таком нововведении результат деятельности государственных служащих должен определяться объемом и качеством выполняемых обязанностей, а система вознаграждения и стимулирования должна быть связана с этими конечными результатами. К тому же достойный уровень финансового довольствия позволит исключить коррупционную составляющую и на порядок снизит уровень должностных преступлений.

Значительно усовершенствует качество государственной службы постоянное профессиональное развитие. Обучение, проверка знаний и компетенции государственных служащих — все это залог успешной и качественной работы. Можно отметить, что в последнее время возросла актуальность социальной инженерии как нового вида мошенничества, заключающегося в незаконном получении необходимого доступа к информации, что основано на особенностях психологии людей [3]. Поэтому возникновение новых способов совершения преступлений подчеркивает необходимость постоянного получения новых знаний. Для информирования государственных служащих следует проводить различного рода семинары, конференции, тренинги, собрания, встречи с официальными представителями различных государственных органов и т. д. Разработка учебно-методических комплексов, издание научно-практических журналов, отражающих специфику деятельности соответствующего государственного органа, будет содействовать самообразованию государственных служащих, что в результате обеспечит занятие должностей высокопрофессиональными кадрами. Особая роль в данном случае отводится судебно-правоохранительным органам Республики Беларусь, которые должны помочь формированию высо-

кой правовой культуры государственных служащих, а также сами обязаны служить примером высокого профессионализма и высокой правовой культуры.

К одному из приоритетных направлений совершенствования государственной службы относится международное сотрудничество, которое играет большую роль в сфере получения новой и необходимой информации по наиболее важным и актуальным вопросам. При посещении мероприятий, проводимых на международном уровне, стоит уделять большое внимание разработке совместных проектов, заключению соглашений о сотрудничестве, качественному обмену опытом и имеющейся информацией, а также созданию совместных органов информирования и развития, в которые будут включены представители разных стран. Государственным служащим необходимо своевременно освещать полученную информацию не только на территории Республики Беларусь в целом, но и соответствующих административно-территориальных единиц. Представляется, что установление и поддержание устойчивых и продуктивных связей с международным сообществом обеспечит своевременное информирование о новых способах, методах и принципах деятельности государственных служащих, которые будут направлены непосредственно на совершенствование государственной службы в Республике Беларусь и повышение ее правовой культуры.

Таким образом, для совершенствования государственной службы и повышения уровня правовой культуры государственных служащих в Республике Беларусь видится необходимым в первую очередь уделить внимание следующим направлениям: повышение качества кадрового состава государственных служащих, обеспечение внутриорганизационного единства и осуществление постоянного международного сотрудничества. Необходимо еще больше повысить престиж и профессионализм, независимость суда как единственного гаранта презумпции добропорядочности лица.

Для реализации таких направлений необходимо: осуществлять качественный отбор кандидатов на должность государственного служащего из числа высококвалифицированных специалистов; расширить перечень вопросов, выносимых на квалификационный экзамен с приоритетом решения практических и филологических задач; формировать безупречный и компетентный кадровый состав, соответствующий моральному облику государственного служащего, поддерживающий престиж государственной службы и авторитет государственного управления; повышать качество подхода государственных служащих к исполнению возложенных на них обязанностей путем совершенствования мер материального и нематериального стимулирования; осуществлять непрерывное повышение квалификации кадров и их переподготовки; осуществлять непрерывный контроль за качеством и эффективностью выполняе-

мых государственными служащими обязанностей; организовывать посещение мероприятий по вопросам обмена информацией и опытом как с другими государственными служащими внутри страны, так и на международном уровне с последующим освещением полученной информации не только на территории Республики Беларусь в целом, но и соответствующих административно-территориальных единиц.

1. Чуприс И. О. Совершенствование правового регулирования комплектования государственной службы в Республике Беларусь как необходимое условие ее эффективности // Электронная библиотека БГУ. 2008. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/41578> (дата обращения: 01.12.2019). [Вернуться к статье](#)

2. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс] : одобр. решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции 23 дек. 2010 г. № 21 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Зинченко Г. П. Государственная служба и социальная инженерия [Электронный ресурс] // CyberLeninka — научная электронная библиотека. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-sluzhba-i-sotsialnaya-inzheneriya> (дата обращения: 07.12.2019). [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921–1939 гг.

Г. А. Скипакий

доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: skipsky.georgy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу правосознания населения Западной Беларуси и БССР в 1920-х — 1930-х гг. Автор подчеркивает, что значительная часть крестьян Западной Беларуси, несмотря на проведение польским правительством аграрных реформ, не стали полноправными гражданами и собственниками своей земли.

Ключевые слова: осадники, парцелляция, хутор, полонизация, крестьянская община.

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the legal consciousness of the population of Western Belarus and the BSSR in the 1920s – 1930s. The author emphasizes that a significant part of the peasants of Western Belarus, despite the implementation of agrarian reforms by the Polish government, did not become full citizens and owners of their land.

Keywords: sieges, parcellation, farm, polonization, peasant community.

Правовое сознание граждан современной Беларуси сформировалось под влиянием различных общественно-политических систем, сменявших друг друга в течение длительных этапов исторического развития. Следует отметить, что наиболее интенсивно изменения в правосознании населения Беларуси происходили в течение первой половины XX века. В этот исторический период Беларусь находилась в составе Российской империи (до 1917 г.), пережила драматические события Первой мировой войны, революции 1917 года, Гражданской войны и иностранной военной интервенции, разделение народа на польскую и советскую части в 1921–1939 гг. Затем происходила первая советизация Западной Беларуси в 1939–1940 гг., а после окончания Великой Отечественной войны ее окончательная интеграция в советскую правовую систему. Все это заметный след в правовом сознании граждан современной Беларуси.

Как известно, зарождение белорусской государственности было связано с провозглашением 1 января 1919 г. Белорусской Советской Социалистической Республики. Тогда, в Смоленске на Северо-Западной областной партийной конференции РКП(б) было сформировано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство в составе Д. Ф. Жилуновича (председатель), А. Ф. Мясникова, А. Г. Червякова, С. В. Иванова, М. И. Калмановича,

С. И. Берсона, В. И. Яркина и др. [1]. В феврале 1919 г. в результате наступления частей «Западной завесы» РККА после окончания Первой мировой войны на территории современной Беларуси была установлена Советская власть. Тогда, наступая вслед за эвакуированными немецкими войсками, оккупировавшими территории Беларуси в 1915–1918 гг., большевики стали устанавливать здесь Советскую власть при достаточно широкой поддержке белорусских крестьян, заинтересованных прежде всего в разделе захваченных ими фольварков местной польской шляхты. В данном случае правовое сознание и поведение большинства белорусских крестьян не отличалось от своих собратьев в России, в большинстве своем не воспринимавших в качестве самостоятельной ценности частной собственности на землю.

В то же время французский историк Н. Верт отмечал, что еще в начале XX в. принципы хуторского хозяйства, насаждаемые П. А. Столыпиным после Первой русской революции, получили в Западном крае (в т. ч. и белорусских губерниях Российской империи — авт.) значительно больше поддержки, чем в Центральной России. Если в нечерноземных губерниях российские крестьяне выходили из общины и создавали хуторской или отрубной тип хозяйства в 15 % случаев, то в Западном крае удельный вес хозяев хуторов доходил до 35 % (например, в Витебской губернии). В целом крестьянскую общину в белорусских губерниях тогда покинуло более 40 % селян, что в два раза было выше, чем в целом по европейской части России. Следует отметить, что П. А. Столыпин пытался ограничить и вольности польской шляхты, стремясь ввести в Западном крае земское самоуправление [2, с. 43].

Массовый переход к хуторскому типу хозяйства был обусловлен как лесисто-болотистым ландшафтом Беларуси, не способствовавшим распахиванию крупных участков, так и сохранением исторического наследия в форме традиционного шляхетского самоуправления, в основе которого лежали Литовские Статуты 1529, 1566, 1588 гг. и Конституция Речи Посполитой, принятая в 1791 г. [3].

Польская шляхта после отмены крепостного права в Российской империи была заинтересована в ослаблении крестьянской общины, и достаточно давно стала насаждать индивидуальное (парцеллярное) хозяйство у своих феодально-зависимых белорусских крестьян. Принципы феодального иммунитета, зафиксированные в Литовских Статутах, вплоть до 1840-х гг. ограничивали крепостное право и способствовали более раннему, чем в Центральной России, зарождению традиций местного крестьянского самоуправления. Данная социально-правовая основа была ослаблена в результате революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, а также польской военной интервенции против Белорусской Советской Социалистической Республики в 1919–1920 гг.

После окончания советско-польской войны и подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. территории, населенные белорусами были разделены на две части. Западная Беларусь включала в себя бывшую Гродненскую губернию, Новогрудский, часть Слуцкого, Мозырского и Минского поветов бывшей Минской губернии, Лидский, Ошмянский, Дисненский поветы бывшей Виленской губернии вошли в состав возрожденной Речи Посполитой [4]. Сами польские власти в официальных документах тогда называли Западную Беларусь как «восточные окраины» — «крэсы всходние».

Данный факт можно прокомментировать тем, что тогда белорусы (или беларусы, по своему самоназванию — авт.) в качестве самостоятельной общественно-политической силы в правосознании польской элиты тех лет не воспринимались и, соответственно, не могли являться субъектами права. Учитывая, что даже в начале 1930-х гг. до 85 % населения Западной Беларуси по-прежнему составляло малоземельное крестьянство [4], можно обосновать наш тезис о фактическом бесправии подавляющего большинства населения Западной Беларуси в 1920–1930-х гг., поскольку в рамках буржуазного права собственность является главным атрибутом правоспособности.

Восточная часть Белоруссии стала ядром вновь созданной в июле 1920 г. Белорусской Социалистической Советской республики (БССР), которая стала создаваться в результате территориально-административных размежеваний с РСФСР. Декретом ВЦИК СССР от 3 марта 1924 г. БССР переданы 8 уездов Витебской, 6 уездов Гомельской и 1 уезд Смоленской губерний, а 6 декабря 1926 г. — Гомельский и Речицкий уезды РСФСР, населенные преимущественно белорусами [1].

Установление власти партии большевиков не способствовало дальнейшему развитию хуторских хозяйств, поскольку они в 1920-х гг. подвергались повышенному налогообложению и оценивались как кулацкие, независимо от того, каков был реальный уровень доходов хуторян. В 1930-х гг. в БССР проходила массовая коллективизация, что привело к окончательной ликвидации хуторского типа хозяйства. Проводились кампании по так называемым стягиваниям хуторов [5]. В результате данных радикальных преобразований тенденция к установлению частной собственности в советской части Беларуси была пресечена. Это фактически привело к реставрации крестьянских общин, но под жестким административным контролем советского государства. Следует отметить, что, учитывая приграничный характер расположения БССР, на ее территории массово создавались колхозы из демобилизованных красноармейцев, к которым в обязательном порядке прикреплялись сотрудники НКВД [5].

Развитие социалистического права в 1920-х — 1930-х гг. в БССР значительно укрепило коллективистские установки у белорусских крестьян. В отли-

чие от населения «всходних крэсов», белорусы в БССР получили широкие возможности получать образование на родном языке и развивать национальную культуру, принимать участие в работе местных органов власти. В то же время возможности развития национальной культуры в Западной Беларуси были весьма ограничены. Это обстоятельство препятствовало развитию здесь буржуазного права и способствовало сохранению традиционного общинного правового сознания у значительной части безземельных белорусских крестьян.

Безусловно, в Западной Беларуси происходило развитие буржуазных отношений среди крестьян. В частности, уже в 1925 г. Сейм Польши принял Закон «О парцелляции и асадничестве» («осадничестве» — авт.). Формально данный нормативно-правой акт предоставлял крестьянам право на получение в личную собственность небольших земельных наделов — парцелл. Нельзя отрицать того факта, что данный закон предполагал «парцелляцию» крупных фольварков, ранее принадлежавших польской шляхте. Польские власти тогда организовали продажу государственных и частнособственнических земель через Земельный банк небольшими участками (парцелями).

Вместе с тем правительство Ю. Пилсудского стремилось активно заселять восточные воеводства Речи Посполитой (упомянутые нами ранее «крэсы всходние») польскими военными колонистами — осадниками. Большинство из них были отставными офицерами и унтер-офицерами, принимавших участие в советско-польской войне 1919–1920 гг. Польские осадники получали бесплатно, или за символическую цену земельные наделы размером от 15 до 45 га [4]. Они тогда должны были стать проводниками начавшейся политики полной колонизации населения Западной Беларуси.

Известно, что в течение 1921–1930 гг. примерно 5 тыс. польских осадников получили около 2/3 земли, проданной в Западной Беларуси в рамках политики государственной парцелляции. Вместе с тем владельцы фольварков, пользуясь имевшимися ранее традиционными иммунитетными правами, часто в целях спекуляции устанавливали чрезмерно высокие цены при продаже земли. В таких условиях фактически собственность на парцели могли получить только коммерсанты, польские чиновники и богатые крестьяне. В результате большинство крестьян Западной Беларуси тогда были вынуждены приобретать только небольшие наделы земли, причем часто попадали в тяжелую финансовую зависимость от кредиторов. Тем не менее к 1939 г. в Западной Беларуси на хуторской тип ведения хозяйства перешли до 40 % крестьян [4], что свидетельствовало о постепенном их вовлечении в товарно-денежные отношения и способствовало укреплению института частной собственности не только среди польских осадников, но и белорусских крестьян.

Еще одним новшеством в земельном праве в Западной Беларуси стала ликвидация сервитутов (пережитка общинного землевладения в содержании за счет всех крестьян выгонов и пастбищ для скота). В результате аграрной реформы, проводимой польскими властями, значительная часть крестьян лишилась возможности содержать крупный рогатый скот на личном подворье, что значительно обострило сохранявшийся в течение столетий социальный конфликт между польской шляхтой (к которой присоединились осадники) и белорусским крестьянством. Данное обстоятельство сдерживало распад крестьянской общины в Западной Беларуси, несмотря на все усилия польского правительства. А если учесть аграрный характер населения «крэсов восточных» — это обстоятельство усиливало безработицу у белорусов и не добавляло оптимизма на фоне ужесточения политики полонизации, особенно в течение 1930 гг., когда Польша, как и все европейские страны, оказалась в состоянии острого экономического кризиса. В этих условиях в Сейм Польши в марте 1933 г. принял закон, позволявший владельцам предприятий по своему усмотрению увеличивать продолжительность рабочего дня своих работников, предусматривающий уменьшение платы за сверхурочные работы, сокращение продолжительности отпуска с 8 до 4 дней и т. д. [4]. Обострение экономического кризиса стимулировало трудовую эмиграцию из Западной Беларуси. В страны Западной Европы и Америки в период с 1925 по 1938 г. выехали примерно 78 тыс. человек [6]. В то же время, по неполным данным НКВД БССР, с учетом лиц, прошедших официальную регистрацию и получивших советское гражданство, сюда в течение 1930-х гг. переместилось до 58 тыс. человек, а еще не поставлены были на учет примерно 150 тыс. человек так называемых перебежчиков из Польши [6]. Это было закономерной реакцией белорусов на ужесточение политики полонизации, когда в четырех восточных воеводствах Польши с 1934 г. стали массово закрываться белорусские школы, библиотеки, кружки, а правительство Польши объявило о том, что в Речи Посполитой больше нет национальных меньшинств [4].

Подводя итоги, можно утверждать, что результаты тайного всеобщего голосования на выборах в Народное собрание Западной Беларуси, проходившего 22 октября 1939 г., были изначально predetermined. За присоединение к БССР тогда выступило 90,7 % избирателей [4].

1. Белорусская Советская Социалистическая республика. [Электронный ресурс] : URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/107/109.htm> (дата обращения: 05.02.2020). [Вернуться к статье](#)

2. Верт Н. История советского государства. 1900–1991 : пер. с фр. М. : Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с. [Вернуться к статье](#)

3. Литовские статуты: даты и история изданий, регламент, хронология принятия статутов [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/442425/litovskie-statutyi-daty-i-istoriya>

[izdaniy-reglament-hronologiya-prinyatiya-statutov](#) (дата обращения: 04.02.2020). [Вернуться к статье](#)

4. Западная Беларусь в составе Польши 1921–1939 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_logika/011_lekcii_raznie_41/1920.htm (дата обращения: 03.02.2020). [Вернуться к статье](#)

5. Романова И. Зона Беларусь 1930-х годов с советской стороны границы. [Электронный ресурс]. URL: http://represii.net/ru/library/romanova_zona (дата обращения: 05.02.2020). [Вернуться к статье](#)

6. БССР vs Западная Белоруссия. Часть 1. Население [Электронный ресурс]. URL: <https://blender-chat.livejournal.com/26469.html> (дата обращения: 05.02.2020). [Вернуться к статье](#)

[Вернуться к началу издания](#)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	7
<i>Амельченя Ю. А.</i> Некоторые аспекты смарт-контракта в законодательстве Республики Беларусь.....	7
<i>Андрюенко И. С.</i> Исполнительное производство в гражданском процессе Украины: теоретический аспект.....	11
<i>Бакиновская О. А.</i> К вопросу о классификации договоров в сфере осуществления инвестиций.....	15
<i>Баранашник А. В.</i> О терминах и их определениях, используемых в законодательстве.....	21
<i>Бердинских С. В.</i> Проблемы классификации полномочий прокурора в судопроизводстве при защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.....	26
<i>Болокан И. В.</i> Право на охрану здоровья: гражданско-правовой аспект.....	30
<i>Вербицкая И. К.</i> Правовая природа процентов за пользование чужими денежными средствами как самостоятельная форма гражданско-правовой ответственности.....	35
<i>Веремеенко В. М.</i> О разграничении злоупотребления властью или служебными полномочиями от их превышения.....	41
<i>Верлос Н. В.</i> Заимствования в конституционном праве: от инноваций к деформациям.....	46
<i>Веселов Н. Ю.</i> Семантико-правовой анализ терминов «предупреждение», «профилактика», «превенция» в контексте исследования ювенальной юстиции.....	51
<i>Вишневская Т. И.</i> Социальные детерминанты геронтологической преступности.....	57
<i>Габрияничик А. Б.</i> К вопросу о понятии и признаках специальных знаний в гражданском и хозяйственном судопроизводстве.....	62
<i>Гапоненко Д. В.</i> Место кассационного производства в контексте унификации гражданского и хозяйственного судопроизводства.....	68
<i>Глинда А. И.</i> О структуре института юридической ответственности.....	72
<i>Григорьев А. В.</i> Актуальные проблемы учения о реализации норм права и его значение в деятельности правоохранительных органов.....	77
<i>Гуйда Е. П.</i> Некоторые аспекты совершенствования процессуального механизма подготовки проектов нормативных правовых актов.....	82
<i>Демидова И. А.</i> Правовая культура как информационно-семиотическая система.....	88
<i>Иванцова Ю. Г.</i> Техническое регулирование информационных отношений в Республике Беларусь.....	94

<i>Князев А. А.</i> Направления деятельности правоохранительных органов по профилактике правонарушений: национальный и зарубежный опыт.....	100
<i>Князева О. В.</i> Исполнение наказаний как форма реализации уголовно-правовых отношений	105
<i>Ковалева Н. П.</i> Развитие института пенсионного обеспечения медицинских работников.....	110
<i>Корень Т. А.</i> Особенности понятийного аппарата законодательства о банкротстве	114
<i>Круглов В. А., Татарян В. Г.</i> О кодификации законодательства об административных правонарушениях в содружестве независимых государств	118
<i>Кулик Л. Н.</i> Личность преступника как базовая модель криминологии	126
<i>Курило Л. В.</i> Понятие и правовая природа ответственности за нарушение законодательства об охране труда.....	130
<i>Лосев С. С.</i> Институт исключительных прав в гражданском праве беларуси: концептуальные направления развития	135
<i>Ляшко А. А.</i> Теоретико-методологические основы совершенствования института патронажа	141
<i>Машаров Р. Н.</i> Объект гражданско-правовых отношений в системе жилищных сбережений.....	146
<i>Мельковский А. В.</i> Понятие процесса обеспечения внутренней безопасности в системе правоохранительных органов	151
<i>Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н.</i> Правовая культура и правовой менталитет: вопросы соотношения	156
<i>Муравьев И. В.</i> Концептуальные основания противодействия терроризму	161
<i>Павлова Л. В.</i> Техноэтика и этико-правовые вопросы современного научно-технического развития	166
<i>Панченя Д. Н.</i> Проблемные вопросы использования понятийного аппарата микрообъектов в криминалистике.....	172
<i>Савина И. В.</i> К вопросу о взаимодействии отраслей права при регламентации отношений с участием несовершеннолетних	176
<i>Самойленко Г. В.</i> Осуществление права на свободу передвижения в современных цивилизационных условиях	180
<i>Свиридов Д. А.</i> Тенденции развития киберпреступности в экономической сфере на современном этапе	186
<i>Синкевич К. В.</i> К вопросу об определении регулятора договора международной купли-продажи товаров, избранного в силу принципа «автономии воли».....	190
<i>Скляр В. К.</i> Юридическая сущность оперативно-розыскного наблюдения	197

<i>Стабровский Е. И.</i> Функции правового сознания личности в контексте ценностно-антропологического подхода	201
<i>Толочко О. Н.</i> Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, как достижение правовой культуры человечества.....	206
<i>Фадеев В. Н.</i> Метафизический взгляд на развитие юридической науки и образования.....	210
<i>Халецкая Т. М.</i> О функциях семейного права	217
<i>Харьковский Д. В.</i> Основные факторы формирования антикоррупционного сознания личности	223
<i>Цой Л. Н.</i> Конфликтологический контекст: право на развитие — право на конфликт.....	228

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ..... 234

<i>Вершок И. Л.</i> Об особенностях когнитивных процессов при правовом воздействии	234
<i>Капіца П. А.</i> Значэнне крыміналістычнай методыкі расследавання раскраданняў у сферы інфарматызацыі ў кантэксце функцый крыміналістыкі.....	239
<i>Куницкая О. М.</i> Перспективы правового регулирования использования краудтехнологий при осуществлении инвестиций.....	243
<i>Маковоз О. С.</i> Обеспечение экономической безопасности в сфере электронной коммерции	248
<i>Малолеткина Н. С.</i> Особенности административно-правовых методов государственного управления Российской Федерации.....	251
<i>Трушко М. А.</i> Закон Республики Беларусь «О фирменных наименованиях»: за и против	254
<i>Юсупов В. В., Кофанов А. В.</i> Развитие специальных знаний сведущих лиц как выражение качества и эффективности экспертных исследований.....	258

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ 263

<i>Антонова О. А.</i> К вопросу порядка реализации права на обращение граждан и юридических лиц в государственные органы.....	263
<i>Березюк Л. А., Левончук А. О.</i> Актуальные вопросы взяточничества в Республике Беларусь	268
<i>Биленко П. С.</i> Субъекты противодействия домашнему насилию	273
<i>Бойко А. П.</i> Сравнительный анализ особенностей досудебного расследования относительно народного депутата в Украине и других странах.....	278

<i>Бородич А. И.</i> Актуальные аспекты реализации правовых норм в международном переговорном процессе.....	283
<i>Борченко В. А.</i> Нормы международного права в сфере обеспечения юридической помощью осужденных.....	288
<i>Борщевская А. Э.</i> Совершенствование процессуального законодательства как залог обеспечения прав участников процесса.....	292
<i>Боярина А. А.</i> О сроке проведения судебной экспертизы: сегодня и завтра.....	298
<i>Воронецкая И. В.</i> Защита прав землепользователей в городах Республики Беларусь при реализации правовых норм в области государственной регистрации недвижимого имущества.....	302
<i>Воспякова О. Ф.</i> Физическое и психического принуждение: уголовно-правовая оценка.....	308
<i>Вульвач Р. С.</i> Уголовная ответственность юридических лиц как метод борьбы с коррупцией.....	312
<i>Габа А. И.</i> Особенности подготовки следователями судебно-психиатрических экспертиз по уголовным делам.....	317
<i>Гаркуша А. Г.</i> Процессуальные особенности специального досудебного расследования: теоретически-прикладные аспекты.....	323
<i>Головко И. И.</i> Защита прокурором прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности мерами судебного понуждения.....	327
<i>Гришкевич О. В.</i> К вопросу об исполнении международных договоров.....	333
<i>Гуминский М. Н.</i> Теоретико-правовые проблемы административной ответственности за совершение правонарушений в сфере оборота наркотиков.....	338
<i>Данькова И. В.</i> Некоторые аспекты учета умственных и психологических особенностей несовершеннолетних в процессе привлечения их к юридической ответственности.....	343
<i>Жбанчик А. В.</i> Виды физического воздействия полицейского согласно законодательству Украины.....	348
<i>Зиньков Е. Н.</i> Конституционное право на жилище: особенности реализации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.....	353
<i>Иванчикова Л. Д.</i> Проблемные аспекты освобождения несовершеннолетних от административной ответственности при малозначительности правонарушения.....	358
<i>Игнатенко А. Ю., Становая О. В.</i> Институт банкротства физического лица: мировой опыт и практика применения.....	363
<i>Казак Б. Б., Третьякова Я. А.</i> К вопросу об организации информационно-аналитической работы в уголовно-исполнительных инспекциях.....	369

<i>Каралёк В. И., Скоробогатый А. В.</i> Тенденции развития и проблемные аспекты законодательства об оперативно-розыскной деятельности	373
<i>Климова Е. И.</i> Планирование расследования уголовных дел о хищениях	378
<i>Колотилкин Ю. А.</i> Роль товарищеских судов и советов общественных пунктов охраны правопорядка в профилактике правонарушений, совершаемых в сфере семейно- бытовых отношений: сравнительно-правовой аспект	384
<i>Лазутина Л. Ф.</i> Особенности прокурорского надзора на досудебных стадиях	387
<i>Леонов А. И.</i> Некоторые вопросы о роли адвоката по оказанию юридической помощи осужденным	393
<i>Литвинов В. В.</i> Применение принудительных мер воспитательного характера как альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта	397
<i>Лифанова Л. Г.</i> Реализация прав участников доследственного производства: нормативное регулирование и правоприменительная практика	401
<i>Мазинский И. Ю., Савчук О. В.</i> Совершенствование законодательной регламентации оперативно-розыскного мероприятия «оперативный осмотр»	407
<i>Мельник Л. Л.</i> Особенности проведения обыска при расследовании преступлений против информационной безопасности	412
<i>Михайлов Д. И.</i> Правовые последствия оформления вещных прав ненадлежащим лицом	418
<i>Михеенко П. А.</i> Антикоррупционная политика в Республике Беларусь	425
<i>Михновец Ю. И.</i> Уголовно-правовая охрана отношений усыновления (удочерения) в Республике Беларусь	429
<i>Мурашкина А. Н.</i> Проблема применения задатка как способа обеспечения обязательств в предварительном договоре	435
<i>Нагорная Н. А.</i> Право на долю в уставном фонде хозяйственного общества как объект инвестиционной деятельности в контексте реализации права общей собственности инвестора на примере германской доктрины	439
<i>Никитин Е. Л.</i> Законодательное регулирование как основа обеспечения прав человека в оперативно-розыскной деятельности	444
<i>Отаров А. А.</i> Правовые и прикладные проблемы цифровизации допроса в уголовном судопроизводстве	449
<i>Полякова Л. Г.</i> Особенности правового статуса банков в налоговых правоотношениях	453

<i>Приходько С. В.</i> Практика применения законодательства в области налоговых правоотношений.....	458
<i>Пушко Н. В.</i> Особенности оплаты труда временных (антикризисных) управляющих.....	463
<i>Рыжкевич М. В.</i> Информационно-правовые споры, особенности их рассмотрения в судах и несудебными органами.....	468
<i>Рясов А. А.</i> К вопросу об использовании специальных познаний при производстве следственного осмотра.....	475
<i>Семинская А. П.</i> Вовлечение несовершеннолетнего в курение как элемент объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 173 уголовного кодекса Республики Беларусь.....	480
<i>Сидорова Н. В.</i> Противодействие преступности на евразийском пространстве с учетом международного опыта.....	484
<i>Скобелев В. П.</i> О некоторых вопросах подведомственности и подсудности дел, возникающих из налоговых правоотношений.....	488
<i>Смирнова И. Н., Буданова Л. Ю.</i> Актуальные вопросы деятельности исправительных центров в России.....	494
<i>Соколов А. А.</i> Иные основания освобождения от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.....	500
<i>Становая О. В.</i> Зарубежный опыт реализации правового регулирования концессионного механизма государственно-частного партнерства и возможности его использования в Республике Беларусь.....	505
<i>Ткачева Д. В.</i> Ответственность за незаконное пересечение государственной границы Республики Беларусь» (статья 23.29 КОАП Республики Беларусь).....	512
<i>Трипузова А. А.</i> Некоторые аспекты реализации конституционно-правовых норм в сфере противодействия монополистической деятельности в Беларуси.....	516
<i>Федченко В. М.</i> Отдельные вопросы временного ограничения лица в пользовании специальным правом.....	522
<i>Фурса В. В.</i> Проблемы урегулирования добровольных половых отношений между несовершеннолетними уголовным законодательством Украины.....	526
<i>Шелегова Н. А., Смирнов П. П.</i> Проблемы правового обеспечения антикоррупционной работы органов внутренних дел.....	530
<i>Шелков О. В.</i> Договор аутстаффинга и его применение в Республике Беларусь.....	535
<i>Шилко Ж. А.</i> Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела органом дознания и передачи его по подследственности, компетенции.....	540
<i>Шнейдерова Д. И., Захаров Д. С.</i> Фишинг-атака как метод несанкционированного доступа к конфиденциальным данным.....	546

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	552
<i>Андрианова А. С.</i> Особенности использования метода проектов в процессе развития академической компетентности курсантов.....	552
<i>Андросова В. В.</i> Психологическая готовность в структуре личности	557
<i>Апенюк А. Г.</i> Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников: теоретический аспект	562
<i>Валеев Р. Г.</i> Методика ролевой игры: опыт разработки и использования в высшем юридическом образовании	568
<i>Вонсович Л. В.</i> Роль высшей школы в процессе нравственно-правового и гражданско-правового воспитания студенческой молодежи.....	574
<i>Дыжова А. А.</i> Гендерные особенности проявления деструктивной девиации в молодежной среде	579
<i>Kozhambekov D. R.</i> Influence of religious and secular education in the formation of the Republic of Kazakhstan as a secular state in the 19 th century	585
<i>Коломоец Т. А., Ковбас И. В.</i> Государственное награждение как эффективный инструмент правового воспитания (опыт Украины).....	591
<i>Кравец В. В.</i> Сущность профессионально-этической культуры работников сферы медицинского обслуживания населения	595
<i>Кулагина М. В.</i> О проблемах критериев научности и оригинальности диссертационных исследований и иных научных работ	599
<i>Лямин Д. П.</i> Некоторые аспекты правового воспитания молодежи с использованием современных интернет-ресурсов.....	605
<i>Михайлова Ю. А.</i> К вопросу о формировании правовой культуры у курсантов ведомственных образовательных организаций высшего образования	610
<i>Морозова Т. А.</i> Правовое воспитание и правовое образование в формировании правовой культуры личности и общества	615
<i>Pavlova N. V.</i> Development of professional motivation of a lawyer through the study of foreign languages	620
<i>Пацкевич А. П.</i> Преподавание криминалистики: проблемы, тенденции и перспективы.....	623
<i>Рябцева Л. А.</i> Акмеологический компонент в составе профессионально- коммуникативной компетентности курсантов — будущих сотрудников органов внутренних дел.....	628
<i>Трифонова И. К.</i> Правовые и организационные аспекты подготовки кандидатов в судьи	633
<i>Хуторова М. Н.</i> Информационная подготовка курсантов учреждений образования МВД Республики Беларусь	640

<i>Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Лясковец А. В.</i> Игровая форма познания правовых явлений в обучении студентов-юристов	645
<i>Швед Н. А.</i> Антикоррупционное образование в механизме формирования правовой культуры	650
<i>Шемет В. С.</i> Идеологические аспекты права доступа в интернет: международное измерение	655
<i>Шинкевич В. Е.</i> Правосознание как отражение социального здоровья общества	660
<i>Ядренцев В. Ф.</i> Формирование правовой культуры будущего юриста при проведении занятий в активной и интерактивной форме	666
<i>Яроцкая Ю. А.</i> Профилактика правонарушений, связанных с распространением порнографических материалов в сети Интернет	671

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

<i>Атрушкевич М. М.</i> Отличительные черты реализации городской реформы российской империи 1870 г. на территории Беларуси и ее влияние на правовую культуру мещан	676
<i>Вабищевич А. Н.</i> Правовая культура как критерий прогресса гражданского общества	683
<i>Егорова Т. И.</i> Древнейшее изгнание как первообраз уголовного наказания в виде лишения свободы	687
<i>Ивашкевич Е. Ф.</i> Конституционный статус высших органов судейского сообщества в странах Европы	691
<i>Кавцевич С. Б.</i> Правовые особенности укрупнения и нового административно-территориального деления БССР	697
<i>Карнаушенко Л. В.</i> Особенности формирования правовой культуры современных россиян	702
<i>Свиб А. Ф.</i> Правовая культура государственной службы Республики Беларусь как часть правовой культуры белорусского общества: основные направления совершенствования	707
<i>Скипский Г. А.</i> Исторические особенности формирования правосознания населения Западной Беларуси в 1921–1939 гг.	713

_Тос40107258

[Вернуться к началу издания](#)